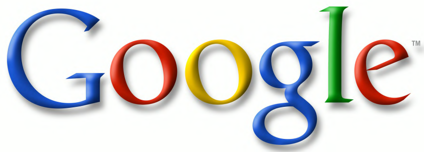


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Kisov, S.I.

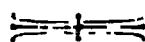
..ЗЪ БОЕВОЙ И ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ

1877—1878 г. г.

..споминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова.

Перевелъ со второго исправленнаго и дополненнаго болгарскаго изданія

М. Горюнинъ.



Съ 3 планами сраженій и 47 рисунками и портретами

Императора Александра II-го,
Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго,
М. Д. Скобелева, І. В. Гурко
и другихъ героевъ освободительной войны.

СОФІЯ.
Придворная печатня братьевъ Прошекъ.
1903.

Царь-Освободитель, Императоръ Александръ II.

Отъ переводчика.

Предлагаемая русскимъ читателямъ книга полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова выдержала въ Болгаріи, въ короткій промежутокъ времени, два изданія, благодаря, съ одной стороны, громадному интерессу, каковой представляютъ безсмертные подвиги русскихъ войскъ и входившихъ въ составъ послѣднихъ болгарскихъ дружинъ, съ другой — рѣдкой искренности и объективности изложенія.

Авторъ простой разговорной рѣчью описываетъ факты изъ совмѣстной военной жизни русскихъ и болгаръ такими, какими они въ немъ запечетлѣвались, безъ прикрасъ и обобщеній, и потому въ иныхъ мѣстахъ его разсказы производятъ впечатлѣніе нѣкоторой шероховатости и суровости — эту-то неподкрашенность въ передачѣ я и считаю полезной и поучительной: слабости и недостатки во взаимныхъ отношеніяхъ сошедшихся впервые на полѣ общей работы болгаръ и русскихъ, вполнѣ естественные, ввиду недостаточнаго взаимнаго пониманія другъ друга, недостаточнаго взаимнаго знанія народнаго быта и характера, намъ обоюдно полезно знать въ цѣляхъ вящаго сближенія обоихъ братскихъ народовъ.

Будущее, и можетъ быть близкое, вѣроятно в
сведетъ на полѣ брани нынѣ уже двѣ братскихъ ар
для совмѣстной и братской защиты славяно-право
ныхъ идеаловъ отъ исконныхъ враговъ славяно-рус
мощи и культуры.

Прошедшее всегда поучительно и потому и
ресно; по отношенію же къ Освободительной во
и къ такимъ ея эпопеямъ, какъ оборона Шипки,
кая черта и каждый новый фактъ, сколь ничто
бы они не были, дополняющіе съ той или др
стороны лѣтопись этой войны, должны представ
цѣнный интерессъ для русскаго читателя.

Дешевизна изданія книгъ въ Болгаріи сра
тельно съ цѣнами нашего печатнаго рынка побу
издать здѣсь эту, кажется, первую, на русскомъ яз
печатаемую въ Болгаріи книгу.

Но съ этимъ удобствомъ оказалось связанн
и неудобство — въ Софіи трудно было найти
скаго корректора, такъ что переводчику самому
шлось взяться за непривычный для него коррек
скій трудъ, вслѣдствіе чего въ это изданіе нево
вкрались погрѣшности, указаніе которыхъ прило
въ концѣ книги.

Софія, 19-го февраля 1903.

М. Горюнинъ.

Вмѣсто предисловія.

Признаюсь, что воспоминанія мои о дѣйствіяхъ дружинъ Болгарскаго Ополченія разбросанны, не совсѣмъ систематичны и даже блѣдны.

Но пусть читатель будетъ снисходителенъ къ солдату, который рѣшился изложить свои воспоминанія на простомъ языкѣ.

Я лишь хотѣлъ быть искреннимъ и правдивымъ въ передачѣ моего разсказа и, полагаю, что въ этомъ смыслѣ достигъ своей цѣли. Если же и есть въ чемъ пропуски, неполнота, то таковые съ моей стороны сдѣланы неумышленно; а если есть повторенія — прошу ихъ не ставить мнѣ въ вину, такъ какъ и въ описываемыхъ мною событіяхъ, въ дѣйствительности, встрѣчались повторенія одних и тѣхъ же фактовъ.

Пусть читатели не ищутъ въ моихъ воспоминаніяхъ политическихъ тенденцій: о таковыхъ я и не помышлялъ, при описаніи моихъ воспоминаній.

Авторъ.

Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій,
Главнокомандующій Дѣйствующей Арміи на Балканскомъ Полуостровѣ.

I.

Пѣшій Конвой Великаго Князя Главнокомандующаго. — Добровольцы-болгаре въ арміи. — Смотръ войскамъ Императоромъ Александромъ II въ Кишиневѣ 12-го апрѣля. — Объявленіе войны. — Основаніе Болгарскаго Ополченія.

— „Весной навѣрное будетъ война у насъ съ Турціей,“ поговаривали офицеры Кишиневскаго гарнизона, когда, 2-го ноября 1876 г. появился манифестъ о мобилизаціи части русской арміи.

— „Какая тамъ война, просто хотимъ попугать Турцію и заставить ее быть уступчивѣе“, возражали другіе.

— „Что будетъ — увидимъ, а пока одно вѣрно“, замѣчали нѣкоторые: „что съ прибытіемъ *призывныхъ* придется усиленно работать.“

И дѣйствительно, *призывные* настолько переполнили казарменныя помѣщенія 54-го Минскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Кишиневѣ, что нѣсколько ротъ пришлось вывести на городскія квартиры и въ окрестныя деревни. Въ число выведенныхъ ротъ попала и вторая рота, въ которой я числился: мы были переведены въ грязную и бѣдную деревушку Дурлешти, населенную преимущественно валахами. Солдаты размѣстились по 10—15 человѣкъ въ избѣ; я и ротный командиръ, поручикъ Пулло, заняли темную и сырую избу въ двѣ горницы.

Большую часть дня приходилось проводить въ занятіяхъ съ солдатами, преимущественно съ *призывными;* только дождь или снѣгъ прерывали эти занятія, такъ какъ таковыя происходили на открытомъ воздухѣ, хотя и стояла тогда холодная погода; а зимніе же длинные вечера мы проводили за чтеніемъ. Такъ, пришлось мнѣ прожить слишкомъ два мѣсяца не побывавъ въ городѣ и даже не чувствуя особой скуки; только ревма-

тизмъ, добытый мною въ награду за участіе въ сербско-турецкой войнѣ, давалъ о себѣ знать въ сырой и темной сельской хатѣ и заставлялъ подумывать о томъ, какъ бы скорѣе подошелъ срокъ перехода на городскія квартиры и . . . срокъ этотъ наступилъ.

2-го апрѣля 1877 г., послѣ утренняго ученія, ротный командиръ, только что получивъ городскую почту, встрѣтилъ меня поздравленіемъ съ новымъ назначеніемъ, и передалъ мнѣ предписаніе изъ полка съ надписью: *„Спѣшно";* оказалось, что я зачисляюсь въ „Пѣшій Его Императорскаго Высочества В. К. Николая Николаевича Старшаго, Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміей, Конвой."

Для меня, понятно, это было неожиданнымъ и пріятнымъ сюрпризомъ и я, не теряя времени, послѣ исполненія всѣхъ служебныхъ формальностей, каковы подача рапорта и представленіе начальству, *немедленно*, согласно предписанію, отбылъ въ Кишиневъ *пѣшкомъ,* такъ какъ иначе пришлось бы или ждать артельную телѣгу изъ города или посылать въ городъ за экипажемъ, т. е. въ обоихъ случаяхъ потерять нѣсколько часовъ, а не то, такъ и цѣлый день.

Между тѣмъ я просто, какъ говорится, сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе узнать подробности по поводу назначенія меня въ Конвой. Предписывалось мнѣ явиться и къ подполковнику Калитину.

Я и не замѣтилъ, какъ прошелъ болѣе двухъ часовъ пути отъ с. Дурлешти до города.

„Въ Пѣшій Его Императорскаго Высочества Конвой!" значительно говорилъ я самъ себѣ по дорогѣ . . . и, какъ бы то ни было, я былъ счастливъ и доволенъ.

Въ Кишиневѣ было необычайное движеніе: улицы переполнены пестрой толпой — въ большинствѣ изъ военныхъ; между послѣдними я замѣтилъ офицеровъ и солдатъ изъ частей, не квартировавшихъ въ Кишиневѣ.

Рѣзко выдѣлялись изъ толпы, снующіе повсюду евреи; эти *іерусалимскіе дворяне* были, очевидно, чѣмъ то сильно озабочены: остановливались, говорили, сильно жестикулируя, расходились и затѣмъ снова встрѣчались, чтобы съ не меньшимъ азартомъ о чемъ то разсказывать другъ другу: было видно, что они тоже веселы, да и какъ имъ не быть веселыми: многіе уже успѣли обдѣлать не одинъ *гешефтъ,* а будущее

предвѣщало только одни барыши. Уличные разносчики-евреи просто не давали прохода на улицѣ, выкрикивая на ломанномъ русскомъ языкѣ: „*Ваше вишокоблагородіе, у мене такий хорóши товаръ, дошево продамъ; башликъ купите, хорóшій башликъ отъ деждя, купите клеенку, хорóшій шинель . . . ваше благородіе, хорóшій сапоги, походній сапоги, дешево дамъ, какъ разъ для васъ иждѣланы, купите . . . не хотите . . . а можетъ имѣете, что продать?! нуу . . .! я покупаю вшо, кровати покупаю, столы покупаю . . .*“ Чтобы отдѣлаться отъ этого назойливаго народа приходилось прикрикнуть и тогда лишь васъ оставляли въ покоѣ.

Я отправился въ комендантское управленіе узнать квартиру подполковника Калитина, а оттуда — къ нему. Ординарецъ, изъ унтеръ-офицеровъ, доложилъ обо мнѣ и я былъ принятъ подполковникомъ въ кабинетѣ, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, приказами, инструкціями и законами. Принявъ рапортъ, подполковникъ, какъ былъ въ разстегнутомъ мундирѣ, на что я невольно обратилъ вниманіе, всталъ и подалъ мнѣ руку; я понялъ, изъ тона разговора подполковника со мной, что онъ цѣнитъ себя и уважаетъ.

— „Я радъ имѣть подъ моей командой офицеровъ изъ болгаръ,“ сказалъ онъ: „надѣюсь, что вы будете мнѣ хорошимъ помощникомъ въ моей новой и трудной должности.“ Затѣмъ, приказалъ мнѣ представиться генералу Столѣтову, а на слѣдующій день явиться въ казармы Подольскаго полка и аудіенція была окончена . . . такъ я и не узналъ ничего о Пѣшемъ Конвоѣ, интересовавшемъ меня больше всего.

Отъ Калитина я направился къ генералу Н. Г. Столѣтову. Къ счастью онъ былъ дома и тотчасъ же принялъ меня; выслушавъ рапортъ, любезно подалъ мнѣ руку и началъ разспрашивать откуда я родомъ, гдѣ учился и, узнавъ, что я говорю по турецки, продолжалъ разговоръ со мной на этомъ языкѣ; Николай Григорьевичъ совершенно свободно и хорошо изъяснялся на турецкомъ языкѣ, но лишь съ неправильнымъ акцентомъ. Отъ него я узналъ, что Конвой Е. И. В. будетъ сформированъ изъ болгаръ-добровольцевъ, прибывшихъ изъ Сербіи, Румыніи и Болгаріи; что три дня тому назадъ, онъ уже принялъ одну партію этихъ добровольцевъ, и что всѣ офицеры русской арміи - болгаре будутъ въ этотъ Конвой зачислены, и, наконецъ,

закончилъ повтореніемъ словъ Калитина, выразивъ надежду, что мы, офицеры-болгаре, будемъ хорошими помощниками своему начальству: *„отъ васъ болгаръ, будетъ требоваться больше чѣмъ отъ русскихъ,“* закончилъ бесѣду генералъ.

Я ушелъ отъ Столѣтова, упоенный восторгомъ . . . да и было отчего придти въ восторженное состояніе: *Пѣшій Конвой* будетъ сформированъ изъ болгаръ, разсуждахъ я, это значитъ что этотъ *Конвой* послужитъ основнымъ камнемъ въ закладкѣ будущей болгарской арміи!?

Въ такомъ радостномъ настроеніи я отправился повидаться съ подпоручикомъ Иваницкимъ, моимъ товарищемъ, съ которымъ, до переѣзда въ деревню, жилъ на одной квартирѣ, и съ намѣреніемъ, кстати занять опять свою прежнюю комнату, если таковая окажется свободной отъ постоя; а затѣмъ пойти по городу розыскивать товарищей-офицеровъ и подѣлиться съ ними моими радостями.

Иваницкаго я не засталъ дома, но моя комната оказалась не занятой; приказавъ деньщику принять и привести въ порядокъ мой багажъ, который вслѣдъ за тѣмъ долженъ былъ прибыть, я отправился въ гостинницу, гдѣ надѣялся встрѣтить моихъ товарищей. Ресторанъ былъ переполненъ публикой, преимущественно офицерами, между которыми за отдѣльнымъ столикомъ сидѣли поручики Филовъ и Шиваровъ, родомъ болгаре.

— „Аа, Кисовъ! что заставило тебя покинуть твой теплый сельскій уголъ?“ въ одинъ голосъ крикнули они, уступая мнѣ мѣсто за столомъ.

Не отвѣчая на вопросы: „Когда пріѣхалъ, да гдѣ остановился, да почему въ парадной формѣ,“ которыми они меня закидали, я переспросилъ ихъ представлялись ли они начальству?

— „Какому начальству?! . .“ Недоумѣніе было полное: оказалось, что они не только не представлялись начальству, но и не получали никакого предписанія: оба они числились въ другомъ полку.

Я разсказалъ о моемъ зачисленіи въ Пѣшій Конвой, о представленіи Калитину и генералу Столѣтову и о сформированіи Пѣшаго Конвоя изъ болгарскихъ добровольцевъ. — Радость товарищей была безмѣрна: поручикъ Филовъ въ восторгѣ хлопнулъ кулакомъ по столу, воскликнувъ: „Живемъ!“ — это

Генералъ-Маіоръ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ,
начальникъ Болгарскаго Ополченія.

было его привычкой въ минуты избытка радостныхъ чувствъ. Въ это время подошелъ и поручикъ Мавродиновъ.

— „Вынь патронъ!“ скомандовалъ Филовъ, весело улыбаясь и трепля по плечу подошедшаго.

— „Легко тебѣ смѣяться; но будь ты на моемъ мѣстѣ, навѣрное, выстрѣлилъ бы, услышавъ команду,“ отвѣтилъ сконфуженно Мавродиновъ.

Дѣло въ томъ, что Мавродиновъ, будучи начальникомъ почетнаго караула при особѣ Великаго Князя, былъ приглашенъ за общій столъ къ обѣду. Въ концѣ обѣда Его Высочество громкимъ голосомъ скомандовалъ: „Вынь патронъ!“ и всѣ офицеры разомъ, по командѣ, полѣзли къ себѣ въ карманы; Мавродиновъ, видя, что всѣ исполняютъ команду, но не замѣчая, что офицеры вынули свои портъ-сигары, выхватилъ свой револьверъ изъ кобуръ и взялъ его *на изготовку,* и лишь, когда сидѣвшій рядомъ офицеръ шепнулъ ему въ чемъ дѣло, онъ спряталъ револьверъ; тѣмъ не менѣе это обстоятельство не ускользнуло отъ наблюдательнаго глаза Великаго Князя.

Была уже полночь, когда я возвратился къ себѣ на квартиру. Иваницкій не спалъ, въ ожиданіи моего прихода. Онъ былъ обрадованъ моимъ возвращеніемъ изъ деревни, а еще больше — моимъ назначеніемъ въ Пѣшій Конвой. Поболтавъ съ нимъ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и по поводу предстоящей войны, я отправился спать: на другой день надо было рано вставать. Моя комната была уже приведена въ порядокъ Лилиткой, моимъ деньщикомъ: въ одномъ углу помѣщалась старая, взятая въ долгъ, кровать съ мѣшкомъ, набитымъ соломой, покрытымъ простыней и чѣмъ-то въ родѣ шерстяного одѣяла; у кровати стоялъ небольшой бѣлый деревянный столикъ, возлѣ него — двѣ табуретки, на столѣ — стаканъ съ подстаканникомъ, жестяная сахарница съ ключикомъ и щетка для платья; изъ другого угла выглядывалъ красный деревянный сундукъ, обитый жестяными полосками; на стѣнѣ висѣлъ плащъ, а возлѣ сундука на табуреткѣ помѣщалась *драгоцѣнность* — самоваръ, говорю драгоцѣнность, потому что чаепитіе часто замѣняло мнѣ ужинъ и обѣдъ . . . впрочемъ это въ порядкѣ вещей.

Годъ тому назадъ Высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и получилъ положенныя

закономъ деньги на обмундировку и покупку самыхъ необходимыхъ для офицера вещей; 8-го іюня того же года, распродавъ всѣ свои вещи, не исключая и офицерскаго платья, которому едва прошелъ мѣсяцъ, со дня покупки, я выѣхалъ на вырученныя деньги въ Сербію воевать. На возвратномъ пути изъ Сербіи, все мое имущество состояло въ костюмѣ, который былъ на мнѣ — сербская куртка, брюки, пара сапогъ, сербская шапка и шинель да полная пустота въ карманахъ; не удивительно, послѣ этого, что въ моей комнатѣ было гулко: очень ужъ *много* было наставлено мебели.

Не спалось мнѣ; полночь давно прошла, а мозгъ все продолжалъ работать: мысли смѣняли одна другую, въ головѣ роились воспоминанія о пережитомъ недавнемъ прошломъ; вспоминалось съ какимъ энтузіазмомъ и надеждами, съ какою вѣрою въ полный успѣхъ, спѣшили мы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Сербію, а тамъ и въ Болгарію — на встрѣчу вѣковому врагу — туркамъ. Вспоминались наши неудачи и разочарованія, и невольно думалось . . . но, долой мрачныя мысли! Пѣшій Конвой! Болгарская армія! — вотъ путеводныя звѣзды къ свободѣ Болгаріи! Фантазія унесла меня далеко за берега тихаго Дуная . . . туда, гдѣ грозно высятся величественныя вершины *Старой Планины,* рѣятъ въ пространствѣ своими красками поля, усѣянныя розами . . . . вонъ Великое Тырново, древняя столица Болгаріи, надъ ней высоко развѣвается народное знамя, все полно восторженнымъ народомъ . . . вотъ проходятъ ряды храброй болгарской арміи, блещутъ груди *юнаковъ* крестами — это знаки нашихъ побѣдъ надъ вѣковыми врагами и . . . я гордо любуюсь этой картиной и воображаю себя уже на моей освобожденной родинѣ . . . .

3-го апрѣля, въ три четверти восьмого утра, я уже былъ въ казармахъ Подольскаго полка. Во дворѣ казармъ, переполненномъ болгарами-добровольцами, было необыкновенное движеніе.

Прежде чѣмъ продолжить разсказъ, необходимо вернуться къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе — разсказать нѣсколько словъ о болгарскихъ добровольцахъ.

Въ 1876 г., во время Сербско-Турецкой войны, въ Сербіи былъ организованъ отрядъ болгарскихъ добровольцевъ,*)

*) Этотъ отрядъ носилъ наименованіе „Русско-болгарская бригада," состоявшая изъ указанныхъ 4 батальоновъ. Прим. Пер.

Болгаре, будущіе офицеры Ополченія, наканунѣ объявленія войны въ Кишиневѣ.
1. Подпор. С. И. Кисовъ, 2. Подпор. Муткуровъ, 3. Подпор. Гуджевъ, 4. Подпор. Шиваровъ, 5. Пановъ, 6. Подпор. Тепавскій, 7. Гендовичъ, 8. Шт.-кап. Петровичъ, 9. Поруч. Стояновъ, 10. Червенаковъ, 11. Поруч. Филовъ, 12. Ст. Зографскій, 13. Подпор. Николаевъ и 14. Инжинеръ Бѣловъ.

остоявшій изъ 2-хъ батальоновъ болгаръ и 2-хъ батальоновъ — выходцевъ изъ Старой Сербіи и Черногоріи; отрядомъ омандовали русскіе офицеры. Послѣ перемирія между Сербіей Турціей, этотъ отрядъ былъ переведенъ на зимнія квартиры ъ г. Крагуевацъ: для добровольцевъ перспектива представлялась совсѣмъ не привлекательной, тѣмъ болѣе, что братья-ербы не питали особенно братскихъ чувствъ къ болгарамъ, хотя послѣдніе и дрались молодецки съ общимъ врагомъ, и, тоя плечо къ плечу съ сербами, не могли не подать имъ примѣра самоотверженія и храбрости.

По прибытіи отряда въ Крагуевацъ, добровольцамъ было объявлено, что какъ отпуски, такъ и увольненія изъ сербской службы разрѣшены, стоило лишь желающимъ получить отпускъ офицерамъ подать письменные о томъ рапорты, а нижнимъ чинамъ — заявить о томъ устно.

Слухи о подготовленіяхъ Россіи къ войнѣ съ Турціей привлекли въ Сербію болгаръ, успѣвшихъ еще у себя, на родинѣ, закалиться въ боевыхъ схваткахъ съ турками, и понятно, что большая часть изъ нихъ не пожелала сидѣть въ казармахъ, а, воспользовавшись упомянутымъ разрѣшеніемъ, покинули Крагуевацъ и отправились: одни — на югъ Россіи, преимущественно въ г. г. Кишиневъ, Бендеры, Аккерманъ и Одессу; другіе — въ Румынію, гдѣ и остались поджидать прибытія Русской арміи къ берегамъ Дуная, чтобы вступить въ ея ряды, какъ это бывало и въ прежнія войны Россіи съ Турціей.*) Вотъ эти-то добровольцы и русскіе кадровые офицеры и нижніе чины и составили первый кадръ Пѣшаго Великаго Князя, Главнокомандующаго, Конвоя. Остальная часть, и притомъ бо́льшая, болгарскаго добровольческаго отряда осталась въ Сербіи; офицеры же отряда, большей частью оставили сербскую службу и возвратились въ Россію; съ ними вмѣстѣ возвратился и я въ Кишиневъ и поступилъ обратно въ полкъ, въ которомъ числился до выѣзда въ Сербію.

Прибывшіе въ Кишиневъ добровольцы были буквально безъ средствъ и матеріальная помощь имъ была крайне необходима; таковая и явилась отъ лица кишиневскаго исправника Ивана Степановича Иванова, болгарина родомъ. Благодаря

*) Подъ Севастополемъ въ 1854—55 г. г. участвовалъ и отрядъ болгарскихъ волонтеровъ. Авторъ.

ему, около тысячи человѣкъ добровольцевъ были размѣщены по квартирамъ и постоялымъ дворамъ; наиболѣе бѣднымъ изъ нихъ отпускалось по 20 копѣекъ на дневные харчи и роздана была одежда, предназначавшаяся раньше для посылки добровольцамъ въ Сербію.

Матерьяльныя средства, находившіяся въ распоряженіи И. С. Иванова, не смотря на благотворительные концерты и спектакли, дававшіеся въ пользу добровольцевъ, были незначительны, и, не поддерживай его надежда на неизбѣжность войны съ Турціей, ему, навѣрное, пришлось бы отпустить этихъ добровольцевъ на всѣ четыре стороны. Но онъ удержалъ этихъ добровольцевъ даже и тогда, когда начальникъ штаба арміи генералъ Непокойчицкій лично ему объявилъ, что *принять этихъ людей въ вѣдѣніе штаба не находитъ удобнымъ* . . . .

— *„Къ тому же эти люди намъ не будутъ нужны въ будущемъ и въ случаѣ объявленія войны Турціи. Вы смѣло можете имъ предложить разойтись,“* прибавилъ генералъ Непокойчицкій.

И. С. Ивановъ думалъ иначе и былъ увѣренъ, что эти люди, какъ хорошо знакомые съ мѣстностью въ Болгаріи, въ случаѣ войны съ Турціей, будутъ полезны и ихъ не роспускалъ. И. С. Ивановъ былъ правъ: еще въ ноябрѣ 1876 г., во время своего пребыванія въ Кишиневѣ, генералъ Столѣтовъ, состоявшій тогда въ распоряженіи Великаго Князя, Главнокомандующаго, подъ секретомъ сообщилъ Иванову, что, по всей вѣроятности, будетъ организовано Болгарское Ополченіе и что онъ, Столѣтовъ, будетъ назначенъ начальникомъ таковаго. Кромѣ того писалъ И. С. Иванову и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, убѣждая ни въ какомъ случаѣ не отпускать добровольцевъ; онъ же прислалъ въ помощь 2000 рублей и обѣщалъ выслать, въ случаѣ объявленія войны Турціи, полное обмундированіе и вооруженіе.

И дѣйствительно, 30-го марта генералъ Столѣтовъ сообщилъ И. С. Иванову о томъ, что вопросъ о войнѣ рѣшенъ, что таковая вскорѣ будетъ объявлена и просилъ собрать всѣхъ добровольцевъ въ Армянскомъ подворьѣ и передать ихъ ему по списку.

31-го марта всѣ добровольцы, 700 человѣкъ, были собраны въ назначенномъ мѣстѣ и И. С. Ивановъ поздравилъ ихъ съ

Подполковникъ Куртьяновъ,
командиръ I-ой дружины Ополченія.

Стр. 10—11.

предстоящимъ вскорѣ походомъ, и объявилъ, что съ этого дня они поступаютъ подъ команду генерала Столѣтова, начальника будущаго Болгарскаго Ополченія. Добровольцы съ восторгомъ встрѣтили это сообщеніе: сердечные клики: „ура," „Да живѣе русски Царь" и „Майка Руссія," оглашали подворье; восторженно привѣтствовали они и прибывшаго затѣмъ въ подворье Столѣтова.

Вотъ эти то именно добровольцы и переполняли казарменный дворъ Подольскаго полка.

Костюмъ добровольцевъ былъ самый разнообразный: отъ турецкаго покроя чакширъ, лаптей и шапокъ изъ овечьей кожи, чуть ли не до шляпы и фрака; нѣкоторые были одѣты въ новые костюмы, другіе — почти что въ грязныя лахмотья.

Одни — сновали по двору, другіе — собирались въ кружки, разговаривали и хохотали, третіе — лазили по гимнастическимъ снарядамъ, причемъ неуклюжіе гимнасты возбуждали общій смѣхъ и остроты. Лишь только я показался во дворѣ, какъ всѣ стихли и оставили свои занятія. Многіе изъ добровольцевъ знали меня еще по Сербіи, и я тоже узналъ нѣкоторыхъ, служившихъ въ командованной мною ротѣ; одного изъ такихъ я остановилъ, и тотчасъ же былъ окруженъ множествомъ другихъ; всѣ любопытствовали узнать, когда будутъ приняты на дѣйствительную службу и обмундированы, будетъ ли война съ Турціей и пр.

На дворѣ-же казармъ было нагромождено множество ящиковъ и тюковъ разной формы и величины, очевидно, съ предметами вооруженія и обмундированія.

Къ 8 часамъ, въ казармахъ собрались офицеры разныхъ частей войскъ и затѣмъ пришелъ подполковникъ Калитинъ. Съ прибытіемъ послѣдняго, ящики и тюки были раскрыты и началась раздача по-ротно предметовъ обмундированія и ружей — работа медленная и утомительная, но, при всемъ томъ, окончившаяся въ порядкѣ и столь скоро, что на слѣдующій день добровольцы вышли на ученіе въ полной формѣ и при оружіи.

Изъ всѣхъ добровольцевъ были организованы три дружины двухъ-ротнаго состава. Командирами дружинъ были назначены: 1-ой — подполковникъ Куртьяновъ, 2-ой — маіоръ Рѣдькинъ и 3-ей — подполковникъ Калитинъ.

Всѣ упомянутые предметы снаряженія были присланы Пѣшему Конвою отъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета и состояли въ слѣдующемъ: 1. *Обмундированіе*: а) очень красивый темно-зеленаго сукна двубортный мундиръ, названный впослѣдствіи *болгарка*, съ отложнымъ воротникомъ, безъ тальи, но съ ластикомъ на поясницѣ, двумя наружными боковыми карманами и съ мѣдными пуговицами; кромѣ красоты, *болгарка* представляла удобство тѣмъ, что не стягивала, непривыкшаго къ тѣсному мундиру добровольца; б) темнозеленаго сукна брюки, не на выпускъ и безъ кантовъ; в) черная барашковая шапка съ донцемъ зеленаго сукна и осьмиугольнымъ крестомъ вмѣсто кокарды; г) сапоги съ высокими голенищами и д) сѣраго сукна шинель. Кромѣ обмундированія каждый доброволецъ получилъ рубашку, подштанники, портянки и полотенце. 2. *Снаряженіе*: а) два кожанныхъ поясныхъ подсумка; б) двѣ сумки для вещей, сухарей и патроновъ и в) манерки для воды и варки пищи; 3. *Вооруженіе*: а) ружья системы *Шаспо* съ тесакомъ, вмѣсто штыка и б) патроны въ бумажныхъ гильзахъ.

На продовольствіе добровольцы были прикомандированы къ мѣстнымъ пѣхотнымъ полкамъ и получали увеличенный окладъ.

Послѣ обмундированія и вооруженія добровольцевъ, тотчасъ же было приступлено къ усиленнымъ съ ними занятіямъ, тѣмъ болѣе, что ожидалось скорое прибытіе Императора. Программа обученія добровольцевъ была очень краткая: ружейные пріемы, повороты, отданіе чести, маршировка по взводно и ротно и церемоніальный маршъ; утреннія и послѣобѣденныя занятія обязательно оканчивались пропускомъ добровольцевъ церемоніальнымъ маршемъ, притомъ по нѣскольку разъ. Словесныя занятія съ добровольцами ограничивались изученіемъ точно умѣть титуловать начальство и членовъ Императорской Фамиліи.

Не смотря на то, что бо́льшая часть добровольцевъ были ознакомлены уже съ ружьемъ, т. е. умѣли дѣлать ружейные пріемы и стрѣлять, знали до извѣстной степени какъ беречь ружье, и умѣли маршировать, такъ какъ большинство изъ нихъ были въ Сербіи и принимали участіе въ сраженіяхъ, все-таки еще многое оставалось желать въ этомъ отношеніи; къ тому же, подходили новые добровольцы изъ румынской Бессарабіи

Маіоръ Рѣдькинъ,
командиръ II-ой дружины Ополченія.

р. 10—11.

иныхъ мѣстъ и были всякій разъ немедленно зачисляемы ъ Пѣшій Конвой: ихъ обмундировывали, вооружали и съ ѣста отправляли въ строй.

Учителя офицеры и унтеръ-офицеры съ большой энер-іей принялись за дѣло обученія своихъ воспитанниковъ — обровольцевъ. Офицеры сразу полюбили своихъ понятливыхъ учениковъ, а унтеръ-офицеры зажили съ добровольцами по оварищески; установленію такихъ отношеній не мало содѣй-ствовали разсказы добровольцевъ о турецкихъ звѣрствахъ надъ болгарами, возбуждавшими состраданіе въ добродушной рус-ской натурѣ; добровольцы въ свою очередь относились съ большой любовью и почтеніемъ къ своимъ учителямъ, усердно старались и трудились усвоить все, чему ихъ обучали.

Ученіе продолжалось отъ зари до полудня и отъ 2-хъ ча-совъ дня — до сумерокъ. Добровольцы, хотя и не привыкшіе къ такому усиленному и однообразному труду, терпѣливо и прилежно выносили ежедневныя занятія, даже въ часы отдыха и въ праздничное время они сами, между собой, повторяли или ружейные пріемы, или титулованіе начальства, маршировали, занимались гимнастикой и т. п. и потому не удивительно, что оказали не малые успѣхи въ обученіи: ко дню смотра добровольцы имѣли видъ старыхъ солдатъ.

Въ Кишиневѣ ожидалось прибытіе Императора Алек-сандра II-аго.

Раннимъ утромъ, 12-го апрѣля 1877 года, улицы города уже были полны многочисленнымъ народомъ, направлявшимся къ обширной площади *Рищкановка,* въ сѣверо-восточной части города; туда-же, къ предстоящему Императорскому смотру, были отведены и войска Кишиневскаго гарнизона, выстроив-шіяся въ двѣ линіи: въ первой — пѣхота, во второй — кава-лерія и артиллерія.*)

И войска и народъ ожидали предстоявшее объявленіе войны Турціи.

*) На площади были собраны слѣдующія части войскъ: дивизіонъ Соб. Е. В. Конвоя, составленный изъ эскадрона кубанскаго и эскадрона терскаго козачьихъ войскъ и жандармской команды 8-го корпуса, 7-й саперный бата-ліонъ, 14-я пѣхотная дивизія, три дружины Ополченія, 11-я кавалерійская ди-визія, полусотня Донскаго казачьяго № 35 полка, 14-я артиллерійская бригада и 18-ыя конная и донская № 4-го батареи. Прим. Пер.

Пѣшій Великаго Князя Главнокомандующаго Дѣй
щей Арміей Конвой, въ двухъ-взводныхъ колоннахъ бы
строенъ вслѣдъ по линіи послѣ 56-го Житомирскаго

Добровольцы Пѣшаго Конвоя имѣли отличный в
видъ: *стойку* и *выправку* — прекрасныя, лица веселыя
бающіяся, а красивый мундиръ *болгарка* и черныя с
нымъ донцемъ шапки — придавали имъ воинственную
Начальство, глядя на своихъ семидневныхъ учениковъ
увѣрено, что эти балканскіе львы не уступятъ сѣве
орламъ. Учителя и ученики были увѣрены въ полномъ
успѣхѣ на предстоявшемъ смотру и съ нетерпѣніемъ о
прибытія Императора, тѣмъ болѣе, что уже давно
построены и выровнены по жолнёрамъ.

Наконецъ, въ 10 часовъ утра, былъ поданъ условный
поставленными для этой цѣли солдатами о томъ, что
чайшій Инспекторъ арміи — Царь прибываетъ. Ра
команда: „Смирно! Жолнёры, по мѣстамъ!“... Эта ко
какъ эхо разнеслась по обширной площади, покрыто
сками всѣхъ родовъ оружія и водворилась мертвая тиш
тамъ, то сямъ еще виднѣлись адъютанты и ординарц
сившіеся на своихъ коняхъ, но вскорѣ и они заняли свои
и вся эта, почти неподвижная, масса людей превратил
вниманіе; у каждаго сильно билось сердце, въ ожидані
ленія Императора: всѣмъ хотѣлось видѣть Царскій
услышать Царское слово; съ необычайнымъ нетерпѣніем
дали и болгарскіе добровольцы: они знали, что отъ слов
зависитъ судьба ихъ отечества — судьба Болгаріи....

— „На плечо! По полкамъ, на караулъ!“ Посл
команды музыка заиграла на правомъ флангѣ *встрѣчу*.

— „Здорово дѣти!“ поздоровался Государь съ Кон

— „Здравія желаемъ Ваше Императорское Велич
отчетливо и громко отвѣтилъ Конвой. Загремѣло „ура
лились звуки гимна: „Коль славенъ нашъ Господь въ С

У праваго фланга Пѣшаго Конвоя, Государь слегка п
новилъ лошадь и, весело улыбаясь, обратился, что-то
къ Великому Князю Главнокомандующему и, выслуша
вѣтъ послѣдняго, замѣтилъ: „Молодцами выглядываю
пронизавъ взглядомъ добровольцевъ, кликнулъ имъ: „Зд
дѣти!“ Продолжительные и громовые клики „ура“ бы
вѣтомъ на Царское здорованіе.

Подполковникъ Калитинъ,
командиръ III-ей дружины Ополченія.

Стр. 10—11.

— „Молодцами стоите!“ еще разъ воскликнулъ Императоръ съ веселой улыбкой и направился къ лѣвому флангу, окруженный цѣлымъ батальономъ свиты.

Болгарскіе добровольцы произвели хорошее впечатлѣніе на Государя и его свиту. Многіе генералы восклицали: „Какіе молодцы!“ другіе — сравнивали добровольцевъ съ козаками, черкесами, гвардейцами. Добровольцы и ихъ учителя были полны восторга и радости, но не спѣшили это высказывать, такъ какъ самое главное испытаніе было еще впереди — это церемоніальный маршъ.

— „А что, если оскандалимся на церемоніальномъ маршѣ?“ невольно подумалъ я. Ту же мысль, впрочемъ, можно было читать въ глазахъ всѣхъ офицеровъ Пѣшаго Конвоя; только добровольцы съ широкой улыбкой и поднятою головою прямо смотрѣли въ глаза своимъ учителямъ, какъ бы говоря: не безпокойтесь, въ грязь лицемъ не ударимъ . . . Объѣхавъ все расположеніе войскъ, Государь со свитой направился къ центру площади, остановился передъ фронтомъ войскъ и сошелъ съ лошади; тоже сдѣлали и всѣ чины Царской свиты.

По данной командѣ, всѣ офицеры собрались около Царя и построились въ кругъ, въ серединѣ котораго находились Государь со свитой и преосвященный епископъ Павелъ съ духовенствомъ. Владыка, въ полномъ епископскомъ облаченіи, раскрылъ переданную ему Императоромъ бумагу. Барабаны заиграли: *„на молитву!“* и, по командѣ, войска обнажили головы, а за ними тоже сдѣлалъ и стоявшій вокругъ площади народъ. Обратясь лицемъ къ войскамъ, преосвященный отчетливымъ и яснымъ голосомъ прочелъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Торжественныя слова этого государственнаго акта были выслушаны въ благоговѣйномъ молчаніи, не прервавшемся и послѣ окончанія чтенія.

Такое неожиданное для Кишинева событіе, совершившееся при столь торжественной обстановкѣ, произвело на всѣхъ сильное впечатленіе.

Послѣ прочтенія манифеста, началось молебствіе; послышалось пѣніе: „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ“ и троекратное „Съ нами Богъ! Разумѣйте языци и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ а когда былъ произнесенъ возгласъ: „Преклоньше колѣна, Господу помолимся!“ — Императоръ громогласно скомандовалъ: „Батальоны, на колѣни!“ и . . . всѣ войска тихо

опустились на колѣни . . . только знамена высоко надъ рядами склонившихъ колѣна воиновъ развѣвались въ воздухѣ. По провозглашеніи многолѣтія Государю, Государынѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Императорскому Дому и Воинству, преосвященный Павелъ, при пѣніи: „Спаси, Господи, люди Твоя" окропилъ войска Святою водою; затѣмъ, Государь обратился къ Своему брату, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его, а Главнокомандующій благоговѣйно поцѣловалъ руку Царя.

По окончаніи молебна, преосвященный Павелъ, благословилъ Великаго Князя, Главнокомандующаго, иконой Христа Спасителя, а войска, въ лицѣ командующаго мѣстными войсками, генерала Драгомирова, начальника 14-й п. дивизіи, св. Гербовецкою иконою, Покровительницы града Кишинева.*)

Слово, которымъ привѣтствовалъ преосвященный Павелъ Императора, было слѣдующаго содержанія:

Благочестивѣйшій Государь!

„Одинъ Ты, съ вѣрнымъ Твоимъ народомъ, возлюбилъ попираемые пятою ислама христіанскіе народы не *словомъ* только или *языкомъ, но дѣломъ и истиною.* Твой Царственный голосъ во всѣ дни Твоего Царствованія неумолкаемо возвышался на защиту угнетенныхъ. И еще недавно Твое Державное слово стало великимъ дѣломъ любви къ нимъ: оно остановило кровопролитіе и спасло отъ конечной погибели полурастерзанную Сербію. Нынѣ Ты съ Августѣйшимъ Сыномъ, Наслѣдникомъ Твоимъ, грядешь къ намъ на рубежъ Царства Русскаго и къ предѣламъ поработителя нашихъ братій по вѣрѣ и крови, грядешь на мѣсто сосредоточенія Твоего христолюбиваго воинства, для новаго, еще болѣе великаго дѣла любви къ порабощеннымъ . . . . Ты грядешь къ намъ для того, что бы повелѣть Твоимъ войскамъ, если не всецѣло сокрушить, то сокрушительно потрясти въ самыхъ основаніяхъ *врата адовы,* горде-

*) Этой иконой Еп. Павелъ благословилъ М. И. Драгомирова со слѣдующими словами: „Христолюбивый вождь пребывавшаго въ предѣлахъ нашихъ воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ св. Гербовецкою иконою Взбранной Воеводы — Царицы Небесной, Покровительницы града и страны нашей; поручаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея, и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ. Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами!" Прим. Пер.

ливо именующія себя Высокою и Блистательною Портою, и дорогою русскою кровію искупить, огнемъ и желѣзомъ спасти порабощенныхъ отъ жестокаго поработителя, избавить ихъ отъ жизни, исполненной адскихъ мученіи, уврачевать ихъ язвы, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и даровать имъ человѣческія права.

Благословенъ градый во имя Господне, Русскій Царь Православный, Царь праведный и кроткій, Богомъ хранимый! Царь Царей вѣнчалъ Твою любовь къ Россіи неувядаемымъ вѣнцомъ мирной славы, вождѣленнымъ успѣхомъ Твоихъ великихъ преобразованій и дѣлъ во благо народа. Царь Царей, явно для всѣхъ хранящій Тебя *„яко зѣницу ока“* и сохранившій Тебя, какъ возлюбленнѣйшаго изъ помазанниковъ Своихъ, неприкосновеннымъ, и въ опаснѣйшія минуты Твоей жизни, очевидно, для дѣлъ великихъ, — да увѣнчаетъ главу Твою новымъ вѣнцомъ славы, подобнымъ вѣнцу Твоего Августѣйшаго Дяди, Освободителя Европы, Благословеннаго Александра, да увѣнчаетъ Тебя вѣнцомъ Освободителя угнетенныхъ христіанскихъ народовъ! Да поможетъ Онъ Тебя совершить во благо ихъ все, что только желаетъ совершить для нихъ Твоя благосердая, любящая душа, и да подастъ Тебѣ радость — многія лѣта, до старости болѣе маститой, чѣмъ маститая старость августѣйшаго Твоего дяди и друга — императора Вильгельма, утѣшаться счастіемъ облагодѣтельствованныхъ Тобою народовъ и Твоею славою!

Благочестивѣйшій Государь! Жребій войны брошенъ. Какъ Отецъ Отечества, призови благословеніе Божіе и изреки Твое отчее благословеніе на славныя войска Твои, всегда готовыя, по Твоему слову, защищать святое, правое дѣло. Подъ осѣненіемъ небесныхъ и земныхъ благословеній, они, предводимыя своимъ доблестнымъ, безпредѣльно, восторженно любимымъ тезоименнымъ побѣдѣ Вождемъ, Августѣйшимъ Братомъ Твоимъ — да порадуютъ Тебя своими бранными подвигами и славными побѣдами, какъ доселѣ, конечно, радовали Тебя превосходнымъ воинскимъ духомъ, порядкомъ и благочиніемъ, и въ своемъ побѣдномъ шествіи да прейдутъ и тотъ предѣлъ, до котораго въ началѣ Своего царствованія дошелъ славный Вашъ родитель, императоръ Николай, предписавшій Портѣ миръ въ Адріанополѣ. Отъ блеска подвиговъ и побѣдъ Твоихъ войскъ до померкнетъ *Луна,* и да возсіяетъ, какъ солнце, Христовъ Крестъ!“

Послѣ окончанія молебна Императоръ и свита сѣли на коней. Императоръ далъ знакъ, что хочетъ говорить. Водворилась мертвая тишина, такая тишина, что, еслибы закрыть глаза, невольно можно было бы подумать, что вокругъ тебя нѣтъ ни одного живаго существа; даже кони, эти благородныя животныя, и тѣ, какъ бы, почуяли важность и торжественность минуты и смирно стояли.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и сильнымъ біеніемъ сердца ожидали услышать Царское слово окружавшіе Императора. Царь всталъ на стремена и окинулъ орлинымъ взглядомъ вокругъ себя; веселая улыбка съ Его лица исчезла, оно стало задумчивымъ и выражало заботу и тревогу; взволнованнымъ голосомъ, идущимъ изъ глубины сердца, началъ говорить Императоръ.

Рѣчь Царя была ясна и прочувствована. Онъ повторилъ сказанное въ манифестѣ и подтвердилъ, что всѣ Его старанія избѣжать кровопролитія оказались напрасными и потому, охраняя честь русскаго оружія и достолѣпіе Россіи, Онъ объявляетъ войну Турціи во имя защиты порабощенныхъ славянъ.

Голосъ Императора въ концѣ рѣчи сталъ прерываться, а когда произнесъ слова: „Объявляю войну Турціи,“ Царь заплакалъ, слезы ручьемъ потекли изъ глазъ и оросили Его серебрившіеся усы. Императоръ, казалось, хотѣлъ еще что-то сказать но волненіе и слезы, будто, не дали Ему продолжить рѣчь.

Окружавшіе Царя офицеры были тронуты Его рѣчью и у каждаго виднѣлись на глазахъ слезы и слышались рыданія... Но, еще нѣсколько мгновеній, и настроенія, охватившаго Царя и офицеровъ, какъ не бывало: громкое „ура“ офицеровъ, подхваченное обоими флангами войскъ, построенныхъ *покоемъ*, завершило Царское слово.

Не только офицеры и солдаты проливали слезы умиленія; не только офицеры и солдаты кричали „ура“, но и всѣмъ народомъ, заполнявшимъ обширную площадь, овладѣли тѣ же чувства и настроеніе.

Достойно удивленія, что еще нѣсколько времени раньше, окружавшіе Царя были проникнуты душевнымъ волненіемъ, всегда тѣсно связаннымъ съ понятіемъ о войнѣ, а теперь въ глазахъ у каждаго можно было читать лишь торжество и полное сознаніе своего долга къ Престолу и Отечеству, рѣшительность, самоотверженность и любовь къ *Отцу-Царю*.

Нужно ли говорить что либо о чувствахъ болгарскихъ добровольцевъ? Мнѣ кажется это лишнимъ, тѣмъ болѣе лишнимъ, что описать чувства, которыми были проникнуты поборники свободы дорогого отечества — Болгаріи, не удалось бы и самому вѣщему перу. Скажу лишь, что добровольцы слышали слово, которое съ нетерпѣніемъ ждали услышать, слово отъ котораго зависѣло *быть или не быть* Болгаріи свободной. Повторяю, они слышали собственными ушами изъ устъ всесильнаго Царя, что Онъ ведетъ войска противъ вѣковаго врага всего славянства и особенно болгаръ.

Никто не сомнѣвался, что Болгарія будетъ свободной, и, понятно, сердце болгарскаго добровольца не могло не забиться сильнѣе, не могла не возрадоваться душа многострадальнаго болгарина! Врядъ-ли кому бы удалось описать эту бурную радость, кипѣвшую въ душахъ болгарскихъ добровольцевъ? Они кричали „ура", бросали шапки вверхъ, ловили ихъ штыками, клики ихъ разсѣкали воздухъ и, казалось, такъ продолжалось бы безконечно, если бы не былъ отданъ приказъ умолкнуть.

Офицеры заняли свои мѣста и раздалась команда къ церемоніальному маршу. Всѣ движенія во время построенія Пѣшаго Конвоя и самый церемоніальный маршъ были выполнены такъ спокойно и стройно, съ такимъ тактомъ и воинской выправкой, что трудно было повѣрить, что эти добровольцы, приготовлены къ Императорскому смотру въ теченіи одной недѣли.

При проходѣ добровольцевъ церемоніальнымъ маршемъ, Царь нѣсколько разъ воскликнулъ: „Славно, прекрасно дѣти!"

Многіе изъ царской свиты, а также и офицеры другихъ частей не вѣрили, что добровольцы такъ скоро могли приготовиться къ смотру.

— „Помилуйте, возможно ли въ одну недѣлю ихъ приготовить къ Царскому смотру?" удивлялись они.

— „Какъ прошелъ смотръ?" спрашивали другіе у офицеровъ изъ Конвоя.

— „Отлично, Государь Императоръ расхвалилъ *булгарцевъ* (такъ называли русскіе болгаръ въ то время) на славу!" отвѣчали послѣдніе.

Въ день Царскаго смотра былъ отданъ Главнокомандующимъ слѣдующій приказъ по войскамъ:

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами — братьями нашими. Горька ихъ неволя. Все, что дорого человѣку — святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро — все поругано, осквернено невѣрными.

Не выдержали, несчастные, возстали противу угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными.

Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась. Послѣднее слово Царское сказано:

Война Турціи объявлена!

Войска ввѣренной Мнѣ арміи!

Намъ выпала доля — исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту Вѣры Христовой.

И такъ: Впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ!

Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ также грозно, какъ въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага.

Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволять себѣ произвола.

Въ этомъ отношеніи Я требую отъ всѣхъ и каждаго самого строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ — наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови.

Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ тоже гостепріимство, какъ и предки и отцы наши. Я требую, что бы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраной ихъ порядковъ и безотвѣтною помощію противу ту-

рокъ, а когда потребуется, то и защищали ихъ дома, также какъ и свои собственные.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ".

Въ тотъ же день, 12-го апрѣля, войска Кишиневскаго гарнизона выступили къ румынской границѣ: одни — пошли походомъ, другіе — были отправлены желѣзной дорогой. Пѣшій Великаго Князя, Главнокомандующаго, Конвой былъ оставленъ въ Кишиневѣ.

Между тѣмъ, добровольцы все продолжали подходить изъ отдаленныхъ городовъ Румыніи: Турну-Северина, Александріи, Букурешта и др. Отъ этихъ пришельцевъ мы узнали, что добровольцы, составлявшіе болгарскій отрядъ въ Сербіи, еще 7-го апрѣля оставили службу и должны были прибыть въ Кишиневъ.

Въ цѣляхъ не заставлять ихъ совершать двойной путь — въ Кишиневъ и обратно въ Румынію, были посланы люди собрать этихъ добровольцевъ и задержать ихъ въ Румыніи впредь до новыхъ распоряженій.

Послѣ Царскаго смотра начались спѣшныя занятія съ добровольцами и вмѣстѣ съ тѣмъ они и подготовлялись къ походу, долгому походу.

Такъ какъ обмундированіе и снаряженіе происходило на скорую руку, и не было всѣмъ по мѣркѣ, то теперь приходилось все это каждому пригнать, по его росту и объему, особенно сапоги, потому что многіе изъ добровольцевъ оказались, отъ непригнанной обуви, съ пораненными ногами.

Офицеры принялись за дѣло со всей энергіей, что же касается добровольцевъ, то они просто не знали усталости, не смотря на то, что цѣлые дни были на ногахъ и съ ружьемъ въ рукѣ.

Прибывавшихъ вновь добровольцевъ, какъ и прежде, тотчасъ обмундировывали, вооружали и отправляли въ строй; эти новички, что называется, изъ кожи лѣзли, въ стараніи догнать своихъ ранѣе поступившихъ товарищей.

— „Надо удивляться способностямъ и усердію этихъ болгарцевъ," говорили офицеры и унтеръ-офицеры: „вчерашнихъ уже трудно отличить отъ пришедшихъ за недѣлю раньше!"

И дѣйствительно, для насъ, офицеровъ, это было нѣчто невѣроятное: только что прибывшій доброволецъ беретъ ружье въ руки, и, спустя нѣсколько дней ученія, онъ уже при-

готовляется къ Царскому смотру. Впрочемъ, наше начальство столь было увлечено и восхищено хорошимъ исходомъ Царскаго смотра, воинственнымъ видомъ добровольцевъ, ихъ красивой формой, что не замѣчало недостатковъ въ ихъ подготовкѣ, требовавшихъ пополненія; съ другой стороны начальство забывало то обстоятельство, что большинство добровольцевъ не только были ознакомлены до извѣстной степени съ ружьемъ и строемъ, т. е. знали ружейные пріемы, умѣли стрѣлять и маршировать, но и участвовали въ дѣлахъ противъ непріятеля; наконецъ выпускали изъ виду и то, что почти всѣ добровольцы были люди интеллигентные — цвѣтъ болгарскаго народа —, люди, оставившіе семью и свое дѣло, словомъ, все что мило и дорого человѣку, чтобы принести въ жертву свою жизнь на олтарь свободы своей многострадальной отчизны и при томъ съ полнымъ сознаніемъ своего къ ней долга, слѣдовательно люди, которые скорѣе иныхъ, могли усвоить элементарныя познанія въ военномъ искусствѣ.*)

Какъ болгаринъ по происхожденію, я только могъ радоваться отзывамъ нашихъ офицеровъ о добровольцахъ: болгаръ хвалятъ, какъ народъ способный, усердный и нравственный; но въ то же время я и боялся, что, когда пройдутъ первыя впечатлѣнія восторга, не наступило бы разочарованіе въ преувеличенныхъ успѣхахъ добровольцевъ, тѣмъ болѣе, что для того, чтобы имъ быть хорошо подготовленными, оставалось желать многое.

Пока, добровольцамъ показывали ружейные пріемы, учили титуловать начальство, церемоніальному маршу, но ничего не было ни разсказано ни показано по прочимъ отдѣламъ военнаго искусства, а между тѣмъ вскорѣ могли начать вдолбливать имъ въ головы безъ надобности правила о разныхъ прицѣльныхъ линіяхъ, углахъ, траэкторіяхъ, офицерской, унтеръофицерской и ефрейторской караульной службѣ и проч.

Приказомъ отъ 17-го апрѣля по Дѣйствующей арміи, основанномъ на Высочайшемъ повелѣніи, было положено

*) Автору, за выѣздомъ его изъ Сербіи, осталось неизвѣстнымъ, что болгарскіе добровольцы своей подготовкой къ военной службѣ много обязаны маіору К. Б. Чиляеву, нынѣ генералъ-маіору, и находившимся подъ его командой русскимъ офицерамъ, которые ревностно занимались обученіемъ военному дѣлу добровольцевъ во время пребыванія ихъ въ Крагуевацкихъ казармахъ и затѣмъ въ Кладовской крѣпости. Прим. Пер.

нованіе для организаціи Болгарскаго Ополченія; согласно ому приказу, Пѣшій Е. И. В. Великаго Князя Почетный онвой былъ переименованъ въ *Болгарское Ополченіе* и развернутъ въ 6 пѣшихъ дружинъ пяти-ротнаго состава; каждыя вѣ дружины образовали бригаду; въ составъ І-й бригады ошли 1-ая и 2-ая дружины, ІІ-й бригады — 3-ая и 4-ая ІІІ-й бригады — 5-ая и 6-ая дружины; начальникомъ Ополченія былъ назначенъ генералъ-маіоръ Столѣтовъ, о чемъ, акъ и о вступленіи послѣдняго въ командованіе Ополченіемъ, ыло объявлено приказомъ по Ополченію за № 1-мъ отъ 8-го апрѣля.

Штабъ Ополченія состоялъ изъ начальника штаба, старшихъ адъютантовъ по строевой и хозяйственной частямъ, младшаго адъютанта, казначея, интенданта, главнаго врача, офицеровъ-ординарцевъ и персонала писарей. Бригадныя управленія состояли изъ бригаднаго адъютанта, священника и писарей. Командиры дружинъ пользовались правами начальниковъ отдѣльныхъ частей; штабъ дружинъ состоялъ изъ дружиннаго адъютанта, казначея-квартирмейстера, офицера, завѣдывающаго оружіемъ, врача, старшихъ медицинскаго и ветеринарнаго фельдшеровъ и писарей. Ротные штаты по составу были приравнены къ таковымъ же пѣхотныхъ полковъ.

По Высочайшему повелѣнію были также сформированы и шесть болгарскихъ конныхъ сотень, которыя должны были быть причислены къ Ополченію.

Послѣ сформированія Ополченія, я былъ зачисленъ въ 3-ю дружину, командиромъ которой былъ назначенъ подполковникъ Калитинъ. Ввиду того, что еще не всѣ назначенные офицеры были на лицѣ, мнѣ было поручено временно командовать 3-ей ротой. Тѣмъ же приказомъ за № 1-мъ по дружинѣ, со мной вмѣстѣ были назначены: казначеемъ-квартирмейстеромъ — поручикъ Поповъ, командующимъ 4-ой ротой — поручикъ Филовъ, 5-ой ротой — штабсъ-капитанъ Стесель, 1-ой ротой — прапорщикъ Людницкій и дружиннымъ врачемъ — лѣкарь Вязанковъ.

Съ окончаніемъ организаціи Болгарскаго Ополченія, энергія офицеровъ увеличилась: всѣ знали свою часть и всякій начальникъ отъ старшаго до отдѣлённаго употребляли большія усилія, чтобы подготовить свои части къ ожидавшемуся по всей вѣроятности вскорѣ смотру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ

подготовить, чтобы въ рѣшительную минуту можно было вполнѣ разсчитивать на своихъ молодцевъ; послѣдніе, въ свою очередь, всѣми силами старались оправдать надежды своего начальства. Одно обстоятельство смущало учителей и учениковъ — это, что всѣ части Кишиневскаго гарнизона, да и вообще русская армія, давно уже перешли румынскую границу и даже успѣли дать артиллерійское сраженіе на р. Прутѣ, близь г. Галаца, турецкимъ броненосцамъ, а Болгарское Ополченіе все еще стояло въ Кишиневѣ.

— „И до какихъ поръ будутъ насъ держать здѣсь?“ спрашивали другъ друга офицеры и солдаты Ополченія.

Наконецъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ 25-го апрѣля. Еще 24-го утромъ по дружинамъ былъ отданъ приказъ послать на станцію желѣзной дороги по тридцать человѣкъ ополченцевъ отъ каждой дружины для нагрузки обоза, обмундированія, вооруженія и вообще всего ополченскаго имущества. Къ тому времени въ дружинахъ, кромѣ принятаго 21-го апрѣля обоза въ 12 фургоновъ съ парою лошадей для каждаго, никакого другого имущества не было.

Приказомъ по Ополченію 25-го того же апрѣля было объявлено, что Ополченіе отправляется въ г. Плоэшты (Румынія), гдѣ останется для прохожденія сокращеннаго курса обученія, и потому предписывалось дружинамъ приготовиться въ походъ, который долженъ былъ быть совершенъ по слѣдующему маршруту: Ополченіе было раздѣлено на два эшалона: первый (съ нимъ отправлялся генералъ Столѣтовъ), въ составѣ 3-ей, 4-ой и 5-ой дружинъ, уходилъ въ половинѣ девятаго часа утра; второй, въ составѣ 1-ой, 2-ой и 6-ой дружинъ, отправлялся въ 12 часовъ дня. Первымъ эшалономъ командовалъ подполковникъ Калитинъ, вторымъ — маіоръ Куртьяновъ. Для перваго эшалона былъ назначенъ одинъ офицерскій вагонъ, для второго — два. Съ первымъ эшалономъ отправлялись всѣ офицерскія лошади, а со вторымъ - обозныя. Докторъ Вязанковъ уходилъ съ первымъ эшалономъ, а со вторымъ — доктора Угрюмовъ и Пановъ. Предписывалось во время похода брать продовольствіе и фуражъ отъ *„Товарищества Грегеръ, Горвицъ и Коганъ.“* Хотя и было извѣстно, что Ополченіе остановится въ Плоэштахъ, гдѣ будетъ должно пройти сокращенный курсъ обученія, все таки офицеры и ополченцы были

гобыкновенно рады отправленію въ походъ: „Все же будемъ лиже къ цѣли,“ говорили они.

Передъ походомъ, на площади у казармъ Волынскаго олка, болгарскимъ архимандритомъ Амфилохіемъ Михайлоымъ было отслужено молебствіе, по окончаніи котораго въ рисутствіи всѣхъ дружинныхъ офицеровъ и множества болръ, кишиневскихъ гражданъ, преосвященный Павелъ, приутствовавшій на молебнѣ, благословилъ генерала Столѣтова коною Христа Спасителя и произнесъ слѣдующее слово:

„Благословляю васъ и сподвижниковъ вашихъ св. иконою риста Спасителя. Любящій, кроткій ликъ Богочеловѣка, пооживщаго душу Свою за спасеніе людей, да напоминаетъ амъ о вашей рѣшимости и вашемъ долгѣ — до послѣдней апли крови биться съ врагомъ Христова Имени, поработиелемъ и жестокимъ мучителемъ нашихъ братій по Вѣрѣ и рови. Вѣчная слава, вѣнчающая спасительные труды, спасиельныя страданія и смерть Богочеловѣка, да служитъ для васъ учательствомъ того, что и васъ, подвижниковъ за святое дѣло збавленія угнетенныхъ народовъ отъ рабства, ждетъ великая лава и здѣсь, и еще большая слава въ вѣчности, когда нагупитъ время праведнаго мздовозданія.

Плѣнныхъ свободитель и нищихъ защититель, немощетвующихъ врачъ и царей поборникъ, чудотворецъ, великоученникъ и побѣдоносецъ Георгій, особенно чтимый славянкими народами, да сопутствуетъ вамъ, да вдохновляетъ васъ оспоминаніемъ о его подвигахъ и побѣдахъ славныхъ! Вы — одражатели его доблестей. Вы идете свободить плѣнные ристіанскіе народы отъ ужаснѣйшаго плѣна мусульманскаго. ы идете защищать нищихъ — народы, которые умѣютъ еустаннымъ трудомъ, пріобрѣтать себѣ богатство, но у коорыхъ хищникъ турокъ отнимаетъ нажитое тяжкимъ трудомъ остояніе. Вы идете уврачевать и тѣлесныя и душевныя язвы недуги истерзанныхъ, поруганныхъ братій нашихъ. Да сопутвуетъ же вамъ св. Георгій! И да украситъ вашу грудь лучшее крашеніе воина и награда воинской доблести — Георгіевскій ресть!

Добровольцы Болгаре!

Мы знаемъ о страданіяхъ вашихъ братій, о неистовствахъ жестокостяхъ турокъ, только по слухамъ и описаніямъ. Но

и при слушаніи и чтеніи разсказовъ о звѣрствахъ турецкихъ, въ жилахъ нашихъ цѣпенѣла кровь, пробѣгала дрожь по тѣлу, а у многихъ простирались впередъ руки, какъ бы съ цѣлью схватить и задушить дикаго звѣря-мучителя . . . А вы были свидѣтелями, зрителями неистовствъ турецкихъ; многіе изъ васъ потеряли близкихъ, дорогихъ вамъ лицъ — родителей, женъ, сестеръ, братьевъ, дѣтей истерзанныхъ . . . Что же перечувствовали, переиспытали *вы,* при видѣ этихъ неистовствъ!... Богъ-Мститель призываетъ васъ отмстить за неповинную кровь христіанскую, вопіющую на Небо . . . Васъ не нужно призывать къ самоотверженію, къ борьбѣ со врагомъ до послѣдней капли крови: вы горите нетерпѣніемъ быть бичомъ Божіимъ, смертельно поражающимъ свирѣпаго врага и притѣснителя вашихъ братій. Да поможетъ вамъ Господь врага поразить, а братій вашихъ спасти отъ порабощенія, мукъ и погибели.

На защитникахъ угнетенныхъ праведно почивать благословенію Божію: призываю на васъ благословеніе Божіе! Крѣпкій во бранѣхъ Господь, да дастъ крѣпость Царю нашему, Его доблестному воинству и вамъ, соратникамъ нашего воинства, на попраніе и сокрушеніе общаго нашего врага!" —

Послѣ этого слова преосвященный окропилъ добровольцевъ Святою водою.

Въ день ухода Ополченія, кишиневскіе болгаре предложили офицерамъ закуску, приготовленную на станціи желѣзной дороги, а ополченцамъ дали по стакану водки, хлѣба и жаренаго мяса.

Во время завтрака пили здоровье Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго: здравицы сопровождались восторженными „ура" офицеровъ и ополченцевъ.

Главнымъ распорядителемъ на этомъ угощеніи былъ кишиневскій житель, болгаринъ Уваліевъ.

Во время угощенія, архимандритъ Амфилохій Михайловъ раздавалъ ополченцамъ въ красивыхъ переплетахъ книжки: Евангелія, молитвенники и псалтыри.

Когда Ополченіе шло по городу, направляясь къ станціи желѣзной дороги, многіе молодые люди изъ болгаръ обращались къ Уваліеву и Иванову и другимъ представителямъ мѣстной болгарской колоніи, а нѣкоторые и прямо къ ротнымъ командирамъ, съ просьбами зачислить ихъ въ роты. Понятно,

Лагерь I-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

:о эти просьбы тотчасъ же исполнялись: ротные командиры ıписывали молодежь въ свои памятныя книжки и тутъ же ыдавали имъ на руки ружья.

II.

Выступленіе Ополченія изъ Кишинева. — Офицерскій составъ Ополченія. — Лагерная жизнь въ Плоэштахъ. — Освященіе Самарскаго знамени. — Обученіе ополченцевъ. — Недовольство офицеровъ. — Прибытіе Императора Александра II-го въ г. Плоэшты. — Посѣщеніе Императоромъ Александромъ II ополченскаго лагеря.

Утромъ 25-го апрѣля, первый эшалонъ, въ сопровожденіи множества народа, преимущественно болгаръ, которыхъ въ Кишеневѣ было много, прибылъ на станцію желѣзной дороги.

Такъ какъ оставалось еще довольно времени до срока отъѣзда, начальство произвело репетицію посадки ополченцевъ на поѣздъ. Репетиція была выполнена скоро и аккуратно, чѣмъ начальство осталось очень довольно.

Наконецъ, но не въ $8^{1}/_{2}$, какъ было назначено, а точно въ $11^{3}/_{4}$ часа утра, ударилъ первый звонокъ, а вслѣдъ затѣмъ роты, по командѣ, заняли свои мѣста въ вагонахъ; все это было выполнено также въ порядкѣ и безъ шума, не смотря на множество провожавшихъ, желавшихъ проститься съ своими друзьями и родственниками — ополченцами. Раздался третій звонокъ. Локомотивъ засвистѣлъ, запыхтѣлъ, и мы тронулись.

Многочисленный народъ провожалъ доблестныхъ сыновъ Болгаріи пожеланіями успѣха и неумолкаемыми „ура"... Ополченцы запѣли воинственныя пѣсни.

Я сѣлъ въ вагонъ вмѣстѣ съ ополченцами, какъ это сдѣлали и многіе другіе офицеры. Поѣздъ быстро пронесъ цвѣтъ болгарскаго народа — Болгарское Ополченіе мимо Кишинева, который, все болѣе и болѣе удаляясь, наконецъ совсѣмъ скрылся изъ вида.

— „Прощай на вѣки Кишиневъ!" сказалъ одинъ изъ ополченцевъ; вѣроятно подумали тоже и другіе.

— „Отчего-же на вѣки," возразилъ кто-то, „умирать, небось, не собираешься?"

— „Умирать-то не собираюсь, но къ чему мнѣ возвращаться въ Кишиневъ, когда я могу остаться жить уже въ *свободной* Болгаріи!“ послышалось въ отвѣтъ.

На самомъ дѣлѣ, никто не допускалъ мысли, что Болгарія можетъ остаться не освобожденной.

Пять, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я проѣзжалъ по этой же дорогѣ — Кишиневъ-Унгены-Плоэшты. На станціяхъ тогда не было особеннаго наплыва публики и пассажировъ, теперь, напротивъ, на станціяхъ, особенно въ Румыніи, толпилось безчисленное множество публики, преимущественно военной. Вся эта пестрая толпа: офицеры, солдаты и горожане то и дѣло сновали съ одного мѣста на другое; крики, смѣхъ, ругательства, охрипшіе голоса военныхъ комендантовъ станцій, свистки локомотивовъ, станціонные звонки — все сливалось въ одинъ общій оживленный шумъ.

Коменданты станцій, утомленные непривычной и хлопотливой работой, едва двигались то туда, то сюда съ книгою подъ мышкой. Охрипшіе ихъ голоса и разкраснѣвшіеся глаза доказывали, что большую часть сутокъ эти коменданты проводили въ работѣ; офицеры постоянно обращались къ нимъ съ разными вопросами, просьбами и требованіями, а горожане и пассажиры — съ жалобами.

На запасныхъ рельсахъ по станціямъ стояли готовые къ отправленію поѣзда, въ ожиданіи своей очереди, которое часто продолжалась по нѣсколько часовъ. Въ такомъ очередномъ порядкѣ ѣхалъ и поѣздъ съ ополченцами, и прибылъ въ г. Плоэшты едва къ 28 апрѣля. Во время путешествія, ополченцы получали теплую пищу, приготовлявшуюся заблаговременно на станціяхъ.

Городъ Плоэшты расположенъ на равнинѣ, къ югу отъ склоновъ Карпатскихъ горъ и недалеко отъ р. Теляжины; по восточной окраинѣ города протекаетъ рѣченка Домбова. Сказывали, что въ Плоэштахъ имѣлось около 5000 домовъ: постройки представляли смѣсь восточной и западной архитектуръ; улицы пыльныя, узкія и кривыя, а въ дождливое и зимнее время — грязныя; за то почти каждый домъ былъ окруженъ большимъ дворомъ и хорошимъ фруктовымъ садомъ.

Въ Плоэштахъ насчитывалось отъ 30 до 35 тысячъ жителей, преимущественно болгаръ, одна часть которыхъ орумы-

лась и лишь фамиліи свидѣтельствовали объ ихъ болгар-
омъ происхожденіи, какъ напримѣръ, Станчулеско, Добреску,
раганеску и др.*); другая же часть Болгаръ въ совершенной
стотѣ сохранила языкъ и обычаи.

Тѣмъ не менѣе, все-таки было видно, что болгарское
ціональное чувство въ населеніи не угасло и въ его жилахъ
четъ болгарская кровь, — это явствовало изъ той радости
тѣхъ симпатій, съ какими плоэштское населеніе встрѣтило
лгарское Ополченіе, къ которому кровные румыны, особенно
ъ интеллигенція, относились если не враждебно, то холодно.

Ополченіе расположилось въ городѣ по квартирамъ, но
-го апрѣля уже было перемѣщено и расположено лагеремъ
мѣстности между рѣками Домбова и Теляжина, въ $2\frac{1}{2}$
рстахъ на с.-в. отъ города.

Избранное для лагеря мѣсто было совершенно ровное и
счанное; въ 3-хъ верстахъ къ сѣверу отъ лагеря, въ на-
равленіи отъ ю.-з. къ с.-в., простиралась цѣпь небольшихъ
лмовъ; эти холмы служили Ополченію стрѣльбищнымъ ва-
мъ; въ этой мѣстности Болгарское Ополченіе провело среди
иленныхъ занятій цѣлый мѣсяцъ.

Ополченцы учились стрѣлять и колоть штыкомъ. Здѣсь,
лагерѣ, у ополченцевъ разгоралась та почти угасшая искра
блестнаго воинскаго духа, развивались преданность къ оте-
ству, храбрость и самоотверженіе, которыми отличались
гда-то ихъ прадѣды, во времена великихъ болгарскихъ
рей Крума, Симеона, Асѣня и др.

Въ городѣ Плоэштахъ мы застали около 1000 человѣкъ бол-
рскихъ добровольцевъ, прибывшихъ изъ г. Турну-Северина.

Выше было сказано, что послѣ перемирія между Турціей
Сербіей, Болгарскій Добровольческій Отрядъ былъ пере-
денъ на зимнія квартиры въ г. Крагуевацъ и что одна часть
ихъ добровольцевъ оставила сербскую службу и вернулась
стью въ Румынію, частью въ Россію, другая же часть, бòль-
ая, осталась въ Сербіи.

7-го февраля 1877 года, два болгарскихъ батальона были
правлены изъ Крагуевца въ придунайскую крѣпость Кла-
во; число добровольцевъ въ этихъ двухъ батальонахъ восхо-

*) Отъ болгарскихъ именъ Станчо, Добре и Драганъ. Прим. Пер.

дило до 1500 человѣкъ. Послѣ заключенія мира оба эти баталъона стали не нужными, но, не смотря на это, сербское правительство ихъ не отпускало. По словамъ маіора Чиляева, командовавшаго однимъ изъ этихъ батальоновъ, Сербское правительство задерживало добровольцевъ съ цѣлью сформировать русско-болгарскую дивизію въ качествѣ, какъ бы гвардіи тогдашняго князя Милана. Но, въ первыхъ числахъ апрѣля, былъ полученъ приказъ расформировать эту бригаду, что и было исполнено 7-го числа того-же мѣсяца. Добровольцамъ было роздано по два дуката и по паспорту и было объявлено: идти куда угодно. Еще въ тотъ-же день многіе изъ добровольцевъ отправились изъ Кладова черезъ Дунай въ противоположный городъ Турну-Северинъ. Находившійся въ этомъ городѣ Драганъ Цанковъ, извѣстный болгарскій патріотъ, пригласилъ въ тотъ-же день къ себѣ двухъ изъ добровольцевъ Георгія Николаева и Янко Жечева, произведенныхъ въ Сербіи въ офицерскій чинъ; въ гостинницѣ „Европа", куда отправились названныя лица, по приглашенію Д. Цанкова, находился кромѣ него и князь Нарышкинъ, членъ Московскаго Благотворительнаго Комитета; Д. Цанковъ, узнавъ о числѣ добровольцевъ, приказалъ Николаеву ихъ собрать и составить имъ именной списокъ. Николаевъ вмѣстѣ съ Жечевымъ собрали добровольцевъ и, такимъ образомъ, былъ составленъ батальонъ 4-хъ ротнаго состава и команда надъ нимъ была вручена маіору Миниху, а командованіе ротами этого батальона было повѣрено: 1-й — поручику Алабину; 2-й — подпоручику Николаеву; 3-й — поручику Князю Оболенскому и 4-й — подпоручику Жечеву.

Вечернимъ поѣздомъ того-же дня добровольцы предполагали оставить Турну-Северинъ. Радость борцовъ за свободу, болгарскихъ добровольцевъ, была не описуема, когда они узнали о сформированіи батальона.

На слѣдующій день всѣ добровольцы, въ количествѣ 650 человѣкъ, явились къ Д. Цанкову и тамъ былъ составленъ общій именной имъ списокъ.

10-го апрѣля, по распоряженію Д. Цанкова, батальонъ былъ отправленъ вечернимъ поѣздомъ въ Букурештъ, но, по пути, былъ полученъ приказъ батальону сойти на Краевскую желѣзно-дорожную станцію, гдѣ онъ и простоялъ нѣсколько дней; Д. Цанковъ и Кн. Нарышкинъ, продолжившие путь далѣе,

28—29.

Лагерь II-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

Букурештъ, отдали приказаніе этому батальону оставаться г. Краёвѣ, впредь до слѣдующаго распоряженія; само собой нятно, что добровольцамъ были оставлены дневныя и порционныя деньги.

Въ Краёвѣ, въ составъ батальона били зачислены еще коло 30-ти человѣкъ добровольцевъ, приведенныхъ какимъ то иколаемъ Поповымъ изъ г. Рущука.

Спустя нѣсколько дней, батальонъ былъ отправленъ прямо ъ Плоэшты, гдѣ и былъ расположенъ въ театральной залѣ гостинницѣ, принадлежавшихъ Ивану Котленскому, плоэштскому жителю, болгарину, родомъ изъ г. Котла.

Добровольцы этого батальона, до зачисленія ихъ въ Ополченіе, ежедневно занимались ученіемъ, но безъ ружей, такъ какъ таковыхъ не имѣлось. Эти добровольцы въ первый разъ услышали въ Плоэштахъ отъ Д. Цанкова, что будетъ сформировано Болгарское Ополченіе и что таковое приметъ участіе вмѣстѣ съ Русской арміей въ войнѣ за освобожденіе порабощеннаго отечества.

Изъ Плоэштъ Д. Цанковъ отправился по городамъ и селамъ приглашать болгаръ добровольцевъ поступать въ ряды Ополченія, и такимъ путемъ численность этого батальона, до прихода Ополченія изъ Кишинева, 28-го апрѣля, достигла 1000 человѣкъ, которые тотчасъ-же и были распредѣлены по частямъ Ополченія.

Утромъ 2-го мая, Великій Князь Главнокомандующій, прибылъ въ Плоэшты. Какъ наружный, такъ и внутренній караулы, въ квартирѣ Великаго Князя, были отъ I-ой и II-ой дружинъ Ополченія.

Въ тотъ же день прибылъ въ Плоэшты и князь Карлъ. Почетный караулъ для встрѣчи Князя на станціи былъ назначенъ отъ 1-ой роты I-ой дружины. Когда поѣздъ, съ которымъ прибылъ государь Румынскаго княжества, остановился на станціи, барабанщики заиграли *„встрѣчу“*; князь Карлъ быстро вышелъ изъ вагона и обнялся съ Великимъ Княземъ.

Главнокомандующій представилъ князю Карлу начальника своего штаба, его помощника, начальниковъ артиллеріи и инженеровъ, походнаго атамана и начальника Болгарскаго Ополченія, стоявшихъ въ строю на правомъ флангѣ почетнаго караула. Князь Карлъ прошелъ по фронту караула и принялъ орди-

нарцевъ: офицера, унтеръ-офицера и рядового. Затѣмъ князь и Главнокомандующій съ своими свитами отошли въ сторону, чтобы дать мѣсто для церемоніальнаго марша: почетная рота прошла отдѣленіями очень стройно и молодцовато, и князь Карлъ былъ удивленъ, узнавъ, что эти люди находились въ строю лишь съ 12-го апрѣля.

Къ 2-ому маю, лагерь былъ окончательно устроенъ, палатки были разбиты по дружинно — въ одну линію, причемъ роты были расположены колоннами, т. е. 2-ая и 3-яя роты — въ первой линіи, за ними слѣдовали 1-ая и 4-ая, а 5-ая заканчивала колонну. Построены были кухни, землянки для сохраненія продуктовъ, коновязи, а спустя два-три дня, передъ каждой дружиной торчали чучела для упражненій со штыкомъ, сдѣланныя изъ мѣшковъ, набитыхъ соломой, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, на которыхъ ополченцы изливали всю свою затаенную противъ турокъ злобу.

Къ 3-му мая, лагерная жизнь была уже въ полномъ разгарѣ и съ этого числа начались систематическія занятія съ ополченцами.

Между тѣмъ добровольцы все продолжали прибывать, и для принятія послѣднихъ была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Корсакова и въ составѣ членовъ: доктора Бонева и упомянутаго выше кишиневскаго исправника И. С. Иванова. Но ввиду того, что полковникъ Корсаковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ и другой комиссіи, на которую было возложено принимать вещи и предметы вооруженія отъ г. Щербакова, агента Московскаго Благотворительнаго Комитета, и наблюдать за обмундированіемъ, вооруженіемъ и снаряженіемъ ополченцевъ, то 9-го мая была назначена новая комиссія подъ предсѣдательствомъ И. С. Иванова и въ составѣ членовъ: маіора Миниха и доктора Вязанкова. Эта комиссія принимала ополченцевъ, а полковникъ Корсаковъ ихъ вооружалъ, обмундировывалъ и отправлялъ ихъ въ роты, вмѣстѣ съ вещевой вѣдомостью, въ которую вписывались всѣ предметы вооруженія и снаряженія, данные ополченцамъ.

Инструкціей по пріему добровольцевъ предписывалось слѣдующее:

1) Изслѣдовать и узнать о происхожденіи желающихъ поступить подъ знамя Ополченія;

Лагерь III-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

2) Освидѣтельствовать желающихъ поступить въ Ополченіе, годны ли они для службы;

3) Составить списокъ принятымъ Ополченцамъ, а также проэктъ приказа о зачисленіи ихъ въ дружины;

4) Представлять эти списки въ штабъ Ополченія и въ дружины, и

5) Представлять въ штабъ Ополченія списки о непринятыхъ, съ отмѣткою о причинахъ.

Какъ видно изъ этой инструкціи, въ ней не было сказано какого возраста должны быть принимаемые ополченцы, и поэтому комиссія принимала и старцевъ отъ 60 до 65 лѣтъ и молодежь 14—15 лѣтняго возраста. Въ числѣ принятыхъ попадались и отцы со своими сыновьями; такъ напримѣръ, приказомъ 18-го мая, ополченецъ 5-ой дружины Цеко Койчевъ переводился въ 4-ую, а Георгій Рашковъ — изъ 4-ой въ 6-ую дружины для совмѣстнаго служенія съ своими отцами.

Послѣ всякой войны между Россіей и Турціей тысячи болгарскихъ семействъ переселялись изъ Болгаріи въ Румынію и въ южные предѣлы обширнаго русскаго царства, гдѣ находили сочувственный пріемъ и покровительство. Эти переселенцы или поселялись въ городахъ и селахъ, или выбирали хорошія и плодородныя мѣстности и поселялись въ нихъ; съ теченіемъ времени эти поселки разростались въ города и села, какъ напр., г. г. Александрія, Болградъ и др. Такимъ путемъ почти вся Бессарабія была заселена исключительно переселенцами болгарами и въ ней насчитывалось болѣе двухсотъ болгарскихъ селъ.

Кромѣ того каждую весну изъ Болгаріи въ Румынію приходили тысячи болгаръ, преимущественно огородники и сельскіе рабочіе, не имѣвшіе, конечно понятія о существованіи Болгарскаго Ополченія. Поэтому, когда Ополченіе прибыло въ Плоэшты, отъ каждой дружины были посланы по нѣсколько человѣкъ ополченцевъ, хорошо знакомыхъ со страной, сообщить указаннымъ рабочимъ о сформированіи Ополченія и пригласить ихъ поступить въ его ряды. И дѣйствительно, эта мѣра не запоздала дать хорошій результатъ: огородники, пастухи, рабочіе, одѣтые въ свои зипуны, лапти и мѣховыя шапки, начали являться къ пріему; но, кромѣ нихъ, между явившимися было много также и интеллигентныхъ болгаръ изъ переселенцевъ, какъ равно были и сербы, старо-сербы, греки, чер-

ногорцы и, къ удивленію, попадались даже цыгане и турки; такой одинъ турокъ былъ зачисленъ въ III-ю дружину.*)

— „И зачѣмъ только принимаютъ инородцевъ, если Болгарское Ополченіе должно состоять исключительно изъ болгаръ?“ спрашивали другъ друга ополченцы: „да еще вдобавокъ принимаютъ и турокъ!“

Ополченцы не скрывали своей непріязни къ товарищамъ по оружію — сербамъ, грекамъ и другимъ, и не пропускали случая, чтобы не задѣть ихъ какою либо острою или обидною насмѣшкой:

— „Эй, *брача срби!* . . . . да будетъ вамъ извѣстно, что у насъ нѣту *натраг*, а только — *напред* . . .“ Или, обращаясь къ грекамъ, говорили: „капитаны! на Балканахъ нѣтъ барокъ и *чирузы* **) не ловятся.“

— „Отчего не уходишь къ своимъ?“ спрашивали ополченцы турка, имени котораго не помню: „и не станешь башибузукомъ, чтобы убивать мирныхъ Болгаръ? Въ Ополченіи могутъ тебя убить, да и кромѣ того намъ готовятъ свинину.“

— „Оттого то я и буду драться съ моими единовѣрцами,“ отвѣчалъ турокъ, „что они убиваютъ и мучаютъ мирныхъ жителей; что же касается пищи, то я могу ѣсть и сухой хлѣбъ, а затѣмъ да будетъ воля Аллаха.“ —

Турокъ такъ добродушно и смиренно высказывалъ эти мысли, что совершенно обезоруживалъ своихъ товарищей болгаръ, которые впослѣдствіи полюбили его и относились къ нему по товарищески, особенно послѣ сраженій, въ которыхъ этотъ нашъ турокъ дрался со своими единовѣрцами не хуже болгаръ.

Къ сожалѣнію, не такъ относились къ дѣлу ополченцы другихъ народностей, особенно, *брача срби,* но объ этомъ я упомяну ниже; впрочемъ въ III-ей дружинѣ было и нѣсколько грековъ, сочувственно относившихся къ болгарскому святому дѣлу. Одинъ изъ нихъ отличался особенной привязанность къ

*) Этого турка я видѣлъ до 1888 г. въ пловдивской таможнѣ, гдѣ онъ служилъ таможеннымъ стражникомъ. Онъ былъ турецкимъ солдатомъ, служилъ въ видинскомъ гарнизонѣ, откуда и убѣжалъ. Во время сербско-турецкой войны, онъ поступилъ въ Болгарскій Добровольческій Отрядъ, съ которымъ принималъ горячее участіе въ войнѣ съ Турками.

**) Любимая греками сушеная рыба скомбрія. Прим. Пер.

болгарамъ и былъ полонъ готовности пожертвовать собой за православныхъ болгаръ.

Это былъ грекъ, закаленый и посѣдѣвшій въ бояхъ съ общимъ нашимъ врагомъ Турціей — Караискаки. Ему уже было за 60 лѣтъ, но, не смотря на то, онъ во время походовъ всегда шелъ впереди роты. Его освободили отъ ученій и отъ строя во время походовъ; по болгарски онъ не говорилъ, плохо объяснялся и по турецки; ополченцевъ онъ называлъ: *„Мой детча“* (мои дѣти). Караискаки былъ принятъ въ офицерскомъ кружкѣ III-й дружины.*)

— „Караискаки, греки не любятъ болгаръ, а ты пришелъ за нихъ драться?!“ спрашивали его, бывало, офицеры.

— „Я дрался и буду драться съ общимъ врагомъ народовъ Балканскаго полуострова,“ отвѣчалъ старикъ: „а какъ православные христіане мы должны помочь болгарамъ: помогали и они намъ во время нашего возстанія за Вѣру Христову!“

Приказомъ по Ополченію, когда еще таковое было въ Кишиневѣ, предписывалось продукты и провіантъ для ополченцевъ получать отъ *„Товарищества Коганъ, Горвицъ и Грегеръ“;* но такъ какъ получаемые отъ этого *товарищества* продукты всегда были недоброкачественны, то съ прибытіемъ въ Плоэшты, приказомъ по Ополченію было предписано, въ случаѣ если будетъ продолжаться поставка недоброкачественныхъ продуктовъ, покупать таковые на рынкѣ; въ цѣляхъ же ознакомить артельщиковъ съ мѣстными цѣнами предметовъ продовольствія, отъ каждой дружины были посланы по трое ополченцевъ въ ближайшіе города и села собрать свѣдѣнія объ этихъ цѣнахъ. Такая мѣра со стороны начальства имѣла хорошія послѣдствія: на ба́зарѣ покупались хорошіе свѣжіе продукты, а по этому и пища ополченцевъ была вкусна и питательна. Пища состояла преимущественно изъ щей, рисоваго плова, каши изъ кукурузной, пшённой или гречневой крупы, а иногда вмѣсто щей готовили мясные похлебки. Ополченцы предпочитали пшённую, а особенно кукурузную каши. Понятно, что щи и похлебки приготовлялись въ болгарскомъ вкусѣ, съ достаточнымъ количествомъ перца, къ неудоволь-

*) Въ мартѣ 1891 года, во время стамбуловскаго управленія, судьба насъ вновь свела съ 80-ти лѣтнимъ старикомъ Караискаки, но уже не на полѣ сраженія, а въ IV-омъ полицейскомъ участкѣ столицы свободной Болгаріи.

ствію кадровыхъ нижнихъ чиновъ, которые, впрочемъ, вскорѣ привыкли къ острой пищѣ.

Въ Кишиневѣ, а въ первое время и въ Плоэштахъ, когда составъ ротъ въ нашей дружинѣ былъ незначителенъ, пища приготовлялась для двухъ ротъ въ одномъ котлѣ; но, когда, съ 12-го мая, ротный составъ увеличился, то приказомъ по дружинѣ предписывалось готовить для каждой роты отдѣльно; тѣмъ же приказомъ предписывалось ротамъ и выбрать кашеваровъ, артельщиковъ и обозныхъ.

Офицеры III-й дружины столовались въ офицерской кухнѣ, организованной въ дружинѣ, подъ завѣдываніемъ одного изъ ротныхъ командировъ; поваромъ былъ одинъ изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ; кушанья были вкусны и питательны, а въ тоже время и дешевы: въ мѣсяцъ расходъ не превышалъ 12 серебрянныхъ рублей на человѣка вмѣстѣ съ виномъ.

Когда дружина прибыла въ Плоэшты, ротнымъ командирамъ было предписано пріобрѣсти ротныя артельныя двуконныя повозки, и было вмѣнено въ обязанность сдѣлать это къ 15-му мая.

— „И къ чему намъ эти повозки, когда ожидается изъ Кишинева ополченскій обозъ? Къ тому же, гдѣ отыскать подходящія повозки?“ недоумѣвали ротные командиры.

Между тѣмъ ларчикъ просто открывался, потому что румыны за деньги готовы были сдѣлать, что угодно и подходящія повозки достали бы хоть изъ подъ земли.

Къ серединѣ мая въ Ополченіе прибыли кадровые чины для сформированія болгарскихъ конныхъ сотень, каковыя согласно Высочайшему повелѣнію должны были быть организованы. Кадръ состоялъ изъ офицеровъ: ротмистры: Лосевъ, Невѣровъ и Лукашевъ, штабсъ-ротмистры: Языковъ, Ризенкампфъ и Муратовъ, затѣмъ капитанъ Бураго, штабсъ-капитаны — Ермоловъ и Ковалевъ, поручики Сомовъ и Сухонинъ, и 60-ти нижнихъ чиновъ.

Штабсъ-ротмистръ Языковъ былъ по происхожденію болгаринъ. Во время Русско-Турецкой войны 1829 года, отецъ Языкова былъ вывезенъ однимъ высшимъ офицеромъ, который его воспиталъ и усыновилъ; впослѣдствіи онъ женился на русской и отъ этого брака былъ рожденъ молодой Языковъ, поступившій въ свое время на военную службу и теперь, по

34—35.

Лагерь IV-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

обственному желанію, былъ прикомандированъ къ Болгаркому Ополченію.

Штабсъ-ротмистръ Языковъ не зналъ болгарскаго языка, ю живо интересовался отечествомъ своихъ предковъ; онъ съ етерпѣніемъ ожидалъ тотъ счастливый день, когда будутъ формированы болгарскія конныя сотни, и потому былъ очень е доволенъ отсрочкой ихъ сформированія, а послѣ, когда аковое было совершенно отложено, онъ съ видимымъ недовольствіемъ оставилъ службу въ Ополченіи.

Командирами формируемыхъ сотень были назначены: перзой — капитанъ Бураго, второй — штабсъ-ротмистръ Ермоловъ, третьей — шт.-ротмистръ Скалонъ, четвертой — шт.-ротмистръ Ризенкампфъ, пятой — ротмистръ Лосевъ и шестой — ротмистръ Муратовъ; остальные офицеры и кадровые нижніе чины были распредѣлены по сотнямъ; болгарскія конныя сотни завѣдывались флигель-адъютантомъ полковникомъ Стакельбергомъ.

Въ первой половинѣ мая, прибылъ въ Плоэшты ополченскій обозъ. Для принятія этого обоза, состоявшаго изъ 102 пароконныхъ повозокъ нѣмецкаго образца, изъ депо полковника Моравскаго были командированы маіоръ Поповъ и поручикъ Астафьевъ. Обозная прислуга состояла изъ кадровыхъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ. Назначеніе обоза было возить вслѣдъ за Ополченіемъ предметы вооруженія, снаряженія и обмундированія, а также сухари и провизію.

10-го мая прибылъ наконецъ командиръ 3-ей роты штабсъ-капитанъ Поповъ, которому я и передалъ роту. Впрочемъ, къ тому же числу прибыли и всѣ прочіе офицеры, назначенные въ III-ю дружину, за исключеніемъ капитана Ѳедорова, командира 1-ой роты.

Офицерскій составъ Болгарскаго Ополченія былъ слѣдующій:

Начальникъ Ополченія генералъ-маіоръ Н. Г. Столѣтовъ.

Штабъ Ополченія: Начальникъ штаба подполковникъ Рынькевичъ; старшій адъютантъ по хозяйственной части штабсъ-капитанъ Ильинъ; старшій адъютантъ по строевой части штабсъ-капитанъ Сухотинъ; ординарцы: штабсъ-ротмистры Невѣровъ и Лукашевъ; младшій ординарецъ поручикъ Сухонинъ; интендантъ ополченія полковникъ Исаевъ.

Прикомандированные къ штабу: ротмистръ Чиляев питаны Яновичъ и Ефремовъ.

I-ая бригада.

Бригадный командиръ полковникъ Корсаковъ; бриг священникъ архимандритъ Амфилохій Михайловъ.

I-ая дружина.

Дружинный командиръ, подполковникъ Кесяковъ; жинный адъютантъ поручикъ Новицкій; дружинный каз поручикъ Зякинъ.

Командиры ротъ:

1-ой роты — капитанъ Илышевъ;
2-ой „ — „ Стражевскій;
3-ей „ — штабсъ-капитанъ Полянскій;
4-ой „ — „ „ Красинскій;
5-ой „ — „ „ Колесинскій;

Субалтернъ-офицеры:

подпоручики Дѣловъ и Стояновъ, болгаре изъ Бесса|

Прикомандированные къ дружинѣ:

штабсъ-капитаны: Лобановскій и Ламбухинъ;
поручики: Прилуцкій, Соллогубъ и Савельевъ;
прапорщикъ Вальднеръ;
старшій врачъ надв. совѣт. К. Боневъ.

II-ая дружина.

Дружинный командиръ, маіоръ Куртьяновъ; дружи адъютантъ поручикъ Богушевскій, онъ же и дружинный к чей; докторъ Сава Мирковъ, болгаринъ.

Командиры ротъ:

1-ой роты — капитанъ Мединскій;
2-ой „ — „ Гурскій;
3-ей „ — штабсъ-капитанъ Малининъ;
4-ой „ — поручикъ Морозовъ;
5-ой „ — „ Обнинскій;

Позднѣе прибыли въ дружину:

штабсъ-капитанъ Волгинъ;
поручикъ Сокальскій;
„ Шиваровъ, болгаринъ;
„ Скорняковъ;
юнкеръ Андрей Блысковъ, болгаринъ;
„ Маринъ Поповъ, болгаринъ;

юнкеръ Коста Паница, болгаринъ;
„ Атанасъ Узуновъ, болгаринъ;

II-ая бригада.

Бригадный командиръ, полковникъ Князь Вяземскій; бри-
дный адъютантъ поручикъ Астафьевъ; бригадный священ-
къ Драгановъ.

III-ая дружина.

Дружинный командиръ, подполковникъ Калитинъ, турке-
анецъ*); дружинный адъютантъ подпоручикъ Поликарповъ,
ркестанецъ; дружинный казначей поручикъ Бѣляевъ; завѣ-
ющій оружьемъ поручикъ Поповъ, туркестанецъ; докторъ
нзанковъ, болгаринъ.

Командиры ротъ:
1-ой роты — капитанъ Ѳедоровъ, туркестанецъ;
2-ой „ — штабсъ-капитанъ Усовъ;
3-ей „ — „ „ Поповъ, туркестанецъ;
4-ой „ — поручикъ Филовъ, болгаринъ;
5-ой „ — штабсъ-капитанъ Стесель.

Субалтернъ-офицеры:
поручикъ Живаревъ, туркестанецъ;
подпоручикъ Добровскій;
„ Кисовъ, болгаринъ;
„ Лазаровъ;
„ Гуджевъ, болгаринъ;
прапорщикъ Большовъ;

IV-ая дружина.

Дружинный командиръ, маіоръ Рѣдькинъ, туркестанецъ;
ужинный адъютантъ поручикъ Коростелевъ; дружинный
зачей поручикъ Андреевскій; докторъ Угрюмовъ.

Командиры ротъ:
1-ой роты — капитанъ Р. Николовъ, болгаринъ;
2-ой „ — штабсъ-капитанъ Михида;
3-ей „ — „ „ Киселевъ;
4-ой „ — „ „ Крейцъ-Бристъ;
5-ой „ — поручикъ Кашталинскій, туркестанецъ;

Субалтернъ-офицеры:
поручикъ Симанскій;
„ Забѣлинъ;

---

*) Т. е. офицеры, служившіе въ нашихъ войскахъ въ Туркестанѣ.

III-ая бригада.

Бригадный командиръ, полковникъ графъ Толстой.

V-ая дружина.

Дружинный командиръ, подполковникъ Нищенко; жинный адъютантъ поручикъ Рудолинъ; дружинный казн поручикъ Иващенко.

Командиры ротъ:

1-ой роты — капитанъ Сухомлиновъ;
2-ой „ — „ Амосовъ;
3-ей „ — штабсъ-капитанъ Розановъ;
4-ой „ — поручикъ Чернявскій;
5-ой „ — „ фонъ-деръ-Ховенъ.

Субалтернъ-офицеры:

поручикъ Ильинъ;
„ Павловъ;
„ Плещинскій;
„ Сахаровъ;
„ Войцеховскій;
„ Ламбухинъ;
„ Рутковскій;
штабсъ-капитанъ Пуцята;
капитанъ Поль;
подпоручикъ Николаевъ, болгаринъ;
„ Максютенко 1-ый;
„ Максютенко 2-ой.

VI-ая дружина.

Дружинный командиръ, подполковникъ Бѣляевъ; жинный адъютантъ поручикъ Рубцовъ; дружинный казн поручикъ Сократовъ.

Командиры ротъ:

1-ой роты — штабсъ-капитанъ Васильевъ;
2-ой „ — „ „ Якобсонъ;
3-ей „ — „ „ Шостакъ;
4-ой „ — „ „ Мещевъ;
5-ой „ — поручикъ Линкольнъ.

Субалтернъ-офицеры:

штабсъ-капитанъ Новлянскій и поручикъ Плещинск

Многіе изъ поименованныхъ офицеровъ были впо ствіи переведены въ дружины II-ого Ополченія, и кромѣ

ногіе офицеры временно прикомандировывались къ Ополченію затѣмъ отбывали въ другія части.

Въ первой половинѣ мая въ разное время прибыли въ дружину слѣдующіе офицеры:

подпоручикъ Божинскій — въ 1-ую роту, поручикъ Терминскій — въ 4-ую роту, затѣмъ штабсъ-капитаны: Товаровъ, Севрюкъ, Мѣстниковъ, поручикъ Крушниковъ и капитанъ Григоровъ.

Какъ видно изъ отмѣтокъ противъ именъ каждаго офицера III-ей дружины, почти половина были изъ служившихъ въ Туркестанскихъ войскахъ — офицеры безъ сомнѣнія храбрые, каленые въ бояхъ по Туркестанскимъ степямъ, но въ тоже время люди съ жесткимъ характеромъ, съ особыми взглядами на войну и знавшіе себѣ цѣну — качества, которыхъ они и не скрывали. Это послѣднее обстоятельство послужило къ раздѣленію офицеровъ III-ей дружины на два лагеря, но объ этомъ буду говорить ниже; теперь же скажу вообще, что подборъ офицеровъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, не вполнѣ отвѣчалъ своему высокому назначенію.

Сказавъ, что подборъ офицеровъ *не отвѣчалъ* таковому назначенію, я не подразумѣваю, конечно, качествъ офицеровъ, напротивъ, назначенные въ Ополченіе офицеры были люди интеллигентные и отличались знаніемъ службы, но хочу подчеркнуть то обстоятельство, что они были собраны изъ разныхъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ разныхъ краяхъ обширнаго русскаго царства. Тутъ были офицеры изъ арміи, гвардіи, молодой гвардіи, стрѣлковыхъ гвардейскихъ и не гвардейскихъ частей, линейныхъ Сибирскихъ и Туркестанскихъ батальоновъ, были и кирасиры и кавалерійскіе офицеры; были и старые закаленные служаки и юноши, едва начинавшіе службу. Вотъ почему, мнѣ думалось, что эти офицеры разнаго общественнаго положенія и разнаго военнаго закала врядъ ли смогутъ столь тѣсно сплотиться, чтобы въ полной гармоніи и дружескомъ согласіи воспитывать въ сердцахъ своихъ учениковъ-ополченцевъ, тѣ начала, которыя необходимы всякому нравственному, дисциплинированному и самоотверженному солдату.

Что-же касается нижнихъ чиновъ, то одна часть ихъ совершенно не отвѣчала своему назначенію, они, какъ и офицеры, были изъ разныхъ частей и кромѣ того одна часть ихъ была призвана изъ запаса арміи и сама имѣла нужду въ учителяхъ;

но главное, что между ними были и такіе, которые любили выпивать. Впрочемъ иначе и быть не могло: кто изъ командировъ частей отдалъ бы лучшихъ унтеръ-офицеровъ, а себѣ оставилъ бы посредственныхъ! Двое изъ унтеръ-офицеровъ были мнѣ извѣстны еще со времени моей службы въ одномъ съ ними батальонѣ, въ 1872 году, какъ любители, чуть ли не ежедневно выпивать и эти унтеръ-офицеры попали теперь въ Ополченіе просвѣщать *булгарцевъ*.

Въ этихъ соображеніяхъ я полагалъ, что было бы цѣлесообразнѣе, если бы въ Ополченіе, какъ офицеры, такъ и кадровые нижніе чины были назначены изъ частей, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ, потому что въ этихъ частяхъ было много офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ болгаръ — колонистовъ, которые безъ сомнѣнія имѣли болѣе опредѣленное понятіе, чѣмъ русскіе, о своихъ сонародникахъ — ополченцахъ.

До какой степени нѣкоторые офицеры имѣли смутное понятіе о Болгаріи въ тѣ времена, можетъ послужить примѣромъ слѣдующій фактъ: въ 1876 г., когда мы, офицеры изъ болгаръ, приготовлялись отправляться въ Сербію, мой батальонный командиръ маіоръ Потемкинъ, недавно прибывшій изъ сѣверныхъ губерній, задалъ мнѣ между прочимъ слѣдующій вопросъ: „Скажите пожалуйста, кто вашимъ болгарскимъ княземъ и много ли у васъ войска?“ когда же я ему объяснилъ о положеніи Болгаріи, онъ воскликнулъ: „Аа! значитъ вы совсѣмъ рабы!“

Въ началѣ мая мѣсяца, приказомъ по Ополченію было объявлено, что впредь до втораго распоряженія виновные въ совершеніи уголовныхъ преступленій ополченцы, будутъ предаваемы военно-полевому суду; приказомъ же по Ополченію отъ 22-го того же мая при каждой дружинѣ были учреждены дисциплинарные суды, въ составѣ: предсѣдателя — ротнаго командира (капитанъ), двухъ членовъ — ротныхъ командировъ и дѣлопроизводителя — субалтернъ-офицера.

Согласно этому приказу были назначены въ составъ суда *при І-ой дружинѣ:* предсѣдателемъ — капитанъ Стражевскій, членами — штабсъ-капитаны Лобановскій и Рогозинскій, и дѣлопроизводителемъ — поручикъ Лебедевъ;

при ІІ-ой дружинѣ: предсѣдателемъ — капитанъ Мединскій, членами — поручики Сокальскій и Шиваровъ, и дѣлопроизводителемъ — поручикъ Скорняковъ;

при III-ей дружинѣ: предсѣдателемъ — штабсъ-капитанъ Усовъ, членами — штабсъ-капитанъ Поповъ и поручикъ Жижаревъ, и дѣлопроизводителемъ — подпоручикъ Кисовъ;

при V-ой дружинѣ: предсѣдателемъ — капитанъ Сухомлиновъ, членами — штабсъ-капитанъ Пуцята и поручикъ Рудолинъ, и дѣлопроизводителемъ — поручикъ Рутковскій;

при VI-ой дружинѣ: предсѣдателемъ — штабсъ-капитанъ Васильевъ, членами — штабсъ-капитанъ Якобсонъ и поручикъ Сахаровъ, и дѣлопроизводителемъ — поручикъ Плещинскій.

Согласно упомянутому приказу по Ополченію, виновные въ преступленіяхъ, не подсудныхъ военному полевому суду, переводятся начальникомъ Ополченія въ разрядъ штрафованныхъ, а въ случаѣ совершенія вторичнаго преступленія — исключаются изъ рядовъ Ополченія, какъ недостойные въ немъ служить и содѣйствовать освобожденію своего отечества.

Въ первыхъ числахъ мая, по лагерю разнесся слухъ, что жители города Самары вскорѣ пришлютъ Ополченію знамя, которое будетъ передано одной изъ дружинъ. Слухъ этотъ скоро оправдался. Самарскій городской голова Кожевниковъ и гласный городской думы д. с. с. Алабинъ привезли это знамя; 6-го мая оно было прибито къ древку, освящено и передано въ III-ю дружину. Извѣстіе о прибытіи депутаціи изъ Самары со знаменемъ привлекло въ Плоэшты многихъ болгаръ изъ дальнихъ городовъ: Кишинева, Болграда, Измаила, Рени, Браилова и др.

День 6-го мая былъ съ утра пасмурный; но, не смотря на это, плоэштскіе жители вмѣстѣ со своими гостями, болгарами изъ другихъ городовъ, еще съ зарей, начали толпами собираться на лагерномъ полѣ.

Церемонія освященія знамени была назначена въ два часа по полудни; къ этому времени прибылъ въ лагерь Ополченія Великій Князь Главнокомандующій съ Августѣйшимъ своимъ сыномъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, въ сопровожденіи конвоя отъ Терскихъ казаковъ. Генералъ Столѣтовъ встрѣтилъ Великаго Князя и подалъ ему строевой рапортъ. Великій Князь поздоровался съ ополченцами, построенными колоннами по взводно.

Въ центрѣ лагерной промежуточной площадки было приготовлено все нужное для освященія знамени: на большомъ столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, были положены Св. Евангеліе,

Крестъ, походныя дружинныя иконы, сосудъ для освященія воды, а также и полотнище знамени и древко съ лентами; у стола ожидали архимандритъ Амфилохій и священникъ Драгановъ; тутъ же находились уполномоченные города Самары: городской голова Кожевниковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Алабинъ.

Знамя представляло собою широкое полотнище, сшитое изъ трехъ цвѣтныхъ полосъ: бѣлой, пунсовой и синей, съ лентами тѣхъ же цвѣтовъ; посреди полотнища — черный крестъ, разукрашенный золотыми арабесками; посреди креста, съ одной стороны знамени — образъ Божіей Матери Иверской, а съ другой — изображеніе славянскихъ Первоучителей Св. Кирилла и Меѳодія. На пунсовой лентѣ была вышита золотомъ надпись: „Болгарскому народу.“ Древко чернаго цвѣта, съ позолоченной скобой, украшено было серебряннымъ, вызолоченнымъ съ чернью остріемъ копья, въ древне-русскомъ стилѣ. На позолоченной скобѣ древка стояла надпись: „Болгарскому народу, городъ Самара 1876 годъ.“

Это знамя было приготовлено къ апрѣльскому возстанію еще въ прошломъ году, но въ виду неудачи, постигшей это возстаніе, закончившееся, какъ извѣстно, рѣзней въ Батакѣ, Перуштицѣ и въ другихъ мѣстахъ, знамя не было отправлено по назначенію до поры, когда представилась возможность передать его Болгарскому Ополченію.

Великій Князь, обойдя Ополченіе, остановился у аналоя и приказалъ барабанщику ударить бой *„на молитву!“* а самъ подошелъ къ столу, приготовленому для освященія знамени. Раздалась команда: „Дружины на молитву! Шапки долой!“ Солдаты взяли „на молитву“ и сняли шапки. Изъ строя былъ вызванъ унтеръ-офицеръ III-й дружины Марчинъ, назначенный въ знаменщики.

Когда наступилъ моментъ прибить полотно къ древку, Самарскій уполномоченный Кожевниковъ подалъ на подносѣ Его Императорскому Высочеству молотокъ и гвозди; Великій Князь, осѣнивъ себя троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ, вбилъ первые три гвоздя: вверху, посрединѣ и внизу полотнища и передалъ молотокъ своему Августѣйшему сыну.

Послѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, вбивали послѣдовательно, каждый по одному гвоздю, и прочіе военачальники: генералъ-

Освященіе самарскаго знамени въ присутствіи Е. И. В. Великаго Князя Главнокомандующаго.

адъютантъ Непокойчицкій, генералъ Столѣтовъ, бригадные командиры, начальникъ штаба Ополченія, дружинные командиры и офицеры III-ей дружины. Затѣмъ Великій Князь передалъ молотокъ присутствовавшему при этомъ обрядѣ воеводѣ Цеко Петкову; послѣдній взялъ молотокъ, перекрестился, и, вколачивая гвоздь, сказалъ: „Дай Богъ, въ добрый часъ, да поможетъ намъ *Русскій Богъ* счастливо окончить великое дѣло!“

Послѣ воеводы Цеко, вбили по гвоздю, уполномоченные г. Самары, архимандритъ Амфилохій, священникъ П. Драгановъ, представитель Кишиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановъ и глава плоэштской депутаціи Иванъ Котленскій, которому Его Высочество при этомъ сказалъ: „Дай Богъ, по скорѣе кончить дѣло въ вашу пользу!“

Затѣмъ вбивали гвозди и ополченцы отъ каждой дружины по одному; послѣдній гвоздь вбилъ знаменщикъ III-ей дружины унтеръ-офицеръ Антонъ Марчинъ.

Великій Князь Главнокомандующій навязалъ бантомъ ленты на знамя, поднялъ его со стола и передалъ генералу Столѣтову, который, согласно нашему уставу, опустился на колѣни для принятія знамени и оставался колѣнопреклоненнымъ все время, пока Архимандритъ Амфилохій читалъ надъ полуопущеннымъ знаменемъ молитву о дарованіи побѣдъ и не окропилъ его святой водой; по окончаніи этого обряда, Великій Князь Главнокомандующій принялъ знамя отъ Столѣтова и собственноручно вручилъ его знаменщику Марчину; асистентомъ при знаменщикѣ былъ назначенъ ополченецъ Булаичъ.

Съ утра еще густыя темныя облака носились по небу; когда же знаменщикъ поднялъ знамя и оно распахнулось и зашелестило въ воздухѣ, на темно-свинцовомъ горизонтѣ неба блеснула молнія, раздался сильный раскатъ грома и, спустя не много, пошелъ дождь какъ бы окропляя още разъ освященное уже знамя.

— „Хорошій знакъ, хорошее начало! Это къ счастью для Болгаріи, что Богъ окропилъ наше знамя“, говорили присутствовавшіе болгаре и ополченцы.

Барабаны ударили *„отбой.“* Ополченцы накрыли головы, по командѣ взяли *„на плечо,“* затѣмъ *„на краулъ“* и знамя при общихъ кликахъ „ура“ и грохотѣ барабановъ, бившихъ

ему *„походъ,“* предшествуемое дружиннымъ адъютантомъ, было отнесено во фронтъ III-й дружины.

— „Поздравляю васъ, ребята, со знаменемъ!“ обратился Главнокомандующій къ Ополченію: „надѣюсь, что вы молодцами подъ нимъ послужите и выручите своихъ братьевъ изъ-подъ турецкой неволи!“

Эти слова Великого Князя были встрѣчены всеобщими восторженными „ура“ ополченцевъ и множества присутствовавшихъ болгаръ.

Послѣ этого дружины были пропущены мимо Главнокомандующаго во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ церемоніальнымъ маршемъ и торжество окончилось.

Нужно ли говорить, что этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ торжественныхъ для ополченцевъ, особенно для III-ей дружины?!

Лишь только распустили ополченцевъ послѣ церемоніальнаго марша, какъ въ расположеніи III-ей дружины послышались звуки *гайдъ, каваловъ* *) и скрипокъ, а согласный хоръ пѣсенниковъ развеселилъ окрестности.

Ополченцы изъ другихъ дружинъ и множество гражданъ изъ Плоэштъ толпились около III-й дружины, поздравляя: первые — своихъ товарищей, а вторые — своихъ соотечественниковъ со знаменемъ, и выражали имъ тысячи благопожеланій.

Торжество продолжалось поздно до вечерней зари.

7-го мая болгарское общество въ Плоэштахъ дало обѣдъ въ честь депутаціи изъ Самары и офицеровъ Болгарскаго Ополченія во главѣ съ генераломъ Столѣтовымъ; на этомъ обѣдѣ пили много здравицъ. Первыя два тоста были предложены генераломъ Столѣтовымъ и И. С. Ивановымъ за здравіе Императора.

Послѣ многихъ здравицъ, г. Алабинъ произнесъ здравицу за Болгарское Ополченіе, закончивъ таковую слѣдующими словами: „да созрѣетъ изъ этого цвѣтка роскошный плодъ на счастье и славу Болгаріи и Россіи!“ Въ отвѣтъ на эту здравицу, генералъ Столѣтовъ предложилъ тостъ за здоровье Самарцевъ и ихъ уполномоченныхъ — „виновниковъ вчерашняго торжества“. На этотъ тость г. Алабинъ отвѣтилъ:

---

*) Народные музыкальные инструменты болгаръ. Прим. Пер.

Первый знаменщикъ Ополченія,
унтеръ-офицеръ Марчинъ.

тр. 44—45.

„Не намъ, господа, принадлежитъ эта честь. Мы только ничтожная часть, одинъ маленькій уголокъ нашей Россіи, и не мы одни сочувствуемъ вамъ, нашимъ братьямъ: вся Россія заодно съ нами! Намъ же выпала только счастливая доля явиться предъ вами первыми выразителями ея всенароднаго чувства. Поэтому позвольте предложить тостъ за славу, честь и процвѣтаніе всей Россіи, которая поможетъ болгарскому народу съ бою взять его свободу, на что онъ пріобрѣлъ себѣ святое право за всѣ свои многовѣковыя страданія и недавно еще пролитые ужасающіе потоки мученической крови“.

Послѣ этой прочувствованной рѣчи мѣстные болгаре поднесли самарскимъ уполномоченнымъ слѣдующій адресъ:

„Милостивые Государи! Болгаре, присутствовавшіе 6-го мая сего года при передачѣ въ III-ю дружину Болгарскаго Ополченія, посвященнаго болгарскому народу самарскимъ обществомъ знамени, считаютъ своимъ долгомъ выразить вамъ, милостивые государи, свою искреннюю признательность самарскому обществу за столь высокую честь и вниманіе его къ страждущему болгарскому народу. Принесенное вами Святое знамя служитъ новымъ доказательствомъ того живаго участія, которое русскій народъ всегда принималъ въ судьбѣ несчастной Болгаріи, ожидающей отъ русскаго народа своего освобожденія, начатаго уже по волѣ Августѣйшаго Всеросійскаго Монарха Александра II-аго, естественнаго покровителя и защитника угнетенныхъ христіанъ на Востокѣ. Событіе 6-го мая въ болгарскомъ лагерѣ въ Плоэштахъ, гдѣ Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Дѣйствующей Арміей, первый соизволилъ поднять и передать знаменосцу III дружины это знамя, останется незабвеннымъ въ памяти и исторіи болгаръ. Высоко цѣнимъ вниманіе самарскаго общества и покорнѣйше просимъ передать, что болгарскій народъ благоговѣетъ передъ этимъ дорогимъ подаркомъ.

Примите увѣренія въ искреннемъ нашемъ къ вамъ почтеніи и душевной преданности“. (Слѣдовали подписи).

Послѣ прочтенія этого адреса, предложены были тосты за Великаго Князя Главнокомандующаго, князя Черкасскаго, И. С. Аксакова, М. Г. Черняева и всѣхъ русскихъ дѣятелей по славянскому дѣлу, за вѣчное единеніе рускихъ и болгаръ и за здоровье всего русскаго народа, приносящаго столь великія и кровавыя жертвы за свободу Славянъ.

8-го мая всѣ дружины были собраны въ интервалѣ I-ой и II-ой дружинъ и *приведены къ присягѣ.*

11-ое мая было ознаменовано для Ополченія производствомъ болѣе достойныхъ и знающихъ службу ополченцевъ въ ефрейторское званіе. Отъ III-ей дружины были произведены: Савва Бычваровъ, Д. Кисса, П. Грекъ, Ф. Кроиторъ, Василій Стратовъ, Н. Ганчевъ, Ж. Поповъ, Г. Дамьяновъ, Д. Кынчевъ, С. Т. Минковъ и Т. Савовъ.

Систематическія занятія ополченцевъ, какъ выше сказано начались еще съ 3-го мая.

Здѣсь, какъ и въ Кишиневѣ, учителя и ученики неутомимо трудились. Ученіе продолжалось болѣе 12 часовъ въ день и то подъ открытымъ небомъ и знойными лучами солнца. Здѣсь, какъ и въ Кишиневѣ, офицеры продолжали восхищаться способностью и усердіемъ своихъ учениковъ. Но, впослѣдствіи, мало по малу, офицеры начали охладѣвать къ своимъ ученикамъ и сомнѣваться, какъ въ ихъ способностяхъ, такъ и въ ихъ усердіи. Впрочемъ, этого слѣдовало ожидать и не потому, что ополченцы были не усердны или неспособны, а потому, какъ сказалъ я выше, что во первыхъ, мы начали вдолбливать имъ въ головы разныя *прицѣльныя линіи и углы, мертвыя пространства,* офицерскіе, унтеръ-офицерскіе, ефрейторскіе караулы и пр. и во вторыхъ, потому, что, здѣсь въ Плоэштахъ, начали прибыватъ всякій день новыя и новыя партіи охотниковъ, по нѣсколько человѣкъ, которыхъ въ тотъ-то же день зачисляли въ дружины, обмундировывали, вооружали и тотчасъ, безъ прѣдварительной подготовки, отправляли въ строй *). Притокъ охотниковъ продолжался до дня выступленія нашего

---

*) Здѣсь кстати отмѣтить, что при пріемѣ ополченцевъ не всегда принимались физически здоровые и безъ недостатковъ. Бывали принимаемы и слѣпые на одинъ глазъ и даже хромые; таковыхъ принимали не вслѣдствіе надобности, но потому, что они слезно просили ихъ принять, увѣряя, что ихніе недостатки и поврежденія, полученные ими въ сраженіяхъ съ турками, не помѣшаютъ имъ драться съ послѣдними. Одинъ съ кривою правой рукой, упрашивая его принять говорилъ: „Царю Александру нужны люди не для одного ружья, но и для другихъ дѣлъ. Пусть меня возьмутъ приготовлять пищу солдатамъ, пока мы здѣсь, а когда мы перейдемъ Дунай, тогда увидите чего я стою“.

Другой, слѣпой на правый глазъ, ни за что не хотѣлъ оставить строя; благодаря этому недостатку онъ не могъ прицѣливаться по правиламъ, но не *смотря на* это оказался однимъ изъ первыхъ стрѣлковъ. Авторъ.

Лагерь V-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

8-го мая всѣ дружины были собраны въ интервалѣ I-ой и II-ой дружинъ и *приведены къ присягѣ.*

11-ое мая было ознаменовано для Ополченія производствомъ болѣе достойныхъ и знающихъ службу ополченцевъ въ ефрейторское званіе. Отъ III-ей дружины были произведены: Савва Бычваровъ, Д. Кисса, П. Грекъ, Ф. Кроиторъ, Василій Стратовъ, Н. Ганчевъ, Ж. Поповъ, Г. Дамьяновъ, Д. Кынчевъ, С. Т. Минковъ и Т. Савовъ.

Систематическія занятія ополченцевъ, какъ выше сказано начались еще съ 3-го мая.

Здѣсь, какъ и въ Кишиневѣ, учителя и ученики неутомимо трудились. Ученіе продолжалось болѣе 12 часовъ въ день и то подъ открытымъ небомъ и знойными лучами солнца. Здѣсь, какъ и въ Кишиневѣ, офицеры продолжали восхищаться способностью и усердіемъ своихъ учениковъ. Но, впослѣдствіи, мало по малу, офицеры начали охладѣвать къ своимъ ученикамъ и сомнѣваться, какъ въ ихъ способностяхъ, такъ и въ ихъ усердіи. Впрочемъ, этого слѣдовало ожидать и не потому, что ополченцы были не усердны или неспособны, а потому, какъ сказалъ я выше, что во первыхъ, мы начали вдолбливать имъ въ головы разныя *прицѣльныя линіи и углы, мертвыя пространства,* офицерскіе, унтеръ-офицерскіе, ефрейторскіе караулы и пр. и во вторыхъ, потому, что, здѣсь въ Плоэштахъ, начали прибывать всякій день новыя и новыя партіи охотниковъ, по нѣсколько человѣкъ, которыхъ въ тотъ-то же день зачисляли въ дружины, обмундировывали, вооружали и тотчасъ, безъ прѣдварительной подготовки, отправляли въ строй *). Притокъ охотниковъ продолжался до дня выступленія нашего

---

*) Здѣсь кстати отмѣтить, что при пріемѣ ополченцевъ не всегда принимались физически здоровые и безъ недостатковъ. Бывали принимаемы и слѣпые на одинъ глазъ и даже хромые; таковыхъ принимали не вслѣдствіе ну- добности, но потому, что они слезно просили ихъ принять, увѣряя, что ихъ недостатки и поврежденія, полученные ими въ сраженіяхъ съ турк- помѣшаютъ имъ драться съ послѣдними. Одинъ съ крив- упрашивая его принять говорилъ: „Царю Ал- одного ружья, но и для другихъ дѣлъ. Пус- пищу солдатамъ, пока мы здѣсь, а когда м- чего я стою".

Другой, слѣпой на правый глазъ, благодаря этому недостатку онъ не мо- *смотря на это* оказался однимъ изъ п-

въ походъ и даже во время самого похода. Впрочемъ, съ 1-го іюня, пріемъ охотниковъ былъ прекращенъ, такъ какъ къ 22-му мая численность ротъ дошла до 200 человѣкъ, а инструкторовъ — унтеръ офицеровъ, принимая во вниманіе расходъ по дежурствамъ, на караулы, въ ординарцы, въ командировки и больными, на лицо оставалось совсѣмъ мало — пять, шесть человѣкъ на роту, такъ что приходились по 40 ополченцевъ на одного инструктора, который въ то-же время долженъ былъ быть и дядькой, что далеко не соотвѣтствовало численному составу ротъ; это несоотвѣтствіе усиливалось еще и тѣмъ, что прибывавшихъ ежедневно новыхъ ополченцевъ приходилось обучать отдѣльно отъ пришедшихъ ранѣе; показывать же каждому новому ополченцу отдѣльно не было никакой физической возможности. Между тѣмъ программа обученія ополченцевъ значительно расширилась: надо было пройти кромѣ всѣхъ отдѣловъ военнаго искуства, которые проходятъ русскіе солдаты, какъ напримѣръ, одиночное, шереножное, взводное и ротное ученія — и гарнизонную службу и т. д. да еще всякій день отдавать время обученію церемоніальному маршу; наконецъ, вѣнцомъ всѣхъ этихъ требованій было и прохожденіе сокращеннаго курса стрѣльбы, которое и началось съ 7-го мая. Виды стрѣльбы были: на 100 шаговъ — 2 раза, на 200 шаговъ — 4 раза, на 300 шаговъ — 4 раза, на 400 шаговъ — 2 раза, на 500 шаговъ — 1 разъ, на 600 шаговъ — 2 раза. Хорошимъ стрѣлкамъ разрѣшалось употреблять для стрѣльбы двойное количество патроновъ.

Обученіе всему этому надо было пройти сколь возможно скорѣе, такъ какъ никто не зналъ сколько времени имѣется въ его распоряженіи. Начиная отъ генерала и до послѣдняго ополченца — всѣ ожидали ежеминутно выступленія въ походъ и потому понятно, что начальство лѣзло изъ кожи, стараясь трудъ свой удвоить, но, въ резултатѣ, ожидавшагося успѣха не оказывалось. Повторяю, иначе и быть не могло, не смотря на ежедневныя усиленныя занятія ополченцевъ: инструкторы не успѣвали даже и по одному разу показать все то, что слѣдовало.

Начальство начало волноваться и воодушевленіе и спокойная увѣренность начали уступать мѣсто малодушію и лихорадочному нетерпѣнію. Мои опасенія, что офицеры разочаруются въ болгарахъ-ополченцахъ начали сбываться; офицеры начали сомнѣваться въ способностяхъ ополченцевъ и отъ нѣко-

торыхъ офицеровъ можно было уже услышать объ ополченцахъ дурные отзывы; но большинство офицеровъ продолжали относиться къ дѣлу спокойно и усердно и дурные отзывы оставались единичными.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и многіе ополченцы были не совсѣмъ безупречны. Частые переходы ополченцевъ изъ одной дружины или роты въ другія, ихъ самовольныя отлучки изъ частей, бѣгства и недостатокъ въ нихъ дисциплины, естественно, заставили кадровыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, служившихъ въ войскахъ, имѣющихъ свои военныя традиціи и привыкшіе видѣть солдатъ, всегда готовыхъ свято исполнить свои воинскія обязанности, справедливо негодовать.

Между тѣмъ время проходило. Ходили слухи что наша армія скоро перейдетъ Дунай, и что уже было артиллерійское сраженіе между турками и нашими войсками, въ которомъ послѣдніе уничтожили на Дунаѣ два турецкихъ броненосца, а мы между тѣмъ все еще продолжали заниматься военными упражненіями далеко отъ театра военныхъ дѣйствій; это обстоятельство раздражало офицеровъ Ополченія.

— „И зачѣмъ я только поступилъ служить въ это проклятое Ополченіе“, слышались жалобы: „наши, вотъ, скоро перейдутъ Дунай, а мы все еще сидимъ здѣсь“.

Это раздраженіе отражалось и во взглядахъ на Ополченіе высшаго начальства, которое тоже начало сомнѣваться, а затѣмъ и пришло къ заключенію, что болгаре — народъ не воинственный и потому ополченцевъ не должно вводить въ сраженія, а употреблять для внутренней службы въ занятыхъ Русской арміей городахъ. Такое рѣшеніе было принято военнымъ совѣтомъ, состоявшимся у начальника штаба Дѣйствующей арміи генерала Непокойчицкаго, и оно-то и заставило нѣкоторыхъ офицеровъ потерять самообладаніе:

— „Петровъ! лѣнтяй, осталопъ! ничего не знаешь! Стоишь съ распущенными плечами, какъ мѣшокъ!“ кричалъ ротный командиръ. „Взводный командиръ! подбери животъ Богданову, распустилъ его, какъ свою бороду!“

Понятно, что взводный командиръ исполнялъ эти приказанія *по своему*.

— „Ничего нельзя сдѣлать съ этими лѣнтяями!“ заканчивалъ свои замѣчанія ротный командиръ и отходилъ на сторону.

После такихъ сценъ, нѣкоторые ротные командиры, обык-
нно оставляли ученіе и собирались вмѣстѣ, какъ гово-
они: *отвести душу;* въ такихъ случаяхъ, въ ротахъ оста-
сь полными хозяевами унтеръ-офицеры и, понятно, во
я обученія, нѣкоторые изъ нихъ пользовались разными
могателными средствами, вродѣ *„подзатыльниковъ“* и
зубы“.

Такъ, постепенно, кулачная расправа завоевала въ Опол-
права гражданства. Ополченцы начали было жаловаться
ымъ командирамъ на унтеръ-офицеровъ; но нѣкоторые
ые командиры вмѣсто того, чтобы выслушивать жалобы и
зывать виновныхъ, дѣлали выговоры обиженнымъ, уснащая
всякими обидными эпитетами:

— „Татаре! васъ учатъ, за васъ умирать пришли, а вы
е жаловаться на своихъ инструкторовъ! Учитесь хорошо
ть не будутъ“, говорилъ иной разсерженный командиръ.

— „Ваше благородіе, какъ же намъ учиться“, осмѣли-
і замѣтить какой либо ополченецъ: „когда учителя не
ваютъ намъ обяснять?“

Такой смѣльчакъ иногда получалъ удовлетвореніе пин-
, а иногда и того хуже. Ополченцы, видя такое обращеніе
ими и не находя защиты отъ произвола своего непосред-
інаго начальства, начали холодно относиться къ ученію.

— „Что это за ученіе?“ жаловались ополченцы: „цѣлый
держатъ насъ на солнцѣ для какихъ то прицѣльныхъ
й, маршировокъ, штыкового боя; мы и безъ этихъ *на*
о и траэкторій, дрались съ турками не хуже ихъ“ (рус-
ъ добровольцевъ въ Сербіи).

Однимъ словомъ, отношенія начальниковъ къ ополчен-
крайне измѣнились и при томъ, къ худшему, но лишь
тношеніи къ болгарамъ; прочимъ же какъ напр. сербамъ,
огорцамъ и др., началство явно покровительствовало, ка-
го покровительства, впрочемъ, эти инородные ополченцы
правдали.

Ополченцы-болгаре не всегда находили защиту, тому
іѣровъ было немало; но я приведу лишь нѣкоторые ради
ктеристики. Однажды приходитъ ко мнѣ ополченецъ 1-й
Николовъ и заявляетъ жалобу на фельдфебеля, который
обилъ за то, что онъ не могъ дѣлать ружейныхъ пріемовъ
дить въ ногу.

— „Какъ, же мнѣ ходить въ ногу и дѣлать ружейные пріемы, когда всего нѣсколько дней прошло, какъ я поступилъ въ Ополченіе?“ жаловался Николовъ.

Я отправилъ Николова къ его командиру роты. На слѣдующій день, мнѣ пришлось, случайно, спросить поручика Живарева, командовавшаго I-й ротой, по поводу жалобы означеннаго ополченца.

— „Да я, понятно, оставилъ жалобу безъ послѣдствій“ отвѣтилъ мнѣ Живаревъ: „неужели вы хотитѣ, чтобы я унизилъ фельдфебеля и его наказалъ изъ-за какого-то паршиваго болгарина?! Если такъ, то у насъ покоя не будетъ отъ жалобъ этого неблагодарнаго, дрянного народа!“

Я понялъ этотъ отвѣтъ какъ бы относящимся вообще къ болгарскому народу и потому замѣтилъ поручику Живареву, что онъ обязанъ быть деликатнѣе и не выражаться такъ о народѣ, къ которому принадлежу и я, другими словами, не оскорблять національнаго чувства своего товарища по оружію.

— „Это къ вамъ не относится“, отвѣтилъ Живаревъ, „вы — русскій офицеръ.“

Впрочемъ, иногда подобныя дѣла разслѣдовывались, но правыми всегда выходили обидѣвшіе, а обиженные — наказывались. Даже судебныя слѣдствія бывали иногда не совсѣмъ безпристрастны; вотъ, случай, показывающій наглядно насколько судьи были проникнуты сознаніемъ своего долга и чувствомъ справедливости.

Ефрейторъ 1-й роты Драченко однажды вывелъ на одиночное ученіе К. Атанасова и еще одного ополченца, недавно зачисленнаго въ роту; во время маршировки, Атанасовъ никакъ не могъ попасть въ ногу; Драченко бросился на Атанасова, нанесъ ему нѣсколько ударовъ въ шею, затѣмъ выхватилъ у него ружье и имъ нанесъ еще нѣсколько ударовъ: Атанасовъ, не говоря ни слова, повернулся и ушелъ въ палатку, оставивъ ружье въ рукахъ Драченко; послѣдній пошелъ вслѣдъ за нимъ въ палатку въ цѣляхъ заставить его вернуться на ученіе, но Атанасовъ не тронулся съ мѣста и громко заявилъ, что даже ротный командиръ не обращается такъ жестоко съ ополченцами, какъ это сдѣлалъ Драченко; эти слова привели послѣдняго въ такую ярость, что онъ бросился на Атанасова и, схвативъ его за нижнюю губу, повлекъ его къ ружью, отчего губа надорвалась и потекла кровь. Все это

Лагерь VI-й дружины Ополченія подъ Плоэштами.

изошло почти что на глазахъ у роты, въ ста шагахъ занившейся одиночнымъ обученіемъ.

Атанасовъ, какъ былъ окровавленный, отправился съ лобой къ ротному командиру.

Ротный командиръ, тотъ же поручикъ Живаревъ, позвалъ рейтора Драченко, который безъ стѣсненія разсказалъ о исшедшемъ случаѣ совершенно иначе:

— „Когда я занимался," доложилъ Драченко, „съ Атанаымъ и его товарищемъ, первый не хотѣлъ ходить въ ногу держать какъ должно ружье *„на плечо"*, поэтому, приблившись къ нему, я началъ считать подъ шагъ, но онъ все таки послушалъ, тогда я взялъ его за ногу съ цѣлью поправить агъ, но Атанасовъ, взявъ ружье въ обѣ руки, столь сильно ня толкнулъ, что я зашатался".

— „Ну, довольно, довольно! ступай и дѣлай свое дѣло!" иказалъ поручикъ Живаревъ.

Было назначено разслѣдованіе, установившее вполнѣ ложсть показанія Драченко и весь взводъ подтвердилъ спрадливость жалобы Атанасова; не смотря на все это, приказомъ дружинѣ, Атанасовъ былъ отданъ подъ судъ за нанесеніе ара своему начальнику, при исполненіи послѣднимъ служебхъ обязанностей.

На судебномъ слѣдствіи засѣдалъ и Живаревъ, не смотря то, что подсудимый былъ изъ его роты; онъ старался всями способами извлечь изъ показаній свидѣтелей что-либо въ льзу обвиненія, но свидѣтели подтверждали свои показанія, нныя на предварительномъ слѣдствіи, за исключеніемъ ополнца Цонева, который показалъ, что Атанасовъ грубо сунулъ жье въ руки ефрейтора Драченко.

— „Довольно, довольно!" воскликнулъ поручикъ Живавъ: „ну, что-же, господа, развѣ этого не достаточно? Грубо нулъ ружье . . ."

Штабсъ-капитанъ Поповъ, замѣщавшій Усова, нахолъ что Атанасовъ не виновенъ въ нанесеніи удара своему чальнику, а лишь виновенъ въ неисполненіи приказанія, , что ввиду молодости ополченца Атанасова и того, что ему былъ разъясненъ дисциплинарный уставъ, а потому ему и были извѣстны послѣдствія отъ неисполненія приказаній нальства, а также, ввиду того, что Драченко самъ подалъ поводъ анасову не исполнить его приказанія, Поповъ подалъ голосъ

за оправданіе Атанасова. Не смотря на все это, Атанасовъ былъ приговоренъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ и 50 ударамъ розгами.

Я присутствовалъ въ засѣданіи, въ качествѣ дѣлопроизводителя суда, и позволилъ себѣ спросить поручика Живарева сколько разъ онъ объяснялъ Атанасову правила дисциплинарнаго устава.

— „Сколько разъ я ему объяснялъ, это мое дѣло! Атанасовъ солдатъ и долженъ знать, что за всякое неисполненіе приказаній начальства виновные наказываются", съ раздраженіемъ отвѣтилъ поручикъ Живаревъ.

Кромѣ того, въ этотъ же періодъ времени начали распространяться разные нелѣпые слухи относительно ополченцевъ въ родѣ того, что они пьянствуютъ, крадутъ, засыпаютъ на караулахъ и пр.

Я уже упомянулъ, что обученіе ополченцевъ шло съ трудомъ, тѣмъ не менѣе къ концу мая въ ротахъ было уже достаточно подготовленныхъ ополченцевъ, способныхъ заняться обученіемъ новобранцевъ, а были и столь знающіе, что ротные командиры ставили ихъ въ примѣръ кадровымъ чинамъ, а потому изъ числа произведенныхъ 11-го мая въ ефрейторы, многихъ произвели 20-го того же мая въ унтеръ-офицеры. Изъ 3-ей нашей роты были произведены въ унтеръ-офицеры:

С. Бычваровъ, Д. Кисса, П. Грекъ, Θеодоръ Кроиторъ, Вас. Стратовъ, Н. Генчевъ, Ж. Поповъ, Г. Дамьяновъ, Д. Кынчевъ, С. Митковъ и Т. Савковъ.

Новопроизведенныхъ унтеръ-офицеровъ ротные командиры назначали обучать новобранцевъ и назначеніе это унтеръ-офицеры вполнѣ оправдали, что́ породовало какъ офицеровъ, такъ и ротныхъ командировъ.

Такимъ образомъ ополченцы, въ періодъ около двухъ мѣсяцевъ, съ 7-го апрѣля по 29-е мая, считая и дни съ 23-го апрѣля до 3-го мая, употребленые на походъ изъ Кишинева до Плоэштовъ и устройство лагеря, прошли сокращенный курсъ военнаго обученія; конечно, этотъ курсъ прошли полностью только тѣ ополченцы, которые были зачислены въ ряды еще въ Кишиневѣ, а ихъ сравнительно было мало. Но, не смотря на все это, ополченцы все таки сдѣлали большіе успѣхи: они имѣли военный видъ, хорошую стойку; взводное ученіе и ломку фронта дѣлали спокойно и увѣренно; нанесенія штыками уда-

ровъ по чучелу исполняли очень хорошо, а пассивную и полевую гимнастику — превосходно; что же касается церемоніальнаго марша, то большаго нельзя было и требовать. Даже штабсъ-капитанъ Усовъ иногда соглашался, что успѣхи были сдѣланы большіе:

— „Смотрите-ка, смотрите! наши бараны начали походить на солдатъ,“ говаривалъ онъ.

Сокращенный курсъ стрѣльбы также былъ пройденъ съ большимъ успѣхомъ: на 200 шаговъ выбивали отъ 80 до 92%.

— „Молодцами сегодня стрѣляли“, хвалилъ одинъ ротный командиръ свою роту.

— „За хорошую стрѣльбу даю вамъ по чаркѣ вина“, говорилъ другой.

Хорошіе результаты стрѣльбы должны были доставлять удовольствіе офицерамъ, особенно въ виду того, что ружья *Шаспо* оказались не совсѣмъ безупречными: во многихъ изъ нихъ то ломались иглы, то сгоралъ резиновый кружокъ, вслѣдствіе чего, пороховымъ газомъ обжигало ополченцамъ глаза; въ другихъ же — затворы послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ портились и иногда случались несчастья при выкидкѣ патрона. Послѣ этого всего, трудно было объяснить причины неудовольствія нѣкоторыхъ инструкторовъ своими учениками.

Я уже упомянулъ, что въ концѣ мая въ Плоэшты прибылъ ополченскій обозъ; этотъ обозъ былъ распредѣленъ по частямъ: въ штабъ Ополченія — 6 подводъ и 12 лошадей, въ конныя сотни — 2 подводы и 4 лошади, въ І-ю дружину — 14 подводъ и 29 лошадей, въ ІІ дружину — 15 подводъ и 30 лош., и въ ІІІ, IV, V, VI дружины — по 14 подводъ и по 28 лош.; вслѣдъ затѣмъ, приказомъ по Ополченію предписывалось начальнику штаба отпустить на каждую дружину по 408 рублей для покупки 6-ти подводъ и лошадей на перевозку шанцеваго инструмента и офицерскихъ вещей.

25-го мая было сдѣлано распоряженіе приготовиться ополченцамъ для встрѣчи Императора, который долженъ былъ прибыть на слѣдующій день послѣ обѣда. По этому поводу, 25-го же по полудни, одна часть ополченцевъ отправилась на рѣку мыть бѣлье, а другая — на ученіе. На встрѣчу Императору должно было выйти все Ополченіе въ строю шпалерами, безъ ружей; въ почетный караулъ назначена была 1-ая рота со знаменемъ.

26-го мая, точно въ 4½ часа послѣ обѣда, все Ополченіе было построено шпалерами отъ города до станціи, а почетная рота съ музыкантскимъ хоромъ отъ 5-го сапернаго батальона — на платформѣ станціи, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться Императорскій поѣздъ.

Проходъ отъ царскаго вагона до коляски, въ которой долженъ-былъ ѣхать Императоръ, былъ застланъ разноцвѣтными коврами, а зданіе станціи тонуло въ зелени и цвѣтахъ. На станціи и вокругъ нея было такое множество народа, что, какъ говорится, негдѣ было упасть яблоку; прибытіе Императора въ Плоэшты привлекло множество народа, какъ изъ окольныхъ такъ и изъ далекихъ городовъ и селъ, отъ которыхъ были присланы и депутаціи.

Почетный караулъ отъ 1-й роты III-ей дружины, надъ которымъ высоко развивалось Самарское знамя, былъ построенъ въ длину платформы. На лѣвомъ флангѣ стояли ординарцы отъ почетнаго караула: офицеръ, унтеръ-офицеръ и рядовой; послѣдній былъ ополченецъ-болгаринъ, украшенный сербской медалью „за храбрость".

Тутъ же на станціи находились: Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, офицеры и чины Главной Квартиры, Императорской свиты, полевого штаба Дѣйствующей арміи, адьютанты Государя Наслѣдника, генералы и адъютанты, состоявшіе при князѣ Карлѣ, префектъ г. Плоэштовъ, депутація мѣстныхъ гражданъ и другія болгарскія депутаціи изъ разныхъ городовъ Молдавіи и Валахіи, въ которыхъ проживали болгаре, настоятель болгарской букурештской церкви, митрополитъ болгарской церкви въ Румыніи Панаретъ Рашевъ и наконецъ воспитанники плоэштскихъ училищъ съ цвѣтами въ рукахъ.

При приближеніи поѣзда къ станціи клики „ура" огласили воздухъ, а музыка исполнила гимнъ: *„Боже Царя Храни"*. Императоръ, выйдя изъ вагона, прошелъ по фронту почетнаго караула, принялъ ординарцевъ, а затѣмъ — депутаціи, при чемъ митрополитъ Панаретъ поднесъ Его Величеству на серебрянномъ блюдѣ адресъ и, благословилъ Императора иконой Св. Равноап. Константина и Елены.

Его Величество набожно перекрестился и поцѣловалъ икону.

Когда болгарская депутація подносила *Императору* хлѣбъ и соль, народъ громко и восторженно привѣтствовалъ Царя кликами: „Да живѣе Императора“.

Содержаніе поднесеннаго Императору адреса было слѣдующее:

Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь!

Мы, пребывающіе въ Румыніи болгаре, имѣвшіе злополучіе покинуть милую свою родину, чтобы въ чужой землѣ искать убѣжища отъ насилій и гоненій нашихъ мучителей, — считаемъ себя нынѣ счастливѣе своихъ единоплеменниковъ тѣмъ, что намъ выпалъ жребій первымъ встрѣтить свѣтлое Ваше лицо, Великій Государь, и съ благоговѣніемъ выразить у ногъ Вашего Императорскаго Величества безпредѣльную благодарность, которую чувствуетъ весь болгарскій народъ, при мысли о высокомъ подвигѣ, предпринятомъ по Вашей Державной волѣ Великою Россіей изъ святой лишь любви къ угнетеннымъ и страждущимъ братьямъ, въ осуществленіе надеждъ, которыя болгаре отъ вѣка, по преданію, возлагаютъ на Православнаго Рускаго Царя и на братственный русскій народъ, для своего избавленія отъ тяжкаго рабства.

На блюдѣ была вырѣзана слѣдующая надпись:

„Возвеселихомъ ся вси уповающіи на Тя и похвалимся о Тебѣ любящіи имя Твое“. „Великому Государю Царю Александру II-му, державному защитнику болгарскаго народа — пребывающіе въ Румыніи болгаре. Май, 1877 г.“

Царь подошелъ къ почетной ротѣ, отдавшей ему установленную честь и, окинувъ ее орлинымъ взглядомъ, поздоровался:

— „Здорово дѣти!“

— „Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество!“ громко отвѣтили ополченцы и затѣмъ крикнули „ура“, подхваченное народомъ и ополченцами, стоявшими шпалерами, и разнесшееся громовыми перекатами вплоть до самаго города.

Къ нѣкоторымъ изъ ополченцевъ Императоръ обратился съ вопросами, на которые они живо отвѣчали. Когда Царь направился къ коляскѣ, замѣтилъ въ рядахъ ополченцевъ 14-15 лѣтняго мальчика, едва виднаго изъ за широкихъ шараваръ и *болгарки* и изъ подъ ополченской шапки; подойдя къ нему,

Императоръ съ улыбкой спросилъ сколькихъ онъ лѣтъ и можеть ли драться съ турками. Мальчикъ бодро отвѣтилъ, что ему 15 лѣтъ, а на второй вопросъ воскликнулъ — „О-го-го"! при чемъ замахалъ головой, „на то я и поступилъ въ Ополченіе Ваше Императорское Величество, чтобы драться съ врагами" энергично закончилъ мальчикъ. Этотъ молодецъ-солдатъ впослѣдствіи былъ министромъ свободной Болгаріи — Дмитрій Петковъ.

Императоръ видимо остался доволенъ отвѣтомъ, онъ его похвалилъ, и затѣмъ сѣлъ въ коляску, среди оглушительныхъ „ура" народа и ополченцевъ.

28-го мая, Царь неожиданно прибылъ въ лагерь, какъ разъ въ то время, когда одни изъ ополченцевъ отправились на рѣку Теляжину мыться и купаться, а другіе — занимались починкой вещей, прочитывали „уставъ" или забавлялись.

Когда дневальные крикнули: „дежурные на линію" и раздались клики: „Императоръ ѣдетъ", ополченцы въ нѣсколько минутъ были уже на своихъ мѣстахъ и построились для встрѣчи.

Царь подъѣхалъ къ лѣвому флангу лагеря и поздоровался съ ополченцами 6-й дружины. Затѣмъ Императорскій экипажъ медленно поѣхалъ къ правому флангу, окруженный ополченцами 6-й дружины, которые пришли въ совершенный экстазъ: кричали „ура" и бросали шапки въ воздухъ и офицерамъ было невозможно удержать ихъ въ порядкѣ; слѣдующія дружины присоединялись къ нимъ, такъ что, когда Императоръ подъѣхалъ къ правому флангу, онъ былъ окруженъ всѣмъ Ополченіемъ, выражавшимъ кликами свой неистовый восторгъ.

Это неожиданное посѣщеніе Императора подняло немного было упавшій духъ въ Ополченіи.

Вскорѣ затѣмъ заговорили и о походѣ. 27-го мая докторъ Вязанковъ, согласно приказу по дружинѣ, потребовалъ по 4 человѣка отъ роты изъ слабыхъ по строю для санитарной службы. Ротные командиры послали доктору вмѣсто 4-хъ по 25—30 человѣкъ и лично пришли просить признать присланныхъ больными и неспособными къ службѣ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что эти ополченцы портили имъ роты; но докторъ Вязанковъ отказался исполнить эту просьбу.

— „Еще чего не хватало, совершенно здоровыхъ людей признавать больными!" возражалъ докторъ.

— „Не хотите, ну такъ мы ихъ скверно аттестуемъ и реведемъ въ разрядъ штрафованныхъ“; заявили Усовъ, Жиревъ и Стесель: „такихъ лѣнтяевъ намъ не надо, они намъ портятъ роты; дѣлайте съ ними что хотите, но мы ихъ въ ты не возьмемъ.“

Несчастные ополченцы, осужденные своими командирами изгнанію, съ понуренными головами отъ стыда и скорби дали рѣшенія своей участи.

Поручикъ Филовъ, видя, что ротные командиры не отупаютъ отъ своего требованія, отправился доложить о томъ ужинному командиру.

— „Это вѣрно, люди очень слабы и испортятъ роты“ вѣтилъ подполковникъ Калитинъ.

Но, не смотря на это, къ великому неудовольствію Усова, иварева и Стеселя, дружинный командиръ приказалъ всеки оставить этихъ ополченцевъ въ ротахъ.

Выше я упомянулъ, что офицеры III-й дружины раздѣлись на двѣ группы: одна — состояла изъ офицеровъ *турстанцевъ* во главѣ съ подполковникомъ Калитинымъ, и къ й присоединились шт.-кап. Усовъ и подпоручикъ Бѣляевъ; угая — состояла изъ остальныхъ офицеровъ, но безъ вождя. одпоручикъ Поликарповъ окрестилъ первую группу кличкой *трафованные,* а вторую — *безпорочнослужащіе.* Члены первой упы были объединены одной волей дружиннаго команра: „вольнодумства“ и „разногласія“, покрайней мѣрѣ на дъ, не существовало между ея членами — слова командира ли святы.

— „Дрянь народъ — эти болгаре“, говорилъ дружинный мандиръ — „дрянь народъ“ — какъ эхо повторяли *штраованные.*

— „Нельзя не отдать справедливость этимъ *булгарцамъ,* о способный и нравственный народъ“ — говорилъ подполвникъ Калитинъ, бывало, будучи въ добромъ расположеніи ха, и *эхо* повторяло эти слова. Впрочемъ въ этой группѣ ли и самостоятольные характеры, какъ наприм. капитанъ едоровъ, командиръ 1-й роты, къ личности которою Калинъ всегда относился съ уваженіемъ.

Между собой члены первой группы относились совеременно интимно, не употребляя никакихъ титуловъ.

— „Павликъ, Попикъ, Федька, Клаша и тому подобныя ласкательныя имена замѣняли въ группѣ *штрафованныхъ* титулы между младшими и старшими.

Группа *безпорочнослужащихъ* не представляла такого единаго цѣлого, какъ первая, но за то духъ товарищества и сознаніе собственнаго достоинства царили между офицерами. Офицеры этой группы никогда не позволяли себѣ насмѣшекъ надъ *штрафованными,* за то послѣдніе не пропускали случая чтобы не посмѣяться надъ *безпорочнослужащими.*

— „Эй, вы, *безпорочнослужащіе,* пожалуйте обѣдать" или „это *безпорочнослужащіе* расчувствовались и защищають *булгарцевъ.*

Дѣйствительно офицеры второй группы всегда относились къ болгарамъ болѣе безпристрастно; къ таковымъ же принадлежалъ и *туркестанецъ* штабсъ-капитанъ Поповъ.

Упоминая объ этомъ раздѣленіи на группы, я не хочу сказать, что между офицерами были несогласіе или вражда, напротивъ, взаимныя отношения ихъ были искреннія и товарищескія; ихъ дѣлили лишь взгляды ихъ на ополченцевъ. Самъ же подполковникъ Калитинъ, человѣкъ весьма нервный и подчасъ очень строгій, пользовался почетомъ и уваженіемъ всѣхъ подчиненныхъ и сослуживцевъ; онъ былъ на самомъ дѣлѣ добрый товарищъ, образцовый командиръ и безспорно храбрый офицеръ — качества, поставившіе его выше другихъ. Командуемая имъ III-я дружина, както само собой, еще въ началѣ, была признана самой лучшей и образцовой, а впослѣдствіе и самой храброй въ ряду другихъ дружинъ. Офицерская семья III-й дружины долгое время была центромъ для всего офицерскаго общества Ополченія. Въ III-ей дружинѣ почти всякій вечеръ собирались офицеры изъ другихъ дружинъ, знакомые и боевые товарищи.

Если заслышится громкая пѣснь въ лагерѣ — это навѣрное въ III-ей дружинѣ; угощенія или веселый кутежъ, или бесѣды за стаканомъ вина — бывали почти что только въ III-ей дружинѣ. На эту дружину была похожа по характеру своего офицерскаго состава только ея сосѣдка по нумеру — 4-ая дружина маіора Рѣдькина.

Будущій историкъ болгарскаго Ополченія не долженъ будетъ пренебрегать вопросомъ, *кто*, *чѣмъ* и *какъ* помогъ

создаться нынѣшней образцовой арміи изъ разнохарактерныхъ элементовъ болгарскаго Ополченія.

Въ послѣдніе дни мая, посѣтилъ лагерь и принцъ Александръ Баттенбергъ очень, какъ говорили, интересовавшійся видѣть Болгарское Ополченіе. Принцъ былъ цѣлый день гостемъ князя Вяземскаго, который его водилъ по лагерю и знакомилъ его съ бытомъ ополченцевъ.

III.

Выступленіе изъ Плоэштскаго лагеря. — Два дня походомъ въ Букурештъ. — Стоянка въ столицѣ Румыніи. — Дневка подъ г. Руше-де-Веде. — Отношенія солдатъ къ ополченцамъ. — Смотръ генерала Ванновскаго. — Отъ Руше-де-Веде до с. Богдана. — Нѣтъ воды. — Въ с. Богданъ. — Вѣсти съ театра войны. — Прокламація Императора Александра II-го къ болгарскому народу. — Отъ с. Богданъ чрезъ с. Пятру къ г. Зимницѣ. — Остроумный деньщикъ. — Извѣстіе о взятіи г. Свиштова.

Наконецъ насталъ давно желанный день — Ополченіе покинуло лагерь и двинулось въ походъ. Это было 30-го мая. Радость, обхватившая ополченцевъ, по этому случаю, не имѣла границъ: они прыгали, какъ дѣти, пѣли и поздравляли другъ друга съ походомъ; не менѣе были довольны и офицеры: исполнялось и ихъ горячее желаніе. Живаревъ и тутъ не упустилъ случая подтрунить надъ *булгарцами*.

— „Посмотрите-ка, посмотрите, въ какомъ они телячьемъ восторгѣ! И чему они только радуются? Вѣдь, лишь перейдемъ Дунай, все равно, убѣгутъ.“

— „Что будетъ впереди мы посмотримъ,“ замѣтилъ подпоручикъ Божинскій: „а теперь они радуются также, какъ и мы.“

Утромъ, 30-го мая, передъ выступленіемъ, при большомъ стеченіи народа, былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго, ополченцы, въ сопровожденіи толпы народа, покинули лагерь. Улицы города были переполнены народомъ: всѣ прощались со своими гостями и провожали ихъ всякими благопожеланіями.

Я видѣлъ многихъ мужчинъ, между которыми былъ и професоръ Станишевъ*), болгаринъ по происхожденію, проливающихъ слезы умиленія и обнимающихъ ополченцевъ; женщины и дѣвушки подносили имъ вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, букеты и зеленыя вѣтки, которыми ополченцы украшали свои шапки и ружья. Горожане, кто чѣмъ богатъ, угощали ополченцевъ. Словомъ, проводы были весьма трогательные.

Городъ уже давно скрылся изъ вида. Дружины, по пути въ Букурещъ, двигались по ровному шоссе, тонувшему въ зелени хлѣбныхъ полей и кукурузы; высокіе хлѣба, почти въ ростъ человѣка, колеблемые утреннимъ вѣтромъ, шевелились колосьями, какъ волны морскія; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ и ополченцы полною грудью вдыхали ароматный воздухъ.

Сознавая, что идутъ жертвовать собою за свободу дорогой отчизны, ополченцы чувствовали себя легко и были веселы: радовало ихъ, что они приближаются къ цѣли — схватиться съ своимъ вѣковымъ врагомъ турками и они шли твердыми шагами, подъ звуки удалыхъ военныхъ пѣсень.

Солнце стояло уже высоко надъ горизонтомъ и его палящіе лучи предвѣщали жаркій день. Отряду былъ данъ небольшой отдыхъ. Многіе ополченцы, оставшіеся въ городѣ, нагнали свои роты. Послѣ этого небольшого привала, нѣсколько оправившись, дружины вновь зашагали, но уже не тою твердою и увѣренною походкой: подъ тяжестью полной походной амуниціи, отъ сильной жары и непривычки къ походу, многіе изъ ополченцевъ падали по дорогѣ, остальные же еле волочили ноги; впрочемъ, падали и многіе изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ, не смотря на то, что ихъ ранцы помѣщались на повозкахъ, нанятыхъ для этой цѣли, по двѣ на дружину. Чтобы дать возможность отсталымъ поспѣть, слѣдовало бы давать частые отдыхи, но этого не дѣлалось; офицеры же между тѣмъ возмущались, глядя на падающихъ отъ изнеможенія и сидящихъ у дороги солдатъ, и бранились. Наконецъ, у одной тѣнистой рощи по пути, Ополченіе остановилось и ему былъ данъ болѣе продолжительный отдыхъ. Офицеры устроились въ рощѣ; темой ихъ разговора были, по обыкновенію, ополченцы.

*) Впослѣдствіи директоръ Лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.
Прим. Пер.

— „Ну, что вы скажите о вашихъ пѣстунахъ?“ спросилъ оручикъ Живаревъ у шт.-капит. Попова и, не дожидаясь отѣта, прибавилъ: „и мы идемъ драться съ турками?!!“

— „Да, ни на что не годенъ этотъ народъ“, сказалъ іт.-кап. Усовъ: „всего половину перехода сдѣлали, а большая асть ополченцевъ попадали“.

— „Не спѣшите осуждать, не только болгаре, но и многіе зъ кадровыхъ попадали“, возразилъ я, назвавъ нѣкоторыхъ зъ послѣднихъ по имени.

— „Вотъ тебѣ на! Вы мнѣ указываете на отдѣльныхъ ицъ, между тѣмъ, какъ вся дорога усѣяна *булгарцами*“, отѣтилъ мнѣ Живаревъ.

Дружинный командиръ, полулежа на коврикѣ, хлопалъ огайкой по увядшей отъ жары травѣ.

— „Не унывай, Павликъ, скоро встрѣтимся съ турками“, одтрунивалъ штабсъ-капитанъ Усовъ.

— „День съ утра виденъ“, отвѣтилъ подполковникъ Каитинъ сердито, а затѣмъ прибавилъ: „шкуры съ нихъ сдеру!“

— „Г-нъ подполковникъ, съ котораго утра слѣдуетъ предидѣть день, не съ утра ли Императорскаго смотра въ Кииневѣ?“ осмѣлился я спросить у него.

Подполковникъ взглянулъ на меня, но ничего мнѣ не твѣтилъ. Этимъ своимъ вопросомъ я хотѣлъ напомнить офиерамъ объ успѣхахъ ополченцевъ во время смотра и о повалахъ, которыми они сами же обсыпали ополченцевъ.

Послѣ $3^1/_2$ часовъ отдыха, мы продолжили свой путь, но вторая половина перехода была не легче первой: ополченцы пять падали на каждомъ шагу, не смотря на то, что многіе овыбросывали изъ сумокъ, что было лишняго изъ собственной дежи и разные запасы.

Во время похода, Калитинъ, какъ бы исполняя свою грозу, то и дѣло похлестывалъ ногайкой, кого и гдѣ попало, е исключая и кадровыхъ нижнихъ чиновъ.

Какъ то пришлось мнѣ идти вмѣстѣ съ штабсъ-капитаомъ Поповымъ; на дорогѣ мы замѣтили двухъ лежавшихъ нтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ былъ 2-ой роты, по фамиліи ондарь.

— „Не стыдно-ли вамъ передъ болгарами?“ закричалъ а нихъ Поповъ: „чего валяетесь на дорогѣ, да еще и безъ анцевъ!?“

— „Ходить не можемъ, ваше благородіе,“ возразили они: „нѣтъ силъ, да и ноги не держатъ.“

„Встаньте и идите!“ приказалъ имъ Поповъ; но они едва поднимались съ мѣста, повторяя, что ноги ихъ не держатъ. Поповъ былъ человѣкъ добрый; онъ никогда не билъ солдатъ и рѣдко сердился на нихъ, и теперь онъ тоже удержался отъ гнѣва и, записавъ фамиліи унтеръ-офицеровъ, прошелъ дальше. Я хотя и замѣтилъ, что Поповъ послѣ этой сцены чувствовалъ себя неловко, но не могъ удержаться и спросилъ:

— „А что бы вы сказали, Николай Николаевичъ, если бы эти унтеръ-офицеры были болгарами?“

Поповъ еще болѣе смутился.

— „Семья не безъ урода!?“ отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

Но, какъ на зло, не прошли мы и одной версты, какъ увидали Живарева, толкающаго и бьющаго еще однаго изъ упавшихъ унтеръ-офицеровъ.

— „Не можешь! я тебя проучу, мерзавецъ!“ кричалъ Живаревъ, „Вотъ тебѣ — *не могу!*“

„Мы остановились, глядя на эту сцену; унтеръ-офицеръ вскочилъ и заявилъ:

— „Не имѣете права, ваше благородіе, меня бить, я пожалуюсь ротному командиру.“

Послѣ этихъ словъ Живаревъ пришелъ еще въ большую ярость и съ сжатыми кулаками накинулся на унтеръ-офицера. Сколь ни было это явленіе печально, но я не могъ не воспользоваться случаемъ, и не подчеркнуть еще разъ неосновательность нареканій на ополченцевъ.

— „Вотъ и еще одинъ уродъ въ семьѣ“ сказалъ я, когда мы втроемъ пошли вмѣстѣ; Поповъ ничего на это не возразилъ; но Живаревъ, желая какъ бы уменьшить вину унтеръ-офицера, высказалъ предположеніе, что послѣдній очевидно послѣдовалъ примѣру ополченцевъ.

— „Не въ томъ дѣло, что онъ легъ, а въ томъ, что не исполнилъ вашего приказанія и сверхъ того нагрубилъ вамъ,“ сказалъ я Живареву: „а только что передъ этимъ и двое другихъ унтеръ-офицеровъ не исполнили въ точности приказаній Николая Николаевича.“

Живаревъ отвѣтилъ, что это единичные случаи.

— „Не въ случаяхъ дѣло, а въ ихъ причинахъ, въ томъ, что вы требуете отъ человѣка лошадиныхъ усилій!“ продол-

жалъ я: „говорите, что болгаре никуда не годятся, потому что много ихъ попадало еще при первомъ переходѣ, а не потрудились посчитать сколько человѣкъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ осталось при ротахъ, а вѣдь они не тащутъ ни ранцевъ ни шинелей? Посмотрите сколько болгаръ, и сколько кадровыхъ нижнихъ чиновъ сидятъ на повозкахъ, и, наконецъ, кто изъ болгаръ ополченцевъ осмѣлится вамъ нагрубить, когда вы станете его толкать?"

— „Съ чего это вы разболтались?" сказалъ Живаревъ: „болгаре должны почерпать нравственную и физическую силы въ сознаніи, что они идутъ драться, завоевывать, съ нашей помощью, свободу своему отечеству; а мы идемъ только драться за нихъ." —

Въ селѣ Баніасъ, расположенномъ на р. Алчешти, мы остановились бивуакомъ для ночевки. Здѣсь былъ приготовленъ ужинъ ополченцамъ, но не всѣ ужинали: многіе предпочли подкрѣпить свои силы сномъ.

— *Безпорочнослужащіе!* крикнулъ подпоручикъ Поликарповъ: „приглашенія ожидаете, что ли? *оштрафованные* ждутъ васъ къ ужину!"

Я ожидалъ, что, во время ужина, опять посыпятся на *булгарцевъ* ругательства, но на этотъ разъ почти всѣ офицеры были весьма сдержаны и слышались снисходительные отзывы:

— „Въ такую жару не удивительно, что ополченцы падали", „первый походъ", „привыкнутъ" и т. п.

Штабсъ-капитанъ Поповъ передалъ Усову о случившемся съ Бондаремъ, причемъ прибавилъ, что за подобныя ослушанія виновныхъ слѣдуетъ наказывать въ примѣръ другимъ.

— „Вотъ тебѣ на! наказывать унтеръ-офицеровъ за то, что они сѣли отдыхать, между тѣмъ, какъ почти всѣ ополченцы падали какъ вертоголовыя овцы," возразилъ на это Усовъ.

— „Но Бондарь не исполнилъ въ точности моего приказанія," замѣтилъ Поповъ.

— „Можетъ быть онъ дѣйствительно не былъ въ состояніи ходить . . . впрочемъ, я разслѣдую это дѣло," отвѣтилъ Усовъ.

31 мая, въ $4^1/_2$ часа утра, Ополченіе покинуло бивуакъ. Было еще прохладно, когда прошли мы большую часть перехода и потому почти не было отставшихъ. Впрочемъ, на этотъ разъ падавшихъ ополченцевъ не оставляли на произволъ

судьбы: имъ помогали, снимали ранцы и сдавали ихъ на подводы, болѣе сильные изъ ополченцевъ носили ружья своихъ слабыхъ и изнемогшихъ товарищей; благодаря такой помощи число отстававшихъ отъ ротъ было значительно меньше.

Подъ вечеръ мы прибыли въ столицу Румыніи — Букурештъ и были встрѣчены проживавшими тамъ болгарами.

Ополченіе остановилось бивуакомъ на сѣверо-западномъ краю города у р. Домбовицы. Задымились ротныя кухни и понесло вкуснымъ запахомъ похлебки и кукурузной каши; еще немного погодя и по бивуаку раздался сигналъ, призывающій усталыхъ ополченцевъ къ вкусному ужину.

1—3-е іюня. — Съ разсвѣтомъ, закипѣла бивуачная жизнь: ополченцы, подобно рою пчелъ, зашевелились и зажужжали по бивуаку; умывшись и помолившись Богу, принялись они за работу. Первою ихъ заботою было почистить ружья; должно сказать, что ополченцы любили и холили свои ружья, хотя послѣднія, во время стрѣльбы, и оказывались съ норовомъ; затѣмъ одни принялись за стирку, другіе — за починку, третіе — пригоняли свои походныя сумки, такъ какъ послѣднія многимъ не приходились по росту; сапожники же застучали молотками, поправляя свои и своихъ товарищей сапоги.

Въ каждой ротѣ имѣлось по нѣсколько человѣкъ сапожниковъ, которые, еще въ лагерѣ, въ свободное время или въ праздничные дни, шили новую или поправляли старую обувь своихъ товарищей; для этой цѣли ротными командирами были куплены изъ денегъ отъ приварочныхъ экономій необходимые инструменты. По бивуаку слышались веселые разговоры; смѣхъ и шутки ополченцевъ не прерывались, будто и не они, вчера и третьяго дня, совершили столь тяжелый переходъ, что почти половина изъ нихъ попадала по дорогѣ отъ усталости.

— „Ну, и тяжелые же переходы были вчера и третьяго дня“ разказывалъ одинъ ополченецъ: „я думалъ, что такъ таки и останусь на дорогѣ.“

— „Не будь воловьяго ремня, ты бы пожалуй и остался,“ отвѣчалъ ему другой.

— „Въ сербско-турецкую войну, приходилось и гораздо большіе переходы дѣлать,“ замѣчалъ третій: „но такого тяжелаго, какъ третьяго дня, не довелось испытать. Помнишь Трифонъ,“ обратился говорившій къ товарищу: „помнишь ли, какое путешествіе сдѣлали мы отъ Бабиной Главы? А отъ

Гамзи-Града, послѣ сраженія? Темнота, грязь по колѣно, на каждомъ шагу падали, а все же въ теченіи пяти часовъ, 40 верстъ прошли.“

— „Да, вѣрно, въ Сербіи мы дѣлали гораздо большіе переходы, но не забывайте, что въ Сербіи мы не были обременены ношей,“ замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— „А часто и животы совсѣмъ были налегкѣ,“ съострилъ кто-то въ кружкѣ.

— „Да, въ сербскихъ походахъ не то, что теперь: мы вѣдь навьючены, какъ сливненскіе мулы! Мало того, что тащимъ ружья, ранцы и разное другое,“ говорилъ одинъ шутникъ: „намъ, сверхъ того, накладываютъ и казацкія ногайки и кавказскія шашки.“

Предпологалось, что въ Букурештѣ пробудемъ нѣсколько дней, что было бы вполнѣ умѣстно, такъ какъ ополченцы отъ непривычки къ походной жизни, какъ выше упомянуто, отъ тяжести полной походной амуниціи, сильныхъ жаровъ, да къ тому же и благодаря недостаточно предусмотрительной распорядительности начальства во время похода, настолько устали и изнемогли, что чувствовали большую необходимость въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ. На медицинскомъ осмотрѣ, призведеномъ дружинными докторами, оказалось, что у многихъ изъ ополченцевъ отъ обуви ноги были въ ранахъ; эти то раны и заставили, какъ упомянуто выше, ополченцевъ спозаранку живо приняться за починку и оправку сапогъ.

Сегодня на бивуакъ были доставлены двѣ, запряженныя тройкой хорошихъ, крѣпкихъ лошадей, лазаретныя линейки для больныхъ и раненыхъ; эти линейки со всѣми принадлежностями и лошадьми были подарены ополченцамъ Букурештскими болгарами, а также — большая и маленькая походныя палатки для больныхъ и раненыхъ офицеровъ и ополченцевъ, походный столъ съ такими же стульями и разные медикаменты.

Во время 3-хъ дневной стоянки въ Букурештѣ почти всѣ офицеры ходили полюбоваться столицей, накупить себѣ все необходимое и повеселиться послѣ столь продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ; а въ Букурештѣ было гдѣ повеселиться: повсюду кондитерскія, кафе-рестораны, сады, и тому подобныя увеселительныя мѣста, откуда постоянно неслись звуки музыки; эти всѣ заведенія и улицы, въ особенности главная

Императоръ съ улыбкой спросилъ сколькихъ онъ лѣтъ и можеть ли драться съ турками. Мальчикъ бодро отвѣтилъ, что ему 15 лѣтъ, а на второй вопросъ воскликнулъ — „О-го-го"! при чемъ замахалъ головой, „на то я и поступилъ въ Ополченіе Ваше Императорское Величество, чтобы драться съ врагами" энергично закончилъ мальчикъ. Этотъ молодецъ-солдатъ впослѣдствіи былъ министромъ свободной Болгаріи — Дмитрій Петковъ.

Императоръ видимо остался доволенъ отвѣтомъ, онъ его похвалилъ, и затѣмъ сѣлъ въ коляску, среди оглушительныхъ „ура" народа и ополченцевъ.

28-го мая, Царь неожиданно прибылъ въ лагерь, какъ разъ въ то время, когда одни изъ ополченцевъ отправились на рѣку Теляжину мыться и купаться, а другіе — занимались починкой вещей, прочитывали „уставъ" или забавлялись.

Когда дневальные крикнули: „дежурные на линію" и раздались клики: „Императоръ ѣдетъ", ополченцы въ нѣсколько минутъ были уже на своихъ мѣстахъ и построились для встрѣчи.

Царь подъѣхалъ къ лѣвому флангу лагеря и поздоровался съ ополченцами 6-й дружины. Затѣмъ Императорскій экипажъ медленно поѣхалъ къ правому флангу, окруженный ополченцами 6-й дружины, которые пришли въ совершенный экстазъ: кричали „ура" и бросали шапки въ воздухъ и офицерамъ было невозможно удержать ихъ въ порядкѣ; слѣдующія дружины присоединялись къ нимъ, такъ что, когда Императоръ подъѣхалъ къ правому флангу, онъ былъ окруженъ всѣмъ Ополченіемъ, выражавшимъ кликами свой неистовый восторгъ.

Это неожиданное посѣщеніе Императора подняло немного было упавшій духъ въ Ополченіи.

Вскорѣ затѣмъ заговорили и о походѣ. 27-го мая докторъ Вязанковъ, согласно приказу по дружинѣ, потребовалъ по 4 человѣка отъ роты изъ слабыхъ по строю для санитарной службы. Ротные командиры послали доктору вмѣсто 4-хъ по 25—30 человѣкъ и лично пришли просить признать присланныхъ больными и неспособными къ службѣ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что эти ополченцы портили имъ роты; но докторъ Вязанковъ отказался исполнить эту просьбу.

— „Еще чего не хватало, совершенно здоровыхъ людей признавать больными!" возражалъ докторъ.

— „Не хотите, ну такъ мы ихъ скверно аттестуемъ и переведемъ въ разрядъ штрафованныхъ“; заявили Усовъ, Живаревъ и Стесель: „такихъ лѣнтяевъ намъ не надо, они намъ испортятъ роты; дѣлайте съ ними что хотите, но мы ихъ въ роты не возьмемъ.“

Несчастные ополченцы, осужденные своими командирами къ изгнанію, съ понуренными головами отъ стыда и скорби ждали рѣшенія своей участи.

Поручикъ Филовъ, видя, что ротные командиры не отступаютъ отъ своего требованія, отправился доложить о томъ дружинному командиру.

— „Это вѣрно, люди очень слабы и испортятъ роты“ отвѣтилъ подполковникъ Калитинъ.

Но, не смотря на это, къ великому неудовольствію Усова, Живарева и Стеселя, дружинный командиръ приказалъ всетаки оставить этихъ ополченцевъ въ ротахъ.

Выше я упомянулъ, что офицеры III-й дружины раздѣлились на двѣ группы: одна — состояла изъ офицеровъ *туркестанцевъ* во главѣ съ подполковникомъ Калитинымъ, и къ ней присоединились шт.-кап. Усовъ и подпоручикъ Бѣляевъ; другая — состояла изъ остальныхъ офицеровъ, но безъ вождя. Подпоручикъ Поликарповъ окрестилъ первую группу кличкой *штрафованные,* а вторую — *безпорочнослужащіе*. Члены первой групы были объединены одной волей дружиннаго командира: „вольнодумства“ и „разногласія“, покрайней мѣрѣ на видъ, не существовало между ея членами — слова командира были святы.

— „Дрянь народъ — эти болгаре“, говорилъ дружинный командиръ — „дрянь народъ“ — какъ эхо повторяли *штрафованные*.

— „Нельзя не отдать справедливость этимъ *булгарцамъ*, что способный и нравственный народъ“ — говорилъ подполковникъ Калитинъ, бывало, будучи въ добромъ расположеніи духа, и *эхо* повторяло эти слова. Впрочемъ въ этой группѣ были и самостоятольные характеры, какъ наприм. капитанъ Ѳедоровъ, командиръ 1-й роты, къ личности которою Калитинъ всегда относился съ уваженіемъ.

Между собой члены первой группы относились совершенно интимно, не употребляя никакихъ титуловъ.

— „Павликъ, Попикъ, Федька, Клаша и тому подобныя ласкательныя имена замѣняли въ группѣ *штрафованныхъ* титулы между младшими и старшими.

Группа *безпорочнослужащихъ* не представляла такого единаго цѣлого, какъ первая, но за то духъ товарищества и сознаніе собственнаго достоинства царили между офицерами. Офицеры этой группы никогда не позволяли себѣ насмѣшекъ надъ *штрафованными,* за то послѣдніе не пропускали случая чтобы не посмѣяться надъ *безпорочнослужащими.*

— „Эй, вы, *безпорочнослужащіе,* пожалуйте обѣдать" или „это *безпорочнослужащіе* расчувствовались и защищаютъ *булгарцевъ.*

Дѣйствительно офицеры второй группы всегда относились къ болгарамъ болѣе безпристрастно; къ таковымъ же принадлежалъ и *туркестанецъ* штабсъ-капитанъ Поповъ.

Упоминая объ этомъ раздѣленіи на группы, я не хочу сказать, что между офицерами были несогласіе или вражда, напротивъ, взаимныя отношения ихъ были искреннія и товарищескія; ихъ дѣлили лишь взгляды ихъ на ополченцевъ. Самъ же подполковникъ Калитинъ, человѣкъ весьма нервный и подчасъ очень строгій, пользовался почетомъ и уваженіемъ всѣхъ подчиненныхъ и сослуживцевъ; онъ былъ на самомъ дѣлѣ добрый товарищъ, образцовый командиръ и безспорно храбрый офицеръ — качества, поставившіе его выше другихъ. Командуемая имъ III-я дружина, както само собой, еще въ началѣ, была признана самой лучшей и образцовой, а впослѣдствіе и самой храброй въ ряду другихъ дружинъ. Офицерская семья III-й дружины долгое время была центромъ для всего офицерскаго общества Ополченія. Въ III-ей дружинѣ почти всякій вечеръ собирались офицеры изъ другихъ дружинъ, знакомые и боевые товарищи.

Если заслышится громкая пѣснь въ лагерѣ — это навѣрное въ III-ей дружинѣ; угощенія или веселый кутежъ, или бесѣды за стаканомъ вина бывали почти что только въ III-ей дружинѣ. На эту дружину была похожа по характеру своего офицерскаго состава только ея сосѣдка по нумеру — 4-ая дружина маіора Рѣдькина.

Будущій историкъ болгарскаго Ополченія не долженъ будетъ пренебрегать вопросомъ, *кто*, *чѣмъ* и *какъ* помогъ

оздаться нынѣшней образцовой арміи изъ разнохарактерныхъ лементовъ болгарскаго Ополченія.

Въ послѣдніе дни мая, посѣтилъ лагерь и принцъ Александръ Баттенбергъ очень, какъ говорили, интересовавшійся идѣть Болгарское Ополченіе. Принцъ былъ цѣлый день гостемъ нязя Вяземскаго, который его водилъ по лагерю и знакомилъ го съ бытомъ ополченцевъ.

III.

ыступленіе изъ Плоэштскаго лагеря. — Два дня походомъ въ Букурештъ. — тоянка въ столицѣ Румыніи. — Дневка подъ г. Руше-де-Веде. — Отношенія олдатъ къ ополченцамъ. — Смотръ генерала Ванновскаго. — Отъ Руше-де-Веде о с. Богдана. — Нѣтъ воды. — Въ с. Богданъ. — Вѣсти съ театра войны. — рокламація Императора Александра II-го къ болгарскому народу. — Отъ . Богданъ чрезъ с. Пятру къ г. Зимницѣ. — Остроумный деньщикъ. — Извѣстіе о взятіи г. Свиштова.

Наконецъ насталъ давно желанный день — Ополченіе покинуло лагерь и двинулось въ походъ. Это было 30-го мая. адость, обхватившая ополченцевъ, по этому случаю, не имѣла раницъ: они прыгали, какъ дѣти, пѣли и поздравляли другъ руга съ походомъ; не менѣе были довольны и офицеры: исполялось и ихъ горячее желаніе. Живаревъ и тутъ не упустилъ лучая подтрунить надъ *булгарцами*.

— „Посмотрите-ка, посмотрите, въ какомъ они телячьемъ осторгѣ! И чему они только радуются? Вѣдь, лишь перейдемъ унай, все равно, убѣгутъ.“

— „Что будетъ впереди мы посмотримъ,“ замѣтилъ подоручикъ Божинскій: „а теперь они радуются также, какъ мы.“

Утромъ, 30-го мая, передъ выступленіемъ, при большомъ теченіи народа, былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго, полченцы, въ сопровожденіи толпы народа, покинули лагерь. лицы города были переполнены народомъ: всѣ прощались о своими гостями и провожали ихъ всякими благопожеланіями.

Я видѣлъ многихъ мужчинъ, между которыми былъ и професоръ Станишевъ*), болгаринъ по происхожденію, проливающихъ слезы умиленія и обнимающихъ ополченцевъ; женщины и дѣвушки подносили имъ вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, букеты и зеленыя вѣтки, которыми ополченцы украшали свои шапки и ружья. Горожане, кто чѣмъ богатъ, угощали ополченцевъ. Словомъ, проводы были весьма трогательные.

Городъ уже давно скрылся изъ вида. Дружины, по пути въ Букурещъ, двигались по ровному шоссе, тонувшему въ зелени хлѣбныхъ полей и кукурузы; высокіе хлѣба, почти въ ростъ человѣка, колеблемые утреннимъ вѣтромъ, шевелились колосьями, какъ волны морскія; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ и ополченцы полною грудью вдыхали ароматный воздухъ.

Сознавая, что идутъ жертвовать собою за свободу дорогой отчизны, ополченцы чувствовали себя легко и были веселы: радовало ихъ, что они приближаются къ цѣли — схватиться съ своимъ вѣковымъ врагомъ турками и они шли твердыми шагами, подъ звуки удалыхъ военныхъ пѣсень.

Солнце стояло уже высоко надъ горизонтомъ и его палящіе лучи предвѣщали жаркій день. Отряду былъ данъ небольшой отдыхъ. Многіе ополченцы, оставшіеся въ городѣ, нагнали свои роты. Послѣ этого небольшого привала, нѣсколько оправившись, дружины вновь зашагали, но уже не тою твердою и увѣренною походкой: подъ тяжестью полной походной амуниціи, отъ сильной жары и непривычки къ походу, многіе изъ ополченцевъ падали по дорогѣ, остальные же еле волочили ноги; впрочемъ, падали и многіе изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ, не смотря на то, что ихъ ранцы помѣщались на повозкахъ, нанятыхъ для этой цѣли, по двѣ на дружину. Чтобы дать возможность отсталымъ поспѣть, слѣдовало бы давать частые отдыхи, но этого не дѣлалось; офицеры же между тѣмъ возмущались, глядя на падающихъ отъ изнеможенія и сидящихъ у дороги солдатъ, и бранились. Наконецъ, у одной тѣнистой рощи по пути, Ополченіе остановилось и ему былъ данъ болѣе продолжительный отдыхъ. Офицеры устроились въ рощѣ; темой ихъ разговора были, по обыкновенію, ополченцы.

*) Впослѣдствіи директоръ Лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ. Прим. Пер.

— „Ну, что вы скажите о вашихъ пѣстунахъ?“ спросилъ оручикъ Живаревъ у шт.-капит. Попова и, не дожидаясь отѣта, прибавилъ: „и мы идемъ драться съ турками?!!“

— „Да, ни на что не годенъ этотъ народъ“, сказалъ іт.-кап. Усовъ: „всего половину перехода сдѣлали, а большая асть ополченцевъ попадали“.

— „Не спѣшите осуждать, не только болгаре, но и многіе зъ кадровыхъ попадали“, возразилъ я, назвавъ нѣкоторыхъ зъ послѣднихъ по имени.

— „Вотъ тебѣ на! Вы мнѣ указываете на отдѣльныхъ ицъ, между тѣмъ, какъ вся дорога усѣяна *булгарцами*“, отѣтилъ мнѣ Живаревъ.

Дружинный командиръ, полулежа на коврикѣ, хлопалъ огайкой по увядшей отъ жары травѣ.

— „Не унывай, Павликъ, скоро встрѣтимся съ турками“, одтрунивалъ штабсъ-капитанъ Усовъ.

— „День съ утра виденъ“, отвѣтилъ подполковникъ Калитинъ сердито, а затѣмъ прибавилъ: „шкуры съ нихъ сдеру!“

— „Г-нъ подполковникъ, съ котораго утра слѣдуетъ предидѣть день, не съ утра ли Императорскаго смотра въ Кишиневѣ?“ осмѣлился я спросить у него.

Подполковникъ взглянулъ на меня, но ничего мнѣ не твѣтилъ. Этимъ своимъ вопросомъ я хотѣлъ напомнить офиерамъ объ успѣхахъ ополченцевъ во время смотра и оповалахъ, которыми они сами же обсыпали ополченцевъ.

Послѣ $3^1/_2$ часовъ отдыха, мы продолжили свой путь, но вторая половина перехода была не легче первой: ополченцы пять падали на каждомъ шагу, не смотря на то, что многіе овыбросывали изъ сумокъ, что было лишняго изъ собственной дежи и разные запасы.

Во время похода, Калитинъ, какъ бы исполняя свою грозу, то и дѣло похлестывалъ ногайкой, кого и гдѣ попало, е исключая и кадровыхъ нижнихъ чиновъ.

Какъ то пришлось мнѣ идти вмѣстѣ съ штабсъ-капитаомъ Поповымъ; на дорогѣ мы замѣтили двухъ лежавшихъ нтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ былъ 2-ой роты, по фамиліи ондарь.

— „Не стыдно-ли вамъ передъ болгарами?“ закричалъ а нихъ Поповъ: „чего валяетесь на дорогѣ, да еще и безъ анцевъ!?“

— „Ходить не можемъ, ваше благородіе,“ возразили они: „нѣтъ силъ, да и ноги не держатъ.“

„Встаньте и идите!“ приказалъ имъ Поповъ; но они едва поднимались съ мѣста, повторяя, что ноги ихъ не держатъ. Поповъ былъ человѣкъ добрый; онъ никогда не билъ солдатъ и рѣдко сердился на нихъ, и теперь онъ тоже удержался отъ гнѣва и, записавъ фамиліи унтеръ-офицеровъ, прошелъ дальше. Я хотя и замѣтилъ, что Поповъ послѣ этой сцены чувствовалъ себя неловко, но не могъ удержаться и спросилъ:

— „А что бы вы сказали, Николай Николаевичъ, если бы эти унтеръ-офицеры были болгарами?“

Поповъ еще болѣе смутился.

— „Семья не безъ урода!?“ отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

Но, какъ на зло, не прошли мы и одной версты, какъ увидали Живарева, толкающаго и бьющаго еще однаго изъ упавшихъ унтеръ-офицеровъ.

— „Не можешь! я тебя проучу, мерзавецъ!“ кричалъ Живаревъ, „Вотъ тебѣ — *не могу!*“

„Мы остановились, глядя на эту сцену; унтеръ-офицеръ вскочилъ и заявилъ:

— „Не имѣете права, ваше благородіе, меня бить, я пожалуюсь ротному командиру.“

Послѣ этихъ словъ Живаревъ пришелъ еще въ большую ярость и съ сжатыми кулаками накинулся на унтеръ-офицера. Сколь ни было это явленіе печально, но я не могъ не воспользоваться случаемъ, и не подчеркнуть еще разъ неосновательность нареканій на ополченцевъ.

— „Вотъ и еще одинъ уродъ въ семьѣ“ сказалъ я, когда мы втроемъ пошли вмѣстѣ; Поповъ ничего на это не возразилъ; но Живаревъ, желая какъ бы уменьшить вину унтеръофицера, высказалъ предположеніе, что послѣдній очевидно послѣдовалъ примѣру ополченцевъ.

— „Не въ томъ дѣло, что онъ легъ, а въ томъ, что не исполнилъ вашего приказанія и сверхъ того нагрубилъ вамъ,“ сказалъ я Живареву: „а только что передъ этимъ и двое другихъ унтеръ-офицеровъ не исполнили въ точности приказаній Николая Николаевича.“

Живаревъ отвѣтилъ, что это единичные случаи.

— „Не въ случаяхъ дѣло, а въ ихъ причинахъ, въ томъ, что вы требуете отъ человѣка лошадиныхъ усилій!“ продол-

жалъ я: „говорите, что болгаре никуда не годятся, потому что много ихъ попадало еще при первомъ переходѣ, а не потрудились посчитать сколько человѣкъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ осталось при ротахъ, а вѣдь они не тащутъ ни ранцевъ ни шинелей? Посмотрите сколько болгаръ, и сколько кадровыхъ нижнихъ чиновъ сидятъ на повозкахъ, и, наконецъ, кто изъ болгаръ ополченцевъ осмѣлится вамъ нагрубить, когда вы станете его толкать?"

— „Съ чего это вы разболтались?" сказалъ Живаревъ: „болгаре должны почерпать нравственную и физическую силы въ сознанiи, что они идутъ драться, завоевывать, съ нашей помощью, свободу своему отечеству; а мы идемъ только драться за нихъ." —

Въ селѣ Банiасъ, расположенномъ на р. Алчешти, мы остановились бивуакомъ для ночевки. Здѣсь былъ приготовленъ ужинъ ополченцамъ, но не всѣ ужинали: многiе предпочли подкрѣпить свои силы сномъ.

— *Безпорочнослужащiе!* крикнулъ подпоручикъ Поликарповъ: „приглашенiя ожидаете, что ли? *оштрафованные* ждутъ васъ къ ужину!"

Я ожидалъ, что, во время ужина, опять посыпятся на *булгарцевъ* ругательства, но на этотъ разъ почти всѣ офицеры были весьма сдержаны и слышались снисходительные отзывы:

— „Въ такую жару не удивительно, что ополченцы падали", „первый походъ", „привыкнутъ" и т. п.

Штабсъ-капитанъ Поповъ передалъ Усову о случившемся съ Бондаремъ, причемъ прибавилъ, что за подобныя ослушанiя виновныхъ слѣдуетъ наказывать въ примѣръ другимъ.

— „Вотъ тебѣ на! наказывать унтеръ-офицеровъ за то, что они сѣли отдыхать, между тѣмъ, какъ почти всѣ ополченцы падали какъ вертоголовыя овцы," возразилъ на это Усовъ.

— „Но Бондарь не исполнилъ въ точности моего приказанiя," замѣтилъ Поповъ.

— „Можетъ быть онъ дѣйствительно не былъ въ состоянiи ходить . . . впрочемъ, я разслѣдую это дѣло," отвѣтилъ Усовъ.

31 мая, въ $4^1/_2$ часа утра, Ополченiе покинуло бивуакъ. Было еще прохладно, когда прошли мы большую часть перехода и потому почти не было отставшихъ. Впрочемъ, на этотъ разъ падавшихъ ополченцевъ не оставляли на произволъ

судьбы: имъ помогали, снимали ранцы и сдавали ихъ на подводы, болѣе сильные изъ ополченцевъ носили ружья своихъ слабыхъ и изнемогшихъ товарищей; благодаря такой помощи число отстававшихъ отъ ротъ было значительно меньше.

Подъ вечеръ мы прибыли въ столицу Румыніи — Букурештъ и были встрѣчены проживавшими тамъ болгарами.

Ополченіе остановилось бивуакомъ на сѣверо-западномъ краю города у р. Домбовицы. Задымились ротныя кухни и понесло вкуснымъ запахомъ похлебки и кукурузной каши; еще немного погодя и по бивуаку раздался сигналъ, призывающій усталыхъ ополченцевъ къ вкусному ужину.

1—3-е іюня. — Съ разсвѣтомъ, закипѣла бивуачная жизнь: ополченцы, подобно рою пчелъ, зашевелились и зажужжали по бивуаку; умывшись и помолившись Богу, принялись они за работу. Первою ихъ заботою было почистить ружья; должно сказать, что ополченцы любили и холили свои ружья, хотя послѣднія, во время стрѣльбы, и оказывались съ норовомъ; затѣмъ одни принялись за стирку, другіе — за починку, третіе — пригоняли свои походныя сумки, такъ какъ послѣднія многимъ не приходились по росту; сапожники же застучали молотками, поправляя свои и своихъ товарищей сапоги.

Въ каждой ротѣ имѣлось по нѣсколько человѣкъ сапожниковъ, которые, еще въ лагерѣ, въ свободное время или въ праздничные дни, шили новую или поправляли старую обувь своихъ товарищей; для этой цѣли ротными командирами были куплены изъ денегъ отъ приварочныхъ экономій необходимые инструменты. По бивуаку слышались веселые разговоры; смѣхъ и шутки ополченцевъ не прерывались, будто и не они, вчера и третьяго дня, совершили столь тяжелый переходъ, что почти половина изъ нихъ попадала по дорогѣ отъ усталости.

— „Ну, и тяжелые же переходы были вчера и третьяго дня“ разказывалъ одинъ ополченецъ: „я думалъ, что такъ таки и останусь на дорогѣ.“

— „Не будь воловьяго ремня, ты бы пожалуй и остался,“ отвѣчалъ ему другой.

— „Въ сербско-турецкую войну, приходилось и гораздо большіе переходы дѣлать,“ замѣчалъ третій: „но такого тяжелаго, какъ третьяго дня, не довелось испытать. Помнишь Трифонъ,“ обратился говорившій къ товарищу: „помнишь ли, какое путешествіе сдѣлали мы отъ Бабиной Главы? А отъ

Гамзи-Града, послѣ сраженія? Темнота, грязь по колѣно, на каждомъ шагу падали, а все же въ теченіи пяти часовъ, 40 верстъ прошли.“

— „Да, вѣрно, въ Сербіи мы дѣлали гораздо большіе переходы, но не забывайте, что въ Сербіи мы не были обременены ношей,“ замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— „А часто и животы совсѣмъ были налегкѣ,“ съострилъ кто-то въ кружкѣ.

— „Да, въ сербскихъ походахъ не то, что теперь: мы вѣдь навьючены, какъ сливненскіе мулы! Мало того, что тащимъ ружья, ранцы и разное другое,“ говорилъ одинъ шутникъ: „намъ, сверхъ того, накладываютъ и казацкія ногайки и кавказскія шашки.“

Предпологалось, что въ Букурештѣ пробудемъ нѣсколько дней, что было бы вполнѣ умѣстно, такъ какъ ополченцы отъ непривычки къ походной жизни, какъ выше упомянуто, отъ тяжести полной походной амуниціи, сильныхъ жаровъ, да къ тому же и благодаря недостаточно предусмотрительной распорядительности начальства во время похода, настолько устали и изнемогли, что чувствовали большую необходимость въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ. На медицинскомъ осмотрѣ, призведеномъ дружинными докторами, оказалось, что у многихъ изъ ополченцевъ отъ обуви ноги были въ ранахъ; эти то раны и заставили, какъ упомянуто выше, ополченцевъ спозаранку живо приняться за починку и оправку сапогъ.

Сегодня на бивуакъ были доставлены двѣ, запряженныя тройкой хорошихъ, крѣпкихъ лошадей, лазаретныя линейки для больныхъ и раненыхъ; эти линейки со всѣми принадлежностями и лошадьми были подарены ополченцамъ Букурештскими болгарами, а также — большая и маленькая походныя палатки для больныхъ и раненыхъ офицеровъ и ополченцевъ, походный столъ съ такими же стульями и разные медикаменты.

Во время 3-хъ дневной стоянки въ Букурештѣ почти всѣ офицеры ходили полюбоваться столицей, накупить себѣ все необходимое и повеселиться послѣ столь продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ; а въ Букурештѣ было гдѣ повеселиться: повсюду кондитерскія, кафе-рестораны, сады, и тому подобныя увеселительныя мѣста, откуда постоянно неслись звуки музыки; эти всѣ заведенія и улицы, въ особенности главная

улица — *Поду-Могушой* — бывали по цѣлымъ ночамъ переполнены разноколиберной толпой и тѣснота бывала такая, что трудно было пройти, не рискуя помять себѣ бока. Въ столицѣ Румыніи улицы всегда бывали многолюдны, а въ то время, когда въ Букурештѣ находилась Главная Квартира, штабъ Дѣйствующей арміи со всѣми его почтовыми, телеграфными, комендантскими, интендантскими и прочими управленіями и съ цѣлымъ легіономъ чиновниковъ, многолюдство было исключительное; кромѣ того въ столицу постоянно прибывали разныя переходящія войсковыя части. Благодаря стеченію такой массы народа, въ Букурештѣ была неимовѣрная дороговизна. Въ прошломъ году я останавливался въ Букурештѣ на нѣсколько дней и поэтому мнѣ были извѣстны цѣны нѣкоторыхъ предметовъ, теперь же стоимость таковыхъ удесятерилась; видно было, что румынскіе купцы не дремали и пользовались обстоятельствами.

4-е іюня. Раннимъ утромъ, Ополченіе должно было покинуть бивуакъ; ввиду этого, наканунѣ вечеромъ, отпуски въ городъ не разрѣшали. Съ зарей Ополченіе оставило Букурештъ. Мы шли, но куда мы шли, никто не зналъ; никто не могъ знать и гдѣ намъ придется ночевать. Иногда съ вечера, дѣлались предположенія, что вотъ-де завтра прибудемъ въ д. Н.; туда направлялось Ополченіе и высылались ротныя кухни; но къ вечеру, вмѣсто д. Н., Ополченіе подходило къ иной деревнѣ; такимъ образомъ, мы ходили то въ направленіи къ западу, то поворочивали къ югу и т. д. Это, какъ бы не умышленное блужданіе, то назадъ, то впередъ, имѣло свою особенную цѣль: Ополченіе числилось при Главной Квартирѣ и, потому своими походными движеніями должно было маскировать истинное направленіе ея пути, а тѣмъ самымъ — и пунктъ сосредоточенія войскъ, у котораго долженъ былъ состояться переходъ арміи черезъ р. Дунай.

Не смотря на то, что условія нашего путешествія и теперь были все тѣ-же, что и въ оба первые перехода, но отстающихъ отъ ротъ ополченцевъ уже не было; они привыкли къ походу: переходъ болѣе 20 верстъ совершился безъ усилій, отсюда, понятно, что и руготня офицеровъ по адресу ополченцевъ прекратилась.

6-е іюня. — У д. Водоладъ была дневка и тамъ дружины расположились бивуакомъ; во избѣжаніе непріятностей и жа-

объ со стороны поселянъ, былъ отданъ приказъ не отпускать ополченцевъ въ деревню.

Я уже упомянулъ, что инородные ополченцы не оправдали покровительства своего начальства. Сербы, какъ тѣ избалованныя офицерскія дѣти, видя доброту и снисходительное обхожденіе начальства, задрали носъ и до того забылись, что стали заявлять о своихъ претензіяхъ на сформированіе изъ сербовъ, старо-сербовъ и черногорцевъ особой дружины, которою бы командовали сербы же, избранные изъ ихъ ополченской среды.

— „Въ прошломъ году, во время сербско-турецкой войны, позволялось же болгарскимъ воеводамъ организовывать четы, превращавшіяся впослѣдствіи въ болгарскіе отряды“ говорили они „отчего же и намъ того бы не разрѣшить!?“

Эти претензіи обыкновенно выражались въ такой формѣ, что нельзя было считать ихъ серіозными; но во время дневки у д. Водоладъ, сербы категорически потребовали, чтобы ихъ отдѣлили отъ болгаръ и назначили имъ въ начальники кого либо изъ ихнихъ, грозя, въ противномъ случаѣ, неповиновеніемъ начальству.

Вопросъ этотъ разрѣшился весьма оригинально: утромъ, 6-го іюня, когда мы сидѣли въ походныхъ палаткахъ, насъ кликнулъ одинъ изъ товарищей посмотрѣть на слѣдующую сцену: генералъ Столѣтовъ стоялъ между двумя шеренгами ополченцевъ, одна шеренга состояла изъ болгаръ, другая — изъ сербовъ; обѣ шеренги были построены другъ противъ друга и генералъ держалъ къ нимъ рѣчь на турецкомъ языкѣ; послѣ окончанія рѣчи, Столѣтовъ началъ вызывать, по одному, ополченцевъ изъ каждаго ряда и приказывалъ давать другъ другу пощечины. Въ заключеніи главные виновники изъ сербовъ были высѣчены розгами. Послѣ такого наказанія сербы стали убѣгать и въ короткое время въ рядахъ Ополченія остались только черногорцы, и лишь нѣсколько человѣкъ изъ сербовъ.

Въ тотъ же день былъ открытъ и заговоръ ополченцевъ противъ шт.-ротмистра Чиляева, ихъ бывшаго командира батальона въ Сербіи, который якобы, не удовлетворилъ ихъ денежнымъ довольствіемъ.*) Утверждалось положительно, что заго-

*) Переводчику этой книги довелось имѣть честь служить солдатомъ подъ командой шт.-рот. К. Б. Чиляева, человѣка высоко-честнаго и браваго командира и потому онъ не можетъ не отмѣтить здѣсь своего душевнаго возмущенія по поводу этого заговора о которомъ говоритъ авторъ. Прим. Пер.

5*

воръ этотъ былъ устроенъ по инициативѣ капитана Райчо Николова, который питалъ затаенную злобу къ Чиляеву.*)

Сегодня дружинный командиръ въ компаніи нѣсколькихъ офицеровъ размѣстились на лужку, вблизи бивуака, отобѣдать.

— „Эй, вы, *безпорочнослужащіе,* крикнулъ Усовъ: „пожалуйте, къ закускѣ! нынче *штрафованные* угощаютъ".

— „Почему же это вы угощаете?", спросилъ подпоручикъ Божинскій: „вѣдь мы всѣ вмѣстѣ столуемся?"

Оказалось, что столовая, по недостатку приборовъ, закрывается; объ этомъ никто изъ офицеровъ не пожалѣлъ, потому что кушанья съ *александровской* ротной кухни были лучше и вкуснѣе.

Едва было мы принялись за закуску, какъ увидали идущаго къ намъ князя Вяземскаго, въ сопровожденіи двухъ деньщиковъ, съ корзинами въ рукахъ.

— „Павликъ", обратился Стесель къ Калитину, показывая на корзины „это обозначаетъ, что будемъ пить хорошее, княжеское винцо."

Дѣйствительно, кромѣ разныхъ закусокъ, въ корзинѣ оказалось и нѣсколько бутылокъ вина.

— „Скучно мнѣ," сказалъ князь: „да одному какъ-то и ѣсть не хочется, вотъ, я и пришелъ подѣлить съ вами свой скромный обѣдъ."

Принесенныя закуски разложили на коврѣ, вокругъ котораго мы кое-какъ размѣстились; въ это время подъѣхалъ и отсутствовавшій подпоручикъ Поликарповъ.

— „Павелъ Петровичъ, обратился онъ къ дружинному командиру, соскакивая съ лошади: „сломалъ я вашу нагайку: лошадь заупрямилась, я ударилъ ее нѣсколько разъ и ногайка сломалась."

— „*Прекрасно* сдѣлали!" возразилъ ѣдко командиръ: „я за все время похода билъ сю *булгарцевъ* и не сломалъ, а вы только разъ ее взяли да и сломали!"

*) 5-го октября 1876 г. въ сербско-турецкую войну, наканунѣ гамзиградскаго сраженія, батальонъ капитана Райчо Николова взбунтовался, какъ положительно утверждалось, подбужденый имъ самимъ, и не желалъ идти къ Гамзи-Граду; начальникъ отряда, полковникъ Медвѣдовскій приказалъ Чиляеву обезоружить батальонъ, а Райча арестовать. Послѣ чего было отнято у Райчо и командованіе батальономъ.

— „Вотъ какъ, Павелъ Петровичъ! Гдѣ же ваша послѣ-
тельность? Вѣдь вы же сами были противъ наказаній
непослушныхъ сербовъ, а между тѣмъ собственноручно
болгаръ?“ замѣтилъ князь Вяземскій, обращаясь къ
тину.

— „Помилуйте, ваше сіятелство, да какъ же мнѣ было
не бить? Мы идемъ драться, кровь проливать за нихъ, а
во время походовъ отстаютъ, крадутъ и отлучаются отъ
; что же касается сербовъ, то повторяю, я и теперь того
нѣнія и вотъ почему: они вмѣстѣ съ нами идутъ драться
урками, общимъ врагомъ славянъ, а слѣдовательно вра-
и болгаръ; если болгарамъ было позволено въ Сербіи
ировать болгарскіе отряды, отчего не позволить того же
бамъ, а если этого нельзя было сдѣлать, то слѣдовало
тить ихъ на всѣ четыре стороны, тѣмъ болѣе, что никто
иѣетъ права заставлять ихъ драться за другихъ“.

Князь Вяземскій былъ человѣкъ кроткаго характера; онъ
юбилъ и избѣгалъ спорить и въ спорѣ бывалъ всегда
канъ, а когда замѣчалъ что послѣдній принималъ харак-
ссоры, то незамѣтно и очень умѣло перемѣнялъ тему
вора. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Князь, очевидно,
ъ неумѣстнымъ продолжать начатый разговоръ съ Кали-
ъ и потому съ свойственной ему ловкостью перемѣнилъ
бесѣды; а можетъ быть еще и потому, что ему было
но упрямство Калитина, котораго все равно не удалось
убѣдить.

-го іюня, послѣ полудня, Ополченіе прибыло въ городъ
е-Веде. Мы расположились бивуакомъ на сѣверо-восточ-
раю города, на ровной полянѣ, по которой кое-гдѣ
нистыя деревья. Къ западу отъ нашего бивуака стояли
-ая и 33-яя пѣхотныя дивизіи 12-го армейскаго кор-
своими обозами; корпусомъ командовалъ генералъ
ій.

мы были утомлены послѣ похода и никто изъ офи-
-ей дружины не захотѣлъ идти въ городъ, хотя до
ло всего 200—300 шаговъ пути отъ бивуака. Офи-
рались въ кружокъ и бесѣдовали, передавая другъ
оихъ впечатлѣніяхъ и разсказывая разные эпизоды
й букурештской жизни. Около 6-ти часовъ вечера,
ь на бивуакѣ съ юга отдаленная пушечная пальба;

эта, знакомая многимъ изъ ополченцевъ еще со времени сербско-турецкой войны, музыка заставила наши сердца чаще и сильнѣй забиться.

— „Вотъ она, музыка, подъ которую придется намъ водить кровавый хороводъ!“ замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

Пушечная пальба, то въ одиночку, то залпами, слышалась вплоть до вечера. Намъ было извѣстно, что на слѣдующій день полагалась дневка, но не смотря на это мы, офицеры, сразу послѣ ужина, улеглись спать, въ предположеніи, что могутъ и ночью поднять насъ въ походъ и потому не мѣшало отдохнуть и выспаться.

Меня этотъ гулъ пушечной пальбы взволновалъ и я долго не могъ уснуть: разныя мысли смѣняли одна другую.... Я радовался, чрезвычайно радовался, что наконецъ-то приближаемся къ театру военныхъ дѣйствій, гдѣ, мечталъ я, навѣрное скоро представится случай ополченцамъ доказать на дѣлѣ, что болгаре могуть драться не хуже своихъ инструкторовъ и что они не боятся смерти; да, я былъ увѣренъ, что борцы за болгарскую свободу при *Бабиной-Главѣ, Креветѣ, Гамзи-Градѣ* въ сербско-турецкую войну — болгарскіе добровольцы — самоотверженно и геройски будутъ драться со своимъ вѣковымъ врагомъ — турками . . . наконецъ сонъ одолѣлъ меня и я заснулъ.

На разсвѣтѣ, мнѣ стало холодно; я проснулся и сталъ укутываться въ свое походное одѣяло; въ это время опять послышались отчетливо и залпы и одиночная пушечная пальба: я сразу всталъ и началъ одѣваться; тоже сдѣлали и прочіе офицеры; не много спустя — все Ополченіе уже было на ногахъ.

Моего деньщика Лилитку мнѣ пришлось разбудить и приказать ему поставить самоваръ: онъ имѣлъ способность столь крѣпко спать, что его не могли разбудить ни пушки, ни барабаны.

11-е іюня. На бивуакѣ общее движеніе: одни съ манерками шли за водой, другіе умывались, третіе — успѣли уже разложить костры и варили въ котелкахъ воду для чая или похлебки, а нѣкоторые, запоздавшіе, подкрадывались къ плетнямъ съ цѣлью раздобыть себѣ прутьевъ для огня; деньщики чистили платья своихъ офицеровъ, которые въ это время, въ

лагерномъ неглиже, съ апетитомъ попивали свой утренній чай; не много спустя, задымились и ротныя кухни.

Всѣ были въ приподнятомъ настроеніи духа, а болгаре ополченцы — въ особенности. И это понятно: пушечная пальба и радостно отзывалась въ сердцахъ ополченцевъ и наводила ихъ на тягостныя размышленія: невдалекѣ, на югѣ, въ родномъ краю уже лилась кровь, а ополченцамъ хорошо было извѣстно варварство турокъ; они знали, что на ихъ родинѣ даже и въ томъ случаѣ, если русскіе и не перешли еще за Дунай, все-таки льется кровь невинныхъ болгарскихъ дѣтей и женъ; въ тоже время ихъ сердца радостно бились при мысли, что близокъ часъ, когда заодно съ русскими войсками отомстятъ и они за вѣковое рабство и за всѣ звѣрства, совершенные турками надъ болгарскимъ народомъ . . .

Передъ обѣдомъ я отправился посмотрѣть городъ; Руше-де-Веде скорѣе большое село, чѣмъ городъ: широкія, грязныя пыльныя, поросшія травою улицы съ одноэтажными домами, въ большинствѣ вымазанными глиной, съ большими, почти у каждаго дома, фруктовыми садами. Всѣ дома были заперты и не видать было никого изъ ихъ обитателей. Городъ былъ переполненъ нашими солдатами и ополченцами, толпившимися у кабаковъ и бакалейныхъ лавокъ. Хитрые румыны заблаговременно позатворяли свои кабаки и лавки и черезъ открытыя маленькія оконца продавали свой гнилой товаръ и прокисшее вино, и притомъ по баснословнымъ цѣнамъ.

— „Эй, Ефремка, Тишка! пойдемъ-ка выпить кваску,“ *) приглашали солдаты другъ друга.

Многіе изъ солдатиковъ порядкомъ выпивали этого *квасу* послѣ чего, конечно, безъ ссоръ не обходилось; впрочемъ, къ подъяремнымъ *братушкамъ* русскіе солдаты относились сердечно и покровительственно:

— „Эй, братушка, поди сюда, выпьемъ,“ звалъ ополченца солдатъ: „поди, братецъ, поди, одинъ Богъ вѣдаетъ, что съ нами будетъ, это вѣдь война!“ зазывалъ другой.

— „Не бойсь, братушки, не бойсь!“ восклицалъ громко какой-то солдатикъ: „мы накажемъ вашихъ извергъвъ! коли Царь Батюшка послалъ насъ на бусурманъ, такъ мы ужъ отомстимъ за ваши муки!“

---

*) *Кваскомъ* русскіе солдаты называли вино.

Въ одной группѣ солдатъ 12-ой пѣх. дивизіи, окружившей нѣсколькихъ ополченцевъ велась слѣдующая бесѣда:

— „Охъ, мои горемычные, съ родного пепелища выгнанные! Мы... да мы всѣ падемъ... до единаго падемъ... понимаешь, что значитъ *до единаго?* Падемъ, а васъ не оставимъ подъ турками!" говорили растрогавшіеся солдатики.

— „Какъ, вы, вы хотите платить?! Ну, этого, братъ, нельзя!" закричали нѣсколько солдатъ, обращаясь къ ополченцамъ, выразившимъ желаніе заплатить за вновь заказанное вино.

— „Кто, кто это хочетъ платить? Давай-ка, на него посмотрѣть? А, это ты! да ты какъ смѣешь угощать царскихъ солдатъ!?"

Подобныхъ вышеописаннымъ сценамъ было много; во всѣхъ такихъ сценахъ бросалось въ глаза сердечное и искреннее отношеніе русскихъ солдатъ къ ополченцамъ.

Въ городѣ, кромѣ сардинокъ, боченковъ съ сушеной рыбой, „пастармы" *) и т. п. закусокъ въ мѣстномъ вкусѣ ничего иного не оказалось изъ съѣстнаго.

Обойдя главнѣйшія улицы, я зашелъ въ цирюльню остричься и еще у входа услышалъ крики и ругань: предо мной происходила слѣдующая сцена: румынъ цирюльникъ блѣдный и дрожащій со страха забился въ уголъ, защищаясь большимъ стуломъ отъ нападеній Бойка, деньщика поручика Живарева; оказалось, что цирюльникъ за бритье требовалъ тридцать сантимовъ, а Бойко находилъ эту цѣну слишкомъ большой; характерно, что и цирюльникъ, и Бойко говорили на языкахъ, непонятныхъ имъ обоимъ.

— „Я-те проучу, грабитель," кричалъ Бойко, накидываясь съ кулаками на цирюльника: „за то, что ты такъ дорого дерешь!"

— „Ce vrei de la mine, domnule! Lasa me in pace!" (чего вы отъ меня хотите, господинъ, оставьте меня въ покоѣ) кричалъ цирюльникъ.

Я приказалъ Бойку выйти.

— „Ваше благородіе, ему слѣдуетъ морду избить...," началъ возражать Бойко, но я его прервалъ, приказавъ ему

*) Вяленое мясо. Прим. Пер.

о второй разъ выйти, что онъ и исполнилъ съ явнымъ неудовольствіемъ, такъ какъ ему помѣшали поколотить цирюльника.

Возвращаясь на бивуакъ, я встрѣтилъ поручика Живарева мѣстѣ съ однимъ офицеромъ, остановилъ его, и сталъ разказывать о похожденіяхъ его деньщика, но Живаревъ, сообазивъ въ чемъ дѣло, махнулъ рукой и, повернувшись, продолкалъ свой путь, не отвѣтивъ мнѣ ни слова. Такое невѣжливое о мной обращеніе сильно меня возмутило и я сердитымъ голосомъ потребовалъ, что бы онъ меня выслушалъ.

— „Что же вамъ угодно?“ спросилъ Живаревъ недружелюбно.

Я ему разсказалъ о случившемся; въ это время подошелъ и Бойко и, какъ бы зная, что рѣчь шла объ немъ, остановился въ трехъ шагахъ отъ насъ. Когда я окончилъ разсказъ о произшествіи, Живаревъ громко мнѣ отвѣтилъ: „Бойко долженъ былъ дать ему въ морду!“

— „Ваше благородіе, я это и хотѣлъ сдѣлать,“ вмѣшался въ разговоръ деньщикъ, но . . .“ при этомъ Бойко указалъ на меня глазами, какъ бы говоря: „вотъ, кто мнѣ помѣшалъ.“

Возмущенный отвѣтомъ Живарева, я повернулся, не сказавъ ни слова, и отправился въ палатку дружиннаго командира; тамъ же былъ и Князь Вяземскій.

Я подробно имъ разсказалъ о случаѣ съ Бойко и объ обращеніи Живарева со мною, своимъ товарищемъ по оружію.

Когда я окончилъ, князь Вяземскій, обращаясь къ Калитину, сказалъ:

— „Поручикъ Живаревъ поступаетъ не хорошо: каждый офицеръ долженъ соблюдать порядки и долженъ принимать мѣры для водворенія таковыхъ, какъ равно и долженъ относиться къ старшимъ съ уваженіемъ, а къ младшимъ — вѣжливо, и вамъ, Павелъ Петровичъ, не слѣдуетъ оставлять подобные поступки безнаказанными.“

Дружинный командиръ кликнулъ своего деньщика и приказалъ ему позвать дежурнаго по дружинѣ. Я вышелъ. Не прошло и получаса, какъ пришелъ ко мнѣ Живаревъ.

— „Вы на меня сердитесь? Не изъ за чего сердиться вамъ: я былъ тогда немного раздосадованъ,“ и въ знакъ примиренія, Живаревъ пожалъ мнѣ руку.

12-го іюня, у насъ и у перечисленныхъ выше дивизій 2-го корпуса была общая дневка въ г. Руше-де-Веде. Того же

12-го числа командиръ 12-го корпуса генералъ Ванновскій прибылъ на нашъ бивуакъ и, осмотрѣвъ ополченцевъ, которые были для этой цѣли выстроены, сказалъ офицерамъ нѣсколько словъ изъ которыхъ мы поняли, что генералъ остался не особенно доволенъ наружнымъ видомъ ополченцевъ.

Во все время стоянки въ Руше-де-Веде продолжала слышаться пушечная пальба. Всѣмъ намъ казалось, что время идетъ медленно и какъ солдаты такъ и офицеры старались убивать время въ бесѣдахъ, разсказывая другъ другу разные анекдоты, но бесѣды не были оживленны, и вообще разговоръ не клеился.

Послѣдовалъ приказъ отъ штаба Ополченія отдѣлить отъ дружинъ 5-ыя роты съ нужнымъ числомъ кадровыхъ чиновъ и ополченцевъ; эти роты должны были послужить кадромъ для 6-ти новыхъ дружинъ болгарскаго Ополченія; изъ каждой роты должна была образоваться дружина 4-хъ ротнаго состава. Сформированіе этихъ новыхъ 6-ти дружинъ должно было совершиться уже въ Болгаріи; начальникомъ же таковыхъ, еще до сформированія, былъ назначенъ командиръ I-й бригады полковникъ Корсаковъ; послѣдній въ тотъ же день, встрѣтившись со мною, передалъ мнѣ, что онъ просилъ у начальника Ополченія о моемъ назначеніи къ себѣ въ адъютанты; я поблагодарилъ его за честь, оказываемую мнѣ, но просилъ разрѣшить мнѣ оставаться въ моей дружинѣ."

— „Я понимаю ваше желаніе скорѣе попасть въ дѣло," сказалъ мнѣ полков. Корсаковъ „и вамъ могу только позавидовать".

Полковникъ Корсаковъ обѣщалъ мнѣ свое ходатайство объ отмѣнѣ моего назначенія; и дѣйствительно, вмѣсто меня былъ назначенъ адъютантомъ подпоручикъ Стояновъ, болгаринъ, родомъ изъ Бессарабіи.

Послѣ обѣда 12-го іюня, 5-ая, 12-ая и 33-яя дивизіи снялись съ бивуака.

13 іюня. — Къ 4-мъ часамъ утра, было приказано дружинамъ приготовиться въ путь; въ означенное время ополченцы со свернутыми черезъ плечо шинелями и сумками за спиной, уже были на мѣстѣ и ожидали лишь приказанія двинуться, но приказаніе это было отдано лишь спустя два часа. Подобными, постоянно случавшимися ожиданіями и нецѣлесообразными распоряженіями со стороны штаба Ополченія, ге-

нералъ Столѣтовъ навлекъ на себя нерасположенiе не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Распоряженiя и дѣйствiя штаба открыто критиковались.

— „Павликъ, почему ты держишь людей на готовѣ?“ спрашивалъ, бывало, шт.-капит. Стесель у дружиннаго командира: „пока нашъ начальникъ проснется, да выпьетъ другой-третiй стаканъ, мы успѣемъ еще разъ напиться чаю“.

Такъ было и въ данномъ случаѣ: послышались голоса: „генералъ идетъ!“ и Ополченiе, вмѣсто 4-хъ, наконецъ поднялось съ бивуака въ 6 часовъ утра, потерявъ безполезно два часа самого лучшаго для похода времени. Когда Ополченiе двинулосъ, было еще прохладно, но по всему видно было, что днемъ будетъ жара.

Въ 8½ ч. мы прибыли въ с. Гавричъ. У самой дороги находилась довольно большая сажалка, съ не совсѣмъ чистой водой, по сторонамъ стояли два колодца, а поодаль, на разстоянiи 200—300 шаговъ, виднѣлись еще нѣсколько колодцевъ съ торчащими къ верху высохшими очепами.

Хотя и не время и не мѣсто было здѣсь для большого отдыха, такъ какъ было еще рано, но мнѣ думалось, что слѣдовало бы прiостановить ополченцевъ, дабы дать имъ возможность наполнить манерки водою; но этого не было сдѣлано, и даже, когда нѣсколько ополченцевъ направились было къ колодцамъ напиться, то нѣкоторые офицеры ихъ разогнали. Пройдя около 4—5 верстъ отъ названнаго села далѣе, мы вошли въ роскошный лѣсъ, гдѣ и былъ назначенъ продолжительный отдыхъ. Сложивъ ружья въ козлы и освободившись отъ сумокъ, ополченцы взяли манерки и разбрелись по лѣсу въ поискахъ за водою. Но, напрасный трудъ, воды не было и они возвращались въ отчаянiи съ порожними манерками. Оставалось одно — возвращаться въ с. Гавричъ, гдѣ какъ я упомянулъ, была вода, но для этого требовалось употребить 2½ часа ходу туда и назадъ и послѣ уже безъ отдыха продолжать путь впередъ въ догонку за Ополченiемъ.

— „Если нѣтъ воды, за то имѣется густая тѣнь,“ сказалъ одинъ шутникъ, „ложитесь-ка, ребята, во снѣ напьемся воды.“

Ополченцы закусили и улеглись, но отъ жажды, заснуть было почти невозможно.

— „Отъ жажды меня и сонъ не беретъ,“ отозвался одинъ ополченецъ, съ завистью поглядывая въ то же время на офицерскiй бивуакъ штаба Ополченiя: тамъ, у нихъ была вода.

Этому ополченцу казалось, что высшее начальство болѣе заботилось о себѣ, чѣмъ о своихъ подчиненныхъ; кто знаетъ, можетъ быть онъ былъ и правъ. „Хоть бы выступать поскорѣе!“ слышались нетерпѣливые голоса; но время въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно идетъ очень медленно. Собравшіеся въ кружки ополченцы, въ интимной бесѣдѣ высказывались почти въ томъ же духѣ: всѣмъ казалось, что они обижены начальствомъ, которое столь невнимательно съ ними обходилось.

Лежа подъ тѣнистымъ деревомъ, я невольно слышалъ разговоры ополченцевъ, которыхъ впрочемъ мое присутствіе и не стѣсняло. Пришлось бы много разсказывать передавая все то, о чемъ бѣсѣдовали ополченцы, и что волновало ихъ, и потому ихъ общій разговоръ, безъ различія по отношенію къ ихъ субъективному развитію и образованію, я отмѣчу нѣсколькими фразами изъ ихъ бесѣды, характеризующими общее тогда настроеніе ополченцевъ.

— „Братцы, говорилъ одинъ, мы рѣшились пожертвовать жизнью за свое отечество, такъ неужели же намъ бояться этихъ физическихъ и нравственныхъ страданій?!! Дерзайте! мы должны терпѣливо переносить всѣ невзгоды!“

— „Но вѣдь начальники другихъ дружинъ то-же русскіе, почему-же они иначе относятся къ ополченцамъ,“ отзывался другой.

— „Русскіе?! тутъ не русскіе причина, а вообще начальство,“ говорилъ третій: „вѣдь командиръ 1-ой дружины, подполковникъ Кесяковъ болгаринъ, а развѣ лучше относится онъ къ ополченцамъ? Не по его ли приказанію избили розгами двухъ ополченцевъ, а нашъ командиръ за ту же вину насъ хлещетъ только нагайкой!“ закончилъ онъ.

Наконецъ, большая часть усталыхъ ополченцевъ заснула, но не на долго... Послышался барабанный бой и заиграли рожки, ополченцы быстро повскакивали, а минуту спустя, раздалась команда:

— „На праа-во! Ряды вздвой!... По ротно шагомъ!... Первая рота!“

— „Шагомъ?! Пустился бы я и бѣгомъ, только бы скорѣй дойти до воды,“ слышались голоса среди ополченцевъ.

— „Погоди, еще попотѣемъ, пока дойдемъ до воды,“ отзывались ополченцы, знающіе эти мѣста: „далеко еще до воды.“

— „Ну и жара-же! Скоро ли ужъ прибудемъ?“ переспраивали ополченцы другъ друга. —

Воодушевленные священной идеей освобожденія Болгаріи вѣрные обѣту — терпѣть всѣ невзгоды, ополченцы шагали олодецки.

Между тѣмъ солнце немилостиво жарило, а жажда еще ольше ихъ томила. Они шли и подбодривали другъ друга, о, вотъ-вотъ, впереди будетъ вода . . . Но начинаютъ дроать ноги, спину ломитъ и чувствуется боль, на плечахъ будто жатъ пуды, начинается шумъ въ ушахъ, темнѣетъ въ глахъ, все тѣло ополченца слабѣетъ и онъ блѣдный, съ затившимися глазами, падаетъ въ обморокъ . . . . Товарищи одбѣгаютъ на помощь, снимаютъ съ него сумку, поясной ушакъ, разстёгиваютъ воротъ рубахи, раскрываютъ грудь и такомъ положеніи оставляютъ его, а сами спѣшатъ вперъ . . . пока не дойдетъ очередь и до нихъ; но съ увеличеемъ числа падающихъ и этой помощи имъ не оказывалось . . .

Шли мы по обширной равнинѣ, покрытой кукурузными и лѣбными полями. Кругомъ не видно ни одного предмета на оторомъ можно было бы остановить взоры: все пусто вокругъ; олько кое-гдѣ, между высокой кукурузой, мелькаютъ челоѣческія фигуры — это валашскіе крестьяне. Въ воздухѣ было ушно, становилось дышать тяжело; на высохшихъ отъ жажды убахъ ополченцевъ виднѣлись слѣды выступившей крови . . . воображеніе рисовало долины по берегамъ рѣкъ . . . и этотъ иражъ также быстро исчезалъ, какъ и появлялся . . .

Начальство волновалось, сердилось и даже вначалѣ приѣгало къ строгимъ мѣрамъ, видя отстающихъ и падающихъ ополченцевъ, но, убѣдившись, что это происходило вслѣдствіи райняго истощенія силъ, постаралось облегчить положеніе ополченцевъ частыми остановками для отдыха. Но не всѣмъ отѣлось отдыхать подъ палящими лучами солнца, поэтому тѣ, оторые еще держались на ногахъ — выпросили себѣ позвоеніе начальства идти впередъ. Многіе изъ отстававшихъ разивали походныя палатки, чтобы укрыться отъ жгучихъ солечныхъ лучей.

Въ время одной изъ такихъ остановокъ, я замѣтилъ впееди, по лѣвой сторонѣ шоссе, два воза, вокругъ которыхъ толились нѣсколько ополченцевъ. Съ разрѣшенія ротнаго команира, я сѣлъ на лошадь капитана Өедорова, и пустился вскачь

черезъ кукурузное поле къ возамъ; на нихъ, оказалось, были нагружены двѣ большія 30—40 ведерныя бочки съ водой. Я приказалъ валахамъ, хозяевамъ этихъ бочекъ, вывезти подводы на дорогу, что они съ готовностью исполнили. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ 4-ой роты подбѣжалъ къ бочкѣ, вытянулъ кранъ, бросилъ его въ сторону и наполнилъ свой котелокъ водой; ополченцы III-ой и IV-ой дружинъ толпились около бочки и толкались, каждый спѣшилъ налить себѣ воды; видя, что они при этомъ выливали массу воды на землю, я взялся разливать имъ воду, но тутъ произошелъ слѣдующій непріятный для меня случай: наклонившись надъ ведромъ, я разливалъ воду ополченцамъ и отстранялъ тѣхъ, которые сами совались съ ведромъ за водой, какъ вдругъ слышу:

— „Какъ вы смѣете толкать меня! Я васъ арестую!“

Повернувшись, я увидѣлъ поблѣднѣвшаго и разгнѣваннаго моего ротнаго командира штабсъ-капитана Попова. Видъ Попова меня крайне удивилъ, потому, что мнѣ никогда не приходилось видѣть его въ такомъ состояніи. Я извинился передъ нимъ и объяснилъ, что я его не замѣтилъ, но Попова не удовлетворило мое извиненіе, онъ продолжалъ кричать и запугивать меня арестомъ и даже судомъ. Я еще разъ извинился, но напрасно: видно, наболѣвшая душа Попова искала облегченія.

— „Не забывайте, г-нъ капитанъ, что передъ вами стоитъ офицеръ, а не деньщикъ,“ замѣтилъ я ему сдержанно, но внутренно взволнованный, и отошелъ въ сторону.

Ополченцы III-ой и IV-й дружинъ, утоливъ жажду, продолжили бодрѣе свой путь.

Не прошли мы и одной версты, какъ подъѣхалъ ко мнѣ подпоручикъ Поликарповъ и передалъ, что дружинный командиръ меня требуетъ къ себѣ, при этомъ указалъ на подполковника Калитина, который ѣхалъ верхомъ въ ста шагахъ отъ приблизившись къ нему я взялъ *подъ козырекъ*.

— „Какъ вы себѣ позволили оскорбить своего ротнаго ра?“ сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: „развѣ : извѣстно, что, въ военное время, за подобныя про-виновныхъ офицеровъ разжаловываютъ въ рядовые?“ дняя слова Калитинъ произнесъ нервно и яростно, его искрились, а мускулы сжались на блѣдномъ лицѣ.

— „Если я виновенъ,“ отвѣтилъ я подполковнику: „то это существуетъ судъ; пусть изслѣдуютъ, и если окажусь ювнымъ — отдайте меня подъ судъ.“

Повидимому дружинный командиръ не ожидалъ такого вѣта, онъ посмотрѣлъ на меня и, послѣ продолжительной узы, приказалъ разсказать о случившемся. Когда я ему перелъ точно и подробно о случившемся, онъ замѣтилъ:

— „Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало промолчать, и слѣ пожаловаться.“

— „Г-нъ подполковникъ, вы и сами видите, что я на ждомъ шагу отъ всѣхъ претерпѣваю оскорбленія и не разъ е вамъ жаловался“. . . .

— „Ну, хорошо, хорошо,“ прервалъ онъ меня: „идите на сто, но все же совѣтую вамъ быть сдержаннѣе.“

Солнце клонилось къ западу, когда III-ая и IV-ая дружины ибыли въ с. Богданъ.

Во время этого перехода, походныя колонны Ополченія теряли свою строевую физіономію и прѣдставляли непревную вереницу еле волочившихъ ноги и сидящихъ или лещихъ на дорогѣ ополченцевъ, а ихъ ружья, шапки и разныя очія вещи валялись въ пыли.

Только 3-яя знаменная рота прибыла въ село сравнительно болѣе бодромъ видѣ, но за то въ половинномъ составѣ; лковникъ Калитинъ за свой счетъ приказалъ угостить ополнцевъ чаркою водки.

Причина, сравнительно, лучшаго порядка въ 3-ей ротѣ, ли по моему мнѣнію во первыхъ тѣ, что ротный командиръ повъ во все время похода не отлучался отъ своей роты, къ это дѣлали другіе и, во вторыхъ, что ополченцы почерли нравственную и физическую силы въ сознаніи, что они ужатъ въ знаменной ротѣ.

Прочія дружины прибывали позже, а отставшіе и павшіе по пути ополченцы продолжали прибывать ночью и въ дующіе два дня, а нѣкоторые изъ нихъ нагнали свои части а лишь въ Шипкѣ и въ Старой Загорѣ, за Балканами.

Труденъ и длиненъ былъ переходъ отъ Руше-де-веде до Богдана: во время этого перехода случались съ солдатами то солнечные удары, изъ которыхъ три окончились смертью. удно забыть этотъ переходъ его участникамъ. Обсуждая чины трудностей этого перехода, приходилось придти къ

слѣдующимъ заключеніямъ: 1) позднее выступленіе изъ Руше-де-Веде въ путь, 2) большая жара, 3) несвоевременныя остановки и на неудобныхъ мѣстахъ для бивуаковъ, а главное — недостатокъ воды.

Въ с. Богданѣ, когда мы прибыли, ротныя кухни уже дымились.

На бивуакѣ, ротный командиръ Поповъ, приблизившись ко мнѣ сказалъ:

— „Нечего намъ, Степанъ Ивановичъ, ссориться: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ."

Поповъ, очевидно, созналъ, что я не былъ виноватъ; впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что Николай Николаевичъ былъ человѣкъ справедливый, добродушный и благороднаго характера. „Чего вы отъ нихъ хотите?" защищалъ онъ, бывало, ополченцевъ: „службы не знаютъ; да какъ имъ ее знать-то, коли служатъ всего безъ-году недѣлю."

Въ военной службѣ Поповъ былъ аккуратенъ, строгъ, но справедливъ, а его отеческія заботы объ ополченцахъ заставляли послѣднихъ быть послушными и исправными.

14-ое іюня. Послѣ вчерашняго похода, мы спали, какъ убитые. Этотъ сладкій сонъ на зарѣ былъ прерванъ сильнымъ громомъ пушечныхъ залповъ, которые шли съ юга, какъ и вчера, только съ тою разницей, что сегодня они слышались вполнѣ отчетливо, какъ бы изъ-за ближайшей возвышенности. Ополченцы быстро поднялись, както инстинктивно занялись оружіемъ, которое слѣдовало привести въ порядокъ и чистоту. Всѣмъ намъ казалось, что вотъ сейчасъ послѣдуетъ приказъ идти туда, откуда, благодаря чистому утреннему воздуху, такъ ясно слышался гулъ орудійныхъ выстрѣловъ. Мысль, что во всякую минуту можемъ выступить на поле битвы, приводила насъ въ восторженное состояніе.

Удивительна натура человѣка: еще вчера усталые, изнемогшіе, павшіе духомъ ополченцы — сегодня были веселы, бодры, лица озарены улыбкой, все было забыто: это, впрочемъ, вполнѣ естественно, ибо звуки полета ядеръ и ружейныхъ выстрѣловъ имѣютъ особое свойство: и подчиненныхъ и начальниковъ объединять въ одно цѣлое. Повторяю — всѣ ополченцы были веселы и радостны, вчерашнія трагическія картины — сегодня казались комическими, то, что вчера наводило слезы — сегодня вызывало смѣхъ.

Здѣсь мы узнали, что русскія войска 10-го іюня перешли Дунай между Галацомъ и Мачиномъ, и что того же дня была объявлена прокламація Императора къ болгарскому народу. Привожу подлинный текстъ прокламаціи:

„Болгаре!

Мои войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завѣтномъ единомысліи всего православнаго русскаго народа, Мои прародители успѣли въ былые годы своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско Мое, прѣдводимое Моимъ любезнымъ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніемъ Моимъ возложено — оградить на вѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ не мыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки.

„Жители страны болгарской! Задача Россіи — созидать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ Промысломъ согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной Вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманимомъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе

строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ.

„Мусульмане Болгаріи! Къ вамъ обращаюсь Я со словомъ спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестью вспоминаю Я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершенныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Міръ не можетъ позабыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымещать на всѣхъ васъ содѣянныя вашими единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ были извѣстны и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы — признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь его священному предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя будутъ установлены съ появленіемъ Моихъ войскъ. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша Вѣра останется неприкосновенною; ваша жизнь, достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ будутъ охраняемы.

„Христіане Болгаріи! Вы переживаете нынѣ дни, для васъ приснопамятные. Пробилъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же воочію міру высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри, строго уважая права каждой народности, какъ братья по Вѣрѣ, соединитесь въ общемъ единодушномъ чувствѣ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается. Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ Мною установленной

для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія — докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе.

„Смиренно молю Всевышняго — да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и да ниспошлетъ свыше благословеніе Свое на правое дѣло!"

Съ разсвѣта начали прибывать ополченцы, отставшіе во время вчерашняго перехода: они шли почти всю ночь.

Товарищи ихъ встрѣчали съ добродушной насмѣшкой:

— „Смотрите, смотрите! Станковичъ идетъ на ходуляхъ!" закричали одновременно нѣсколько голосовъ.

Станковичъ былъ изъ числа слабосильныхъ ополченцевъ, представленныхъ доктору Вязанкову въ Плоэштахъ, въ качествѣ таковыхъ. Дѣйствительно, онъ былъ очень худъ, ноги походили на ходули, но въ сущности былъ здоровый человѣкъ. Этотъ-то Станковичъ не смѣло подходилъ къ дружинѣ.

— „Не ужъ-то ты живъ еще, Станковичъ?" кричали товарищи: „въ положеніи, въ какомъ мы тебя вчера оставили, мы думали, что уже ты отправился къ праотцамъ."

— „Какъ видите, я не только живъ и здоровъ," отвѣтилъ онъ: „но даже могъ подобрать выброшенные вами по дорогѣ салфеточки, тряпочки, сухари и даже пачку патроновъ." Говоря это, онъ досталъ найденные предметы и роздалъ товарищамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказалъ имъ о своихъ физическихъ и нравственныхъ мученіяхъ: „Дѣйствительно, я былъ бы уже на томъ свѣтѣ," продолжалъ Станковичъ: „если бы не пришли на помощь товарищи: они освободили меня отъ тяжести ноши и привели меня въ чувство. По пути еще много отсталыхъ: несчастные, совсѣмъ идти не могутъ," замѣтилъ онъ.

Во время остановки бивуакомъ въ селѣ Богданѣ, одинъ изъ ординарцевъ генерала Столѣтова передалъ приказъ начальникамъ частей Ополченія строго наблюдать за своими подчиненными, не позволять имъ приносить вредъ населенію, по-

стоянно жаловавшемуся на нихъ. Не впервые получались подобные приказы, которые оставались лишь на бумагѣ, ибо командиры дружинъ сквозь пальцы смотрѣли на шалости солдатъ, а иногда косвенно поощряли ихъ, какъ, напримѣръ, былъ случай съ деньщикомъ штабсъ-капитана Усова, Бобцовымъ. Бобцовъ раздобылъ откуда-то пѣтуха и привязалъ его къ обозной подводѣ; когда прибыли къ мѣсту ночевки, пѣтуха пустили ходить, но своимъ пѣніемъ онъ далъ знать о своемъ существованіи.

— „Бобцовъ, откуда у тебя этотъ пѣтухъ?“ спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— „Взлетѣлъ на повозку, ваше благородіе; я его гонялъ, гонялъ, а онъ не уходитъ, я взялъ да и привязалъ его.“

Офицеръ позвалъ товарищей посмѣяться, между ними былъ и Усовъ.

— „Вотъ такъ пѣтухъ, самъ взлѣзъ на повозку Усова,“ разказывалъ офицеръ: „и не смотря на то, что Бобцовъ его гонялъ, онъ не хотѣлъ убраться.“

Посмѣявшись надъ упрямымъ пѣтухомъ, офицеры замѣтили Бобцову, что пѣтуху будетъ скучно одному.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,“ отвѣтилъ догадливый деньщикъ: „я его пущу на длинной веревочкѣ, тогда онъ навѣрное найдетъ себѣ товарища.“

Офицеры разсмѣялись и оставили Бобцова съ пѣтухомъ. Сказано — сдѣлано: на слѣдующій день пѣтухъ Бобцова былъ въ сообществѣ двухъ куръ.

— Ну, Бобцовъ! Смотри, чтобъ куры неслись и не приходилось бы покупать яицъ у румынокъ,“ сказалъ Стессель.

— „Есть, ваше благородіе, уже есть яйца!“ при этомъ онъ взялъ съ повозки два яйца и показалъ офицерамъ.

Но иногда случалось находить въ обозѣ или на артельныхъ повозкахъ и свинью, овцу или теленка, но за то приходилось и выслушивать не одну жалобу отъ поселянъ; по этимъ причинамъ и отдавались не разъ приказы — не допускать подобныхъ шалостей, а виновныхъ строго наказывать.

Мы ожидали приказа выступить, но къ 9-ти часамъ было приказано готовить обѣдъ и ужинъ: мы поняли, что намъ придется здѣсь ночевать

Къ 5½ часамъ по полудни, опять послышалась пальба орудій, въ началѣ залпами, а затѣмъ частыми выстрѣлами;

эта пальба стала служить какъ бы сигналомъ для офицеровъ собираться вмѣстѣ; на этотъ разъ они устроились около дружинныхъ повозокъ, усѣвшись на нихъ или стоя около нихъ. Темой для разговора была злоба дня: переходъ черезъ Дунай, бой съ турками и, наконецъ, недовольство ополченцами.

— „Мы всегда готовы ругать и хулить ополченцевъ,“ сказалъ подпоручикъ Божинскій Живареву, начавшему бесѣду своими нападеніями на болгаръ: „не давая себѣ отчета въ томъ, что говоримъ; ради Бога, скажите, положа руку на сердце, на чемъ основываются ваши слова: *болгаре де не воинственный народъ,* когда намъ извѣстно, что они храбро дрались въ прошломъ году, въ сербско-турецкую войну? Говорите: *самосознаніе у нихъ не развито,* а развѣ поступленіе ихъ въ ряды Ополченія этого не опровергаетъ? *Ополченцы лѣнивы* — противъ этого можно указать на ихъ успѣхи въ бытность въ лагеряхъ въ г. Плоэштахъ — успѣхи, которыхъ впрочемъ вы и сами не отрицаете. А что касается того, что они падали во время вчерашняго перехода, то въ этомъ менѣе всего они виновны. А кадровые нижніе чины развѣ не падали? и того лучше, развѣ и сами офицеры не садились на лазаретныя линейки? Нѣтъ, ополченцы не виноваты, а виноваты безалаберныя распоряженія начальствующихъ лицъ.“ Тутъ Живаревъ прервалъ Божинскаго и замѣтилъ, что если-бы даже начальство и было виновато въ несообразныхъ вчерашнихъ распоряженіяхъ, то во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить въ присутствіи нижнихъ чиновъ; солдаты, дѣйствительно, были близко и прислушивались къ разговору офицеровъ, кружокъ которыхъ постепенно увеличивался.

Жара уменьшалась, подулъ легкій юго-западный вѣтерокъ и частые пушечные выстрѣлы доходили до нашего слуха все яснѣе и яснѣе, возбуждая воинственное настроеніе въ каждомъ изъ насъ, а въ особенности въ болгарахъ: всѣмъ имъ хотѣлось быть уже на мѣстѣ сраженія.

Въ тоже время, благодаря непониманію души болгарскихъ ополченцевъ, нѣкоторые изъ насъ, офицеровъ, сомнѣвались въ успѣхѣ участія ихъ въ бою, по переходѣ черезъ Дунай.

— „Если бы мы были въ нашихъ полкахъ — тогда другое дѣло“, говорили они: „а съ этими оборванцами, ополченцами, куда намъ идти?“

Этому ополченцу казалось, что высшее начальство болѣе заботилось о себѣ, чѣмъ о своихъ подчиненныхъ; кто знаетъ, можетъ быть онъ былъ и правъ. „Хоть бы выступать поскорѣе!“ слышались нетерпѣливые голоса; но время въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно идетъ очень медленно. Собравшіеся въ кружки ополченцы, въ интимной бесѣдѣ высказывались почти въ томъ же духѣ: всѣмъ казалось, что они обижены начальствомъ, которое столь невнимательно съ ними обходилось.

Лежа подъ тѣнистымъ деревомъ, я невольно слышалъ разговоры ополченцевъ, которыхъ впрочемъ мое присутствіе и не стѣсняло. Пришлось бы много разсказывать передавая все то, о чемъ бѣсѣдовали ополченцы, и что волновало ихъ, и потому ихъ общій разговоръ, безъ различія по отношенію къ ихъ субъективному развитію и образованію, я отмѣчу нѣсколькими фразами изъ ихъ бесѣды, характеризующими общее тогда настроеніе ополченцевъ.

— „Братцы, говорилъ одинъ, мы рѣшились пожертвовать жизнью за свое отечество, такъ неужели же намъ бояться этихъ физическихъ и нравственныхъ страданій?!! Дерзайте! мы должны терпѣливо переносить всѣ невзгоды!“

— „Но вѣдь начальники другихъ дружинъ то-же русскіе, почему-же они иначе относятся къ ополченцамъ,“ отзывался другой.

— „Русскіе?! тутъ не русскіе причина, а вообще начальство,“ говорилъ третій: „вѣдь командиръ 1-ой дружины, подполковникъ Кесяковъ болгаринъ, а развѣ лучше относится онъ къ ополченцамъ? Не по его ли приказанію избили розгами двухъ ополченцевъ, а нашъ командиръ за ту же вину насъ хлещетъ только нагайкой!“ закончилъ онъ.

Наконецъ, большая часть усталыхъ ополченцевъ заснула, но не на долго... Послышался барабанный бой и заиграли рожки, ополченцы быстро повскакивали, а минуту спустя, раздалась команда:

— „На праа-во! Ряды вздвой!... По ротно шагомъ!... Первая рота!“

— „Шагомъ?! Пустился бы я и бѣгомъ, только бы скорѣй дойти до воды,“ слышались голоса среди ополченцевъ.

— „Погоди, еще попотѣемъ, пока дойдемъ до воды,“ отзывались ополченцы, знающіе эти мѣста: „далеко еще до воды.“

— „Ну и жара-же! Скоро ли ужъ прибудемъ?“ переспрашивали ополченцы другъ друга. —

Воодушевленные священной идеей освобожденія Болгаріи и вѣрные обѣту — терпѣть всѣ невзгоды, ополченцы шагали молодецки.

Между тѣмъ солнце немилостиво жарило, а жажда еще больше ихъ томила. Они шли и подбодривали другъ друга, что, вотъ-вотъ, впереди будетъ вода . . . Но начинаютъ дрожать ноги, спину ломитъ и чувствуется боль, на плечахъ будто лежатъ пуды, начинается шумъ въ ушахъ, темнѣетъ въ глазахъ, все тѣло ополченца слабѣетъ и онъ блѣдный, съ закатившимися глазами, падаетъ въ обморокъ . . . . Товарищи подбѣгаютъ на помощь, снимаютъ съ него сумку, поясной кушакъ, разстёгиваютъ воротъ рубахи, раскрываютъ грудь и въ такомъ положеніи оставляютъ его, а сами спѣшатъ впередъ . . . пока не дойдетъ очередь и до нихъ; но съ увеличеніемъ числа падающихъ и этой помощи имъ не оказывалось . . .

Шли мы по обширной равнинѣ, покрытой кукурузными и хлѣбными полями. Кругомъ не видно ни одного предмета на которомъ можно было бы остановить взоры: все пусто вокругъ; только кое-гдѣ, между высокой кукурузой, мелькаютъ человѣческія фигуры — это валашскіе крестьяне. Въ воздухѣ было душно, становилось дышать тяжело; на высохшихъ отъ жажды губахъ ополченцевъ виднѣлись слѣды выступившей крови . . . а воображеніе рисовало долины по берегамъ рѣкъ . . . и этотъ миражъ также быстро исчезалъ, какъ и появлялся . . .

Начальство волновалось, сердилось и даже вначалѣ прибѣгало къ строгимъ мѣрамъ, видя отстающихъ и падающихъ ополченцевъ, но, убѣдившись, что это происходило вслѣдствіи крайняго истощенія силъ, постаралось облегчить положеніе ополченцевъ частыми остановками для отдыха. Но не всѣмъ хотѣлось отдыхать подъ палящими лучами солнца, поэтому тѣ, которые еще держались на ногахъ — выпросили себѣ позволеніе начальства идти впередъ. Многіе изъ отстававшихъ разбивали походныя палатки, чтобы укрыться отъ жгучихъ солнечныхъ лучей.

Въ время одной изъ такихъ остановокъ, я замѣтилъ впереди, по лѣвой сторонѣ шоссе, два воза, вокругъ которыхъ толпились нѣсколько ополченцевъ. Съ разрѣшенія ротнаго командира, я сѣлъ на лошадь капитана Ѳедорова, и пустился вскачь

черезъ кукурузное поле къ возамъ; на нихъ, оказалось, были нагружены двѣ большія 30—40 ведерныя бочки съ водой. Я приказалъ валахамъ, хозяевамъ этихъ бочекъ, вывезти подводы на дорогу, что они съ готовностью исполнили. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ 4-ой роты подбѣжалъ къ бочкѣ, вытянулъ кранъ, бросилъ его въ сторону и наполнилъ свой котелокъ водой; ополченцы III-ой и IV-ой дружинъ толпились около бочки и толкались, каждый спѣшилъ налить себѣ воды; видя, что они при этомъ выливали массу воды на землю, я взялся разливать имъ воду, но тутъ произошелъ слѣдующій непріятный для меня случай: наклонившись надъ ведромъ, я разливалъ воду ополченцамъ и отстранялъ тѣхъ, которые сами совались съ ведромъ за водой, какъ вдругъ слышу:

— „Какъ вы смѣете толкать меня! Я васъ арестую!“

Повернувшись, я увидѣлъ поблѣднѣвшаго и разгнѣваннаго моего ротнаго командира штабсъ-капитана Попова. Видъ Попова меня крайне удивилъ, потому, что мнѣ никогда не приходилось видѣть его въ такомъ состояніи. Я извинился передъ нимъ и объяснилъ, что я его не замѣтилъ, но Попова не удовлетворило мое извиненіе, онъ продолжалъ кричать и запугивать меня арестомъ и даже судомъ. Я еще разъ извинился, но напрасно: видно, наболѣвшая душа Попова искала облегченія.

— „Не забывайте, г-нъ капитанъ, что передъ вами стоитъ офицеръ, а не деньщикъ,“ замѣтилъ я ему сдержанно, но внутренно взволнованный, и отошелъ въ сторону.

Ополченцы III-ой и IV-й дружинъ, утоливъ жажду, продолжили бодрѣе свой путь.

Не прошли мы и одной версты, какъ подъѣхалъ ко мнѣ подпоручикъ Поликарповъ и передалъ, что дружинный командиръ меня требуетъ къ себѣ, при этомъ указалъ на подполковника Калитина, который ѣхалъ верхомъ въ ста шагахъ отъ меня; приблизившись къ нему я взялъ *подъ козырекъ*.

— „Какъ вы себѣ позволили оскорбить своего ротнаго командира?“ сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: „развѣ вамъ не извѣстно, что, въ военное время, за подобныя проступки виновныхъ офицеровъ разжаловываютъ въ рядовые?“ Послѣднія слова Калитинъ произнесъ нервно и яростно, его глаза заискрились, а мускулы сжались на блѣдномъ лицѣ.

— „Если я виновенъ,“ отвѣтилъ я подполковнику: „то на это существуетъ судъ; пусть изслѣдуютъ, и если окажусь виновнымъ — отдайте меня подъ судъ.“

Повидимому дружинный командиръ не ожидалъ такого отвѣта, онъ посмотрѣлъ на меня и, послѣ продолжительной паузы, приказалъ разсказать о случившемся. Когда я ему передалъ точно и подробно о случившемся, онъ замѣтилъ:

— „Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало промолчать, и послѣ пожаловаться.“

— „Г-нъ подполковникъ, вы и сами видите, что я на каждомъ шагу отъ всѣхъ претерпѣваю оскорбленія и не разъ уже вамъ жаловался“. . . .

— „Ну, хорошо, хорошо,“ прервалъ онъ меня: „идите на мѣсто, но все же совѣтую вамъ быть сдержаннѣе.“

Солнце клонилось къ западу, когда III-ая и IV-ая дружины прибыли въ с. Богданъ.

Во время этого перехода, походныя колонны Ополченія потеряли свою строевую физіономію и прѣдставляли непрерывную вереницу еле волочившихъ ноги и сидящихъ или лежащихъ на дорогѣ ополченцевъ, а ихъ ружья, шапки и разныя прочія вещи валялись въ пыли.

Только 3-яя знаменная рота прибыла въ село сравнительно въ болѣе бодромъ видѣ, но за то въ половинномъ составѣ; полковникъ Калитинъ за свой счетъ приказалъ угостить ополченцевъ чаркою водки.

Причина, сравнительно, лучшаго порядка въ 3-ей ротѣ, были по моему мнѣнію во первыхъ тѣ, что ротный командиръ Поповъ во все время похода не отлучался отъ своей роты, какъ это дѣлали другіе и, во вторыхъ, что ополченцы почерпали нравственную и физическую силы въ сознаніи, что они служатъ въ знаменной ротѣ.

Прочія дружины прибывали позже, а отставшіе и падавшіе по пути ополченцы продолжали прибывать ночью и въ слѣдующіе два дня, а нѣкоторые изъ нихъ нагнали свои части едва лишь въ Шипкѣ и въ Старой Загорѣ, за Балканами.

Труденъ и длиненъ былъ переходъ отъ Руше-де-веде до с. Богдана: во время этого перехода случались съ солдатами часто солнечные удары, изъ которыхъ три окончились смертью. Трудно забыть этотъ переходъ его участникамъ. Обсуждая причины трудностей этого перехода, приходилось придти къ

слѣдующимъ заключеніямъ: 1) позднее выступленіе изъ Руше-де-Веде въ путь, 2) большая жара, 3) несвоевременныя остановки и на неудобныхъ мѣстахъ для бивуаковъ, а главное — недостатокъ воды.

Въ с. Богданѣ, когда мы прибыли, ротныя кухни уже дымились.

На бивуакѣ, ротный командиръ Поповъ, приблизившись ко мнѣ сказалъ:

— „Нечего намъ, Степанъ Ивановичъ, ссориться: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ."

Поповъ, очевидно, созналъ, что я не былъ виноватъ; впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что Николай Николаевичъ былъ человѣкъ справедливый, добродушный и благороднаго характера. „Чего вы отъ нихъ хотите?" защищалъ онъ, бывало, ополченцевъ: „службы не знаютъ; да какъ имъ ее знать-то, коли служатъ всего безъ-году недѣлю."

Въ военной службѣ Поповъ былъ аккуратенъ, строгъ, но справедливъ, а его отеческія заботы объ ополченцахъ заставляли послѣднихъ быть послушными и исправными.

14-ое іюня. Послѣ вчерашняго похода, мы спали, какъ убитые. Этотъ сладкій сонъ на зарѣ былъ прерванъ сильнымъ громомъ пушечныхъ залповъ, которые шли съ юга, какъ и вчера, только съ тою разницей, что сегодня они слышались вполнѣ отчетливо, какъ бы изъ-за ближайшей возвышенности. Ополченцы быстро поднялись, както инстинктивно занялись оружіемъ, которое слѣдовало привести въ порядокъ и чистоту. Всѣмъ намъ казалось, что вотъ сейчасъ послѣдуетъ приказъ идти туда, откуда, благодаря чистому утреннему воздуху, такъ ясно слышался гулъ орудійныхъ выстрѣловъ. Мысль, что во всякую минуту можемъ выступить на поле битвы, приводила насъ въ восторженное состояніе.

Удивительна натура человѣка: еще вчера усталые, изнемогшіе, павшіе духомъ ополченцы — сегодня были веселы, бодры, лица озарены улыбкой, все было забыто; это, впрочемъ, вполнѣ естественно, ибо звуки полета ядеръ и ружейныхъ выстрѣловъ имѣютъ особое свойство: и подчиненныхъ и начальниковъ объединять въ одно цѣлое. Повторяю — всѣ ополченцы были веселы и радостны; вчерашнія трагическія картины — сегодня казались комическими; то, что вчера наводило слезы — сегодня вызывало смѣхъ.

Здѣсь мы узнали, что русскія войска 10-го іюня перешли Дунай между Галацомъ и Мачиномъ, и что того же дня была объявлена прокламація Императора къ болгарскому народу. Привожу подлинный текстъ прокламаціи:

„Болгаре!

Мои войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завѣтномъ единомысліи всего православнаго русскаго народа, Мои прародители успѣли въ былые годы своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско Мое, прѣдводимое Моимъ любезнымъ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніемъ Моимъ возложено — оградить на вѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ не мыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки.

„Жители страны болгарской! Задача Россіи — созидать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ Промысломъ согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной Вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманимомъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе

строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ.

„Мусульмане Болгаріи! Къ вамъ обращаюсь Я со словомъ спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестью вспоминаю Я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершенныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Міръ не можетъ позабыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымещать на всѣхъ васъ содѣянныя вашими единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ были извѣстны и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы — признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь его священному предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя будутъ установлены съ появленіемъ Моихъ войскъ. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша Вѣра останется неприкосновенною; ваша жизнь, достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ будутъ охраняемы.

„Христіане Болгаріи! Вы переживаете нынѣ дни, для васъ приснопамятные. Пробилъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же воочію міру высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри, строго уважая права каждой народности, какъ братья по Вѣрѣ, соединитесь въ общемъ единодушномъ чувствѣ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается. Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ Мною установленной

для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія — докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе.

„Смиренно молю Всевышняго — да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и да ниспошлетъ свыше благословеніе Свое на правое дѣло!"

Съ разсвѣта начали прибывать ополченцы, отставшіе во время вчерашняго перехода: они шли почти всю ночь.

Товарищи ихъ встрѣчали съ добродушной насмѣшкой:

— „Смотрите, смотрите! Станковичъ идетъ на ходуляхъ!" закричали одновременно нѣсколько голосовъ.

Станковичъ былъ изъ числа слабосильныхъ ополченцевъ, представленныхъ доктору Вязанкову въ Плоэштахъ, въ качествѣ таковыхъ. Дѣйствительно, онъ былъ очень худъ, ноги походили на ходули, но въ сущности былъ здоровый человѣкъ. Этотъ-то Станковичъ не смѣло подходилъ къ дружинѣ.

— „Не ужъ-то ты живъ еще, Станковичъ?" кричали товарищи: „въ положеніи, въ какомъ мы тебя вчера оставили, мы думали, что уже ты отправился къ праотцамъ."

— „Какъ видите, я не только живъ и здоровъ," отвѣтилъ онъ: „но даже могъ подобрать выброшенные вами по дорогѣ салфеточки, тряпочки, сухари и даже пачку патроновъ." Говоря это, онъ досталъ найденные предметы и роздалъ товарищамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказалъ имъ о своихъ физическихъ и нравственныхъ мученіяхъ: „Дѣйствительно, я былъ бы уже на томъ свѣтѣ," продолжалъ Станковичъ: „если бы не пришли на помощь товарищи: они освободили меня отъ тяжести ноши и привели меня въ чувство. По пути еще много отсталыхъ: несчастные, совсѣмъ идти не могутъ," замѣтилъ онъ.

Во время остановки бивуакомъ въ селѣ Богданѣ, одинъ изъ ординарцевъ генерала Столѣтова передалъ приказъ начальникамъ частей Ополченія строго наблюдать за своими подчиненными, не позволять имъ приносить вредъ населенію, по-

стоянно жаловавшемуся на нихъ. Не впервые получались подобные приказы, которые оставались лишь на бумагѣ, ибо командиры дружинъ сквозь пальцы смотрѣли на шалости солдатъ, а иногда косвенно поощряли ихъ, какъ, напримѣръ, былъ случай съ деньщикомъ штабсъ-капитана Усова, Бобцовымъ. Бобцовъ раздобылъ откуда-то пѣтуха и привязалъ его къ обозной подводѣ; когда прибыли къ мѣсту ночевки, пѣтуха пустили ходить, но своимъ пѣніемъ онъ далъ знать о своемъ существованіи.

— „Бобцовъ, откуда у тебя этотъ пѣтухъ?“ спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— „Взлетѣлъ на повозку, ваше благородіе; я его гонялъ, гонялъ, а онъ не уходитъ, я взялъ да и привязалъ его.“

Офицеръ позвалъ товарищей посмѣяться, между ними былъ и Усовъ.

— „Вотъ такъ пѣтухъ, самъ взлѣзъ на повозку Усова,“ разказывалъ офицеръ: „и не смотря на то, что Бобцовъ его гонялъ, онъ не хотѣлъ убраться.“

Посмѣявшись надъ упрямымъ пѣтухомъ, офицеры замѣтили Бобцову, что пѣтуху будетъ скучно одному.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,“ отвѣтилъ догадливый деньщикъ: „я его пущу на длинной веревочкѣ, тогда онъ навѣрное найдетъ себѣ товарища.“

Офицеры разсмѣялись и оставили Бобцова съ пѣтухомъ. Сказано — сдѣлано: на слѣдующій день пѣтухъ Бобцова былъ въ сообществѣ двухъ куръ.

— Ну, Бобцовъ! Смотри, чтобъ куры неслись и не приходилось бы покупать яицъ у румынокъ,“ сказалъ Стесель.

— „Есть, ваше благородіе, уже есть яйца!“ при этомъ онъ взялъ съ повозки два яйца и показалъ офицерамъ.

Но иногда случалось находить въ обозѣ или на артельныхъ повозкахъ и свинью, овцу или теленка, но за то приходилось и выслушивать не одну жалобу отъ поселянъ; по этимъ причинамъ и отдавались не разъ приказы — не допускать подобныхъ шалостей, а виновныхъ строго наказывать.

Мы ожидали приказа выступить, но къ 9-ти часамъ было приказано готовить обѣдъ и ужинъ: мы поняли, что намъ придется здѣсь ночевать.

Къ 5½ часамъ по полудни, опять послышалась пальба изъ орудій, въ началѣ залпами, а затѣмъ частыми выстрѣлами;

эта пальба стала служить какъ бы сигналомъ для офицеровъ собираться вмѣстѣ; на этотъ разъ они устроились около дружинныхъ повозокъ, усѣвшись на нихъ или стоя около нихъ. Темой для разговора была злоба дня: переходъ черезъ Дунай, бой съ турками и, наконецъ, недовольство ополченцами.

— „Мы всегда готовы ругать и хулить ополченцевъ,“ сказалъ подпоручикъ Божинскій Живареву, начавшему бесѣду своими нападеніями на болгаръ: „не давая себѣ отчета въ томъ, что говоримъ; ради Бога, скажите, положа руку на сердце, на чемъ основываются ваши слова: *болгаре де не воинственный народъ,* когда намъ извѣстно, что они храбро дрались въ прошломъ году, въ сербско-турецкую войну? Говорите: *самосознаніе у нихъ не развито,* а развѣ поступленіе ихъ въ ряды Ополченія этого не опровергаетъ? *Ополченцы лѣнивы* — противъ этого можно указать на ихъ успѣхи въ бытность въ лагеряхъ въ г. Плоэштахъ — успѣхи, которыхъ впрочемъ вы и сами не отрицаете. А что касается того, что они падали во время вчерашняго перехода, то въ этомъ менѣе всего они виновны. А кадровые нижніе чины развѣ не падали? и того лучше, развѣ и сами офицеры не садились на лазаретныя линейки? Нѣтъ, ополченцы не виноваты, а виноваты безалаберныя распоряженія начальствующихъ лицъ.“ Тутъ Живаревъ прервалъ Божинскаго и замѣтилъ, что если-бы даже начальство и было виновато въ несообразныхъ вчерашнихъ распоряженіяхъ, то во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить въ присутствіи нижнихъ чиновъ; солдаты, дѣйствительно, были близко и прислушивались къ разговору офицеровъ, кружокъ которыхъ постепенно увеличивался.

Жара уменьшалась, подулъ легкій юго-западный вѣтерокъ и частые пушечные выстрѣлы доходили до нашего слуха все яснѣе и яснѣе, возбуждая воинственное настроеніе въ каждомъ изъ насъ, а въ особенности въ болгарахъ: всѣмъ имъ хотѣлось быть уже на мѣстѣ сраженія.

Въ тоже время, благодаря непониманію души болгарскихъ ополченцевъ, нѣкоторые изъ насъ, офицеровъ, сомнѣвались въ успѣхѣ участія ихъ въ бою, по переходѣ черезъ Дунай.

— „Если бы мы были въ нашихъ полкахъ — тогда другое дѣло“, говорили они: „а съ этими оборванцами, ополченцами, куда намъ идти?“

Между тѣмъ слухи, распространившіеся еще въ Руше-де-Веде, о томъ, что Ополченіе приметъ участіе въ бою, по переходѣ черезъ Дунай, вмѣстѣ съ 5-ой, 12-ой и 33-ей дивизіями, носились настойчивѣе; эти слухи были тѣмъ болѣе вѣроятны потому, что Ополченіе передвигалось вмѣстѣ съ названными дивизіями. Говорили, что Императорская главная квартира находилась уже не далеко, и что войска перейдутъ черезъ Дунай — между г. г. Турну-Магурели и Никополемъ.

Подъ вечеръ, по бивуаку распространились вѣсти, что русскія войска уже перешли Дунай подъ Никополемъ. Это извѣстіе встрѣтили съ большимъ восторгомъ всѣ офицеры и солдаты. Всѣ другъ друга поздравляли и въ то же время выражали сожалѣніе, что не пришлось принять участія въ бою. Живаревъ съ компаніей, не желавшей переходить Дунай съ оборванцами и тутъ не преминули, чтобы не обвинить ополченцевъ, какъ бы виновниковъ тому, что не пришлось принять участія въ бою; они кричали и ругались, не принимая во вниманіе того, что на растояніе 1½ версты отъ бивуака, стояли болѣе 40000 человѣкъ солдатъ, которые тоже не переходили Дуная, хотя и не были болгарами.

Но вѣсти оказались невѣрными.

— „Слава Богу!" воскликнули нѣсколько офицеровъ между ними и *туркестанцы:* „значитъ есть надежда и намъ попасть въ дѣло".

15-ое іюня. Съ 6-ти часовъ утра Ополченіе было готово и ожидало приказанія двинуться въ походъ. Погода была тихая и прохладная. Въ это утро не было слышно залповъ орудій. Въ 9 часовъ, когда солнце стояло уже высоко и сильно припекало, Ополченіе снялось съ бивуака и продолжило путь къ югу.

Въ 12½ часовъ прибыли въ д. Воеводу, въ 12-ти верстахъ отъ с. Богдана, гдѣ ополченцамъ было приказано разбить свои палатки. Вблизи нашего бивуака расположилась и 33-яя пѣх. дизизія.

— „Очевидно, здѣсь придется переночевать," говорили офицеры и солдаты съ видимымъ неудоволствіемъ.

Всѣ хотѣли по возможности скорѣе прибыть въ *обѣтованную* землю — Болгарію, а между тѣмъ приходилось двигаться черепашьимъ шагомъ. По прибытіи, мы застали обѣдъ приготовленнымъ, такъ какъ ротныя кухни были заранѣе высланы впередъ.

Около 4-хъ часовъ послѣ полудня, какъ молнія разнесся слухъ, что русскія войска дѣйствительно перешли Дунай между м. Зимницей и Свиштовымъ и что въ с. Пятрѣ, въ 3-4 верстахъ отъ нашего бивуака, находились раненые офицеры и солдаты, между которыми полковникъ Озеровъ, раненный въ восьми мѣстахъ штыками.

Въ то время, когда собравшіеся въ кучку офицеры слушали разсказы о переправѣ войскъ черезъ Дунай и о раненыхъ, находившихся въ Пятрѣ, на бивуакѣ 33-ей дивизіи происходило необычайное движеніе: солдаты бѣгали по бивуаку, одѣвались, впрягали обозы, подводили офицерскихъ коней . . .

— „Тревога, тревога въ 33-й дивизіи!“ закричали ополченцы, замѣтивъ это движеніе. И слово „тревога“, безъ барабана и трубы, произвело чрезвычайную тревогу на нашемъ бивуакѣ — и пяти минутъ не прошло, какъ всѣ ополченцы были уже готовы и ждали приказанія идти въ походъ. Приказаніе дѣйствительно послѣдовало . . . но, чтобы ополченцы сняли сумки и расположились на отдыхъ. Между тѣмъ 33-яя дивизія снялась съ бивуака и отправилась въ походъ.

Къ вечеру пришелъ генералъ Столѣтовъ и поздравилъ ополченцевъ со взятіемъ г. Свиштова и съ предстоящимъ выступленіемъ на бой. Грамогласные клики „ура“, выходившіе изъ глубины души ополченцевъ, были отвѣтомъ на объявленіе генерала.

Сегодня впервые поздравляли ополченцевъ съ выступленіемъ на бой. Мысль о скоромъ участіи въ дѣлахъ и о томъ, что русскія войска уже въ Болгаріи, дѣлала ополченцевъ счастливыми безконечно. Они торжествовали. Торжество было общее: не только находившіеся по эту и по ту стороны Дуная, но и на тысячи верстъ отъ нихъ — весь русскій народъ, все славянство торжествовали.

Съ свѣтящимися радостью лицами ополченцы другъ друга обнимали, поздравляли, пѣли, кричали „ура“, словомъ, радость ихъ не имѣла предѣловъ. Кружокъ офицеровъ III-ей дружины, подъ вліяніемъ общаго энтузіазма, запѣлъ удалыя боевыя пѣсни.

Я былъ очарованъ. Я вѣрилъ, что въ эту минуту ополченцами забыто все — и личныя непріятности и трудности походовъ . . . У меня явилось желаніе кинуться обнимать Живарева, Усова и другихъ — этихъ легкомысленныхъ противни-

ковъ болгарскихъ ополченцевъ, и я бы это сдѣлалъ, если бы былъ увѣренъ, что они не отвергнутъ моего сердечнаго порыва.

Подъ вечеръ Ополченіе продолжило путь къ югу. Такъ какъ пища къ ужину не была готова, когда мы снялись съ бивуака, поэтому таковая была выброшена.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы прибыли въ с. Пятру; тутъ Ополченіе простояло болѣе часа, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шло походомъ. Причиной остановки была загороженная обозами 5-ой, 12-ой и 33-ей пѣхотныхъ дивизій дорога.

Это обстоятельство дало мнѣ возможность повидать раненыхъ офицеровъ, помѣщавшихся въ большомъ домѣ, близь III-ей дружины. Входъ въ домъ освѣщался двумя фонарями, надъ которыми развѣвался флагъ Краснаго Креста. У входа пахнуло на меня карболовой кислотой и послышались стоны. Я вошелъ въ довольно большую комнату, гдѣ уже было нѣсколько офицеровъ другихъ дружинъ. Въ этой комнатѣ, на кроватяхъ лежали трое раненыхъ офицеровъ 53-го пѣх. Волынскаго полка. Одинъ изъ нихъ былъ прапорщикъ Решетченко, мой товарищъ по училищу.

Въ другихъ комнатахъ находились еще четверо раненыхъ. Кромѣ офицеровъ въ селѣ было много также раненыхъ солдатъ. Приходилось во очію убѣдиться, что вѣсть о переходѣ черезъ Дунай вѣрна. Тутъ я узналъ, что полковникъ Озеровъ дѣйствительно былъ раненъ, но въ одномъ мѣстѣ, и пулею, а не штыкомъ; отъ раненыхъ офицеровъ я узналъ также, что мои товарищи по 54 п. Минскому полку: поручикъ Моторный былъ раненъ, а подпоручикъ Феодоровъ — убитъ. Видя страданія товарищей, мы не рѣшались разспрашивать о подробностяхъ сраженія, впрочемъ они, будучи ранеными въ началѣ боя, и не могли знать всего, что насъ интересовало.

Какъ только освободилась дорога — мы оставили село Пятру. Переходъ былъ очень труденъ, не смотря на то, что мы шли ночью, въ прохладную пору. Обозы 5-ой, 12-ой и 33-ей дивизій, къ которымъ присоединился и обозъ Главной Квартиры, заставляли насъ часто останавливаться. Мы узнали, что по этому пути прошли уже разные парки, транспорты, кавалерія и пр.; вслѣдствіе такого большого движенія, не шоссированная, а глинистая дорога, превратилась въ море пыли. Лошади едва тянули возы и орудія; колеса вязли до самой оси, приходилось останавливаться на каждомъ шагу, чѣмъ замедля-

лось движеніе, а поднявшаяся столбами пыль отъ ходу сотень тысячъ человѣческихъ и лошадиныхъ ногъ и возовъ затмила ясную звѣздную ночь и сдѣлала насъ не узнаваемыми не только по наружному виду, но и по голосу: намъ заложило носы, рты, горло, легкія — мы кашляли до боли; лошади тоже фыркали и чихали. Это былъ тяжелый переходъ, но не отъ жары и неутолимой жажды, а просто, отъ сказочной пыли.

IV.

Пять дней въ м. Зимницѣ. — Посѣщеніе бивуака Императоромъ Александромъ II-мъ. — Торговля водкой. — Неудачный продавщикъ табаку. — Шт.-кап. Петровичъ. — г. Свиштовъ и его турки. — Сформированіе II-го Болгарскаго Ополченія. — Переправа Ополченія чрезъ Дунай. — Отъ Свиштова до с. Самоводень. — Казнь батакскихъ турокъ. — Смотръ Ополченія генералъ-лейтенантомъ Гурко.

Свѣтало, но отъ пыли ничего вокругъ нельзя было разглядѣть, и, лишь въ 6-8 верстахъ отъ м. Зимницы, когда мы вышли на твердую дорогу, взорамъ предсталъ Дунай во всей своей утренней, чарующей красѣ: рѣка тутъ какъ змѣя извивается, глубоко врѣзываясь въ нагорный правый берегъ; выше м. Зимницы, на 2-3 версты, воды Дуная разлились по поемнымъ лугамъ, образуя почти трехверстную водяную площадь, покрытую во многихъ мѣстахъ осокой и камышемъ. Напротивъ м. Зимницы виднѣлись два острова, раздѣлявшихъ рѣку на рукава, а за ними, на нагорномъ правомъ берегу виднѣлся г. Свиштовъ, какъ бы дремавшій въ утренней мглѣ, среди зелени садовъ... Еще не много, и на линіяхъ горизонта свиштовскихъ возвышенностей показались пурпурныя дуги солнечнаго свѣта, а за ними вслѣдъ и раскошное южное солнце заблистало на куполахъ православныхъ церквей и остроконечняхъ турецкихъ минаретовъ Свиштова; обширная же площадь Дунайскихъ водъ заискрилась миріадами смѣняющихся радужныхъ цвѣтовъ. Очаровательно выглядѣлъ г. Свиштовъ съ своими храмами и разноцвѣтными крышами домовъ среди купающейся въ свѣтѣ утренняго солнца зелени садовъ, и окаймленный извилистой линіей гребня горъ, высоко рисо-

вавшейся на фонѣ темно-синяго южнаго неба. Зимница совершенно терялась предъ чуднымъ видомъ Свиштова, представляя собою сѣрую картину грязныхъ и запыленныхъ, разбросанныхъ безъ плана домовъ, совершенно напоминавшихъ пройденное нами с. Руше-де-Веде, но безъ зелени садовъ этого селенія; нѣсколько выше Зимницы, на берегу Дуная, бѣлѣлись два большихъ зданія казармъ, видно давно не ремонтированныхъ, въ одномъ изъ которыхъ помѣщались румынскіе солдаты.

На сѣверъ отъ этихъ казармъ, въ половинѣ седьмаго утра, остановилось болгарское ополченіе и расположилось бивуакомъ.

Разстояніе отъ д. Воеводы до м. Зимницы, около 20 верстъ, мы прошли въ слишкомъ двѣнадцать часовъ, безъ остановокъ и отдыха. Всѣ были сильно уставши, но никому не шло въ голову лечь и заснуть: приходилось очиститься сначала отъ ужасной пыли, выѣдавшей намъ глаза, и потому, какъ офицеры, такъ и солдаты, всѣ, какъ говорится, съ мѣста бросились купаться. Во время этого купанія утонулъ ополченецъ III-й дружины П. Цаневъ.

Купаніе значительно облегчило усталость, но несносная пыль все еще продолжала щипать глаза и горло. Вернувшись на бивуакъ, я заснулъ какъ убитый, что сдѣлали, впрочемъ, и всѣ офицеры и солдаты; въ половинѣ третьяго часа меня разбудили къ обѣду. Вечеромъ съ нѣсколькими офицерами мы пошли въ м. Зимницу. Мѣстечко оказалось съ трехъ сторонъ буквально загороженнымъ обозами, интендантскими, артиллерійскихъ парковъ, кавалерійскихъ и козачьихъ полковъ, 5-й, 12-й и 33-й дивизій и многочисленной артиллеріей; улицы городка были переполнены солдатами, интендантскими чиновниками и служащими въ *„Товариществѣ Когана, Горвица и Грегера,“* въ перемежку съ цѣлыми взводами лошадей, которыхъ то тутъ, то тамъ вели на водопой; отъ этого движенія надъ Зимницей висѣло постоянное облако пыли.

При самомъ входѣ въ городокъ, съ запада, былъ расположенъ обозъ Главной Квартиры, а съ сѣверной стороны — нѣсколько конусообразныхъ, турецкаго образца, палатокъ, въ которыхъ помѣщались тяжело раненые солдаты; у одной изъ этихъ палатокъ я замѣтилъ нѣсколько плѣнныхъ турецкихъ солдатъ; въ этихъ палаткахъ не слышалось ни стоновъ, ни

здоховъ страданій — раненые въ агоніи боролись со смертью, еподвижно лежа на койкахъ; въ воздухѣ чувствовался сильный апахъ карболовой кислоты и гніющихъ ранъ. Въ одной изъ алатокъ я встрѣтилъ знакомыхъ мнѣ двухъ солдатъ 54-го Минскаго пѣхотнаго полка; увидавъ меня, оба хотѣли было ривстать, но силы не позволили имъ этого сдѣлать; оба были анены штыками: одинъ — въ животъ, другой — въ грудь; одойдя къ нимъ, я старался утѣшить ихъ и вселить надежду а выздоровленіе.

— „Нѣтъ, ваше благородіе, видно пришлось умирать: а будетъ Его святая воля!“ съ религіознымъ благоговѣніемъ, озразилъ мнѣ одинъ изъ нихъ: „да, нечего и жалѣть, долгъ арю и отечеству исполнилъ... вотъ ваше благородіе, будьте тцемъ роднымъ, напишите писемцо домой...“ Раненый въ ивотъ умоляющимъ взоромъ просилъ меня о томъ же. Охваенный тяжелымъ чувствомъ, я поспѣшилъ узнать отъ нихъ дресы родителей обоихъ страдальцевъ и увѣрилъ ихъ, что сполню ихъ просьбу въ тотъ же день, что и сдѣлалъ. Неольно думалось, что лучше ужъ сразу, чтобы покончили съ обой турецкіе пуля или штыкъ, чѣмъ переносить подобныя физическія и нравственныя страданія.

Расхаживая по улицамъ, мы хотѣли было зайти въ какой ибо ресторанъ напиться чаю, но таковаго, кромѣ нѣсколькихъ абаковъ и харчевень, переполненыхъ подвыпившими и распѣвавшими пѣсни, въ родѣ „Прощаюсь ангелъ мой съ тобою,“ олдатиками, не оказалось и намъ пришлось зайти въ маркиантскую палатку, расположенную неподалеку отъ Главной Квартиры. Тамъ мы застали нѣсколькихъ офицеровъ, преимущественно адъютантовъ и ординарцевъ при Главной Квартирѣ; компанія была весело настроена и, хотя и протестовала проивъ высокихъ цѣнъ кушаньямъ и напиткамъ, не переставала аказывать. Дѣйствительно маркитантъ (кажется Полуэктовъ) дралъ за все немилосердныя цѣны и во всякомъ случаѣ не о нашему карману, и мы, возпользовавшись обстоятельствомъ, что поданый намъ чай былъ мутенъ, какъ квасъ, ушли, и на бивуакѣ расположились у своихъ походныхъ самоваровъ.

17-ое іюня. Раннимъ утромъ начали прибывать изъ Свиштова граждане и гражданки; многіе изъ нихъ — чтобы повидаться съ своими братьями, сыновьями, мужьями и родственниками, бывшими въ рядахъ Ополченія, другіе — просто пора-

доваться на болгарскаго солдата, отправлявшагося драться за свободу своей родины; эти родственныя встрѣчи были очень трогательны: тутъ посѣдѣвшій и согбенный старикъ обнималъ дрожащими руками своего любимаго сына, давно покинувшаго родной домъ, скрываясь отъ турецкой висѣлицы, благословлялъ свое дитя на подвигъ освобожденія; тамъ, мать находила свое дѣтище и повисала на шеѣ ополченца-сына, обливаясь слезами радости: „Благодарю Бога, что еще разъ довелось свидѣться," говорила мать: „дай Богъ тебѣ долгихъ дней и здоровья, чтобы отомстить проклятымъ туркамъ за всѣ наши страданія." Молодыя женщины, съ блѣдными лицами и воспаленными глазами, видимо изстрадавшіяся и проведшія не одну безсонную ночь въ разлукѣ съ своими мужьями, покинувшими семьи, вслѣдствіе преслѣдованія турокъ, застѣньчиво жались къ своимъ молодымъ супругамъ, всецѣло отдаваясь радостямъ встрѣчи; да какъ было имъ и не радоваться: не былъ бы нынѣ милый въ живыхъ, если бы вскорѣ послѣ свадьбы не убѣжалъ изъ родной земли; радуются они оба, но о предстоящемъ боѣ съ турками не обмолвливаются ни словомъ; она лишь что-то все шепчетъ на ухо любимому человѣку . . . и слышится въ отвѣтъ: „пиши въ Ополченіе . . . и помни, назови Александромъ . . . ."

Вокругъ, куда ни глянешь, привѣты, объятья, поцѣлуи и беззаботный смѣхъ молодежи, городскихъ дѣвушекъ и ополченцевъ.

Свиштовскіе жители приходили и не съ порожними руками: каждый что либо несъ съѣстное и полныя фляги своего домашняго вина, а дѣвушки — съ цвѣтами въ рукахъ; болѣе же богатые приносили и кошельки полные денегъ: „воинамъ все это нужно, а откуда же имъ взять," объясняли свиштовцы.

Ко времени обѣда, поляна передъ бивуакомъ разукрасилась группами ополченцевъ и ихъ родственниковъ за скатертями, розостланными по землѣ и переполненными жареными ягнятами, курами, пирогами; деревянная фляга то и дѣло переходила изъ рукъ въ руки и народныя пѣсни оглашали воздухъ . . . .

Съ утра еще было объявлено, что въ половинѣ третьяго часа по полудни на бивуакѣ, въ присутствіи Императора будетъ отслужена панихида о павшихъ въ бою при переходѣ Дуная и молебствіе; къ тому времени Ополченіе было выстроено покоемъ и о. Амфилохій и о. Драгановъ отслужили сначала

молебенъ, а за тѣмъ панихиду. По окончаніи молебна, Императоръ повелѣлъ вызвать изъ строя одного офицера-болгарина. Дружинный командиръ вызвалъ меня. Сіяя отъ счастья и радости, что мнѣ выпалъ жребій не только быть вблизи Императора, но и слышать ко мнѣ обращенныя, Его слова, я, взявъ саблю *подъ высь,* подошелъ къ Царю и остановился въ 3—4 шагахъ отъ Него.

— „Передай имъ,“ указывая взоромъ на ополченцевъ сказалъ мнѣ Императоръ громкимъ голосомъ: „что Я вчера посѣтилъ первый болгарскій городъ Свиштовъ, взятый у турокъ три дня тому назадъ Моими храбрыми солдатами. Духовенство Меня встрѣтило со крестомъ и Евангеліемъ, а жители — съ хлѣбомъ и солью. Взятіе этого болгарскаго города — начало освобожденія Болгаріи. Я надѣюсь,“ закончилъ Его Величество: „что каждый изъ нихъ свято исполнитъ свой долгъ!“

„Взятіе этого болгарскаго города — начало освобожденія Болгаріи!“ — эти царскія слова привели ополченцевъ и гражданъ въ такой восторгъ, который словомъ выразить невозможно; скажу только, что слова эти были встрѣчены такими неистовыми „ура,“ что, казалось, и Дунай, свидѣтель подвиговъ болгарскихъ праотцевъ, проснулся отъ многовѣковаго своего рабскаго сна и зашумѣли его мутныя волны.

Царь и Его свита давно уже оставили бивуакъ, а „ура“ все еще продолжало гремѣть.

Эта всеобщая радость врядъ ли веселила Императора. Его ликъ имѣлъ строгое и величественное выраженіе — очевидно было, что высокогуманная душа царя скорбѣла, взирая на ужасы войны!

18-ое іюня. Многіе офицеры и даже нижніе чины не сомнѣвались, что, подойдя къ Дунаю, мы безъ замедленій перейдемъ въ Болгарію, между тѣмъ мы стояли уже три дня, а о переправѣ на правый берегъ никто не говорилъ ни слова; въ Ополченіи начались даже обычныя военныя занятія. Впослѣдствіи такое стояніе наше объяснилось необходимостью переправить всѣ прочія войсковыя части съ ихъ обозами, что между тѣмъ совершалось медленно, такъ какъ мостъ еще не былъ вполнѣ готовъ, а главное, не былъ еще приспособленъ для переправы обозовъ.

Такъ мы и ждали, какъ говорится, у моря погоды; впрочемъ эта продолжительная стоянка была полезна Ополченію,

требовавшему значительнаго отдыха послѣ трудныхъ переходовъ, а главное, времени для повторенія военнаго обученія, преподанного ополченцамъ въ Плоэштахъ, какъ равно и для обученія элементарнымъ военнымъ познаніямъ ополченцевъ, поступившихъ въ ряды лишь въ минувшемъ маѣ. Можно было замѣтить, что, послѣ сдѣланнаго большаго перехода, ополченцы вообще нѣсколько ослабли: ружейные пріемы, прицѣлка и прикладка дѣлались слабо и вяло, а главное, плохо стали проходить и церемоніальнымъ маршемъ.

— „Помилуйте, что это за рота?! на церемоніальномъ маршѣ нѣтъ ни шага, ни равненія!“ говорили офицеры.

Такимъ образомъ пришлось снова взяться за муштровку ополченцевъ, и особенно усердно, такъ какъ, и Государь и Главнокомандующій были тутъ же, въ Зимницѣ.

— „Слѣдуетъ подтянуть роты,“ заявляли офицеры: „не ровенъ часъ, Государь или Великій Князь пожелаютъ посмотрѣть на нашихъ оборванцевъ, тогда что же будетъ? Скажутъ, что мы не занимаемся съ должнымъ усердіемъ.“

Занятія начались, какъ и въ Плоэштахъ и продолжались по двѣнадцати и болѣе часовъ въ день. Ополченцы и здѣсь, какъ и прежде, занимались съ одинаковымъ усердіемъ, но между ними шопотомъ шелъ и ропотъ:

— „За что насъ мучаютъ этими ружейными пріемами и церемоніальными маршами? Отчего не пустятъ насъ учиться въ бою? Тогда увидятъ, какъ дерутся болгаре!“ Такіе протесты, втихомолку между ополченцами, обыкновенно оканчивались воспоминаніями о сраженіяхъ въ прошлую сербско-турецкую войну, во всѣхъ ихъ подробностяхъ.

На самомъ дѣлѣ, ополченцы свободно владѣли оружіемъ, знали хорошо стрѣлять и наносить штыковые удары; ротное ученіе и церемоніалный маршъ также достаточно хорошо были ими усвоены, главное же, что всѣ они были воодушевлены идеей: свобода или смерть. Съ своей стороны, я былъ вполнѣ увѣренъ въ боевой готовности ополченцевъ, тѣмъ не менѣе находилъ нужнымъ и продолженіе военныхъ занятій, ввиду того, что праздность обыкновенно облѣниваетъ солдата.

Съ разрѣшенія дружиннаго командира я побывалъ въ Свиштовѣ; отъ бивуака до моста я почти что шёлъ бѣгомъ. На мосту былъ невообразимый хаосъ, особенно на первомъ островѣ между частями моста: островъ этотъ былъ соединенъ

съ лѣвымъ берегомъ деревяннымъ мостомъ, и былъ буквально покрытъ обозными телѣгами, артиллеріей и зарядными ящиками и, несмотря на то, хвостъ этого всего обоза оставался еще на берегу, въ Зимницѣ, и ожидалъ своей очереди двинуться.

Движеніе телѣгъ и лошадей по острову поднимали тучи пыли, а крики подводчиковъ, возницъ и солдатъ, ржанье и фырканіе многихъ сотень лошадей и скрипъ колесъ производили невѣроятный шумъ.

— „Ей вы! нуу... сивряга! Еще немного, еще малость...“ кричалъ кто-то на едва вывозившихъ лошадей.

— „Ослѣпъ ты, что ли? Эка двинулъ, пряму на телѣгу!“ кричалъ другой: „того и гляди, что сломаешь...“

— „Эй, ты, лодарь, чего глядишь? Держи въ сторону! Ось сломаешь!..“ выкрикивалъ зоркій вахмистръ.

— „Братцы, дорогу дайте, братцы!“ просилъ козакъ сидя верхомъ на измученной долгой ѣздой лошади; очевидно онъ везъ какое нибудь спѣшное донесеніе.

Вблизи моста сновали офицеры, отдавая разныя приказанія то тѣмъ, то другимъ подчиненнымъ нижнимъ чинамъ, подъ часъ подкрѣпляя таковыя крѣпкимъ словцомъ... Однимъ словомъ, все двигалося и спѣшило впередъ! Одинъ лишь Дунай оставался величаво спокойнымъ: одно, развѣ, обстоятельство могло его безпокоить — это мосты, мѣшавшіе его свободному теченію, да и это препятствіе требовало отъ него слишкомъ мало борьбы и, онъ, пройдя сквозь понтоны, вновь побѣдоносно продолжалъ свой вѣчный путь.

Послѣ долгихъ ожиданій и остановокъ мнѣ, наконецъ, удалось перейти островъ и дойти до второго понтоннаго моста; здѣсь движеніе обозовъ было урегулировано и подводы слѣдовали въ очередномъ порядкѣ и въ опредѣленной промежуточной дистанціи одна отъ другой: однѣ — впередъ, другія — назадъ; пѣшеходы же двигались по сторонамъ моста и тоже въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе перейти мосты, а потому и малѣйшая задержка казалась мнѣ цѣлой вѣчностью, казалось, что не доживу вступить на родной берегъ. Трудно мнѣ описать охватившую меня радость въ минуту, когда я ступилъ на болгарскій берегъ; на душѣ было свѣтло и чувствовалось легко! Мнѣ казалось, что я, съ полнымъ сознаніемъ своего долга къ отечеству и безъ малѣйшаго колебанія бросился бы

въ огонь за мать-Болгарію . . . Это настроеніе было неожиданно прервано — кто-то меня звалъ по имени; оказалось, что это былъ штабсъ-капитанъ 53-го Волынскаго полка Долапчевъ, болгаринъ родомъ.

— „Куда вы? Гдѣ ваше ополченіе? Скоро ли переправитесь?" осыпалъ меня Долапчевъ вопросами: „Знаете ли, что штабсъ-капитанъ Петровичъ убитъ?"

— „Неужели?" переспросилъ я; мнѣ не хотѣлось вѣрить, что это правда.

— „Да, братъ, это сущая правда; Царствіе ему Небесное и вѣчная память," прибавилъ набожно Долапчевъ.

Сбылось предчувствіе штабсъ-капитана Петровича, но объ этомъ разскажу ниже.

— „Однако, скажите, что это за слухи распускаютъ злые языки про ваше Ополченіе?" неожиданно задалъ мнѣ вопросъ Долапчевъ.

— „На то и злые языки, чтобы говорить скверно," отвѣтилъ я: „все, что вы слышали сквернаго объ Ополченіи — это ложь и низкая клевета."

Послѣ этого я попросилъ Долапчева сообщить мнѣ подробности о смерти Петровича.

Покойный былъ родомъ болгаринъ; служилъ онъ въ 13-й пѣх. дивизіи и, когда началась сербско-турецкая война, онъ на ряду со всѣми прочими офицерами-болгарами, служившими въ русской арміи, оставилъ службу и уѣхалъ въ Сербію, гдѣ участвовалъ въ сраженіяхъ съ турками. Оставивъ сербскую службу, Петровичъ вернулся въ Россію и былъ вновь принятъ на службу и зачисленъ въ 54-й пѣх. Минскій полкъ. Въ бытность нашу въ Кишиневѣ, всѣ офицеры и гражданскіе чиновники-болгаре фотографировались 6-го апрѣля 1877 г. въ одной группѣ. Помню, какъ Петровичъ, раздавая друзьямъ эти снимки, высказывалъ полную увѣренность, что будетъ убитъ въ предстоявшей тогда войнѣ; эта увѣренность доходила до того, что онъ раздаривалъ даже свое платье.

Я былъ пораженъ поэтому, узнавъ, что предчувствіе не обмануло Петровича.

Вотъ подробности о смерти Петровича по словамъ штабсъ-капитана Долапчева:

Въ ночь на 15 іюня, предъ разсвѣтомъ, понтонъ, въ которомъ находился штабсъ-капитанъ Петровичъ съ своимъ взво-

домъ, отнесло внизъ по теченію р. Дуная, и значительно ниже того мѣста на берегу, гдѣ было должно причалить; турки замѣтили приближеніе понтона и открыли по немъ ружейный огонь, на который взводъ, согласно отданному приказу, не отвѣчалъ; когда же понтонъ сѣлъ у берега на мель, Петровичъ бросился въ бродъ съ кликомъ „ура“ и повлекъ за собой солдатъ, но въ ту же минуту съ берега раздался ружейный залпъ и Петровичъ, пробитый нѣсколькими пулями, упалъ въ воду. На слѣдующій день тѣло Петровича, какъ и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ и многихъ солдатъ, было найдено въ $2^1/_2$ верстахъ отъ мѣста смерти Петровича; найденныя тѣла были погребены тамъ-же, на берегу Дуная.*)

Потрясенный впечатлѣніемъ разсказа объ этой геройской смерти, я простился съ Долапчевымъ и поспѣшилъ въ городъ Свиштовъ.

Отъ моста до города было два пути: одинъ — по берегу Дуная и чрезъ торговые ряды, устроенные во всю длинну пристани, и затѣмъ по улицѣ, ведущей въ верхній городъ; другой — чрезъ виноградные сады, прямо вверхъ по горной тропинкѣ, ведущей въ восточную окрайну города, называвшуюся: „Долня Махла.“ Я выбралъ послѣдній путь.

Съ самаго берега Дуная и по всюду по пути встрѣчались слѣды недавняго боя: кровавые куски одеждъ, бинты, тряпки, слѣды запекшейся крови, разодранные сапоги и т. п. Приближаясь къ окрайнѣ города было замѣтно по шоссе большое движеніе народа: поселяне и поселянки двигались по пути изъ города, нагруженые разной домашней утварью: корыта, ведра, кадки, одѣяла и проч. Это необыкновенное зрѣлище объяс-

---

*) Надъ могилами этихъ героевъ сооружены памятники въ $3^1/_2$ верстахъ ниже Свиштова, на высокомъ правомъ берегу р. Дуная; эти памятники видны жителямъ Свиштова и Зимницы, бѣлѣя своими мраморными плитами и крестами, смотрящимися въ зеркало Дунайскихъ водъ и напоминая путешествующимъ по великой славянской рѣкѣ о геройскихъ подвигахъ въ освободительную войну. На одномъ изъ этихъ памятниковъ имѣется надпись: „Здѣсь лежитъ прахъ убитаго во время перехода Дуная съ 14-го на 15-е іюня 1877 года, штабсъ-капитана 54-го Минскаго полка Петровича.“ Никто вѣроятно не зналъ, или очень не многіе, что убитый былъ родомъ болгаринъ изъ берковацкихъ селъ и потому объ этомъ и не было упомянуто. Шт.-кап. Петровичъ, болгарскій поборникъ — былъ первой жертвой отъ болгаръ въ войну 1877—78 г. г. геройски погибнувъ за свободу своей родины.

нилось, когда я пришелъ въ городъ: турецкая часть го
лавки были совершенно ограблены; передъ лавками ва
кой-какіе негодные предметы и какъ муравьи шныря
кругъ граждане и поселяне, все цѣнное, какъ сахаръ,
мыло и т. п. было разграблено еще въ первый и втор
по занятіи Свиштова; въ толпѣ виднѣлись также одиı
изъ *гаврилычей* — козаки или обозные, но это были ед

Здѣсь не происходило грабежа, какъ это было вг
ствіи въ гор. Орѣховѣ, гдѣ румынскіе солдаты и ге
грабили, кто что могъ, и что имъ попадалось подъ р
разбирая изъ какой лавки турецкой или болгарской, г
не только сахаръ, кофій и проч., но и скотъ и зерноı
пасы, каковые потомъ вывозили изъ Орѣхова на своихъ
по Дунаю.

Понятно, нельзя одобрить поведенія и болгаръ,
сившихся на турецкое имущество, оставленное хозяев
произволъ судьбы; но, тутъ еще можно найти оправ,
трудно строго осудить болгарина за минутный порывъ
стить, какъ умѣлъ, своему вѣковому тирану; тру,
извинить болгарину, во всю свою жизнь неистово муч
и поруганному, за сдѣланное имъ зло, сравнительно ничт
тѣмъ, которые вѣками распоряжались болгарскимъ им
вомъ, честью и даже жизнью.

Въ городѣ было большое движеніе. Горожане, одѣ
праздничное платье, переполняли улицы. Многіе изъ них
безъ шапокъ или съ повязаннымъ платкомъ на голов
это потому, что носившіеся горожанами фески были бр
а шапокъ въ лавкахъ не оказалось въ нужномъ коли

Издали Свиштовъ производилъ несравненно лучш
чатлѣніе, чѣмъ вблизи: улицы тѣсныя, кривыя, мо
правда, но такими крупными камнями и столь плохо,
каждомъ шагу приходилось спотыкаться. Домà, б
частью едноэтажные, находились внутри дворовъ, ого
ныхъ каменными или кирпичными заборами. Единс
украшеніе города — это фруктовые сады, имѣвшіеся в
домъ дворѣ.

Въ центрѣ города были дома лучше; видно бы
тамъ обитали болѣе богатые горожане. Въ турецкоі
города дома были едва видны изъ за высокихъ кирп
заборовъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ; тѣ

домовъ, которые выходили на улицу, со стороны послѣдней не имѣли оконъ, а какія-то небольшія четырехъ угольныя отверстія съ деревянными рѣшетками; вообще турецкая часть города отличалась большими дворами, хорошими фруктовыми садами и кривыми и узкими улицами; въ тѣ дни въ этой части города царила мертвая тишина и лишь кой-гдѣ въ садахъ встрѣчались болгарскіе мальчики, обиравшіе фрукты или какой нибудь поселянинъ, расхаживавшій по опустѣлымъ дворамъ и домамъ.

Когда начался бой у Свиштова, турецкіе жители объявили болгарамъ, что всѣхъ ихъ перерѣжутъ и потому, во время сраженія, ни одинъ болгаринъ не показывался на улицѣ, но со входомъ русскихъ, турки обо всемъ забыли и убѣжали изъ города, кто какъ могъ, забравъ съ собою что могли и успѣли изъ своихъ пожитковъ.

Въ городѣ я встрѣтилъ одного изъ вчерашнихъ посѣтителей ополченскаго бивуака и тотчасъ же былъ приглашенъ къ нему въ гости. Меня угощали неизбѣжнымъ вареньемъ съ водой и кофіемъ, затѣмъ виномъ и закусками, потомъ меня водили къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, передавая меня отъ однихъ къ другимъ, изъ рукъ въ руки; вездѣ принимали меня радушно, всѣ старались угодить и, главное, накормить; всѣ разсказывали о вынесенныхъ ими отъ турокъ страданіяхъ и постоянно, въ разговорѣ, благословляли Россію и Царя Александра II-го.

Возвращаясь въ Зимницу, не доходя моста, встрѣтился я съ подпоручикомъ Иваницкимъ; онъ мнѣ разсказалъ о дѣйствіяхъ 54 пѣх. Минскаго полка и о смерти шт.-к. Петровича; было уже темно, когда я вернулся на бивуакъ.

19-ое іюня. Согласно распоряженію, сдѣланному еще въ г. Руше-де-Веде объ отдѣленіи отъ Ополченія особыхъ кадровъ для сформированія новыхъ дружинъ, сегодня изъ III-й дружины взята 4-я рота, въ составѣ: 9-ти офицеровъ, а именно: командиръ роты поручикъ Филовъ, затѣмъ подпоручикъ Гуджевъ, прапорщикъ Людницкій и прикомандированные къ дружинѣ: капитанъ Григорьевъ, шт.-капитаны: Севрюкъ, Мѣстниковъ, Товаровъ; поручики: Терминскій и Крушевскій и нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ — 45, ополченцевъ — 38, музыкантовъ и гарнистовъ — 12, нестроевыхъ — 4, а всего — 115 человѣкъ.

Въ этотъ день случились примѣры удивительныхъ отношеній нѣкоторыхъ офицеровъ къ ополченцамъ:

Я былъ дежурнымъ по дружинѣ. Передъ обѣдомъ, когда ополченцы вернулись съ ученія, я замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ изъ 4-й роты продаетъ товарищамъ водку, и приказалъ фельдфебелю арестовать виновника и доложить командиру его роты; но, не смотря на это распоряженіе, торговавшій водкой оставался на свободѣ. На вопросъ о причинахъ этого обстоятельства, командиръ 4-й роты мнѣ отвѣтилъ:

— „Да за что же его арестовыватъ, вѣдь онъ черногорецъ?! Впрочемъ, я его назначу дневальнымъ".

Вотъ еще случай. Къ бивуаку подъѣхала телѣга, нагруженная табакомъ для продажи; ополченцы обступили продавца и каждый спѣшилъ купить себѣ табаку, такъ какъ надо было идти на послѣобѣденное ученіе. Въ это время раздается команда шт.-кап. Усова: „Эй вы! аттакуйте, ура!" Ополченцы въ началѣ не рѣшались исполнить команду, но шт.-кап. Усовъ ее повторилъ, и ополченцы набросились на телѣгу, на которой продавщикъ табаку растянулся во весь ростъ, защищая свой товаръ.

„Перевернемъ телѣгу!" крикнулъ одинъ изъ солдатъ, а другіе начали было исполнять приказаніе; но я во время подоспѣлъ и разогналъ толпу, арестовавъ двоихъ ополченцевъ.

— „Ваше благородіе, мы не виноваты намъ приказано," оправдывались арестованные.

— „Злую шутку устроили вы, капитанъ, съ вашимъ „ура," замѣтилъ я потомъ Усову.

— „Напротивъ, вы не во время вмѣшались!" отвѣчалъ штабсъ-капитанъ Усовъ: „какого чорта пріѣхалъ онъ сюда? Здѣсь не базаръ, да еще прямо уперся возомъ въ мою палатку."

Я замѣтилъ на это, что этотъ случай одинъ изъ многихъ, благодаря которымъ ополченцы поощряются поступать дурно, а затѣмъ ихъ хулятъ за дурное поведеніе.

— „Ну, ополченцы и безъ того хорошо вышколены и въ такихъ поощреніяхъ не нуждаются," отвѣтилъ Усовъ.

Во время этого разговора не подалеку послышался выстрѣлъ изъ ружья. Оказалось, что рядовой 5-й роты М. застрѣлился; дѣло въ томъ, что его заподозрили въ кражѣ у товарища четырехъ турецкихъ лиръ и дружинный командиръ приказалъ дать ему 25 розогъ. Предъ исполненіемъ этой позорной экзе-

куціи молодой ополченецъ М. и застрѣлился. Послѣ смерти, при обыскѣ вещей, у этого самолюбиваго болгарина нашли только нѣсколько мелкихъ монетъ.

20-ое іюня. Сегодня одинъ ополченецъ-болгаринъ 5-й роты былъ наказанъ 25 ударами розогъ за продажу водки — проступокъ, за который ополченецъ той же роты — черногорецъ, наканунѣ былъ освобожденъ даже отъ ареста. Ротный командиръ штабсъ-капитанъ Стесель разругалъ виновнаго и его назначилъ на 8 дней дневальнымъ, по 2 часа въ день съ полнымъ ранцемъ на спинѣ; но въ это время подошелъ дружинный командиръ и назначилъ наказаніе розгами.

— „Фельдфебель! живо подать розги!" крикнулъ штабсъ-капитанъ Стесель.

Я и докторъ Вязанковъ, находясь вблизи, вмѣшались въ защиту ополченца.

— Наказывать розгами болгарина за проступокъ, за который еще вчера вы освободили отъ наказанія черногорца, будетъ несправедливо, сказалъ я.

— „Вы развѣ не знаете, что налагать наказаніе на одного и освобождать другого, хотя бы и за одну и ту же вину — это право ротнаго командира," отвѣтилъ командиръ дружины.

— „Особенно если этотъ *другой* — черногорецъ," вмѣшался докторъ Вязанковъ . . . Тѣмъ не менѣе экзекуція была исполнена, что повергло ополченцевъ въ большое уныніе, вслѣдствіе своей несправедливости.

Приказомъ по арміи 18-го іюня было объявлено о сформированіи особаго передоваго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта І. В. Гурко. Въ составъ этого отряда вошло и Болгарское Ополченіе.

Задача передоваго отряда была слѣдующая: наступленіе впередъ по направленію къ городамъ Тырнову и Севліеву и рекогносцировка всей мѣстности для подготовленія общаго дальнѣйшаго наступленія; затѣмъ приказомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, на отрядъ было возложено еще постараться занять балканскіе проходы и выслать кавалерію за Балканы. Подъ прикрытіемъ этого передоваго отряда, предполагалось приступить къ устройству путей и приспособленію балканскихъ проходовъ для перевозки обозовъ и артиллеріи. Боевыя силы передоваго отряда состояли изъ 43 эскадроновъ кавалеріи, 10-ти батальоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и Опол-

ченія, 38-ми орудій, изъ которыхъ 20 было горныхъ, а прочія — полевыя.

Этотъ приказъ произвелъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ очевидно было, что наконецъ то Ополченіе попадетъ въ давно желанный бой.

20-го іюня по Ополченію былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Въ цѣляхъ увеличенія численности Ополченія и его силъ и дабы оно могло выдѣлять отъ себя отдѣльные болгарскіе отряды, Высочайше повелѣно усилить составъ Ополченія шестью дружинами.

Для этого, по переходѣ Дуная, въ г. Свиштовѣ отъ каждой дружины должно быть отдѣлено по одной ротѣ, подъ начальствомъ своего командира.

Въ составъ этихъ ротъ входятъ:

1) Ротный командиръ и нѣкоторые офицеры, изъ состоящихъ нынѣ при дружинахъ.

2) Прикомандированные офицеры; при этомъ для уравненія, не будетъ принимаемо во вниманіе къ какой дружинѣ эти офицеры были прикомандированы.

3) Русскіе кадры, которые имѣются нынѣ въ ротахъ.

4) Вновь прибывшіе русскіе кадры, прикомандированные нынѣ къ дружинамъ и

5) По 8 человѣкъ на полувзводъ болгарскихъ добровольцевъ.

Излишекъ добровольцевъ въ этихъ ротахъ распредѣлить по другимъ ротамъ.

Отдѣленныя такимъ образомъ роты составляютъ сводныя бригады. Дѣятельность этихъ ротъ состоитъ въ принятіи обмундированія и вооруженія и въ обученіи болгарскихъ добровольцевъ, пока послѣдніе не будутъ готовы для присоединенія ихъ къ Ополченію.

6) Механизмъ сформированія долженъ заключаться въ слѣдующемъ: новый кадръ — 8 болгарскихъ ополченцевъ т. е. каждый полувзводъ отдѣльной роты, повѣренный одному изъ старшихъ, прикомандированныхъ къ будущимъ дружинамъ офицеровъ, долженъ быть развернутъ въ роту новой дружины и такимъ образомъ — составлено 24 роты или 6 новыхъ дружинъ.

Механизмъ для пополненія кадровъ новыхъ дружинъ и временно отдѣленныхъ отъ другихъ дружинъ ротъ, долженъ

аключаться въ равномѣрномъ распредѣленіи по частямъ при-
ывающихъ добровольцевъ. Срокъ обученія трехъ-недѣльный.

Въ способѣ для укомплектованія кадровъ до полнаго
штата, могутъ представиться два случая:

1) Если пріемъ добровольцевъ будетъ значителенъ, то
есьма вѣроятно, что кадры всѣхъ 6-ти дружинъ и 6-ти вре-
енно командированныхъ ротъ будутъ имѣть въ своихъ рядахъ
олное количество добровольцевъ, обученныхъ въ срокъ отъ
дной до трехъ недѣль. Въ такомъ случаѣ, спустя мѣсяцъ
о переходѣ Дуная, всѣ вновь сформированныя 6-ть дружинъ
6-ть ротъ будутъ въ состояніи, въ случаѣ нужды, слѣдовать
ля соединенія съ Ополченіемъ.

2) Если пріемъ добровольцевъ-болгаръ подъ знамя Опол-
енія не будетъ столь значителенъ, какъ это предполагается
ъ предыдущемъ пунктѣ, то, по распредѣленіи прибываю-
щихъ добровольцевъ (п. 6) равномѣрно по всѣмъ ротамъ для
бученія, должно укомплектовать въ теченіи трехъ недѣль,
ереводя изъ другихъ полувзводовъ, безъ различія одной
ли разныхъ ротъ, до числа рядовъ половиннаго штата четы-
ехъ-ротнаго состава дружинъ. При этомъ эти 4 роты (полу-
зводы) образуютъ 4-ю дружину, которая по снабженіи ее
бозомъ и нужнымъ хозяйствомъ, отправится во внутрь Бол-
аріи для присоединенія къ Ополченію. Тѣмъ же способомъ
удутъ сформированы 8 дружинъ изъ слѣдующихъ 4-хъ по-
олненныхъ полувзводовъ и т. д., въ зависимости отъ коли-
ества прибывающихъ добровольцевъ.

Исполненіе вышеизложенного возлагается на командира
ой бригады полковника Корсакова, который и будетъ за-
ѣдывать сводной бригадой.

Въ управленіе командируется старшій адъютантъ шт.-рот.
ухонинъ, въ помощь которому полковникъ Корсаковъ на-
начитъ двухъ офицеровъ.“

Отдѣленныя роты для сформированія новыхъ дружинъ
ихъ командиры были слѣдующія:

Отъ	I-ой дружины	2-я рота	—	капитанъ Стражевскій;
„	II-ой „	5-я „	—	поручикъ Обнинскій;
„	III-ей „	4-я „	—	поруч. Филовъ, болгаринъ;
„	IV-ой „	1-я „	—	кап. Р. Николовъ „
„	V-ой „	4-я „	—	капитанъ Поль;
„	VI-ой „	4-я „	—	шт.-кап. Мещевъ.

Маіоръ П. Н. Поповъ былъ тоже назначенъ въ кадры второго ополченія въ г. Свиштовъ, но выпросился остаться въ III-ей дружинѣ, въ которой числился; прочіе офицеры, назначенные въ кадры новыхъ дружинъ, были слѣдующіе:

Капитанъ Марцинковскій; штабсъ-капитаны: Аѳанасьевъ, Лобановскій, Рогозинскій, Полянскій, Ковалевскій, Любомскій (болгаринъ), Севрюкъ, Мѣстниковъ, Григорьевъ, Товаровъ, Лебедевъ, Полеванскій, Михида, Ясинскій и Пуцята; поручики: Ждановъ, Фонъ деръ Ховенъ, Кругликовъ, Скоробогатовъ, Поражецкій, Новицкій, Чернявскій и Симанскій; подпоручики: Терминскій, Качаловъ и Гуджевъ (болгаринъ); прапорщики: Ротинъ, Лысенко, Сенькевичъ, Селивановъ, Людницкій и Лазаревъ.

Многіе изъ этихъ офицеровъ впослѣдствіи были переведены въ дѣйствующія дружины для пополненія выбывшихъ изъ строя убитыхъ и раненыхъ офицеровъ.

Никакихъ извѣстій не получалось съ театра военныхъ дѣйствій: наступали ли наши и въ какомъ направленіи — ничего не было извѣстно. Между тѣмъ въ Болгарію перешли 5-я, 12-я и 33-я п. дивизіи, кавалерійскія и артиллерійскія части со всѣми своими обозами и парками.

21-ое іюня. Сегодня наконецъ Ополченіе снялось съ бивуака и начало переправу черезъ мостъ; когда III-я дружина перешла на болгарскій берегъ, былъ уже поздній вечеръ. Переправа совершена разомкнутыми рядами и при увеличенныхъ дистанціяхъ между ротами.

Трудно описать радость ополченцевъ, когда они вступали на родной берегъ: они падали на колѣни, молились, цѣловали землю и поздравляли другъ друга . . .

Пройдя мостъ, дружины пошли не городомъ, а черезъ городскіе виноградники по глубоко врѣзанному пути, съ обѣихъ сторонъ окаймленному живой изгородью колючаго кустарника; по этому пути проходили всѣ войска и на немъ пыли было по колѣно. Поздно ночью, Ополченіе остановилось въ 2—3 километрахъ отъ Свиштова, на полянѣ, гдѣ мы и ночевали.

22-ое іюня. Солнце еще не взошло, когда Ополченіе снялось съ ночной стоянки; III-я дружина шла въ авангардѣ. Отъ мѣста стоянки мы пошли на юго-западъ, прошли небольшую и небогатую деревню Царевицъ и затѣмъ круто повернули прямо на югъ; путь шелъ по долинѣ, длинною около 3 верстъ.

серединѣ которой былъ источникъ ключевой воды; нѣко-
ые ополченцы на ходу успѣли напиться и наполнить свои
черки.

На выходѣ изъ долины, встрѣтились по пути нѣсколько
селянъ, шедшихъ спѣшнымъ ходомъ; они сообщили намъ,
черкесы напали на ихъ деревню, отвели скотъ и что пере-
вали бы ихъ, если бы они не убѣжали во время.

Изъ долины путь пошелъ по холмистой мѣстности съ
гатыми пастбищами и нивами, вдали виднѣлись синѣющіся
ертанія балканскихъ горъ. Шоссе, ведущее изъ Свиштова въ
рново, по которому мы шли, осталось отъ насъ на юго-востокъ,
мы повернули къ юго-западу по сельскимъ дорогамъ. Пройдя
оло 5 верстъ отъ упомянутой долины, было получено извѣ-
е, что въ 2—3 часахъ пути на югъ отъ насъ расположены два
рецкихъ табора. Это извѣстіе ополченцы встрѣтили съ боль-
ой радостью и невольно увеличили шагъ, предвидя близость
урокъ. По пути то и дѣло встрѣчались бѣгущіе и испуганные
олгаре; они, произнося лишь слова: черкесъ, башибузукъ или
урокъ, уже дрожали отъ страха; на насъ это производило не-
ріятное впечатлѣніе: не весело было смотрѣть на здоровыхъ
рослыхъ мужчинъ, потерявшихъ способность разсуждать и
оворить отъ страха; вдобавокъ они еще поставляли въ селахъ
сенъ, дѣтей и стариковъ и бѣжали, спасая лишь самихъ себя.

— „Много ли черкесовъ и башибузуковъ напали на вашу
еревню?“ спросилъ я у этихъ поселянъ.

— „Да было около 40—50 человѣкъ,“ отвѣчали они.

— „И вамъ не стыдно, ваша деревня въ 350 дворовъ и
ы бѣжите отъ 40—50 человѣкъ башибузуковъ! Отчего вы не
стались всѣ въ деревнѣ и не выгнали турокъ?“

— „Эхъ, господинъ, легко вамъ говорить, выгнать ту-
окъ, а чѣмъ же мы ихъ прогонимъ? До прошлаго года еще
ыли у насъ кой-какія ружья, у кого охотничье, у кого крем-
евое, но и ихъ поотнимали, и теперь въ деревнѣ ни слома-
аго дула найти нельзя.“

Трудно было не согласиться съ такими доводами поселянъ.

Мы прошли уже болѣе двухъ часовъ пути, но никакихъ
урокъ не встрѣтили; бѣгущіе же встрѣчные поселяне продол-
жали утверждать, что турецкое войско было близко, но быстро
тступаетъ, оставляя черкесовъ и башибузуковъ грабить и
оджигать села.

Предъ полуднемъ мы пришли въ д. Турское-Сливово, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ. Ополченіе расположилось бивуакомъ въ южной части деревни, а къ сѣверу отъ насъ находился бивуакъ 4-ой стрѣлковой бригады, которая почти одновременно прибыла съ нами, но по другому пути.

Въ ста шагахъ отъ бивуака находилась корчма, около которой толпились солдаты стрѣлковой бригады. Спустя немного изъ корчмы послышался отчаянный крикъ; будучи дежурнымъ по дружинѣ, я бросился къ корчмѣ и засталъ слѣдующую картину:

Нѣсколько солдатъ толкали женщину, очевидно, жену кабатчика, которая звала на помощь мужа, испугавшись дерзкихъ солдатъ; но мужа между тѣмъ окружили множество солдатъ и онъ не могъ двинуться съ мѣста. Услышавъ мой приказъ уйти изъ корчмы, солдаты начали бѣжать кто куда могъ, падая и перескакивая одинъ черезъ другого; когда корчма опустѣла, внизу, въ погребѣ, слышалась сильная руготня: погребъ оказался переполненнымъ солдатами; они поставили одну бочку вина на дно, выбили другое и распивали вино, черпая кто чѣмъ и какъ могъ: нѣкоторые черпали фуражками, а другіе даже сапогами.

— „Ваше благородіе, мы зашли кваску попить,“ отвѣчали солдаты на мое распоряженіе немедленно выйти.

Наконецъ корчма и погребъ были освобождены отъ солдатъ, кромѣ одного рядового, отказавшагося выйти.

— „Вы не имѣете права мнѣ приказывать,“ заявилъ онъ: „у меня есть свой начальникъ.“

Солдатъ этотъ не былъ пьянъ, но во избѣжаніе какихъ либо непріятностей, я, не смотря на просьбы хозяина, не настаивалъ на его уходѣ и ограничился лишь опросомъ его имени; оказалось, что онъ Ироденко, рядовой 15-го стрѣлковаго батальона.

Придя изъ корчмы на бивуакъ, я наскоро написалъ рапортъ о случившемся и подалъ дружинному командиру. Но подполковникъ Калитинъ посовѣтовалъ мнѣ рапорта не подавать, а пойти въ расположеніе названнаго батальона и разсказать лично его командиру. Тѣмъ не менѣе я рапорта назадъ не взялъ и настоялъ, чтобы ему былъ данъ ходъ; при этомъ разговорѣ присутствовалъ и командиръ бригады князь Вяземскій.

— „Не хорошо ведутъ себя наши солдаты,“ сказалъ князь, а еще хуже — начальство, не преслѣдуя подобныхъ безобразій.“

— „Этими мѣрами зла не искорените,“ возразилъ Калитинъ, „а большее или меньшее зло въ этомъ родѣ дѣлу не помѣшаетъ; сама война есть не болѣе какъ насиліе.“

— „Мы пришли освобождать бѣдныхъ и порабощенныхъ болгаръ, между тѣмъ сами отнимаемъ у нихъ, можетъ быть, послѣднее достояніе,“ продолжилъ князь свою мысль.

— „Нѣтъ, ваше сіятельство, съ этимъ я не согласенъ: то, что можетъ взять солдатъ, далеко не послѣднее достояніе; дай Богъ, чтобъ у нашего мужика было столько добра, сколько есть у болгарина; кромѣ того, иногда трудно избѣжать, хотя бы и подъ благовиднымъ предлогомъ, присвоенія чужого имущества: это вѣдь война, страшная дороговизна, а солдатъ голоденъ, не всегда можно приготовлять и пищу!“ возразилъ Калитинъ.

— „Положимъ, жаловаться на недостатки не можемъ, какъ и на малые оклады;“ отвѣтилъ князь, причемъ посмотрѣлъ въ сторону дружиннаго стада коровъ и буйволовъ, пасшихся невдалекѣ отъ бивуака; „итакъ, по вашему мнѣнію, *грабежъ* допустимъ въ арміи?“ спросилъ князь.

— „Я не стою за грабежъ,“ отвѣтилъ Калитинъ: „но бываютъ случаи, когда таковаго нельзя остановить, и по неволѣ приходится допустить.“

— „Ну вотъ подпоручикъ остановилъ грабежъ; теперь для примѣра другимъ слѣдуетъ наказать виновныхъ, — словами дѣлу не поможешь. Вы говорите, что за такіе проступки не будете наказывать, между тѣмъ вы собственноручно наказали ополченцевъ только за то, что самовольно отправились пить воду или продавали товарищамъ водку — проступки сравнительно небольшіе,“ сердито замѣтилъ князь.

Калитинъ на это возразилъ, что онъ строго наказываетъ и будетъ наказывать за неисполненіе отдаваемыхъ имъ приказаній, но князь перебилъ его:

— „Подполковникъ, присвоеніе чужого имущества — преступленіе гораздо большее. По вашему мнѣнію выходитъ, что напасть на беззащитную женщину даже и не преступно . . . впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ; что касается меня, то я строго буду преслѣдовать нарушителей закона.“

Подобные споры часто случались между начальствующими лицами и даже въ присутствіе младшихъ чиновъ, принимавшихъ иногда въ такихъ спорахъ горячее участіе.

Послѣ продолжительнаго отдыха (впрочемъ ополченцы и не были уставши), мы двинулись дальше.

Турокъ все-таки встрѣчать не пришлось. Къ вечеру мы прибыли въ турецкую деревню Батакъ, въ 25 верстахъ отъ г. Свиштова, и расположились въ западной части деревни. Издалека еще виднѣлись почернѣвшія стѣны и одиноко торчащія трубы сожженныхъ и еще дымившихся домовъ. Разсказывали, что два-три дня раньше драгуны были въ деревнѣ и потребовали отъ турокъ сдачи оружія, грозя въ случаѣ неисполненія требованія отвести сельскій скотъ; жители обѣщали сдать оружіе, но, когда имъ было приказано сейчасъ же исполнить требованіе, они отказались; между тѣмъ у двухъ-трехъ арестованныхъ турокъ нашли за поясами пистолеты и патроны, и потому было приказано остальнымъ отправиться въ домы и принести оружіе; въ это время, въ одномъ концѣ деревни турки открыли по драгунамъ огонь, драгуны отвѣтили и одинъ турокъ былъ убитъ; домъ изъ котораго турки стрѣляли загорѣлся, а отъ него сгорѣла и вся деревня. Въ наказаніе жителямъ за ихъ нападеніе на драгунъ было взято реквизиціей 40 головъ скота.

При нашемъ проходѣ деревня Батакъ была занята драгунами и были приняты всѣ мѣры предосторожности, такъ какъ жители турки очень враждебно относились къ войскамъ; ихъ всѣхъ согнали въ нѣсколько группъ и держали подъ надзоромъ. Ополченцевъ, отправлявшихся за водой, приходилось сопровождать вооруженнымъ командамъ.

23-ее іюня. Въ деревнѣ Батакъ была назначена дневка и мы тамъ ждали приказаній о дальнѣйшемъ маршрутѣ отъ генерала Гурко, начальника передового отряда, который долженъ былъ туда прибыть.

Начальникъ Ополченія приказалъ созвать къ нему турокъ, но они отказались явиться, поэтому была послана за ними команда, подъ начальствомъ офицера, которая и привела ихъ къ Столѣтову. Генералъ лично вступилъ съ ними въ разговоръ, совѣтуя имъ примириться съ положеніемъ, сдать все имѣющееся у нихъ оружіе и заниматься своими дѣлами, въ противномъ случаѣ, генералъ грозилъ строгимъ наказаніемъ; но

турки отвѣтили, что оружія у нихъ никакого нѣтъ. Генералъ говорилъ кроткимъ голосомъ и турки слушали его въ полномъ молчаніи и поникнувъ головами. Въ виду отказа турокъ сдать оружіе, былъ произведенъ обыскъ въ домахъ и найдены отличные ружья, револьверы, пистолеты и разнаго вида холодное оружіе.

Слухъ о прибытіи Ополченія въ д. Батакъ привлекъ въ деревню множество болгаръ изъ окрестныхъ селъ; почти всѣ эти поселяне что либо или несли въ рукахъ, или везли: кто бочки вина и водки, кто хлѣбы и пироги, а кто масло, сыръ и ягнятъ — всѣмъ хотѣлось покормить *„свое войско."* Многіе шли жаловаться на звѣрства турокъ, особенно батакскихъ: одни жаловались, что имъ отвели скотъ или ограбили имущество, другіе, что ихъ ранили, а двое указали на турокъ, убившихъ недавно ихъ родныхъ. За всѣ эти преступленія и за стрѣльбу противъ драгунъ 6 человѣкъ батакскихъ турокъ были приговорены къ смерти черезъ разстрѣляніе.

Батакскіе турки оказались дѣйствительно страшными фанатиками и нисколько не скрывали своей злобы противъ русскихъ и болгаръ; послѣднимъ они угрожали, что ихъ перерѣжутъ, какъ только уйдутъ русскіе.

Когда осужденныхъ турокъ привели на мѣсто, назначенное для исполненія приговора, яма уже была выкопана и стоялъ взводъ ополченцевъ съ ружьями; осужденныхъ привязали къ нарочно вбитымъ въ землю коламъ; замѣчательно, что эти турки, даже смотря въ глаза смерти, не прекращали своихъ угрозъ по адресу болгаръ. Послѣ залпа взвода, одинъ изъ приговоренныхъ, здоровякъ турокъ, остался живъ, хотя и былъ прострѣленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пулями, и хотѣлъ было еще продолжать что-то говорить, но поручикъ VI-ой дружины Петрини покончилъ съ нимъ двумя выстрѣлами изъ револьвера.

Было приказано въ теченіе ночи приготовить пищу для Ополченія и раздать ее людямъ на зарѣ, такъ какъ въ половинѣ седьмого утра предстояло выступить изъ д. Батака.

24-ое іюня. Съ разсвѣтомъ ополченцамъ была роздана теплая пища и всѣ приготовились къ выступленію, какъ это было предположено наканунѣ; но приказаніе было отмѣнено; надо было ожидать прибытія генерала Гурко и было приказано

варить обѣдъ. Стало очевиднымъ, что и въ Батакѣ придется оставаться долго и какъ это не было непріятно, но нечего было дѣлать, а стоять въ деревнѣ дѣйствительно было мучительно, потому что всѣмъ хотѣлось скорѣй встрѣтиться съ турками. Чтобы провести какъ нибудь время, какъ офицеры, такъ и солдаты обыкновенно собирались въ кружки и вели безконечные разсказы, припоминали анегдоты изъ военной жизни, передавали свои впечатлѣнія изъ прошедшаго, судили о настоящемъ и гадали о будущемъ.

Какъ-то разъ и мы, офицеры III-ей дружины, составили кружокъ и вспоминая босно-герцеговинское и болгарское возстанія, сербско-турецкую войну, перешли и къ оцѣнкѣ настоящаго положенія воюющихъ сторонъ. Одни находили, что наша армія не была достаточна и что трудновато придется, пока добьемся побѣды надъ турками, ввиду обширности театра военныхъ дѣйствій и повсюду разсыпанныхъ укрѣпленій, которыя приходится брать съ бою; другіе, напротивъ, находили, что вóйска предостаточно и именно *потому,* что приходится дѣло вести съ турками.

— „Турки не германцы“, восклицалъ поручикъ Живаревъ: „они и понятія не имѣютъ о тактикѣ и стратегіи: помилуйте, такое естественное препятствіе, какъ Дунай, и такъ слабо и неумѣло защищать — просто преступленіе! Увѣряю васъ, господа, что мы, отдѣльно, по частямъ разобьемъ турецкую армію или, послѣ перваго генеральнаго сраженія, война будетъ окончена“.

— „Вашими устами да медъ пить,“ возражалъ капитанъ Федоровъ: „но мнѣ кажется, что намъ придется еще много встрѣтить и естественныхъ и искусственныхъ препятствій; кромѣ того, чтобы критиковать дѣйствія противника, надо прежде всего знать расположеніе его арміи и его планъ дѣйствій; а кому это извѣстно? Мы до сихъ поръ не знаемъ даже, гдѣ находится непріятельская армія.“

— „И въ самомъ дѣлѣ,“ подтвердили другіе офицеры: „удивительно, не знаемъ гдѣ находятся турки? Или отъ страха они бѣгутъ отъ насъ, или заманиваютъ насъ внутрь страны“.

— „Хотя на дно земли провались они, и тамъ мы ихъ найдемъ и закидаемъ шапками“ отозвался полушутя одинъ изъ офицеровъ.

Генералъ-лейтенантъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) Іосифъ Владиміровичъ Гурко, начальникъ передового отряда.

Къмъ стр. 110—111.

— „Тѣмъ болѣе,“ прибавилъ Усовъ съ ироніей: „что и *лгарцы* съ нами.“

Подошедшій въ это время съ своими товарищами пору-кѣ горнаго артиллерійскаго полка Лихачевъ, услыхавъ этотъ онический отзывъ о болгарскихъ ополченцахъ вмѣшался въ зговоръ:

— „Мнѣ кажется, что мы спѣшимъ съ нашими пригово-ами надъ ополченцами-болгарами, утверждая, что, при первой трѣчѣ съ турками, они побѣгутъ; такое мнѣніе ни на чемъ е основано; къ тому же ополченцы еще и не были въ бою. Напротивъ, мы знаемъ, что въ Сербіи, въ прошломъ году, олгаре-доброволцы молодецки дрались съ турками. Что же асается неблагодарности болгарскаго народа, то у насъ еще еньше основанія осуждать его: за что болгарамъ насъ бла-одарить? Что де пришли ихъ освободить? Но мы еще вѣдь ихъ не освободили, а къ тому же и мы знаемъ и болгаре пом-нятъ, что русскіе не разъ приходили ихъ освобождать и затѣмъ нова оставляли ихъ въ рукахъ звѣрей-турокъ. Пока, развѣ а то имъ насъ благодарить, что *„Товарищество Коганъ, Гре-еръ и Горвицъ“* ихъ грабитъ?! А это между тѣмъ факты, гос-пода! Я лично видѣлъ какъ *жиды* — чиновники этой ком-паніи, таскали изъ амбаровъ ячмень, съ полей — сѣно, ничего не заплативъ хозяевамъ...“

Послѣ обѣда было получено извѣстіе, что Тырново взято нашимъ передовымъ кавалерійскимъ отрядомъ и Ополченію было приказано немедленно двинуться впередъ; но, какъ разъ, когда уже мы были готовы выступить, получено было новое приказаніе отъ начальника отряда Гурко ожидать его при-бытія. Ополченію приходилось приготовиться къ встрѣчѣ на-чальника: дружины построились въ одну линію, фронтомъ къ востоку, по дружинно, въ двухъ взводныхъ колоннахъ; обозъ выстроился на лѣвомъ флангѣ. Точно въ 5 часовъ по полудни прибылъ на бивуакъ генералъ Гурко.

Генералъ былъ среднихъ лѣтъ, представительный, высо-каго роста и съ орлинымъ взглядомъ; въ его движеніяхъ виднѣлись энергія, рѣшительность и отвага — качества осо-бенно важныя въ начальникѣ передового отряда.

Генералъ объѣхалъ Ополченіе, здороваясь съ дружинами громкимъ голосомъ, и затѣмъ обратился къ ополченцамъ при-близительно съ слѣдующими словами: „Братцы! Мы идемъ

противъ турокъ, вѣковыхъ враговъ славянъ вообще и болгаръ въ частности. Его Императорское Высочество Главнокомандующій возложилъ на передовой отрядъ, въ составъ котораго входитъ и Ополченіе, первому встрѣтиться съ вашими мучителями турками. Я надѣюсь, ребята, что вы оправдаете надежды начальства и исполните вашъ святой долгъ — наказать своихъ вѣковыхъ враговъ. Выкупимъ же нашей кровью свободу Болгаріи."

Рѣчь генерала перевелъ ополченцамъ подполковникъ Кесяковъ.

Затѣмъ генералъ собралъ всѣхъ офицеровъ и въ краткой, но содержательной рѣчи напомнилъ имъ объ обязанностяхъ и долгѣ къ Отечеству, Вѣрѣ и Престолу, указалъ имъ, что они душа и очи солдатъ и что послѣдніе, глядя на нихъ, берутъ съ нихъ примѣръ.

Послѣ рѣчи генерала, дружины заняли старыя мѣста на бивуакѣ и еще переночевали одну ночь.

Ходили слухи между офицерами, будто генералъ Гурко не остался доволенъ внѣшнимъ видомъ ополченцевъ, равненіемъ и строемъ; нашелъ, что у ополченцевъ сгорбленый видъ, мрачныя лица, нечистые и оборванные мундиры, и потому, будто бы, не возлагалъ большихъ надеждъ на Ополченіе, какъ на войско и рѣшился вводить въ дѣло Ополченіе лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

25-ое іюня. Въ 8 часовъ утра Ополченіе оставило д. Батакъ. Путь лежалъ къ югу, по ровной мѣстности, повсюду покрытой нивами пшеницы и кукурузы, усаженными фруктовыми деревьями, что придавало полямъ видъ садовъ; зрѣющія поля, тучныя пастбища, рощи и встрѣчавшіяся хорошо обстроенныя деревни свидѣтельствовали о благосостояніи населенія. До перехода нашего черезъ Дунай, на этихъ пастбищахъ паслись грамадныя стада овецъ и коровъ, но, какъ говорили жители, черкесы и бѣжавшее мусульманское населеніе отвели большую часть этого скота съ собой.

День былъ нестерпимо жаркій, но ополченцы шли бодро и отсталыхъ не было; они совершенно привыкли къ походамъ и это обстоятельство вызывало удовольствіе у русскихъ офицеровъ: имъ было пріятно отмѣтить, что *братушки* привыкаютъ къ походной жизни и многіе высказывались, что изъ нихъ выйдутъ хорошіе солдаты.

III-я дружина была назначена прикрывать обозъ. Въ 2 часа по полудни мы пришли въ д. Рѣсну, гдѣ и обѣдали; спустя три съ половиной часа отдыха, Ополченіе продолжило путь къ Тырнову.

Въ сумерки разнесся слухъ, что неподалеку, впереди, находятся партіи черкесовъ и башибузуковъ; вслѣдствіе этого были приняты всѣ мѣры предосторожности: патрули сгустили, штыки надѣли на ружья, запрещено было курить и приказано не отлучаться отъ своихъ мѣстъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ и соблюдать полную тишину.

Наступившая ночь была очень темна, въ двухъ шагахъ трудно было что либо различить, но за то на фонѣ этой тьмы рѣзко вырисовывались огненные столбы или зарева отъ горѣвшихъ гдѣто вдали, къ востоку, селеній — тамъ, очевидно, дикія орды башибузуковъ и черкесовъ справляли кровавую и огненную тризну по своимъ павшимъ товарищамъ.

Далѣе, по пути, пошли лѣсомъ, немного подымаясь въ гору: дорога была узка, размыта дождями, отъ чего не только затруднялось движеніе обоза, но и люди постоянно должны были спотыкаться объ обнаженные, торчавшіе изъ-подъ земли, корни деревьевъ. Темнота, общее молчаніе, и ожиданіе встрѣтить на каждомъ шагу противника взвинтили наши нервы и всякій шорохъ заставлялъ насъ озираться вокругъ себя. Стрѣлки, шедшіе съ нами, сбились съ пути и это обстоятельство на нѣсколько времени разстроило походный порядокъ движенія. Къ половинѣ двѣнадцатаго, ночью, вдали засвѣтились огоньки и послышался шумъ воды — это шумѣла р. Янтра: мы подходили къ селу Самоводени; не останавливаясь, прошли это большое село и въ 2—3 верстахъ отъ него, остановились на ночлегъ. III-я дружина расположилась на берегу р. Янтры. Всѣ мы были настолько уставши, что чуть опустились на еще теплую отъ дневнаго жара землю, и тотчасъ же заснули крѣпкимъ сномъ; солдаты спали съ ружьями въ рукахъ.

V.

Стоянка въ Самоводеняхъ. — Генералъ Гурко и стрѣлки. — Встрѣча стрѣлковъ и дружинъ въ Тырновѣ. — Три дня въ Тырновѣ. — Походъ въ Балканы. — Подпоручикъ Ползиковъ. — Въ Хаинъ-Боазскомъ проходѣ. — Болгаре деревни Юртчій. — Отъ Хаинъ-Боаза до Казанлыка. — Угощеніе зейбековъ. — Встрѣча дружинъ въ Казанлыкѣ. — Кто взялъ Шипку? — Тревожныя вѣсти изъ Старой-Загоры. — Отъ Казанлыка до Старой-Загоры. — Казанлыкская минеральная баня. — Эминъ Бей и его гаремъ. — Петко Славейковъ. — Встрѣча дружинъ въ Старой-Загорѣ.

26-ое іюня. Солнце уже взошло, когда меня разбудили; я едва открылъ глаза и чудная картина предстала предо мной: мы находились у сѣвернаго входа въ Тырновскія тѣснины; къ сѣверу отъ насъ лежала холмистая равнина, испещренная полями и деревьями, черезъ которую извивалось лентой Тырново-Рущукское шоссе; отъ него, влѣво, зеленѣли виноградные сады, а вправо — шумѣла Янтра, вѣчно торопящаяся нести свои воды къ сѣверу, въ Дунай.

Тырновскія тѣснины начинаются почти у самаго с. Самоводень; отвѣсныя какъ стѣны, темно-сѣрыя скалы, на разстояніе другъ отъ друга около 2—3 верстъ, высоко поднимаются въ обѣ стороны пути и идутъ далѣе, въ направленіи къ югу, почти паралельно облегая съ обѣихъ сторонъ долину р. Янтры, извивающейся полукругами, береговыя линіи которыхъ то одной, то другой своей стороной какъ бы врѣзываются въ эти скалистыя стѣны, сѣрыя и угрюмыя, почти безъ всякой растительности; кой-гдѣ по долинѣ растутъ одиноко орѣховыя деревья, но чѣмъ далѣе къ югу, растительность становится гуще и по склонамъ, постепенно понижающимся отъ обѣихъ подножій отвѣсныхъ скалъ до уровня береговъ р. Янтры, виднѣются раскошныя рощи тополя, вяза, орѣха и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, въ перемежку съ полянами, покрытыми сочной травой и полевыми цвѣтами. Ближе къ Тырнову, въ уступахъ скалъ, среди рощъ, красовались по обѣимъ сторонамъ пути, одинъ противъ другого, монастыри во имя Спаса-Преображенья и Св. Тройцы.

Солнце уже давно стояло надъ горизонтомъ, но восточная сторона долины все еще дремала въ тѣни почти отвѣсныхъ

лъ; за то на западѣ отъ дороги — все купалось въ живи-
ьныхъ лучахъ утренняго солнца, отражавшихся яркимъ
скомъ на серебристыхъ листьяхъ липовыхъ деревьевъ. Воз-
ъ былъ пропитанъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и медо-
мъ запахомъ липоваго цвѣта; пѣніе соловьевъ и нѣжное
кованіе горлинокъ, сливаясь съ шумомъ р. Янтры, напол-
и пространство гармоничными звуками; все вмѣстѣ въ этой
енней картинѣ производило чарующее впечатлѣніе.

Солнечные лучи начали сильно припекать и предвѣщали
ру не менѣе вчерашней, но мы утѣшали себя мыслью, что
рново было недалеко.

По дорогѣ начали появляться и прибывавшіе намъ на
рѣчу горожане изъ Тырнова, большей частью пѣшкомъ;
овы мужчинъ, какъ и въ Свиштовѣ были повязаны плат-
и и у всѣхъ былъ веселый и смѣющійся видъ.

Наша надежда попасть скоро въ Тырново оказалась
етной. Въ 1½-2 верстахъ отъ Тырново, у скотобоень, вы-
дшія съ ночлега раньше I-ю и II-ю бригады Болгарскаго
олченія встрѣтилъ генералъ Гурко; онъ былъ очень не до-
енъ столь раннимъ прибытіемъ Ополченія и тѣмъ, что
ѣлки запоздали; недоволенъ былъ также и графомъ Тол-
мъ, пришедшимъ съ обозомъ, вопреки приказанію, раньше
едѣленнаго времени. Графъ Толстой по этому случаю
страдалъ больше всѣхъ: онъ получилъ приказаніе вернуться
адъ, а I-й и II-й бригадамъ было приказано остановиться
скотобоень, около которыхъ собралось множество народа
ь города. Когда Ополченіе остановилось, такъ много броси-
ь къ намъ народу, что просто трудно было разойтись по
остатку мѣста; вскорѣ прибыло изъ города и духовенство
хоругвями и знаменами.

При встрѣчѣ ополченцевъ съ ихъ родными и знакомыми
вторились тѣ же сцены радости, что и въ Зимницѣ, но онѣ
ли еще многочисленнѣе и трогательнѣе.

Между тѣмъ, пока ожидали стрѣлковую бригаду, сбив-
юся съ пути, наступила жара и трудно было стоять на
нцѣ; я попросилъ разрѣшеніе у ротнаго командира уйти въ
одъ, которое получилъ, но, на пути, раздумалъ и вернулся
очень ужъ мнѣ хотѣлось войти въ древнюю болгарскую
лицу вмѣстѣ съ Ополченіемъ.

Наконецъ, около $3^{1}/_{2}$ часовъ по полудни, прибылъ генералъ Гурко во главѣ съ однимъ батальономъ стрѣлковой бригады; послѣ четверти часа отдыха, батальонъ, въ предшествіи духовенства, продолжилъ путь въ Тырново; за батальономъ шла 3-я, а за ней всѣ прочія дружины.

Отъ скотобоень до города, дорога была положительно запружена народомъ; но, чтобы дать проходъ батальону и дружинамъ, толпа частью бросилась впередъ къ городу, частью взобралась на придорожные скалы и холмы. У входа въ городъ, съ сѣверо-востока, на небольшой площади были построены рядами дѣти, пропѣвшія пѣснь, которая благословляла и прославляла великаго и могущественнаго Императора Александра II-го — Освободителя. Отъ площади отрядъ пошелъ по единственной въ сѣверной части города кривой и узкой улицѣ; идти было очень трудно, благодаря тѣснотѣ и множеству народа.

Городскія постройки представляли образцы смѣшанной европейской и азіатской архитектуръ; двухъэтажные дома, въ перемежку съ низкими хатами, лѣпились по скаламъ съ одной стороны улицы, а съ другой, какъ бы висѣли надъ отвѣснымъ берегомъ р. Янтры; всѣ домы были украшены болгарскими и русскими флагами, а балконы и окна были увѣшаны коврами, кусками вышитыхъ полотенъ и разными ручными работами; во всѣхъ этихъ окнахъ и на балконахъ было полно людей.

Клики „ура", „да здравствуетъ Императоръ, нашъ Освободитель!" не прекращались; стрѣлки и ополченцы были буквально засыпаны живыми и искусственными цвѣтами, перевязанными широкими лентами, на которыхъ имѣлись разныя надписи, но обязательно на всякой стояли слова: „да здравствуетъ Царь-Освободитель!" Женщины и дѣвушки бросались къ офицерамъ и солдатамъ съ привѣтами, цѣловали имъ руки, а у всадниковъ цѣловали ноги, накидывали какъ на офицеровъ такъ и на солдатъ вѣнки, раздавали имъ вышитые платки, полотенца съ царскими иниціалами, чулки, рубашки и т. п. домашнія работы, солдатамъ подносили водку, вино, хлѣбъ и пр. У всѣхъ на лицахъ были слезы умиленія... Восторгъ и искренность этой встрѣчи не описуемы — трудно было хладнокровно глядѣть на это зрѣлище. Врядъ ли, кромѣ частей войскъ, вошедшихъ въ Свиштовъ 15-го іюня, какой либо иной части выпали на долю болѣе грандіозныя встрѣча и оваціи, чѣмъ оказанныя въ Тырновѣ войскамъ передоваго отряда.

*У Конака**) шествіе остановилось и былъ отслуженъ мо-
лебенъ; знамя III-й дружины было установлено при аналоѣ — на
срединѣ двора. Послѣ молебна, генералъ Гурко поздравилъ
ополченцевъ со входомъ въ древнюю болгарскую столицу:
„Я надѣюсь, сказалъ генералъ, что удержите Тырново, взятое
войсками русскаго Царя!“ Мнѣ было поручено перевести эти
слова Ополченію и народу и рѣчь генерала была покрыта
громогласными и радостными „ура“! Всеобщимъ восторгамъ
болгаръ, казалось, не будетъ конца, да и было чему радо-
ваться: древняя столица впервые увидала болгарскаго солдата,
болгарское знамя, увидала на мѣстѣ, гдѣ хозяйничали кровные
враги четыреста съ лишнимъ лѣтъ, гдѣ мучали оплакивавшихъ
прежнее величіе своихъ царей и славное прошлое своего
народа!

По окончаніи молебна, Ополченіе повели по узкимъ, кри-
вымъ и грязнымъ улицамъ турецкой части города; оттуда по
деревянному мосту чрезъ р. Янтру на ея правый берегъ, гдѣ
на полянѣ, на юго-восточной сторонѣ города, Ополченіе и
расположилось бивуакомъ.

27-ое іюня. День былъ ужасно жаркій; въ воздухѣ полная
тишина — не шелохнется листъ, а солнце жгло все сильнѣе и
сильнѣе. Въ *конакѣ* былъ молебенъ; освящали знамя, данное
IV-й дружинѣ: это знамя было вышито Тырновской горожанкой
Евангели въ самую страшную для болгаръ пору — въ 1876 г.
и дано Горне-Орѣховской повстанской *четѣ;* на немъ красо-
вались слова: „свобода или смерть.“ Эта *чета* была перелов-
лена турками, но знамя какимъ то чудомъ было спасено и
сохранилось. Послѣ этого молебствія нотабли города предста-
влялись генералу Гурко.

Мы вышли изъ *конака* компаніей въ нѣсколько офицеровъ
и отправились искать гдѣ-либо гостинницу, чтобы закусить; но
горожане, переполнявшіе улицы, вмѣсто указаній гостинницы,
наперерывъ ловили насъ и вели въ свои домы на угощеніе;
то же повторялось и съ прочими офицерами и солдатами, про-
ходившими по улицамъ. Едва мы успѣвали выйти послѣ уго-
щенія изъ одного дома, насъ перехватывали хозяева сосѣднихъ
домовъ и тоже вели къ себѣ угощать; такимъ образомъ мы
дѣлали множество визитовъ и вѣроятно ходили бы изъ дома

*) Городской домъ. Пер.

въ домъ, пока не обошли бы всѣхъ гостепріимныхъ тырновцевъ, если бы не заявили, что насъ ожидаютъ на бивуакѣ обязанности службы; такъ, едва къ концу полудня, мы, усталые и изнуренные жарой, отправились на бивуакъ.

Турецкая часть города, чрезъ которую пришлось идти, представляла такую же картину, какъ и въ Свиштовѣ — все было ограблено; пришлось также видѣть поселянъ и горожанъ, разхаживавшихъ по опустѣлымъ дворамъ и лавкамъ. Впослѣдствіи, когда городская дума вступила въ управленіе городомъ, было приступлено къ сбору ограбленного турецкаго имущества и, сколь не было это трудно и почти невозможно, все-таки при думѣ образовался цѣлый складъ прекрасныхъ и дорогихъ вещей, которыя позднѣе раздавались офицерамъ подъ расписки; нѣкоторые изъ офицеровъ набрали столько вещей, что хватило бы для омеблированія средней величины квартиры.

Возвращаясь изъ гостей, мы встрѣтили подошедшіе три батальона стрѣлковой бригады, направлявшіеся къ нашему бивуаку. Но это не были батальоны, а лишь ихъ жалкіе остатки: одна часть ихъ осталась за городомъ лежать на дорогѣ отъ чрезмѣрнаго утомленія; пришедшіе же, какъ солдаты, такъ и офицеры — едва волочили ноги; люди просто садились или ложились по пути, образуя безпорядочную вереницу; картина была непривлекательна и мнѣ невольно вспомнился нашъ походъ отъ с. Руше-де-Веде до с. Богдана.

Сколь ни непріятно было военному наблюдать этотъ безпорядокъ, но, искренно говоря, я чувствовалъ нѣкоторое душевное удовлетвореніе и не пропустилъ случая высказать это тѣмъ офицерамъ, которые злословили ополченцевъ во время упомянутаго перехода въ Румыніи.

Офицерамъ было крайне непріятно смотрѣть на это печальное шествіе батальонныхъ остатковъ:

— „Ишь раскисли! Хоть бы постыдились болгаръ!“ обращались они къ измученнымъ стрѣлкамъ.

— „Что дѣлать, ваше благородіе, никакихъ силъ нѣтъ,“ отвѣчали солдаты.

Горожане очень восторженно встрѣчали усталыхъ воиновъ, предлагая имъ водки, вина, съѣстнаго, а молодежь предлагала услуги отнести аммуницію на бивуакъ.

28-ое іюня. Опять невыносимая жара и духота — предвѣстникъ грозы; и дѣйствительно, по полудни разразилась гроза съ обильнымъ дождемъ; къ вечеру было снова ясно, но и прохладно.

Ополченіе готовилось въ походъ; собирались, очевидно, въ балканы, такъ какъ обозъ былъ оставленъ въ Тырновѣ, а патроны, ротныя кухни, запасы сухарей и проч. навьючили на лошадей; офицерамъ приказано было взять съ собой только самыя необходимыя вещи, а все прочее — оставить въ обозѣ, какъ равно — и излишній солдатскій багажъ; въ каждую дружину были назначены рабочіе для переноски патроновъ.

Послѣ обѣда, я отправился покупать для себя лошадь; — выводили многихъ лошадей, но однѣ мнѣ не нравились, другія не были по карману; наконецъ удалось выбрать одного *гнѣдка* котораго вмѣстѣ съ старымъ черкесскимъ сѣдломъ я купилъ за 75 руб. Я былъ очень доволенъ покупкой, но въ первый же переходъ лошадь оказалась слаба на переднія ноги, такъ что, впослѣдствіи, во время походовъ, при спускахъ съ горъ, приходилось всегда идти пѣшкомъ.

29-ое іюня. Были на именинахъ у дружиннаго командира.

Въ городѣ сильное движеніе — дѣлались приготовленія ко встрѣчѣ Великаго Князя Главнокомандующаго дѣйствующей арміи. Городъ началъ походить на красивый садъ: всѣ дома потонули въ зелени и флагахъ.

Ополченію сегодня были розданы сухари, сыръ и патроны; 30-го, утромъ, предстояло выступить.

Предъ сумерками нѣсколько офицеровъ вышли къ рѣкѣ Янтрѣ, на берегу которой замѣтили группу ополченцевъ; двое изъ нихъ быстро раздѣвались и затѣмъ бросились въ рѣку, откуда, черезъ нѣсколько минутъ вытащили трупъ молодой, 17—19 лѣтъ, турчанки; видно было что несчастная недавно покончила съ жизнью: тѣло было еще свѣжее; шея была украшена ожерельемъ изъ золотыхъ монетъ, а руки — золотыми перстнями.

30-ое іюня. Въ 5 часовъ утра Ополченіе, кромѣ V-ой и VI-ой дружинъ, остававшихся въ Тырновѣ, выступило въ походъ. Приходилось идти черезъ городъ; улицы, не смотря на раннее время, были полны народу; всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи, потому что въ этотъ день предстояла торжественная встрѣча Великаго Князя.

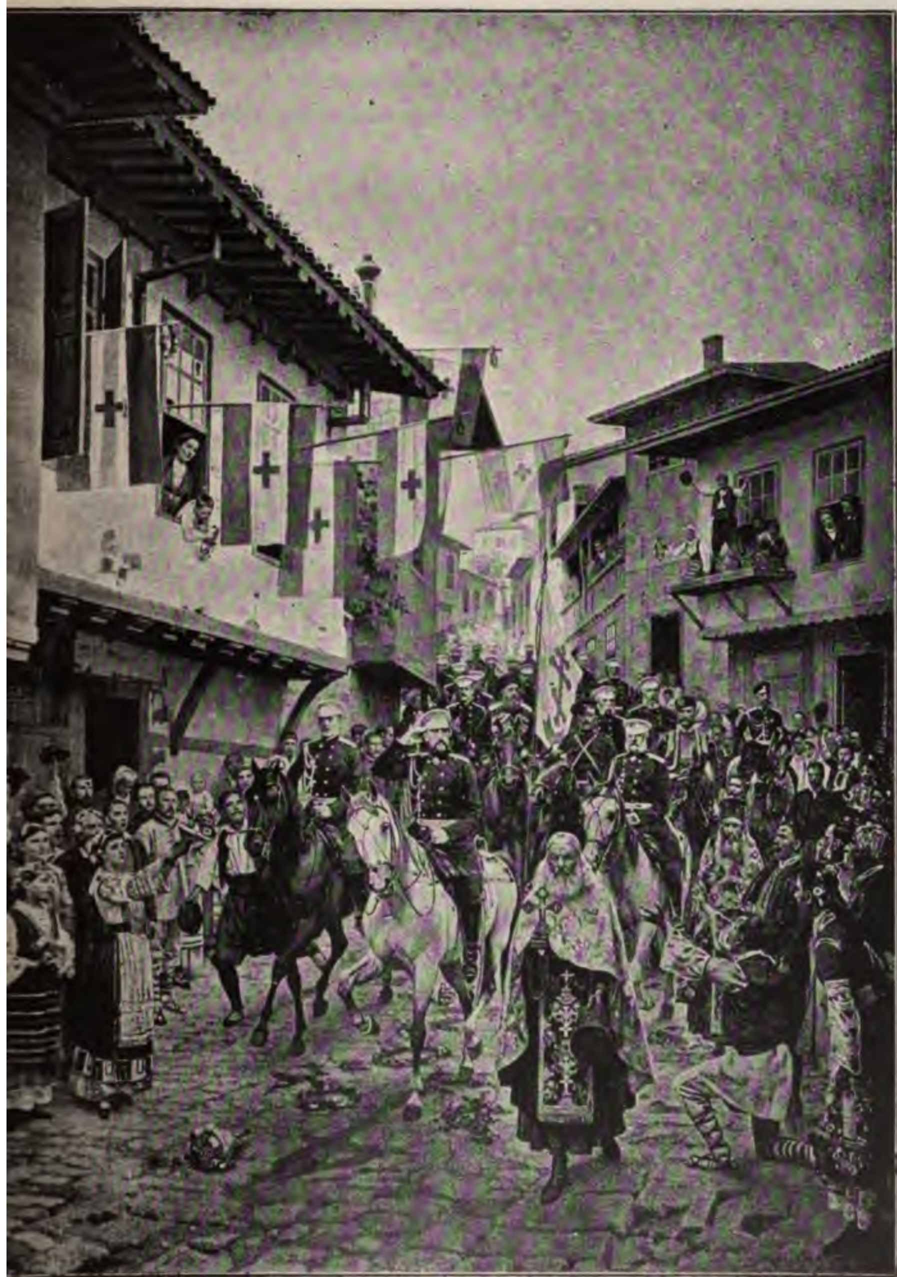
Кромѣ того населеніе желало и проводить Ополченіе, а потому многіе пришли на бивуакъ; повторились тѣ же сцены, что и при встрѣчѣ: солдатъ снабжали провизіей, угощали виномъ, украшали цвѣтами и вѣнками.

Обозы и толпы народа на улицахъ часто заставляли Ополченіе останавливаться; этими-то промежутками и пользовались горожане, чтобы угощать солдатъ. Едва къ 7 часамъ утра Ополченіе вышло на габровскій путь, направлявшійся къ югу отъ города, мимо городского выгона *Марино-Поле*, по лѣвому берегу Янтры, протекавшей паралельно дорогѣ.

Съ южной стороны видъ Тырнова прекрасенъ. Городъ возвышается надъ берегами Янтры амфитеатромъ, почти до гребней скалъ, поднимающихся стѣною надъ городомъ, на уступахъ которыхъ какъ бы усажены одинъ подлѣ другого живописные дома.

Въ 2—3 верстахъ отъ города Ополченіе перешло на правый берегъ Янтры по не совсѣмъ крѣпкому деревянному мосту; до этого моста, внизъ по рѣкѣ расположенъ рядъ мельницъ и одинъ свѣчной заводъ; отъ моста путь шелъ по ровной мѣстности, между огородами; затѣмъ, миновавъ еще одинъ мостъ, дорога поднялась въ верхъ и прямо къ югу, на возвышенное плоскогорье, отъ котораго далѣе раздѣлялась на двѣ: къ западу — въ городъ Габрово и къ востоку — въ городъ Елену. Ополченіе пошло по этому послѣднему пути, поднимаясь постепенно все выше и выше по холмистой мѣстности, сливающейся въ своихъ вершинахъ съ величественными отрогами Балканского хребта.

Пройдя 5—6 верстъ по Еленинской проселочной дорогѣ, Ополченіе немного отдохнуло и затѣмъ направилось въ д. Плаково, гдѣ отдыхали 4 часа; д. Плаково раскинута по теченію небольшой рѣчки *Бѣлицы;* дома чистые и дворы засажены фруктовыми деревьями; вообще въ деревнѣ замѣтна была зажиточность жителей. Въ 4 часа по полудни вышли изъ Плакова. Нѣкоторые изъ ополченцевъ остались въ деревнѣ и теперь догоняли роты; одинъ изъ такихъ ополченцевъ остановился на дорогѣ завязать походную сумку и былъ замѣченъ подпоручикомъ Ползиковымъ. Подпоручикъ пришпорилъ лошадь и въ карьеръ налетѣлъ на ополченца съ ногайкой въ рукѣ. Ополченецъ, вѣроятно изъ чувства самосохраненія схва-



Встрѣча въ Тырновѣ Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміи.

Стр. 120—121.

тъ лошадь за узду; подпоручикъ, не долго думая, вынулъ зольверъ и положилъ на мѣстѣ виноватаго.

— „Молодецъ Ползиковъ!“ говорили нѣкоторые офиры: „съ этими паршивцами такъ и впредь надо поступать, примѣръ другимъ.“

Мнѣ казалось, что лучше было бы предавать въ такихъ учаяхъ виновнаго суду и послѣ приговора, въ примѣръ угимъ, разстрѣливать въ присутствiи всего Ополченiя. А тутъ кой же примѣръ, когда объ этомъ печальномъ случаѣ, на олько помню, не было отдано даже въ приказѣ по Ополнiю.

Отъ д. Плакова путь проходитъ черезъ деревни: Войжу, Райковцы и Поровцы; дорога шла съ горы на гору, резъ долы и ущелья или горные потоки, узкая, мѣстами рывистая и каменистая, и часто — по краямъ пропастей.

— „Этакiе глупые эти Турки!“ говоривали солдаты: „черъ такiя мѣста безъ боя позволяютъ проходить. Вонъ тамъ, рячь одну роту съ обѣихъ сторонъ пути, въ кустарникахъ, и стрѣляй никого не пропуская.“

— „Удивительное дѣло!“ говорили другiе: „турки или гутъ отъ *московцевъ* со страху, или устраиваютъ намъ кую либо западню?“

И въ самомъ дѣлѣ казалось страннымъ: Ополченiе сдѣло уже пять переходовъ отъ Дуная и не видѣло ни одного рецкого солдата, не слышало выстрѣла. Турки отступали изъ кихъ неприступныхъ позицiй, какъ Тырновскiя тѣснины и лканскiе пути! Тырновскiй гарнизонъ, состоявшiй изъ 6-ти боровъ пѣхоты, одной батареи и множества башибузуковъ, къ только русскiй передовой кавалерiйскiй отрядъ выстаилъ два орудiя на высоты надъ городомъ и пустилъ нѣсколько анатъ, безъ боя оставилъ Тырново, между тѣмъ какъ такiя зицiи съ указанными силами можно было защищать съ успѣмъ противъ вчетверо сильнѣйшаго непрiятеля и, своимъ подкомъ, когда угодно, безнаказанно уходить на слѣдующiя, кiя же неприступныя позицiи.

Такимъ образомъ, не уступая ни одной пяди земли безъ я, турки, въ то же время, могли бы изнурять противника, ставляя его постоянно держать силы въ боевомъ порядкѣ, равно, и выигрывать тѣмъ самымъ время, чтобы задержи-

вать наступленіе наше до времени прихода арміи Сулеймана-паши.

Но, какъ бы ни было, болѣе не могло быть сомнѣній, что турки уже близко отъ насъ и слѣдовало ожидать встрѣчи съ ними на каждомъ шагу.

Вечерѣло; III-я дружина шла по ущелью какаго-то горнаго потока; солдаты, хотя и чувствовали себя бодро, но не могли равняться въ рядахъ, вслѣдствіе множества камней, мѣшавшихъ ходу. Я шелъ впереди роты вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ, разговаривая о текущихъ вопросахъ и о злобѣ дня — подвигѣ подпоручика Ползикова.

— „Конечно, я не оправдываю поступка Ползикова," сказалъ мнѣ Поповъ.

— „Ползиковъ безусловно правъ и никто не можетъ осудить его за этотъ поступокъ," вмѣшался шт.-кап. Усовъ.

— „Ну, а ты, если бы замѣтилъ, что ополченецъ отсталъ, поступилъ ли бы такъ же, какъ Ползиковъ?" спросилъ Поповъ.

— „Да, я бы ему порядкомъ отвалилъ!" отвѣтилъ Усовъ.

— „Не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ добровольцами — людьми недисциплинированными, да и кромѣ того, мы не имѣемъ права такъ относиться къ нимъ: что бы было, если бы кто либо изъ нихъ показалъ примѣръ другимъ, повернувъ штыкъ?" спросилъ Поповъ въ полголоса...

Разговоръ этотъ прервалъ заяцъ, перебѣжавшій намъ дорогу;

— „Дурной знакъ!" замѣтилъ Поповъ.

Наступилъ очень темный вечеръ, только свѣтящіеся мотыльки мелькали передъ глазами; въ 11-мъ часу, мы пришли въ поселокъ Поровцы, состоявшій изъ 6—7 дворовъ и около него расположились бивуакомъ; въ сторожевую аванпостную цѣпь была назначена 3-я рота; я былъ дежурнымъ по дружинѣ.

1-ое іюля. Въ 4 часа утра была роздана ополченцамъ говядина и приказано варить пищу въ котелкахъ, но, когда пища была поставлена на огонь, послѣдовалъ приказъ выступать и котелки пришлось выпорожнить; ополченцы такимъ образомъ второй день оставались безъ теплой пищи.

Дорога была еще хуже вчерашней и идти было еще труднѣе; ополченцы растянулись на большое разстояніе, вслѣдствіе чего дружины останавливались почти каждые полъ-часа; къ тому же прошелъ слухъ, что будто у д. Хаинъ-Кіоя стоятъ

10,000 турокъ; слухъ этотъ, впрочемъ, былъ весьма сомнителенъ: къ чему было туркамъ сидѣть въ Хаинъ-Кіоѣ, а не здѣсь, въ балканахъ, гдѣ десятитысячный отрядъ могъ бы преградить путь цѣлой арміи?

Въ часъ дня Ополченіе достигло перевала у турецкой караулки, гдѣ и расположилось бивуакомъ. Приняты были мѣры предосторожности, на случай неожиданнаго появленія непріятеля.

2-ое іюля. Съ восходомъ солнца снялись съ бивуака. Въ авангардѣ шли: I-ая дружина и горная батарея поручика Лихачева.

Вблизи караулки, на самомъ перевалѣ, стоялъ деревянный столбъ, на которомъ проходившіе офицеры записывали свои имена; первымъ было записано имя генерала Рауха*). Спускъ по южнымъ склонамъ балканъ начался у самаго столба. Шагахъ въ трехстахъ, внизъ отъ столба, тянулся столь густой лѣсъ, что не пропускалъ солнечныхъ лучей; дорога въ началѣ была сносная, такъ что по ней могли свободно двигаться войска всѣхъ родовъ оружія, но чѣмъ ниже, тѣмъ путь становился труднѣе проходимымъ; исправленія пути, сдѣланныя саперами и наемными рабочими, были очень незначительны, такъ что для прохода 4-хъ фунтовыхъ орудій требовалось саперамъ еще не мало потрудиться; по пути мы нагнали одну такую батарею и видѣли, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди буквально тащили орудія или переносили на рукахъ, надъ обрывами, при чемъ случалось, что колеса лафетовъ висѣли надъ пропастью, въ воздухѣ, удерживаемыя канатами: малѣйшая неосторожность со стороны солдатъ, державшихъ канаты, и все — орудіе и люди могли бы исчезнуть въ безднѣ.

Балканы здѣсь прекрасны: если тырновскія тѣснины очаровывали своей красотой, — Хаимъ-Боазскій проходъ поражалъ своей грандіозностью: повсюду почти проходъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ; горы, какъ бы соперничаютъ другъ съ другомъ по высотѣ и красотѣ очертаній и причудливости формъ; онѣ прѣдставлялись взорамъ то приближающимися другъ къ

---

*) Генералъ Раухъ находился въ авангардѣ передового отряда; этотъ отрядъ состоялъ изъ 4-й стрѣлковой бригады, четырехъ дружинъ Болгарскаго Ополченія, тридцати одного эскадрона кавалеріи, піонерной команды, двухъ конныхъ батарей и четырнадцати горныхъ орудій.

другу, то какъ бы надвѣшивались надъ пропастями, со дна которыхъ доносился шумъ горныхъ потоковъ, то отбѣгали одна отъ другой, образуя между собою пологіе склоны, поросшіе тѣнистыми деревьями . . . или вдругъ выступали впереди васъ величественными скалами, какъ бы преграждавшими путь, или высились одиноко, какъ бы стража на Балканахъ.

Не смотря на трудность спуска и полное походное вооруженіе, ополченцы шли бодро; эту бодрость они черпали въ надеждѣ скоро встрѣтиться съ врагомъ; у нихъ то и дѣло шли веселые разговоры:

— „Запѣлъ бы я теперь нашу пѣсню: *Страхиль-воевода*, да не позволяютъ!"

— „И за это отомстимъ туркамъ!" слышался отвѣтъ.

— „И куда это турки дѣлись? Нодоѣло идти... кажется что и не доживу до желанной встрѣчи?"

— „Нѣтъ, я не умру, пока не положу пулей нѣсколько красноголовокъ!" отвѣчалъ какой-то ополченецъ.

— „Не пулей, а на штыкъ, на штыкъ слѣдуетъ ихъ нанизывать!" кричалъ какой-то 18-лѣтній юноша, котораго офицеры прозвали *мальчикомъ!*

— „Только дай догнать, я его зубами рвать буду, проклятаго турка!" волновался македонскій болгаринъ.

Наконецъ мы сошли внизъ; дорога стала ровной и шла по лѣвому берегу какой-то рѣчки: на полянѣ, у самой рѣки, въ 2—3 верстахъ отъ с. Хаинъ-Кіоя, мы расположились бивуакомъ.

Раньше насъ спустились съ горъ казаки и уральцы эсаула Кирилова, при чемъ не были замѣчены турками; но когда вышли изъ ущелья близь с. Хаинъ-Кіоя, ихъ встрѣтили турки залпами. Казаки, не теряя времени, бросились на башибузуковъ съ обнаженными шашками и съ пиками на перевѣсъ, свалили нѣсколько человѣкъ, и, прежде чѣмъ турки успѣли опомниться, заставили ихъ отрядъ, въ количествѣ 150 человѣкъ сложить оружіе; между плѣнными оказалось нѣсколько человѣкъ *низама* и жандармовъ; очевидно это были инструкторы башибузуковъ; таборъ *низама*, расположенный въ д. Хаинъ-Кіоѣ, услышавъ выстрѣлы, бѣжалъ къ д. Твердицѣ, оставивъ въ лагерѣ запасы галетъ, риса и другихъ предметовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 10,000 отряда, оказался въ Хаинъ-Кіоѣ всего одинъ таборъ *низама*. Плѣнные были переданы дружинамъ.

Офицерамъ и ополченцамъ было очень обидно явное недовѣріе со стороны генерала Гурко къ Ополченію, котораго онъ не пускалъ впередъ; до перевала дружины были впереди, но, начиная отъ спуска, пущены были впередъ стрѣлки, а дружины остались идти въ тылу.

Мѣсторасположеніе бивуака Ополченія (безъ V-й и VI-й дружинъ, которыя еще не подошли) сильно обдувало холоднымъ балканскимъ вѣтромъ и днемъ и ночью, между тѣмъ какъ полъ километра впереди имѣлась вполнѣ защищенная отъ вѣтровъ мѣстность. Тотчасъ, по остановкѣ, ополченцы начали варить пищу, а офицеры приготовлялись къ чаепитію; въ это время со стороны Хаинъ-Кіоя показались два казака съ ношами — это были трупы ихъ убитыхъ товарищей; они положили ихъ на землю, скрестили имъ руки и снявъ шапки, принялись молиться; мы, смотря издали на эту печальную сцену, тоже принялись молиться объ упокоеніи душъ павшихъ героевъ за освобожденіе порабощенныхъ славянъ, за Вѣру, Отечества и Царя-Батюшку.

— „Вѣчная вамъ память! храбрые борцы!“ шептали молившіеся.

Эта сцена заставила многихъ изъ насъ призадуматься.

3-ее іюля. Находившаяся къ востоку отъ нашего расположенія, на развѣдкахъ, одна сотня уральскихъ казаковъ съ двумя горными орудіями дала знать, что въ направленіи отъ с. Кортена на Новую-Загору показались непріятельскіе разъѣзды, за которыми двигалась пѣхота, и просила прислать подкрѣпленіе; одна за другой были посланы двѣ сотни казаковъ, а въ половинѣ пятаго послѣ обѣда — отправлены были драгунскій полкъ, I-я и III-я дружины и четыре конныхъ орудія. Восторгъ ополченцевъ былъ неописуемъ. Дружины пошли впередъ ускореннымъ шагомъ; пройдя д. Хаинъ-Кіой, повернули прямо къ востоку; мѣстность ровная, но размытая дождями и горными потоками отъ таянія снѣговъ, что затрудняло движеніе; но ополченцы ничѣмъ не затруднялись, они не шли, а, скорѣе, бѣжали къ мѣсту, откуда неслись выстрѣлы.

— „Впередъ ребята, впередъ! Еще немного и окрестимся огнемъ за свободу Болгаріи!“ подбодряли ополченцы другъ друга.

Пушечные и ружейные выстрѣлы, между тѣмъ, то учащались, то становились рѣже и наконецъ стало замѣтно, что ста-

новятся дальше и дальше, хотя мы не шли, а просто летѣли къ нимъ на встрѣчу . . . еще нѣсколько времени и выстрѣлы совсѣмъ замолкли: оказалось, что 400 человѣкъ кавалеріи, 3 табора пѣхоты и 6 орудій — отступили.

— „Чортъ бы побралъ этихъ турокъ, до какихъ поръ они будутъ отъ насъ бѣгать?!“ злились ополченцы.

— „Въ Одринъ, въ Одринъ, братцы, тамъ ихъ найдемъ навѣрное!“ воскликнулъ кто-то изъ солдатъ.

Послѣ небольшого отдыха, дружины вернулись на бивуакъ, такъ и не увидавъ турокъ; вечеромъ было получено донесеніе объ отступленіи упомянутаго выше турецкаго отряда, а послѣ полуночи, вернулись на стоянку и упомянутыя двѣ сотни съ орудіями.

Между тѣмъ, въ то время когда I-я и III-я дружины выступали къ с. Твердицѣ, V-я и VI-я дружины, стрѣлковая бригада и кавалерія, во главѣ съ генераломъ Гурко, направились къ гор. Казанлыку, а при Хаинъ-Кіойскомъ ущельи оставленъ былъ нашъ отрядъ, подъ командой генерала Столѣтова, для прикрытія на случай наступленія турокъ со стороны г. Сливена; отрядъ состоялъ изъ четырехъ дружинъ, четырехъ горныхъ орудій и шести конныхъ сотень и долженъ былъ, по прибытіи къ ущелью другихъ войскъ, выступить.

4-ое іюля. Я ужасно былъ взбѣшенъ: назначили меня конвоировать плѣнныхъ турокъ и больныхъ солдатъ въ Тырново; одна мысль отдѣлиться отъ дружины, да еще ползти по вчерашней дорогѣ, приводила меня въ отчаяніе. Не теряя времени, я отправился къ дружинному командиру и просилъ его ходатайствовать въ штабѣ Ополченія объ отмѣнѣ приказанія, будучи увѣренъ, что тамъ не откажутъ ходатайству подполковника Калитина. Такъ оно и случилось; вмѣсто меня назначили подпоручика I-й дружины Дѣлова; тѣмъ не менѣе всетаки пришлось получить порученіе не по моему характеру — приказано было отправиться съ командой по селамъ за провіантомъ; но все же это было лучше, чѣмъ командировка въ Тырново, такъ какъ я оставался при дружинѣ.

Съ 20 человѣками команды отправился я за провіантомъ; центромъ моей экскурсіи я избралъ с. Юртчіи, въ 6-ти верстахъ отъ стоянки. Когда мы прибыли въ деревню, поселяне было испугались и попрятались, но увидавъ, что это не турки, а

болгаре, вышли къ намъ на встрѣчу; я собралъ ихъ всѣхъ на площади передъ церковью и объявилъ о цѣли моего пріѣзда.

— „Всего довольно далъ Богъ! Все для васъ, вѣдь вы, не турки, а наши, всякое добро найдется!“ говорили поселяне.

Изъ толпы выдѣлились нѣсколько человѣкъ, видно, вліятельныхъ въ деревнѣ, и начали отдавать приказанія:

— „Иванъ, ты принеси войску хлѣба и крупы! Петръ, ты — сыру и масла а ты, Георгій, — барановъ и хлѣба и т. д.

Затѣмъ были посланы люди и въ окрестныя села пригласить жителей доставить „войску“ припасы.

На слѣдующій день, въ опредѣленное время, въ деревнѣ были собраны всевозможные продукты: около 25 барановъ, нѣсколько головъ крупнаго скота и проч. Я никакъ не ожидалъ такихъ результатовъ отъ моей командировки и былъ готовъ предположить, что если бы я потребовалъ въ десять разъ большее количество провіанта, поселяне не задумались бы, исполнить мое требованіе: „все ваше, говорили они, вы насъ избавили отъ турокъ!“

Эти поселяне и не предполагали, сколько имъ еще придется перестрадать, пока они будутъ дѣйствительно избавлены отъ турокъ; впрочемъ, были между ними и скептики: одинъ старикъ, принесшій потребованное отъ него количество провіанта, стоялъ призадумавшись и видимо былъ равнодушенъ ко всему.

— „Ну, что-жь, старина, радуешься ли, что мы освободились отъ турокъ?“ спросилъ я.

— „Радоваться-то я радуюсь,“ отвѣтилъ старикъ: „какъ не радоваться! Только долго-ли продолжится время нашей свободы?“ И затѣмъ старикъ разсказалъ, что въ свои 84 года, онъ не разъ видалъ *„дѣдо-Иванови войски,“* *) дожилъ до четвертой войны и что ему въ послѣдній разъ, 48 лѣтъ тому назадъ, тоже говорили, что болгаре освобождены; но затѣмъ русскіе уходили, а они оставались въ рукахъ бѣшенныхъ турокъ. — „Не правда ли дѣдо Никола?“ спросилъ онъ тутъ же стоявшаго старика: „вотъ онъ на пять лѣтъ старше меня и тоже видѣлъ русское войско.“

---

*) Словами: *„дѣдо Иванъ“* болгаре въ подневолное время называли Россію. Прим. Пер.

Я сознавалъ, что старикъ былъ правъ, но я обязанъ былъ успокоить и его и окружавшихъ и имъ разсказалъ о царской рѣчи въ Зимницѣ, а для большого вѣса, сообщилъ, что я самъ переводилъ ополченцамъ царскія слова; это сообщеніе поразило поселянъ: „Какъ? ты съ Царемъ говорилъ?!“ и услыхавъ подтвержденіе моихъ словъ отъ солдатъ, поселяне не переставали повторять: „Царь сказалъ! онъ съ царемъ говорилъ! значитъ, это правда, что мы освободились.“

Въ половинѣ перваго часа дня, транспортъ съ провизіей тронулся въ Хаинъ-боазъ. Сѣвъ на лошадь, я еще разъ сказалъ поселянамъ: „не бойтесь, что Царь сказалъ то и будетъ исполнено!“

— „Дай Богъ, дай Богъ!“ отвѣчала толпа.

Когда я прибылъ съ транспортомъ на стоянку, III-я дружина смѣнилась съ аванпостной службы и готовилась къ выступленію. Провіантъ частью былъ розданъ ополченцамъ, а частью былъ навьюченъ на лошадей.

Въ это время изъ Казанлыка пріѣхали два казака; они разсказывали, что V-я и VI-я дружины, отправившіяся вмѣстѣ съ 4-й стрѣлковой бригадой въ Казанлыкъ, участвовали въ бою при д. Лаханліяхъ и молодецки дрались.

— „Вы врете и навѣрное вмѣстѣ съ братушками убѣжали съ поля битвы!“ возразилъ казакамъ Живаревъ.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,“ отвѣтили казаки обиженно: „вы и сами увидите, что они хорошо дрались съ турками.“

— „Врутъ они!“ съ досадой настаивалъ Живаревъ.

Нѣкоторые другіе офицеры, впрочемъ, въ клеветѣ на *братушекъ* *) шли еще дальше. Разсказывали, напр., что VI-я дружина убѣжала съ поля сраженія вмѣстѣ съ своимъ командиромъ, подполковникомъ Бѣляевымъ, и тому подобныя вещи. Но не одни ополченскіе офицеры распространяли разныя выдумки противъ *братушекъ*. Подполковникъ Н. командиръ горной батареи объяснялъ свой приказъ никого не выпускать изъ деревни, занятой его батареей, тѣмъ, что де всѣ поселяне болгаре шпіоны. Докторъ Вязанковъ, слышавшій эти слова

---

*) *Братушками* въ шутку русскіе прозвали болгаръ, по поводу обычая у послѣднихъ встрѣчать русскихъ словами: *добрѣ дошли, братушки!*

подполковника Н., энергично потребовалъ отъ него доказать таковое обвиненіе фактами.

— „Откуда же турки могли узнать, что мы спускаемся съ Балканъ, если бы не сообщили болгаре?“ отвѣтилъ подполковникъ.

— „Ну, коли такіе у васъ факты, то я вамъ отвѣчу всѣмъ извѣстнымъ фактомъ,“ сказалъ Вязанковъ: „а именно, что казаки застали турокъ не въ ущельи, а на бивуакѣ, и при томъ, совсѣмъ не ожидавшихъ нападенія; послѣ этого, можно ли утверждать, что турки были извѣщены о нашемъ приходѣ?“

Подполковникъ не нашелся, что отвѣтить и сказалъ, что слышалъ объ этомъ отъ офицеровъ Ополченія.

А сколько было отдѣльныхъ случаевъ несправедливыхъ отношеній къ ополченцамъ со стороны ихъ начальниковъ; такъ напр. одинъ ополченецъ послѣ смѣны съ аванпостовъ, хотѣлъ разрядить ружье и нечаянно выстрѣлилъ; за это онъ былъ наказанъ розгами: „нужно наказывать этихъ негодяёвъ“ подтверждали нѣкоторые офицеры; въ другомъ случаѣ, ополченецъ, бывшій въ караулѣ при обозѣ, жаловался своему начальнику, что обозный солдатъ побилъ его за то, что онъ не позволилъ ему брать съ воза галеты; за это обозному не было сдѣлано даже замѣчанія. — „Экая важность, что заѣхали паршивцу въ морду,“ говорилъ иной офицеръ.

Во время стоянки въ Хаимъ-Боазѣ къ штабу Ополченія, съ разрѣшенія генерала Столѣтова, прикомандировывались разныя неизвѣстныя личности состоять въ свитѣ генерала; были разные отставные юнкера и бывшіе сербскіе солдаты, которые нигдѣ никогда не служили — этотъ народецъ ѣлъ, пилъ, игралъ въ карты и веселился, а часто производилъ и разнаго рода скандалы.

Былъ и такой случай: въ канунъ выступленія изъ Хаинъ-Боаза, привели къ Столѣтову одного турка — старѣйшину какой-то близкой деревни. Генералъ предложилъ турку сѣсть, разговаривалъ съ нимъ полъ часа, приказалъ угостить кофіемъ и табакомъ, затѣмъ, послѣ столь дружественной бесѣды, всталъ и обращаясь къ подчиненнымъ сказалъ:

— „Знаете что? Прикажите-ка его повѣсить . . .!“

Только что вывели этого турка, какъ привели такого же другого.

— „Это что еще?! Прикажите повѣсить и этого!“ воскликнулъ генералъ, и оба турка затѣмъ повисли на веревкѣ.

Вечеромъ, въ 8 часовъ, дружины снялись съ бивуака, оставивъ множество разложенныхъ костровъ; перешли рѣку и направились къ западу по поднимавшейся въ гору дорогѣ; пройдя 2—3 версты, дружины были остановлены и такъ простояли до половины четвертаго утра. Никто не спалъ, ружей въ козлы не складывали и вьюковъ съ лошадей не снимали; это стояніе, вѣроятно, произошло, вслѣдствіе приказанія не оставлять Хаинъ-Боазъ, пока не придутъ ожидавшіяся войска, подъ командой генерала Борейши.

6-ое іюля. Въ половинѣ четвертаго утра тронулись далѣе. Понятно, что послѣ безсонной ночи и простоявъ съ ружьемъ въ рукахъ, ополченцы не чувствовали себя хорошо и усталость должна была обнаружиться во время похода.

Мы шли долиной между балканскимъ хребтомъ и горнымъ массивомъ *Средня-Гора*, придерживаясь ближе къ сторонѣ хребта. Воздухъ былъ душистый и прохладный; солнце еще не успѣло его накалить; соловьи пѣли повсюду, а самая мѣстность — такъ и просилась на полотно, столь была живописна. Въ этихъ мѣстахъ разстояніе между названными горными массивами не превышаетъ 6—10 верстъ, расширяясь къ западу; склоны обоихъ массивовъ покрыты зеленью — садами, рощами и лугами, а самая долина была испещрена нивами, покрытыми частыми рядами хлѣбныхъ копёнъ или зеленѣвшимися полями не созрѣвшихъ еще кукурузы и проса; въ подножьи склоновъ *Средней-Горы* разстилались поляны съ виноградными садами, усаженными фруктовыми деревьями, и красовалась своими изгибами р. Тунджа, орошавшая долину розъ, въ сосѣдствѣ съ которой были видны богатыя села съ красными крышами домовъ и куполами церквей, блестѣвшими подъ лучами яркаго солнца: с. Елхово, затѣмъ къ западу далѣе — цѣлая цѣпь деревень: Козлуджа, Софуларе, Чанакчи, и тутъ же около нихъ, въ равнинѣ — Лаханліи, Яйканліи, Тулово и Черганово, а напротивъ у подножья балканскихъ склоновъ и большое село Маглишъ, какъ разъ на половинѣ дороги между с. Хаинъ-Кіоемъ и Казанлыкомъ.

Жара началась. Я, верхомъ на лошади, ѣхалъ впереди роты. Ополченцы начали отставать и то тамъ, то сямъ усаживались по краямъ дороги; я самъ едва держался въ сѣдлѣ

глаза отъ безсоницы совершенно слипались. Мы подходили турецкой деревнѣ Лаханліямъ, отстоявшей на 2—2½ версты сторону отъ дороги. У меня явилось сильное желаніе увиѣть слѣды упомянутаго выше, позавчерашняго боя съ сильымъ турецкимъ отрядомъ.

— „Можете пойти въ деревню,“ сказалъ подполковникъ литинъ: „но будьте осторожны!“

Приближаясь къ деревнѣ, я подумалъ: и зачѣмъ я иду, а если какой нибудь башибузукъ? . . . Я невольно оглянулся сторонамъ, но тотчасъ же почувствовалъ краску стыда на цѣ предъ собственнымъ малодушіемъ . . .

Въ деревнѣ была ужасная вонь и пришлось затыкать носъ ротъ платкомъ — въ трехъ шагахъ отъ меня лежали вздувіеся и разлагающіеся трупы; кой-гдѣ еще дымились сгорѣвшія ты и видно было пламя горѣвшихъ брусьевъ; повсюду мертя тишина, не видно ни одной живой души; въ садахъ лишь оятъ деревья, отяжелѣвшія отъ созрѣвшихъ фруктовъ, соблазвшихъ глазъ, но видъ труповъ и зловоніе отбивали всякую оту къ ѣдѣ.

Объѣхавъ село, и насчитавъ 5 труповъ, я догналъ друину; солдаты едва шли отъ усталости и безсонной ночи.

— „Ну порядки!“ говорили офицеры: „отъ такой безаберщины мы половину солдатъ перетеряемъ.“

Не были довольны и ополченцы.

Обиліе по дорогѣ воды, которою освѣжали себя, помоло выдержать этотъ утомительный переходъ; наконецъ коекъ доплелись до с. Маглиша и на югъ отъ деревни распожились бивуакомъ, подъ густой сѣнью орѣховыхъ деревьвъ. ерезъ деревню протекаетъ горная рѣчка. Къ сѣверу отъ Маиша виднѣется въ 5—6 километрахъ монастырь Св. Николая.

Мѣстные поселяне начали собираться у бивуака, но дерлись въ сторонѣ и неохотно вступали въ разговоръ. Одинъ ъ стариковъ объяснялъ, на вопросъ о происхожденіи названія аглишъ, что когда-то греки дрались съ болгарами; болгаре нимали эту деревню и греки, пользуясь густымъ туманомъ *агла* — туманъ), напали незамѣтно и разбили болгаръ. Мы ѣ были голодны и спѣшили поѣсть, чтобы скорѣе лечь спать; въ это время поселяне привели къ генералу Столѣтову, расложившемуся близъ III-й дружины, 6 человѣкъ зейбековъ,

убѣжавшихъ изъ турецкаго отряда. Офицеры оставили ѣду и подошли ближе посмотрѣть на плѣнныхъ; въ это время раздались клики: „ау, ау!“ — ополченцы гоняли по бивуаку забѣжавшаго зайца, который со всѣхъ ногъ летѣлъ прямо на меня; ударомъ нагайки мнѣ удалось покончить съ испуганнымъ животнымъ.

— „Это хорошій знакъ!“ говорили офицеры.

Одинъ изъ поселянъ, конвоировавшихъ зейбековъ, разсказалъ генералу, что этихъ плѣнныхъ поймали въ лѣсу, когда послѣдніе стрѣляли въ болгаръ. Зейбеки по турецки говорить не умѣли, но одинъ изъ нихъ на ломаномъ турецкомъ языкѣ объяснилъ, что турки шипкинскаго отряда разбѣжались по Балканамъ, когда онъ и его товарищи были на аванпостахъ; пока генералъ выслушивалъ этого плѣннаго, другіе жадно посматривали на генеральскій завтракъ и наконецъ одинъ изъ нихъ бросился на разложенную закуску и, лежа, началъ спѣшно глотать хлѣбъ, что, какъ у генерала, такъ и у окружавшихъ вызвало къ зейбекамъ состраданіе:

— „Бѣдные, они голодны, надо ихъ накормить!“ и, къ великому неудовольствію поселянъ, генералъ отдѣлилъ отъ своего стола хлѣба и закусокъ для голодныхъ зейбековъ.

Въ то же время подполковникъ Калитинъ сидѣлъ въ рубашкѣ подъ деревомъ, на коврикѣ, а фельдфебель Радушевъ раздавалъ ополченцамъ водку, при чемъ, умудрявшихся выпить двѣ порціи вмѣсто одной, награждалъ добрыми оплеухами, сопровождая удары и нецензурными ругательствами. На этотъ разъ попался на двухъ порціяхъ ополченецъ Атанасовъ, котораго фельдфебель и началъ хлестать по лицу; Калитинъ, вмѣсто того, чтобы наказать фельдфебеля за самоуправство, вскочилъ съ нагайкой и по спинѣ ополченца посыпались удары, и сыпались до тѣхъ поръ, пока тотъ не свалился на землю, послѣ чего дружинный командиръ продолжалъ ему наносить удары каблуками. Въ это время, одинъ изъ саперныхъ офицеровъ увидѣлъ эту сцену, и, не узнавъ Калитина въ рубашкѣ, крикнулъ: „За что вы бьете человѣка, вѣдь убьете его!“ Это обстоятельство избавило Атанасова отъ побоевъ, а офицеръ, на окликъ Калитина: „кто смѣетъ дѣлать ему замѣчанія,“ поспѣшилъ извиниться.

— „Ну, управа!“ замѣтилъ одинъ изъ поселянъ: „турокъ кормятъ, а нашихъ бьютъ до полусмерти.“

Какъ только спала жара, Ополченіе снялось съ бивуака и продолжило походъ къ Казанлыку. По обѣимъ сторонамъ дороги размѣстились розовые сады, а подъ ними выше — табачныя плантаціи; въ 5—6 верстахъ отъ Маглиша, перейдя рѣчку, мы буквально находились въ царствѣ розъ, винограда и фруктовъ, а къ югу отъ этихъ садовъ, — почти трехъ верстную полосу — занимали пажити пшеницы, ржи и ячменя, усѣянныя хлѣбными скирдами.

Въ трехъ верстахъ отъ Казанлыка уже показались его бѣлѣвшіе минареты и затѣмъ, сквозь деревья орѣховой рощи — и разноцвѣтныя трубы домовъ; чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше слѣдовъ недавняго боя: въ виноградникахъ валялись трупы убитыхъ турокъ, заражавшіе воздухъ; въ 500 шагахъ отъ города, среди зелени садовъ, виднѣлась небольшая поляна, а на ней небольшой холмъ, на верху котораго были видны свѣжія могилы подъ сѣнью двухъ большихъ черныхъ деревянныхъ крестовъ — здѣсь были погребены павшіе въ бою, при взятіи Казанлыка.

Хотя мы и не были первыми изъ посѣтившихъ городъ, казанлыкскіе горожане все-таки встрѣтили насъ во главѣ съ духовенствомъ и очень торжественно.

Самая трогательная встрѣча выпала на долю стрѣлковъ и III-й бригады болгарскаго Ополченія; разсказывали, что энтузіазмъ горожанъ былъ неописуемъ, хотя и не было такихъ приготовленій къ встрѣчѣ, какъ въ Тырновѣ.

Въ Казанлыкъ русскіе вошли неожиданно, что называется, на плечахъ турокъ, такъ что переходъ отъ страха къ радости у жителей выразился очень сильно: женщины, какъ были дòма босыя, выбѣжали встрѣчать русскихъ, граждане на глазахъ рвали цвѣты и зелень и усыпали ими войска, тащили ведрами вино, раздавали табакъ, корзинами фрукты и т. п.

У свѣжихъ могилъ были отслужены панихида и молебенъ и затѣмъ, въ предшествіи духовенства, мы направились въ городъ; во время входа въ городъ, поднялась столь сильная буря, что отъ песку и пыли, обжигавшихъ лице до боли, мы ничего не могли видѣть, кромѣ небольшой улицы, которая вела черезъ мостъ, въ турецкую часть города.

Дружины были расположены около западной части города за женскимъ монастыремъ. По приказанію командира, я остался въ городѣ, чтобы получить провіантъ для дружины.

Съ взятіемъ Казанлыка, по распоряженію генерала Гурко, былъ организованъ городской совѣтъ, въ составъ котораго входили и турки. Комендантомъ города былъ назначенъ маіоръ П. Н. Поповъ, а къ нему помощниками — поручикъ Шиваровъ, болгаринъ, родомъ изъ г. Трѣвно, и прапорщикъ Вальднеръ; въ распоряженіи коменданта было оставлено полъ сотни донскихъ казаковъ. Маіору Попову было вмѣнено въ обязанность держать въ страхѣ и повиновеніи турецкое населеніе, прекратить насиліе и грабежи со стороны болгаръ, ввести въ городѣ административное управленіе и принять подъ свой надзоръ всѣ турецкіе склады; въ первые дни трудна была обязанность маіора Попова: онъ былъ и полиціймейстеръ и представитель судебной власти и городской голова и военный комендантъ.

Городской совѣтъ, еще ранѣе моихъ заявленій, озаботился о провіантѣ: я засталъ большія количества хлѣба, масла, сыра и проч., все это было сложено подъ открытымъ небомъ, на площади Кюлъ-Буклукъ; вина и водки было въ изобиліи и хорошаго качества. Дѣятельность городского совѣта была образцова — черезъ нѣсколько дней была даже открыта больница на 200 кроватей.

Сдавъ продукты въ дружину, я, съ разрѣшенія командира, вернулся въ городъ, съ цѣлью остаться переночевать у одного изъ горожанъ, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть отъ похода, и командировокъ за провіантомъ, утомившихъ меня за послѣдніе четыре дня.

Мать хозяина моей квартиры, разговорчивая и добродушная женщина, приняла меня очень радушно; во время ужина, она безъ умолку разсказывала о разныхъ печальныхъ подвигахъ казанлыкскихъ турокъ, объ ихъ грабежахъ и насиліяхъ и проч. Послѣ ужина, на чистой постелѣ я заснулъ какъ убитый.

7-ое іюля. Солнце было уже высоко, когда я проснулся. Послѣ угощенія вареньемъ и кофіемъ я, не смотря на протесты хозяйки, желавшей меня еще угостить завтракомъ, отправился на бивуакъ; тамъ офицеры и многіе солдаты еще спали: ночью была сильная буря и не давала спать спокойно; весь бивуакъ занесло снопами и соломой съ сосѣднихъ пажитей, такъ что онъ походилъ скорѣе на гумно, чѣмъ на военный *лагерь.* Здѣсь я узналъ, что въ бою при Лаханліяхъ было

убито и ранено свыше 400 турокъ и взято много плѣнныхъ, въ томъ числѣ и казанлыкскій каймакамъ; по словамъ послѣдняго, турокъ было пять таборовъ пѣхоты и много регулярной кавалеріи и башибузуковъ, подъ командой Хулуси-паши; съ нашей стороны были ранены два ополченца и нѣсколько человѣкъ контужено, въ томъ числѣ и капитанъ VI-ой дружины Якобсонъ — въ голову.

Подтвердились также и хаинъ-боазскія сообщенія двухъ казаковъ о томъ, что V-я и VI-я дружины молодецки дрались; офицеры обѣихъ дружинъ не могли нахвалиться ополченцами:

— „Никакъ не ожидали, что братушки такъ молодецки будутъ драться,“ говорили они: „бросаются впередъ, какъ угорѣлые, просто любо-дорого было смотрѣть!“

— „Удивительно, и кто бы могъ надѣяться?!“ сконфуженно возражали г. г. Усовы и Живаревы.

— Значитъ, ни ополченцы, ни VI-я дружина не бѣгали съ поля сраженія? переспросилъ я; мнѣ многое кой-что хотѣлось сказать всѣмъ этимъ гонителямъ ополченцевъ, но я воздержался и далъ себѣ слово сдѣлать это послѣ участія въ какомъ либо добромъ бою. Поручикъ V-ой дружины Максютенко, встрѣтившись со мной поздравлялъ меня съ молодечествомъ ополченцевъ.

— „Я былъ увѣренъ, что болгаре будутъ хорошо драться, такъ какъ я ихъ видѣлъ въ дѣлахъ съ турками въ Сербіи; это молодцы и ни въ чемъ не уступятъ нашему солдату,“ говорилъ онъ.

Когда мы пришли въ Казанлыкъ, шипкинская укрѣпленная позиція была уже взята стрѣлковой бригадой и Орловскимъ полкомъ; первая дѣйствовала со стороны южныхъ склоновъ, а второй — съ сѣвера. Разсказывали, что когда 13-й и 15-й стрѣлковые батальоны подошли близко къ турецкимъ позиціямъ, турки выкинули бѣлый флагъ; стрѣлки прекратили стрѣльбу, продолжая наступленіе, но, подойдя къ ложементамъ совсѣмъ близко, были встрѣчены убійственнымъ огнемъ турокъ и были принуждены въ безпорядкѣ отступить, оставивъ на мѣстѣ много раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и солдатъ, надъ которыми турки совершили неслыханныя звѣрства и надругательства: отрѣзывали головы, языки, носы и проч., и даже со спинъ вырѣза́ли ремни, а отрѣзанныя части тѣла вкладывали въ ротъ мученикамъ; но, къ сожалѣнію турки оста-

лись безнаказанны: слѣдующая хитрость спасла шипкинскій турецкій отрядъ отъ рукъ русскихъ; начальникъ этого отряда отправилъ къ генералу Гурко парламентера для переговоровъ о сдачѣ, и въ этотъ промежутокъ времени, пока шли переговоры, защитники неприступной шипкинской позиціи, въ количествѣ 7,000 человѣкъ, разбѣжались по гребню балканскихъ горъ: большая часть ушла въ Калоферъ, а остальные — къ Маглишу.

Между тѣмъ объ этомъ бѣгствѣ никто не зналъ и на шипкинскую позицію были посланы подпоручикъ Максютенко, его братъ, докторъ Пановъ и подпоручикъ Яковлевъ съ санитарной командой для того, чтобы прибрать раненыхъ и похоронить убитыхъ.

Максютенко взошелъ на позицію съ парламентерскимъ флагомъ, но турецкій лагерь оказался пустой; въ это время послышались клики, что турки еще выше, на горахъ; санитары пришли въ ужасъ; на одной изъ вершинъ дѣйствительно показались люди, но оказалось, что это были солдаты Орловскаго полка, во главѣ съ генераломъ Скобелевымъ, который и прибылъ затѣмъ къ турецкой стальной батареѣ полъ-часа позднѣе Максютенки.

Такъ, вопросъ кто занялъ Шипку, или точнѣе, кто раньше пришелъ на Шипку и остался не разрѣшеннымъ; впрочемъ Скобелевъ разрѣшилъ его словами, сказанными имъ Максютенко:

— „Поздравляю васъ, мы съ вами вмѣстѣ взяли Шипку и вы получите награду.“

Но подпоручикъ Максютенко ничего не получилъ, даже и благодарности за то, что шелъ въ турецкій отрядъ, рискуя жизнью.

Когда подпоручикъ Максютенко, по приказанію Скобелева, доложилъ генералу Гурко о прибытіи на Шипку бѣлаго генерала, генералъ Гурко очень разсердился.

Шипкинская турецкая стальная батарея осталась въ рукахъ русскихъ и впослѣдствіе оказала не малую услугу защитникамъ Шипки отъ бѣшеныхъ аттакъ Сулеймана-паши.

Отъ нечего дѣлать, я отправился разсматривать городъ; посѣтилъ женскій монастырь: на дворѣ было нѣсколько свѣжихъ могилъ съ черными крестами и надписью на нихъ: „пав-

имъ въ бояхъ офицерамъ" и слѣдовали имена, между кото-
ыми прочелъ: „полковникъ графъ Роникеръ" и „штабсъ-
апитанъ Шепелевъ." Въ центрѣ двора былъ небольшой храмъ,
вокругъ одноэтажныя жилища монахинь. Изъ монастыря въ
ородъ идетъ единственно прямая улица, проходящая черезъ
ентръ города и заканчивающаяся площадью Кюлъ-Буклукъ,
а которой къ востоку начинается турецкій кварталъ. Въ этомъ
варталѣ было не то, что въ Тырновѣ и Свиштовѣ: домы и
авки не были разграблены и турки оставались на мѣстахъ;
ъ первый день взятія города, во время сраженія, и тутъ было
ачались насилія, но, благодаря распорядительности военныхъ
ластей, таковыя были немедленно прекращены; сгорѣли лишь
ѣсколько турецкихъ и болгарскихъ лавокъ и то ихъ подожгли
ами турки, только бы не досталось добро гяурамъ. Турки
вободно расхаживали по городу и особенно любили соби-
раться группами у воротъ своихъ домовъ и о чемъ-то бесѣ-
довать; при видѣ военныхъ, они прекращали разговоръ, склады-
вали руки на груди и съ покорностью смотрѣли въ землю,
но въ груди у нихъ, несомнѣнно, кипѣли вражда и ненависть.
Г. Казанлыкъ производилъ впечатленіе зажиточнаго и благо-
денствующаго города; улицы и дома чистые, дворы засажены
фруктовыми садами; на всѣхъ улицахъ, по обѣ стороны,
устроены канавки съ чистой горной ключевой водой, а также
въ дворахъ домовъ; окрестности полны розовыми садами
виноградниками, или богатыми черноземомъ полями. По-
завтракавъ въ гостинницѣ Георгія Х. Томова, въ полдень я
отправился на бивуакъ.

По пути я встрѣтилъ кучку дѣтей, смотрѣвшихъ въ щели
закрытыхъ воротъ и кричавшихъ: „турки здѣсь, турки здѣсь!"
Когда перелѣзли черезъ заборъ и отворили ворота, внутри
дворъ оказался пустымъ и грязнымъ; по срединѣ стояло полу-
разрушенное зданіе, въ родѣ большого сарая; двери были
заперты и ихъ пришлось выломать; въ сараѣ былъ складъ;
все помѣщеніе было переполнено палатками, мундирами, су-
харями и другими предметами для военныхъ надобностей; въ
глубинѣ сарая, въ темномъ углу, съежившись, сидѣли нѣсколько
турецкихъ солдатъ и дрожали отъ страха, и лишь послѣ нѣ-
сколькихъ моихъ успокоительныхъ словъ, они объяснили, что
остались здѣсь, потому что не знали и не видали, когда ихъ
отрядъ ушелъ изъ Казанлыка.

Я донесъ кому слѣдуетъ обо всемъ и отправился на бивуакъ; здѣсь устраивали палатки, въ ожиданіи приближавшагося дождя.

Отъ дружины была отправлена одна рота на аванпосты къ сѣверо-востоку отъ города.

Не успѣлъ я заснутъ какъ слѣдуетъ, часовъ около двѣнадцати, въ дружинѣ была произведена тревога, а съ аванпостной цѣпи слышались ружейные выстрѣлы, вскорѣ, впрочемъ прекратившіеся. Оказалось, что двое турецкихъ солдатъ, вѣроятно изъ разбѣжавшагося шипкинскаго отряда, хотѣли пробраться въ городъ, но, не смотря на темноту, были замѣчены часовыми, и на опросы послѣднихъ отвѣчали выстрѣлами, на которые часовой и подчасокъ отвѣтили тоже огнемъ; послѣ чего турки удалились.

8-ое іюля. Послѣ смѣны съ аванпостовъ, ротный командиръ разсказывалъ, что на мѣстѣ ночной перестрѣлки нашелъ 6 гильзъ отъ патроновъ ружей *Пибоди-Мартини* и замѣтилъ слѣды крови — обстоятелство, указывавшее, что ополченцы и въ темнотѣ не тратили зарядовъ даромъ.

Выше я упомянулъ, что шипкинскій турецкій отрядъ разбѣжался и потому въ казанлыкской долинѣ часто встрѣчались вооруженные и безъ оружія солдаты этого отряда, преимущественно арабы; при встрѣчахъ съ нашими разъѣздами или поселянами, они сдавались безъ сопротивленія. Кромѣ этихъ солдатъ по всей долинѣ скитались многочисленныя шайки башибозуковъ, угрожавшія путникамъ не только въ селахъ, но и даже въ окрестностяхъ города, и производившія нападенія какъ на поселянъ, такъ и на наши разъѣзды. Жертвой такихъ нападеній былъ полковникъ графъ Роникеръ; онъ съ сотней казаковъ 5 іюля, днемъ, проѣзжалъ мимо хассовскаго лѣса въ 3—4 верстахъ отъ Казанлыка; неожиданный ружейный залпъ изъ лѣсу свалилъ графа и нѣсколькихъ казаковъ. Это разбойническое нападеніе возмутило и рускихъ и болгаръ и послѣдніе рѣшились уничтожить всѣхъ извѣстныхъ турецкихъ кровопійцъ, во главѣ съ казанлыкскимъ каймакамомъ, какъ въ городѣ такъ и въ его окрестностяхъ. Этотъ каймакамъ, какъ говорили, своими грабежами и убійствами повергъ въ трауръ весь уѣздъ. Намѣреніе болгаръ было бы исполнено, если бы русскія военныя власти не предупредили этого кровопролитія; но, ради нравственного удовлетворенія жителей,

каймакамъ былъ арестованъ а равно и нѣсколько разбойниковъ турокъ, по указанію жителей. Часть арестованныхъ была повѣшена, другіе содержались подъ стражей.

Сегодня одинъ изъ ротныхъ командировъ потребовалъ изъ ротной кухни щей, которые оказались гораздо вкуснѣе супа, приготовлявшагося въ офицерской столовой. Изъ харчевого солдатскаго оклада въ $2^1/_2$ копѣйки золотомъ и 25 коп. нашимъ серебромъ, еще въ Румыніи приготовлялся вкусный солдатскій обѣдъ, здѣсь же, гдѣ припасы населеніе отпускало въ изоболіи и хорошаго качества, столъ былъ не только лучше, но вкуснѣе и питательнѣе; кромѣ того въ дружинѣ образовались большія экономическія суммы.

Однажды дружинный командиръ замѣтилъ адъютанту подпоручику Поликарпову, что онъ не точно ведетъ вѣдомость людямъ и выразилъ боязнь, чтобы ему, благодаря этой неаккуратности, не пришлось платить изъ кармана.

Адъютантъ увѣрялъ командира, что послѣдній изъ кармана платить не будетъ, потому что экономическія суммы велики и что могутъ покрыть въ десять разъ большія передержки:

— „Мы уже болѣе 10 дней не платимъ ни одной копѣйки на дружину, а окладъ на продовольствіе людей и лошадей получаемъ исправно,“ продолжалъ адъютантъ: „что же касается вѣдомости людей, то таковая составлена невѣрно еще въ штабѣ, въ бытность нашу въ Плоэштахъ, и эти ошибки въ вѣдомостяхъ никогда не поправятъ.“

— „Что вы болтаете?“ перебилъ подполковникъ: „провѣрьте-ка вы лучше вѣдомость!“

— „Я говорю сущую правду г-нъ подполковникъ!“ спокойно отвѣтилъ Поликарповъ.

Отчетность по продовольствію дружины вмѣстѣ съ оправдательными документами была очень простая. Расходы оправдывались наличнымъ числомъ людей и лошадей; напримѣръ: согласно приказу по дружинѣ, 8 іюля числилось по дневнику 500 ополченцевъ и 40 лошадей и получались на нихъ деньги по разсчету на человѣка — въ день $2^1/_2$ копѣйки золотомъ и 25 коп. серебромъ и на лошадъ въ день по 1 руб. 25 коп.; оправдательнымъ документомъ на расходъ этихъ денегъ служилъ только тотъ же дневникъ ополченцевъ; эти деньги командиръ могъ или раздать ополченцамъ на руки, что иногда и

дѣлалъ, или отчислить въ экономическія суммы дружины, лишь бы ополченцы и лошади были сыты.

Прочія воинскія части продоволствовались чрезъ интендантство и *„Товарищество Когана, Грегера и Горвица“* и разныхъ подрядчиковъ; послѣдніе, а особенно упомянутое *товарищество* просто грабили населеніе посредствомъ легіона своихъ служащихъ — жидковъ, нахально носившихъ офицерскія фуражки съ кокардами; къ удивленію, этимъ жидамъ давали еще въ распоряженіе и казаковъ. Благодаря этому ка зачьему конвою, жиды обращались съ населеніемъ начальническимъ и оффиціальнымъ тономъ и послѣднее было вполнѣ убѣждено, что они — *„царскіе люди“* и въ точности исполняло ихъ требованія, а если не исполняло, то эти жиды пускали въ ходъ казацкую нагайку. 8-го іюля, одинъ изъ такихъ *оффиціальныхъ жидовъ,* въ сопровожденіи конвоя въ 10 казаковъ, явился и въ Казанлыкъ и оттуда отправился по сосѣднимъ деревнямъ, требуя отъ населенія свозить къ нему фуражъ: овесъ, ячмень, сѣно и пр. Простодушное населеніе въ точности исполняло эти требованія въ полной увѣренности, что это дѣлается по повелѣнію русскаго Царя!..*)

Неутѣшительныя вѣсти шли изъ Сторой Загоры; сегодня были получены два письма отъ тамошнихъ жителей, изъ которыхъ одно, по адресу *Главнокомандующаго войсками казанлыкскаго раіона,* было слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь!

Извините, церемоніи у насъ теперь невозможы. Умоляемъ Васъ во имя Креста и Пр. Богородицы, поспѣшите посылкой подкрѣпленій для защиты нашего города. Мы имѣемъ положительныя данныя и есть вѣрные признаки тому, что если помощь не прибудетъ въ кратчайшее время, то нашъ городъ станетъ жертвой губительнаго гнѣва сбѣсившихся, благодаря событіямъ въ Казанлыкѣ, мусульманъ.

*) Переводчику этой книги извѣстны возмутительные факты грабежа населенія въ войну 1877 78 годовъ: Жиды тащили съ населенія все и гдѣ что могли, не заплативъ ни гроша, и потомъ за все получили съ русской же казны деньги; но еще возмутительнѣе была та наглая ложь среди бѣла дня, на глазахъ русской арміи, съ которою эти жиды являлись и въ городахъ и въ селахъ въ качествѣ *царскихъ,* какъ они себя величали, чиновниковъ.

Здѣшнимъ властямъ мы не довѣряемъ; но если они и ренни и благонамѣренны, все же не будутъ въ силахъ насъ цитить.

От имени всѣхъ жителей христіянъ.“

Другое письмо отъ тѣхъ же жителей адресовано было казанлыкскимъ болгарамъ:

„Досточтимые господа, сосѣди и пріятели, кому изъ васъ ıадетъ это письмо въ руки, если у васъ болитъ сердце о ıихъ единовѣрцахъ и сонародникахъ, то найдите средство тавить приложенное къ сему письмо *Главнокомандующему* скими войсками въ вашемъ городѣ и съ своей стороны іте ему понять, а это и сущая правда, что съ нынѣшняго ›а мы находимся въ большой опасности; если въ эту ночь ı на завтрашнее утро не прибудетъ русское войско въ городъ, ›бы защитить христіанское населеніе, то насъ ожидаетъ участь страдавшихъ и перебитыхъ нашихъ братьевъ въ Ени-Загрѣ.

За многихъ другихъ и за всѣхъ вашихъ друзей подписали:

С. Х. Тодоровъ, Г. Стоевъ и Славейковъ.“

9-ое іюля. Въ 10 ч. утра I-я, II-я, III-я и V-я дружины шли изъ Казанлыка; VI-я дружина была отправлена въ Тырво конвоировать плѣнныхъ, а IV-я дружина, во главѣ съ мандиромъ бригады княземъ Вяземскимъ, оставлена охраъ шипкинскій перевалъ.

III-я дружина пошла проселочной дорогой между шоссе ı. Черганово. Въ 3 верстахъ отъ Казанлыка, вправо отъ доги виднѣлись постройки казанлыкской минеральной бани. вдалекѣ отъ с. Маглишъ, мы вышли на старозагорское шоссе, ошли мимо черкесской деревни Тулово и затѣмъ къ югу него, въ туловскомъ лѣсу, остановились на короткій отхъ, подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ и буковъ. Послѣ отдыха правились далѣе: перешли р. Тунджу по крѣпкому каменıу мосту и прибыли въ мѣстность, гдѣ находилась *Чанакская минеральная баня;* эта баня была расположена у подкія *Срѣдней Горы,* въ довольно сыромъ мѣстѣ; тутъ мы ались на ночевку. Большинство офицеровъ воспользовались чаемъ и выкупались. Самое зданіе бани походило на тукую мечеть и было загорожено высокой каменной стѣной. внутрь зданія бани надо было пройти черезъ узкую дверь ıебольшія сѣни, за которыми слѣдовало круглое сводчатое

помѣщеніе, въ центрѣ коего устроенъ, глубиною въ 20 аршинъ, квадратный бассейнъ, устланный плитами бѣлаго мрамора; помѣщеніе это освѣщалось сквозь небольшія отверстія, сдѣланныя въ глубинѣ сводовъ. Вода была горячая, но имѣлся и кранъ съ холодной водой для охлажденія. Въ бассейнѣ столько было грязи, что четыре часа пришлось употребить, пока все было вымыто и бассейнъ наполненъ свѣжей водой. Раздѣваться приходилось тутъ же у бассейна, такъ какъ другихъ комнатъ не имѣлось.

10-ое іюля. Съ разсвѣтомъ мы были уже готовы къ выступленію, но, спустя немного, получилось приказаніе оставаться тутъ же и на дневку. Это обстоятельство послужило матеріаломъ для разныхъ толковъ. Говорили, что Сулейманъ паша идетъ изъ Черногоріи съ 45 тысячной, закаленой въ бояхъ съ ченогорцами арміей, и потому предполагалось, что мы вернемся на Шипку и тамъ будемъ поджидать турокъ; другіе — что будемъ ожидать подкрѣпленій и, по приходѣ таковыхъ, двинемся впередъ. Во всякомъ случаѣ всѣ были увѣрены, что мы наканунѣ столкновенія съ турками и что этому столкновенію пришла наконецъ пора, такъ какъ почти всю Болгарію въ ширь уже прошли, а арміи турокъ еще не было видно.

Къ востоку отъ минеральной бани, въ 2 верстахъ, находилась турецкая деревня Чанакчи, населеніе которой разбѣжалось еще тогда, когда были заняты русскими сосѣднія села Яйканліи и Аханліи.

Передъ обѣдомъ генералъ Столѣтовъ, въ сопровожденіи ординарцевъ и кавалеристовъ отправился въ д. Чанакчи; офицеры сообщали, что генералъ нашелъ деревню совершенно пустой, и, замѣтивъ пасущихся десятка два буйволовъ, приказалъ пригнать это стадо на мѣсто стоянки и раздѣлить поровну между дружинами, что и было исполнено.

Въ эту дневку былъ наказанъ ополченецъ Яко — родомъ сербъ: выпивши, онъ отправился на возвышенность и оттуда началъ упражняться въ стрѣльбѣ, избравъ цѣлью деревню, какъ разъ въ то время, когда генералъ Столѣтовъ былъ тамъ.

11-ое іюля. Слухъ будто Сулейманъ паша наступаетъ съ своей арміей къ Старой Загорѣ не подтвердился, такъ какъ наши разъѣзды не открыли присутствія турецкихъ войскъ;

ротивъ, изъ Старой Загоры было получено извѣстіе, что ту-
кое населеніе вмѣстѣ съ болгарами перепуганы и намѣрены
равить депутацію къ начальнику передоваго отряда съ
сьбой скорѣе занять городъ.

Это извѣстіе впослѣдствіи подтвердилось: турки и болгаре
имно боялись другъ друга и потому требовали скорѣйшаго
хода русскихъ войскъ. Такимъ образомъ, мы продолжили
тупленіе къ Старой Загорѣ. Путь отъ минеральной бани
лъ къ югу и по одному изъ сѣверныхъ склоновъ *Средней
ры;* немного выше отъ нашей стоянки, около дороги, мы
дали турецкую сторожевую будку, разведенный около нее
теръ и на кострѣ трупъ турецкаго жандарма: оказалось онъ
ѣлялъ въ нашихъ казаковъ; его убили, и, чтобы не во-
ю тѣло, бросили въ огонь. Выше сторожевой будки, на хол-
стой возвышенности, Ополченіе было встрѣчено населеніемъ
Дервента, во главѣ съ духовенствомъ, при чемъ мѣстный
итель сказалъ прочувствованную благодарственную рѣчь.

Отсюда дружинный командиръ отправилъ меня впередъ
Старую Загору принять нужный для дружины провіантъ.

Шоссе, по которому я ѣхалъ въ Старую Загору, шло по
катистому, оканчивавшемуся обрывомъ, берегу глубокаго
ла, на днѣ котораго протекала небольшая рѣченка; путь
лъ столь узокъ, что едва могли разъѣхаться два воза; надъ
мъ доломъ, на покатистой плоскости, расположено село
рвентъ; къ югу, нѣсколько далѣе, виднѣлась конусообразная
ршина какой-то горы. Дорога по краю дола, поднимаясь въ
алѣ постепенно къ югу, затѣмъ понижалась, сходя въ до-
ну старозагорскаго ущелья, по которому текла рѣчка Бе-
ка, принявъ воды упомянутой выше рѣченки; дорога шла
лѣвому берегу рѣчки, возвышаясь надъ ней въ иныхъ мѣ-
хъ до 20 и 30 аршинъ; въ такихъ мѣстахъ путь становился
е уже; далѣе, дорога, переходя то на одинъ, то на другой
регъ рѣчки, понижалась вплоть до мѣстности, въ 2-хъ вер-
хъ отъ города, называемой *Бешъ бунаръ,* на которой на-
дится фонтанъ воды съ пятью кранами, а около него —
стоялый дворъ; вблизи послѣдняго, по рѣкѣ, виднѣлись
тыре мельницы, а дальше — еще три.

По пути черезъ ущелье, я не встрѣтилъ ни одной живой
ши, и только на постояломъ дворѣ увидалъ двухъ болгаръ,
ивѣтствовавшихъ меня словами *добрѣ дошелъ.*

Отъ постоялаго двора дорога постепенно поднималась къ верху возвышенности, съ которой открывался видъ на Старую Загору, расположенную у самаго подножья склоновъ *Средней Горы* и скрывавшуюся среди фруктовыхъ деревьевъ, на зеленомъ фонѣ которыхъ виднѣлись крыши домовъ, а надъ ними въ нѣсколькихъ мѣстахъ возвышались купола церквей и башенки минаретовъ; за городомъ, къ югу, белѣло адріанопольское шоссе, терявшееся въ дали среди зелени рощъ.

Чѣмъ болѣе я приближался къ городу, тѣмъ болѣе меня поражала мертвая тишина вокругъ; войдя въ городъ, впечатлѣніе одиночества усилилось и мной овладѣло тревожное чувство, напомнившее мнѣ д. Батакъ; я подвигался впередъ по улицамъ, жадно ища кого-либо встрѣтить, чтобы узнать мѣсто городского дома, какъ въ это время ко мнѣ стремительно подбѣжалъ съ обритой головой и съ чубомъ на темени турокъ и остановившись въ пяти шагахъ отъ меня и скрестивъ руки, проговорилъ:

— „Аманъ, господинъ, паша и его гаремъ находятся въ опасности; паша увидѣлъ васъ изъ окна и послалъ . . .“

— Я, не дождавшись конца рѣчи, пришпорилъ лошадь и подъѣхалъ къ дому паши; отворяя калитку, я столкнулся лицемъ къ лицу съ ополченцемъ I-ой дружины С. Мозаковымъ.

Онъ велъ подъ уздцы сѣраго арабскаго жеребца, осѣдланнаго дорогимъ съ серебренной и золотой чеканкой сѣдломъ и такой же уздой. За Мозаковымъ шелъ чисто одѣтый въ европейскій костюмъ турокъ, блѣдный съ скрещенными руками, какъ бы присужденный къ смерти.

На мой вопросъ, этотъ ополченецъ, знакомый мнѣ еще въ Россіи, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, отвѣтилъ, что жеребца онъ взялъ себѣ и совѣтовалъ мнѣ сдѣлать тоже самое:

– „Въ конюшнѣ у паши много добрыхъ коней,“ обратился онъ ко мнѣ: „теперь какъ разъ время тебѣ воспользоваться и обмѣнять твоего хромого осла.“

Въ отвѣтъ на это предложеніе я приказалъ ему оставить лошадь и отправиться въ роту, изъ которой онъ навѣрное безъ спросу отлучился, такъ какъ I-я дружина была еще далеко. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій Мозаковъ наконецъ исполнилъ мой приказъ, оставилъ лошадь и ушелъ.

— „Эффенди, поспѣшите на верхъ къ пашѣ, тамъ вооруженные люди . .“ спѣшилъ мнѣ сообщить молчавшій все времъ турокъ.

На верху, въ сѣняхъ, меня встрѣтилъ пожилой средняго роста турокъ, въ элегантномъ европейскомъ платьѣ и въ фескѣ, блѣдный и съ конвульсивно подергивавшимся лицомъ. Это былъ паша Эминъ Бей; онъ меня благодарилъ за спасеніе своей жизни и просилъ скорѣе пойти въ гаремъ, гдѣ находились вооруженные болгаре; но прежде, чѣмъ мнѣ войти въ гаремъ, болгаре успѣли удрать черезъ задніе дворы и я засталъ лишь дрожащихъ, какъ осиновые листы, турчанокъ, безъ покрывалъ, сбившихся въ кучу въ углу комнаты, и, конечно, поспѣшилъ оттуда выйти.

Оказалось, что 25 человѣкъ болгаръ, старозагорскихъ горожанъ, вооруженныхъ кинжалами и револьверами, полонили конакъ паши, но мой приходъ помѣшалъ имъ похозяйничать. Эминъ Бей не находилъ словъ какъ меня благодарить за избавленіе отъ, можетъ быть, слишкомъ преувеличенной опасности; дѣлалъ мнѣ намеки, что онъ богатъ и готовъ къ моимъ услугамъ, предложилъ мнѣ въ подарокъ того самаго жеребца, что уводилъ Мозаковъ и считалъ что таковой мнѣ принадлежитъ по праву; но взамѣнъ, выслушалъ отъ меня заявленіе, что въ никакихъ благодарностяхъ я не нуждаюсь и что я лишь исполнилъ свой долгъ; тѣмъ не менѣе, я не могъ отказаться отъ предложеннаго мнѣ угощенія кофіемъ и шербетомъ и затѣмъ вышелъ изъ дому паши.

На улицѣ уже появились въ разныхъ мѣстахъ сновавшіе люди; не успѣлъ сдѣлать я и ста шаговъ, какъ меня вновь пригласили *спасать* кого-то въ другомъ мѣстѣ, но я долженъ былъ отказаться, такъ какъ надо было прежде всего исполнить возложенное на меня порученіе.

Видно было, что жители не ожидали прихода Ополченія и какъ турки, такъ и болгаре, сидѣли запершись въ своихъ домахъ, и лишь самые отчаянные изъ болгаръ, должно быть провѣдавъ, что Ополченіе близко, бросились мстить своимъ мучителямъ.

Какъ я указалъ раньше, взаимная ненависть и страхъ, вслѣдствіе неизвѣстности чьё войско придетъ раньше, заставили и болгаръ и турокъ воздержаться отъ насилій и требовать скорѣйшаго занятія города русскими. Когда стало извѣстно, что

послѣдніе заняли Казанлыкъ, избранъ былъ даже, въ цѣляхъ охраны спокойствія, городской совѣтъ изъ болгаръ и турокъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго учителя и поэта П. Славейкова; этотъ совѣтъ отправилъ даже депутацію въ Казанлыкъ съ приглашеніемъ русскимъ занять городъ. Но подъ этимъ внѣшнимъ согласіемъ кипѣла такая взаимная ненависть, что малѣйшаго повода было достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю междоусобій.

Въ городскомъ домѣ я засталъ весь составъ совѣта — всѣ сидѣли на диванахъ, по турецки, въ большой залѣ, со множествомъ оконъ; при моемъ появленіи, всѣ встали; болгаре сняли шапки, взяли ихъ подъ мышки и скрестили руки, турки сдѣлали рукой привѣтъ (селямъ) и, тоже скрестивъ руки, опустили покорно очи долу. Славейковъ привѣтствовалъ меня словами: *добрѣ дошелъ;* ему можно было дать лѣтъ за 50, полный, съ кругловатымъ, краснымъ и симпатичнымъ лицемъ; глаза живыя и выразительныя, волосы кудрявые, съ просѣдью. Когда я сѣлъ на поданный стулъ, тогда турки, прикладывая руку къ сердцу, ко лбу и затѣмъ къ груди, поочередно начали меня привѣтствовать. „Это такой обычай у нихъ,“ сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта, видя мое недоумѣніе. Я объяснилъ цѣль моего посѣщенія; „все готово“ въ одинъ голосъ отвѣтили болгаре; въ потвержденіе словъ болгаръ, турки прикладывали руку къ сердцу и кивали въ стороны головой.

— „Мы знали, что придетъ Ополченіе, но не знали дня прихода,“ сказалъ Славейковъ.

Узнавъ отъ меня, что Ополченіе вскорѣ прибудетъ, болгаре оживились.

— „Какъ идутъ дѣла у васъ?“ спросилъ я Славейкова, выходя съ нимъ изъ комнаты.

— „Много мы натерпѣлись страху и, слава Богу, что идетъ войско, иначе турки бы насъ перерѣзали!“ отвѣтилъ Славейковъ.

Славейковъ по выходѣ не былъ уже похожъ на Славейкова въ совѣтѣ; онъ какъ то выросъ, высоко поднялъ голову и глаза его горѣли.

Изъ городского дома я вернулся къ ущелью, чтобы встрѣтить дружину; проходя по городу, я замѣтилъ большую чистоту на улицахъ; также какъ и въ Казанлыкѣ, по краямъ улицъ текли ручейки чистой воды, освѣжавшей воздухъ.

У большей части лавокъ были устроены рѣшетчатые навѣсы, покрытые вѣтвями росшей тутъ-же виноградной лозы; вообще весь рынокъ имѣлъ веселый и красивый видъ, но улицы, какъ и въ другихъ городахъ, были кривыя и дурно мощены. Теперь въ городѣ уже было большое движеніе — жители узнали что Ополченіе подходитъ.

Около *Бешъ-Бунара,* Ополченіе было встрѣчено городскимъ совѣтомъ, а у входа въ городъ — множествомъ народа, во главѣ съ духовенствомъ. Въ церкви во имя Св. Димитрія было отслужено молебствіе, говорились рѣчи, и затѣмъ Ополченіе было отведено на бивуакъ.

Встрѣча въ Старой-Загорѣ была сердечна, но не многолюдна и не блестяща, какъ въ Тырновѣ и Казанлыкѣ; это обстоятелство произвело непріятное впечатлѣніе на генерала Гурко, который, по словамъ нѣкоторыхъ офицеровъ, будто бы сказалъ, что оставитъ городъ. Впрочемъ надо замѣтить, что о приходѣ Ополченія не было своевременно извѣстно; я самъ видѣлъ, какъ, при входѣ войскъ, женщины оканчивали свой тоалетъ, а учителя только собирали школьниковъ.

Дружины расположились бивуакомъ на юго-восточной сторонѣ города, неподалеку отъ рѣки, у ново-загорскаго шоссе. Было приказано отъ каждой дружины ежедневно отправлять по двѣ роты въ городъ для содержанія карауловъ и патрулей.

VI.

Восемь дней въ Старой Загорѣ. — Караульная служба въ *конакѣ.* — Расправа съ турками. — Башибузуки и летучій отрядъ шт.-ротм. Чиляева. — Болгарскія *четы.* — Звѣрства турокъ въ Гюнелійской-Махалѣ. — Выходъ на позицію. — Встрѣча съ отрядомъ Реуфъ паши у д. Джуранлій. — Тревога среди болгаръ Старой Загоры. — Опять на бивуакѣ.

12-ое іюля. — Я былъ назначенъ начальникомъ караула въ *конакѣ.* Караулъ состоялъ изъ двухъ ротъ, изъ коихъ одна предназначалась для патруля по городу. Обязаности начальника караула были трудны и непріятны, особенно потому, что ни права ни обязанности такого начальника не были

установлены и никакихъ инструкцій на этотъ счетъ не имѣлось. На мои вопросы по этому поводу, бывшій начальникъ караула мнѣ сообщилъ, что онъ и самъ не знаетъ этихъ правъ и обязанностей, такъ какъ никто ему таковыхъ не указывалъ и никакихъ инструкцій онъ не получалъ; но, само-собой понятно, что главнѣйшая обязанность состояла въ томъ, чтобы хорошо оберегать арестантовъ, плѣнныхъ и заложниковъ турокъ.

Моему дозору были поручены 12 человѣкъ заложниковъ, богатыхъ турокъ, 140 ч. плѣнныхъ солдатъ *низама* и жандармовъ и нѣсколько человѣкъ арестантовъ турокъ, между которыми четверо были въ кандалахъ; такое наказаніе было имъ наложено за совершенныя ими звѣрства надъ болгарами.

Вскорѣ по принятіи мной караула, начали приводить ко мнѣ новыхъ плѣнныхъ: ихъ приводили офицеры, казаки и даже болгаре:

— „Подпоручикъ! арестуйте этого мерзавца!“ приказалъ мнѣ одинъ ротмистръ: „онъ кидалъ каменья въ мирныхъ жителей турокъ, въ ихъ окна и жилища.“

Я осмѣлился замѣтить, что если будемъ арестовывать и за подобные проступки, то негдѣ будетъ помѣщать арестованныхъ.

— „Я вамъ приказываю!“ сказалъ ротмистръ повелительнымъ тономъ.

Не желая пускаться съ нимъ въ разговоры, я потребовалъ письменное приказаніе объ арестѣ.

— „Хорошо, я сейчасъ пришлю вамъ формальный приказъ,“ сказалъ ротмистръ и удалился вмѣстѣ съ своимъ плѣннымъ.

Цѣлая толпа окружала *конакъ,* и то и дѣло, что слышались голоса:

— „Ведите его, эту собаку, къ *нашему* благородію — капитану... сколько крови болгарской онъ пролилъ... Ведите! Пытать его слѣдуетъ...“

— *„Наше“* благородіе, братушка! Вотъ, эту собаку повѣсить надо!“ закричало нѣсколько голосовъ одновременно, толкая во всѣ стороны поблѣднѣвшаго турка, который со страха былъ ни живъ ни мертвъ.

— „Много имъ болгарской крови пролито... повѣсить его!“ кричали въ толпѣ.

— *„Эфендимъ,“* обратился ко мнѣ старый турокъ съ мпатичнымъ, но блѣднымъ и искаженнымъ отъ страха лимъ: *„эфендимъ,* на меня напали болгаре, когда я мирно ілъ по улицѣ...“

Подобныя сцены случались очень часто: турки жаловась на нападенія болгаръ, а болгаре постоянно тащили въ *накъ* турокъ, обвиненныхъ въ желаніи убить или въ звѣрзахъ, учиненныхъ ими болгарамъ.

Но иногда подобныя сцены имѣли очень печальыя поѣдствія. Вотъ одинъ изъ примѣровъ:

Какъ-то во время моей расправы съ толпой, я замѣтилъ ухъ женщинъ, которыя кричали и бранились съ какимъ-то ркомъ, шедшимъ вмѣстѣ съ ними.

— „Смотрите на него проклятаго, еще угрожаетъ намъ... ло ты развѣ крови болгарской выпилъ...“ кричали женщины.

— „Эфендимъ,“ возразилъ турокъ, отдавъ мнѣ привѣтвіе и скрестивъ на груди руки: „когда я проходилъ мимо ихъ женщинъ (онъ указалъ на нихъ), они начали цѣлить въ ня камнями, хотя я имъ ничего дурнаго не сдѣлалъ и не азалъ.“

Въ это время, незамѣтно подошелъ ко мнѣ генералъ Стотовъ и спросилъ въ чемъ дѣло, но, женщины не дали мнѣ вѣтить и начали кричать:

— „Турокъ этотъ кровопійца, имъ пролито много болрской крови, а теперь и намъ угрожаетъ . . .“

Не знаю, понялъ-ли генералъ объясненіе женщинъ, но ѣ онъ приказалъ арестовать турка въ числѣ другихъ семи ловѣкъ, которые подлежали повѣшанію.

Я было попробовалъ выяснить генералу, что и турокъ ловался на женщинъ, но онъ не далъ мнѣ договорить и вторилъ приказаніе и затѣмъ вошелъ во дворъ *конака*, пооровался съ карауломъ, а потомъ пошелъ въ помѣщеніе, гдѣ ходились заложники; послѣдніе, увидавъ генерала, сдѣлали зкій поклонъ по турецки, скрестивъ руки на груди, и какъ ı застыли въ этомъ положеніи. Генералъ освѣдомился у нихъ притѣсняютъ-ли ихъ и не нуждаются-ли они въ чемъ либо, получивъ отвѣтъ, что съ ними обращаются хорошо и что и ни въ чемъ не нуждаются, сказалъ:

— „Вотъ видите ли, вы нотабли города и его окрестноей и намъ извѣстно, что вы имѣете большое вліяніе на ва-

шихъ единовѣрцевъ-согражданъ, слѣдовательно вы имѣете возможность внушить имъ покоряться властямъ, не буйствовать и заниматься своимъ дѣломъ; только при исполненіи этихъ условій, вы можете быть за себя спокойны, въ противномъ случаѣ вы за все отвѣтите!“

Затѣмъ генералъ посѣтилъ плѣнныхъ и арестантовъ, повидался съ членами городскаго совѣта, и совѣтовалъ имъ внушить своимъ согражданамъ вести себя тихо и мирно.

По выходѣ генерала изъ *конака*, я еще разъ, рискуя навлечь на себя его гнѣвъ, хотѣлъ попытаться объяснить дѣло о туркѣ, но генералъ опять не далъ мнѣ говорить:

— „Безъ разсужденій, я приказалъ и приказъ мой долженъ быть исполненъ!“

Строгій приказъ повѣсить человѣка, виновность котораго не была выяснена, навелъ меня на печальныя размышленія.

Очевидно, генералъ былъ чѣмъ то сильно разсерженъ.

Въ это время я увидалъ какого-то турка, подходившаго къ *конаку;* въ рукахъ у него была кривая шашка, ножны и эфесъ которой были отдѣланы чистымъ и массивнымъ серебромъ, и два сребротканныхъ кушака съ большими кистями.

Ого, какой смѣлый, подумалъ я; а вдругъ, послѣдуетъ приказъ повѣсить и его!

Въ это время въ толпѣ закричали:

— „Смотрите, этимъ ятаганомъ онъ рѣзалъ невинныхъ болгаръ!“

Турокъ подошелъ ко мнѣ и передалъ:

— „Эминъ Бей увидѣлъ васъ изъ окна своего дома и посылаетъ вамъ въ подарокъ эту шашку съ просьбой принять на память.“

При этомъ турокъ попросилъ меня подойти къ серединѣ двора, откуда былъ видѣнъ домъ Бея: у оконъ стоялъ въ это время самъ Эминъ Бей и жестами руки старался выразить мнѣ благодарность и просьбу принять шашку.

Послѣ обѣда привели въ *конакъ* еще одного кандидата на висѣлицу — это былъ здоровенный турокъ съ отвратительной физіономіей; про него доложили что онъ шпіонъ; къ вечеру привели еще двоихъ турокъ, обвиненныхъ въ произведенныхъ ими надъ болгарами ужасныхъ звѣрствахъ.

Въ тотъ же день пришелъ въ *конакъ* одинъ полковникъ и спросилъ у меня о квартирѣ генерала Столѣтова; я хотя

азу узналъ въ немъ полковника Депрерадовича, но все же вѣдомился о его фамиліи; послѣ чего сказалъ ему, что я его авалъ еще въ Сербіи. Полковникъ былъ человѣкъ вѣжливый, бродушный и услужливый; онъ не малую услугу намъ окалъ въ прошломъ году въ Сербіи: не будь его содѣйствія, виду недостатка у насъ въ средствахъ, мнѣ и моимъ товащамъ пришлось бы, пожалуй, остаться тамъ зимовать; бладаря же полковнику Депрерадовичу мы во время получили кументы изъ штаба генерала Черняева и возпользовались слѣднимъ пароходомъ, уходившимъ изъ Бѣлграда въ Турнуверинъ.

Кликнувъ одного изъ караульныхъ ополченцевъ, я приsалъ ему показать полковнику Депрерадовичу квартиру герала Столѣтова.

13-ое іюля. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я смѣны раула: въ душѣ мнѣ не хотѣлось быть посредникомъ въ ачѣ на висѣлицу осужденныхъ на смерть турокъ, и казась, что я не могъ бы съ спокойной совѣстью выдержать гремленые на меня взоры турокъ, полные молбы о пощадѣ и же — ненависти и презрѣнія.

Это мое тайное желаніе исполнилось: я былъ смѣненъ до лученія приказа объ экзекуціи надъ осужденными. Послѣ ѣны, я отправился въ городъ; улицы были переполнены лгарами, праздновавшими свое освобожденіе.

Бѣдные, они не знали, что ожидало ихъ въ близкомъ дущемъ!

Послѣ обѣда, были повѣшены восемь человѣкъ турокъ, разныхъ мѣстахъ турецкой части города. Въ тотъ же день ивезли на бивуакъ болгарина по имени Пали-Иванъ изъ а Гіокъ-Пала, который былъ по показаніямъ нѣсколькихъ аро-загорскихъ гражданъ турецкимъ шпіономъ; онъ былъ держанъ на бивуакѣ подъ стражей, но во время ареста, по извѣстнымъ причинамъ, воспользовавшись невниманіемъ сового, перерѣзалъ себѣ горло и, послѣ нѣсколькихъ часовъ ченій, умеръ.

Въ первые дни по прибытіи въ Старую-Загору, мы зали какъ бы въ мирное время, даже начались занятія и еніе; но это продолжалось не долго. Стали доходить трежныя извѣстія: будто 45-ти тысячная армія Сулеймана паши ступаетъ въ направленіи къ Старой-Загорѣ, будто русскія

войска потерпѣли неудачу подъ Плѣвной, вслѣдствіе чего передовому отряду будто оставалось разсчитывать только на свои силы; говорили, что турецкая армія, расположенная у г. г. Видина и Рущука, намѣревается наступать на пункты нашихъ сообщеній черезъ Дунай, что, будто бы, генералъ Гурко оставитъ Старую-Загору и вмѣсто него будетъ назначенъ герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтембергскій, однимъ словомъ, разныхъ слуховъ и вѣстей было много; говорили даже, что черкесы и башибузуки учиняютъ всякія звѣрства надъ болгарскимъ населеніемъ въ окрестностяхъ самой Старой-Загоры, и чего ли еще не говорили и не предполагали.

Вначалѣ, этимъ слухамъ не придавали большаго значенія, не смотря на то, что, со времени нашего прибытія въ Старую-Загору, постоянно приходили поселяне изъ окрестныхъ болгарскихъ селъ съ жалобами на бѣснующихся черкесовъ и башибузуковъ. Между жалобщиками встрѣчались даже и раненые, но начальство не вѣрило жалобамъ или, можетъ быть, показывало видъ, что не вѣритъ, да и что могло бы сдѣлать начальство? Башибузуки, вѣдь, это турецкое населеніе, а въ такія времена единичныя нападенія, нанесенія ранъ и даже убійства могутъ быть всегда возможны.

Тѣмъ не менѣе, извѣстія о безчинствахъ черкесовъ и башибузуковъ все чаще подтверждались многочисленными жертвами. Напримѣръ, вечеромъ 14-го іюля прибыли въ городъ 14 возовъ изъ Гюнелейскаго поселка съ ранеными мущинами, женщинами и дѣтьми. Раненые въ мрачныхъ краскахъ описали всѣ ужасы, которымъ было подвержено болгарское населеніе. На этотъ разъ начальство встрепенулось; обстоятельство, что черкесы и башибузуки, при встрѣчахъ съ нашими разъѣздами не только не убѣгали, но даже вступали въ бой, дало поводъ предположить, что этотъ разбойничій сбродъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ близости арміи Сулеймана: былъ высланъ летучій отрядъ съ цѣлью убѣдиться въ правдивости распространившихся слуховъ, будто армія Сулеймана идетъ къ Старой-Загорѣ, и было рѣшено снять мосты и, если возможно, то и рельсы желѣзной дороги, въ случаѣ, если бы слухъ этотъ подтвердился.

Летучій отрядъ, подъ командой шт.-ротмистра Чиляева и въ составѣ сотни казаковъ и одной *четы* конныхъ добровольцевъ изъ мѣстнаго населенія, былъ высланъ 14-го іюля;

борный пунктъ отряда былъ назначенъ, около бивуака III-й ружины.

Конные добровольцы, вооруженные ружьями разной системы, ятаганами и шашками, съ патронташами черезъ плечо и ъ болгарскимъ трехъцвѣтнымъ знаменемъ, имѣли воинственный видъ, а воодушевленіе, самоотверженность, готовность жертвовать собою за благо отечества, каковыми отличались эти добровольцы, увлекали молодежь и потому множество юношей толпились у сборнаго пункта съ просьбами о принятіи въ летучій отрядъ; такимъ образомъ, кромѣ этой конной были организованы еще нѣсколько конныхъ и пѣшихъ *четъ*, но все-таки желающихъ поступить въ эти *четы* оставалось много; поступить же всѣ не могли, такъ какъ не хватало оружія. Конныя *четы* имѣли задачей охранять болгарское населеніе окрестныхъ селъ отъ черкесовъ и башибузуковъ, а пѣшіе — для внутренней службы и охраненія порядка и тишины.

Здѣсь, въ Старой-Загорѣ, организовалась и болгарская конница, въ составѣ одной сотни; кадромъ для нея послужили конные ополченцы: русскіе — вольно-опредѣляющійся младшій унт. офиц. Юрьевъ, вахмистръ Полевановъ, взводный командиръ Пустовойтовъ, и болгаре: Георгій Николаевъ, Михаилъ Краевскій, В. Велевъ, юнкеръ Дуковъ, Мито Анковъ, Иванъ Цвѣтковъ, Коста Бошняковъ, Ив. Бошняковъ и Григоръ Найденовъ; послѣдніе пять были изъ гор. Вратцы. Всѣ они еще въ Плоештахъ поступили въ составъ конныхъ сотенъ Ополченія, но лишь въ Зимницѣ ихъ снабдили лошадьми и съ того времени они состояли ординарцами при генералѣ Столѣтовѣ. Командиромъ сотни былъ назначенъ ротмистръ Невѣровъ.

По всей вѣроятности, вышеизложенныя извѣстія не были тайной и для турецкаго населенія города, которое несомнѣнно было въ сношеніяхъ съ нѣсколькими фанатиками-беями, бѣжавшими изъ города, а потому и городское турецкое населеніе тоже подняло носъ и начало не только относиться враждебно къ болгарамъ и русскимъ, но и нападать на нихъ. Такъ напр. 15-го іюля два драгуна, проходя по турецкой части города, были остановлены внезапно раздавшимися выстрѣлами, но, къ счастью, не попавшими въ цѣль, а лишь слегка оцарапавшими руку одного изъ нихъ; такое дерзкое нападеніе въ городѣ, среди бѣла дня, очень возмутило русскихъ и болгаръ. Патруль болгарской четы, заслышавъ выстрѣлы, ми-

гомъ прибылъ на мѣсто преступленія и вознаградилъ нападающихъ по заслугамъ. Это случилось не по-далеку отъ нашего бивуака, поэтому я и двое другихъ офицеровъ, услышавъ выстрѣлы, тоже отправились къ мѣсту происшествія. Около труповъ убитыхъ, мущины и женщины, собралась порядочная толпа; тамъ же были и оба драгуна.

Причины, побудившія стрѣлять въ драгуна остались неизвѣстными, но, вѣроятно, приближеніе турецкой арміи разожгло азіатскій фанатизмъ, а можетъ быть и чувство отмщенія за повѣшанныхъ турокъ, одинъ изъ которыхъ былъ повѣшенъ въ домѣ, откуда стрѣляли въ драгунъ.

Въ теченіи цѣлаго дня 15-го іюля приходили или приводились изъ ближайшихъ селъ раненые. Они расположились вблизи бивуака III-ей дружины и образовали второй бивуакъ, но не молодежи, веселой, полной энергіи и силъ, ожидающей нетерпѣливо встрѣчи съ глаза на глазъ съ непріятелямъ, а бивуакъ горя и отчаянія, изувѣченныхъ, обезображенныхъ, раненыхъ или томящихся въ предсмертной агоніи дѣтей, женщинъ мущинъ. Въ нашемъ лагерѣ повсюду слышались стоны, плачь или предсмертный хрипъ, и надрывали сердца ополченцевъ. Эту картину страданій трудно описать: тамъ, молодая раненая женщина, обрызганная кровью своихъ дѣтей едва держитъ въ рукахъ своего мертваго младенца; она, какъ безумная плачетъ, мечется во всѣ стороны и не отдаетъ холоднаго трупа своего дитяти; старуха свекровь, видимо, старается ее утѣшить, хотя и сама нуждатся въ утѣшеніи . . . тутъ, другая — обнимаетъ своего раненаго мальчика, лѣтъ 10-ти, успокоиваетъ его, а сама льетъ слезы и постоянно обращается къ знакомымъ съ вопросами не видалъ ли кто ея мужа и остальныхъ дѣтей . . . немного поодаль, подъ заборомъ, лежатъ четыре трупа, надъ ними отчаянно плачутъ и причитаютъ родственники . . . Страданія и слезы повсюду, куда не повернешься и перечислить жертвы кажется невозможнымъ, столь много ихъ вокругъ.

Воздухъ на бивуакѣ былъ пропитанъ запахомъ ладона и гніющей крови. Тяжелое впечатленіе производили на ополченцевъ всѣ эти страданія; но, смотря какъ смерть уносила добрыхъ сыновъ Болгаріи — жертвъ турецкаго звѣрства, они не падали духомъ и болѣе чѣмъ когда либо въ нихъ разгоралась жажда скорѣе встрѣтиться и сразиться съ убійцами

столькихъ невинныхъ людей. Между тѣмъ съ южныхъ и юго-источныхъ окрестностей возы съ тяжело ранеными и толпы легко раненыхъ продолжали прибывать; часть этихъ раненыхъ оставалась на бивуакѣ, остальные же направлялись къ городу въ надеждѣ найти помѣщеніе въ домахъ. Всѣ эти, пришедшіе или привезенные бѣглецы, были сравнительно счастливѣе своихъ оставшихся односельчанъ: они могли, хотя и вдали отъ роднаго угла, но все же спокойно умирать; не то было, конечно, съ тѣми несчастными, замученными, убитыми и ранеными, которые остались валяться по улицамъ и дворамъ селъ и деревень, брошенные на съѣденіе голоднымъ псамъ и хищнымъ звѣрямъ — эту ужасающую душу дѣйствительность трудно описать.

Шт.-ротмистръ Чиляевъ, высланный на рекогносцировку, успѣлъ испортить телеграфную линію въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разрушить около 4—5 незначительныхъ мостовъ; непріятельскіе разъѣзды онъ встрѣтилъ при с. Акъ-Бунарѣ.

Около двухъ тысячъ человѣкъ поселянъ изъ ближайшихъ селъ были собраны въ селѣ Кечилерѣ, но 13-го іюля турецкій отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ, по пути изъ села Сеймена, сжегъ с. Кечилеръ и вырѣзалъ собранный тамъ народъ. 14-го іюля, въ с. Кечилеръ прибылъ второй отрядъ въ 1500 человѣкъ регулярнаго турецкаго войска. Это обстоятельство заставило Чиляева отступить еще далѣе къ юго-западу.

Во время этой рекогносцировки, Чиляевъ чуть было не попалъ въ западню: онъ нѣсколько разъ натыкался на множество черкесовъ и башибузуковъ, отъ которыхъ едва успѣвалъ избавиться. Свѣдѣнія, добытыя Чиляевымъ, вполнѣ подтверждали слухъ о томъ, что Сулейманъ паша наступалъ въ направленіи къ Старой Загорѣ; впрочемъ слухъ этотъ подтверждало и обстоятельство, что черкесы и башибузуки со дня на день все ближе подходили къ Старой Загорѣ, предавая все по пути огню и мечу.

15-ое іюля. Ночью прибыли бѣглецы изъ села Гюнелійска-Махала, которые едва успѣли спастись отъ когтей черкесовъ; они разсказывали, что въ этомъ селѣ собрались около 7,000 человѣкъ поселянъ изъ окрестныхъ деревень: Богданъ-Махале, Чифлика, Бешъ-Тепе, Радне-Махале, Джады-Гіола, Батканлій и др.; всѣ эти поселяне были вооружены кто чѣмъ попало и заняли для самозащиты болѣе удобные дома и церковь Св. Ивана

Рыльскаго. Нападавшіе черкесы не могли съ ними справиться и были отражены, но вскорѣ подошли на помощь черкесамъ два табора *низама* и со всѣхъ сторонъ окружили село и повторилась историческая Вароломеевская ночь со всѣми ея ужасами — почти всѣ крестьянѣ были перерѣзаны какъ скотъ на скотобойнѣ; въ то время, когда одна часть турокъ вырѣзали населеніе деревни въ домахъ, другіе — окружили церковь, переполненную народомъ и съ помощью керосина подожгли храмъ. Ужасное зрѣлище представило село Гюнелійска-Махала: всѣ дома и храмъ горѣли, освѣщая заревомъ пожара сосѣднія окрестности, а турецкое войско, вокругъ этого адскаго огня и среди кучами лежавшихъ, обезображенныхъ мертвыхъ тѣлъ, бѣсновалось, торжествуя побѣду.

Изъ 7,000 человѣкъ избѣжали общей участи всего около 800 человѣкъ. Такими же способами турки опустошили еще болѣе двадцати селъ и деревень и перебили въ нихъ населеніе.

Между тѣмъ, 45,000-ая армія Сулеймана, закаленная въ бояхъ съ черногорцами, подходила все ближе и ближе къ Старой Загорѣ, что подтвердили и показанія двухъ болгаръ, успѣвшихъ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля пробраться сквозь густую аванпостную цѣпь названной арміи.

— „Зарвались!“ говорили офицеры: „настолько зашли далеко, внутрь страны, что отступать безъ боя, невозможно.“

Дѣйствительно, отступленіе было немыслимо, и такимъ образомъ ополченцамъ, при Старой Загорѣ, приходилось впервые окреститься „огнемъ и мечемъ.“ Здѣсь имъ предстояло возобновить воинственную славу своихъ храбрыхъ прадѣдовъ и показать міру, что болгарскій народъ достоенъ лучшей участи.

Говорили, что генералъ Гурко съ отрядомъ около 15 тысячъ человѣкъ, артиллеріей и кавалеріей наступалъ къ Новой Загорѣ со стороны Хаимъ-Боаза.

Ополченіе снялось съ бивуака и заняло боевую позицію на возвышенности, на востокъ отъ города; ополченцы оживились: въ воздухѣ *запахло порохомъ* и часъ расправы съ тиранами наступалъ. Горожане, напротивъ, были озабочены и перепуганы.

17-ое іюля. Утромъ, дружины опять заняли прежнія мѣста на бивуакѣ, но не разбивали палатокъ. Всѣ недоумѣвали почему дружины были наканунѣ переводимы на позиціи и обратно

и полагали, что слѣдовало оставаться на позиціи, а не на бивуакѣ, если непріятель дѣйствительно былъ близко. Но вскорѣ дѣло выяснилось.

Былъ полученъ приказъ отъ генерала Гурко, чтобы весь отрядъ герцога Николая Максимиліановича, за исключеніемъ двухъ ротъ, оставленныхъ въ Старой Загорѣ въ распоряженіи командира донскаго полка полковника Краснова, выступилъ къ Новой Загорѣ для совмѣстныхъ дѣйствій съ юго-восточной стороны противъ турецкаго отряда, занимавшаго этотъ городъ. Ополченцы узнавъ, что будутъ сражаться бокъ о бокъ съ отрядомъ генерала Гурко, торжествовали. На бивуакѣ закипѣла работа: осматривали ружья, провѣряли патроны, раздавали ополченцамъ сухари, навьючивали на лошадей патронныя ящики, сухари и т. п.

Извѣстіе о выступленіи быстро распространилось по всему городу и на бивуакъ не замедлили собраться множество старозагорскихъ горожанъ; всѣ они были взволнованы и перепуганы; да и было отчего пугаться жителямъ: съ одной стороны черкесы и башибузуки подступали къ самому городу, съ другой — городскіе турки, ободренные такими вѣстями, только и ждали момента отомстить ненавистнымъ горожанъ. Поэтому было неудивительно, что болгаре, узнавъ, что Ополченіе собирается покинуть городъ, приготовились тоже бѣжать въ г. Казанлыкъ. Начальство тѣмъ не менѣе успѣло успокоить какъ горожанъ, такъ и собравшихся во множествѣ поселянъ и увѣрить, что опасности большой нѣтъ и что поэтому они могутъ оставаться въ своихъ домахъ, тѣмъ болѣе, что де въ городѣ останется войско для охраны тишины и порядка; но, не смотря на эти увѣщанія, многіе горожане все-таки ночью оставили городъ, бросивъ свое имущество на произволъ судьбы.

Послѣ полудня, весь отрядъ, состоявшій изъ трехъ съ половиной дружинъ Болгарскаго Ополченія, трехъ конныхъ полковъ, одной конной батареи и 6 горныхъ орудій, приблизительно около 4,500 человѣкъ, снялся съ бивуака и выступилъ по шоссе, ведущему къ Новой Загорѣ.

Когда мы прошли около двухъ верстъ, дружинный командиръ, подозвавъ меня, приказалъ мнѣ возвратиться обратно въ городъ, взявъ со собой команду въ 6—7 человѣкъ для конвоированія провіантскихъ телѣгъ, получить тамъ на два дня провизію и хлѣбъ, и затѣмъ догнать дружину.

Подобные приказы были мнѣ очень непріятны, тѣмъ болѣе, что я былъ субалтернъ-офицеромъ, и не исполнялъ должности дружиннаго казначея; но нечего было дѣлать, я стегнулъ мою хромую лошаденку и поѣхалъ прямо въ *конакъ*. Тамъ я засталъ ординарца генерала Столѣтова, капитана Ефремова; онъ былъ оставленъ комендантомъ города вмѣсто полковника Депрерадовича; послѣдній, какъ закаленный въ бояхъ и храбрый воинъ, очевидно, не пожелалъ оставаться въ городѣ камендантомъ, ввиду вѣроятія предстоявшаго сраженія.

Въ *конакъ*, я засталъ также одну изъ ополченскихъ ротъ, оставленную для охраны тишины и порядка и казачій полкъ; въ помощь этому ничтожному отряду были оставлены также и болгарскія добровольческія *четы*.

Члены городского совѣта — болгаре, не исключая и предсѣдателя Славейкова имѣли весьма плачевный видъ: со страху они совсѣмъ растерялись, за то ихъ коллеги турки, наоборотъ, были веселы и радостны, что было видно на лицахъ; что же касается горожанъ, то и турки и болгаре одинаково находились въ страхѣ и спѣшили прятяться въ своихъ домахъ.

Вся провизія была принята и навьючена и я уже приготовлялся отправиться, какъ вдругъ услыхалъ залпы изъ орудій въ восточномъ направленіи отъ города. — Ба! это что же такое? спросилъ я самого себя; но не успѣлъ я дать себѣ отвѣтъ, какъ залпы, одинъ за другимъ снова повторились. Для меня было ясно, что Ополченіе уже встрѣтилось съ противникомъ, такъ какъ выстрѣлы неслись съ востока — направленіе, по которому шло выступившее изъ города Ополченіе.

Наскоро приказавъ каптенармусу отправляться съ обозомъ и догонять дружину, я сѣлъ на лошадь и пустился рысью. Между тѣмъ, вначалѣ орудійные залпы, а затѣмъ частая пушечная стрѣльба потрясали воздухъ... эти выстрѣлы болѣзненно сжимали сердце жителей Ст.-Загоры . . . Сколько жертвъ уже пало, подумалъ я.

Дорога въ Новую Загору шла по склонамъ возвышенности *Чадыръ Могила*, лежавшей на востокъ отъ города, противъ Казанлыка, черезъ Старо-Загорское ущелье и далѣе — прямо къ востоку. По сторонамъ дороги, съ лѣвой стороны — виднѣлись то кукурузныя поля, то пажити, покрытыя множествомъ крестцовъ, и на которыхъ кое-гдѣ высились миндальныя деревья, а съ правой — огромное пространство, по-

крытое фруктовыми садами и огородами, на спускѣ же съ *Чадыръ-Могилы* росли виноградники. Когда я спустился съ возвышенности, хлестнулъ лошадь и она понесла меня по ровному шоссе, хотя и не была изъ особенно быстроногихъ. По пути я нагналъ двухъ офицеровъ I-ой дружины.

— „Турки, турки!“ закричалъ одинъ изъ нихъ: „теперь то мы поглядимъ на братушекъ!“

— „Они будутъ смотрѣть на насъ и брать съ насъ примѣръ!“ отвѣтилъ я, не останавливаясь.

Приближаясь къ мѣсту, я переѣхалъ чрезъ небольшую рѣчку, и отсюда довольно ясно увидѣлъ расположенiе нашей 16-ой конной батареи, подъ командой полковника Ореуса. Батарея отвѣчала частымъ огнемъ артиллерiи непрiятеля; влѣво отъ шоссе, на разстоянiи около версты отъ батареи, виднѣлась группа всадниковъ — тамъ находился герцогъ Николай Максимилiановичъ со всей своей свитой. Ружейныхъ выстрѣловъ нигдѣ на позицiи не было слышно. Не доѣзжая до батарей, я повернулъ вправо, къ мѣсту, находившемуся на одной высотѣ съ мѣсторасположенiемъ батареи, и тамъ увидалъ одну изъ дружинъ, построенную въ боевомъ порядкѣ и предположилъ, что это должна быть III-яя дружина. Въ этотъ моментъ, на шоссе, шагахъ въ пятидесяти за батареей, упала граната: взвилось цѣлое облако дыма, раздался сильный выстрѣлъ, послѣ котораго завизжалъ въ воздухѣ цѣлый рой осколковъ, не причинившихъ, впрочемъ, никакого вреда.

Дружина, расположенная въ боевомъ порядкѣ, оказалась, какъ я и предполагалъ, III-ей дружиной. Ея части были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линiи — двѣ роты, а другiя двѣ роты — въ резервѣ. Лѣвѣе III-ей была расположана II-я дружина. Мѣстность,*) гдѣ былъ расположенъ нашъ незначительный отрядъ, была ровная, съ небольшой покатостью къ югу; передъ нашимъ фронтомъ находилась небольшая лощина, шедшая въ направленiи къ югу и соединявшаяся съ такой же, но нѣсколько большей лощиной, лежавшей въ направленiи отъ сѣверо-востока къ югу; лѣвый берегъ этой послѣдней лощины, постепенно возвышавшiйся, былъ покрытъ кустарникомъ; въ этомъ кустарникѣ, на возвышенности, и расположилась батарея непрiятеля въ 12 орудiй. На нашемъ лѣвомъ

*) См. Планъ въ концѣ книги.

флангѣ и въ пространствѣ впереди его, у склоновъ *Средней Горы* виднѣлась д. Дылбоки; такимъ образомъ наша позиція была совсѣмъ открыта, и лишь на правомъ флангѣ находился нискорослый лѣсокъ.

Нашъ отрядъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первой линіи праваго фланга стояла I-ая дружина, выславшая стрѣлковую цѣпь; послѣдняя занимала мѣсто у опушки нискорослаго лѣска, а ея резервъ находился въ самомъ этомъ лѣску.

III-яя дружина, выстроенная, какъ упомянуто выше, въ двѣ линіи, стояла нѣсколько назадъ и влѣво отъ I-ой дружины; мѣстность расположенія III-ей дружины была совершенно открыта. Надъ самымъ шоссе, въ 250—300 шагахъ, влѣво и назадъ отъ III-й дружины, была поставлена 16-я конная батарея.

На лѣвомъ флангѣ, въ первой линіи находилась II-ая дружина, отъ которой также была выслана впередъ густая цѣпь, неподалеку отъ д. Дылбокъ; въ резервѣ же находились двѣ роты V-й дружины.

Кромѣ фланговыхъ разъѣздовъ, на нашемъ правомъ флангѣ стоялъ одинъ полкъ кавалеріи. Остальная кавалерія и горная батарея находились у рѣчки, влѣво отъ шоссе.

Непріятельская артиллерія была расположена къ юговостоку отъ нашей позиціи.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ я засталъ нашъ отрядъ и таковой порядокъ былъ удержанъ до конца боя, или, лучше сказать, до окончанія безвредной для обѣихъ сторонъ артиллерійской пальбы, т. е. до вечера.

Ополченцы III-й дружины частью лежали, частью сидѣли; всѣ были въ возбужденномъ состояніе и съ нетерпѣніемъ ожидали начала настоящаго боя. Правда, пролетавшія гранаты зловѣще пѣли свои пѣсни, но ополченцы уже успѣли нѣсколько попривыкнуть къ этой музыкѣ, а бывалые изъ нихъ, знакомые съ запахомъ пороха еще въ Сербіи, то и дѣло подтрунивали надъ своими товарищами — новичками:

— „Ну-ка, Иванъ, еще разъ поклонись музыканту,“ смѣялись они надъ однимъ своимъ молодымъ товарищемъ, который дѣйствительно поклонился двумъ-тремъ пролетѣвшимъ гранатамъ.

— „Смотри, Петръ чуть было не зарылъ головы въ песокъ!“ говорилъ кто-то со смѣхомъ.

— „Да какъ же мнѣ было не поклониться, когда мнѣ казалось, что граната летитъ мнѣ прямо въ голову," наивно возражалъ новичекъ.

Но вскорѣ затѣмъ и всѣ ополченцы начали шутя относиться къ безвредному полету гранатъ, отпуская по ихъ адресу разныя остроты. И дѣйствительно, турецкіе артиллеристы дѣйствовали плохо: они, къ счастью, никакъ не могли попасть въ нашу батарею, не смотря на то, что ихъ гранаты то ложились у нашей батареи, то перелетали черезъ нее; кромѣ того гранаты ихъ большею частью не взрывались, хотя почва была и суха и тверда. Я началъ наблюдать въ бинокль за паденіями нашихъ гранатъ: онѣ тоже не наносили совершенно никакого вреда непріятелю, такъ какъ не долетали до непріятельской батареи.

— „Къ чему только напрасно тратимъ гранаты?" говорили офицеры: „вѣдь ясно видно, что онѣ не доходятъ до непріятельской батареи."

Влѣво и вправо отъ расположенія турецкой батареи было видно, какъ двигались пѣхотныя части, при чемъ, на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ, эти части двигались въ направленіи отъ д. Джуранлій.

Подъ вечеръ, въ сторонѣ нашега лѣваго фланга послышались ружейные выстрѣлы. Не много погодя, мы увидали облака дыма надъ селомъ Дылбоками, которое подожгли черкесы и башибузуки.

Крестьяне, очевидно, храбрились, вслѣдствіе близости Ополченія, и не покидали деревни; но за это многіе и поплатились своей жизнью: башибузуки неожиданно напали на деревню, однихъ перерѣзали, а другихъ привязали головами внизъ подъ застрѣхами подожженныхъ домовъ. Множество черкесовъ напали и на нашу стрѣлковую цѣпь, но наша цѣпь встрѣтила ихъ столь частымъ огнемъ и залпами, что они отступили въ полномъ безпорядкѣ, не успѣвъ даже захватить своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей. Еще въ началѣ сраженія одинъ раненый черкесъ упалъ недалеко отъ нашей стрѣлковой цѣпи; ополченецъ II-й дружины, 5-ой роты — Чобанъ замѣтилъ раненаго черкеса и пустился къ нему бѣгомъ, выхватилъ его шашку, отрубилъ ему голову и затѣмъ отцѣпивъ его портупею съ ножнами, возвратился съ этимъ трофеемъ; шашку Чобанъ передалъ черезъ ротнаго командира подполковнику Куртья-

нову, который за это наградилъ его двумя полуимперіалами. Эта схватка съ черкесами стоила намъ 7 чел. раненыхъ, изъ которыхъ трое были ранены тяжело, а прочіе остались въ строю.

Къ вечеру нашъ отрядъ отступилъ и расположился на ночлегъ вблизи рѣчки, не успѣвъ дойти до Новой-Загоры; тѣмъ не менѣе мы не теряли надежды на слѣдующій день пробить себѣ путь, и съ этой надеждой улеглись спать, кто какъ и гдѣ могли. Ночью было получено донесеніе отъ полковника Краснова, что 3 табора, нѣсколько сотъ человѣкъ черкесовъ и артиллерія появились въ 15—20-ти верстахъ отъ Старой-Загоры, вслѣдствіе этого начальникъ отряда рѣшилъ возвратиться въ Старую-Загору вмѣстѣ съ Ополченіемъ, горными и двумя донскими орудіями, а кавалерію и конную артиллерію — выслать въ Новую-Загору.

18-ое іюля. — Ночь прошла тихо и спокойно. Къ разсвѣту — всѣ мы были готовы и выжидали приказанія о наступленіи, но, какъ я упомянулъ выше — приказаніе послѣдовало объ отступленіи къ Старой-Загорѣ, куда мы и прибыли въ 7 часовъ утра. Это отступленіе дало поводъ нѣкоторымъ офицерамъ предположить, что вѣроятно турки наступаютъ на Старую-Загору.

Въ трехъ верстахъ отъ Старой-Загоры на холмахъ, лежащихъ къ востоку отъ города, мы остановились. Было отдано приказаніе варить обѣдъ для ополченцевъ, но не пришлось имъ поѣсть теплаго въ этотъ день: пища была выброшена, такъ какъ Ополченіе вновь было отправлено по Ново-Загорскому шоссе обратно.

Во время этого перехода были приняты всѣ предохранительныя мѣры: впереди всѣхъ шли драгуны, за ними авангардъ со своими головнымъ и боковыми отрядами, затѣмъ главныя силы и проч. Всѣ эти мѣры были необходимы въ виду того, что получено было донесеніе о томъ, что непріятель открылъ огонь по нашей кавалеріи и конной батареѣ.

Мы снова дошли до той самой рѣчки, откуда сегодня утромъ выступили, направляясь въ Старую-Загору; спустя немного, заскакали ординарцы и адъютанты, отдавая приказанія; отрядъ былъ перестроенъ сначала въ резервномъ, а затѣмъ въ боевомъ порядкѣ, и продолжалъ наступленіе, когда со вчерашняго же мѣсторасположенія турецкой батареи, раздались пушечные выстрѣлы, не приносившіе, впрочемъ, намъ вреда.

Наша батарея пустилась въ карьеръ, заняла вчерашнюю позицію, снялась съ передковъ и начала отвѣчать турецкимъ гранатамъ; затѣмъ и весь отрядъ занялъ вчерашнія позиціи; но вскорѣ артиллерійскій огонь былъ прекращенъ и противники стояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи. Мы всѣ ожидали, что будетъ отдано приказаніе наступать далѣе, но таковаго не послѣдовало: должно быть Ополченіе ожидало прибытія генерала Гурко. Между тѣмъ время подходило къ вечеру; такимъ образомъ, и сегодняшній день мы провели также какъ и вчерашній и какъ и вчера, послѣдовало приказаніе отряду отступить.

— „Къ чему это хожденіе взадъ и впередъ?!“ удивлялись офицеры и ополченцы: „коли требовалось стоять на позиціи, въ 10—12 верстахъ отъ Старой-Загоры, тогда къ чему было отступать вчера? А если нужно было сегодня отступать, то зачѣмъ было сегодня вновь приходить сюда на позицію, потратить нѣсколько *грѣшныхъ* гранатъ и снова отступать и тѣмъ лишь обнаруживать передъ непріятелемъ нашу слабость.“

На самомъ дѣлѣ нашему отряду, дѣйствительно было очень трудно пробить себѣ путь и соединиться съ Гурко, такъ какъ непріятель былъ несравненно многочисленѣе насъ. Нѣкоторые офицеры объясняли наше возвращеніе на прежнія позиціи предположеніемъ, что генералъ Гурко, можетъ быть, взялъ Новую-Загору и идетъ къ Старой-Загорѣ, въ каковомъ случаѣ Ополченіе дѣйствовало бы совмѣстно противъ отряда Реуфа-паши, т. е. противъ того отряда, съ которымъ мы уже два дня переглядывались издалека.

Наше сегодняшнее отступленіе произошло подъ прикрытіемъ III-ей дружины. Когда отрядъ построился въ походномъ порядкѣ, въ тылу его раздались нѣсколько ружейныхъ залповъ, сопровождавшихся учащеннымъ огнемъ стрѣлковой цѣпи; дѣло въ томъ, что еще въ началѣ нашего отступленія, на сторонѣ непріятеля было замѣчено усиленное движеніе кавалеріи — черкесовъ; вотъ эти-то черкесы и накинулись теперь на аріергардную роту III-ей дружины. Командиръ роты, храбрый капитанъ Феодоровъ, встрѣтилъ черкесовъ, какъ слѣдуетъ: они отступили въ полномъ безпорядкѣ, оставивъ на мѣстѣ много раненыхъ и убитыхъ; съ нашей стороны были ранены шесть человѣкъ, при чемъ двое изъ нихъ были ранены легко и оставались въ строю, и одинъ былъ убитъ, а именно опол-

ченецъ Дмитрій Малиновъ; онъ первый изъ Ополченія геройски пролилъ свою кровь за свободу своего отечества. Между ранеными былъ и барабанщикъ 2-ой роты Каленчукъ. Вѣчная тебѣ память, народный поборникъ, восклицали крестясь ополченцы, узнавъ о смерти Малинова. Говорили, что былъ убитъ также и одинъ офицеръ драгунскаго полка, но я не могъ провѣрить этого извѣстія.

Понесли раненыхъ и убитаго. Раненные были блѣдны, но, въ сознаніи, что они честно исполнили свой долгъ къ отечеству, они весело улыбались, не смотря на испытываемыя ими сильныя боли.

Дружинный командиръ приказалъ мнѣ отправиться впередъ, въ городъ, помѣстить раненыхъ въ больницѣ и приготовить все нужное для погребенія убитаго, которое должно было совершиться на слѣдующій день со всѣми воинскими почестями. Но не суждено было отдать бѣдному Малинову послѣднихъ, заслуженныхъ имъ, воинскихъ почестей!

Въ городѣ, куда я прибылъ къ вечеру, царила мертвая тишина; улицы были почти пусты и немногіе, встрѣчавшіеся мнѣ жители казались перепуганными; у церкви я встрѣтился съ недавно познакомившемся со мной молодымъ священникомъ Н.

— „Плохи дѣла, какъ видно?“ испытующе посмотрѣвъ на меня, спросилъ священникъ: „турецкіе войска уже близко, а черкесы и башибузуки за чертой города; посмотрите!“ продолжилъ священникъ, указывая рукой въ направленіи къ юговостоку на дымъ и пламя горѣвшихъ селеній.

Только послѣ этихъ словъ я замѣтилъ въ разстояніи 5—6 верстъ отъ города клубы дыма и пламя пожара, которые затѣмъ, съ наступленіемъ ночи, превратились въ зарево покрывавшее все пространство горизонта какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ, оттѣняя еще болѣе мрачный видъ города и окрестностей, и наполняя страхомъ и ужасомъ сердца болгарскаго населенія.

— „Скажите мнѣ, ради Бога, что дѣлать несчастному населенію, бѣжать ли ему покуда есть еще время?“ умоляюще обратился ко мнѣ священникъ.

При другихъ обстоятельствахъ, я, не задумавшись, сказалъ бы — „да бѣжать“; но въ данномъ случаѣ я посовѣтовалъ оставаться, и вотъ почему: въ то время, когда нашъ

трядъ началъ отступать отъ джуранлійской позиціи, прибыли ва казака изъ отряда Гурко; рискуя жизнью, они прошли очти подъ самымъ носомъ черкесовъ и башибузуковъ; каки эти были посланы самимъ Гурко сообщить герцогу Ниолаю Максимиліановичу, что Новая-Загора имъ взята и что втра, т. е. 19-го іюля онъ со своимъ отрядомъ прибудетъ ь Старую-Загору. Это извѣстіе конечно было встрѣчено бщей радостью.

— „Слава Богу!“ съ облегченнымъ сердцемъ говорили, по воду этой вѣсти, офицеры и солдаты: „армія Сулеймана-ши намъ болѣе не страшна.“

Да и всѣ мы вѣрили въ успѣшный исходъ предстоявшаго аженія.

— „Передайте гражданамъ, чтобъ не боялись: завтра придетъ генералъ Гурко съ своимъ отрядомъ; онъ взялъ уже овую-Загору!“ приказывалъ мнѣ дружинный командиръ, передъ отправленіемъ меня впередъ, въ городъ.

Вслѣдствіе этого и я успокоивалъ какъ священника, такъ всѣхъ обращавшихся ко мнѣ съ подобными же вопросами, вѣряя ихъ, что нѣтъ опасности и совѣтуя имъ не оставлять оихъ жилищъ. Многіе мнѣ вѣрили, но многіе, молча и недоэрчиво качая головой, уходили въ свои домы, съ цѣлью кже молча покинуть городъ, что большинство изъ нихъ и дѣлало. Иначе они и поступить не могли: трудно было имъ покоиться, видя, какъ немного по одаль отъ города черкесы гли и убивали.

Раненыхъ солдатъ помѣстили въ больницѣ, а тѣло героя алинова, среди вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ, лежало въ еркви. Многіе горожане, изъ живущихъ по близости къ церкви, риходили съ цвѣтами и восковыми свѣчами отдать подобающія очести павшему за свободу отечества Малинову и помолиться огу объ упокоеніи его души.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія о похоронахъ покойнаго на ѣдующій день, я возвратился къ дружинѣ.

Вечеромъ, наканунѣ 19-го іюля, отрядъ былъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

II-ая и V-ая дружины стояли въ городѣ, а въ трехъ верахъ отъ города, къ востоку, у с. Айданлій находились I-ая и І-ая дружины, взводъ 10-ой Донской батарей, Драгунскіе Канскій и Астраханскій кавалерійскіе полки.

Ночь была спокойная, ясная. Офицеры III-ей дружины, собравшись вмѣстѣ, смотрѣли на печальную картину, какъ пламя уничтожало безпощадно плоды трудовъ цѣлыхъ поколѣній — болгарскія села; при этомъ, благодаря ясной ночи и свѣту пламени, видны были не только наши разъѣзды но и турки, сновавшіе вокругъ пожарищъ. Естественное чувство негодованія и мести овладѣло офицерами и ополченцами.

— „Это не люди, а изверги рода человѣческаго!“ говорили офицеры: „такихъ людей-звѣрей слѣдуетъ безпощадно наказывать и истреблять.“

Но и русскіе и болгаре-ополченцы въ безсильной злобѣ и негодованіи могли только, скрежаща зубами, грозить жестоко отмстить кровопійцамъ.

Полночь близилась, но никто на бивуакѣ и не помышлялъ о снѣ. Офицеры и ополченцы, лежа, или собравшись группами, тихо вели разговоръ, преимущественно о злобѣ дня — варварствѣ турокъ, и о предстоявшемъ на слѣдующій день сраженіи; въ послѣднемъ никто не сомнѣвался, но всѣхъ тревожилъ вопросъ, подоспѣетъ-ли вò-время генералъ Гурко съ своимъ отрядомъ.

VII.

Сраженіе подъ Старой Загорой 19-го іюля. — Первые раненые. — Караискаки. — Смертъ штабсъ-капитана Усова. — Штыковой бой. — *Мальчикъ* Ивановъ. — Импровизованный гарнистъ. — Геройство Калитина и его смерть. — Штабсъ-капитанъ Поповъ. — Боевые похороны Калитина. — Отступленіе. — 10,000 старозагорскихъ жертвъ. — Въ Дервентскомъ ущельи. — Докторъ Боневъ. — Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтембергскій.

19-ое іюля. Еще не совсѣмъ разсвѣло, а почти всѣ ополченцы уже были вставши. Всѣ приготовлялись повести крововый хороводъ, какъ говорили солдаты: надо было осмотрѣть ружья, приготовить патроны да и Богу помолиться, и ополченцы, какъ муравьи, сновали всюду по бивуаку.

Огней, какъ и вчера, разводить не позволяли; но вскорѣ показалось солнце, заблиставъ сначала на верхахъ *Средней Горы,* а затѣмъ и повсюду. Воздухъ свѣжій, ароматный отъ

цвѣтовъ и садовъ; съ одной стороны бивуака, тихо журчалъ горный ручей и ему весело вторило щебетаніе птицъ... Было чудесное утро и въ природѣ все улыбалось, только столбы дыма и языки пламени отъ горящихъ деревень къ юго-востоку отъ насъ, да орлы и вòроны, стаями летавшіе по небосклону, нарушали общую красоту утра и веселое настроеніе, напоминая намъ, что невдалекѣ буйствуетъ Сулейманъ съ своей арміей разбойниковъ, съ которой не сегодня, завтра неминуемо придется схватиться, что называется не на жизнь, а на смерть . . . что тамъ же, невдалекѣ, среди этой прекрасной природы, оглашаютъ воздухъ плачь женщинъ и дѣтей, предсмертные вопли и стоны раненыхъ, и повсюду разбросаны сотни труповъ христіанъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ . . .

Ополченцы, не смотря на все это, были веселы и бодры — имъ улыбалась переспектива предстоящей схватки съ турками. Это было видно изъ выраженій ихъ лицъ и ихъ разговоровъ.

По всей позиціи была тишина; ни одно движеніе, ни одинъ звукъ не обнаруживали близости непріятеля. Часамъ къ семи утра, со стороны Новой-Загоры послышались пушечные выстрѣлы: предполагалось, что это генералъ Гурко аттакуетъ отрядъ Реуфа Паша при Джуранліяхъ; позднѣе, мы замѣтили что въ направленіи Черпанской дороги, къ западу, двигались массы непріятельской пѣхоты и видно было, насколько позволяла мѣстность, что движеніе это не отличалось стройностью.

Въ 8-мъ часу утра получено было приказаніе дружинамъ сняться съ бивуака: III-я дружина заняла сѣверный склонъ *Чадыръ-Могилы,* возвышенности, лежавшей на востокъ отъ Старой-Загоры, а I-я дружина — восточную покатость той же возвышенности.

Когда дружины заняли свои позиціи, я расположился подъ засохнувшимъ миндальнымъ деревомъ и началъ заносить въ памятную книжку свои замѣтки; офицеры собрались въ кружокъ и доѣдали утреннюю закуску, прерванную переходомъ на позицію, а ополченцы догрызали сухари; немного спустя офицеры дружнымъ хоромъ запѣли пѣсни, а затѣмъ и ополченцы — свои воинственныя пѣсни; слушая, мнѣ казалось, что въ пѣсняхъ этихъ слышится и угроза врагамъ и прощаніе

со всѣмъ, что человѣку мило и дорого . . . Въ эту минуту раздались два пушечныхъ выстрѣла: въ отвѣтѣ на нихъ послышалась команда и у насъ: одинъ изъ офицеровъ скомандовалъ: *„первое! второе!“* Былъ 10-й часъ утра.

За горой нельзя было видѣть, что дѣлалось на югъ отъ нея, въ равнинѣ, и надо было для того подняться шаговъ 150 въ верхъ, что, съ разрѣшенія командира насъ нѣсколько офицеровъ и сдѣлали. Въ бинокль ясно было видно расположеніе непріятеля. Прямо на югъ и вправо отъ адріанопольскаго шоссе, на холмѣ, называемомъ *Берекетская могила,* была расположена турецкая батарея; надъ ней подымались облака дыма и съ нее были сдѣланы слышанные нами первые выстрѣлы; у подошвы названной *могилы* двигалась непріятельская цѣпь съ своими резервами, за которыми слѣдовала масса пѣхоты, частью уже перестроенной въ боевой порядокъ; остальная же часть пѣхоты шла еще по шоссе. На лѣвомъ турецкомъ флангѣ виднѣлось множество черкесовъ и регулярной кавалеріи; вскорѣ эти всѣ войска остановились и повернули фронтомъ къ сѣверу благодаря чему, была нами обнаружена многочисленность непріятельскихъ силъ.

Нашъ незначительный отрядъ, состоявшій изъ четырехъ дружинъ Болгарскаго Ополченія и трехъ кавалерійскихъ полковъ, занялъ слѣдующее расположеніе: пѣхотныя части — І-я дружина заняла лѣвый флангъ, въ центрѣ — ІІІ-я дружина, какъ уже сказано, на склонахъ *Чадыръ Могилы,* V-я дружина — на южной сторонѣ Старой-Загоры, тамъ гдѣ былъ нашъ бивуакъ, и вправо отъ V-й — ІІ-я дружина; два кавалерійскихъ полка стали на лѣвомъ флангѣ, а казачій полкъ сталъ между городомъ и *Чадыръ Могилой;* два орудія конной четырехъфунтовой батареи расположились на возвышенномъ мѣстѣ лѣваго фланга, за І-й дружиной, а горная батарея — въ центрѣ, за V-й дружиной.

Съ этими силами, около 4500 человѣкъ, предстояло намъ бороться съ превосходившей насъ численностью арміей Сулейманa-паши, закаленной въ бояхъ съ черногорцами. Но ополченцы видимо не хотѣли и знать о численности врага, имъ хотѣлось часъ скорѣе встрѣтиться съ вѣковымъ врагомъ и отомстить за всѣ страданія своего народа и за всѣ человѣческія жертвы, разбросанныя по полямъ и доламъ въ районѣ расположенія турецкихъ войскъ.

Полковникъ графъ Михаилъ Павловичъ Толстой,
командиръ лѣваго фланга въ сраженіи подъ Старой-Загорой
19-го іюля 1877 года.

Стр. 168—169.

Прихода генерала Гурко съ его отрядомъ, ночевавшими д. Кара-бунара, по пути между Старой-Загорой и Новой-агорой, мы ждали съ минуты на минуту. Удержать городъ и ыходъ изъ Дервентскаго ущелья было очень важно и необ-одимо; эта послѣдняя задача, затѣмъ желаніе не оставлять еззащитныхъ жителей въ рукахъ безжалостного врага и на-ежда на издалека шедшую помощь генерала Гурко, заставили ачальствующихъ лицъ принять рѣшеніе поставить отрядъ на азванныя выше позиціи, впереди города, на пути наступленія ъ нему непріятеля.

Такимъ образомъ всѣ четыре дружины растянулись въ дну боевую линію, которую предстояло защитить — эта по-иція была по своей длиннѣ несоразмѣрна нашимъ силамъ — коло 4 верстъ, и не представляла никакихъ удобствъ ни для ртиллерійскаго ни для стрѣлковаго боя. По южной окраинѣ орода шелъ проселочный путь, отъ котораго начинались тѣ-истыя деревья, кусты, виноградники и кукурузныя поля и за-ѣмъ находились турецкое и еврейское кладбища — вся эта естрая полоса обхватывала городъ съ южной, западной и во-сточной сторонъ, причемъ съ южной стороны простиралось отъ востока къ западу совсѣмъ ровное поле. Городъ, такимъ обра-зомъ, оставался за линіей нашей позиціи и притомъ, распо-ложенный въ ширину ската наклонной плоскости, съ цѣлымъ лабиринтомъ кривыхъ улицъ, переполненныхъ множествомъ возовъ, скота и народа, и совершено неудобныхъ для движенія войскъ, онъ также не представлялъ удобнаго пункта для обороны.

Ущелье, черезъ которое проходила дорога въ Казанлыкъ, находилось въ полуторѣ верстѣ отъ города.

Итакъ, четыремъ неполнаго состава дружинамъ выпалъ жребій защищать позицію, около 4-хъ верстъ длинны, начиная отъ Черпанского шоссе на западѣ до *Чадыръ-Могилы* на востокѣ, отъ которой, въ верстѣ, находился входъ въ Дервентское ущелье; благодаря этому послѣднему обстоятельству, лѣвый флангъ по-лучалъ особое стратегическое значеніе, составляя собою ключъ о входу въ ущелье, въ случаѣ занятія котораго непріятелемъ, уть отступленія для русскаго отряда былъ бы отрѣзанъ, а авно и прекращена возможность полученія подкрѣпленій. тимъ лѣвымъ флангомъ командовалъ командиръ 3-ей бри-ады полковникъ графъ Толстой, въ распоряженіи котораго

находились занимавшія этотъ флангъ: I-ая дружина, подъ командой полковника Кесякова, III-я знаменная дружина — подполковника Калитина и два орудія 10-ой донской батареи. Правымъ флангомъ, приходившимся прямо передъ линіей города съ южной стороны, имѣвшимъ задачу защитить городъ, командовалъ полковникъ Депрерадовичъ, въ распоряженіи котораго были: II-я дружина, подъ командой подполковника Куртьянова, V-я — подполковника Нищенко, 2-я горная батарея — капитана Константинова и Казанскій драгунскій полкъ, подъ командой полковника Краснова — всего двѣ дружины, четыре горныхъ орудія и четыре эскадрона кавалеріи.

Когда мы сошли къ дружинамъ съ верха горы, откуда наблюдали за движеніемъ непріятеля, ординарецъ отъ имени генерала Столѣтова сообщилъ командиру дружины о полученіи извѣстія отъ генерала Гурко, что послѣдній вскорѣ прибудетъ съ отрядомъ въ Старую Загору и приказываетъ до его прихода удержать позиціи. Это извѣстіе произвело на насъ отличное впечатлѣніе. Офицеры и ополченцы снова огласили воздухъ воинственными пѣснями: „На бой смѣлѣй ребята, пока мы турокъ не побьемъ," „Бой за свободу и побѣду, а послѣ отдыхъ по домамъ" и другими.

Въ это время съ праваго фланга, изъ подъ города раздались пушечные выстрѣлы, а затѣмъ — и по всей линіи нашего расположенія. Послѣ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ наши конная и горная батареи силились отвѣчать многочисленной турецкой дольнобойной артиллеріи, но врядъ ли наносили какой либо вредъ этой артиллеріи, такъ какъ и на этотъ разъ разстояніе до непріятельскихъ батарей было не меньше, какъ и въ бою при Джуранліяхъ 17-го и 18-го числа; тѣмъ не менѣе, наши орудія оказали несомнѣнно большую услугу нашему отряду въ моментъ, когда непріятельскія колонны подходили къ нашей позиціи и бросились на насъ какъ бѣшеныя.

Вначалѣ, непріятель особенно напиралъ на нашъ правый флангъ; позднѣе, отведя кавалерію обратно и послѣ ожесточенной канонады, турки перешли въ наступленіе; при приближеніи непріятельской цѣпи къ нашимъ рядамъ на нашемъ правомъ флангѣ, она была встрѣчена частымъ и мѣткимъ огнемъ.

Между тѣмъ, III-я дружина, какъ только открылся огонь на правомъ флангѣ, получила приказъ отъ генерала Столѣтова (генералъ вмѣстѣ съ Е. В. Принцемъ Николаемъ Максимилia-

новичемъ находились на возвышенности за позиціей I-ой дружины) перейти въ западномъ направленіи и занять самую сѣдловину *Чадыръ-Могилы*, около большихъ скирдъ хлѣба, и затѣмъ выслать двѣ роты въ цѣпь, отъ себя — прямо къ югу.

Командиръ дружины скомандовалъ: *„въ ружье!“* Ополченцы разобрали ружья и заняли свои мѣста; командиръ снялъ шапку, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ; всѣ ополченцы послѣдовали его примѣру, а многіе шептали молитву . . . Скомандовали: — *„на право! Ружья вольно! Шагомъ, маршъ!“* и дружина учащеннымъ шагомъ энергично двинулась впередъ.

Не прошли и ста шаговъ, какъ съ юга раздались ружейные залпы и пули засвистѣли надъ нашими головами . . . Дружина перестроилась въ двѣ линіи; двѣ роты вышли впередъ, выдѣливъ отъ себя стрѣлковую цѣпь, 4-я рота остановилась, а 3-я — подъ непріятельскимъ огнемъ — продолжала путь, почти по самому гребню горы, къ мѣсту назначенія — большимъ скирдамъ хлѣба.

— „Съ Богомъ, молодцы!“ кликнулъ 1-й ротѣ подполковникъ Калитинъ.

Въ тоже время на лѣвомъ флангѣ III-й дружины расположилась I-я дружина въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: на своемъ правомъ флангѣ — 2-я рота капитана Кулаковскаго и за ней, въ резервѣ — 1-я рота капитана Илишева; на своемъ лѣвомъ флангѣ, передъ шоссе*) — 4-я рота, прикрывавшая расположенныя тамъ же два орудія конной четырехъ фунтовой батареи.

Едва успѣли разсыпаться въ цѣпь роты первой линіи III-й дружины, какъ были уже встрѣчены густымъ ружейнымъ огнемъ. Нѣсколько моментовъ спустя, мы увидѣли старика Караискаки съ облитымъ кровью лицомъ, выходившимъ изъ цѣпи и что-то бормотавшимъ по гречески; онъ, хотя и числился при 3-й ротѣ, но ушелъ въ цѣпь вмѣстѣ съ 2-й ротой.

— „Ты это куда ходилъ?“ спросилъ его ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Поповъ.

— „Цортъ, цортъ, турка удари голова,“ отвѣтилъ на ломанамъ языкѣ старый грекъ, показывая на рану выше лѣвой брови, и осыпая турокъ ругательствами: „вязи, вязи, *глигора!*“ **) закричалъ онъ ротному фельдшеру, стоявшему около одной

---

*) Въ Новую Загору.

**) *Глигора*, по гречески значитъ: *скорѣй.* Прим. Пер.

скирды для подания первой помощи раненымъ (Д-ръ Вязанковъ и дружинный фельдшеръ были на перевязочномъ пунктѣ за горой).

Фельдшеръ быстро перевязалъ рану и отправилъ его на перевязочный пунктъ.

— „Сто мнѣ тамъ дѣлать!?“ съ недоумѣніемъ возразилъ старикъ, и, взявъ ружье, снова отправился въ цѣпь, но былъ задержанъ ротнымъ командиромъ, предложившимъ ему отдохнуть и потомъ идти въ бой съ своей ротой.

Стрѣльба усиливалась все больше; начали прибывать легко раненые, санитары приносили тяжело раненыхъ и около скирды всѣхъ ихъ было уже около десятка; тутъ явился и неустрашимый докторъ Вязанковъ и энергично принялся за свою работу; раненые начали прибывать по нѣскольку въ разъ.

Принесли подпоручика Божинскаго; онъ былъ блѣденъ, но сохранилъ полное самообладаніе:

„Молодцы ополченцы! дерутся молодецки!“ сказалъ онъ громко, такъ что всѣмъ было слышно.

Подошли двое ополченцевъ съ ружьями.

— „Что вы ранены?“ спросилъ я.

— „Нѣтъ ваше благородіе, но ружья не стрѣляютъ,“ отвѣчали они.

Я осмотрѣлъ ружья и дѣйствительно одно не отворялось, въ другомъ была сломана игла.

— „Скорѣй возвращайтесь къ товарищамъ и возьмите ружья отъ раненыхъ или отъ турокъ!“ приказалъ я и ополченцы бѣгомъ пустились обратно.

Мы съ шт.-кап. Поповымъ отошли отъ скирды, чтобы посмотрѣть, что дѣлается впереди.

— „Ваше благородіе, идите сюда!“ отозвались ополченцы: „тутъ васъ могутъ ранить, кто же тогда насъ поведетъ въ бой?“

И въ самомъ дѣлѣ, хотя турки и уменьшили нѣсколько огонь, но пули все таки, то и дѣло сновали надъ нашими головами или падали около насъ.

— „Это затишье, передъ бурей,“ замѣтилъ Поповъ, указывая на приближавшіяся турецкія колонны.

Немного спустя, стрѣльба въ цѣпи участилась, пули засвистѣли и загудѣли, раненые начали прибывать группами; на перевязочномъ пунктѣ, за скирдами, было уже около 30 человѣкъ, ожидавшихъ очередной перевязки. Докторъ Вязанковъ

засученными рукавами то перевязывалъ рану, то вынималъ
лю, то отрѣзывалъ палецъ или висѣвшую на одной кожѣ
ку и т. п. Большая часть легко раненыхъ послѣ перевязки
вращались въ свои роты.

— „Я трехъ красноголовокъ свалилъ, хочу дойти до
ть-дюжины,“ говорилъ какой то раненый:

— „Ну, а я хочу свалить столько, сколько ранъ у Семена
нева!“ отзывался другой.

— „Что же намъ-то останется, тогда?“ спрашивалъ опол-
нецъ изъ 3-ей роты.

Дѣйствительно, раны, покрывавшія тѣло ополченца С.
нева трудно было пересчитать: лице и шея были будто
уированы; его шея была покрыта небольшими ранами и
здами отъ старыхъ ранъ, такъ что ему приходилось ее
жать наклоненной. Еще въ Сербіи, кажется при *Бабиной*
авѣ, черкесы искололи Манева такъ, что его шея представ-
а видъ рубленого мяса, какъ разсказывали очевидцы.

Одинъ ополченецъ идетъ почти бѣгомъ съ ружьемъ въ
авой рукѣ а лѣвая — въ крови:

— „Ваше благородіе, клюнула меня пуля въ палецъ, не
гу держать ружья, отрѣжьте вотъ этотъ кусочекъ и завя-
те поскорѣй, тамъ, въ дружинѣ, меня ждутъ!“

— „Проклятые турки, лѣзутъ какъ слѣпые... мы залпомъ
нихъ, а они и знать не хотятъ, лѣзутъ впередъ... но все
мы ихъ здорово угостили... вся позиція уложена убитыми
ранеными...“ разсказывалъ одинъ раненый: „эхъ кабы
ли у насъ *„кримки“?* (такъ называли солдаты ружья си-
мы Крнка). А эти *Шаспо* — ничего не стоютъ, выстрѣлишь
-6 разъ и не работаютъ больше.

— „Николай Николаевичъ!“ крикнулъ подполковникъ
литинъ нашему ротному командиру, „ведите роту впередъ!“

Подполковникъ Калитинъ былъ на лошади, съ поднятой
ловой, былъ вполнѣ спокойный и хотя и блѣдный, но за то
глаза горѣли какъ уголья.

— „Павелъ Петровичъ!“ обратился къ Калитину Поповъ:
учше слѣзьте съ лошади, турки очень близко...“

Но дружинный командиръ только усмѣхнулся, махнулъ
кой и поскакалъ впередъ...

Поповъ повелъ роту впередъ; ружейный и пушечный
онь достигъ высшей степени: особенно сильна была стрѣльба

передъ линіей города. Турецкія батареи направляли свои снаряды главнымъ образомъ въ городъ и по нашей горной батареѣ, расположенной въ центрѣ позиціи, а рѣже стрѣляли по 4-хъ фунтовой, находившейся на нашемъ лѣвомъ флангѣ. По мѣсту расположенія нашей III-й дружины турецкая артиллерія не стрѣляла, такъ какъ за садами, которые были между нами и непріятелемъ, турецкимъ артиллеристамъ насъ не было видно, но отъ этого положеніе III-й дружины не было легче другихъ дружинъ.

Наша 3-я знаменная рота во главѣ съ командиромъ шла быстро впередъ, въ глазахъ и лицахъ солдатъ виднѣлись энергія, рѣшителность и отвага: мы шли по совершенно открытой мѣстности и лишь впереди, шагахъ въ 300-хъ, торчали кой гдѣ миндальныя деревья, но за то вся мѣстность была усажена крестцами хлѣба на пажитяхъ, а къ юго-востоку отъ насъ, подъ деревней Айданліями, въ обширныхъ садахъ и орѣховыхъ рощахъ виднѣлись между деревьевъ турецкія пѣхотныя колонны, а между крестцами, передъ линіей садовъ и рощъ, ближе къ намъ, — густая непріятельская стрѣлковая цѣпь.

По фронту мы занимали линію не менѣе 250 шаговъ въ длинну. Роты первой линіи разсыпались въ цѣпь и залегли неподалеку отъ турецкихъ стрѣлковъ, буквально осыпавшихъ насъ пулями: въ 3-й ротѣ, какъ только она показалась на виду непріятеля, начали падать убитые и раненые. Когда мы подходили т. е. роты второй линіи, наша стрѣлковая цѣпь сгустила ряды и успѣла оттѣснить турецкихъ стрѣлковъ.

— „Стой, ложись!“ скомандовалъ Поповъ: „отдохнемъ немного, молодцы, а затѣмъ съ божіей помощью въ штыки!“

Этотъ отдыхъ мнѣ казался цѣлой вѣчностью: приходилось стоять, какъ столбъ, и служить цѣлью туркамъ, осыпавшимъ наше пространство градомъ пуль. Въ этотъ промежутокъ времени, ополченцы Стоянъ Петровъ (родомъ изъ г. Орханіе) и Иванъ Хаджи Волчановъ (изъ г. Тульчи) проносили изъ передовой цѣпи раненаго штабсъ-капитана Усова; отъ потери крови онъ былъ блѣденъ какъ полотно, но, не смотря на то, силился намъ улыбнуться:

— „Молодцы!“ проговорилъ Усовъ, указывая глазами на ополченцевъ.

— Это слово было послѣднимъ; несчастному не выпало на долю быть вынесеннымъ изъ царства смерти живымъ: одно-

еменно двѣ пули, не повредивъ носившихъ его солдатъ, поожили конецъ его жизни. Петровъ и Волчановъ вернулись роту и, какъ разъ въ моментъ, когда Волчановъ докладывалъ Стаменову, командовавшему взводомъ вмѣсто убитаго взводнаго командира Ив. Милютина, о томъ, что пуля убила ъ храбраго командира, капитана Усова, Волчановъ упалъ, аженный тоже двумя пулями:

„Стаменовъ," успѣлъ сказать Волчановъ: „въ поясѣ у ня 200 лиръ, возьми деньги и отдай моимъ братьямъ *) . . . ажи имъ, что я исполнилъ долгъ . . . пусть и они поступятъ къ же . . ."

Стаменовъ не могъ дослышать словъ Волчанова до конца рота продолжала наступленіе.

Недалеко отъ мѣста, гдѣ пронесли Усова, въ небольшой емкѣ, я замѣтилъ лежавшаго на землѣ солдата; подумавъ, о это раненый, я подошелъ ближе; оказалось, что это леалъ фельдфебель 2-й роты Радушевъ.

— „Ротный командиръ жизни не пожалѣлъ, а ты, трусъ, кѣ мышь прячешься въ нору, маршъ, въ роту!" крикнулъ . . . пристыженный Радушевъ всталъ и пошелъ въ роту.

— „Оставь меня," говорилъ въ это время неподалеку, динъ раненый санитару: „иди помогать другимъ, я и самъ йду."

Спустя немного, этого самого санитара я увидѣлъ передъ отой, съ ружьемъ въ рукѣ.

„Ступай помогать раненымъ!" замѣтилъ я санитару.

— „Ваше благородіе, мы пришли или умереть или побѣдить проклятыхъ турокъ; раненые потерпятъ; побѣдимъ, и поможемъ, а нѣтъ, такъ умремъ всѣ вмѣстѣ!" отвѣтилъ оситель краснаго креста на рукавѣ мундира.

Между тѣмъ на встрѣчу намъ шли цѣлые ряды раненыхъ, ри чемъ легко раненые помогали идти тяжело раненымъ торищамъ; послѣдніе часто просили ихъ оставить и спасаться мимъ: „оставьте меня, все равно умру; спѣшите сами на ревязку!" говорили многіе.

— „Встать!" скомандовалъ ротный командиръ, и ополнцы вскочили какъ одинъ.

*) Оба брата тоже были ополченцы: Христо — въ V-й и Георгій — въ -й дружинахъ.

Въ это время, сдѣлавъ два, три шага, штабсъ-капитанъ Поповъ, какъ бы споткнулся.

— „Что съ вами, не ранены ли вы?“ спросилъ я.

— „Нѣтъ, ничего, будто ранило въ ногу, но я могу идти,“ отвѣтилъ Поповъ и хромая бравый командиръ шелъ впередъ.

Я ему совѣтовалъ пойти на перевязку, но онъ отказался.

Между тѣмъ турецкіе стрѣлки получили подкрѣпленіе и убійственный огонь еще болѣе усилился. Идя передъ ротой, я запѣлъ любимую ополченскую пѣснь: „Въ бой, бой ребята,“ и вся рота такъ дружно и громко подхватила пѣснь, что около насъ нельзя было услыхать свиста пуль и трескотни ружейныхъ выстрѣловъ. Я не могу описать чувства, охватившаго меня въ этотъ моментъ, а слѣдовательно и всѣхъ насъ; мнѣ казалось, что я не шелъ, а летѣлъ и что обладалъ такой силой, что скалу бы сдвинулъ . . . .

Мы шли полуоборотомъ на право отъ нашей позиціи . . . Турки были уже близко . . . Приблизившись къ лѣвому флангу нашей цѣпи, Поповъ крикнулъ „ура,“ и вся 3-я рота а за ней и наша цѣпь, громогласно подхватили кликъ, и мы всѣ вмѣстѣ бросились на турецкую цѣпь и ея резервы, которые были многочисленѣе насъ . . .

Смолкло „ура“ и слышенъ былъ лишь лязгъ стали — это работали штыки . . .

При первомъ нашемъ натискѣ и кликахъ „ура,“ турки растерялись и даже прекратили пальбу, а когда мы добѣжали до мѣста ихъ расположенія, одни изъ нихъ бросились бѣжать, а другіе — запрятались въ крестцахъ между сноповъ или засѣли между скирдами, продолжая стрѣльбу . . .

Тутъ то именно и закипѣлъ штыковой бой. Ополченцы, какъ раненые львы бросились на своихъ враговъ — одни штыками кололи зарывшихся въ снопахъ, другіе гнались за бѣгущими, третьи били прикладами . . . Справедливость требуетъ сказать, что раненыхъ турокъ ополченцы не преслѣдовали и яростно набрасывались только на вооруженныхъ; я мо[illegible]зать, что ополченцы многимъ раненымъ [illegible], раненыхъ мы не убиваемъ, какъ вы!“ [illegible]овъ изъ 3-й роты сцѣпился съ какимъ-то [illegible] томъ, что Ивановъ сунулъ штыкомъ въ [illegible]го въ нашихъ изъ-за крестцовъ; турокъ схва[illegible] и оба начали бороться; въ это время другой

Капитанъ Николай Николаевичъ Поповъ,
командиръ 3-й знаменной роты III-ей дружины Ополченія
подъ Старой-Загорой.

Стр. 176—177.

урокъ набрасывается на Иванова, но кто-то изъ ополченцевъ оспѣваетъ во время помочь и оба турка, какъ снопы, поалились мертвые.

— „Ваше благородіе, двоихъ турокъ пронизалъ штыомъ!“ восторженно заявилъ мнѣ Ивановъ: „посмотрите штыкъ, отъ докудова его всадилъ въ . . . . .,“ но бѣдному Иванову не далось окончить слова: послышался звукъ сухого удара и Ивановъ вскрикнулъ и упалъ на землю.

Всѣ турки, сколько ихъ было при оружіи между крестцами, ыли до однаго перебиты; сдаваться *„гяурамъ-комитамъ“* они е хотѣли, а у ополченцевъ трудно было въ эти минуты возбуцить сожалѣніе къ своимъ заклятымъ врагамъ; всѣ пажити округъ насъ были покрыты турецкими трупами; но и нашихъ ало много. Во время этого штыкового боя, турки почти соісѣмъ прекратили стрѣльбу, такъ какъ отступавшая въ безорядкѣ турецкая цѣпь закрыла насъ отъ направлявшихся проивъ насъ густой цѣпью двухъ таборовъ турокъ, но когда эти аборы соединились съ отступившей турецкой цѣпью, послѣдняя нов залегла и открыла по насъ убійственный огонь.

Наша дружина, окончивъ свою штыковую работу, въ свою очередь, залегла и открыла частый огонь по турецкой цѣпи и ея резервамъ; немного спустя, къ намъ подлетѣлъ въ карьеръ дружинный адъютантъ подпоручикъ Поликарповъ и передалъ приказаніе дружиннаго командира держаться на занятой позиціи:

— „Отступленія нѣтъ!“ передавалъ Поликарповъ Попову: „скоро прибудетъ помощь. Генералъ Раухъ прибылъ изъ Гурковскаго отряда и принялъ команду надъ нашимъ отрядомъ вмѣсто герцога Николая Максимиліановича.“

Подпоручикъ Поликарповъ былъ раненъ въ челюсть и ему разорвало всю нижнюю губу; тѣмъ не менѣе онъ остался въ строю; передавая приказаніе, онъ старался говорить возможно отчетливѣе и яснѣе, не смотря на то, что кровь изъ губы текла въ ротъ и мѣшала ему внятно произносить слова.

На правомъ флангѣ нашей позиціи между тѣмъ, какъ было упомянуто выше, непріятель съ самаго начала сраженія, употреблялъ большія усилія, чтобы овладѣть городомъ, но долгое врѣмя встрѣчалъ сильное сопротивленіе.

Во время перестрѣлки между обѣими сражающимися цѣпями, командиръ 3-й роты V-й дружины штабсъ-капитанъ Романовъ замѣтилъ сильное движеніе противника въ лѣво отъ

расположенія этой дружины т. е. въ пространствѣ, находившемся между цѣпью нашей III-й, и его V-й дружинъ, остававшемся нами не занятымъ, и доложилъ о томъ командиру подполковнику Нищенко; послѣдній, дабы предупредить обхватъ турками своей позицій, послалъ въ цѣпь 4-ю роту; въ это время непріятельская батарея, стоявшая въ лѣво отъ шоссе, открыла огонь по резервамъ V-й дружины, а турецкіе стрѣлки, подъ прикрытіемъ виноградныхъ кустовъ, открыли пальбу по лѣвой половинѣ нашей цѣпи, состоявшей изъ 4-й роты; но эта рота своей мѣткой стрѣльбой очень успѣшно дѣйствовала противъ турокъ, а командиръ горной батареи капитанъ Константиновъ, замѣтивъ подошедшія, шаговъ тысячи на полторы, непріятельскія части, столь удачно послалъ имъ на встрѣчу нѣсколько гранатъ, что онѣ начали очищать шоссе, и продолжалъ дѣйствовать своими двумя орудіями, стрѣляя изъ одного въ томъ же направленіи, пока шоссе совершенно не очистилось отъ турокъ, а изъ другого — въ разныхъ направленіяхъ, туда, гдѣ замѣчалъ наступленіе турецкихъ частей на нашу цѣпь; однимъ словомъ горная батарея нигдѣ не пропускала случая угостить врага, и благодаря такимъ ея энергичнымъ и удачнымъ дѣйствіямъ, а также таковымъ же дѣйствіямъ дружинъ, занимавшихъ нашъ правый флангъ, турки были принуждены нѣсколько разъ отступать съ большими потерями; въ такіе моменты наступало нѣкоторое затишье и уморившіеся борцы могли вздохнуть свободно; но затѣмъ, новыя густыя ряды непріятеля снова надвигались.

Наконецъ турки выдвинули батарею на шоссе, открывшую сильный огонь, какъ по двумъ горнымъ орудіямъ такъ и по остаткамъ нашей передовой линій; вслѣдъ за турецкой батареей появилась новая густая цѣпь турокъ; а сильныя колонны пѣхоты двинулись въ обходъ лѣваго фланга V-ой дружины. Казалось, что наступалъ конецъ сопротивленію; но въ это время защитники слышатъ громкое „ура“ вдали, въ расположеніи III-й дружины и учащеный ружейный огонь; это „ура“ остановило турокъ; ихъ колонны начали отступать, а турецкая цѣпь замолчала; тогда V-я дружина, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ турокъ, усиливаетъ огонь и вводитъ въ цѣпь третіе взводы своихъ ротъ; тѣмъ не менѣе непріятель, оправившись, продолжилъ аттаку: его колонны появились и съ права и съ лѣва и съ фронта дружины; между тѣмъ у насъ

начало не хватать патроновъ, а отъ усиленной стрѣльбы много ружей перестали дѣйствовать, иглы ломались и сгорали затворные кружки; кромѣ того и противъ II-й дружины, занимавшей крайній лѣвый флангъ нашей позиціи т. е. вправо отъ V-й дружины, близъ Черпанскаго шоссе, непріятель повелъ одновременно сильную аттаку. Дошло наконецъ до того, что обѣ дружины принуждены были ввести въ бой и свои послѣдніе резервы. Въ это время, около часу по полудни, начальникъ праваго фланга полковникъ Депрерадовичъ, видя невозможность продолжать борьбу далѣе съ противникомъ въ нѣсколько разъ превышавшимъ наши силы, и не имѣя резервовъ, отдалъ приказъ II-й и V-й дружинамъ медленно отступать, прикрывая упомянутую выше горную батарею; почти одновременно и полковникъ Рынкевичъ отправилъ съ кавалеристомъ Ив. Цвѣтковымъ записку къ начальнику праваго фланга Депрерадовичу съ приказаніемъ объ отступленіи. Цвѣтковъ, передавъ записку возвратился, но штаба Ополченія уже не нашелъ на старомъ мѣстѣ: штабъ отступилъ къ ущелью. Этой записки не получилъ Депрерадовичъ и она была передана одному изъ офицеровъ II-й дружины.

Между тѣмъ на крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ, у шоссе въ г. Новую Загору съ не меньшимъ геройствомъ отстаивала каждую пядь пространства I-я дружина, подъ командой подполковника Ис. Кесякова, и въ тоже время прикрывала взводъ нашей 4-хъ-фунтовой батареи. I-я дружина съ самого начала сраженія терпѣла большую убыль отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ какъ врагъ былъ скрытъ за густыми деревьями и кустами.

Когда турки предприняли, упомянутыя выше, свои стремительныя аттаки, подполковникъ Кесяковъ, замѣтивъ, что между III-й и его дружинами остается большой интервалъ, не занятый нами, приказалъ капитану Колесинскому, командиру 1-й роты, занять этотъ промежутокъ и выслать стрѣлковую цѣпь. Эта цѣпь, благодаря густотѣ кустарника и деревьевъ, принуждена была подходить къ непріятелю на 400—500 шаговъ, чтобы открыть огонь; въ тоже время и наши 4-хъ-фунтовыя орудія, стоявшія, какъ сказано ранѣе, на возвышенности за расположеніемъ I-й дружины, также почти не имѣли площади обстрѣла, такъ какъ передъ ними разстилались фруктовые сады, а далѣе кустарникъ, и потому не смотря на то, что все

это наше расположеніе было уже давно въ сферѣ ружейнаго огня, 4-хъ-фунтовыя орудія продолжали посылать свои снаряды по направленію, откуда шли непріятельскіе выстрѣлы.

Послѣ непродолжительной, но сильной ружейной перестрѣлки, турки вывели изъ садовъ два табора пѣхоты и открыли по стрѣлковой цѣпи пальбу залпами, поражая преимущественно лѣвый флангъ I-й дружины, за которымъ стояли два нашихъ орудія; эти залпы заставили нашу цѣпь податься шаговъ 50 назадъ, къ линіи своихъ поддержекъ, расположившихся въ незначительной канавкѣ, и вмѣстѣ съ поддержками цѣпь открыла по туркамъ тоже стрѣльбу залпами, что, въ свою очередь, заставило турокъ податься назадъ, и тогда дружина перешла въ наступленіе, но, дойдя до своихъ первыхъ позицій, принуждена была остановиться, продолжая усиленную перестрѣлку.

Спустя немного, турки вновь начали наступленіе сгущенными рядами, не прекращая сильный огонь залпами, вслѣдствіе чего вся цѣпь I-й дружины принуждена была, отстрѣливаясь, отступить шаговъ на полтараста; тогда, по приказанію флигель-адъютанта Графа Толстого, былъ данъ сигналъ къ общему наступленію. Когда дружина подошла къ врагу шаговъ на 50—60, подполковникъ Кесяковъ крикнулъ „ура“ и дружина стремительно бросилась на турокъ, не обращая вниманія на ихъ встрѣчные залпы; турки не выдержали натиска и повернули назадъ. Въ этотъ моментъ наступленія дружины, одна колонна турецкой пѣхоты вышла изъ-за кустарника и стала въ 400 шагахъ отъ нашихъ орудій и влѣво отъ фланга наступавшей дружины, угрожая такимъ образомъ лѣвому флангу нашей цѣпи. Наши артиллеристы, между тѣмъ, въ цѣляхъ увидѣть наконецъ, невидимаго изъ-за садовъ непріятеля, передвинули одно орудіе шаговъ на 30 въ сторону своего лѣваго фланга, найдя тамъ, между деревьевъ, прогалину для выстрѣловъ; пока перемѣщали орудіе, турецкая колонна дала о себѣ знать двумя залпами, но наши гранаты, по второму выстрѣлу, уже успѣли попасть въ самый строй турокъ и снести нѣсколько рядовъ. Не смотря однако на этотъ успѣхъ, командиру пришлось отвести дружину на прежнюю позицію, такъ какъ противникъ поражалъ продольно наши ряды.

Резервовъ уже къ этому времени не имѣлось, потому что и 4-я рота была введена въ цѣпь во время общей аттаки, а

Подполковникъ К. И. Кесяковъ,
командиръ I-й дружины въ бою подъ Старой-Загорой
19-го іюля 1877 года.

Стр. 180—181.

турки продолжая наступать фронтомъ вправо все больше обхватывали лѣвый флангъ дружины, и являлась опасность, что наши орудія, обстрѣливаемыя перекрестнымъ огнемъ, могутъ быть взяты непріятелемъ; послѣднее обстоятельство заставило генерала Столѣтова лично приказать отвезти орудія назадъ, на новую позицію, а въ тоже время и въ цѣляхъ, чтобы таковыя могли прикрывать дружины, при проходѣ послѣднихъ черезъ ущелье, въ случаѣ отступленія.

Было около 2-хъ часовъ по полудни. Наши 4-хъ фунтовыя орудія энергично отвѣчали туркамъ, но не могли часто посылать снаряды въ аттакующія I-ю и III-ю дружины турецкія колонны, такъ какъ эти колонны двигались подъ прикрытіемъ садовъ; въ это время насъ удивило, что наша горная батарея, находившаяся, какъ сказано выше, въ центрѣ позиціи замолчала, а затѣмъ начала стрѣлять, но, какъ казалось, гораздо дальше отъ бывшей своей позиціи. На это обстоятельство я обратилъ вниманіе Попова.

— „Намъ это можетъ быть такъ кажется, потому что мы ушли впередъ отъ нашихъ позицій,“ отвѣтилъ камандиръ роты.

Одновременно въ южной сторонѣ города появился пожаръ и столбами валилъ дымъ — было очевидно, что городъ уже былъ подожженъ турецкими гранатами.

Между тѣмъ по всей линіи продолжалась сильная ружейная и пушечная стрѣльба. Ранили знаменосца Марчина, его ассистента Булаича — тоже; знамя передано старшему унтеръ-офицеру Цымбалюку; получилъ рану и онъ, но не передалъ знамени и остался въ строю; фельдфебель 3-й роты Босенко и большая часть унтеръ-офицеровъ были также ранены или убиты, наконецъ и послѣдній барабанщикъ Жилковскій былъ раненъ и вышелъ изъ строя.

Вправо отъ 3-й роты, на разстояніи 80—100 шаговъ, я замѣтилъ раненаго турецкаго трубача съ висѣвшей черезъ плечо трубой, опершагося на стволъ дерева. Сообразивъ, что мы остались и безъ трубача и безъ барабанщика, такъ что въ случаѣ нужды некому будетъ подать и сигнала, я подошелъ къ турку съ цѣлью взять у него трубу; цѣлый градъ пуль посыпался вокругъ меня, пока я шелъ къ раненому трубачу, но все таки я дошелъ благополучно; снимая трубу, я успокоивалъ турка, что де вреда ему не сдѣлаю, но раненый отвѣтилъ мнѣ взглядомъ, полнымъ ненависти и злобы.

Когда я возвращался съ трубой, между деревьями садовъ показались колонны турецкой пѣхоты въ количествѣ не менѣе четырехъ таборовъ, наступавшія прямо на нашу позицію: было очевидно, что участь нашей позиціи теперь именно должна была рѣшиться.

Дружинный командиръ Калитинъ въ этотъ моментъ прискакалъ къ намъ и, остановившись передъ 3-й ротой, крикнулъ: „барабанщикъ или гарнистъ!"

— Что прикажете г. подполковникъ? Аттаку? спросилъ я, показывая на турецкую трубу.

— „Я зову барабанщика или гарниста!" сердито крикнулъ Калитинъ.

— „Всѣ ранены . . ., вотъ подпоручикъ", отвѣтилъ ротный командиръ.

— „Ну, когда такъ, то катайте аттаку!" улыбаясь импровизованному гарнисту, отвѣтилъ Калитинъ.

До этого времени командиръ дружины находился въ 200 шагахъ отъ рядовъ дружины, но увидавъ, что нѣсколько турецкихъ колоннъ идутъ насъ аттаковать, онъ прискакалъ къ намъ и отдалъ упомянутое приказаніе; и дѣйствително послѣднее было отдано во время: турецкія колонны не успѣли еще подойти къ резервамъ турецкой стрѣлковой цѣпи, когда сигналъ аттаки разнесся по всей позиціи. Вся дружина, или точнѣе, всѣ остатки дружины съ громкими „ура" бросились на непріятельскіе ряды турецкой цѣпи, не смотря на встрѣчный, сильный залповый огонь этой цѣпи и ея резервовъ; аттака наша была столь дружна и стремительна, что густые ряды непріятеля были опрокинуты и турки съ крикомъ: *алла! алла!* бросились бѣжать назадъ, прѣслѣдуемые нами въ началѣ штыками, а затѣмъ пальбой залпами; но, не много спустя, бѣжавшіе турки изъ цѣпи, соединившись съ своими резервами, поворотили и вмѣстѣ съ послѣдними, съ тѣми же кликами: *алла!* бросились на насъ: ихъ ряды начали рѣдѣть отъ нашихъ залповъ, но, очевидно, ободреные надвигавшимися вслѣдъ за ними на насъ же густыми колонами, турки начали вновь наступать впередъ . . .

Вотъ уже они нѣсколько десятковъ шаговъ отъ насъ, передовые ихъ ряды уже близь нашнхъ, вотъ уже смѣшались съ нашими . . . видно, что они добирались до развѣвавшагося не въ далекѣ отъ нихъ нашего знамени . . . но воинскій

тр. 182—183.

Аттака III-й дружины Ополченія 19-го іюля 1877 года подъ Старой-Загорой.

рокъ набрасывается на Иванова, но кто-то изъ ополченцевъ спѣваетъ во время помочь и оба турка, какъ снопы, повились мертвые.

— „Ваше благородіе, двоихъ турокъ пронизалъ штыкомъ!" восторженно заявилъ мнѣ Ивановъ: „посмотрите штыкъ, гъ докудова его всадилъ въ . . . . .," но бѣдному Иванову не алось окончить слова: послышался звукъ сухого удара и ановъ вскрикнулъ и упалъ на землю.

Всѣ турки, сколько ихъ было при оружіи между крестцами, ли до однаго перебиты; сдаваться *„гяурамъ-комитамъ"* они хотѣли, а у ополченцевъ трудно было въ эти минуты возбуть сожалѣніе къ своимъ заклятымъ врагамъ; всѣ пажити кругъ насъ были покрыты турецкими трупами; но и нашихъ по много. Во время этого штыкового боя, турки почти соьмъ прекратили стрѣльбу, такъ какъ отступавшая въ безрядкѣ турецкая цѣпь закрыла насъ отъ направлявшихся прозъ насъ густой цѣпью двухъ таборовъ турокъ, но когда эти боры соединились съ отступившей турецкой цѣпью, послѣдняя овь залегла и открыла по насъ убійственный огонь.

Наша дружина, окончивъ свою штыковую работу, въ свою ередь, залегла и открыла частый огонь по турецкой цѣпи и ея зервамъ; немного спустя, къ намъ подлетѣлъ въ карьеръ друнный адъютантъ подпоручикъ Поликарповъ и передалъ призаніе дружиннаго командира держаться на занятой позиціи:

— „Отступленія нѣтъ!" передавалъ Поликарповъ Попову: коро прибудетъ помощь. Генералъ Раухъ прибылъ изъ Гурвскаго отряда и принялъ команду надъ нашимъ отрядомъ ѣсто герцога Николая Максимиліановича."

Подпоручикъ Поликарповъ былъ раненъ въ челюсть и у разорвало всю нижнюю губу; тѣмъ не менѣе онъ остался строю; передавая приказаніе, онъ старался говорить возожно отчетливѣе и яснѣе, не смотря на то, что кровь изъ бы текла въ ротъ и мѣшала ему внятно произносить слова.

На правомъ флангѣ нашей позиціи между тѣмъ, какъ ыло упомянуто выше, непріятель съ самаго начала сраженія, потреблялъ большія усилія, чтобы овладѣть городомъ, но лгое врѣмя встрѣчалъ сильное сопротивленіе.

Во время перестрѣлки между обѣими сражающимися цѣми, командиръ 3-й роты V-й дружины штабсъ-капитанъ Роновъ замѣтилъ сильное движеніе противника въ лѣво отъ

это наше расположенiе было уже давно въ сферѣ ружейнаго огня, 4-хъ-фунтовыя орудiя продолжали посылать свои снаряды по направленiю, откуда шли непрiятельскiе выстрѣлы.

Послѣ непродолжительной, но сильной ружейной перестрѣлки, турки вывели изъ садовъ два табора пѣхоты и открыли по стрѣлковой цѣпи пальбу залпами, поражая преимущественно лѣвый флангъ I-й дружины, за которымъ стояли два нашихъ орудiя; эти залпы заставили нашу цѣпь податься шаговъ 50 назадъ, къ линiи своихъ поддержекъ, расположившихся въ незначительной канавкѣ, и вмѣстѣ съ поддержками цѣпь открыла по туркамъ тоже стрѣльбу залпами, что, въ свою очередь, заставило турокъ податься назадъ, и тогда дружина перешла въ наступленiе, но, дойдя до своихъ первыхъ позицiй, принуждена была остановиться, продолжая усиленную перестрѣлку.

Спустя немного, турки вновь начали наступленiе сгущенными рядами, не прекращая сильный огонь залпами, вслѣдствiе чего вся цѣпь I-й дружины принуждена была, отстрѣливаясь, отступить шаговъ на полтараста; тогда, по приказанiю флигель-адъютанта Графа Толстого, былъ данъ сигналъ къ общему наступленiю. Когда дружина подошла къ врагу шаговъ на 50—60, подполковникъ Кесяковъ крикнулъ „ура“ и дружина стремительно бросилась на турокъ, не обращая вниманiя на ихъ встрѣчные залпы; турки не выдержали натиска и повернули назадъ. Въ этотъ моментъ наступленiя дружины, одна колонна турецкой пѣхоты вышла изъ-за кустарника и стала въ 400 шагахъ отъ нашихъ орудiй и влѣво отъ фланга наступавшей дружины, угрожая такимъ образомъ лѣвому флангу нашей цѣпи. Наши артиллеристы, между тѣмъ, въ цѣляхъ увидѣть наконецъ, невидимаго изъ-за садовъ непрiятеля, передвинули одно орудiе шаговъ на 30 въ сторону своего лѣваго фланга, найдя тамъ, между деревьевъ, прогалину для выстрѣловъ; пока перемѣщали орудiе, турецкая колонна дала о себѣ знать двумя залпами, но наши гранаты, по второму выстрѣлу, уже успѣли попасть въ самый строй турокъ и снести нѣсколько рядовъ. Не смотря однако на этотъ успѣхъ, командиру пришлось отвести дружину на прежнюю позицiю, такъ какъ противникъ поражалъ продольно наши ряды.

Резервовъ уже къ этому времени не имѣлось, потому что и 4-я рота была введена въ цѣпь во время общей аттаки, а

Подполковникъ К. И. Кесяковъ,
командиръ I-й дружины въ бою подъ Старой-Загорой
19-го іюля 1877 года.

Стр. 180—181.

турки продолжая наступать фронтомъ вправо все больше обхватывали лѣвый флангъ дружины, и являлась опасность, что наши орудія, обстрѣливаемыя перекрестнымъ огнемъ, могутъ быть взяты непріятелемъ; послѣднее обстоятельство заставило генерала Столѣтова лично приказать отвезти орудія назадъ, на новую позицію, а въ тоже время и въ цѣляхъ, чтобы таковыя могли прикрывать дружины, при проходѣ послѣднихъ черезъ ущелье, въ случаѣ отступленія.

Было около 2-хъ часовъ по полудни. Наши 4-хъ фунтовыя орудія энергично отвѣчали туркамъ, но не могли часто посылать снаряды въ аттакующія I-ю и III-ю дружины турецкія колонны, такъ какъ эти колонны двигались подъ прикрытіемъ садовъ; въ это время насъ удивило, что наша горная батарея, находившаяся, какъ сказано выше, въ центрѣ позиціи замолчала, а затѣмъ начала стрѣлять, но, какъ казалось, гораздо дальше отъ бывшей своей позиціи. На это обстоятельство я обратилъ вниманіе Попова.

— „Намъ это можетъ быть такъ кажется, потому что мы ушли впередъ отъ нашихъ позицій,“ отвѣтилъ камандиръ роты.

Одновременно въ южной сторонѣ города появился пожаръ и столбами валилъ дымъ — было очевидно, что городъ уже былъ подожженъ турецкими гранатами.

Между тѣмъ по всей линіи продолжалась сильная ружейная и пушечная стрѣльба. Ранили знаменосца Марчина, его ассистента Булаича — тоже; знамя передано старшему унтеръ-офицеру Цымбалюку; получилъ рану и онъ, но не передалъ знамени и остался въ строю; фельдфебель 3-й роты Босенко и большая часть унтеръ-офицеровъ были также ранены или убиты, наконецъ и послѣдній барабанщикъ Жилковскій былъ раненъ и вышелъ изъ строя.

Вправо отъ 3-й роты, на разстояніи 80—100 шаговъ, я замѣтилъ раненаго турецкаго трубача съ висѣвшей черезъ плечо трубой, опершагося на стволъ дерева. Сообразивъ, что мы остались и безъ трубача и безъ барабанщика, такъ что въ случаѣ нужды некому будетъ подать и сигнала, я подошелъ къ турку съ цѣлью взять у него трубу; цѣлый градъ пуль посыпался вокругъ меня, пока я шелъ къ раненому трубачу, но все таки я дошелъ благополучно; снимая трубу, я успокоивалъ турка, что де вреда ему не сдѣлаю, но раненый отвѣтилъ мнѣ взглядомъ, полнымъ ненависти и злобы.

Когда я возвращался съ трубой, между деревьями садовъ показались колонны турецкой пѣхоты въ количествѣ не менѣе четырехъ таборовъ, наступавшія прямо на нашу позицію: было очевидно, что участь нашей позиціи теперь именно должна была рѣшиться.

Дружинный командиръ Калитинъ въ этотъ моментъ прискакалъ къ намъ и, остановившись передъ 3-й ротой, крикнулъ: „барабанщикъ или гарнистъ!“

— Что прикажете г. подполковникъ? Аттаку? спросилъ я, показывая на турецкую трубу.

— „Я зову барабанщика или гарниста!“ сердито крикнулъ Калитинъ.

— „Всѣ ранены . . ., вотъ подпоручикъ“, отвѣтилъ ротный командиръ.

— „Ну, когда такъ, то катайте аттаку!“ улыбаясь импровизованному гарнисту, отвѣтилъ Калитинъ.

До этого времени командиръ дружины находился въ 200 шагахъ отъ рядовъ дружины, но увидавъ, что нѣсколько турецкихъ колоннъ идутъ насъ аттаковать, онъ прискакалъ къ намъ и отдалъ упомянутое приказаніе; и дѣйствително послѣднее было отдано во время: турецкія колонны не успѣли еще подойти къ резервамъ турецкой стрѣлковой цѣпи, когда сигналъ аттаки разнесся по всей позиціи. Вся дружина, или точнѣе, всѣ остатки дружины съ громкими „ура“ бросились на непріятельскіе ряды турецкой цѣпи, не смотря на встрѣчный, сильный залповый огонь этой цѣпи и ея резервовъ; аттака наша была столь дружна и стремительна, что густые ряды непріятеля были опрокинуты и турки съ крикомъ: *алла! алла!* бросились бѣжать назадъ, прѣслѣдуемые нами въ началѣ штыками, а затѣмъ пальбой залпами; но, не много спустя, бѣжавшіе турки изъ цѣпи, соединившись съ своими резервами, поворотили и вмѣстѣ съ послѣдними, съ тѣми же кликами: *алла!* бросились на насъ: ихъ ряды начали рѣдѣть отъ нашихъ залповъ, но, очевидно, ободреные надвигавшимися вслѣдъ за ними на насъ же густыми колонами, турки начали вновь наступать впередъ . . .

Вотъ уже они нѣсколько десятковъ шаговъ отъ насъ, передовые ихъ ряды уже близь нашнхъ, вотъ уже смѣшались съ нашими . . . видно, что они добирались до развѣвавшагося не въ далекѣ отъ нихъ нашего знамени . . . но воинскій

Аттака III-й дружины Ополченія 19-го іюля 1877 года подъ Старой-Загорой.

2—183.

духъ, штыки и дружныя „ура“ и на этотъ разъ показали, что не численностью только можно добывать побѣды: турки опять были опрокинуты и бросились бѣжать назадъ въ полномъ безпорядкѣ съ кликами *алла;* эти толпы бѣгущихъ, какъ стихiйная волна, налетѣли на свои, шедшiе имъ на помощь турецкiя колонны; въ этотъ моментъ произошло нѣчто невѣроятное — въ рядахъ турокъ образовался полный хаосъ, никакое начальство не могло возстановить порядка . . . а наши дружные и мѣткiе залпы въ 150—200 шагахъ еще болѣе увеличивали и безъ того полное разстройство турокъ . . . Штабсъ-капитанъ Поповъ, видя эту картину, рвалъ на себѣ волосы, съ отчаянiемъ вопрошая: „гдѣ наши резервы!?..“

Наши же резервы въ эти моменты состояли изъ множества раненыхъ и убитыхъ: болѣе половины ополченцевъ III-й дружины выбыли изъ строя убитыми и ранеными.

Хаосъ среди турокъ все увеличивался, а наши залпы опустошали ихъ колонны; видно было, какъ турецкiе офицеры ударяли шашками по головамъ бѣгущихъ турокъ *низама;* одинъ офицеръ, на бѣлой лошади особенно яростно накидывался на бѣгущихъ, но вскорѣ и онъ палъ, сраженный пулей, а его испуганная лошадь топтала ряды *низама*, но пала и она . . . Въ эти минуты шагахъ въ 300-хъ, влѣво отъ насъ, раздалась дружная молодецкая пѣснь . . . у всѣхъ насъ вздрогнуло сердце: „помощь, помощь идетъ должно быть?“ слышались слова ополченцевъ.

— „Должно быть подошелъ генералъ Гурко,“ сказалъ Поповъ.

Малодцы-ополченцы торжествовали: еще энергичнѣе продолжали отправлять свои вѣрныя и смертоносныя пули въ турецкiя колонны . . . Не выдержалъ и я: взялъ ружье и началъ стрѣлять . . .

Наконецъ въ турецкихъ рядахъ былъ возстановленъ порядокъ: турки разсыпали цѣпь и она открыла по нашей дружинѣ учащенный огонь . . .

Но, тутъ, вскорѣ на всей нашей позицiи случилось нѣчто необыкновенное: на нашемъ правомъ флангѣ, у города, ружейная стрѣльба стала рѣжѣ, горная батарея стрѣляла, гдѣто, издалека, позади нашей позицiи, а турки, что было самое удивительное, находясь впереди насъ, вмѣсто того, чтобы усилить, уменьшали огонь, стрѣляя лишь по лѣвому флангу

расположенія этой дружины т. е. въ пространствѣ, находившемся между цѣпью нашей III-й, и его V-й дружинъ, оставашемся нами не занятымъ, и доложилъ о томъ командиру подполковнику Нищенко; послѣдній, дабы предупредить обхватъ турками своей позицій, послалъ въ цѣпь 4-ю роту; въ это время непріятельская батарея, стоявшая въ лѣво отъ шоссе, открыла огонь по резервамъ V-й дружины, а турецкіе стрѣлки, подъ прикрытіемъ виноградныхъ кустовъ, открыли пальбу по лѣвой половинѣ нашей цѣпи, состоявшей изъ 4-й роты; но эта рота своей мѣткой стрѣльбой очень успѣшно дѣйствовала противъ турокъ, а командиръ горной батареи капитанъ Константиновъ, замѣтивъ подошедшія, шаговъ тысячи на полторы, непріятельскія части, столь удачно послалъ имъ на встрѣчу нѣсколько гранатъ, что онѣ начали очищать шоссе, и продолжалъ дѣйствовать своими двумя орудіями, стрѣляя изъ одного въ томъ же направленіи, пока шоссе совершенно не очистилось отъ турокъ, а изъ другого — въ разныхъ направленіяхъ, туда, гдѣ замѣчалъ наступленіе турецкихъ частей на нашу цѣпь; однимъ словомъ горная батарея нигдѣ не пропускала случая угостить врага, и благодаря такимъ ея энергичнымъ и удачнымъ дѣйствіямъ, а также таковымъ же дѣйствіямъ дружинъ, занимавшихъ нашъ правый флангъ, турки были принуждены нѣсколько разъ отступать съ большими потерями; въ такіе моменты наступало нѣкоторое затишье и уморившіеся борцы могли вздохнуть свободно; но затѣмъ, новыя густыя ряды непріятеля снова надвигались.

Наконецъ турки выдвинули батарею на шоссе, открывшую сильный огонь, какъ по двумъ горнымъ орудіямъ такъ и по остаткамъ нашей передовой линій; вслѣдъ за турецкой батареей появилась новая густая цѣпь турокъ; а сильныя колонны пѣхоты двинулись въ обходъ лѣваго фланга V-ой дружины. Казалось, что наступалъ конецъ сопротивленію; но въ это время защитники слышатъ громкое „ура“ вдали, въ расположеніи III-й дружины и учащеный ружейный огонь; это „ура“ остановило турокъ; ихъ колонны начали отступать, а турецкая цѣпь замолчала; тогда V-я дружина, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ турокъ, усиливаетъ огонь и вводитъ въ цѣпь третіе взводы своихъ ротъ; тѣмъ не менѣе непріятель, оправившись, продолжилъ аттаку: его колонны появились и съ права и съ лѣва и съ фронта дружины; между тѣмъ у насъ

начало не хватать патроновъ, а отъ усиленной стрѣльбы много ружей перестали дѣйствовать, иглы ломались и сгорали затворные кружки; кромѣ того и противъ II-й дружины, занимавшей крайній лѣвый флангъ нашей позиціи т. е. вправо отъ V-й дружины, близъ Черпанскаго шоссе, непріятель повелъ одновременно сильную аттаку. Дошло наконецъ до того, что обѣ дружины принуждены были ввести въ бой и свои послѣдніе резервы. Въ это время, около часу по полудни, начальникъ праваго фланга полковникъ Депререадовичъ, видя невозможность продолжать борьбу далѣе съ противникомъ въ нѣсколько разъ превышавшимъ наши силы, и не имѣя резервовъ, отдалъ приказъ II-й и V-й дружинамъ медленно отступать, прикрывая упомянутую выше горную батарею; почти одновременно и полковникъ Рынкевичъ отправилъ съ кавалеристомъ Ив. Цвѣтковымъ записку къ начальнику праваго фланга Депререадовичу съ приказаніемъ объ отступленіи. Цвѣтковъ, передавъ записку возвратился, но штаба Ополченія уже не нашелъ на старомъ мѣстѣ: штабъ отступилъ къ ущелью. Этой записки не получилъ Депререадовичъ и она была передана одному изъ офицеровъ II-й дружины.

Между тѣмъ на крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ, у шоссе въ г. Новую Загору съ не меньшимъ геройствомъ отстаивала каждую пядь пространства I-я дружина, подъ командой подполковника Ис. Кесякова, и въ тоже время прикрывала взводъ нашей 4-хъ-фунтовой батареи. I-я дружина съ самого начала сраженія терпѣла большую убыль отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ какъ врагъ былъ скрытъ за густыми деревьями и кустами.

Когда турки предприняли, упомянутыя выше, свои стремительныя аттаки, подполковникъ Кесяковъ, замѣтивъ, что между III-й и его дружинами остается большой интервалъ, не занятый нами, приказалъ капитану Колесинскому, командиру 1-й роты, занять этотъ промежутокъ и выслать стрѣлковую цѣпь. Эта цѣпь, благодаря густотѣ кустарника и деревьевъ, принуждена была подходить къ непріятелю на 400—500 шаговъ, чтобы открыть огонь; въ тоже время и наши 4-хъ-фунтовыя орудія, стоявшія, какъ сказано ранѣе, на возвышенности за расположеніемъ I-й дружины, также почти не имѣли площади обстрѣла, такъ какъ передъ ними разстилались фруктовые сады, а далѣе кустарникъ, и потому не смотря на то, что все

это наше расположеніе было уже давно въ сферѣ ружейнаго огня, 4-хъ-фунтовыя орудія продолжали посылать свои снаряды по направленію, откуда шли непріятельскіе выстрѣлы.

После непродолжительной, но сильной ружейной перестрѣлки, турки вывели изъ садовъ два табора пѣхоты и открыли по стрѣлковой цѣпи пальбу залпами, поражая преимущественно лѣвый флангъ І-й дружины, за которымъ стояли два нашихъ орудія; эти залпы заставили нашу цѣпь податься шаговъ 50 назадъ, къ линіи своихъ поддержекъ, расположившихся въ незначительной канавкѣ, и вмѣстѣ съ поддержками цѣпь открыла по туркамъ тоже стрѣльбу залпами, что, въ свою очередь, заставило турокъ податься назадъ, и тогда дружина перешла въ наступленіе, но, дойдя до своихъ первыхъ позицій, принуждена была остановиться, продолжая усиленную перестрѣлку.

Спустя немного, турки вновь начали наступленіе сгущенными рядами, не прекращая сильный огонь залпами, вслѣдствіе чего вся цѣпь І-й дружины принуждена была, отстрѣливаясь, отступить шаговъ на полтараста; тогда, по приказанію флигель-адъютанта Графа Толстого, былъ данъ сигналъ къ общему наступленію. Когда дружина подошла къ врагу шаговъ на 50—60, подполковникъ Кесяковъ крикнулъ „ура" и дружина стремительно бросилась на турокъ, не обращая вниманія на ихъ встрѣчные залпы; турки не выдержали натиска и повернули назадъ. Въ этотъ моментъ наступленія дружины, одна колонна турецкой пѣхоты вышла изъ-за кустарника и стала въ 400 шагахъ отъ нашихъ орудій и влѣво отъ фланга наступавшей дружины, угрожая такимъ образомъ лѣвому флангу нашей цѣпи. Наши артиллеристы, между тѣмъ, въ цѣляхъ увидѣть наконецъ, невидимаго изъ-за садовъ непріятеля, передвинули одно орудіе шаговъ на 30 въ сторону своего лѣваго фланга, найдя тамъ, между деревьевъ, прогалину для выстрѣловъ; пока перемѣщали орудіе, турецкая колонна дала о себѣ знать двумя залпами, но наши гранаты, по второму выстрѣлу, уже успѣли попасть въ самый строй турокъ и снести нѣсколько рядовъ. Не смотря однако на этотъ успѣхъ, командиру пришлось отвести дружину на прежнюю позицію, такъ какъ противникъ поражалъ продольно наши ряды.

Резервовъ уже къ этому времени не имѣлось, потому что и 4-я рота была введена въ цѣпь во время общей аттаки, а

Подполковникъ К. И. Кесяковъ,
командиръ I-й дружины въ бою подъ Старой-Загорой
19-го іюля 1877 года.

Стр. 180—181.

турки продолжая наступать фронтомъ вправо все больше обхватывали лѣвый флангъ дружины, и являлась опасность, что наши орудія, обстрѣливаемыя перекрестнымъ огнемъ, могутъ быть взяты непріятелемъ; послѣднее обстоятельство заставило генерала Столѣтова лично приказать отвезти орудія назадъ, на новую позицію, а въ тоже время и въ цѣляхъ, чтобы таковыя могли прикрывать дружины, при проходѣ послѣднихъ черезъ ущелье, въ случаѣ отступленія.

Было около 2-хъ часовъ по полудни. Наши 4-хъ фунтовыя орудія энергично отвѣчали туркамъ, но не могли часто посылать снаряды въ аттакующія I-ю и III-ю дружины турецкія колонны, такъ какъ эти колонны двигались подъ прикрытіемъ садовъ; въ это время насъ удивило, что наша горная батарея, находившаяся, какъ сказано выше, въ центрѣ позиціи замолчала, а затѣмъ начала стрѣлять, но, какъ казалось, гораздо дальше отъ бывшей своей позиціи. На это обстоятельство я обратилъ вниманіе Попова.

— „Намъ это можетъ быть такъ кажется, потому что мы ушли впередъ отъ нашихъ позицій,“ отвѣтилъ камандиръ роты.

Одновременно въ южной сторонѣ города появился пожаръ и столбами валилъ дымъ — было очевидно, что городъ уже былъ подожженъ турецкими гранатами.

Между тѣмъ по всей линіи продолжалась сильная ружейная и пушечная стрѣльба. Ранили знаменосца Марчина, его ассистента Булаича — тоже; знамя передано старшему унтеръ-офицеру Цымбалюку; получилъ рану и онъ, но не передалъ знамени и остался въ строю; фельдфебель 3-й роты Босенко и большая часть унтеръ-офицеровъ были также ранены или убиты, наконецъ и послѣдній барабанщикъ Жилковскій былъ раненъ и вышелъ изъ строя.

Вправо отъ 3-й роты, на разстояніи 80—100 шаговъ, я замѣтилъ раненаго турецкаго трубача съ висѣвшей черезъ плечо трубой, опершагося на стволъ дерева. Сообразивъ, что мы остались и безъ трубача и безъ барабанщика, такъ что въ случаѣ нужды некому будетъ подать и сигнала, я подошелъ къ турку съ цѣлью взять у него трубу; цѣлый градъ пуль посыпался вокругъ меня, пока я шелъ къ раненому трубачу, но все таки я дошелъ благополучно; снимая трубу, я успокоивалъ турка, что де вреда ему не сдѣлаю, но раненый отвѣтилъ мнѣ взглядомъ, полнымъ ненависти и злобы.

Когда я возвращался съ трубой, между деревьями садовъ показались колонны турецкой пѣхоты въ количествѣ не менѣе четырехъ таборовъ, наступавшія прямо на нашу позицію: было очевидно, что участь нашей позиціи теперь именно должна была рѣшиться.

Дружинный командиръ Калитинъ въ этотъ моментъ прискакалъ къ намъ и, остановившись передъ 3-й ротой, крикнулъ: „барабанщикъ или гарнистъ!"

— Что прикажете г. подполковникъ? Аттаку? спросилъ я, показывая на турецкую трубу.

— „Я зову барабанщика или гарниста!" сердито крикнулъ Калитинъ.

— „Всѣ ранены . . ., вотъ подпоручикъ", отвѣтилъ ротный командиръ.

— „Ну, когда такъ, то катайте аттаку!" улыбаясь импровизованному гарнисту, отвѣтилъ Калитинъ.

До этого времени командиръ дружины находился въ 200 шагахъ отъ рядовъ дружины, но увидавъ, что нѣсколько турецкихъ колоннъ идутъ насъ аттаковать, онъ прискакалъ къ намъ и отдалъ упомянутое приказаніе; и дѣйствително послѣднее было отдано во время: турецкія колонны не успѣли еще подойти къ резервамъ турецкой стрѣлковой цѣпи, когда сигналъ аттаки разнесся по всей позиціи. Вся дружина, или точнѣе, всѣ остатки дружины съ громкими „ура" бросились на непріятельскіе ряды турецкой цѣпи, не смотря на встрѣчный, сильный залповый огонь этой цѣпи и ея резервовъ; аттака наша была столь дружна и стремительна, что густые ряды непріятеля были опрокинуты и турки съ крикомъ: *алла! алла!* бросились бѣжать назадъ, прѣслѣдуемые нами въ началѣ штыками, а затѣмъ пальбой залпами; но, не много спустя, бѣжавшіе турки изъ цѣпи, соединившись съ своими резервами, поворотили и вмѣстѣ съ послѣдними, съ тѣми же кликами: *алла!* бросились на насъ: ихъ ряды начали рѣдѣть отъ нашихъ залповъ, но, очевидно, ободреные надвигавшимися вслѣдъ за ними на насъ же густыми колонами, турки начали вновь наступать впередъ . . .

Вотъ уже они нѣсколько десятковъ шаговъ отъ насъ, передовые ихъ ряды уже близь нашнхъ, вотъ уже смѣшались съ нашими . . . видно, что они добирались до развѣвавшагося не въ далекѣ отъ нихъ нашего знамени . . . но воинскій

Аттака III-й дружины Ополченія 19-го іюля 1877 года подъ Старой-Загорой.

духъ, штыки и дружныя „ура“ и на этотъ разъ показали, что не численностью только можно добывать побѣды: турки опять были опрокинуты и бросились бѣжать назадъ въ полномъ безпорядкѣ съ кликами *алла;* эти толпы бѣгущихъ, какъ стихійная волна, налетѣли на свои, шедшіе имъ на помощь турецкія колонны; въ этотъ моментъ произошло нѣчто невѣроятное — въ рядахъ турокъ образовался полный хаосъ, никакое начальство не могло возстановить порядка . . . а наши дружные и мѣткіе залпы въ 150—200 шагахъ еще болѣе увеличивали и безъ того полное разстройство турокъ . . . Штабсъ-капитанъ Поповъ, видя эту картину, рвалъ на себѣ волосы, съ отчаяніемъ вопрошая: „гдѣ наши резервы!?..“

Наши же резервы въ эти моменты состояли изъ множества раненыхъ и убитыхъ: болѣе половины ополченцевъ III-й дружины выбыли изъ строя убитыми и ранеными.

Хаосъ среди турокъ все увеличивался, а наши залпы опустошали ихъ колонны; видно было, какъ турецкіе офицеры ударяли шашками по головамъ бѣгущихъ турокъ *низама;* одинъ офицеръ, на бѣлой лошади особенно яростно накидывался на бѣгущихъ, но вскорѣ и онъ палъ, сраженный пулей, а его испуганная лошадь топтала ряды *низама*, но пала и она . . . Въ эти минуты шагахъ въ 300-хъ, влѣво отъ насъ, раздалась дружная молодецкая пѣснь . . . у всѣхъ насъ вздрогнуло сердце: „помощь, помощь идетъ должно быть?“ слышались слова ополченцевъ.

— „Должно быть подошелъ генералъ Гурко,“ сказалъ Поповъ.

Малодцы-ополченцы торжествовали: еще энергичнѣе продолжали отправлять свои вѣрныя и смертоносныя пули въ турецкія колонны . . . Не выдержалъ и я: взялъ ружье и началъ стрѣлять . . .

Наконецъ въ турецкихъ рядахъ былъ возстановленъ порядокъ: турки разсыпали цѣпь и она открыла по нашей дружинѣ учащенный огонь . . .

Но, тутъ, вскорѣ на всей нашей позиціи случилось нѣчто необыкновенное: на нашемъ правомъ флангѣ, у города, ружейная стрѣльба стала рѣжѣ, горная батарея стрѣляла, гдѣто, издалека, позади нашей позиціи, а турки, что было самое удивительное, находясь впереди насъ, вмѣсто того, чтобы усилить, уменьшали огонь, стрѣляя лишь по лѣвому флангу

это наше расположеніе было уже давно въ сферѣ ружейнаго огня, 4-хъ-фунтовыя орудія продолжали посылать свои снаряды по направленію, откуда шли непріятельскіе выстрѣлы.

Послѣ непродолжительной, но сильной ружейной перестрѣлки, турки вывели изъ садовъ два табора пѣхоты и открыли по стрѣлковой цѣпи пальбу залпами, поражая преимущественно лѣвый флангъ I-й дружины, за которымъ стояли два нашихъ орудія; эти залпы заставили нашу цѣпь податься шаговъ 50 назадъ, къ линіи своихъ поддержекъ, расположившихся въ незначительной канавкѣ, и вмѣстѣ съ поддержками цѣпь открыла по туркамъ тоже стрѣльбу залпами, что, въ свою очередь, заставило турокъ податься назадъ, и тогда дружина перешла въ наступленіе, но, дойдя до своихъ первыхъ позицій, принуждена была остановиться, продолжая усиленную перестрѣлку.

Спустя немного, турки вновь начали наступленіе сгущенными рядами, не прекращая сильный огонь залпами, вслѣдствіе чего вся цѣпь I-й дружины принуждена была, отстрѣливаясь, отступить шаговъ на полтараста; тогда, по приказанію флигель-адъютанта Графа Толстого, былъ данъ сигналъ къ общему наступленію. Когда дружина подошла къ врагу шаговъ на 50—60, подполковникъ Кесяковъ крикнулъ „ура“ и дружина стремительно бросилась на турокъ, не обращая вниманія на ихъ встрѣчные залпы; турки не выдержали натиска и повернули назадъ. Въ этотъ моментъ наступленія дружины, одна колонна турецкой пѣхоты вышла изъ-за кустарника и стала въ 400 шагахъ отъ нашихъ орудій и влѣво отъ фланга наступавшей дружины, угрожая такимъ образомъ лѣвому флангу нашей цѣпи. Наши артиллеристы, между тѣмъ, въ цѣляхъ увидѣть наконецъ, невидимаго изъ-за садовъ непріятеля, передвинули одно орудіе шаговъ на 30 въ сторону своего лѣваго фланга, найдя тамъ, между деревьевъ, прогалину для выстрѣловъ; пока перемѣщали орудіе, турецкая колонна дала о себѣ знать двумя залпами, но наши гранаты, по второму выстрѣлу, уже успѣли попасть въ самый строй турокъ и снести нѣсколько рядовъ. Не смотря однако на этотъ успѣхъ, командиру пришлось отвести дружину на прежнюю позицію, такъ какъ противникъ поражалъ продольно наши ряды.

Резервовъ уже къ этому времени не имѣлось, потому что и 4-я рота была введена въ цѣпь во время общей аттаки, а

Подполковникъ К. И. Кесяковъ,
командиръ I-й дружины въ бою подъ Старой-Загорой
19-го іюля 1877 года.

Стр. 180—181.

турки продолжая наступать фронтомъ вправо все больше обхватывали лѣвый флангъ дружины, и являлась опасность, что наши орудія, обстрѣливаемыя перекрестнымъ огнемъ, могутъ быть взяты непріятелемъ; послѣднее обстоятельство заставило генерала Столѣтова лично приказать отвезти орудія назадъ, на новую позицію, а въ тоже время и въ цѣляхъ, чтобы таковыя могли прикрывать дружины, при проходѣ послѣднихъ черезъ ущелье, въ случаѣ отступленія.

Было около 2-хъ часовъ по полудни. Наши 4-хъ фунтовыя орудія энергично отвѣчали туркамъ, но не могли часто посылать снаряды въ аттакующія I-ю и III-ю дружины турецкія колонны, такъ какъ эти колонны двигались подъ прикрытіемъ садовъ; въ это время насъ удивило, что наша горная батарея, находившаяся, какъ сказано выше, въ центрѣ позиціи замолчала, а затѣмъ начала стрѣлять, но, какъ казалось, гораздо дальше отъ бывшей своей позиціи. На это обстоятельство я обратилъ вниманіе Попова.

— „Намъ это можетъ быть такъ кажется, потому что мы ушли впередъ отъ нашихъ позицій,“ отвѣтилъ камандиръ роты.

Одновременно въ южной сторонѣ города появился пожаръ и столбами валилъ дымъ — было очевидно, что городъ уже былъ подожженъ турецкими гранатами.

Между тѣмъ по всей линіи продолжалась сильная ружейная и пушечная стрѣльба. Ранили знаменосца Марчина, его ассистента Булаича — тоже; знамя передано старшему унтеръ-офицеру Цымбалюку; получилъ рану и онъ, но не передалъ знамени и остался въ строю; фельдфебель 3-й роты Босенко и большая часть унтеръ-офицеровъ были также ранены или убиты, наконецъ и послѣдній барабанщикъ Жилковскій былъ раненъ и вышелъ изъ строя.

Вправо отъ 3-й роты, на разстояніи 80—100 шаговъ, я замѣтилъ раненаго турецкаго трубача съ висѣвшей черезъ плечо трубой, опершагося на стволъ дерева. Сообразивъ, что мы остались и безъ трубача и безъ барабанщика, такъ что въ случаѣ нужды некому будетъ подать и сигнала, я подошелъ къ турку съ цѣлью взять у него трубу; цѣлый градъ пуль посыпался вокругъ меня, пока я шелъ къ раненому трубачу, но все таки я дошелъ благополучно; снимая трубу, я успокоивалъ турка, что де вреда ему не сдѣлаю, но раненый отвѣтилъ мнѣ взглядомъ, полнымъ ненависти и злобы.

Когда я возвращался съ трубой, между деревьями садовъ показались колонны турецкой пѣхоты въ количествѣ не менѣе четырехъ таборовъ, наступавшія прямо на нашу позицію: было очевидно, что участь нашей позиціи теперь именно должна была рѣшиться.

Дружинный командиръ Калитинъ въ этотъ моментъ прискакалъ къ намъ и, остановившись передъ 3-й ротой, крикнулъ: „барабанщикъ или гарнистъ!"

— Что прикажете г. подполковникъ? Аттаку? спросилъ я, показывая на турецкую трубу.

— „Я зову барабанщика или гарниста!" сердито крикнулъ Калитинъ.

— „Всѣ ранены . . ., вотъ подпоручикъ", отвѣтилъ ротный командиръ.

— „Ну, когда такъ, то катайте аттаку!" улыбаясь импровизованному гарнисту, отвѣтилъ Калитинъ.

До этого времени командиръ дружины находился въ 200 шагахъ отъ рядовъ дружины, но увидавъ, что нѣсколько турецкихъ колоннъ идутъ насъ аттаковать, онъ прискакалъ къ намъ и отдалъ упомянутое приказаніе; и дѣйствително послѣднее было отдано во время: турецкія колонны не успѣли еще подойти къ резервамъ турецкой стрѣлковой цѣпи, когда сигналъ аттаки разнесся по всей позиціи. Вся дружина, или точнѣе, всѣ остатки дружины съ громкими „ура" бросились на непріятельскіе ряды турецкой цѣпи, не смотря на встрѣчный, сильный залповый огонь этой цѣпи и ея резервовъ; аттака наша была столь дружна и стремительна, что густые ряды непріятеля были опрокинуты и турки съ крикомъ: *алла! алла!* бросились бѣжать назадъ, прѣслѣдуемые нами въ началѣ штыками, а затѣмъ пальбой залпами; но, не много спустя, бѣжавшіе турки изъ цѣпи, соединившись съ своими резервами, поворотили и вмѣстѣ съ послѣдними, съ тѣми же кликами: *алла!* бросились на насъ: ихъ ряды начали рѣдѣть отъ нашихъ залповъ, но, очевидно, ободреные надвигавшимися вслѣдъ за ними на насъ же густыми колонами, турки начали вновь наступать впередъ . . .

Вотъ уже они нѣсколько десятковъ шаговъ отъ насъ, передовые ихъ ряды уже близь нашнхъ, вотъ уже смѣшались съ нашими . . . видно, что они добирались до развѣвавшагося не въ далекѣ отъ нихъ нашего знамени . . . но воинскій

Аттака III-й дружины Ополченія 19-го іюля 1877 года подъ Старой-Загорой.

духъ, штыки и дружныя „ура“ и на этотъ разъ показали, что не численностью только можно добывать побѣды: турки опять были опрокинуты и бросились бѣжать назадъ въ полномъ безпорядкѣ съ кликами *алла;* эти толпы бѣгущихъ, какъ стихійная волна, налетѣли на свои, шедшіе имъ на помощь турецкія колонны; въ этотъ моментъ произошло нѣчто невѣроятное — въ рядахъ турокъ образовался полный хаосъ, никакое начальство не могло возстановить порядка . . . а наши дружные и мѣткіе залпы въ 150—200 шагахъ еще болѣе увеличивали и безъ того полное разстройство турокъ... Штабсъ-капитанъ Поповъ, видя эту картину, рвалъ на себѣ волосы, съ отчаяніемъ вопрошая: „гдѣ наши резервы!?..“

Наши же резервы въ эти моменты состояли изъ множества раненыхъ и убитыхъ: болѣе половины ополченцевъ III-й дружины выбыли изъ строя убитыми и ранеными.

Хаосъ среди турокъ все увеличивался, а наши залпы опустошали ихъ колонны; видно было, какъ турецкіе офицеры ударяли шашками по головамъ бѣгущихъ турокъ *низама;* одинъ офицеръ, на бѣлой лошади особенно яростно накидывался на бѣгущихъ, но вскорѣ и онъ палъ, сраженный пулей, а его испуганная лошадь топтала ряды *низама*, но пала и она . . . Въ эти минуты шагахъ въ 300-хъ, влѣво отъ насъ, раздалась дружная молодецкая пѣснь . . . у всѣхъ насъ вздрогнуло сердце: „помощь, помощь идетъ должно быть?“ слышались слова ополченцевъ.

— „Должно бытъ подошелъ генералъ Гурко,“ сказалъ Поповъ.

Малодцы-ополченцы торжествовали: еще энергичнѣе продолжали отправлять свои вѣрныя и смертоносныя пули въ турецкія колонны . . . Не выдержалъ и я: взялъ ружье и началъ стрѣлять . . .

Наконецъ въ турецкихъ рядахъ былъ возстановленъ порядокъ: турки разсыпали цѣпь и она открыла по нашей дружинѣ учащенный огонь . . .

Но, тутъ, вскорѣ на всей нашей позиціи случилось нѣчто необыкновенное: на нашемъ правомъ флангѣ, у города, ружейная стрѣльба стала рѣжѣ, горная батарея стрѣляла, гдѣто, издалека, позади нашей позиціи, а турки, что было самое удивительное, находясь впереди насъ, вмѣсто того, чтобы усилить, уменьшали огонь, стрѣляя лишь по лѣвому флангу

расположенія нашей дружины и въ тоже время продолжая подвигаться впередъ; это обстоятельство заставило меня оглянуться и посмотрѣть, что дѣлалось вокругъ . . .

Помощь, помощь! хотѣлъ было крикнутъ я, увидавъ сзади нашей дружины, въ направленіи нашего праваго фланга, колонны войскъ съ разсыпанной цѣпью впереди.

— Что бы это значило? спросилъ я себя: цѣпь движется подъ прямымъ угломъ . . . Николай Николаевичъ, какіе это войска? спросилъ я Попова, указывая въ направленіи нашего тыла и праваго фланга.

Но прежде чѣмъ услышать отвѣтъ ротнаго командира, разглядывавшаго надвигавшіяся войска, я убѣдился, что это были турецкіе солдаты.

— „Не можетъ быть!“ возразилъ шт.-кап. Поповъ.

Но когда я указалъ ему, что двигавшіяся колонны имѣли связь чрезъ кукурузныя поля съ турецкими частями, находившимися противъ насъ, то и онъ убѣдился въ горькой истинѣ.

Что оставалось дѣлать? Предполагавшаяся и ожидаемая помощь неприходила; пѣсню, которую мы слышали влѣво отъ насъ, оказалось пѣла I-я дружина, когда бросалась въ аттаку на турокъ; очевидно, что оставалось одно изъ двухъ, или пробить штыками путь отступленія, или отступать въ полуоборотъ на право, находясь все время подъ перекрестнымъ огнемъ противника и умереть всѣмъ до одного.

Ротный командиръ избралъ послѣдній путь — отступать въ полуоборотъ направо и сколь возможно скорѣе, пока непріятель еще не успѣлъ насъ совсѣмъ окружить. Не теряя времени, ротный командиръ скомандовалъ: „назадъ!“ но не успѣли мы отступить и 20 шаговъ, какъ примчался въ карьеръ командиръ дружины:

— „Кто приказалъ вамъ отступать?“ закричалъ Калитинъ: „какъ вы смѣете поступать безъ приказанія?!“

— „Господинъ подполковникъ, турки въ тылу у насъ,“ отвѣтилъ ротный командиръ, показывая рукой на окружавшихъ насъ турокъ.

— „Развѣ это турки?“ озадачено спросилъ подполковникъ Калитинъ, и, убѣдившись въ дѣйствительности, спустя минуту размышленія, обратился ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ: — „Ну, гарнистъ, закатывайте *сборъ!*“

Мы переглянулись съ Поповымъ; во взглядѣ послѣдняго я понялъ, что онъ находитъ нецѣлесообразнымъ данное приказаніе; и въ самомъ дѣлѣ, собирать остатки дружины въ густой строй, значило просто отдавать ихъ на убой. Даже и въ томъ случаѣ, если бы рѣшено было штыками пробить себѣ путь, все таки слѣдовало отступать разсыпаннымъ строемъ, такъ какъ непріятель былъ у насъ въ тылу на разстояніи, не большемъ 250 шаговъ, и сгущать ряды слѣдовало бы лишь при приближеніи турокъ на штыковой ударъ. Изъ сдѣланного распоряженія видно было, что храбрый и доблестный Калитинъ рѣшился или пробить путь штыками или умереть.

Я заигралъ сборъ и ополченцы начали собираться около дружиннаго командира.

— „Сюда, ко мнѣ, ребята, стройтесь!“ крикнулъ ополченцамъ подполковникъ Калитинъ.

Между тѣмъ турки, воспользовавшись моментомъ, пока мы перестроивали боевой порядокъ и потому уменьшили стрѣльбу, бросились впередъ, на насъ.

Ополченцы валились какъ снопы; подъ знаменемъ убили уже пять человѣкъ и перебито было самое древко знамени.

— „Молодцы, дайте мнѣ знамя!“ крикнулъ подполковникъ Калитинъ, видя что знаменосецъ С. Минковъ, взявшій знамя отъ своего раненаго предмѣстника, убитъ.

Схвативъ поданное знамя, подполковникъ Калитинъ скомандовалъ:

— „За мной, впередъ!“ и пришпорилъ коня . . .

Но въ этотъ моментъ двѣ пули: одна въ шею, другая въ грудь свалили героя Калитина съ лошади.

Я и Поповъ были вблизи и бросились приподнять съ земли нашего командира, онъ былъ уже мертвъ. Эта смерть произвела на всѣхъ насъ потрясающее впечатлѣніе. Штабсъ-капитанъ Поповъ приказалъ четыремъ ополченцамъ поднять тѣло героя и съ нимъ отступать.

Между тѣмъ передніе ряды непріятеля уже перемѣшались съ нашими и еще разъ съ кликами: „юрюшъ!“ турки бросились къ знамени . . . съ нашей стороны раздались нѣсколько не дружныхъ въ упоръ выстрѣловъ . . . тогда штабсъ-капитанъ Поповъ кликнулъ „ура“ и собравшіеся около него ополченцы, какъ одинъ, бросились на турокъ, опрокинули ихъ, но уже не преслѣдовали, такъ какъ на помощь туркамъ спѣшили новыя силы.

Послѣ этой рѣшительной схватки, защитившей знамя, по данному приказанію группа ополченцевъ, между которыми я замѣтилъ Д. Миткова, Попова, Радева, Мицова, Ст. Данева и со знаменемъ въ рукѣ унтеръ-офицера Ѳому Тимофеева, начали быстро отступать; чтобы не теряли времени и остальные солдаты, штабсъ-капитанъ Поповъ крикнулъ: „ребята, назадъ!“

Началось отступленіе; ополченцы, останавливаясь, отстрѣливались отъ наступавшихъ по пятамъ турокъ. Изъ четверыхъ, несшихъ тѣло героя Калитина, трое, пройдя нѣсколько шаговъ, были убиты или ранены и были замѣщены другими; въ моментъ, когда мы нагнали носильщиковъ, были убиты еще двое изъ нихъ: Н. Атанасовъ и П. Стойчевъ.

Далѣе нести тѣло героя Калитина не было возможности и потому отдано было приказаніе его оставить.

Ополченцы осторожно опустили тѣло своего храбраго командира на землю, сняли шапки и осѣниля себя крестнымъ знаменіемъ; всѣ вокругъ изъ видѣвшихъ эту трагическую сцену тоже творили молитву — таковы были *боевыя* похороны и погребеніе героя Калитина.

Въ это же время было сообщено, что турецкая кавалерія (черкесы) произвели нападеніе на наши позиціи со стороны нашего лѣваго фланга; ротный командиръ скомандовалъ было ополченцамъ собраться въ карэ для встрѣчи кавалеріи, но его команда замерла въ пространствѣ — некому ее было слушать, ополченцы разсыпались во всѣ стороны и никакой возможности не было ихъ собрать; самъ ротный командиръ Поповъ, раненый въ ногу, едва шелъ.

Появленіе кавалеріи въ этотъ моментъ было бы дѣйствительно для насъ ужаснымъ, но слава Богу, тревога оказалась фалшивой.

Въ началѣ наше отступленіе совершалось правильно: ополченцы на ходу отстрѣливились; но когда турки начали сильно тѣснить насъ и обходившія насъ части грозили отрѣзать намъ путь отступленія, отстрѣливаніе съ нашей стороны почти прекратилось или, вѣрнѣе, стало безцѣльнымъ, потому что ополченцы, также какъ и турки, стрѣляли, не останавливаясь и не цѣлясь.

Начали отступать быстрѣе: въ иныхъ мѣстахъ гдѣ турки грозили совершенно отрѣзать путь отступленія, приходилось

186—187.

Геройская смерть командира III-й дружины Ополченія подполковника Павла Петровича Калитина подъ Старой-Загорой 19-го іюля 1877 года.

юлченцамъ пускаться бѣгомъ, такъ какъ о сборѣ разбросан-ыхъ ополченцевъ для удара въ штыки нечего было и думать.

Около Попова и меня собралась было группа ополчен-евъ, но Поповъ приказалъ имъ разойтись, такъ какъ турки о нашей группѣ участили огонь.

Мы идемъ и жадно всматриваемся въ идущую впереди асъ группу ополченцевъ со знаменемъ; эта группа, правда, же далеко, но все еще не вышла изъ линіи обхвата и еще аходится въ опасности.

Поповъ, раненый въ ногу, идетъ, иногда силится бѣжать, о это былъ не бѣгъ, а, скорѣе, движеніе на одномъ мѣстѣ; при аждомъ его шагѣ, слышно какъ въ сапогѣ журчитъ кровь.

За нами, кромѣ ополченца Стефанова, никто не идетъ, сли не считать нѣкоторыхъ едва двигающихся раненыхъ: они дутъ, пока не нагонятъ ихъ турки . . .

На всякомъ шагу слышались предсмертный хрипъ умира-ющихъ и мольбы раненыхъ о помощи . . .

Во время нашего наступленія, нѣсколько часовъ тому азадъ, воодушевленые идеей жертвы за свободу своего оте-ества и местью за вѣковыя страданія народа, мы шли впе-едъ, не видя и не слыша ни труповъ товарищей, усыпавшихъ оле битвы, ни стоновъ раненыхъ и умирающихъ, мы лишь ви-ѣли впереди себя врага и жаждали схватиться съ нимъ скорѣе, рудь съ грудью, и отомстить; теперь же, когда большая часть ыновъ Болгаріи, товарищи и храбрые начальники легли ко-тьми, теперь, когда мы принуждены бѣжать, перескакивая резъ ихъ трупы, — предъ нами открылся весь ужасъ окружав-ıей насъ картины . . . но мы продолжали отступать и, каза-ось, конца не будетъ этому отступленію.

— „Степанъ Ивановичъ, смотрите, турки совсѣмъ близко коло насъ . . . ради Бога, дайте мнѣ вашъ револьверъ!“ обра-ился ко мнѣ шт.-кап. Поповъ: „спасайтесь сами, бѣгите . . . все равно раненъ . . . бѣгитѣ, пока еще есть время!“

Не хотѣлось мнѣ умирать въ такой обстановкѣ и потому, огда ротный командиръ сказалъ мнѣ бѣжать, я въ душѣ аздумывалъ, воспользоваться или нѣтъ этимъ предложеніемъ, о мое колебаніе продолжалось лишь моментъ, я почувство-алъ, какъ кровь бросилась мнѣ въ голову отъ стыда и угры-енія совѣсти.

— Если поможетъ Богъ, Николай Николаевичъ, избавимся оба вмѣстѣ, отвѣтилъ я . . .

И мы избавились, хотя жизнь наша висѣла на волоскѣ: когда мы вышли изъ круга обложенія, турки были отъ насъ въ 20—30 шагахъ.

Слѣдуетъ сказать, что такъ какъ III-я дружина была обойдена турками со стороны праваго фланга позиціи, то обходившія непріятельскія колонны были къ нашей дружинѣ ближе, чѣмъ къ другимъ частямъ, и намъ, чтобы выйти изъ круга обложенія, надо было пройти, сравнительно съ другими, наибольшее разстояніе и приходилось подниматься по возвышенности и, вотъ, когда мы поднялись на одну и туже высоту съ обходившими въ лѣво отъ насъ турками, то разстояніе между нами и ними, какъ я сказалъ выше, стало не болѣе 20—30 шаговъ; между тѣмъ до самаго верха возвышенности оставалось неболѣе 200 шаговъ, но это разстояніе казалось намъ безконечнымъ.

По пути, то и дѣло слышались клики раненыхъ о помощи.

— „Ваше благородіе,“ кричитъ одинъ ополченецъ: „я раненъ, если мнѣ кто поможетъ, я избавлюсь . . . не оставляйте меня!“

— „Бѣдняга,“ говоритъ ротный командиръ Поповъ: „надо ему помочь.“

— „Давай руку!“ обращается къ раненому ополченецъ Стефановъ; но раненый отъ страшной боли корчится.

— „Нѣтъ, видно, что Господь приберетъ меня!“ и обращается къ Стефанову: „оставь меня, спасайся самъ . . . вотъ возьми сумку съ патронами, оставь только два . . .“ и за нами слышится сухой трескъ выстрѣла изъ Шаспо.

— „Возьмите ружье!“ кричитъ другой, тяжело раненый: „я, ваше благородіе, умираю . . . но пишите домой“ . . .

И такъ по всему пути однѣ и тѣ же сцены . . . Несчастные сознавали, что насталъ послѣдній часъ и съ жадностью искали въ нашихъ взорахъ встрѣтить къ себѣ сочувствіе и сожалѣніе; многіе, испытывая мученія, поворачивались на бокъ, крестились и утѣшали себя, творя горячую молитву Всевышнему. Въ промежуткахъ, когда турки были совсѣмъ близко отъ отступавшей дружины, были слышны ихъ клики предложенія о сдачѣ — *„теслимъ!“* Какъ разъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ нагналъ насъ поручикъ Живаревъ, которому турки

вслѣдъ кричали: „дуръ-отуръ!“ на это Живаревъ, самъ раненый и, едва идя, обернулся въ сторону турокъ и, погрозивъ имъ кулакомъ, сказалъ: „вотъ вамъ дуръ-отуръ“. Отъ этого мѣста переклички Живарева съ турками, мы успѣли пройти шаговъ 150, какъ вдругъ послышался тупой ударъ и ополченецъ Стефановъ охнулъ:

— „Ничего, ничего, ваше благородіе, я пойду съ вами!“

Но спустя нѣсколько шаговъ, онъ началъ ослабѣвать; я ему подалъ руку, которую онъ лихорадочно схватилъ и опять зашагалъ, но кровь шла изъ раны фонтаномъ, очевидно пуля розорвала какую либо артерію, и Стефановъ началъ шататься, а еще два, три шага и совсѣмъ ослабѣлъ . . .

— „Оставьте меня, ваше благородіе, благословите меня“ . . . и несчастный на вѣки закрылъ глаза.

Это была послѣдняя жертва, которую я видѣлъ въ бою подъ Старой-Загорой.

Пока мы еще не выходили изъ круга огня, на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи стрѣльба продолжалась: I-я дружина отступала тоже подъ сильнымъ натискомъ противника, и лишь, благадаря начальнику лѣваго фланга позиціи, Графу Толстому, который во главѣ дружины съ примѣрной храбростью и рѣдкой неустрашимостью появлялся всюду, гдѣ была наибольшая нужда въ его присутствіи, турки были отбиваемы и задерживаемы. Графъ Толстой, какъ и полковникъ Калитинъ, во все время боя былъ верхомъ, но когда дружина находилась уже недалеко отъ верха возвышенности, лошадь подъ нимъ была убита.

— „Ребята, въ кобурахъ на сѣдлѣ полно золота, берите кто хочетъ!“ крикнулъ графъ ополченцамъ; но охотниковъ взять золото не нашлось.

Наконецъ мы поднялись на верхъ возвышенности и могли свободно вздохнуть; здѣсь, въ лѣво отъ насъ, мы застали около 20 человѣкъ ополченцевъ, которые залегли и мѣтко стрѣляли по обходившимъ насъ туркамъ, но вскорѣ и они должны были оставить возвышенность и скрыться въ густыхъ фруктовыхъ деревьяхъ и виноградникахъ.

Пришли къ мѣсту, гдѣ 5—6 часовъ тому назадъ оканчивали свою утреннюю закуску.

Мы припоминали одинъ другому, какъ здѣсь мы пропѣли послѣдною строфу пѣсни: „Богъ знаетъ, что будетъ съ нами впереди!“

На моментъ мы остановились и посмотрѣли другъ на друга . . . говорить мы не могли: слезы ручьемъ текли и подступавшія рыданія сжимали горло.

— „Пойдемъ, пойдемъ!“ опомнился наконецъ Поповъ: „турки еще немного и будутъ здѣсь на горѣ.“

Мы поспѣшили спуститься внизъ и скрыться между садами и виноградниками; и дѣйствительно, немного спустя, турки появились на горѣ и открыли по насъ сначала рѣдкій, а потомъ учащенный огонь; но больше уже насъ не преслѣдовали и мы какимъ-то чудомъ избавились; и въ самомъ дѣлѣ, идти подъ перекрестнымъ огнемъ многочисленнаго противника, да еще на разстояніи отъ него въ 20—30 шагахъ и остаться живымъ — нельзя не назвать чудомъ.

Очевидно, что если остатки III-й дружины и избавились отъ явной гибели, то благодаря тому обстоятелству, что турки были крайне утомлены и потому не успѣли совсѣмъ отрѣзать намъ путь отступленія, вдобавокъ, стрѣляли по насъ, не останавливаясь и не цѣлясь.

Когда мы были на верху горы, передніе ряды I-й дружины были уже въ виноградныхъ садахъ; разсказывали, что на верху горы, Графъ Толстой остановилъ было дружину и хотѣлъ встрѣтить обходившаго противника залпомъ, но оказалось, что не у всѣхъ ополченцевъ были патроны, а ружья большей частью не дѣйствовали.

Всѣхъ насъ томила сильная жажда; я по пути срывалъ ягоды недозрѣлаго еще винограда; проходя мимо одной лужи, въ которой, видно было, что лежали буйволы, Поповъ нагнулся и хотѣлъ было пить и мнѣ на силу удалось его оттянуть отъ грязной лужи.

— „Спасибо!“ говорилъ мнѣ Поповъ пожимая руку, когда мы уже были далеко отъ турокъ: „спасибо, что мнѣ не дали своего револьвера, я бы застрѣлился.“

Предъ ущельемъ, когда мы подошли къ лежащей противъ него мельницы, взорамъ предстала ужасающая картина. Отсюда былъ видѣнъ весь городъ: южная часть его была вся въ пламени; пламя, высоко поднимаясь надъ горизонтомъ, соединялось въ общій потокъ огня, образуя какъ бы цѣлое огненное море; пожаръ разгорался и далѣе къ сѣверу, захватывая сосѣднія постройки, надъ которыми чернѣли клубы дыма, по-

степенно измѣняясь въ вырывавшіяся изъ него широкія струи пламени...

Печально и обидно было видѣть, какъ прекрасный городъ, тонувшій въ роскошной зелени, погибалъ въ огнѣ. Старо-Загорскіе горожане и окрестные поселяне, пришедшіе въ городъ, обнадеженные властями, что городу не грозитъ опасность, оставались въ своихъ домахъ; когда же стало яснымъ, что турки возьмутъ городъ, бѣжать уже было поздно. Разсказывали, что, въ началѣ боя, многіе горожане, у кого было какое либо оружіе, одни ушли драться съ турками, другіе — наблюдать сраженіе, взрослые дѣти групами расхаживали по улицамъ, а женщины, собираясь у воротъ своихъ домовъ, съ замираніемъ сердца, ожидали исхода сраженія... но вотъ зажегся одинъ домъ, другой... жители бросились было гасить пожаръ и спасать имущество; гранаты стали падать учащеннѣе и наконецъ клики: „турки идутъ!“ своей неожиданностью произвели полное смятеніе: турецкіе солдаты уже были въ городѣ, къ нимъ присоединились ихъ мѣстные единовѣрцы, кипѣвшіе злобой и ненавистью къ своимъ согражданамъ — *гяурамъ,* и всѣ вмѣстѣ бросились на беззащитное болгарское населеніе.

Первая рота II-й дружины, прикрывая отступленіе послѣдней чрезъ западную часть города, со стороны Черпанскаго шоссе, должна была отстрѣливаться не только отъ черкесовъ, но и отъ городскихъ жителей — турокъ, а V-я дружина, отступая чрезъ городъ, принуждена была устроивать баррикады изъ телѣгъ, бочекъ и проч., чтобы препятствовать набрасывавшимся на нее по пятамъ турецкимъ солдатамъ, при чемъ мѣстные жители турки стрѣляли по дружинѣ изъ оконъ своихъ домовъ.

Неописуемый ужасъ охватилъ старозагорское болгарское населеніе; обезумѣвшіе отъ страха, они всѣ бросились бѣжать, улицы переполнились народомъ, повозками, лошадьми и скотомъ, и за всѣмъ этимъ гнались турки, убивая жителей, кто чѣмъ попало, ятаганами, штыками и выстрѣлами... трупы убитыхъ и раненыхъ устлали улицы... тѣ же, которые скрылись по чердакамъ и погребамъ сгорѣли живьемъ... Женщинъ и дѣвушекъ турки предавали всякимъ поруганіямъ и потомъ убивали... Въ Старой-Загорѣ жертвами турецкихъ звѣрствъ пали 10,000 невинныхъ жителей; жителей же, успѣвавшихъ

выбѣжать изъ города, преслѣдовали черкесы и башибозуки и немилостиво избивали.

Я и шт.-кап. Поповъ смотрѣли на эти ужасныя сцены, какъ черкесы, нагоняя бѣгущихъ, рубили ихъ шашками...

Перейдя рѣку, раненый шт.-кап. Поповъ сѣлъ на кавалерійскую лошадь.

Мы вошли въ ущелье — тутъ картина была не менѣе печальна и ужасна . . .

— Боже, не довольно ли страданій?! Надо было имѣть нервы, какъ веревки, чтобы вынести всѣ ужасы этого кроваваго дня, думалъ я.

Правда, здѣсь въ ущельи не лилась кровь, не слышно было предсмертныхъ стоновъ, не царствовала смерть и все же всюду были сцены, раздиравшія сердце; толкотня и наплывъ людей были таковы, что, смотря только на все это, кружилась голова: мужчины, женщины, дѣти, раненые солдаты въ крови, въ крови отъ нихъ камни и кровь по дорогѣ, возы нагруженные всякимъ скарбомъ и рухлядью, на возахъ дѣти, раненые солдаты и горожане, вьючныя лошади, ослы — одни съ поклажей, на другихъ сидятъ старики, матери съ дѣтьми, и все это движется, какъ потокъ лавы, впередъ . . . женщины плачутъ, дѣти пищатъ и ревутъ, раненые стонутъ, испуганныя животныя ржутъ и мычатъ — все это сливалось въ одинъ, раздирающій сердце шумъ . . . и все это бѣжитъ, бѣжитъ въ паническомъ страхѣ, всякій думая лишь о себѣ и смотря лишь за собою, хочетъ спастись и, обезумѣвъ отъ страха, бросаетъ своихъ, близкихъ сердцу: мужъ — жену, братъ — сестру, мать — дѣтей . . .

Я видѣлъ мать, оставившую грудное дитя у дороги . . . положила и бросилась бѣжать, но не пробѣжала и 50 шаговъ, повернулась и, какъ раненая львица, съ потеряннымъ взоромъ, бросилась къ ребенку: „нѣтъ, дитя мое, нѣтъ родимое, я тебя не оставлю, пусть ужъ насъ обоихъ изрубятъ турки!“ неистово прижимая къ груди, вся въ слезахъ, кричала несчастная женщина и бѣжала дальше . . .

Такихъ случаевъ было много; не мало грудныхъ дѣтей было оставляемо по дорогѣ, и многихъ изъ нихъ подбирали солдаты, и, должно сказать правду, преимущественно русскіе солдаты, особенно тѣ изъ нихъ, которые были верхомъ.

Неподалеку отъ *Бешъ-Бунара* меня окликнули по фамиліи. лядѣвшись, я увидалъ выпряженую крестьянскую подводу на ней четырехъ ополченцевъ.

— „Господинъ подпоручикъ, не оставляйте насъ въ руъ турокъ!" говорилъ одинъ раненый: „погонщикъ выпрягъ ловъ и убѣжалъ, а идти мы не можемъ."

Этотъ раненый былъ Н. Коншинъ, вольноопредѣляющійся роты, III-й дружины; онъ былъ раненъ въ трехъ мѣстахъ время наступленія турокъ и вынесенъ изъ боя ополченцами; угой раненый лежалъ на подводѣ безъ памяти, а двое друъ устремили на меня умоляющіе взоры. Но, что я могъ ѣлать, чтобы спасти ихъ отъ рукъ турокъ?! Ничего. Недако отъ *Бешъ-Бунара*, со стороны города, раздались ружейные стрѣлы; услыхавъ которые, вся масса людей, двигавшаяся ущельи, начала бѣжать; настала ужасная толкотня, каждый ѣшилъ перегнать другого; меня подхватила толпа и почти несла впередъ . . .

— „Ваше благородіе! господинъ подпоручикъ! прошу ъ . . ." послышалась еще разъ надрывающая душу просьба ненныхъ . . . да и не ихъ однихъ . . .

Кавалерія, тамъ, на полѣ сраженія не могла особенно поать пѣхотѣ, но тутъ она могла оказать большую помощь ненымъ . . . Но гдѣ она, эта кавалерія?!

Странная натура у человѣка! Три, четыре часа тому наъ, эта разстроенная масса солдатъ, какъ львы, бросалась врага, перескакивала черезъ убитыхъ товарищей и шла на ную смерть, а теперь?! Теперь эти люди забыли обо всемъ, дисциплинѣ, о воинской доблести и долгѣ, потеряли и раздокъ и способность говорить и только, казалось, умѣютъ жать, и никто не въ силахъ былъ остановить ихъ . . .

Я видѣлъ, какъ офицеры верхомъ бросались на ряды кааеріи, чтобы ихъ остановить, но это былъ напрасный трудъ, и невозможно было при такомъ смятеніи толпы остановить збросанныхъ въ ней солдатъ . . . .
. . . .

Отъ нравственныхъ потрясеній и вслѣдствіе упадка фиескихъ силъ, я едва волочилъ ноги; мой деньщикъ Лелитка шелъ болѣе благоразумнымъ заранѣе вмѣстѣ съ лошадью ги отъ опасности.

На плоской возвышенности, противъ д. Дервентъ, остатки I-й, II-й, III-й и V-й дружинъ были остановлены для отдыха и въ цѣляхъ подождать отставшихъ ополченцевъ; отъ III-й дружины было въ сборѣ всего 80 человѣкъ.

Здѣсь е. в. Николай Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтембергскій, благодарилъ ополченцевъ слѣдующими словами:

„Спасибо вамъ, молодцы, за геройство, какое вы показали въ сегодняшнемъ бою съ турками. Я видѣлъ, какъ вы цѣлыхъ 5 часовъ держались на позиціяхъ, храбро и самоотверженно дрались съ врагомъ, къ несчастью нашему, несравненно превосходившемъ насъ численностью. Вы дрались сегодня не хуже русскихъ солдатъ и я считаю себя обязаннымъ доложить Его Императорскому Высочеству о вашемъ геройствѣ.“

Эти слова его высочества передалъ ополченцамъ по болгарски командиръ I-й дружины подполковникъ Кесяковъ.

Итакъ, болгарскіе ополченцы не оказались трусами, за какихъ ихъ считали нѣкоторые офицеры; они не только не бѣжали послѣ перехода Дуная, но не бѣжали и съ поля сраженія; напротивъ, по словамъ герцога Лейхтемберскаго, они дрались не хуже русскихъ солдатъ, что и было въ дѣйствительности. Такъ, оставшіеся въ живыхъ ополченцы получили полное нравственное удовлетвореніе за всѣ оскорбленія, какія приходилось имъ вынести отъ своего начальства.

Я вспомнилъ о докторѣ Вязанковѣ и сожалѣлъ, что его не было и онъ не могъ слышать словъ герцога и порадоваться. Докторъ Вязанковъ неуморимо работалъ подъ непріятельскимъ огнемъ, подавая первую помощь раненымъ; къ несчастью этой помощью воспользовались только раненые въ началѣ сраженія, всѣ же прочіе остались въ рукахъ турокъ и послѣ всякихъ истязаніи, были избиты до одного. Докторъ, увлекшись своей работой, чутъ было и самъ не попалъ въ руки турокъ; онъ замѣтилъ послѣднихъ, когда они были отъ него въ 200 шагахъ; но благодаря тому, что его лошадь была недалеко, онъ сѣлъ на лошадь, и имѣя у себя въ тылу турокъ, поскакалъ къ востоку, нагналъ по пути генерала Столѣтова и съ нимъ отправился къ отряду генерала Гурко.

Около 2-хъ часовъ по полудни, генералъ Столѣтовъ, въ заботѣ а пути отступленія, отправилъ охотника Пустовойтова высмотрѣть, занято ли ущелье турецкими войсками, бывшими

Докторъ Боневъ, старшій врачъ Болгарскаго Ополченія.

Стр. 194—195.

уже почти въ нашемъ тылу; путь отступленія оказался уже отрѣзаннымъ, и потому начальникъ Ополченія съ группой всадниковъ около 60—70 человѣкъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ и съ двумя орудіями донской казачьей батареи отступилъ по направленію къ сѣверо-востоку; къ нимъ присоединился и д-ръ Боневъ, старшій врачъ Ополченія, подававшій помощь все время раненымъ солдатамъ 1-й дружины и донской казачьей батареи. Генералъ Столѣтовъ отступалъ полуоборотомъ въ право отъ непріятельской цѣпи, которая въ то время была сзади нашего крайняго лѣваго фланга, почти въ нашемъ тылу. Турки, увидавъ эту кавалерію и орудія, частью пустились бѣжать, а частью — залегли въ виноградныхъ садахъ и кустарникахъ, при чемъ одинъ изъ турокъ, не успѣвъ убѣжать, обхватилъ вплотную орѣховое дерево въ предположеніи, что его не замѣтятъ; но вольноопредѣляющійся Юрьевъ, замѣтивъ это, подскакалъ къ дереву и однимъ ударомъ шашки свалилъ турка.

Во время отступленія Столѣтова, одно орудіе свалилось въ оврагъ; солдаты, оставленные поднять орудіе, встрѣтивъ затрудненіе, начали было выпрягать лошадей, но тутъ къ нимъ прискакалъ докторъ Боневъ, подбодрилъ солдатъ и орудіе было вынуто изъ оврага общими усиліями.

Не смотря на близость противника, Столѣтовъ и его окружавшіе благополучно прибыли къ генералу Гурко, находившемуся между *Чадыръ-Могилой* и дер. Дылбоками, и ему доложилъ объ исходѣ боя и объ участи Ополченія; при этомъ докладѣ, генералъ Столѣтовъ не могъ удержаться отъ слезъ. Генералъ Гурко спросилъ у Столѣтова, гдѣ находятся ихъ высочества герцоги Николай и Евгеній Максимиліановичи, на что Столѣтовъ отвѣтилъ, что они отступили на Казанлыкъ.

Удивительно! начальникъ кавалеріи, безъ кавалеріи отступилъ съ пѣхотой, а начальникъ пѣхоты — съ кавалеріей: и дѣйствительно кавалерія, которою командовалъ герцогъ, изъ Старой-Загоры отступила къ дер. Дылбокамъ, гдѣ и присоединилась къ Гурковскому отряду.

Послѣ доклада объ исходѣ боя, генералъ Столѣтовъ предложилъ охотникамъ отправиться отыскать Ополченіе и передать письмо начальнику штаба Рынкевичу; охотники явились: это были Мито Анковъ, Коста Бошняковъ, Георгіий Николовъ, Иванъ Бошняковъ и Георгій Поповъ; эти охотники отправи-

лись въ половинѣ четвертаго по полудни чрезъ *Малый Балканъ* догонять ополченіе.

Спустя 25 минутъ отдыха, жалкіе остатки Болгарскаго Ополченія продолжили отступленіе; еще до сумерокъ, мы пришли въ Туловскій лѣсъ, гдѣ отрядъ и расположился на ночевку.

Мой Лилитка наконецъ появился.

— Ты, гдѣ это былъ до сихъ поръ? Отчего не стоялъ тамъ, гдѣ тебѣ было указано? спросилъ я.

— „Да какъ же было стоять, ваше благородіе, когда пули и гранаты сыпались какъ градъ! Мы вышли на дорогу, ну, а какъ бросился народъ, а послѣ кавалерія и артиллерія начали бѣжать, потащили и насъ,“ наивно отвѣчалъ Лилитка.

Этотъ отвѣтъ конечно меня не удовлетворилъ. Чтобы меня задобрить деньщикъ спросилъ не желаю ли чего нибудь закусить; это было очень необыкновенно, такъ какъ Лилитка никогда прежде не догадывался во время приготовлять кушанье, не смотря на то что, для такихъ цѣлей ему всегда давались деньги на руки. Хотя я ничего не ѣлъ съ утра, тѣмъ не менѣе аппетита не было никакого, да и трудно было захотѣть ѣсть при такихъ условіяхъ!

Всѣ оставшіеся въ живыхъ офицеры дружины собрались — это были я да Большевъ, всего двое; раненые капитаны Поповъ и Стесель были въ это время у начальника штаба подполковника Рынкевича.

Мы сѣли съ Большовымъ на коврѣ, взглянули другъ на друга и заплакали.

Я оставался старшимъ въ дружинѣ, такъ какъ всѣ офицеры были или убиты или ранены, и принялъ командованіе дружиной. Прежде всего я пересчиталъ ополченцевъ; оказалось изъ около 600 человѣкъ, на лицо — 117. Гдѣ же остальные?

Не могли всѣ пасть убитыми, такъ какъ еще продолжали подходить, но все же число выбывшихъ изъ строя было велико; вотъ итогъ выбывшихъ изъ строя, офицеровъ и солдатъ, въ дружинахъ:

Въ I-й дружинѣ — ранены: шт.-кап. Михида — легко, въ ногу; поручикъ Соллогубъ — тяжело, въ шею и плечо; поручикъ Гюббенетъ — контуженъ въ паху; прапорщикъ Сорнетъ — раненъ легко, пулей въ ногу.

Въ III-й дружинѣ — убитые: дружинный командиръ подполковникъ Калитинъ; командиръ 1-й роты капитанъ Феодо-

овъ; командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Усовъ и завѣ-
ывающій оружіемъ поручикъ Поповъ; раненые: поручикъ
Сиваревъ — легко; поручикъ Поликарповъ — тяжело; шт.-
апитанъ Стесель — легко; шт.-капитанъ Поповъ — легко;
одпоручикъ Добровскій — тяжело, въ ногу; подпоручикъ
ожинскій — въ ногу и плечо.

Въ V-й дружинѣ убиты: поручикъ Павловъ; раненые:
ружинный командиръ подполковникъ Нищенко — легко;
апитанъ Сухомлиновъ — тяжело; шт.-капитанъ Розановъ —
егко; поручикъ Рудомино — тяжело; поручикъ Яковлевъ
— легко; прапорщикъ Максютенко — легко.

Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя:

Въ І-й дружинѣ — 152 человѣка; въ ІІ-й дружинѣ —
6 человѣкъ; въ ІІІ-й дружинѣ — 200 человѣкъ и въ V-й дру-
жинѣ — 116 человѣкъ. Всего 514 человѣкъ.

Такимъ образомъ изъ общаго числа выбыло изъ строя
2 офицера и 514 чел. нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными;
о въ дѣйствительности количество раненыхъ нижнихъ чиновъ
было большее, такъ какъ многіе легко раненые уходили по
воимъ домамъ или въ больницы: они считались по дружи-
намъ въ отлучкѣ, и многіе изъ нихъ, впослѣдствіи, явились
въ свои части.

Когда наступила ночь, зарево пожара долго освѣщало
небосклонъ по направленію къ Старой-Загорѣ. Не могло быть
сомнѣнія въ томъ, что пожаръ охватилъ цѣлый городъ.

VIII.

Отдыхъ послѣ боя у Туловскаго лѣса. — Охотники. — По пути въ Казан-
лыкъ. — Даровой обѣдъ. — Въ монастырѣ. — Панихида. — Въ с. Шипкѣ. —
Въ г. Габровѣ. — Казнь казанлыкскаго каймакама. — Въ г. Тырновѣ. —
Евреи-*чиновники*. — С. Стамболовъ. — Тревожные слухи. — Тырновская
молодежь.

20-ое іюля. Мы разсчитывали, что утомившись въ теченіи
дня, полнаго тревогъ, подкрѣпимъ сномъ упавшія силы и
позабудутся, хоть на время, ужасы кроваваго дня; но не тутъ
было, по крайней мѣрѣ, что касается меня; напротивъ, ночь

мнѣ показалась безконечно длинной, въ дремотѣ меня преслѣдовали галюцинаціи: передъ глазами смѣнялись одна за другой вчерашнія ужасныя картины, слышались пушечные и ружейные выстрѣлы, крики старозагорскихъ жителей и стоны раненыхъ... Многіе ополченцы тоже не могли спать: то сидя, то лежа втихомолку между собой разговаривали, а тѣ которые спали постоянно о чемъ либо разговаривали во снѣ: то выкрикивали „ура,“ то кричали: „раненъ, раненъ,“ иные, вдругъ вскакивали и кричали: „турки, турки, бейте!..“

Около полуночи, отрядъ былъ разбуженъ, чтобы продолжать отступленіе въ Казанлыкъ; готовые къ выступленію, мы простояли болѣе часу, и затѣмъ вновь получили приказаніе ложиться спать.

Ополченцы, не смотря на то, что со вчерашняго утра не ѣли, такъ какъ хлѣба не было, имѣли бодрый и возбужденный видъ; въ ихъ лицахъ хотя и замѣтны были слѣды вчерашнихъ тяжелыхъ испытаній, но въ тоже время въ глазахъ и движеніяхъ можно было читать сознаніе собственнаго достоинства, чувство удовлетвореннаго самолюбія и гордости людей, исполнившихъ свой долгъ.

Слушая не лестныя сужденія офицеровъ о своей военной доблести, какъ я указалъ выше, ополченцы, особенно тѣ изъ нихъ, которые еще не бывали въ огнѣ, и сами было усомнились въ себѣ; но, вступивъ въ давно желанный бой съ турками, бросаясь, какъ львы, на врага, смѣло его преслѣдуя, не смотря на то, что врагъ въ 7—8 разъ былъ многочисленнѣе, ополченцы, хотя и отступили, но не считали себя побѣжденными; многочисленный врагъ, закаленный въ бояхъ, наступалъ и съ фронта, обходилъ съ фланговъ и подъ этимъ сильнымъ напоромъ приходилось отступить: „сила солому ломитъ“ говоритъ пословица; но въ этомъ самомъ отступленіи да еще при условіяхъ, описанныхъ выше, при какихъ это отступленіе совершалось, ополченцы сознали свои силы и превосходство надъ своимъ вѣковымъ врагомъ: впервые, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ рабства, болгаре встрѣтились грудь съ грудью съ своими тиранами и одинаково вооруженные помѣрились съ ними своей силой и убѣдились, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь ихъ храбрыхъ предковъ; здѣсь, подъ Старой Загорой, 19-го іюля 1877 года, Болгарское Ополченіе воскресило военную славу своихъ храбрыхъ и доблестныхъ царей Крума, Симеона,

Подполковникъ Рынкевичъ,
начальникъ штаба Ополченія во время Старо-Загорскаго боя.

Стр. 198—199.

Самуила и др. и здѣсь же, въ томъ же бою подъ Старой-Загорой, турки впервые увидѣли, что болгарская *райя* не немощна и не безгласна: не даромъ, впослѣдствіи, турки воспѣли бой при Старой-Загорѣ въ пѣснѣ: *„Эшиль калпаклы комита.“ *)*

Недалеко отъ нашего бивуака, подъ Туловскимъ лѣсомъ, ночевало вмѣстѣ съ нами и многочисленное населеніе Старой-Загоры и окрестныхъ деревень; въ теченіи всей ночи оттуда неслись плачь и рыданія, а къ утру, таковые еще болѣе увеличились: дѣти искали матерей и отцевъ и безутѣшные плакали навзрыдъ, родители рыдали, потерявъ дѣтей — все это страшно тяготило душу. На разсвѣтѣ одна часть скитальцевъ тронулась къ Казанлыку, другая же осталась, все еще надѣясь, что наши войска вновь прогонять турокъ. Между тѣмъ наше начальство, опасаясь наступленія турокъ, какъ говорится, по нашимъ пятамъ, отправило въ разъѣздъ пропорщика Зозулина; послѣдній убѣдился, что турки не проявляли никакого намѣренія наступать.

Посланные изъ штаба генерала Гурко генераломъ Столѣтовымъ охотники съ письмомъ къ начальнику штаба Ополченія подполковнику Рынкевичу благополучно догнали Ополченіе у береговъ р. Тунджи, въ половинѣ двѣнадцатаго ночью, и исполнили возложенное на нихъ порученіе; въ эту же ночь подполковникъ Рынкевичъ отправилъ письмо въ штабъ генерала Гурко. Охотники, взявшіеся доставить это письмо: Ив. Цвѣтковъ, Мито Анковъ, Коста Бошняковъ, Пустовойтовъ (русскій) и 4 драгуна, послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія, и рискуя жизнью, успѣли наконецъ, на разсвѣтѣ, добраться до Ново-Загорскаго шоссе: но отряда генерала Гурко нигдѣ не находили, и продолжали путъ на востокъ. По пути, солдаты неожиданно встрѣтили барабанщика, который, какъ оказалось, проспалъ выступленіе отряда Гурко и не видѣлъ куда выступилъ этотъ отрядъ, но слышалъ ржаніе лошадей въ направленіи къ сѣверо-востоку отъ своего мѣста, только не зналъ, нашего-ли то отряда были лошади; тѣмъ не менѣе, охотники поняли изъ словъ солдата, что надо ѣхатъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, и дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ, они нагнали отрядъ и передали письмо.

---

*) „Повстанцы въ зеленыхъ шапкахъ.“

Генерала Столѣтова при отрядѣ уже не было: онъ вмѣстѣ съ шт.-ротмистромъ Лукашовымъ, съ конными ополченцами Г. Найденовымъ и Д. Коцевымъ и съ однимъ казакомъ выѣхалъ къ Хаинъ-Кіою, чтобы догонять Ополченіе; ночью, они подошли близко къ с. Маглишу, но, увидавъ за деревней множество огней раздѣлились: Столѣтовъ съ Д. Коцевымъ и казакомъ направился догонять Ополченіе черезъ г. Трѣвну, а Г. Найденовъ и ротмистръ Лукашовъ продолжили путь и догнали Ополченіе 20-го іюля въ Казанлыкѣ. Оказалось, что огни у деревни Маглиша были разложены бѣглецами изъ Старой Загоры.

Когда нашъ отрядъ оставилъ Туловскій лѣсъ и направился къ Казанлыку солнце уже было высоко надъ горизонтомъ. У самой рѣчки, при выходѣ на дорогу, между виноградниками, мы встрѣтили IV-ю дружину съ одной батареей, двигавшихся на соединеніе съ Ополченіемъ. Офицеры этой дружины, съ сочувствіемъ встрѣчая насъ, поздравляли съ блестящимъ сраженіемъ и избавленіемъ отъ смерти; между офицерами былъ и штабсъ-капитанъ Михида; я не выдержалъ и напомнилъ ему его утвержденіе, что ополченцы разбѣгутся послѣ перваго выстрѣла.

— „Ну, батюшка,“ отвѣтилъ сконфуженно Михида: „конь о четырехъ ногахъ да и то спотыкается!“

— „Я былъ увѣренъ,“ вмѣшался въ разговоръ маіоръ Рѣдькинъ: „что ополченцы будутъ молодецки драться.“

Маіоръ Рѣдькинъ былъ изъ числа тѣхъ офицеровъ, которые справедливо относились къ ополченцамъ; онъ не только не позволялъ себѣ ругать или бить ополченцевъ и давать имъ унизительные для воинскаго званія прозвища, но и всегда горячо заступался за обиженныхъ, безъ различія, были ли то болгаре или русскіе, и его офицеры, съ малыми исключеніями, слѣдовали его примѣру.

IV-я дружина заняла свое мѣсто въ походномъ движеніи. Мы вошли въ тѣ самые виноградные и розовые сады, о которыхъ я говорилъ при описаніи пути изъ Казанлыка въ Старую Загору. Но сады уже не имѣли той очаровательной прелести, какъ это было десятокъ дней тому назадъ; не было ни той ослѣпительной бѣлизны розовыхъ цвѣтовъ, ни того аромата отъ цвѣтовъ полей; все пространство выглядѣло както монотонно: листы винограда и деревьевъ уже начали желтѣть, вѣтки деревьевъ, подъ тяжестью плодовъ, задумчиво опусти-

лись къ землѣ; даже буйно разросшаяся трава, какою поросли оставшіеся безъ досмотра виноградные сады, увяла отъ жаркихъ лучей солнца и уныло склонила свои стебли; не щебетали и птицы, будто боялись выдать свое присутствіе . . . Казалось, что вся, окружавшая насъ, природа сочувствовала душевному настроенію ополченцевъ.

Невеселыя думы роились и въ умахъ ополченцевъ:

— „И чѣмъ только окончится эта война? Освободится ли Болгарія?“ спрашивалъ какой-то ополченецъ.

— „Какъ теперь идутъ дѣла, пожалуй и сомнительно,“ говорилъ другой: „подъ Плевной турки насъ били, тутъ, подъ Старой Загорой тоже . . . я говорилъ, что турки не даромъ намъ не препятствовали идти впередъ, и что намъ подготовляли западню!“

— „Удивительное дѣло, какъ это начальство послало такой небольшой отрядъ и не дало подкрѣпленій?“ замѣчалъ третій.

— „Войны безъ жертвъ не бываетъ,“ вмѣшивался авторитетно интеллигентный ополченецъ: „сегодня насъ били турки, завтра мы ихъ поколотимъ; я только одного боюсь, чтобы враги славянства, увидавъ неудачи русской арміи и ея слабость, не вмѣшались бы въ войну, тогда, прощай, надежда на освобожденіе Болгаріи!“

— „Эхъ, братъ, если не пойдемъ въ Царьградъ, а оттуда параходомъ въ Солунь, такъ и жить не стоитъ!“ отзывался на эти разговоры македонецъ Трайко на своемъ македонскомъ болгарскомъ наречіи.

Было около 2-хъ часовъ по полудни, когда нашъ отрядъ прибылъ въ Казанлыкъ. Часть жителей города уже была въ бѣгахъ, остальные же, объятые страхомъ, спѣшили оставить городъ. Отрядъ остановился тамъ же, гдѣ и прежде — за женскимъ монастыремъ.

Въ Казанлыкѣ, какъ упомянуто уже было мной, оставленъ былъ комендантомъ маіоръ Поповъ; въ послѣдніе дни своего комендантства въ его распоряженіи было пять сотенъ казаковъ, одна рота ополченцевъ, одна рота, составленная изъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ и около тысячи вооруженныхъ горожанъ.

По линіи отъ Казанлыка до Калофера были разсыпаны донскіе казаки, а IV-я дружина была расположена въ с. Шипкѣ для поддержанія связи между отрядами Скобелева и Гурко.

Впослѣдствіи, когда въ Казанлыкѣ осталось незначительное количество казаковъ, изъ с. Шипки была прислана одна рота 4-ой дружины. Оставляя Казанлыкъ, генералъ Гурко приказалъ Попову, тотчасъ по прибытіи въ городъ свѣжихъ войскъ, собрать сотни и идти съ ними впередъ, придерживаясь направленія во флангъ передоваго отряда и поддерживая съ нимъ связь частыми сообщеніями. Между Старой Загорой и Казанлыкомъ была уже установлена кавалерійская драгунская почта.

Когда въ Казанлыкъ стали доходить тревожныя донесенія объ угрожающей городу опасности, населеніе неоднократно обращалось съ просьбами снабдить его ружьями, о чемъ Поповъ и доносилъ по начальству, но вскорѣ затѣмъ переписка съ Старой Загорой прекратилась и майоръ Поповъ пришелъ къ заключенію, что прекращеніемъ сообщенія оба города обязаны туркамъ и башибозукамъ. Между тѣмъ въ одинъ прекрасный день является къ Попову изъ разъѣзда унтеръ-офицеръ и сообщаетъ, что отправленный съ 3-го поста драгунъ не нашелъ на слѣдующемъ посту солдатъ; вслѣдствіе этого, Поповъ приказалъ снять посты и сообщеніе съ Старой Загорой поддерживать охотниками изъ казаковъ.

Со дня на день положеніе становилось тревожнѣе; извѣстія изъ Старой Загорой получались противорѣчивыя; приходилось принять мѣры для защиты города, хотя бы лишь въ такихъ размѣрахъ, чтобы обезпечить возможность жителямъ отправиться за Балканы и переправить туда же раненыхъ и больныхъ солдатъ; поэтому множество болгаръ было приставлено къ работамъ по укрѣпленію города; такимъ образомъ, вся окрестность города и путь въ Шипку покрылись укрѣпленіями. Офицеровъ, прибывавшихъ въ Казанлыкъ для слѣдованія дальше въ передовой отрядъ, майоръ Поповъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что дѣлается между Казанлыкомъ и Старой Загорой, такъ какъ между этими городами прекратилось всякое сообщеніе, задерживалъ въ городѣ.

19-го іюля, утромъ, майоръ Поповъ получилъ записку отъ А. А. Фрезе, извѣщавшую о благопріятномъ ходѣ дѣлъ въ Старой-Загорѣ и о предстоящемъ соединеніи на слѣдующій день всѣхъ частей отряда; это извѣстіе, понятно, совершенно успокоило майора Попова; да кромѣ того и изъ Калофера не получалось ничего, что могло бы особенно безпокоить. По

полученіи такихъ вѣстей, майоръ Поповъ отправилъ задержанныхъ имъ офицеровъ въ сопровожденіи собравшихся въ Казанлыкѣ драгунъ, гусаръ и казаковъ, для слѣдованія въ свои части, а самъ вышелъ осматривать работы по укрѣпленію города, какъ вдругъ увидалъ безконечную толпу всадниковъ и пѣшеходовъ, двигавшихся по шоссе — это были бѣглецы изъ Старой-Загоры; отъ нихъ то онъ, наконецъ, узналъ о пораженіи браваго Ополченія. Вернувшись въ городъ, Поповъ созвалъ городской совѣтъ, безъ участія турокъ, дабы обсудить и принять мѣры для перенесенія больныхъ и раненыхъ. Горожане, между тѣмъ, узнавъ объ отступленіи Ополченія, начали приготовляться къ побѣгу; улицы переполнились народомъ и огласились плачемъ и рыданіями; въ эти минуты, казакъ, едва съ трудомъ разсчистивъ себѣ путь къ майору Попову, доставилъ ему записку отъ герцога Николая Максимиліановича, въ которой требовалось, чтобы ½ сотни казаковъ были отправлены въ деревню Изикліи (Кызылъ-Дере), находившуюся на перекресткѣ дорогъ за Балканы и въ Старую Загору, и вошли въ связь съ Ополченіемъ.

Въ качествѣ предупредительной мѣры для охраны порядка было объявлено горожанамъ-туркамъ, что, въ случаѣ ихъ выхода изъ домовъ группами болѣе 5 человѣкъ, казаки будутъ въ нихъ стрѣлять.

Между тѣмъ начали прибывать изъ Старой-Загоры и раненые, такъ что въ скоромъ времени въ городѣ и его окрестностяхъ набралось до 5,000 раненыхъ и до сорока тысячъ человѣкъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ; ко всему этому прибавилась и фальшивая тревога, будто турки наступаютъ со стороны *Малыхъ Балканъ:* населеніемъ овладѣлъ паническій страхъ и всѣ, мужчины, женщины и дѣти бросились бѣжать, такъ что, въ теченіи какого-либо одного часа времени, городъ совсѣмъ опустѣлъ; на улицахъ остались нѣсколько грудныхъ и двухъ-трехлѣтнихъ дѣтей, оставленныхъ матерями, да еще одна, простершаяся на мостовой, умершая отъ страху дѣвушка. Оказалось, что казаки сообщили ложную вѣсть: они увидали въ пространствѣ облака пыли двигавшагося стада овецъ и приняли послѣднихъ за турокъ.

До нашего прихода въ Казанлыкъ, приказомъ по Ополченію, временно командующимъ III-ей дружиной былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Стесель, а ротными командирами: 1-й

щало

быть

По пути въ Казан-

— Въ с. Шипкѣ. —

— Въ г. Тырновѣ. —

слухи. — Тырновская

утомившись въ теченіи

сномъ упавшія силы и

кроваваго дня; но не тутъ

меня; напротивъ, ночь

лись въ половинѣ четвертаго по полудни чрезъ *Малый Балканъ* догонять ополченіе.

Спустя 25 минутъ отдыха, жалкіе остатки Болгарскаго Ополченія продолжили отступленіе; еще до сумерокъ, мы пришли въ Туловскій лѣсъ, гдѣ отрядъ и расположился на ночевку.

Мой Лилитка наконецъ появился.

— Ты, гдѣ это былъ до сихъ поръ? Отчего не стоялъ тамъ, гдѣ тебѣ было указано? спросилъ я.

— „Да какъ же было стоять, ваше благородіе, когда пули и гранаты сыпались какъ градъ! Мы вышли на дорогу, ну, а какъ бросился народъ, а послѣ кавалерія и артиллерія начали бѣжать, потащили и насъ,“ наивно отвѣчалъ Лилитка.

Этотъ отвѣтъ конечно меня не удовлетворилъ. Чтобы меня задобрить деньщикъ спросилъ не желаю ли чего нибудь закусить; это было очень необыкновенно, такъ какъ Лилитка никогда прежде не догадывался во время приготовлять кушанье, не смотря на то что, для такихъ цѣлей ему всегда давались деньги на руки. Хотя я ничего не ѣлъ съ утра, тѣмъ не менѣе аппетита не было никакого, да и трудно было захотѣть ѣсть при такихъ условіяхъ!

Всѣ оставшіеся въ живыхъ офицеры дружины собрались — это были я да Большевъ, всего двое; раненые капитаны Половъ и Стесель были въ это время у начальника штаба подполковника Рынкевича.

Мы сѣли съ Большовымъ на коврѣ, взглянули другъ на друга и заплакали.

Я оставался старшимъ въ дружинѣ, такъ какъ всѣ офицеры были или убиты или ранены, и принялъ командованіе дружиной. Прежде всего я пересчиталъ ополченцевъ; оказалось изъ около 600 человѣкъ, на лицо — 117. Гдѣ же остальные? Не могли всѣ пасть убитыми, такъ какъ еще продолжали подходить, но все же число выбывшихъ изъ строя было велико; вотъ итогъ выбывшихъ изъ строя, офицеровъ и солдатъ, въ дружинахъ:

Въ I-й дружинѣ — ранены: шт.-кап. Михида — легко, въ ногу; поручикъ Соллогубъ — тяжело, въ шею и плечо; поручикъ Гюббенетъ — контуженъ въ паху; прапорщикъ Сорнетъ — раненъ легко, пулей въ ногу.

Въ III-й дружинѣ — убитые: дружинный командиръ подполковникъ Калитинъ; командиръ 1-и роты капитанъ Феодо-

въ; командиръ 2-и роты штабсъ-капитанъ Усовъ и завѣ-
вающій оружіемъ поручикъ Поповъ; раненые: поручикъ
іваревъ — легко; поручикъ Поликарповъ — тяжело; шт.-
питанъ Стесель — легко; шт.-капитанъ Поповъ — легко;
дпоручикъ Добровскій — тяжело, въ ногу; подпоручикъ
жинскій — въ ногу и плечо.

Въ V-й дружинѣ убиты: поручикъ Павловъ; раненые:
ужинный командиръ подполковникъ Нищенко — легко;
питанъ Сухомлиновъ — тяжело; шт.-капитанъ Розановъ —
ко; поручикъ Рудомино — тяжело; поручикъ Яковлевъ
легко; прапорщикъ Максютенко — легко.

Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя:

Въ I-й дружинѣ — 152 человѣка; въ II-й дружинѣ —
человѣкъ; въ III-й дружинѣ — 200 человѣкъ и въ V-й дру-
нѣ — 116 человѣкъ. Всего 514 человѣкъ.

Такимъ образомъ изъ общаго числа выбыло изъ строя
офицера и 514 чел. нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными;
въ дѣйствительности количество раненыхъ нижнихъ чиновъ
ло большее, такъ какъ многіе легко раненые уходили по
оимъ домамъ или въ больницы: они считались по дружи-
мъ въ отлучкѣ, и многіе изъ нихъ, впослѣдствіи, явились
свои части.

Когда наступила ночь, зарево пожара долго освѣщало
босклонъ по направленію къ Старой-Загорѣ. Не могло быть
мнѣнія въ томъ, что пожаръ охватилъ цѣлый городъ.

VIII.

дыхъ послѣ боя у Туловскаго лѣса. — Охотники. — По пути въ Казан-
къ. — Даровой обѣдъ. — Въ монастырѣ. — Панихида. — Въ с. Шипкѣ. —
г. Габровѣ. — Казнь казанлыкскаго каймакама. — Въ г. Тырновѣ. —
рен-*чиновники*. — С. Стамболовъ. — Тревожные слухи. — Тырновская
молодежь.

20-ое іюля. Мы разсчитывали, что утомившись въ теченіи
я, полнаго тревогъ, подкрѣпимъ сномъ упавшія силы и
забудутся, хоть на время, ужасы кроваваго дня; но не тутъ
ло, по крайней мѣрѣ, что касается меня; напротивъ, ночь

мнѣ показалась безконечно длинной, въ дремотѣ меня преслѣдовали галюцинаціи: передъ глазами смѣнялись одна за другой вчерашнія ужасныя картины, слышались пушечные и ружейные выстрѣлы, крики старозагорскихъ жителей и стоны раненыхъ... Многіе ополченцы тоже не могли спать: то сидя, то лежа втихомолку между собой разговаривали, а тѣ которые спали постоянно о чемъ либо разговаривали во снѣ: то выкрикивали „ура,“ то кричали: „раненъ, раненъ,“ иные, вдругъ вскакивали и кричали: „турки, турки, бейте!..“

Около полуночи, отрядъ былъ разбуженъ, чтобы продолжать отступленіе въ Казанлыкъ; готовые къ выступленію, мы простояли болѣе часу, и затѣмъ вновь получили приказаніе ложиться спать.

Ополченцы, не смотря на то, что со вчерашняго утра не ѣли, такъ какъ хлѣба не было, имѣли бодрый и возбужденный видъ; въ ихъ лицахъ хотя и замѣтны были слѣды вчерашнихъ тяжелыхъ испытаній, но въ тоже время въ глазахъ и движеніяхъ можно было читать сознаніе собственнаго достоинства, чувство удовлетвореннаго самолюбія и гордости людей, исполнившихъ свой долгъ.

Слушая не лестныя сужденія офицеровъ о своей военной доблести, какъ я указалъ выше, ополченцы, особенно тѣ изъ нихъ, которые еще не бывали въ огнѣ, и сами было усомнились въ себѣ; но, вступивъ въ давно желанный бой съ турками, бросаясь, какъ львы, на врага, смѣло его преслѣдуя, не смотря на то, что врагъ въ 7—8 разъ былъ многочисленнѣе, ополченцы, хотя и отступили, но не считали себя побѣжденными; многочисленный врагъ, закаленный въ бояхъ, наступалъ и съ фронта, обходилъ съ фланговъ и подъ этимъ сильнымъ напоромъ приходилось отступить: „сила солому ломитъ“ говоритъ пословица; но въ этомъ самомъ отступленіи да еще при условіяхъ, описанныхъ выше, при какихъ это отступленіе совершалось, ополченцы сознали свои силы и превосходство надъ своимъ вѣковымъ врагомъ: впервые, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ рабства, болгаре встрѣтились грудь съ грудью съ своими тиранами и одинаково вооруженные помѣрились съ ними своей силой и убѣдились, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь ихъ храбрыхъ предковъ; здѣсь, подъ Старой Загорой, 19-го іюля 1877 года, Болгарское Ополченіе воскресило военную славу своихъ храбрыхъ и доблестныхъ царей Крума, Симеона,

Подполковникъ Рынкевичъ,
начальникъ штаба Ополченія во время Старо-Загорскаго боя.

Стр. 198—199.

— Если поможетъ Богъ, Николай Николаевичъ, избавимся оба вмѣстѣ, отвѣтилъ я . . .

И мы избавились, хотя жизнь наша висѣла на волоскѣ: когда мы вышли изъ круга обложенія, турки были отъ насъ въ 20—30 шагахъ.

Слѣдуетъ сказать, что такъ какъ III-я дружина была обойдена турками со стороны праваго фланга позиціи, то обходившія непріятельскія колонны были къ нашей дружинѣ ближе, чѣмъ къ другимъ частямъ, и намъ, чтобы выйти изъ круга обложенія, надо было пройти, сравнительно съ другими, наибольшее разстояніе и приходилось подниматься по возвышенности и, вотъ, когда мы поднялись на одну и туже высоту съ обходившими въ лѣво отъ насъ турками, то разстояніе между нами и ними, какъ я сказалъ выше, стало не болѣе 20—30 шаговъ; между тѣмъ до самаго верха возвышенности оставалось неболѣе 200 шаговъ, но это разстояніе казалось намъ безконечнымъ.

По пути, то и дѣло слышались клики раненыхъ о помощи.

— „Ваше благородіе," кричитъ одинъ ополченецъ: „я раненъ, если мнѣ кто поможетъ, я избавлюсь . . . не оставляйте меня!"

— „Бѣдняга," говоритъ ротный командиръ Поповъ: „надо ему помочь."

— „Давай руку!" обращается къ раненому ополченецъ Стефановъ; но раненый отъ страшной боли корчится.

— „Нѣтъ, видно, что Господь приберетъ меня!" и обращается къ Стефанову: „оставь меня, спасайся самъ . . . вотъ возьми сумку съ патронами, оставь только два . . ." и за нами слышится сухой трескъ выстрѣла изъ Шаспо.

— „Возьмите ружье!" кричитъ другой, тяжело раненый: „я, ваше благородіе, умираю . . . но пишите домой" . . .

И такъ по всему пути однѣ и тѣ же сцены . . . Несчастные сознавали, что насталъ послѣдній часъ и съ жадностью искали въ нашихъ взорахъ встрѣтить къ себѣ сочувствіе и сожалѣніе; многіе, испытывая мученія, поворачивались на бокъ, крестились и утѣшали себя, творя горячую молитву Всевышнему. Въ промежуткахъ, когда турки были совсѣмъ близко отъ отступавшей дружины, были слышны ихъ клики предложенія о сдачѣ — *„теслимъ!"* Какъ разъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ нагналъ насъ поручикъ Живаревъ, которому турки

вслѣдъ кричали: „дуръ-отуръ!“ на это Живаревъ, самъ раненый и, едва идя, обернулся въ сторону турокъ и, погрозивъ имъ кулакомъ, сказалъ: „вотъ вамъ дуръ-отуръ“. Отъ этого мѣста переклички Живарева съ турками, мы успѣли пройти шаговъ 150, какъ вдругъ послышался тупой ударъ и ополченецъ Стефановъ охнулъ:

— „Ничего, ничего, ваше благородіе, я пойду съ вами!“

Но спустя нѣсколько шаговъ, онъ началъ ослабѣвать; я ему подалъ руку, которую онъ лихорадочно схватилъ и опять зашагалъ, но кровь шла изъ раны фонтаномъ, очевидно пуля розорвала какую либо артерію, и Стефановъ началъ шататься, а еще два, три шага и совсѣмъ ослабѣлъ . . .

— „Оставьте меня, ваше благородіе, благословите меня“ ... и несчастный на вѣки закрылъ глаза.

Это была послѣдняя жертва, которую я видѣлъ въ бою подъ Старой-Загорой.

Пока мы еще не выходили изъ круга огня, на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи стрѣльба продолжалась: I-я дружина отступала тоже подъ сильнымъ натискомъ противника, и лишь, благадаря начальнику лѣваго фланга позиціи, Графу Толстому, который во главѣ дружины съ примѣрной храбростью и рѣдкой неустрашимостью появлялся всюду, гдѣ была наибольшая нужда въ его присутствіи, турки были отбиваемы и задерживаемы. Графъ Толстой, какъ и полковникъ Калитинъ, во все время боя былъ верхомъ, но когда дружина находилась уже недалеко отъ верха возвышенности, лошадь подъ нимъ была убита.

— „Ребята, въ кобурахъ на сѣдлѣ полно золота, берите кто хочетъ!“ крикнулъ графъ ополченцамъ; но охотниковъ взять золото не нашлось.

Наконецъ мы поднялись на верхъ возвышенности и могли свободно вздохнуть; здѣсь, въ лѣво отъ насъ, мы застали около 20 человѣкъ ополченцевъ, которые залегли и мѣтко стрѣляли по обходившимъ насъ туркамъ, но вскорѣ и они должны были оставить возвышенность и скрыться въ густыхъ фруктовыхъ деревьяхъ и виноградникахъ.

Пришли къ мѣсту, гдѣ 5—6 часовъ тому назадъ оканчивали свою утреннюю закуску.

Мы припоминали одинъ другому, какъ здѣсь мы пропѣли послѣдною строфу пѣсни: „Богъ знаетъ, что будетъ съ нами впереди!“

На моментъ мы остановились и посмотрѣли другъ на друга . . . говорить мы не могли: слезы ручьемъ текли и подступавшія рыданія сжимали горло.

— „Пойдемъ, пойдемъ!“ опомнился наконецъ Поповъ: „турки еще немного и будутъ здѣсь на горѣ.“

Мы поспѣшили спуститься внизъ и скрыться между садами и виноградниками; и дѣйствительно, немного спустя, турки появились на горѣ и открыли по насъ сначала рѣдкій, а потомъ учащенный огонь; но больше уже насъ не преслѣдовали и мы какимъ-то чудомъ избавились; и въ самомъ дѣлѣ, идти подъ перекрестнымъ огнемъ многочисленнаго противника, да еще на разстояніи отъ него въ 20—30 шагахъ и остаться живымъ — нельзя не назвать чудомъ.

Очевидно, что если остатки III-й дружины и избавились отъ явной гибели, то благодаря тому обстоятелству, что турки были крайне утомлены и потому не успѣли совсѣмъ отрѣзать намъ путь отступленія, вдобавокъ, стрѣляли по насъ, не останавливаясь и не цѣлясь.

Когда мы были на верху горы, передніе ряды I-й дружины были уже въ виноградныхъ садахъ; разсказывали, что на верху горы, Графъ Толстой остановилъ было дружину и хотѣлъ встрѣтить обходившаго противника залпомъ, но оказалось, что не у всѣхъ ополченцевъ были патроны, а ружья большей частью не дѣйствовали.

Всѣхъ насъ томила сильная жажда; я по пути срывалъ ягоды недозрѣлаго еще винограда; проходя мимо одной лужи, въ которой, видно было, что лежали буйволы, Поповъ нагнулся и хотѣлъ было пить и мнѣ на силу удалось его оттянуть отъ грязной лужи.

— „Спасибо!“ говорилъ мнѣ Поповъ пожимая руку, когда мы уже были далеко отъ турокъ: „спасибо, что мнѣ не дали своего револьвера, я бы застрѣлился.“

Предъ ущельемъ, когда мы подошли къ лежащей противъ него мельницы, взорамъ предстала ужасающая картина. Отсюда былъ видѣнъ весь городъ: южная часть его была вся въ пламени; пламя, высоко поднимаясь надъ горизонтомъ, соединялось въ общій потокъ огня, образуя какъ бы цѣлое огненное море; пожаръ разгорался и далѣе къ сѣверу, захватывая сосѣднія постройки, надъ которыми чернѣли клубы дыма, по-

степенно измѣняясь въ вырывавшіяся изъ него широкія струи пламени...

Печально и обидно было видѣть, какъ прекрасный городъ, тонувшій въ роскошной зелени, погибалъ въ огнѣ. Старо-Загорскіе горожане и окрестные поселяне, пришедшіе въ городъ, обнадеженные властями, что городу не грозитъ опасность, оставались въ своихъ домахъ; когда же стало яснымъ, что турки возьмутъ городъ, бѣжать уже было поздно. Разсказывали, что, въ началѣ боя, многіе горожане, у кого было какое либо оружіе, одни ушли драться съ турками, другіе — наблюдать сраженіе, взрослые дѣти групами расхаживали по улицамъ, а женщины, собираясь у воротъ своихъ домовъ, съ замираніемъ сердца, ожидали исхода сраженія... но вотъ зажегся одинъ домъ, другой... жители бросились было гасить пожаръ и спасать имущество; гранаты стали падать учащеннѣе и наконецъ клики: „турки идутъ!" своей неожиданностью произвели полное смятеніе: турецкіе солдаты уже были въ городѣ, къ нимъ присоединились ихъ мѣстные единовѣрцы, кипѣвшіе злобой и ненавистью къ своимъ согражданамъ — *гяурамъ*, и всѣ вмѣстѣ бросились на беззащитное болгарское населеніе.

Первая рота II-й дружины, прикрывая отступленіе послѣдней чрезъ западную часть города, со стороны Черпанскаго шоссе, должна была отстрѣливаться не только отъ черкесовъ, но и отъ городскихъ жителей — турокъ, а V-я дружина, отступая чрезъ городъ, принуждена была устроивать баррикады изъ телѣгъ, бочекъ и проч., чтобы препятствовать набрасывавшимся на нее по пятамъ турецкимъ солдатамъ, при чемъ мѣстные жители турки стрѣляли по дружинѣ изъ оконъ своихъ домовъ.

Неописуемый ужасъ охватилъ старозагорское болгарское населеніе; обезумѣвшіе отъ страха, они всѣ бросились бѣжать, улицы переполнились народомъ, повозками, лошадьми и скотомъ, и за всѣмъ этимъ гнались турки, убивая жителей, кто чѣмъ попало, ятаганами, штыками и выстрѣлами... трупы убитыхъ и раненыхъ устлали улицы... тѣ же, которые скрылись по чердакамъ и погребамъ сгорѣли живьемъ... Женщинъ и дѣвушекъ турки предавали всякимъ поруганіямъ и потомъ убивали... Въ Старой-Загорѣ жертвами турецкихъ звѣрствъ пали 10,000 невинныхъ жителей; жителей же, успѣвавшихъ

выбѣжать изъ города, преслѣдовали черкесы и башибозуки и немилостиво избивали.

Я и шт.-кап. Поповъ смотрѣли на эти ужасныя сцены, какъ черкесы, нагоняя бѣгущихъ, рубили ихъ шашками...

Перейдя рѣку, раненый шт.-кап. Поповъ сѣлъ на кавалерійскую лошадь.

Мы вошли въ ущелье — тутъ картина была не менѣе печальна и ужасна . . .

— Боже, не довольно ли страданій?! Надо было имѣть нервы, какъ веревки, чтобы вынести всѣ ужасы этого кроваваго дня, думалъ я.

Правда, здѣсь въ ущельи не лилась кровь, не слышно было предсмертныхъ стоновъ, не царствовала смерть и все же всюду были сцены, раздиравшія сердце; толкотня и наплывъ людей были таковы, что, смотря только на все это, кружилась голова: мужчины, женщины, дѣти, раненые солдаты въ крови, въ крови отъ нихъ камни и кровь по дорогѣ, возы нагруженные всякимъ скарбомъ и рухлядью, на возахъ дѣти, раненые солдаты и горожане, вьючныя лошади, ослы — одни съ поклажей, на другихъ сидятъ старики, матери съ дѣтьми, и все это движется, какъ потокъ лавы, впередъ . . . женщины плачутъ, дѣти пищатъ и ревутъ, раненые стонутъ, испуганныя животныя ржутъ и мычатъ — все это сливалось въ одинъ, раздирающій сердце шумъ . . . и все это бѣжитъ, бѣжитъ въ паническомъ страхѣ, всякій думая лишь о себѣ и смотря лишь за собою, хочетъ спастись и, обезумѣвъ отъ страха, бросаетъ своихъ, близкихъ сердцу: мужъ — жену, братъ — сестру, мать — дѣтей . . .

Я видѣлъ мать, оставившую грудное дитя у дороги . . . положила и бросилась бѣжать, но не пробѣжала и 50 шаговъ, повернулась и, какъ раненая львица, съ потеряннымъ взоромъ, бросилась къ ребенку: „нѣтъ, дитя мое, нѣтъ родимое, я тебя не оставлю, пусть ужъ насъ обоихъ изрубятъ турки!“ неистово прижимая къ груди, вся въ слезахъ, кричала несчастная женщина и бѣжала дальше . . .

Такихъ случаевъ было много; не мало грудныхъ дѣтей было оставляемо по дорогѣ, и многихъ изъ нихъ подбирали солдаты, и, должно сказать правду, преимущественно русскіе солдаты, особенно тѣ изъ нихъ, которые были верхомъ.

Неподалеку отъ *Бешъ-Бунара* меня окликнули по фамиліи. Оглядѣвшись, я увидалъ выпряженую крестьянскую подводу и на ней четырехъ ополченцевъ.

— „Господинъ подпоручикъ, не оставляйте насъ въ рукахъ турокъ!“ говорилъ одинъ раненый: „погонщикъ выпрягъ воловъ и убѣжалъ, а идти мы не можемъ.“

Этотъ раненый былъ Н. Коншинъ, вольноопредѣляющійся 3-й роты, III-й дружины; онъ былъ раненъ въ трехъ мѣстахъ во время наступленія турокъ и вынесенъ изъ боя ополченцами; другой раненый лежалъ на подводѣ безъ памяти, а двое другихъ устремили на меня умоляющіе взоры. Но, что я могъ сдѣлать, чтобы спасти ихъ отъ рукъ турокъ?! Ничего. Недалеко отъ *Бешъ-Бунара*, со стороны города, раздались ружейные выстрѣлы; услыхавъ которые, вся масса людей, двигавшаяся въ ущельи, начала бѣжать; настала ужасная толкотня, каждый спѣшилъ перегнать другого; меня подхватила толпа и почти понесла впередъ . . .

— „Ваше благородіе! господинъ подпоручикъ! прошу васъ . . .“ послышалась еще разъ надрывающая душу просьба раненыхъ . . . да и не ихъ однихъ . . .

Кавалерія, тамъ, на полѣ сраженія не могла особенно помогать пѣхотѣ, но тутъ она могла оказать большую помощь раненымъ . . . Но гдѣ она, эта кавалерія?!

Странная натура у человѣка! Три, четыре часа тому назадъ, эта разстроенная масса солдатъ, какъ львы, бросалась на врага, перескакивала черезъ убитыхъ товарищей и шла на явную смерть, а теперь?! Теперь эти люди забыли обо всемъ, о дисциплинѣ, о воинской доблести и долгѣ, потеряли и разсудокъ и способность говорить и только, казалось, умѣютъ бѣжать, и никто не въ силахъ былъ остановить ихъ . . .

Я видѣлъ, какъ офицеры верхомъ бросались на ряды кавалеріи, чтобы ихъ остановить, но это былъ напрасный трудъ, да и невозможно было при такомъ смятеніи толпы остановить разбросанныхъ въ ней солдатъ . . . .
. . . .

Отъ нравственныхъ потрясеній и вслѣдствіе упадка физическихъ силъ, я едва волочилъ ноги; мой деньщикъ Лелитка нашелъ болѣе благоразумнымъ заранѣе вмѣстѣ съ лошадью уйти отъ опасности.

На плоской возвышенности, противъ д. Дервентъ, остатки I-й, II-й, III-й и V-й дружинъ были остановлены для отдыха и въ цѣляхъ подождать отставшихъ ополченцевъ; отъ III-й дружины было въ сборѣ всего 80 человѣкъ.

Здѣсь е. в. Николай Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтембергскій, благодарилъ ополченцевъ слѣдующими словами:

„Спасибо вамъ, молодцы, за геройство, какое вы показали въ сегодняшнемъ бою съ турками. Я видѣлъ, какъ вы цѣлыхъ 5 часовъ держались на позиціяхъ, храбро и самоотверженно дрались съ врагомъ, къ несчастью нашему, несравненно превосходившемъ насъ численностью. Вы дрались сегодня не хуже русскихъ солдатъ и я считаю себя обязаннымъ доложить Его Императорскому Высочеству о вашемъ геройствѣ.“

Эти слова его высочества передалъ ополченцамъ по болгарски командиръ I-й дружины подполковникъ Кесяковъ.

Итакъ, болгарскіе ополченцы не оказались трусами, за какихъ ихъ считали нѣкоторые офицеры; они не только не бѣжали послѣ перехода Дуная, но не бѣжали и съ поля сраженія; напротивъ, по словамъ герцога Лейхтемберскаго, они дрались не хуже русскихъ солдатъ, что и было въ дѣйствительности. Такъ, оставшіеся въ живыхъ ополченцы получили полное нравственное удовлетвореніе за всѣ оскорбленія, какія приходилось имъ вынести отъ своего начальства.

Я вспомнилъ о докторѣ Вязанковѣ и сожалѣлъ, что его не было и онъ не могъ слышать словъ герцога и порадоваться. Докторъ Вязанковъ неуморимо работалъ подъ непріятельскимъ огнемъ, подавая первую помощь раненымъ; къ несчастью этой помощью воспользовались только раненые въ началѣ сраженія, всѣ же прочіе остались въ рукахъ турокъ и послѣ всякихъ истязаніи, были избиты до одного. Докторъ, увлекшись своей работой, чутъ было и самъ не попалъ въ руки турокъ; онъ замѣтилъ послѣднихъ, когда они были отъ него въ 200 шагахъ; но благодаря тому, что его лошадь была недалеко, онъ сѣлъ на лошадь, и имѣя у себя въ тылу турокъ, поскакалъ къ востоку, нагналъ по пути генерала Столѣтова и съ нимъ отправился къ отряду генерала Гурко.

Около 2-хъ часовъ по полудни, генералъ Столѣтовъ, въ заботѣ а пути отступленія, отправилъ охотника Пустовойтова высмотрѣть, занято ли ущелье турецкими войсками, бывшими

Докторъ Боневъ, старшій врачъ Болгарскаго Ополченія.

же почти въ нашемъ тылу; путь отступленія оказался уже трѣзаннымъ, и потому начальникъ Ополченія съ группой адниковъ около 60—70 человѣкъ, офицеровъ и нижнихъ чивъ и съ двумя орудіями донской казачьей батареи отступилъ направленію къ сѣверо-востоку; къ нимъ присоединился д-ръ Боневъ, старшій врачъ Ополченія, подававшій помощь е время раненымъ солдатамъ І-й дружины и донской качьей батареи. Генералъ Столѣтовъ отступалъ полуоборомъ въ право отъ непріятельской цѣпи, которая въ то время ла сзади нашего крайняго лѣваго фланга, почти въ нашемъ лу. Турки, увидавъ эту кавалерію и орудія, частью пустились жать, а частью — залегли въ виноградныхъ садахъ и кустарникахъ, при чемъ одинъ изъ турокъ, не успѣвъ убѣжать, хватилъ вплотную орѣховое дерево въ предположеніи, что не замѣтятъ; но вольноопредѣляющійся Юрьевъ, замѣвъ это, подскакалъ къ дереву и однимъ ударомъ шашки алилъ турка.

Во время отступленія Столѣтова, одно орудіе свалилось оврагъ; солдаты, оставленные поднять орудіе, встрѣтивъ заудненіе, начали было выпрягать лошадей, но тутъ къ нимъ искакалъ докторъ Боневъ, подбодрилъ солдатъ и орудіе ло вынуто изъ оврага общими усиліями.

Не смотря на близость противника, Столѣтовъ и его ружавшіе благополучно прибыли къ генералу Гурко, наховшемуся между *Чадыръ-Могилой* и дер. Дылбоками, и ему ложилъ объ исходѣ боя и объ участи Ополченія; при этомъ кладѣ, генералъ Столѣтовъ не могъ удержаться отъ слезъ. нералъ Гурко спросилъ у Столѣтова, гдѣ находятся ихъ вычества герцоги Николай и Евгеній Максимиліановичи, на что олѣтовъ отвѣтилъ, что они отступили на Казанлыкъ.

Удивительно! начальникъ кавалеріи, безъ кавалеріи отупилъ съ пѣхотой, а начальникъ пѣхоты — съ кавалеріей: дѣйствительно кавалерія, которою командовалъ герцогъ, изъ арой-Загоры отступила къ дер. Дылбокамъ, гдѣ и присоедилась къ Гурковскому отряду.

Послѣ доклада объ исходѣ боя, генералъ Столѣтовъ предложилъ охотникамъ отправиться отыскать Ополченіе и передать сьмо начальнику штаба Рынкевичу; охотники явились: это ли Мито Анковъ, Коста Бошняковъ, Георгіий Николовъ, анъ Бошняковъ и Георгій Поповъ; эти охотники отправи-

мнѣ показалась безконечно длинной, въ дремотѣ меня преслѣдовали галюцинаціи: передъ глазами смѣнялись одна за другой вчерашнія ужасныя картины, слышались пушечные и ружейные выстрѣлы, крики старозагорскихъ жителей и стоны раненыхъ... Многіе ополченцы тоже не могли спать: то сидя, то лежа втихомолку между собой разговаривали, а тѣ которые спали постоянно о чемъ либо разговаривали во снѣ: то выкрикивали „ура," то кричали: „раненъ, раненъ," иные, вдругъ вскакивали и кричали: „турки, турки, бейте!.."

Около полуночи, отрядъ былъ разбуженъ, чтобы продолжать отступленіе въ Казанлыкъ; готовые къ выступленію, мы простояли болѣе часу, и затѣмъ вновь получили приказаніе ложиться спать.

Ополченцы, не смотря на то, что со вчерашняго утра не ѣли, такъ какъ хлѣба не было, имѣли бодрый и возбужденный видъ; въ ихъ лицахъ хотя и замѣтны были слѣды вчерашнихъ тяжелыхъ испытаній, но въ тоже время въ глазахъ и движеніяхъ можно было читать сознаніе собственнаго достоинства, чувство удовлетвореннаго самолюбія и гордости людей, исполнившихъ свой долгъ.

Слушая не лестныя сужденія офицеровъ о своей военной доблести, какъ я указалъ выше, ополченцы, особенно тѣ изъ нихъ, которые еще не бывали въ огнѣ, и сами было усомнились въ себѣ; но, вступивъ въ давно желанный бой съ турками, бросаясь, какъ львы, на врага, смѣло его преслѣдуя, не смотря на то, что врагъ въ 7—8 разъ былъ многочисленнѣе, ополченцы, хотя и отступили, но не считали себя побѣжденными; многочисленный врагъ, закаленный въ бояхъ, наступалъ и съ фронта, обходилъ съ фланговъ и подъ этимъ сильнымъ напоромъ приходилось отступить: „сила солому ломитъ" говоритъ пословица; но въ этомъ самомъ отступленіи да еще при условіяхъ, описанныхъ выше, при какихъ это отступленіе совершалось, ополченцы сознали свои силы и превосходство надъ своимъ вѣковымъ врагомъ: впервые, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ рабства, болгаре встрѣтились грудь съ грудью съ своими тиранами и одинаково вооруженные помѣрились съ ними своей силой и убѣдились, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь ихъ храбрыхъ предковъ; здѣсь, подъ Старой Загорой, 19-го іюля 1877 года, Болгарское Ополченіе воскресило военную славу своихъ храбрыхъ и доблестныхъ царей Крума, Симеона,

Подполковникъ Рынкевичъ,
начальникъ штаба Ополченія во время Старо-Загорскаго боя.

Стр. 198—199.

Самуила и др. и здѣсь же, въ томъ же бою подъ Старой-Загорой, турки впервые увидѣли, что болгарская *райя* не немощна и не безгласна: не даромъ, впослѣдствiи, турки воспѣли бой при Старой-Загорѣ въ пѣснѣ: *„Эшиль калпаклы комита.“ *)*

Недалеко отъ нашего бивуака, подъ Туловскимъ лѣсомъ, ночевало вмѣстѣ съ нами и многочисленное населенiе Старой-Загоры и окрестныхъ деревень; въ теченiи всей ночи оттуда неслись плачь и рыданiя, а къ утру, таковые еще болѣе увеличились: дѣти искали матерей и отцевъ и безутѣшные плакали навзрыдъ, родители рыдали, потерявъ дѣтей — все это страшно тяготило душу. На разсвѣтѣ одна часть скитальцевъ тронулась къ Казанлыку, другая же осталась, все еще надѣясь, что наши войска вновь прогонять турокъ. Между тѣмъ наше начальство, опасаясь наступленiя турокъ, какъ говорится, по нашимъ пятамъ, отправило въ разъѣздъ пропорщика Зозулина; послѣднiй убѣдился, что турки не проявляли никакого намѣренiя наступать.

Посланные изъ штаба генерала Гурко генераломъ Столѣтовымъ охотники съ письмомъ къ начальнику штаба Ополченiя подполковнику Рынкевичу благополучно догнали Ополченiе у береговъ р. Тунджи, въ половинѣ двѣнадцатаго ночью, и исполнили возложенное на нихъ порученiе; въ эту же ночь подполковникъ Рынкевичъ отправилъ письмо въ штабъ генерала Гурко. Охотники, взявшiеся доставить это письмо: Ив. Цвѣтковъ, Мито Анковъ, Коста Бошняковъ, Пустовойтовъ (русскiй) и 4 драгуна, послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданiя, и рискуя жизнью, успѣли наконецъ, на разсвѣтѣ, добраться до Ново-Загорскаго шоссе: но отряда генерала Гурко нигдѣ не находили, и продолжали путъ на востокъ. По пути, солдаты неожиданно встрѣтили барабанщика, который, какъ оказалось, проспалъ выступленiе отряда Гурко и не видѣлъ куда выступилъ этотъ отрядъ, но слышалъ ржанiе лошадей въ направленiи къ сѣверо-востоку отъ своего мѣста, только не зналъ, нашего-ли то отряда были лошади; тѣмъ не менѣе, охотники поняли изъ словъ солдата, что надо ѣхатъ въ сѣверо-восточномъ направленiи, и дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ, они нагнали отрядъ и передали письмо.

---

*) „Повстанцы въ зеленыхъ шапкахъ.“

Генерала Столѣтова при отрядѣ уже не было: онъ вмѣстѣ съ шт.-ротмистромъ Лукашовымъ, съ конными ополченцами Г. Найденовымъ и Д. Коцевымъ и съ однимъ казакомъ выѣхалъ къ Хаинъ-Кіою, чтобы догонять Ополченіе; ночью, они подошли близко къ с. Маглишу, но, увидавъ за деревней множество огней раздѣлились: Столѣтовъ съ Д. Коцевымъ и казакомъ направился догонять Ополченіе черезъ г. Трѣвну, а Г. Найденовъ и ротмистръ Лукашовъ продолжили путь и догнали Ополченіе 20-го іюля въ Казанлыкѣ. Оказалось, что огни у деревни Маглиша были разложены бѣглецами изъ Старой Загоры.

Когда нашъ отрядъ оставилъ Туловскій лѣсъ и направился къ Казанлыку солнце уже было высоко надъ горизонтомъ. У самой рѣчки, при выходѣ на дорогу, между виноградниками, мы встрѣтили IV-ю дружину съ одной батареей, двигавшихся на соединеніе съ Ополченіемъ. Офицеры этой дружины, съ сочувствіемъ встрѣчая насъ, поздравляли съ блестящимъ сраженіемъ и избавленіемъ отъ смерти; между офицерами былъ и штабсъ-капитанъ Михида; я не выдержалъ и напомнилъ ему его утвержденіе, что ополченцы разбѣгутся послѣ перваго выстрѣла.

— „Ну, батюшка,“ отвѣтилъ сконфуженно Михида: „конь о четырехъ ногахъ да и то спотыкается!“

— „Я былъ увѣренъ,“ вмѣшался въ разговоръ маіоръ Рѣдькинъ: „что ополченцы будутъ молодецки драться.“

Маіоръ Рѣдькинъ былъ изъ числа тѣхъ офицеровъ, которые справедливо относились къ ополченцамъ; онъ не только не позволялъ себѣ ругать или бить ополченцевъ и давать имъ унизительные для воинскаго званія прозвища, но и всегда горячо заступался за обиженныхъ, безъ различія, были ли то болгаре или русскіе, и его офицеры, съ малыми исключеніями, слѣдовали его примѣру.

IV-я дружина заняла свое мѣсто въ походномъ движеніи. Мы вошли въ тѣ самые виноградные и розовые сады, о которыхъ я говорилъ при описаніи пути изъ Казанлыка въ Старую Загору. Но сады уже не имѣли той очаровательной прелести, какъ это было десятокъ дней тому назадъ; не было ни той ослѣпительной бѣлизны розовыхъ цвѣтовъ, ни того аромата отъ цвѣтовъ полей; все пространство выглядѣло както монотонно: листы винограда и деревьевъ уже начали желтѣть, вѣтки деревьевъ, подъ тяжестью плодовъ, задумчиво опусти-

лись къ землѣ; даже буйно разросшаяся трава, какою поросли оставшіеся безъ досмотра виноградные сады, увяла отъ жаркихъ лучей солнца и уныло склонила свои стебли; не щебетали и птицы, будто боялись выдать свое присутствіе . . . Казалось, что вся, окружавшая насъ, природа сочувствовала душевному настроенію ополченцевъ.

Невеселыя думы роились и въ умахъ ополченцевъ:

— „И чѣмъ только окончится эта война? Освободится ли Болгарія?“ спрашивалъ какой-то ополченецъ.

— „Какъ теперь идутъ дѣла, пожалуй и сомнительно,“ говорилъ другой: „подъ Плевной турки насъ били, тутъ, подъ Старой Загорой тоже . . . я говорилъ, что турки не даромъ намъ не препятствовали идти впередъ, и что намъ подготовляли западню!“

— „Удивительное дѣло, какъ это начальство послало такой небольшой отрядъ и не дало подкрѣпленій?“ замѣчалъ третій.

— „Войны безъ жертвъ не бываетъ,“ вмѣшивался авторитетно интеллигентный ополченецъ: „сегодня насъ били турки, завтра мы ихъ поколотимъ; я только одного боюсь, чтобы враги славянства, увидавъ неудачи русской арміи и ея слабость, не вмѣшались бы въ войну, тогда, прощай, надежда на освобожденіе Болгаріи!“

— „Эхъ, братъ, если не пойдемъ въ Царьградъ, а оттуда пароходомъ въ Солунь, такъ и жить не стоитъ!“ отзывался на эти разговоры македонецъ Трайко на своемъ македонскомъ болгарскомъ наречіи.

Было около 2-хъ часовъ по полудни, когда нашъ отрядъ прибылъ въ Казанлыкъ. Часть жителей города уже была въ бѣгахъ, остальные же, объятые страхомъ, спѣшили оставить городъ. Отрядъ остановился тамъ же, гдѣ и прежде — за женскимъ монастыремъ.

Въ Казанлыкѣ, какъ упомянуто уже было мной, оставленъ былъ комендантомъ маіоръ Поповъ; въ послѣдніе дни своего комендантства въ его распоряженіи было пять сотенъ казаковъ, одна рота ополченцевъ, одна рота, составленная изъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ и около тысячи вооруженныхъ горожанъ.

По линіи отъ Казанлыка до Калофера были разсыпаны донскіе казаки, а IV-я дружина была расположена въ с. Шипкѣ для поддержанія связи между отрядами Скобелева и Гурко.

Впослѣдствіи, когда въ Казанлыкѣ осталось незначительное количество казаковъ, изъ с. Шипки была прислана одна рота 4-ой дружины. Оставляя Казанлыкъ, генералъ Гурко приказалъ Попову, тотчасъ по прибытіи въ городъ свѣжихъ войскъ, собрать сотни и идти съ ними впередъ, придерживаясь направленія во флангъ передоваго отряда и поддерживая съ нимъ связь частыми сообщеніями. Между Старой Загорой и Казанлыкомъ была уже установлена кавалерійская драгунская почта.

Когда въ Казанлыкъ стали доходить тревожныя донесенія объ угрожающей городу опасности, населеніе неоднократно обращалось съ просьбами снабдить его ружьями, о чемъ Поповъ и доносилъ по начальству, но вскорѣ затѣмъ переписка съ Старой Загорой прекратилась и майоръ Поповъ пришелъ къ заключенію, что прекращеніемъ сообщенія оба города обязаны туркамъ и башибозукамъ. Между тѣмъ въ одинъ прекрасный день является къ Попову изъ разъѣзда унтеръ-офицеръ и сообщаетъ, что отправленный съ 3-го поста драгунъ не нашелъ на слѣдующемъ посту солдатъ; вслѣдствіе этого, Поповъ приказалъ снять посты и сообщеніе съ Старой Загорой поддерживать охотниками изъ казаковъ.

Со дня на день положеніе становилось тревожнѣе; извѣстія изъ Старой Загорой получались противорѣчивыя; приходилось принять мѣры для защиты города, хотя бы лишь въ такихъ размѣрахъ, чтобы обезпечить возможность жителямъ отправиться за Балканы и переправить туда же раненыхъ и больныхъ солдатъ; поэтому множество болгаръ было приставлено къ работамъ по укрѣпленію города; такимъ образомъ, вся окрестность города и путь въ Шипку покрылись укрѣпленіями. Офицеровъ, прибывавшихъ въ Казанлыкъ для слѣдованія дальше въ передовой отрядъ, майоръ Поповъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что дѣлается между Казанлыкомъ и Старой Загорой, такъ какъ между этими городами прекратилось всякое сообщеніе, задерживалъ въ городѣ.

19-го іюля, утромъ, майоръ Поповъ получилъ записку отъ А. А. Фрезе, извѣщавшую о благопріятномъ ходѣ дѣлъ въ Старой-Загорѣ и о предстоящемъ соединеніи на слѣдующій день всѣхъ частей отряда; это извѣстіе, понятно, совершенно успокоило майора Попова; да кромѣ того и изъ Калофера не получалось ничего, что могло бы особенно безпокоить. По

полученіи такихъ вѣстей, майоръ Поповъ отправилъ задержанныхъ имъ офицеровъ въ сопровожденіи собравшихся въ Казанлыкѣ драгунъ, гусаръ и казаковъ, для слѣдованія въ свои части, а самъ вышелъ осматривать работы по укрѣпленію города, какъ вдругъ увидалъ безконечную толпу всадниковъ и пѣшеходовъ, двигавшихся по шоссе — это были бѣглецы изъ Старой-Загоры; отъ нихъ то онъ, наконецъ, узналъ о пораженіи браваго Ополченія. Вернувшись въ городъ, Поповъ созвалъ городской совѣтъ, безъ участія турокъ, дабы обсудить и принять мѣры для перенесенія больныхъ и раненыхъ. Горожане, между тѣмъ, узнавъ объ отступленіи Ополченія, начали приготовляться къ побѣгу; улицы переполнились народомъ и огласились плачемъ и рыданіями; въ эти минуты, казакъ, едва съ трудомъ разсчистивъ себѣ путь къ майору Попову, доставилъ ему записку отъ герцога Николая Максимиліановича, въ которой требовалось, чтобы $^{1}/_{2}$ сотни казаковъ были отправлены въ деревню Изикліи (Кызылъ-Дере), находившуюся на перекресткѣ дорогъ за Балканы и въ Старую Загору, и вошли въ связь съ Ополченіемъ.

Въ качествѣ предупредительной мѣры для охраны порядка было объявлено горожанамъ-туркамъ, что, въ случаѣ ихъ выхода изъ домовъ группами болѣе 5 человѣкъ, казаки будутъ въ нихъ стрѣлять.

Между тѣмъ начали прибывать изъ Старой-Загоры и раненые, такъ что въ скоромъ времени въ городѣ и его окрестностяхъ набралось до 5,000 раненыхъ и до сорока тысячъ человѣкъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ; ко всему этому прибавилась и фальшивая тревога, будто турки наступаютъ со стороны *Малыхъ Балканъ:* населеніемъ овладѣлъ паническій страхъ и всѣ, мужчины, женщины и дѣти бросились бѣжать, такъ что, въ теченіи какого-либо одного часа времени, городъ совсѣмъ опустѣлъ; на улицахъ остались нѣсколько грудныхъ и двухъ-трехлѣтнихъ дѣтей, оставленныхъ матерями, да еще одна, простершаяся на мостовой, умершая отъ страху дѣвушка. Оказалось, что казаки сообщили ложную вѣсть: они увидали въ пространствѣ облака пыли двигавшагося стада овецъ и приняли послѣднихъ за турокъ.

До нашего прихода въ Казанлыкъ, приказомъ по Ополченію, временно командующимъ III-ей дружиной былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Стесель, а ротными командирами: 1-й

роты — я, вмѣсто убитого капитана Феодорова, 2-й роты — прапорщикъ Большовъ, и 4-й роты — новоприбывшій прапорщикъ Юнгеръ. Но, ввиду того, что шт.-капитанъ Стесель былъ во вчерашнемъ бою сильно контуженъ, командованіе дружиной, состоявшей послѣ Старо-Загорскаго сраженія и впредь до пополненія, всего изъ двухъ сводныхъ ротъ, было возложено на меня, безъ отдачи приказа отъ томъ по Ополченію.

Какъ только мы остановились въ Казанлыкѣ, по устному приказанію полковника Деперрадовича, замѣщавшаго генерала Столѣтова, который еще не успѣлъ возвратиться послѣ боя къ Ополченію, — было отдано распоряженіе приготовить ополченцамъ ужинъ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія по дружинѣ, я отправился въ городъ, поискать гдѣ-либо и что-либо поѣсть, такъ какъ со вчерашняго утра былъ не ѣвши.

Прежде всего я направился къ моему казанлыкскому пріятелю, но ворота оказались запертыми и на стукъ никто не откликался; тогда я пошелъ въ харчевню Георгія Х. Томова, которая была открыта, но и тамъ не было ни живой души: я обошелъ всю харчевню и постоялый при ней дворъ, но нигдѣ никого не нашелъ; было очевидно, что хозяева оставили свое жилище. Тогда я полюбопытствовалъ посмотрѣть, что готовится въ кастрюляхъ; изъ подъ крышки одной кастрюли меня обдало поромъ вкусной *папазъ-яхніи*,*) посмотрѣвъ въ другую — нашелъ прекрасную *чорбу***) изъ курицы; я былъ голоденъ какъ волкъ, а запахъ кушаньевъ еще больше раздражалъ аппетитъ; что дѣлать? одно изъ двухъ: или войти въ права хозяина и наѣсться, или остаться голоднымъ, и я предпочелъ первое: все равно, если оставить кушанье, оно испортится, думалъ я, успокоивая свою совѣсть; *чорба* оказалась очень вкусной; желая ее сдѣлать кислѣе, я направился въ шкафъ отыскивать уксусъ и тамъ нашелъ еще и *точено****) не успѣвшее остыть. Я наѣлся превосходно. Выходя изъ постоялаго двора, я замѣтилъ совсѣмъ новое черкесское сѣдло; мнѣ очень захотѣлось его взять и замѣнить имъ мое порванное сѣдло, все равно, думалось, достанется туркамъ, но не взялъ.

*) Похлебка изъ мяса, чесноку и картофели.

**) Кислый супъ.

***) Слоеный пирогъ. Прим. Пер.

Спустя три дня, въ Габровѣ, я встрѣтился съ хозяиномъ постоялаго двора Томовымъ и разсказалъ ему о моемъ хозяйничанiи въ его домѣ и о намѣренiи взять сѣдло. Томовъ просто не зналъ куда дѣваться отъ досады:

— „Ну, отчего же вы не взяли?!“ воскликнулъ онъ: „не только сѣдло, но все, что тамъ было, если бы могли взять, я бы былъ вамъ премного благодаренъ, только бы не досталось проклятымъ туркамъ.“

Изъ харчевни я отправился на бивуакъ; на улицѣ меня встрѣтилъ одинъ унтеръ-офицеръ и сообщилъ, что дружинѣ приказано выступить въ Шипку, и оттуда въ Габрово, для сопровожденiя раненыхъ солдатъ. Я поспѣшилъ на бивуакъ. По дорогѣ, зашелъ въ монастырь: у монастырскихъ воротъ стояло множество подводъ, наполненныхъ ранеными ополченцами; то съ одной, то съ другой подводы слышались тяжелые вздохи и сдержанные стоны раненыхъ; дворъ монастыря представлялъ ужасную картину, при видѣ которой у меня волосы стали дыбомъ и я почувствовалъ лихорадочную дрожь: дворъ былъ буквально полонъ народа, но не народа здороваго и полнаго силъ и энергiи, а это были мужчины, женщины и дѣти, лежавшiе безъ движенiя и, такъ сказать, плававшiе въ своей собственной крови; не было видно движенiй жизни, а были лишь предсмертныя судороги; большая часть этихъ несчастныхъ жертвъ турецкаго звѣрства были не изранены, а, въ буквальномъ смыслѣ слова, изрублены . . . одно, 2—3 лѣтнее дитя, охрипшее отъ плача, протягивало ослабѣвшiя рученки, то дергая за платье, то водя по холодному лицу своей матери-мученицы . . . Монахини, блѣдныя, какъ тѣни, блуждали между трупами и умирающими вдали отъ своихъ родныхъ очаговъ.

Эта картина потрясающе дѣйствовала на ополченцевъ, но не убивала въ нихъ духа, а напротивъ вдохновляла борцевъ за болгарскую свободу еще большей отвагой и вселяло въ нихъ жажду отмщенiя. Я поспѣшилъ оставить монастырскiй дворъ.

Дружину я засталъ уже готовой къ походу. Въ половинѣ четвертаго часа по полудни, мы оставили Казанлыкъ. Послѣ нашего ухода въ Шипку, на полѣ, предъ монастыремъ, была отслужена панихида объ упокоенiи душъ павшихъ воиновъ въ бою подъ Старой Загорой.

— „Никогда не забуду торжественно печальной картины,“ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ присутствовавшихъ на панихидѣ

моихъ товарищей: „какую представлялъ уцѣлѣвшій въ неравномъ бою отрядъ въ тѣ минуты, когда священникъ провозгласилъ: *„вѣчная память воинамъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ“* и послѣдовало стройное пѣніе хора офицеровъ и солдатъ: всѣ, какъ одинъ, упали на колѣни молящіеся воины и у всѣхъ полились горячія слезы о нашихъ товарищахъ и начальникахъ; потомъ, всѣ мы молча, какъ осиротѣлые, разошлись по своимъ мѣстамъ; багровые лучи заходящаго солнца освѣщали картину.“

Отъ Казанлыка до Шипки всего 10 верстъ. Дорога идетъ по совершенно ровной и открытой мѣстности, только у д. Хаса мы прошли среди фруктовыхъ садовъ и затѣмъ Хасовскимъ и Сикеречевскимъ лѣсами.

Расположившіеся бѣглецы изъ Старой Загоры по пути между Шипкой и Казанлыкомъ, увидѣвъ, что дружина идетъ въ Шипку, поднялись впередъ, стараясь держаться впереди дружины; впрочемъ не всѣмъ удавалось это намѣреніе: многіе, отъ истощенія или подъ тяжестью своей ноши, едва волочили ноги, проклиная и турокъ и день своего рожденія; женщины и дѣти особенно тяжело были навьючены разнымъ домашнимъ скарбомъ, какъ животныя, и, нооборотъ, многіе мужчины не только ничего не несли на своихъ спинахъ, но еще ѣхали на лошадяхъ — это произвело на меня скверное впечатлѣніе, и я не удержался и накричалъ на этихъ жестокихъ отцовъ и мужей.

— „На то и жена, что бы носила,“ отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ ѣхавшимъ верхомъ.

Я вспылилъ и заставилъ его взять ношу своей жены и положить на свою спину.

Въ Хасовскомъ лѣсу одинъ изъ казанлычанъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ былъ убитъ башибозуками полковникъ графъ Роникеръ. Смотря на этотъ лѣсъ, я понялъ, отчего нельзя было поймать убійцъ: лѣсъ шелъ у самой дороги и былъ столь густъ и обширенъ, что никакой возможности не представлялось переловить скрывавшихся въ немъ разбойниковъ.

Подъ вечеръ, дружина прибыла въ с. Шипку; здѣсь улицы были переполнены народомъ, подводами и скотомъ и переходить по нимъ не только войску, но и отдѣльнымъ лицамъ было трудно; это обстоятельство заставило дружину расположиться бивуакомъ на ночлегъ у юго-западной стороны села.

ибывшие ранѣе насъ въ Шипку раненые солдаты были стнымъ комендантомъ уже отправлены въ Габрово.

21-ое іюля. Отъ сильного шума и говора народной толпы, къ въ селѣ, такъ и вокругъ него, я проснулся рано. Окрест-сть Шипки представляла очаровательную, но и печальную ртину. Само селеніе, расположенное на поляхъ, въ подножіи лканъ, тонуло въ зелени кустовъ и деревьевъ, розовыхъ са-въ и виноградниковъ; на фонѣ этой зелени виднѣлись двухъ-ажные бѣлые дома, церковь и зданіе училища. Чрезъ де-вню пробѣгала балканская рѣчка; среди села, эта рѣчка, дая со скалы, образовывала небольшой водопадъ.

Комендантомъ въ с. Шипкѣ былъ назначенъ капитанъ въ распоряженіи котораго для охраны порядка и тишины утри селенія находилось нѣсколько казаковъ; но при сте-іи токого множества народа не хватило бы и цѣлаго ка-ьяго полка для упомянутой цѣли.

Изъ партіи раненыхъ, отправленныхъ комендантомъ на-унѣ въ Габрово, оставалось около 20 человѣкъ, преиму-ственно поселянъ и гражданъ Старой-Загоры; они уже были мѣщены по подводамъ, и потому, мы, не медля, выступили Габрово; было ровно 6 часовъ утра. Въ 300—400 шагахъ ь с. Шипки, мы были принуждены остановиться, такъ какъ рога была занята народомъ и подводами, вышедшими изъ а еще на разсвѣтѣ; притомъ дорога была столь узка, что, квально, и одному человѣку пройти было трудно, и дружинѣ ишлось прождать четыре часа, пока путь совершенно очи-лся. Не только дорога, но и склоны (южные) Балканъ, ли покрыты народомъ, который, какъ муравьи, ползъ по катостямъ и скаламъ; всего народа были не меньше 250,000 ловѣкъ, и все это были люди, брасившие свои домы, не успѣвъ ять съ собой ничего необходимаго, ни платья, ни хлѣба. отря на эти тысячныя толпы, ополченцы высказывали по-ланія нашимъ войскамъ скорѣе взять обратно уступленные рода и села, пока еще было время собрать посѣвы съ лей; почти всѣ они вѣрили, что въ скоромъ времени Старая-гора снова будетъ въ нашихъ рукахъ.

Было уже послѣ полудня, когда дружины дошли до вер-ины Балканъ. Мы прошли мимо *стальной* батареи, распо-женной вправо отъ дороги, и сошли внизъ, на сѣдловину ры — водораздѣльную линію между южнымъ и сѣвернымъ

бассейнами рѣкъ; на этой сѣдловинѣ стояло каменное зданіе турецкой сторожки. На сѣверномъ склонѣ одной круглой возвышенности мы остановились отдыхать; всѣ были порядкомъ уставши и не столько отъ длиннаго перехода, сколько отъ постоянныхъ остановокъ, и потому ополченцы, тотчасъ по приходѣ, легли спать; я тоже прилегъ подремать, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія: лучи іюльскаго солнца хотя и припекали, но острый балканскій вѣтеръ пронизывалъ меня до костей, такъ какъ я былъ въ одномъ кителѣ; нѣкоторые ополченцы тоже не спали и бесѣдовали:

— „Эхъ, кабы были съ нами подъ Старой-Загорой IV-я и VI-а дружины, ей-ей, отразили бы нападеніе турокъ!“ высказывалъ мнѣніе одинъ изъ ополченцевъ.

— „Если и не отразили бы, все же задержали бы ихъ до прихода генерала Гурко, ну и тогда совсѣмъ другое бы было дѣло; впрочемъ, я и теперь доволенъ: я троихъ турокъ пронизалъ штыкомъ!“ отозвался другой.

— „Не троихъ, а тридцать свалю и тогда не останусь доволенъ!“ воскликнулъ П-ъ: „буду колоть и стрѣлять, пока могу; коли *мальчикъ* Ивановъ, вѣчная ему память, свалилъ трехъ турокъ, то всякому изъ насъ должно въ десять разъ больше сдѣлать.

— „Пфе, эка, большое дѣло сдѣлалъ, убилъ двухъ-трехъ турокъ,“ отозвался сидѣвшій въ сторонѣ сигналистъ еврей Р. Мошенъ: „я, безъ ружья, убилъ турка трубой!“ и показавъ изкривленную трубу, Мошенъ продолжилъ: „турокъ и болгаринъ схватились за горло, я подбѣжалъ къ нимъ и, трахъ-трахъ, турка по головѣ, тотъ и выпустилъ ополченца.“

— „Браво, браво Мошенъ!“ крикнули ополченцы: „а что же турокъ, убѣжалъ?“

— „Куда же ему бѣжать, когда, какъ только онъ выпустилъ ополченца изъ рукъ, тотъ его задушилъ да еще и прикололъ штыкомъ,“ отвѣчалъ Мошенъ.

— „Зачемъ же ты его билъ трубой, а не взялъ ружья и не прокололъ его?“ спросилъ ктото Мошена.

— „Фуй, зачѣмъ ружьемъ . . .“ запнулся еврей на отвѣтѣ.

Черезъ полтора часа отдыха, дружина продолжила путь въ Габрово, куда прибыла до заката солнца.

Черезъ городъ мы прошли по узкой, кривой и мощеной крупными камнями улицѣ, полной народу.

Габровчане тоже переживали страшные дни. Многіе уже успѣли оставить свои дома, другіе приготовлялись бѣжать; настроеніе было таково, что довольно было бы крикнуть кому нибудь „турки,“ и все населеніе обратилось бы въ бѣгство.

Пройдя городъ по единственной улицѣ съ юга на сѣверъ, дружина расположилась бивуакомъ на полянѣ, называемой *Падало,* находившейся къ сѣверу отъ города, между тырновскимъ и севліевскимъ шоссе.

На бивуакѣ я приказалъ разбить для себя палатку; къ этому времени принесли и приготовленную для дружины пищу.

Больныхъ и раненыхъ размѣстили по домамъ, еще до прихода дружины, такъ какъ они прошли Балканы безъ остановокъ. Габровчане, надо отдать имъ справедливость, съ состраданіемъ отнеслись не только къ больнымъ и раненымъ, но и къ несчастнымъ бѣглецамъ, которымъ съ готовностью оказывали гостепріимство.

Мой Лилитка, съ помощью ополченцевъ разбилъ палатку и приготовилъ постель на походной кровати, вѣроятно принадлежавшей какому либо раненому или убитому офицеру. Уставшій и ослабѣвшій отъ минувшихъ безсонныхъ ночей, я, отдавъ всѣ нужныя распоряженія по дружинѣ, завалился рано спать съ твердымъ намѣреніемъ встать на слѣдующій день поздно. Заснуть скоро я не могъ, хотя спать было хорошо и удобно; было уже поздно, когда, наконецъ, меня началъ одолѣвать сонъ, какъ вдругъ я услышалъ страшный ударъ грома; я вскочилъ съ кровати, прислушался, но ничего не было слышно; кликнувъ одного изъ ополченцевъ, я спросилъ что это былъ за громъ, но тотъ съ удивленіемъ отвѣчалъ, что никакого грома не было; очевидно нервы со мной крѣпко подшутили; я снова легъ и на этотъ разъ скоро заснулъ.

Утромъ, 22-го іюля, я всталъ, когда уже всѣ ополченцы были на ногахъ; напившись чаю, я пошелъ въ городъ.

Габрово — это типъ восточныхъ городовъ. Дома преимущественно деревянные съ кирпичной кладкой между брусьевъ, съ мезонинами, входными террасами и съ широко нависающими надъ стѣнами застрѣхами; большая часть домовъ двухъ-этажные, крытые плитнякомъ; р. Янтра раздѣляетъ городъ на восточную и западную части, соединенныя двумя мостами:

деревяннымъ и каменнымъ; въ каждой части города — по одной улицѣ, идущихъ съ сѣвера на югъ, мощеныхъ крупнымъ камнемъ; къ нимъ ведутъ разные кривые и узкіе, и часто глухіе переулки; улица въ восточной части города, почти на серединѣ раздваивается: правая — выводитъ на тырновское шоссе, а лѣвая — чрезъ высокій, выпуклый дугою мостъ, на шоссе въ г. Севліево; базаръ находился въ восточной части города.

Улицы города, какъ и вчера, были переполнены народомъ. Габровчане успокоились и открыли лавки; не смотря на множество народа, дешевизна продуктовъ была замѣчательная: око́*) сахара продавалось по $3^1/_2$—4 гроша,**) кофій — по 14—16 грошей, коробка сардинокъ — 4—5 грошей; такое безкорыстіе купцовъ мнѣ было пріятно отмѣтить.

Отправился въ гостинницу; тамъ тоже было полно народу и также было дешево; за вкусный обѣдъ, состоявшій изъ щей, мясного соуса, жаренаго цыпленка и рисовой молочной каши, съ меня взяли $5^1/_2$ грошей; большинство посѣтителей гостинницы были бѣглецы изъ южной Болгаріи; темой разговора былъ, главнымъ образомъ, страшный день ихъ бѣгства, при этомъ разсказывалось о тѣхъ сердцераздирательныхъ сценахъ, которыя я выше лишь слегка описалъ; почти всѣ жаловались, что ничего, даже изъ самого нужнаго, не успѣли взять съ собой; не говоря уже о вещахъ, забывали взять изъ сундуковъ и деньги; не смотря на то, никто изъ нихъ не роптал и они спокойно переносили несчастье и всѣ высказывали надежду на скорое возвращеніе домой.

Я посѣтилъ шт.-кап. Попова; онъ остановился въ одномъ изъ хорошихъ домовъ и занималъ двѣ чистыхъ комнаты.

— Пожалуйте, какъ разъ пришли во время," встрѣтилъ меня Поповъ: „вмѣстѣ пообѣдаемъ."

Я поблагодарилъ и сказалъ, что уже обѣдалъ въ гостинницѣ.

— „И не стыдно вамъ обѣдать въ гостинницѣ, когда знаете, что у меня всегда найдется кусокъ хлѣба для добраго товарища," замѣтилъ обиженно добродушный Николай Николаевичъ.

*) Около 3 фунтовъ.

**) Грошъ — около 5 копѣекъ.

У Попова былъ утомленный видъ, лицо пожелтѣло и покрылось морщинами, глаза лихорадочно свѣтились; рана его не шла къ лучшему; особенно онъ жаловался на нервы и безсоницу. Его нервы очевидно были сильно разстроены, потому что лишь только мы заговорили объ убитыхъ и раненыхъ, какъ онъ истерически заплакалъ.

Разговоръ перешелъ на отличившихся въ бою подъ Старой-Загорой ополченцевъ и о представленіи ихъ къ наградамъ.

— „Если бы я могъ,“ сказалъ Поповъ: „я бы всѣхъ ополченцевъ въ ротѣ представилъ къ наградѣ, такъ какъ всѣ дрались храбро и самоотверженно.“

Затѣмъ онъ насчиталъ десятокъ человѣкъ, которыхъ предполагалъ представить къ наградѣ. Выборъ, сдѣланный Поповымъ, былъ вполнѣ справедливъ, тѣмъ болѣе, что имъ было взято во вниманіе знаніе службы и примѣрное поведеніе представляемыхъ къ наградѣ.

Незамѣтно проведя два часа времени у Попова, я ушелъ на бивуакъ. За городомъ, около моста, при полянѣ *Падало* замѣтно было большое движеніе; оказалось, что тамъ предстояло исполненіе приговора надъ казанлыкскимъ каймакамомъ; такъ какъ это было близко бивуака, то на зрѣлище пришли почти всѣ ополченцы. Спустя немного, привезли на подводѣ приговореннаго къ повѣшанію: онъ сидѣлъ на подводѣ по турецки, свѣсивъ голову внизъ; лицо кровопійцы было блѣдно и сухо; казалось, что онъ вотъ, вотъ да и свалится отъ слабости и истощенія; говорили, что этотъ фанатикъ не хотѣлъ принимать пищу отъ *гяуровъ* и намѣревался умереть съ голоду.

Около самаго моста росли нѣсколько высокихъ вербовыхъ деревьевъ, подъ одно изъ которыхъ и подъѣхала подвода съ преступникомъ; мѣстный полицейскій стражникъ, взлезъ на подводу, подвязалъ къ дереву веревку и намазалъ петлю мыломъ. Когда эти приготовленія были готовы, стражникъ соскочилъ съ подводы и отошелъ въ сторону, вѣроятно посмотрѣть какой эффектъ произведетъ его работа на каймакама и окружающихъ; въ это время каймакамъ сдѣлалъ усиленное движеніе: опершись руками на края телѣги, онъ привсталъ на дрожащихъ ногахъ, и неувѣренно протянулъ руку къ петлѣ, схватилъ ее, и съ помощью другой руки надѣлъ ее

себѣ на шею; колѣни его опирались на помостъ телѣги; тогда стражникъ взялъ подъ уздцы лошадь и повелъ: колѣни каймакама ползли по помосту отъѣзжавшей телѣги, затѣмъ его тѣло повисло, качаясь, въ воздухѣ... я отвернулся и ушелъ; слышно было какъ зрители-болгаре, преимущественно казанлычане кричали:

— „Умирай собака! Такому звѣрю одной смерти мало! Сколько невинной болгарской крови пролилъ этотъ звѣрь!"

— „Этотъ звѣрь получилъ возмездіе, а сколько еще такихъ же убійцъ не только не наказано, но и не лишены даже возможности чинить свою звѣрскую расправу надъ мирнымъ населеніемъ," сказалъ кто-то изъ толпы.

— „Нельзя всѣхъ сразу наказать," убѣжденно произнесъ кто-то въ толпѣ, вѣроятно шипкинецъ: „неподалеку отъ нашего села, я былъ очевидцемъ, какъ, по приказанію полковника Кесякова, 16 человѣкамъ *гаджалей**) изъ ближнихъ селъ отрѣзали головы; просто взяли и отрѣзали, и побросали въ общую яму и, не подойди князь Вяземскій и майоръ Поповъ, много бы еще отрубили головъ," закончилъ торжественно шипкинецъ.

Сегодня габровчане раздали ополченцамъ III-й дружины рубахи, подштанники, носки, полотенца и пр.

23-ее іюля. Я получилъ приказаніе немедленно выѣхать въ Тырново, гдѣ находился ополченскій обозъ и, по прибытіи туда, отправить въ Габрово офицерскія вещи, а также передать капитану Орѣшкову приказаніе начальства перевести весь ополченскій обозъ въ Габрово. Рано утромъ я верхомъ отправился въ путь.

Шоссе въ Тырново идетъ по пересѣченной, холмистой мѣстности и весьма живописной; повсюду лѣса и много садовъ, особенно сливовыхъ, такъ какъ габровчане приготовляютъ изъ сливъ особую пастилу, называемую *пестиль*. По сторонамъ дороги то тамъ, то сямъ разбросаны, среди гущи садовъ и дубоваго лѣса, сельскія постройки, такъ называемыя *колибы;* по дорогѣ много постоялыхъ дворовъ; въ одномъ изъ такихъ, подъ названіемъ *Царева Ливада,* я остановился отдохнуть; отъ этого постоялаго двора отдѣлялась дорога въ г. Трѣвну.

*) Такъ называли болгаре турокъ.

По дорогѣ, отъ Габрово до *Царевой Ливады*, по обѣимъ сторонамъ, расположились ѳракійскіе бѣглецы, скрываясь отъ знойнаго солнца подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ; нѣкоторые, при помощи ковровъ и подводъ, сдѣлали себѣ нѣчто въ родѣ навѣсовъ; около разложенныхъ костровъ, пригорюнившись сидѣли озабоченныя и расплаканныя женщины, а дѣти толпились около огней и съ плачемъ просили хлѣба: опять та же ужасная картина бѣдствій и разоренія; я будто былъ приговоренъ на всякомъ шагу смотрѣть на несчастье, постигшее бѣдныхъ болгаръ.

Многіе изъ бѣглецовъ не имѣли на себѣ даже платья, и были принуждены просить подаяніе; такихъ несчастныхъ было много въ Габровѣ, а теперь встрѣтились и по дорогѣ; имущіе люди были принуждены просить Христа ради, чтобы накормить дѣтей.

Изъ *Царевой Ливады*, я проѣхалъ черезъ г. Дрѣново, и прибылъ въ Тырново; здѣсь тоже замѣтно было усиленное движеніе: улицы также были переполнены и притомъ самымъ разнообразнымъ народомъ, полны были также и лавки, кофейни и гостинницы.

Въ толпѣ бросались въ глаза блѣдныя и испуганныя лица *іерусалимскихъ дворянъ*, разныхъ Ицекъ, Менделей и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ были въ форменныхъ фуражкахъ, при шпорахъ и съ ногайкой въ рукѣ или заткнутой за голенище; вся эта шайка *мойшей* составляла часть еврейской компаніи грабителей подъ фирмой: *„Товарищество Коганъ, Горвицъ и Грегеръ."* Эти *мойши* были достойными представителями своихъ патроновъ: какъ хищные звѣри слѣдятъ за своей жертвой, чтобы въ первый же удобный моментъ, броситься на добычу, такъ и всѣ эти *агенты* въ каждой, вновь занятой войсками мѣстности, набрасывались на населеніе и начинали грабить его безъ милости; они не останавливались ни передъ чѣмъ, пускали въ ходъ всевозможныя махинаціи, фальшь, запугиванія и даже побои; послѣдніе, впрочемъ, рѣдко, такъ какъ населеніе и безъ побоевъ все безпрекословно отдавало носителю форменной фуражки съ кокардой — *царскому человѣку* во мнѣніи населенія.

Но особенно было удивительно то, что въ числѣ этихъ грабителей находились и болгаре; къ счастью это были единичныя лица.

„Въ семьѣ не безъ урода,“ говоритъ пословица и въ данномъ случаѣ вполнѣ правдиво. Такого одного урода, который любилъ себя украшать именемъ *патріота,* я сегодня встрѣтилъ, среди толпы, на одной изъ тырновскихъ улицъ; этотъ *патріотъ* былъ мой старый знакомый С. Стамболовъ.

— Кого я вижу? обратился я къ нему: что ты тутъ дѣлаешь? Такому патріоту, какъ ты, не приличествуетъ ногайка въ рукѣ! Особенно тебѣ, который всегда кричалъ: „или умремъ, или освободимся,“ должно носить не ногайку, а ружье и быть тамъ, гдѣ мѣсто всѣмъ истиннымъ патріотамъ . . .

— „Тамъ теперь ваше дѣло,“ авторитетно отвѣтилъ мнѣ патріотъ Стамболовъ: „мое дѣло будетъ послѣ . . .“

И дѣйствительно *„дѣло“* Стамболова было *„послѣ“*: Болгарія долгое время будетъ помнить *„дѣло“* этого *патріота.*

Не найдя ни въ одной гостинницѣ ночлега, такъ какъ все и всюду было занято, я рѣшился отправиться ночевать въ ополченскій обозъ, расположившійся къ югу отъ города, на лѣвомъ берегу р. Янтры, хотя мнѣ и очень хотѣлось послѣ всѣхъ треволненій, расположиться гдѣ нибудь на ночь по удобнѣе. Желаніе мое все-таки исполнилось. По дорогѣ къ обозу, всрѣтился со мной тырновскій житель Пеневъ и любезно пригласилъ къ себѣ въ домъ, на что я съ благодарностью, конечно, согласился. Мнѣ все же предварительно надо было побывать въ расположеніи обоза, чтобы передать упомянутое выше приказаніе капитану Орѣшкову и оставить свою лошадь; Орѣшкова я не засталъ при обозѣ.

Вечеромъ, въ домѣ Пенева я былъ очень радушно встрѣченъ хозяиномъ и его старушкой матерью, оказавшейся очень веселой, добродушной и разговорчивой женщиной.

Комната, въ которую мы вошли была чисто и красиво, въ болгарскомъ вкусѣ, меблирована; все было скромно, но мнѣ все нравилось именно потому, что все было въ болгарскомъ вкусѣ.

— „Разскажите же намъ ваши новости! Скоро ли войска тронутся впередъ?“ спросила меня хозяйка и, не ожидая отвѣта, продолжала: „а мы тутъ тоже страшные дни пережили, послѣ ухода Ополченія!“

Затѣмъ, старушка, въ перемежку съ разсказами то сына, то дочерей, передавала объ опасеніяхъ, охватившихъ тыр-

скихъ жителей и окрестныхъ селъ, когда прошли слухи пораженіи русскихъ войскъ подъ Плевной и Старой Заой . . .

— „Извѣстіе о пораженіи Болгарскаго Ополченія подъ арой Загорой особенно сильно насъ опечалило," сказала на изъ дочерей хозяйки: „но за то и радовались же мы, гда стало извѣстно объ отвагѣ и храбрости, показанныхъ олченцами въ неравномъ бою съ турками!"

Пріятная бесѣда должна была окончиться, такъ какъ яева увидѣли, что я отъ усталости едва сидѣлъ.

Съ особеннымъ удоволствіемъ я растянулся на мягкой истой постелѣ . . .

24-ое іюля. Нужно человѣку пропутешествовать безъ ановокъ цѣлыя недѣли, спать на землѣ или, если была, на омѣ, укрываться только лѣтней шинелью, имѣть самое скошное блюдо въ видѣ куска хлѣба и сыра — чтобы поть какое удовольствіе я почувствовалъ, найдя прекрасную льную обстановку, да еще послѣ вкуснаго ужина. Я заснулъ къ убитый и проспалъ до 9-ти часовъ утра, не видѣвъ во снѣ аттакъ, ни турокъ и всего прочаго, какъ это бывало со ой до сихъ поръ. Утромъ, выпивъ молока, я отправился къ питану Орѣшкову.

— „Для чего же имъ теперь именно понадобился обозъ, гда всякій день ждутъ наступленія Сулеймана-паши на ипку?" возразилъ мнѣ Орѣшковъ, выслушавъ переданное мной приказаніе начальства — немедленно отправить офирскія вещи и перемѣстить обозъ въ Габрово.

Отъ Орѣшкова я опять ушелъ въ городъ купить себѣ й-какія нужныя вещи и повидаться съ товарищами офицеми, моими бывшими однополчанами. Улицы, какъ и вчера ли полны народа и всевозможныхъ видовъ обозами и анспортами, принадлежащими разнымъ войсковымъ частямъ, тендантству, *„Товариществу Когана, Горвица* и *Грегера"* другимъ; всѣхъ этихъ обозовъ въ Тырновѣ дѣйствительно ло очень много: вся мѣстность около города была покрыта дводами и лошадьми, и къ нимъ постоянно прибывали новые; йскъ же за-то, кромѣ 14-й дивизіи, 4-й стрѣлковой бригады одной бригады 3-й пѣхотной дивизіи, расположенныхъ на риномъ Полѣ и въ окрестныхъ селахъ, не было.

Товарищи офицеры и знакомые горожане, съ которыми я встрѣтился, всѣ были озабочены и у всѣхъ читался на лицахъ вопросъ: „что же будетъ?“

— „Что нового у васъ?“ спрашивали и товарищи и знакомые, съ тревогой ожидая отвѣта: „правда ли что Сюлейманъ-паша приготовляеться аттаковать Шипку?“

— „Плохи дѣла! Въ началѣ войны уже три неудачи, а что будетъ впереди — одному Богу извѣстно!“

— „Турки готовятся къ наступленію на Свиштовъ со стороны Плѣвны и Рущука!“

Таковы были вопросы и мысли, которыми васъ встрѣчали всѣ; а горожане прямо заявляли: „мы погибли! надо бѣжать, пока еще есть время,“ приводя при этомъ всевозможные мотивы въ доказательство своихъ утвержденій объ угрожающей имъ опасности.

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что все это, о чемъ говорилось, не было особенно далеко отъ истины. Напримѣръ, въ тотъ же день, послѣ обѣда, въ городѣ распространился слухъ, что 14-я дивизія будетъ сосредоточена на Османъ-Базарской дорогѣ, по которой восточная армія Мехмеда-Али приготовлялась наступить на Тырново, одновременно, когда Османъ-паша изъ Плѣвны наступитъ къ Свиштову, а Сулейманъ-паша — къ Шипкѣ.

Удивительно, какъ на человѣкѣ отражается общее настроеніе его окружающихъ! Когда я былъ лицемъ къ лицу съ врагомъ и смерть смотрѣла мнѣ въ глаза, я не испытывалъ чувства такого страшнаго душевнаго гнета, какое охватило меня теперь. Невольно я себѣ задалъ вопросъ: что же будетъ, если и въ самомъ дѣлѣ турки предпримутъ общее наступленіе? Что станется съ Болгаріей? Въ раздумьи надъ общимъ положеніемъ дѣлъ, вернулся я на квартиру съ твердымъ намѣреніемъ завтра или, самое позднее, послѣ завтра оставить Тырново, не смотря на то, что отпускъ мнѣ былъ данъ до 29-го іюля.

— „Ну что, насмотрѣлись на нашъ городъ? Дома-то у насъ, какъ клѣтки, висятъ по скаламъ,“ встрѣтила меня съ вопросомъ веселая и разговорчивая хозяйка.

— „Городъ-то хорошъ, но горожане плохи,“ отвѣтилъ я шутливо.

— „За что же это вы такъ разсердились на горожанъ? чѣмъ они васъ обидѣли?

— Да какъ же не разсердиться на нихъ, когда сегодня и такихъ вещей мнѣ ноговорили про турокъ, что я просто етитъ даже потерялъ къ ужину!

— „Ну, другъ мой, что же и имъ-то дѣлать? У страха аза велики. Мы и то навьючили лошадей, и хотѣли было жать, да и по нынѣ все еще сидимъ на чеку! Вѣдь, не дай огъ, если придутъ турки, съ нами будетъ тоже что и съ аро-Загорчанами!?"

— Не бойтесь, турки никогда сюда не придутъ, утѣлъ я хозяйку. Если вчера они били насъ, завтра мы ихъ бьемъ. *Дѣдо Иванъ* не даромъ послалъ свои войска въ лгарію.

Во время разговора, пришелъ и сынъ хозяйки. Онъ окался смѣлѣе своихъ прочихъ согражданъ. Пеневъ разсказытъ, что, какъ тырновская молодежь, такъ и многіе изъ окольхъ селъ, явились къ начальству и просили дать имъ оружіе назначить офицеровъ для обученія и подготовленія къ затѣ отъ турокъ Тырнова, наряду съ прочими войсками.

— „Отвѣтили намъ, что нѣтъ ружей!" продолжалъ Певъ: „идите, говорятъ, въ Свиштовъ, гдѣ организуются ужины, тамъ всѣмъ дадутъ ружья, форму и будутъ васъ учать!"

Тырновцы остались этимъ отвѣтомъ очень недовольны, къ равно и тѣмъ, что Свиштовъ былъ избранъ центромъ ганизаціи второго ополченія.

— „Кому же охота ходить въ Свиштовъ!" волновался невъ: „когда мы увѣрены, что здѣсь въ Тырновѣ въ пролженіе 3—4 недѣль, могли бы собраться 15—20 тысячъ ополнцевъ. Въ Свиштовъ мы не пойдемъ, а здѣсь организуемъ гу, вооружимъ ее ружьями, какія у насъ найдутся, и сложимъ сти, защищая родной городъ отъ нашихъ тирановъ."

И въ самомъ дѣлѣ, не особенно удачно было избрано сто для организаціи Ополченія; во первыхъ, потому что иштовъ находится на крайнемъ сѣверномъ пунктѣ Болріи, а во вторыхъ потому, что сельское населеніе тамъ не ло настолько развито какъ въ Тырновскомъ и вообще во утреннихъ округахъ Болгаріи.

25-ое іюля. Утромъ я отправился къ обозу. Капитанъ ѣшковъ уже успѣлъ выслать офицерскія вещи, а обозъ лженъ былъ двинуться спустя 2—3 дня.

Ходилъ я въ госпиталь, повидаться съ нашими ранеными офицерами: Живаревымъ, Поликарповымъ, Божинскимъ и Добровскимъ; но оказалось, что, еще три дня тому назадъ, они были отправлены въ Свиштовъ; въ госпиталѣ остались только тяжело раненые ополченцы.

26-ое и 27-ое іюля. Не смотря на свое рѣшеніе выѣхать изъ Тырнова въ Габрово 26-го числа, я остался еще на день въ городѣ.

Ничего новаго за день не случилось; утромъ, 27-го, я выѣхалъ изъ древней болгарской столицы и на слѣдующій день, рано утромъ, пріѣхалъ въ Габрово.

Дружины я уже не засталъ, она еще 25-го отправилась на шипкинскія высоты, удовольствовавшись только трехъ-дневнымъ отдыхомъ. Уходъ дружины произвелъ на населеніе Габрова непріятное впечатлѣніе, такъ какъ они предположили, что этотъ уходъ вызванъ наступленіемъ турокъ.

Тѣмъ не менѣе съ Балканъ не получалось никакихъ тревожныхъ извѣстій.

Я навѣстилъ шт.-кап. Попова, который похвалился здоровьемъ и сказалъ, что, самое позднее, черезъ десять дней онъ вернется въ дружину, такъ какъ рана благополучно заживала.

Шт.-капитанъ Стесель, который былъ контуженъ 19-го іюля, еще находился въ Габровѣ и очень удобно устроился на квартирѣ.

Въ Габровѣ была тоже толкотня и улицы полны народу; бѣглецы расположились около города, такъ какъ всѣ домы были переполнены жителями. По улицамъ то и дѣло сновали полуголые дѣти съ протянутой рукой:

— „Братушка, дай гологанче*) купить себѣ хлѣба," умоляли они со слезами.

Впрочемъ, были и взрослые мужчины и женщины, которые молча подходили къ вамъ съ наклоненнымъ челомъ и протягивали руку Христа ради; видно было, что лишь страшная нужда заставила ихъ дойти до милостыни.

*) Мѣдная монета въ 10 сантимовъ.

IX.

[Н]а Шипкѣ. — Д-ръ Волковичъ и стычка съ черкесами въ Казанлыкѣ. — [О]бмундировка и санитарное состоянiе ополченцевъ. — Реляцiя о старо[з]агорскомъ сраженiи. — Прощальный приказъ генерала Гурко. — Переходъ [д]ружинъ въ село Шипку. — Вѣсти объ армiи Сулеймана-паши. — Рѣчь Сто[л]ѣтова къ Ополченiю. — Полчища Сулеймана уже на виду въ долинѣ розъ. — [.] Б. Чиляевъ. — *Попова* гора. — Шипкинская позицiя и мѣры, принятыя для ея обороны.

28-ое Iюля. Какъ ни хорошо въ гостяхъ 'а дома все же [л]учше, говоритъ русская пословица. Въ Тырновѣ какъ и въ [Г]абровѣ я все же былъ въ гостяхъ, и потому, хотя и была воз[м]ожность оставаться, спѣшилъ *домой* — на Балканы — въ свою [с]емью. Въ половинѣ девятаго, утромъ, я выѣхалъ на Шипку.

День былъ пасмурный. Черныя, какъ ночь, облака, нависли надъ величественными Балканами и покрыли темной пеленой ихъ высокiя вершины; такiя облака — всегда предвѣстники дождя и потому я подгонялъ лошадь. Отъ Габрова дорога идетъ по лѣвому берегу р. Янтры и постепенно поднимается въ гору; въ 5—6 верстахъ отъ города, дорога проходитъ черезъ рѣку по горбатому, старой архитектуры мосту; впослѣдствiи, русскiе прозвали этотъ мостъ *Чертовымъ;* это названiе, пожалуй, мостъ вполнѣ заслуживалъ: какъ бы прилѣпленный къ скалѣ, возвышаясь надъ водою около 10 метровъ, мостъ этотъ былъ безъ перилъ и въ тоже время — столь узокъ, что едва одна параконная подвода могла пройти по немъ и то осторожно. Отъ моста по правому берегу рѣки отдѣляется дорога въ село Топлишъ, а въ 2-хъ верстахъ отъ моста выше, у поселка Червеный Брегъ, начинается подъемъ на Шипку.

Чѣмъ я подымался выше по подъему, тѣмъ становилось холоднѣе и стало такъ сыро, что когда я поднялся до сѣдловины шипкинскихъ высотъ то былъ совершенно вымоченъ какъ бы послѣ дождя; облака, окутывавшiя всю мѣстность, были [с]толь густы, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя ничего [н]ельзя было увидѣть.

III-я дружина расположилась влѣво отъ шоссе и отъ ка[м]еннаго зданiя турецкой сторожки, на площадкѣ; ополченцы

на ней разбили свои полуизгнившія палатки. Мой деньщикъ Лилитка догадался разбить и мою палатку, но на этотъ разъ не только не приготовилъ въ ней постели, но не запасся даже и сухими листьями или папоротникомъ, а лишъ позаботился о себѣ и устроилъ въ своей палаткѣ, какъ и прочіе ополченцы, постель изъ сухихъ древесныхъ вѣтокъ и травы; на этой постели я его и засталъ беззаботно спящимъ. Рѣдко приходилось встрѣчать такого сонливаго человѣка, какимъ былъ мой деньщикъ: онъ былъ въ состояніи спать по двое сутокъ, если бы его никто не будилъ; какъ только, бывало, поѣстъ, такъ тотчасъ же *на боковую;* надъ этимъ его свойствомъ ополченцы не мало смѣялись и дразнили его:

— „Ну, что, Лилитка, опятъ *на боковую?* спрашивалъ его кто-нибудь.

— „Да что же дѣлать? Ученья нѣтъ, его благородія нѣтъ,“ отвѣчалъ Лилитка и преспокойно заваливался спать.

Онъ былъ олицетвореніе лѣни, неаккуратности и нечистоплотности, но былъ честнымъ человѣкомъ; мнѣ давно надоѣло съ нимъ возиться, но во избѣжаніе исполненія непріятныхъ формальностей, я не мѣнялъ деньщика; на этотъ же разъ Лилитка такъ меня раздосадовалъ своей небрежностью, что я ему приказалъ тотчасъ же отправляться въ роту, которой онъ ужасно боялся, потому что тамъ некогда было спать.

— „Ваше благородіе . . .“ слезливымъ голосомъ обратился ко мнѣ Лилитка.

— Никакихъ вашихъ благородій! взять вещи и маршъ въ роту! крикнулъ я.

Смущенный неожиданнымъ поворотомъ дѣла, Лилитка нерѣшительно повернулся, собралъ вещи и ушелъ въ роту.

По моему приказанію, фельдфебель выбралъ деньщика и ко мнѣ привели македонца Трайка Николова.

— Желаешь ли быть у меня деньщикомъ? спросилъ я.

Трайко развязно и громко отвѣтилъ своимъ македонскимъ говоромъ:

— „Желаю, ваше благородіе, но во время боя прошу меня освобождать отъ службы, чтобы и я могъ драться съ проклятымъ *турчиномъ.*“

— Хорошо, только не будь такой соней, какъ Лилитка, замѣтилъ я.

— „Ваше благородіе, если буду такимъ, то убей меня изъ ружья!“ обиженно воскликнулъ Трайко.

Не прошло и получаса, какъ Трайко вмѣстѣ съ однимъ ополченцемъ, и безъ моего приказанія, нанесли въ мою палатку хворосту и травы, и спустя немного была готова импровизованная кровать и разставленъ по мѣстамъ мой походный багажъ.

Къ вечеру, облака еще болѣе сгустились и просто вымачивали человѣка до костей.

Вернувшись изъ командировки я тотчасъ же явился въ штабъ Ополченія; штабъ былъ расположенъ у каменнаго зданія турецкой сторожки, или какъ ее называли: „турецкой казармы.“

Ополченіе еще 22-го іюля прибыло на шипкинскія высоты, гдѣ до тѣхъ поръ уже находилась часть Орловскаго полка. Вечеромъ того же числа, состоявшій при штабѣ Ополченія маіоръ Поповъ получилъ приказаніе отъ генерала Рауха спуститься на слѣдующій день въ долину съ полъ-сотней уральскихъ казаковъ и отправиться въ Казанлыкъ а также и произвести рекогносцировку мѣстности, по которой долженъ былъ пройти на Казанлыкъ отрядъ, состоявшій изъ Казанскаго и Астраханскаго драгунскихъ полковъ и двухъ сотенъ казаковъ; во главѣ этого отряда долженъ былъ стать е. и. в. герцогъ Евгеній Максиміліановичъ, отправлявшійся въ Хаинъ-Кіой. Одновременно Попову было приказано взять изъ турецкихъ складовъ въ Казанлыкѣ сколько возможно больше палатокъ и продуктовъ.

28-го іюля, въ 8 часовъ утра, Поповъ съ полъ-сотней казаковъ, подъ командой сотника Любовина и подпоручика Вальднера, отправился въ Казанлыкъ и вскорѣ туда прибылъ. Не разчитывая, что въ городѣ могутъ быть турки, Поповъ войдя въ Казанлыкъ, отправился прямо къ турецкой больницѣ и началъ стучать въ дверь; изъ больницы вскорѣ выскочилъ блѣдный и дрожащій докторъ Волковичъ. Послѣдній наскоро сообщилъ Попову, что въ городъ только-что сейчасъ прибыли два эскадрона турецкой кавалеріи, черкесы и башибузуки, и что часть башибузуковъ стоитъ около городского *конака*.

— „Спасайтесь скорѣе, пока еще не поздно,“ закончилъ Волковичъ, опасавшійся и за свою участь.

Поповъ, не теряя времени, направился къ востоку и, выѣхавъ на край города, благодаря знанію мѣстности, повернулъ въ лѣво и въ карьеръ, вмѣстѣ съ казаками, поскакалъ въ западную часть города, преслѣдуемый черкесами; при этомъ былъ раненъ одинъ изъ казаковъ. Вскорѣ, впрочемъ, прибыли два эскадрона кавалеріи и, во главѣ съ Поповымъ, бросились на противника. Черкесы и башибузуки испугались и бросились бѣжать. Въ этой стычкѣ турки оставили на поляхъ и на улицахъ города 45 человѣкъ убитыми. Поповъ взялъ знаменный черкесскій значекъ и нѣсколько запряженныхъ подводъ, нагруженныхъ товаромъ, ограбленнымъ изъ болгарскихъ лавокъ. Исполнивъ въ точности приказаніе, маіоръ Поповъ возвратился въ Шипку.

29-ое іюля. Дождь со вчерашняго вечера не переставалъ лить и ополченцы вымоченные до костей, сидѣли съежившись въ своихъ дырявыхъ и гнилыхъ палаткахъ; но и такихъ палатокъ не хватало и потому ополченцы въ нихъ были набиты какъ селедки; шинель служила и матрацомъ и одѣяломъ, но и шинелей не было достаточно: въ дружинѣ 111 человѣкъ были безъ шинелей, такъ какъ ополченцы оставили таковыя у Старой-Загоры, снявъ ихъ передъ аттакой; кромѣ того 14 человѣкъ были безъ мундировъ, и почти что всѣ — безъ шараваръ и сапогъ, а тѣ шинели и мундиры, которые имѣлись у ополченцевъ, были порваны. Погода же между тѣмъ не улучшалась: если не было дождя, то темныя и влажныя облака, словно шапкой, покрывали шипкинскія высоты. Продовольствіе ополченцевъ было тоже неудовлетворительно и доставлялось несвоевременно; благодаря большому стеченію народа, въ Габровѣ не всегда было возможно найти продукты для пищи, а особенно хлѣбъ, да, кромѣ того, за дальностью Габрова отъ шипкинской стоянки и недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, и тѣ продукты, какіе находились въ Габрово вмѣстѣ съ четверть-фунтовой дневной порціей сухаря — очень часто запоздывали, а позднѣе — и совсѣмъ не получались; сдѣлать же запасы провизіи на мѣстѣ стоянки сразу на нѣсколько дней совсѣмъ было невозможно, не было для этого ни мѣста, гдѣ бы можно было сохранять провизію отъ дождя, которая и безъ того привозилась всегда измоченной, да и никому не было извѣстно сколько времени придется стоять на Шипкѣ. Наконецъ и самая пища раздавалась ополченцамъ

подъ открытымъ небомъ, часто подъ проливнымъ дождемъ, такъ что пища, особенно жирная, застывала прежде, чѣмъ могла быть съѣдена.

При такихъ условіяхъ питанія, естественно, появились болѣзни: дезинтерія и лихорадка, усиливавшіяся еще отъ холода, а холодъ былъ такой, что дрожали отъ него и здоровые. Часть больныхъ отправляли въ Габрово, а другую, меньшую, оставляли лѣчиться на позиціи, въ мокрыхъ палаткахъ; самымъ сквернымъ послѣдствіемъ всего этого было то обстоятельство, что ополченцы начали отлучаться изъ своихъ частей, уходя въ ближайшіе поселки и *колибы,* и численный составъ ротъ значительно уменьшился.

Положеніе офицеровъ было тоже незавидно и не лучше ополченскаго. Послѣ старо-загорскаго сраженія офицерскія столовыя при дружинахъ разстроились и офицеры столовались изъ такъ называемой *Александровской* — ротной кухни.

Три дня уже какъ я разболѣлся и страдалъ отъ дезинтеріи; питался я только свѣжимъ молокомъ, но вскорѣ лишился и этой пищи и остался, какъ говорятъ, на пищѣ Св. Антонія; дѣло въ томъ, что молочную корову, которую мнѣ далъ изъ дружиннаго стада полковникъ Кесяковъ, какъ ни непріятно было, но пришлось приказать отдать въ дружину, такъ какъ запасъ скота окончился. Такой скорый расходъ скота мнѣ показался страннымъ, такъ какъ еще дней десять назадъ дружина владѣла цѣлымъ стадомъ.

3-го августа я прочелъ реляцію, составленную въ штабѣ Ополченія о старо-загорскомъ сраженіи. Привожу содержаніе этой реляціи.

„19-го іюля 1877 г. въ 10 часовъ утра, III-я дружина получила приказаніе сняться съ бивуака у д. Айданліяхъ и идти къ городу Старой-Загорѣ, противъ котораго съ юга появились значительныя непріятелскія силы. Вблизи города дружина была встрѣчена частымъ ружейнымъ огнемъ изъ противолежащихъ садовъ. Дружина быстро развернулась въ боевой порядокъ и попала въ первую линію. При этомъ, въ первой линіи были: 1-я рота капитана Феодорова и 2-я рота шт.-кап. Усова; отъ этихъ ротъ была послана цѣпь. Во 2-й линіи — 3-я рота шт.-кап. Попова и 4-я рота шт.-кап. Стеселя. Дружина находилась на совершенно открытой мѣстности, между тѣмъ какъ непріятель былъ скрытъ въ садахъ т. е. занималъ лучшую позицію.

Дружинный командиръ подполковникъ Калитинъ приказалъ всѣмъ идти впередъ. По занятіи второй позиціи, двѣ роты первой линіи усилили цѣпь, а остальныя двѣ роты заняли ихнія мѣста. Въ это время былъ раненъ шт.-кап. Усовъ и подпоручикъ Божинскій. Первый изъ нихъ силился идти, но когда ослабли силы, онъ отправилъ солдатъ впередъ, крикнувъ имъ: „съ богомъ, молодцы, впередъ!“ Послѣ этого былъ пораженъ двумя пулями въ голову и палъ мертвымъ.

Командованіе 2-й ротой принялъ подпоручикъ Добровскій. Замѣтивъ, что на нашемъ правомъ флангѣ усиливается цѣпь и сгущаются ряды непріятеля, дружинный командиръ приказалъ шт.-кап. Попову вывести роту и обхватить лѣвый флангъ противника. Рота двинулась впередъ, имѣя во главѣ своего ротного командира шт.-кап. Попова и подпоручика Кисова, и съ пѣсней: „Бой, бой, ребята,“ которую запѣли офицеры и подхватили ополченцы. Когда подошло время 3-й ротѣ податься впередъ, дружинный командиръ ей приказалъ взять участіе въ аттакѣ. Рота, молодецки шагая, тронулась впередъ. Не доходя 70 шаговъ до непріятеля, вся линія съ громогласнымъ „ура“ бросилась на врага въ штыки. При этомъ подпоручикъ Кисовъ, взявъ отъ раненаго турецкаго трубача трубу, самъ заигралъ *аттаку*. Барабанщикъ Жилковъ, не смотря на то, что былъ раненъ въ ногу шелъ впередъ съ барабаннымъ боемъ. Непріятель не выдержалъ дружнаго натиска и безъ выстрѣловъ, въ большомъ безпорядкѣ, убѣжалъ. Эта аттака стоила очень многихъ жертвъ . . .*)

Изъ изложеннаго въ этой части реляціи видно, что между изложеніемъ въ ней и моимъ разсказомъ есть противорѣчія. Въ реляціи говорится, что III-я дружина отправилась къ городу въ 10 часовъ утра и попала подъ непріятельскій огонь, тогда какъ, въ дѣйствительности, дружина отправилась не въ 10 ч., а раньше съ мѣста ночевки у с. Айданлій и не пошла къ городу, а на возвышенность. Далѣе, говорится въ реляціи, что дружинный командиръ подполковникъ Калитинъ приказалъ

*) Въ 1891 году, въ смутный режимъ Стамболова я былъ арестованъ и при обыскѣ, взяли у меня мои книжки съ замѣтками о русско-турецкой войнѣ 1877 года. Большую часть бумагъ, въ томъ числѣ и мои записныя книжки мнѣ возвратили, но нарочно или случайно, со многими оторванными листками, на которыхъ была записана одна часть отъ реляціи.

всѣмъ идти впередъ; въ дѣйствительности же, когда дружина выслала двѣ роты въ первую линію, остальныя двѣ роты остановились: 4-я рота — на мѣстѣ, гдѣ дружина была построена въ линію, а 3-я рота — за скирдами у *Чадыръ-Могилы*. Говорится еще, что штабсъ-капитанъ Усовъ и подпоручикъ Божинскій были ранены, когда роты 2-й линіи заняли мѣста ротъ 1-й линіи; между тѣмъ, въ дѣйствительности, подпоручикъ Божинскій былъ раненъ, когда 3-я рота еще находилась за скирдами, куда санитары его и принесли; затѣмъ — что штабсъ-капитанъ Усовъ былъ убитъ на мѣстѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ убитъ, когда его, раненаго, санитары несли на перевязочный пунктъ. Говорится еще, что барабанщикъ Жилковъ билъ въ барабанъ аттаку, тогда какъ въ то время т. е. во время аттаки, въ 3-й ротѣ, въ строю не оставалось ни барабанщика, ни трубача. Эти поправки, по моему, должны быть сдѣланы въ реляціи.

Послѣ отступленія передового отряда изъ Старой Загоры и расформированія послѣдняго, генералъ Гурко, прощаясь съ отрядомъ, отдалъ приказъ, въ которомъ по адресу Ополченія сказалъ слѣдующее:

„Къ вамъ обращаюсь, болгарскія дружины! 19-го, подъ Старой Загорой вы привлекли противъ себя 15 непріятельскихъ таборовъ т. е. почти въ четыре раза сильнѣйшаго васъ непріятеля съ многочисленной дальнобойной артиллеріей, противъ которой вы могли выставить четыре горныхъ орудія. Не обращая вниманія на столь большое превосходство турецкихъ войскъ, вы, съ 8 часовъ утра и до 2 часовъ послѣ полудня, съ удивительнымъ мужествомъ защищали свой родной городъ и тѣмъ дали возможность другимъ войскамъ передоваго отряда разбить турокъ при с. Джуранліяхъ, вслѣдствіе чего вся армія Сулеймана-паши была принуждена отступить. Это было первое сраженіе, въ которомъ вы вступили въ борьбу съ врагами, и въ немъ сразу показали себя такими героями, которыми вся русская армія можетъ гордиться и можетъ сказать, что она не обманулась, пославъ въ ваши ряды своихъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Вы — ядро будущей болгарской арміи. Пройдутъ года и эта будущая болгарская армія скажетъ: „мы — потомки славныхъ защитниковъ Старой Загоры!"

Затѣмъ въ томъ же приказѣ, генералъ Гурко обращается къ цѣлому отряду съ слѣдующими словами:

„Съ болью въ сердцѣ разстаюсь съ вами, войска передоваго отряда! Вспоминая что 38 дней я провелъ въ вашей средѣ и былъ свидѣтелемъ вашихъ молодецкихъ подвиговъ и необыкновенно тяжелыхъ трудовъ, я видѣлъ какъ вы, всѣхъ трехъ родовъ оружія, соперничали между собой въ честномъ исполненіи боевой службы. Все это никогда не изгладится изъ моего сердца и будетъ служить лучшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Солдаты передового отряда! Вамъ выпала завидная доля въ короткое время показать много примѣровъ мужества и самоотверженія и въ нихъ вы почерпнете силы для другихъ новыхъ подвиговъ и я увѣренъ, что гдѣ бы вы не встрѣтились съ врагомъ, вы не омрачите славы, добытой вами въ передовомъ отрядѣ!“

Балканы оставались все мрачными: дожди смѣняли густые туманы, отъ которыхъ ничего не было видно въ нѣсколькихъ шагахъ. Ополченцы уже цѣлую недѣлю, какъ сидѣли въ своихъ палаткахъ, вымоченные и продрогшіе отъ холода; кромѣ того они терпѣли еще и голодъ, такъ какъ на позиціи не только не получалась провизія, но не получались и сухари. Генералъ Столѣтовъ не разъ просилъ генералъ-маіора Дерожинскаго, начальника габровскаго отряда, принять мѣры къ аккуратной доставкѣ на Шипку сухарей или хлѣба, и наконецъ 31-го іюля командировалъ Графа Толстого доложить Великому Князю Главнокомандующему о состояніи Ополченія. Послѣдствіемъ такого положенія Ополченія было то, что отлучки и заболѣванія все больше и больше увеличивались.

Вѣроятно такое состояніе Ополченія заставило генерала Столѣтова перевести дружины въ с. Шипку, не обращая вниманія на тревожныя донесенія изъ с. Шипки войсковаго старшины Кирилова, завѣдывавшаго кавалеріей отряда. На перевалѣ были оставлены только III-я дружина и артиллерійскія части, подъ командой князя Вяземскаго, кромѣ горныхъ орудій, которыя генералъ взялъ съ собой.

При спускѣ въ с. Шипку, IV-ю дружину генералъ оставилъ на возвышенности *Попова* — между позиціей св. Николая и с. Шипкой.

„Вмѣсто того чтобы дружины перемѣстить отсюда и привести въ порядокъ, чтобы люди хоть стали похожими на

солдатъ, насъ тащутъ впередъ," бормотали себѣ подъ носомъ офицеры.

Но не смотря на то, что нѣкоторые офицеры считали ошибкой генерала это передвиженіе въ розовую долину, особенно въ виду ежедневно ожидавшагося наступленія со стороны непріятеля, должно согласиться, что иного средства у генерала не оставалось для того, чтобы остановить, болѣзни, прекратить отлучки солдатъ и упорядочить продоволствіе.

Бѣглецы узнавъ, что войско уходитъ въ с. Шипку, тоже послѣдовали за дружинами, не смотря на предупрежденія этого не дѣлать: одни отправились къ Казанлыку, другіе — размѣстились въ ближнихъ деревняхъ, а третіе — расположились бивуакомъ, не далеко отъ Ополченія, у с. Шипки. Впослѣдствіи, когда началось наступленіе черкесовъ и башибозуковъ, многіе изъ бѣглецовъ поплатились жизнью за свою непредусмотрительность.

Отъ приходившихъ съ долины ополченцевъ и офицеровъ мы, въ III-ей дружинѣ, узнали, что тамъ стояла отличная погода, лѣтнее солнце такъ жарило, что, какъ говорится, камень трескался. Но не долго намъ пришлось завидовать товарищамъ, такъ какъ дружины вскорѣ оставили село Шипку и вернулись, ввиду того, что распространился слухъ, будто непріятель наступалъ съ большими силами со стороны Старой Загоры, Маглиша и Калофера. Извѣстіе объ этомъ наступленіе, впрочемъ, не было неожиданнымъ а нооборотъ, послѣ нашего отступленія отъ Старой Загоры ожидалось ежедневно, но, несмотря на то, слухи эти произвели тревогу какъ въ войскахъ, такъ и въ населеніи. Дружины приготовились встрѣтить непріятеля.

Объ этихъ слухахъ мы, на верху, узнали лишь 3-го августа, въ 10 ч. вечера, отъ одного офицера, пришедшаго изъ села Шипки.

Не прошло много премени, послѣ полученія этого извѣстія, какъ на шоссе послышался сильный шумъ; оказалось, что народъ, находившійся въ с. Шипкѣ и въ окольныхъ селахъ, узнавъ о наступленіи непріятеля, пустился бѣжать по шоссе и по склонамъ подъема на шипкинскія высоты. Но на этотъ разъ тревога оказалась фальшивой, такъ какъ слухи о наступленіи непріятеля были преувеличены; на самомъ дѣлѣ, со стороны Калофера наступала партія черкесовъ и башибузуковъ, около 300 человѣкъ, но была разогнана казаками; во время стычки

15*

было нѣсколько убитыхъ людей и лошадей, оставленныхъ непріятелемъ на мѣстѣ; раненыхъ онъ подобралъ; съ нашей стороны были убиты два казака и раненъ одинъ вахмистръ. Въ это же время, другая партія черкесовъ и башибузуковъ, нѣсколько многочисленнѣе, произвела нападеніе на Казанлыкъ, гдѣ перерѣзала многихъ изъ тѣхъ, которые было вернулись въ свои домы.

Тѣмъ не менѣе, это появленіе черкесовъ и башибузуковъ подтверждало слухи, что Сулейманъ-паша, приведя въ порядокъ свою 45-тысячную армію, разстроенную послѣ битвъ подъ Новой и Старой Загорой, наступаетъ со стороны этихъ городовъ къ Шипкѣ. Такимъ образомъ, слѣдовало ожидать, что не сегодня, завтра, Сулейманъ подойдетъ къ нашей позиціи, которую мы должны были защищать, не смотря на нашу малочисленность.

Въ дѣйствительности въ это время шипкинскій отрядъ состоялъ, не считая IV-й дружины, изъ пяти дружинъ неполнаго состава, разстроеныхъ вслѣдствіе Старо-Загорскаго сраженія, весьма плохо вооруженныхъ и обмундированныхъ, десяти ротъ Орловскаго полка, одной турецкой дальнобойной стальной батареи 6-ти-орудійного состава, оставленной турками 6-го іюля, одной 9-ти-фунтовой, и одной 4-хъ-фунтовой батарей и горной полубатареи, команды конно-піонеровъ, команды казаковъ 30-го донского полка и болгарской конной сотни, пополненной въ первыхъ числахъ августа въ Габровѣ.

Съ 4-го августа на шипканскихъ высотахъ погода начала проясняться и августовское солнце вступило въ свои права, и, прогнавъ туманы и хмурыя тучи, освѣтило грандіозныя вершины Балканъ.

5-го августа прибыли 540 человѣкъ ополченцевъ изъ второй серіи Ополченія для пополненія состава четырехъ дружинъ т. е. на дружину по 135 человѣкъ; въ III-ю дружину, кромѣ того прибыли изъ обозныхъ 35 человѣкъ; такимъ образомъ, составъ ея ротъ увеличился на 43 человѣка; сравнительно такое увеличеніе было незначительно, но оно произвело хорошее впечатлѣніе на старыхъ ополченцевъ, особенно въ виду того, что подкрѣпленій было ожидать не откуда, такъ какъ положеніе нашихъ войскъ, какъ объ этомъ говорили въ Тырновѣ, было и на западномъ и на восточномъ флангахъ арміи не лучше нашего.

5-го августа казаки имѣли серіозную стычку съ черкесами и башибузуками неподалеку отъ Казанлыка, въ которой выбыло изъ строя нѣсколько казаковъ убитыми и ранеными; былъ раненъ и эсаулъ Кириловъ, командиръ уральской сотни. Это появленіе черкесовъ и башибузуковъ было предвѣстникомъ наступавшей арміи Сулеймана. Въ 10 часовъ утра, на высотахъ къ сѣверу-востоку отъ Казанлыка, показались непріятельскія войска, а облака пыли, виднѣвшіяся за этимъ городомъ, обнаруживали и тамъ движеніе непріятельскихъ силъ.

Лишь только было замѣчено это движеніе непріятеля генераломъ Столѣтовымъ и онъ убѣдился въ намѣреніи турокъ аттаковать наши шипкинскія позиціи, было отправлено имъ точное объ этомъ донесеніе къ корпусному командиру Радецкому, къ генералу-маіору Дерожинскому и къ Великому Князю Главнокомандующему.

Еще въ тотъ же день непріятельская кавалерія подошла къ деревнямъ Енинѣ и Шейнову; 7-го августа непріятельскій авангардъ занялъ Шейново, а его главныя силы остановились въ Казанлыкѣ; было видно, что непріятель хотѣлъ своимъ правымъ флангомъ подойти къ деревнѣ Енинѣ.

Вечеромъ того же числа, генералъ Столѣтовъ, оставивъ IV-ю дружину на горѣ *Попова,* съ прочими тремя дружинами и горными орудіями отступилъ къ перевалу.

Хотя мы и ожидали наступленія со стороны турокъ, но не ожидали, чтобы таковое послѣдовало такъ скоро, потому что армія Сулеймана понесла чувствительное пораженіе при с. Джуранліяхъ отъ генерала Гурко и большія потери подъ Старой-Загорой отъ Болгарскаго Ополченія, а главное, что имѣлись положительныя свѣдѣнія о томъ, что Сулейманъ съ своей разстроенной арміей отступилъ далеко на югъ отъ Старой-Загоры, чтобы привести эту армію въ порядокъ и подготовить резервистовъ. Но турки не теряли времени; они хотѣли воспользоваться незавиднымъ положеніемъ нашимъ на Шипкѣ и потому столь скоро появились черкесы и башибозуки а за ними и армія Сулеймана, предававшіе по пути все, что было болгарскаго, огню и мечу.

Сопоставляя извѣстія о движеніи Сулеймана съ извѣстіями, получившимися изъ подъ Плевны и Рущука, объ энергичныхъ и тамъ дѣйствіяхъ турокъ, было очевидно, что на-

ступленіе арміи Сулеймана было въ связи съ наступательными дѣйствіями плѣвенскаго и рущукскаго отрядовъ турецкихъ войскъ и имѣло цѣлью занятіе шипкинскаго прохода, затѣмъ Тырнова и наконецъ совмѣстное занятіе и г. Свиштова. Этотъ планъ еще яснѣе вѣроятно рисовался въ умѣ генерала Столѣтова, которому были извѣстны непріятельскія дѣйствія по всему театру войны. Генералъ отлично сознавалъ громадное значеніе защиты шипкинскаго перевала для исхода войны и особенно чувствовалъ опасность, связанную съ наступленіемъ арміи Сулеймана. Всѣ эти мысли продиктовали генералу Столѣтову рѣчь, съ которой онъ обратился къ дружинамъ, при подъемѣ изъ с. Шипки на перевалъ; на первой терассѣ, около фонтана, генералъ произнесъ слѣдующее:

„Ребята, вы видѣли у Старой-Загоры какъ ваши вѣковые враги предаютъ уничтоженію все, что есть болгарскаго, и самихъ болгаръ истребляютъ. А теперь видите, что дѣлается въ равнинѣ. Непріятель, съ которымъ вы храбро и неустрашимо дрались подъ Старой-Загорой и которому дали понять, что болгарскій ополченецъ не хуже дерется чѣмъ его старшій братъ, русскій солдатъ, наступаетъ на нашу позицію. Онъ готовится занять шипкинскій перевалъ. Вы несомнѣнно знаете, что отъ участи шипкинской позиціи главнымъ образомъ зависитъ судьба вашего отечества — судьба Болгаріи, а если это такъ, то вы должны приложить все свои усилія къ тому чтобы не допустить врага ступить ногой на шипкинскія высоты — нашу позицію, для защиты которой у насъ есть тамъ на верху 35 орудій. Я вѣрю, молодцы, что если вы при Старой-Загорѣ могли нанести страшное пораженіе непріятелю, то здѣсь, — на нашей неприступной позиціи — вы не допустите ему и ногой ступить и дадите врагу еще разъ испытать вашу храбрость и вашу силу!

Послѣ битвы подъ Старой-Загорой, Царь и вся Россія смотрятъ на васъ, какъ на храбрыхъ, неустрашимыхъ и самоотверженныхъ воиновъ!

Я уже послалъ донесеніе и вскорѣ къ намъ придетъ помощь изъ Тырнова. Помните, молодцы, что Царь и вся Россія возлагаютъ на васъ защиту шипкинскихъ позицій, а Болгарія ждетъ вашей помощи для своего освобожденія! Вы же, молодцы, за это получите честь и славу, имя героевъ и права заслуженыхъ людей. За такую вашу храбрость васъ прosла-

витъ весь міръ, а Болгарія будетъ вамъ благодарна и будетъ гордиться вами.

Послѣ войны, вы, молодцы, получите подобающую награду отъ своего свободнаго отечества. Вамъ будетъ дано во всемъ первенство.“ *)

Послѣ этой рѣчи, генералъ Столѣтовъ вызвалъ изъ строя юнкера Узунова,**) родомъ болгарина и ему приказалъ передать рѣчь ополченцамъ на болгарскомъ языкѣ.

Согласно моему рапорту, приказомъ по дружинѣ, за хорошее поведеніе, знаніе службы и храбрость, оказанную въ дѣлѣ подъ Старой Загорой были произведены въ унтеръ-офицеры: П. Миленковъ, Д. Нейковъ, Ив. Златановъ, И. Койша, Ил. Драгановъ, К. Желѣзковъ и Василій Мицовъ.

Съ улучшеніемъ погоды и по полученіи извѣстій о приближеніи непріятеля, отлучившіеся ополченцы начали возвращаться въ свои роты; многіе изъ нихъ возвращались одѣтыми въ мѣстные костюмы.

— „Гдѣ вы пропадали и какъ вы смѣли отлучаться отъ своихъ ротъ! Вы знаете ли что въ военное время за это наказываютъ смертью?“ обращались къ возвратившимся нѣкоторые взыскательные офицеры.

Но въ отвѣтъ на это они могли только слышать: „я былъ боленъ,“ „не имѣлъ сапогъ и шинели“ или „кромѣ гимнастической рубашки, подштанниковъ и кожаныхъ лаптей, у меня не было ничего, ни платья, ни обуви.“

Офицеры хорошо знали обо всемъ этомъ, а князь Вяземскій, не разъ заглядывавшій въ палатки ополченцевъ, зналъ объ ихъ незавидномъ положеніи, не разъ согрѣвалъ ихъ, покупая имъ на свой счетъ водку, которую впрочемъ ополченцы не особенно долюбливали и отъ князя офицеры не разъ слышали выраженія соболѣзнованія надъ несчастнымъ положеніемъ „бѣдняковъ-ополченцевъ, голыхъ и босыхъ“; вслѣдствіе этого начальство не было особенно взыскательно по поводу этихъ отлучекъ и дѣлало видъ, что таковыхъ не замѣчаетъ.

*) Къ сожалѣнію эти надежды генерала Столѣтова не оправдались: Болгарія вскорѣ забыла про ополченцевъ и множество изъ нихъ живутъ впроголодь.

**) По личному сообщенію автора здѣсь вкралась ошибка былъ вызванъ не юнкеръ Узуновъ, а юнкеръ Аѳанасій И. Дуковъ, впослѣдствіе на Шипкѣ же произведеный въ офицеръ и георгіевскій кавалеръ. Прим. Пер.

Съ прибытіемъ отлучившихся, роты стали еще полнѣе; между явившимися изъ отлучекъ были и легко раненые и контуженные подъ Старой Загорой, скитавшіеся по окрестнымъ селамъ.

Въ этотъ періодъ въ общемъ настроеніи ополченцевъ можно было замѣтить тупое равнодушіе ко всему ихъ окружавшему; причиной такого настроенія было неудовлетворительное продовольствіе, а особенно — обмундированіе. Кромѣ лаптей изъ сырой воловьей или буйволовой кожи, обувавшихся большинствомъ ополченцевъ на босую ногу никакихъ другихъ предметовъ обмундированія не было получено; между тѣмъ, хотя погода и улучшилась, но ночи бывали очень холодныя, особенно предъ разсвѣтомъ, вслѣдствіе чего почти у всѣхъ ополченцевъ появился кашель; главная же причина общаго равнодушія была та, что всѣ, не только не довѣряли своимъ ружьямъ, но и считали себя просто таки безъ ружей, такъ какъ у многихъ ружья были испорчены и не дѣйствовали, а турки были между тѣмъ уже совсѣмъ близко.

— „Сегодня, завтра Сулейманъ нападетъ на насъ съ цѣлой арміей, а насъ — горсть людей, да еще безъ ружей!“ возмущались ополченцы.

— „Мало ли, что-ли, камней здѣсь на балканахъ!“ успокоивали ихъ товарищи: „камнями будемъ бить.“

7-го августа, подъ вечеръ, дружины, кромѣ IV-й, заняли на Шипкѣ свои старыя мѣста: II-я и V-я на равной полянѣ, а I-я — около „турецкой казармы.“ Во время стоянки дружинъ въ селѣ Шипкѣ, генералъ Столѣтовъ постоянно перемѣщалъ дружины то въ село, то надъ нимъ, то на *Попову гору*,*) въ

*) *Поповой* называлась гора, находящаяся на половинѣ дороги между с. Шипкой и вершиной Св. Николая; на этой горѣ похороненъ поручикъ III-ей дружины Поповъ, павшій въ бою подъ Старой Загорой, 19-го іюля.

Поручикъ Поповъ (товарищи звали его „Попикъ“) былъ тяжело раненъ въ этомъ бою и вынесенъ съ поля битвы тремя ополченцами. При отступленіи отряда, не смотря на мольбы Попова его добить, чтобы избавиться отъ страданій, ополченцы не послушались и продолжали его нести, но не могли отступать съ нимъ по пути отступленія отряда, такъ какъ дорога уже была занята непріятелемъ, и потому направились черезъ горныя тропинки, въ право отъ дервентскаго ущелья и тамъ скрывались до наступленія ночи; ночью и на слѣдующій день они продолжали путь и наконецъ, 21 іюля утромъ, увидавъ, что Поповъ находился уже въ предсмертной агоніи, оставили его въ лѣсу, подъ деревомъ, и горными тропинками прошли горный хребетъ и едва 22-го

висимости отъ появленій непріятеля въ окрестностяхъ; тѣмъ менѣе пяти-дневное пребываніе дружинъ внизу принесло пользу, что ополченцы обсушились, высушили патроны и чистили свои ружья, кромѣ того хорошо продовольствова-сь и вообще были въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ III-я дру-ина, остававшаяся на перевалѣ.

Къ 7-му августа усилилось и передвиженіе населенія съ лины черезъ Балканы въ Габрово, потому что до тѣхъ поръ население все еще надѣялось, что наши войска перейдутъ наступленіе, но когда появились полчища Сулеймана между занлыкомъ и Шипкой, всѣ жители окрестныхъ селъ въ страхѣ осились бѣжать: къ 2-мъ часамъ по полудни шоссе между *альной* и *круглой* батареями, было переполнено народомъ, дводами и скотомъ, двигавшимися къ Габрову. Только и ышались крики: „турки, турки идутъ“ — эти крики, каждый зъ, производили среди бѣгущаго населенія страшную сума-ху и заставляли ихъ терять всякое самообладаніе.

Изъ любопытства повидать, что дѣлается въ долинѣ, я, ялъ бинокль и отправился на самую высокую вершину Св. иколая; но еще по пути на гору, я увидѣлъ внизу цѣлыя лака пыли, а поднявшись на гору, предъ мной открылось ю Шипка, все объятое пламенемъ пожара; это многихъ изъ съ заставило предположить, что розовая долина оставлена шими войсками, и потому черкесы и башибузуки и могли джечь село; какъ бы въ подтвержденіе этого предположенія, увидѣлъ, какъ, между извилинами подъема, двигались живой лосой наши дружины. Въ направленіи къ Казанлыку виднѣ-сь въ бинокль масса непріятельскихъ войскъ, двигавшихся ь Казанлыка въ направленіяхъ къ с. Маглишу, Шипкѣ и къ инѣ; въ этой массѣ находилась и многочисленная кавалерія, овныя части которой приблизились къ с. Шипкѣ.

Возвратившись къ дружинѣ, я засталъ на позиціи вновь значеннаго командиромъ III-й дружины, на мѣсто убитаго

я нагнали Ополченіе въ Казанлыкѣ. Офицеры, узнавъ, что Поповъ оста-нъ въ лѣсу еще живымъ, предложили денежную награду тѣмъ, кто возь-ся его доставить въ дружину. Нашлись трое охотниковъ, которые согла ись отправиться въ поиски за Поповымъ, нашли его тѣло и принесли, но вознагражденія отказались. Такимъ образомъ 24-го іюля на упомянутой ь былъ похороненъ Поповъ и гора прозвалась *Поповой*.

Калитина, шт.-ротм. Константина Борисовича Чиляева, въ батальонѣ котораго еще въ сербско-турецкую войну, я командовалъ ротой. Какъ офицеръ, шт.-ротм. Чиляевъ, былъ храбрый, рѣшительный и самоотверженный человѣкъ; какъ начальникъ, онъ хотя и не былъ строгъ, но умѣлъ держать подчиненныхъ въ повиновеніи и послушаніи — это былъ отецъ своимъ подчиненнымъ; какъ человѣкъ, Константинъ Борисовичъ былъ большой добрякъ, весельчакъ и въ высокой степени хлѣбосолъ и гостепріимный: попасть къ нему въ домъ или въ палатку и остаться безъ угощенія, было невозможно. Хорошо помню, какъ бывало въ Сербіи, пока добровольцы въ другихъ частяхъ голодали, въ баталіонѣ Чиляева не только имѣлась пища, но и табакъ; Чиляевъ всегда былъ готовъ скорѣе истратить свою послѣднюю копѣйку, чѣмъ оставить своихъ солдатъ голодными. Веселый и беззаботный, К. Б. Чиляевъ не зналъ, что значитъ ссориться и сердиться; въ одномъ случаѣ только Константинъ Борисовичъ бывалъ озабоченъ и недоволенъ — это когда видѣлъ офицеровъ, засаживающихся играть въ карты, а себя — безъ денегъ въ карманѣ; онъ былъ страстнымъ игрокомъ, и, имѣя деньги въ карманѣ, онъ не могъ не засѣсть въ карты и при томъ обязательно проиграться.

Наша встрѣча была очень сердечна:

— „Опять пришлось намъ служить вмѣстѣ и драться съ турками!“ воскликнулъ Чиляевъ.

— „Дай Богъ только, чтобы конецъ нашего боя съ турками не былъ такой, какъ въ Сербіи!“ отвѣтилъ я.

Затѣмъ Чиляевъ началъ принимать дружину: пріемъ дружины совершился въ нѣсколько минутъ: я построилъ дружину; шт.-ротм. Чиляевъ поздоровался съ ополченцами, сказалъ ополченцамъ нѣсколько соотвѣтствующихъ данному случаю словъ и распустилъ дружину; этимъ и окончилось принятіе строевой части дружины. Затѣмъ мы отправились оба въ мою палатку, гдѣ, подъ охраной часоваго, находились отпущенныя мнѣ суммы на продовольствіе; я вынулъ мѣшокъ съ 1200 полуимперіалами, изъ которыхъ было израсходовано на продовольствіе дружины съ 20-го іюля по 7-ое августа около 34 рублей.

„Какъ такъ, за 20 дней всего 34 рубля расхода на продовольствіе?“ удивился Чиляевъ, принимая деньги.

„Столько израсходвано,“ отвѣтилъ я, и тѣмъ была окончена сдача и пріемъ отчетной и денежной части дружины.

Было видно съ нашей позиціи, какъ непріятельскія силы еще 7-го августа остановились между селами Шейновымъ и Яниной, нѣсколько колоннъ подступили къ селу Шипкѣ, затѣмъ къ четыремъ часамъ по полудни, вся армія была развернута въ боевой порядокъ: правый ея флангъ опирался на село Янину, а лѣвый — на с. Шейново, при чемъ части пѣхоты и кавалеріи приблизились къ селу Шипки.

Было пущено нѣсколько гранатъ и шрапнелей съ нашей 9-ти фунтовой батареи на св. Николаѣ, но это не помѣшало тремъ турецкимъ таборамъ занять село Шипку.

За все время стоянки Ополченнія на шипкинскихъ высотахъ, въ этотъ вечеръ впервые были приняты предохранительныя мѣры на случай неожиданного нападенія непріятеля; впрочемъ, пока въ такихъ мѣрахъ и не имѣлось нужды, такъ какъ шипкинскій отрядъ былъ окруженъ множествомъ бѣглецовъ, которые, въ случаяхъ такихъ нападеній, само собой понятно, произвели бы тревогу и дали бы знать отряду, да и о непріятелѣ не было, какъ говорится, ни слуху ни духу.

Вокругъ отряда была поставлена аванпостная цѣпь и даны были соотвѣтственныя приказанія на случай наступленія непріятеля. Послѣ отдачи всѣхъ нужныхъ распоряженій, мы, всѣ офицеры III-й дружины, вскорѣ отправились къ „казармѣ" побѣседовать съ штабными и поразузнать нѣтъ ли болѣе положителныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, но оказалось, что въ штабѣ знали объ этомъ столько же, сколько и мы; всѣ были увѣрены лишъ въ одномъ, а именно, что мы наканунѣ кровывыхъ столкновеній.

Въ штабѣ я узналъ, что 3-го августа, въ 9 ч. утра были посланы въ Казанлыкъ три роты V-й дружины, подъ командой полковника Депрерадовича, съ нѣсколькими подводами, для того чтобы привезти оттуда разную провизію и предметы, нужныя для Ополченія, какъ муку, рисъ, палатки и проч. Эти роты были въ Казанлыкѣ, открыли магазины и набрали разной матеріи, сукна и прочихъ нужныхъ ополченцамъ предметовъ; разсказывали мнѣ при этомъ, что офицеры не забыли и себя: многіе изъ нихъ набрали себѣ платковъ, полотна на рубахи и другихъ вещей; одинъ изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ добрался до бутылки съ розовымъ масломъ и намазалъ себѣ имъ сапоги, которые, конечно, сразу сгорѣли. Офицеры не одобрили вообще подобнаго образа дѣйствій, походившихъ,

какъ говорили они, на насиліе и дававшихъ дурной примѣръ солдатамъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, хотя горожане и оставили свое имущество на произволъ судьбы, и которое конечно попало бы въ руки турокъ, но все-таки это не давало права заставлять солдатъ разбивать двери и окна магазиновъ, тѣмъ болѣе, что собственники этихъ магазиновъ находились тутъ же, въ числѣ бѣглецовъ около Шипки, и будь имъ предложено, они съ охотой бы сами отворили свои лавки болгарамъ, только бы не осталось ихъ имущество въ рукахъ турокъ.

Напившись чаю и закусивъ у штабныхъ, на разостланный на землѣ коверъ принесли карты, но не географическія карты, каковыхъ я не видѣлъ еще съ Кишинева ни у кого изъ насъ, кромѣ какъ у штабсъ-капитанъ Попова, а игральныя.

— „Садитесь, молодцы, попробуемъ счастья,“ обратился къ офицерамъ ротмистръ Невѣровъ, завтра будетъ бой и Богъ знаетъ что можетъ случиться съ нами.“

Почти никто изъ офицеровъ не сталъ ждать второго приглашенія; одни, поджавъ колѣни, другіе, полулежа на боку, третіе — по турецки поджавъ ноги, разсѣлись вокругъ ковра и началась игра. Еще въ началѣ игры, нѣкоторые офицеры, интимные пріятели Чиляева, начали его подзадаривать:

— „Ну, какъ идетъ, Константинъ Борисовичъ, бьютъ ли тебя?“

— „Плохо, братъ, плохо! До сихъ поръ ни разу двухъ картъ подъ рядъ не дали!“ отвѣчалъ разстроеннымъ голосомъ Чиляевъ.

— „Очень скромно играешь на этотъ разъ,“ вмѣшивался въ игру Чиляева другой: „поставь кушъ какъ слѣдуетъ, потомъ загни уголъ, ну, и сорвешь банкъ!“

Ни перемѣна мѣста и картъ, ни временное прекращеніе игры, ничто не помагало Чиляеву и онъ то и дѣло, что вынималъ изъ кошелька деньги и проигрывалъ. Когда вынулъ послѣднюю монету, разгладилъ свои взъерошонные, черные, какъ смоль, волосы и крикнулъ: „Тьфу, чортъ ее дери! вотъ мерзская карта идетъ! Представьте себѣ, восемь разъ подъ рядъ меня били!“

Было уже поздно, когда мы разошлись: одни — озабоченные, другіе — веселые, съ полными карманами золота. Удивляюсь, какое удовольствіе находятъ люди грабить другъ

друга? подумалъ я, возвращаясь вмѣстѣ съ озабоченнымъ Чиляевымъ и веселымъ Сокальскимъ.

8-е августа. — Ввиду того, что своимъ правымъ флангомъ турецкія войска приближались къ селу Енинѣ, генералъ Столѣтовъ, опасаясь удара со стороны непріятеля съ этого его фланга на нашъ лѣвый, чрезъ Енинское ущелье, командировалъ князя Вяземскаго осмотрѣть это ущелье, а шт.-рот. Лукашова — возвышенность *Малый Бердекъ;* донесенія обоихъ офицеровъ, какъ и личное наблюденіе генерала Столѣтова и подполковника Рынкевича убѣдили послѣднихъ, что непріятель не имѣетъ намѣренія оперировать со стороны названнаго ущелья.

Къ разсвѣту, на позиціи было необыкновенное движеніе: части отряда размѣщались по указаннымъ имъ для защиты отъ нападенія непріятеля участкамъ позиціи.

Въ общихъ чертахъ положеніе шипкинской позиціи было слѣдующее:

Тактическій и стратегическій ключъ позиціи составляла вершина Св. Николая; но послѣдняя не командуетъ всѣми окружающими ее вершинами. Южный склонъ *Св. Николая* трудно проходимъ, потому что почти отвѣсный и каменистый. Съ правой стороны, на западъ отъ *Св. Николая*, идетъ, съ юга на сѣверъ, довольно глубокій и трудно проходимый долъ, внутреніе склоны котораго на южной сторонѣ покрыты высокимъ лѣсомъ, а на сѣверной — совершенно обнажены; верхнія покатости этого дола были изрѣзаны множествомъ ложбинъ, особенно въ восточной части, которыя шли одна за другой и поднимались въ видѣ вѣера къ сѣдловинѣ, составляющей водораздѣлъ между сѣвернымъ и южнымъ бассейнами рѣкъ. Въ одной изъ этихъ ложбинъ, которая будто прорыта проливнымъ дождемъ, быстро течетъ холодная и прозрачная, какъ слеза, вода; источникъ этой воды находится недалеко отъ „казармы;“ изъ этого источника пользовались водой солдаты праваго фланга позиціи для питья и варки пищи. На востокъ отъ *Св. Николая*, возвышенная мѣстность постепенно понижается и ея гребень имѣетъ видъ незначительнаго полукруга, который своимъ концемъ упирается въ шоссе. Эта часть позиціи, хотя и не столь отвѣсна и скалиста, но, опять таки, мало доступна; на востокъ отъ шоссе находится небольшая площадь, понижающаяся постепенно къ сѣверу, и окончи-

вающаяся къ востоку отвѣснымъ каменистымъ обрывомъ, по которому кой-гдѣ растутъ деревья; внизу у подошвы обрыва и далѣе къ востоку и на сѣверъ находится густолиственный и обширный лѣсъ буковыхъ и дубовыхъ деревьевъ; прямо къ югу отъ площади мѣстность совершенно открыта; черезъ нее проходитъ старая дорога въ село Шипку; по этой мѣстности кой-гдѣ имѣется слабая растительность. Только къ востоку отъ дола, который идетъ къ югу, начинается высокая роща, покрывающая все пространство къ востоку и юго-востоку до горы *Бердека*. Эта роща пестрѣетъ открытыми небольшими полянками. Сѣверный край рощи, на самой сѣдловинѣ, служащей водораздѣломъ между сѣвернымъ и южнымъ бассейнами, соединяется съ указаннымъ выше обширнымъ лѣсомъ.

Съ юго-восточной части площади начинается сѣдловина и идетъ къ востоку.

Эта часть позиціи наиболѣе доступна съ юга и юговостока и потому здѣсь была расположена турецкая дальнобойная *стальная* батарея, взятая у турокъ 6-го іюля. Эта батарея обстрѣливала все пространство къ югу и югу-востоку включительно съ горами *Сосокъ*, *Воронье гнѣздо* и *Бердекъ*. Здѣсь, съ обѣихъ сторонъ батареи были выкопаны ложементы для стрѣлковъ и резервовъ; съ правой стороны, къ западу — по гребню Св. Николая ложементы шли до самой вершины и, далѣе, поворачивая на своемъ правомъ флангѣ къ сѣверу почти подъ прямымъ угломъ, доходили до „казармы," и затѣмъ шли, извиваясь по сѣдловинѣ; съ лѣвой стороны *стальной* батареи ложементы шли сначала по сѣдловинѣ, а затѣмъ — по краю, отвѣснаго обрыва фронтомъ къ востоку.

Отъ „казармы" къ востоку, въ разстояніи около 100—150 шаговъ, есть источникъ, водой котораго пользовались II-я, III-я и V-я дружина для варки пищи и питья. Еще далѣе къ востоку отъ этого источника, въ лощинѣ, былъ другой источникъ, болѣе обильный водой, но дружины имъ ползовались только до утра 9-го августа. Вода изъ перваго источника протекала мимо сѣверныхъ подножій вышеуказанной площади. Прямо къ сѣверу отъ этой площади, чрезъ рѣчку, находилась другая площадь, болѣе обширная и ровная съ наклономъ къ югу и востоку. Эта послѣдняя площадь ограничивалась съ запада — шоссейной дорогой, съ юга — лощиной, по которой

Ополченцы укрѣпляютъ шипкинскую позицію.

Стр. 238—239.

протекала вода изъ перваго источника, съ востока — покатостью, поросшей кустарникомъ и орѣшникомъ, вначалѣ наклонной, а затѣмъ съ сѣверной стороны обрывистой; эта покатость внизу покрыта вѣковыми дубовыми, буковыми и другими деревьями; наконецъ, съ сѣвера площадь ограничивалась *круглой* батареей; послѣдняя прозвана *круглой* по виду возвышенности, на которой было построено укрѣпленіе для этой батареи.

Сѣверный склонъ горы Св. Николая хотя и обрывистъ, но доступенъ для движенія пѣхотныхъ частей. Отъ „казармы" до возвышенности Св. Николая — около одной версты; отъ этой „казармы" по сѣдловинѣ къ западу до *Зеленой горы* — 2 версты, а отъ *Зеленой* до *Лысой* горы въ томъ же направленіи — 2½ версты.

Еще въ первые дни, послѣ прихода Ополченія на Шипкинскую позицію, было сдѣлано распоряженіе объ укрѣпленіи послѣдней; но, какъ распоряженіе, такъ и исполненіе таковаго были вѣроятно сдѣланы только для очистки совѣсти или, скорѣе для того, чтобы имѣть право сказать, что по укрѣпленію позиціи производятся работы, а не для того, чтобы дѣйствительно построить полезныя и отвѣчающія своему назначенію укрѣпленія. Что таковая оцѣнка справедлива, свидѣтельствуютъ исполненныя работы. Для примѣра возьмемъ лѣвый участокъ позиціи. На правомъ флангѣ этого участка, близь источника, были вырыты въ одну линію нѣсколько незначительныхъ стрѣлковыхъ окоповъ, съ фронтомъ къ югу и юго-востоку, а въ 30—40 шагахъ за ними — другіе такіе же окопы для резервовъ; точно такіе же окопы были вырыты въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ этого участка позиціи. При этой работѣ, во многихъ мѣстахъ импровизованные саперы пользовались поваленными, на половину изгнившими деревьями, которыя просто засыпали небольшимъ количествомъ земли, причемъ самыя деревья не были углубляемы въ почву.

Вообще же всѣ окопы какъ для цѣпи, такъ и для ея резервовъ были сдѣланы небрежно и не отвѣчали своему назначенію какъ по своимъ профилямъ, такъ и по неприспособленности своей къ мѣстности.

Всѣ эти работы были произведены еще до возвращенія моего изъ Тырнова. Не знаю, считали ли эти работы законченными или ихъ прекратили за дождями, но знаю, что когда

возстановилась хорошая погода, никому не пришло въ голову продолжить работы по укрѣпленію позиціи.

Между тѣмъ, впослѣдствіи, въ тяжелые дни обороны Шипки, ея защитники испытали, сколь пагубной оказалась небрежность, съ какою производились работы по возведенію укрѣпленій позиціи.

Окопы въ другихъ частяхъ позиціи были сравнительно лучше; большая часть таковыхъ была сдѣлана еще турками.

Малочисленный Шипкинскій отрядъ, на которомъ лежала священная обязанность защищать высоты отъ нападеній арміи Сюлеймана, какъ указано выше, состоялъ изъ пяти дружинъ, десяти ротъ и трехъ съ половиной батарей.

Расположеніе этихъ частей и распредѣленіе командованія частями оборонительной линіи были слѣдующія:*) одинъ баталіонъ Орловскаго полка занималъ гору Св. Николая и мѣсторасположеніе *стальной* батареи, другой баталіонъ того же полка занималъ ложементы на правомъ флангѣ и составлялъ прикрытіе для средней, *круглой* батареи; двѣ роты этого полка находились на *полулысой* горѣ, впереди праваго фланга; II-я, III-я и V-я дружины Болгарского Ополченія занимали ложементы на лѣвомъ флангѣ; I-я и IV дружины и четыре горныхъ орудія составляли резервъ; дружины этого резерва были расположены на шоссе, въ тылу горы Св. Николая, а горныя орудія — впереди „турецкой казармы.“

Начальникомъ участка позиціи Св. Николая былъ назначенъ флигель-адьютантъ полковникъ графъ Толстой; начальниками: лѣваго фланга — флигелъ-адьютантъ полковникъ князь Вяземскій, а праваго фланга и тыла — полковникъ Депрерадовичъ; Депрерадовичъ, впослѣдствіи, командованіе тыломъ передалъ полковнику Липинскому, командиру Брянскаго полка, когда послѣдній прибылъ изъ Габрова. Дружины были расположены для обороны въ слѣдующемъ порядкѣ: II-я дружина на правомъ флангѣ лѣво-флангового участка позиціи т. е. на востокъ отъ шоссе и фронтомъ къ югу; передъ правымъ флангомъ дружины находился первый источникъ воды; этой дружиной командовалъ майоръ Куртьяновъ, но за его болѣзнью, вслѣдствіе сильной контузіи въ голову, полученной имъ отъ паденія орудія вмѣстѣ съ лошадьми при подъемѣ изъ с. Шипки на

*) См. планъ № 2.

Полковникъ князь Вяземскій,
командиръ II-й бригады Ополченія, начальникъ лѣваго
фланга позиціи Св. Николая на Шипкѣ.

Стр. 240—241.

высоты, командованіе было передано капитану Гурскому; III-я дружина заняла ложементы въ лѣво отъ II-й дружины, фронтомъ къ югу и юго-востоку; дружиной командовалъ шт.-рот. Чиляевъ; V-я дружина занимала лѣвый флангъ этого же участка — въ лѣво отъ III-ей дружины; наконецъ I-я, а впослѣдствіи, и IV-я дружины были расположены въ резервѣ, около „турецкой казармы“.

Дружины въ своихъ участкахъ были расположены въ двѣ линіи. Въ первой линіи отъ III-й дружины были 1-я и 2-я роты, а во второй — 3-я и 4-я роты.

Командиры III-й и V-й дружинъ, при осмотрѣ участковъ, назначенныхъ для обороны повѣренными имъ дружинами, нашли, что и безъ того незначительная площадь обстрѣла, имѣвшаяся предъ стрѣлковыми ложементами, уменьшалась еще болѣе вслѣдствіе того, что мѣстность впереди послѣднихъ была покрыта кустарникомъ, и потому приказали ротнымъ командирамъ распорядиться немедленной очисткой мѣстности впереди ложементовъ и на возможно далекое разстояніе. Но это распоряженіе можно было исполнить только въ сторонѣ праваго фланга участка III-й дружины и отчасти въ сторонѣ центра; въ сторонѣ же лѣваго фланга того же участка, плоская возвышеность сразу понижалась къ востоку, а окопы были вырыты по ея покатости до самаго верха, покрытаго густымъ лѣсомъ; такой же лѣсъ былъ передъ ложементами V-й дружины, отъ нихъ къ сѣверу, за исключеніемъ мѣстности на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого участка позиціи, близь *круглой* батареи; эта послѣдняя мѣстность была доступна, такъ какъ, кромѣ того, что на ней не было лѣса, но она была и покатиста, а потому и была покрыта фугасами. Начиная съ лѣваго фланга III-й дружины и до этихъ фугасовъ, впереди позиціи, были сдѣланы просѣки и повалены на нихъ большія вѣтвистыя деревья.

Накануне шипкинскаго боя, ротами III-й дружины командовали слѣдующіе офицеры: 1-й ротой — я, 2-й — прапорщикъ Большовъ, 3-й — вмѣсто раненаго шт.-кап. Попова, подпоручикъ Людницкій и 4-й — вмѣсто контуженнаго шт.-кап. Стеселя прапорщикъ Юнгеръ; дружиннымъ адъютантомъ былъ назначенъ шт.-кап. Сокальскій. Ротными командирами въ другихъ дружинахъ, за нѣкоторыми исключеніями, оставались тѣ же лица, какія были назначены еще въ Плоэштахъ.

Когда III-я дружина заняла свой участокъ и были мной отданы нужныя распоряженія по ротѣ, я, съ разрѣшенія дружиннаго командира, пошелъ на вершину св. Николая, съ цѣлью увидѣть движенія непріятеля по направленію къ Шипкѣ, начавшіяся сегодня, въ 2 ч. по полудни. Точно въ четыре часа я пришелъ на вершину и увидѣлъ всю армію Сулеймана-паши; нѣсколько ея колоннъ уже были близко села Шипки; правый ея флангъ былъ расположенъ въ направленіи къ с. Енинѣ, а лѣвый — къ с. Шейнову. Я все время наблюдалъ въ бинокль за сосредоточеніемъ этой арміи около Шипки и изъ общаго ея расположенія понялъ, что Сулейманъ готовится аттаковать шипкинскую позицію. Я старался подсчитать количество войскъ и нашелъ, что было не мѣнѣе 40 и не болѣе 50 таборовъ, кромѣ многочисленной кавалеріи и артиллеріи. Вся эта армія на нашихъ глазахъ перестроилась въ нѣсколько линій. При этомъ, когда головная колонна лѣваго фланга подалась значительно впередъ, съ вершины Св. Николая грянули орудійныя выстрѣлы: наша 9-ти фунтовая батарея открыла огонь по этой колоннѣ и заставила ее отступить назадъ.

Вернувшись съ горы, по приглашенію Чиляева, я зашелъ къ нему напиться чаю. Послѣ чаю, при уходѣ, Чиляевъ мнѣ подалъ свертокъ, въ которомъ было 40 полуимперіаловъ.

— „Это вамъ за хорошее командованіе дружиной и ее продовольствованіе съ 19-го іюля по 8-ое августа,“ сказалъ Чиляевъ.

Эта награда была для меня неожиданной.

Я уже говорилъ, что одновременно съ полученіемъ извѣстій о наступленіе турокъ, стали собираться и отлучившіеся ополченцы; этотъ фактъ далъ поводъ офицерамъ говорить, что „ополченцы на бой собираются какъ орлы на падаль,“ и дѣйствительно, ополченцы теперь оживились, и въ ихъ глазахъ можно было видѣть радость, но въ глубинѣ ихъ души таились безпокойство и озабоченность:

— „Эхъ, отчего у насъ нѣтъ хорошихъ ружей, хотъ бы намъ дали *кримки?* говоривали ополченцы, вспоминая эпизоды изъ старозагорскаго сраженія.

— „Будь у насъ тогда хорошія ружья, турки, пожалуй, не бросались бы на насъ нахально, будто слѣпые . . . мы бы ихъ какъ траву покосили, когда они въ безпорядкѣ бѣжали отъ насъ, съ криками алла, алла!“ говорилъ одинъ изъ ополченцевъ.

— „Гдѣ ужъ тутъ было „покосить,“ вспоминалъ собесѣдникъ: „когда *щелкаешь, щелкаешь,* а ружье не беретъ да и только; сколько разъ бывало, прицѣлишься въ того турецкаго офицера, что былъ на бѣлой лошади и бросался съ шашкой на голо какъ бѣшенный на своихъ бѣжавшихъ отъ страху солдатъ, прицѣлишься... щелкъ! да не тутъ-то было — ружье не беретъ... тогда я бросилъ свое ружье и взялъ у одного раненаго, да опоздалъ: Гека Мариновъ уже успѣлъ положить турка, лошадь одна бѣгала, какъ дикая...“

Въ 9 часовъ вечера прибылъ изъ Габрова и остававшійся тамъ баталіонъ Орловскаго полка.

Ночью, въ направленіи къ югу, послышались ружейные выстрѣлы; послѣ мы узнали, что это турки изъ с. Шипки стрѣляли по IV-й дружинѣ, которая, на разсвѣтѣ, 9-го августа, была принуждена отступить и остановилась около I-й дружины у „турецкой казармы.“

X.

Первый день турецкихъ аттакъ. — Камни вмѣсто пуль. — Турецкія пули въ резервахъ. — Аттака турокъ 10-го августа. — Турецкіе стрѣлки. — Лунное затменіе. — Ослиное семейство. — Канунъ 11-го августа.

9-ое августа. Какъ только разсвѣло, весь шипкинскій отрядъ былъ на ногахъ и взоры всѣхъ инстинктивно обратились по направленію къ непріятелю. При первомъ же взглядѣ, мы замѣтили, что на горѣ *Бердекъ* сильное движеніе; надо было полагать, что тамъ непріятелемъ возводились укрѣпленія для артиллеріи.

Было 7 часовъ утра, когда съ дальнобойной *стальной* и 9-ти фунтовой нашихъ батарей раздались первые выстрѣлы, откликнувшіеся эхомъ по Балканамъ; за первыми выстрѣлами слѣдовали вторые, третіе и наконецъ залпы, но все-таки они отнюдь не помѣшали непріятелю поднять свои орудія на гору *Бердекъ* и, часамъ къ 10-ти утра, открыть съ своей стороны огонь по нашей позиціи, направляя выстрѣлы, главнымъ образомъ, на нашу 9-ти фунтовую батарею. Можно было пред-

положить, что непріятель намѣревался съ своими главными силами наброситься на лѣвый флангъ, гдѣ была *стальная* батарея, поэтому, еще въ 9 часу утра, было приказано I-й и IV-й дружинамъ и двумъ ротамъ Орловскаго полка, изъ резерва перемѣститься къ этой батареѣ.

Ложементы, какъ IV-й дружины, такъ и находившіеся на горѣ Св. Николая отчасти обстрѣливались изъ *девятиглазки* во флангъ; но, еще въ самомъ началѣ боя, наша артиллерія подбила одно орудіе на *девятиглазкѣ;* мы этимъ словомъ прозвали турецкую батарею на *Бердекѣ*, потому что послѣдняя смотрѣла на насъ девятью амбразурами.

Около 11-ти часовъ, передъ обѣдомъ, въ сторонѣ нашего лѣваго фланга показались колонны турецкой пѣхоты; они спускались со стороны *Бердека*, проходя по невысокому и съ прогалинами лѣсу и направляясь къ нашей *стальной* батареѣ. Наши артиллеристы съ вниманіемъ слѣдили за этимъ движеніемъ и поджидали моменты, когда эти колонны появлялись въ прогалинахъ лѣса: осыпали тогда гранатами и шрапнелью со всѣхъ трехъ батарей двигавшіеся разсыпаннымъ строемъ турецкія колонны и производили страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ. Въ тоже время наши артиллеристы не только поддерживали огонь противъ турецкой *девятиглазки*, но и стрѣляли по наступавшимъ колоннамъ, цѣлясь по направленію движенія частей, т. е. въ ту часть лѣса, въ которой скрывались наступавшіе турки; выстрѣлы были вѣрны и мѣтки, *били въ мясо*, какъ выражались ополченцы, потому что разстоянія во всѣхъ направленіяхъ были точно опредѣлены. Нѣкоторыя непріятельскія колонны спускались въ лощину, нисходившую къ с. Шипкѣ, откуда выходили на *старую* дорогу и затѣмъ вмѣстѣ съ тѣми, которыя наступали по шоссе и по гребню высотъ, заканчивавшихся вершиной Св. Николая, приближались къ своей цѣли — пункту аттаки. Другія, чтобы приблизиться къ *стальной* батареѣ и къ ложементамъ IV-й дружины съ восточной стороны, пользовались прикрытіемъ, какое представлялъ низкорослый лѣсъ на сѣдловинѣ. Наконецъ третія большими массами двигались за гребнемъ *бердекской* горы, появлялись на сѣдловинѣ и оттуда уходили въ густой и высокій лѣсъ, и изъ лѣсу уже однѣ направлялись къ нашему лѣвофланговому участку позиціи, а другія — къ нашей ахилесовой пятѣ — *стальной* батареѣ и къ IV-й дружинѣ; эти наступающія части, скрываясь въ густотѣ

Орловцы встрѣчаютъ аттаку турокъ камнями и ручными гранатами на Шипкѣ.

лѣса, приближались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ нашимъ позиціямъ на 40—50 шаговъ, и поражали насъ мѣткими выстрѣлами изъ лѣсной гущи, а затѣмъ, по общему сигналу бросались въ аттаку на наши укрѣпленія, какъ бѣшеныя.

Не бездѣйствовала и турецкая кавалерія; большими массами кавалерія тоже направлялась со стороны *Бердека* прямо къ сѣверу, и, проходя мимо *Вороньяго Гнѣзда* (гора похожая по формѣ на гнѣздо), виднѣвшагося, черезъ просторъ надъ большимъ доломъ, на юго-востокѣ отъ расположенія III-й дружины, скрывалась за выступами горъ; было понятно, что такое движеніе кавалеріи имѣло лишь значеніе демонстраціи, такъ какъ мѣстность, по которой она двигалась была весьма пересѣченная и неудобная для кавалерійскихъ дѣйствій.

Первые ружейные выстрѣлы со стороны непріятеля послышались около 12 часовъ. Непріятельская цѣпь была разсыпана далеко отъ нашихъ ложементовъ и постепенно, двигаясь въ головѣ густыхъ колоннъ, приближалась къ нашимъ укрѣпленіямъ; по мѣрѣ приближенія противника, учащались и ружейные выстрѣлы, пока наконецъ не переходили въ общій гулъ стрѣльбы; въ то же время со стороны горы *Бердека* и вѣроятно и со стороны шоссе и западнаго дола продолжали наступать новыя колонны.

Наконецъ, сразу забили турецкіе барабаны и затрубили трубы по всей боевой линіи турокъ и эхо разнесло далеко по доламъ и горамъ эти звуки, и спустя немного послышались зловѣщіе клики: *алла, алла,* изъ тысячей глотокъ. Турецкія колонны, предшествуемыя густой цѣпью и поддержанныя учащеннымъ пушечнымъ огнемъ, бросились какъ бѣшеныя на наши ложементы по всей линіи, но самый сильный натискъ былъ направленъ на *стальную* батарею, такъ какъ къ ней концентрически двигались колонны съ разныхъ сторонъ, и потому, конечно, что этотъ пунктъ былъ у насъ слабѣйшій; въ этомъ пунктѣ, при первой же аттакѣ, дружины встрѣтили турокъ градомъ камней, а Орловцы — ручными гранатами. Когда турки бросились на наши ложементы, по всей линіи, среди грома отъ выстрѣловъ нашей и турецкой цѣпи, раздались дружные ружейные залпы, повторенные нѣсколько разъ и затѣмъ стрѣльба по всей линіи уменьшилась, а выстрѣлы турецкой цѣпи послышались уже изъ далека. Аттака была отбита. Турки, встрѣченные мѣткими выстрѣлами нашей цѣпи и убійственными зал-

пами резервовъ, обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ

Послѣ первой аттаки, послѣдовала вторая, но и она была отбита съ полнымъ успѣхомъ и съ большими потерями у непріятеля.

Между тѣмъ со стороны *Бердека,* черезъ лѣсъ, будто сыпались какъ изъ мѣшка новыя и новыя колонны, спѣшившія на помощь отраженнымъ; опять учащается стрѣльба — предвѣстница новой аттаки; въ это время, одна турецкая граната попадаетъ въ зарядныя ящикъ, въ тылу *стальной* батареи и IV-й дружины; появляется цѣлое облако дыма и затѣмъ страшный взрывъ, сопровождаемый жужжаніемъ гранатъ и пуль; нѣсколько лошадей, стоявшихъ вблизи, сорвались отъ испуга съ коновязи и скакали по позиціи; этотъ взрывъ произвелъ путаницу въ участкѣ у *стальной* батареи и IV-й дружины, и даже стрѣлки перестали стрѣлять и повернулись посмотрѣть, что случилось въ ихъ тылу; въ этотъ именно моментъ турецкіе барабаны забили, затрубили трубы и затѣмъ послышались крики: *алла, алла,* а имъ въ отвѣтъ — команды по всей линіи: рота, пли! рота, пли! Дружные выстрѣлы, были въ свою очередь отвѣтомъ на эти команды, а еще немного . . . и раздалось громовое и потрясающее „ура,“ смутившее турокъ — это IV-я дружина и роты Орловскаго полка у *стальной* батареи бросились во встрѣчную туркамъ аттаку. Удачная стрѣльба и, еще важнѣе, дружная работа штыками заставили непріятеля бѣжать въ полномъ безпорядкѣ, да еще подъ учащеннымъ огнемъ изъ цѣпи.

Солдаты *низама* молодецки оттаковывали, въ этомъ имъ отказать нельзя; они, какъ слѣпые, лезли на наши ложементы и ползли по скаламъ: говорятъ, что передъ аттаками имъ давали опіумъ, не даромъ они столь стремительно и безстрашно лезли на наши штыки. Но еще съ большей храбростью и съ большимъ безстрашіемъ встрѣчали ихъ штыками малочисленные защитники шипкинскихъ высотъ.

Три дружныхъ, стремительныхъ аттаки мы успѣли отбить съ большимъ успѣхомъ и съ большимъ урономъ у непріятеля; раненые валялись и корчились въ предсмертной агоніи передъ нашими ложементами, нѣкоторые, легко раненые, турки ползкомъ отступали и не были преслѣдуемы нашими выстрѣлами; одинъ изъ ополченцевъ было попробовалъ прицѣлиться и

Ополченцы V-й дружины — на готовѣ встрѣтить аттакующихъ турокъ.

„убить не добитую сабаку“ какъ онъ выражался, но товарищи ему этого сдѣлать не позволили:

— „Оставь раненаго и береги пулю для здоровыхъ, а этотъ пусть идетъ къ своимъ и разскажетъ, какъ сражаются *гяуры-комиты*.“

Казалось, что слѣдовало бы послѣ отбитыхъ аттакъ турецкому начальству призадуматься и порыться мысленно въ страницахъ тактики, а не мучиться пробивать стѣну лбомъ, и мы были увѣрены, что послѣ третьей аттаки наступитъ пауза и мы отдохнемъ! Но не тутъ то было! Снова начались ружейные выстрѣлы, и на этотъ разъ, почти подъ нашимъ носомъ, передъ ложементами III-й и V-й дружинъ; снова затрубили трубы и забили барабаны . . . снова залпы, а за ними дружное „ура“ разносится по всей позиціи и замираетъ въ пространствѣ . . . смущенные турки снова отступаютъ и даже прекращаютъ стрѣльбу.

Вскорѣ турки привыкли къ нашему „ура,“ къ нашей ложной аттакѣ и уже не останавливали стрѣльбы, а напротивъ, учащали ружейный огонь и тѣмъ наносили намъ чувствительныя потери; это обстоятельство заставило насъ не злоупотреблять страшнымъ для турокъ „ура.“

Около половины пятаго, послѣ обѣда, я замѣтилъ, что ополченцы IV-й дружины разсыпались сзади своихъ ложементовъ и почему-то наклонялись къ землѣ, какъ бы собирая грибы; я недоумѣвалъ въ чемъ дѣло, но вскорѣ вопросъ разрѣшился: когда снова затрубили трубы и турки бросились въ аттаку, ополченцы IV-й дружины, вмѣсто залповъ, встрѣтили врага градомъ камней; позднѣе я узналъ, что Орловцы на горѣ Св. Николая тоже практиковали такой способъ; мѣстность способствовала такому способу сраженія, да и камней имѣлось въ изобиліи.

Послѣ полудни мы замѣтили на шоссе движеніе войскъ, направлявшихся къ намъ со стороны *круглой* батареи; на позиціи начали кричать: „помощь, помощь идетъ!“ и дѣйствительно къ намъ на помощь прибылъ Брянскій полкъ. Цѣлый полкъ — это не мало, но, не смотря на то, все-таки отрядъ далеко не отвѣчалъ, по количеству, своему назначенію — отбить непріятеля, въ десять разъ сильнѣйшаго, и удержать за собой шипкинскую позицію. Изъ ополченцевъ, впрочемъ, никто не сомнѣвался въ томъ, что мы удержимъ

позицію, не смотря на многочисленность турокъ и ихъ превосходное вооруженіе.

Подъ вечеръ, ружейный и артиллерійскій огонь началъ мало по малу уменьшаться, а когда стемнѣло, почти совсѣмъ прекратился; лишь кой-гдѣ на турецкой позиціи раздавались отдѣльные выстрѣлы.

Итакъ, сегодняшній бой окончился, окончился блистательно для защитниковъ шипкинскихъ высотъ: двѣ фронтальныхъ и девять отчаянныхъ съ горы *Малаго-Бердека* аттакъ, предпринятыхъ непріятелемъ, въ періодъ времени съ 12-ти часовъ дня до сумерокъ, были отбиты съ большимъ для него урономъ. Но турки не ограничились этими аттаками: въ 9 часовъ вечера снова повели стремительную аттаку противъ лѣваго фланга позиціи и горы Св. Николая, но и на этотъ разъ были отброшены съ большими потерями.

Наши потери, сравнительно и при такомъ ожесточенномъ боѣ, были очень не велики, но онѣ были очень чувствительны для нашего малочисленнаго отряда. Впрочемъ, наши небольшія потери объяснялись тѣмъ, что мы, все же до нѣкоторой степени, были прикрыты въ нашихъ ложементахъ, тогда какъ турки наступали густыми колоннами въ мѣстности, хотя и пересѣченной, но хорошо обстрѣливаемой, исключая нашего лѣваго фланга, гдѣ непріятель могъ безнаказанно приблизиться къ намъ на 40—50 шаговъ.

Наша шипкинская позиція, въ первый же день ея защиты, оказалась вовсѣ не такой „неуязвимой“ твердыней, за какую ее многіе считали. Напротивъ, хотя непріятель и обстрѣливалъ нашу позицію только съ фронта, но за то врядъ ли на ней нашлась бы хотя одна пядь земли, которая бы не была поражаема и прямыми и навѣсными непріятельскими выстрѣлами и пушечными и ружейными; это было видно и изъ потерь, которыя несли наши части, находившіяся въ резервѣ.

— „Съ удовольствіемъ помѣнялись бы мѣстами съ первой линіей!“ говоривали и офицеры и солдаты въ резервѣ: „мы въ резервѣ будто и прикрыты окопами, а раненые и убитые то и дѣло выбываютъ изъ строя.“

Въ ложементахъ мнѣ казалось както тѣсно и потому я часто выходилъ осматривать стрѣлковую цѣпь моей роты, и не разъ мнѣ приходилось наблюдать, какъ ополченцы, когда не было турецкихъ аттакъ, одни, сидя на одномъ колѣнѣ или

IV-ая дружина отражаетъ турокъ камнями.

ежа, перестрѣливались съ турками, а другіе тесакомъ или инемановской лопатой старались углублять свои окопы; еще ъ началѣ боя, ополченцы поняли, что стрѣлковые окопы не твѣчаютъ своему назначенію: пули не только падали чрезъ рустверъ ложементовъ, но и пронизывали верхнія части сага бруствера; но линемановскими лопатами и тесаками мало ожно было помочь дѣлу, особенно на каменистой почвѣ ашихъ позицій.

— „Смотрите, смотрите, ваше благородіе, откуда носятъ атроны для тѣхъ турокъ, что, вонъ тамъ, засѣли между скалъ, одъ ложементами IV-й дружины!“ показывалъ мнѣ одинъ изъ полченцевъ.

И дѣйствительно я увидѣлъ, какъ двое турокъ погоняли авьюченную патронными ящиками лошадь по такой мѣстости, гдѣ и человѣку трудно было, казалось, пройти.

— „Погоди-ка, мы васъ угостимъ!“ сказалъ ополченецъ Келѣзковъ, подзывая къ себѣ нѣсколькихъ товарищей, хорошихъ стрѣлковъ. Собравшіеся стрѣлки прицѣлились и по омандѣ Желѣзкова, выстрѣлили и очень удачно: разстояніе ыло около 500 шаговъ, а ополченцы пристрѣлялись къ мѣстости, и ихъ залпъ свалилъ одного турка и лошадь, а другой урокъ скрылся въ гущѣ лѣса.

— „А вотъ, смотрите на того, вишь, какъ размахался аблей!“ вскрикивалъ кто-то изъ ополченцевъ, указывая на турецкаго офицера, шедшаго во главѣ густой цѣпи; ополченецъ рицѣлился, выстрѣлилъ и этотъ офицеръ свалился какъ снопъ.

Въ подобныхъ занятіяхъ проходила большая часть времени въ цѣпи у ополченцевъ.

Подбодривъ нѣсколькими словами ополченцевъ, узнавъ тъ унт.-офицера Козлова о количествѣ остававшихся еще атроновъ и приказавъ ему доносить мнѣ о каждой подробности, какія бы были имъ замѣчены на непріятелской сторонѣ, отправился, подъ градомъ пуль, въ резервъ, къ дружинному командиру, доложить о состояніи ложементовъ и дѣйствіяхъ роты.

Командиръ былъ въ это время въ III-й ротѣ: я его засталъ въ ложементахъ на правомъ флангѣ роты. Онъ пригласилъ меня сѣсть, что я и поспѣшилъ сдѣлать, такъ какъ пули о и дѣло что свистѣли мимо моихъ ушей; не успѣлъ я еще усѣсться, какъ слѣдуетъ, какъ надъ самымъ ухомъ послы-

шался сухой трескъ и затѣмъ оханье: ополченецъ Георгіевъ, сидѣвшій по лѣвую сторону, на шагъ сзади меня, былъ убитъ пулей, которая неминуемо должна бы была попасть мнѣ въ голову, если бы не торчавшій сукъ отъ ствола дерева, лежавшаго на краю ложемента, въ качествѣ бруствера; пуля ударилась въ этотъ сукъ и, измѣнивъ направленіе полета, попала вмѣсто моей головы, находившейся за этимъ сукомъ, въ ополченца Георгіева. Немного погодя, послышалось оханье и на лѣвомъ флангѣ роты; ротный фельдшеръ И. Раевскій, почти что ползкомъ, отправился туда помочь раненому ополченцу.

— Однако, васъ здѣсь, въ резервѣ, турки еще лучше угощаютъ пулями, чѣмъ насъ, хотя мы и въ первой линіи, обратился я къ Чиляеву.

— „Проклятые турки! Отъ ихнихъ пуль, просто носа нельзя показать,“ отвѣтилъ Чиляевъ, вставая съ мѣста, чтобы отправиться на лѣвый флангъ, посмотрѣть раненаго ополченца.

— „Константинъ Борисовичъ, право вы напрасно и безъ нужды выставляете себя подъ пули,“ обратился дружинный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Сокальски, не трогаясь съ своего мѣста, къ Чиляеву, когда тотъ возвратился обратно: „офицеры не должны безъ нужды бравировать своимъ молодечествомъ и должны себя беречь, чтобы въ рѣшительную минуту быть на мѣстѣ и исполнить свой долгъ.“

Чиляевъ двусмысленно взглянулъ на Сокальскаго и ничего ему не отвѣтилъ.

— Штабсъ-капитанъ — дружиннымъ адъютантомъ, а прапорщики и подпоручики командуютъ ротами, подумалъ я, смотря на растянувшагося въ ложементѣ Сокальскаго.

— „Не забудьте, пожалуйста, еще до вечера отправить солдатъ за шанцовыми инструментами!“ приказалъ Чиляевъ адъютанту, выслушавъ мой докладъ о состояніи ложементовъ въ цѣпи: „относительно же работъ въ ложементахъ послѣдуетъ распоряженіе!“ закончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Посидѣвъ еще немного у дружиннаго командира, я вернулся въ роту; къ тому же, усилившаяся пушечная и ружейная пальба со стороны непріятеля давала поводъ предположить о подготовленіи турокъ къ новой аттакѣ.

Едва я усѣлся въ ложементѣ, какъ почувствалъ сильный ударъ сзади, въ лѣвое плечо; ударъ былъ столь силенъ, что у меня отъ боли потемнѣло въ глазахъ — это былъ осколокъ

Стр. 250—251.

Ополченцы въ ложементахъ на Шипкѣ.

ранаты, вѣсомъ около одного фунта. Осколокъ оказался отъ ашей гранаты, пущенной изъ *круглой* батареи; дѣло въ томъ, то далеко сзади насъ, въ направленіи къ *круглой* батареи, ѣдко росли нѣсколько высокихъ буковыхъ деревьевъ, чрезъ ролеты между которыми *круглая* батарея посылала свои снаяды въ турецкую *девятиглазку;* вѣроятно, какая либо граата зацѣпила одно изъ этихъ деревьевъ и на лету разорвaась и, такимъ образомъ, одинъ изъ осколковъ рикошетомъ опалъ мнѣ въ плечо. Отъ этого удара дурныхъ послѣдствій ля меня никакихъ не было.

Стало уже темно, насколько это возможно въ лѣтнюю унную ночь. Всѣ были сильно уставши и физически и отъ остояннаго нервнаго напряженія въ теченіи дня, и потому отовились, послѣ скромнаго ужина залечь спать и подкрѣиться силами къ слѣдующему дню. Но, пока мечтали объ тдыхѣ, вся позиція огласилась знакомой уже ружейной и пуıечной пальбой, сопровождаемой криками: *алла, алла,* тыячи голосовъ.

Это было сегодня послѣднее усиліе турокъ взять *стальую* батарею, но и въ этотъ разъ напрасно: защитники ея не ремали, они встрѣтили нежеланныхъ, хотя и ожидавшихся остей, какъ и подобало; турки были отбиты и на этотъ разъ отступили въ полномъ безпорядкѣ, оставивъ раненыхъ и битыхъ подъ самыми нашими ложементами. Такимъ образомъ, ъ этотъ день, турки аттаковывали нашу позицію со всѣхъ торонъ, кромѣ нашего лѣваго фланга, на который была наравлена лишь усиленная срѣльба; особенно были жестоки и льны аттаки турокъ на *стальную* батарею и вершину Св. иколая. Въ этотъ день, аттаки турокъ стоили имъ болѣе ,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Послѣ этой послѣдней аттаки, ополченцы начали бродить о позиціи, но, конечно, не всѣ: въ стрѣлковыхъ ложементахъ полченцы оставались въ полной готовности встрѣтить въ аждую минуту турокъ, а въ резервахъ — часть ополченцевъ сталась на мѣстѣ, готовой для поддержки, въ случаѣ нужды ъ стрѣлковой цѣпи, а другіе: кто ушелъ за водой, понятно, омандой, кто — сѣлъ ужинать, а кто — принялся окапыаться, хотя шанцовыхъ инструментовъ изъ дружины еще не риносили. Я отправился въ цѣпь и распорядился поставить впеэди ложементовъ, шагахъ въ 15—20, секреты; дальше поставить

было и нельзя, такъ какъ турки находились столь близко, что слышенъ былъ ихъ говоръ. Затѣмъ, хотя въ ротѣ и были еще патроны, но въ предположенiи, что на слѣдующiй день можетъ не хватить, я послалъ по два человѣка отъ взвода еще принести патроновъ, тѣмъ болѣе, что отправлять солдатъ за патронами днемъ значило отправлять ихъ на вѣрную смерть, такъ какъ засѣвшiе въ лѣсу, подъ ложементами IV-й дружины, турецкiе стрѣлки открывали залповой огонь даже по отдѣльно проходившимъ людямъ, и на нашемъ лѣво-фланговомъ участкѣ просто таки не было и пяди мѣста, которую бы не обстрѣливали эти стрѣлки, не говоря уже о пуляхъ, пролетавшихъ тамъ же, отправляемыхъ непрiятелемъ съ юга по *стальной* батареѣ и вершинѣ Св. Николая; благодаря такому положенiю и на перевязочный пунктъ для первой помощи, помѣщавшiйся въ „казармѣ" на шоссе, отправлялись только тяжело раненые, а легко раненые или оставались совсѣмъ при своихъ ротахъ, или должны были ожидать наступленiя вечера, чтобы идти на пунктъ навѣрняка не рискуя быть убитыми. Главный перевязочный пунктъ находился, около турецкой сторожки, сзади позицiи, въ мѣстности, называемой Червеный Брегъ.

Многiе раненые, впрочемъ, и съ перявязочнаго пункта возвращались въ свои роты:

— „Когда покончимъ съ врагомъ, тогда уже пойдемъ въ больницу," говоривали легко раненые ополченцы.

Было темно уже, когда ко мнѣ явился мой Трайко:

— „Ваше благородiе, проклятые турки сегодня ранили въ животъ вашу лошадь," отрапортовалъ Трайко.

— Какъ же такъ? Вѣдь я тебѣ приказалъ далеко назадъ уйти съ лошадью! возразилъ я.

-- „Я стоялъ вмѣстѣ съ прочими деньщиками, вблизи Червенаго Брега," отвѣтилъ Трайко: „тамъ то ее и ранили; но лошадь вѣроятно выздоровѣетъ, потому что ѣстъ и идетъ, какъ и раньше."

Извѣстiе о пораненiи лошади, послѣ всего видѣннаго въ теченiи дня, не произвело на меня никакого впечатлѣнiя.

Ѣда сегодня у насъ была очень плоха; теплой пищи для солдатъ не готовилось. Но мой деньщикъ обо мнѣ позаботился: онъ мнѣ принесъ хлѣба, кусокъ вареной говядины, мѣстнаго сыра и нѣсколько яицъ (удивительно! откуда онъ раздобылъ яйца?), а главное, принесъ чайникъ горячей воды

и чай; съ этой провизіей, по приглашенію дружиннаго командира, я отправился въ 3-ю роту, гдѣ уже были собравшись другіе офицеры; тамъ же засталъ я кромѣ прочихъ и поручика Лебедева и подпоручика Алексѣева.*) Всѣ приготовлялись ужинать, но увидавъ деньщика Трайко съ большимъ мѣднымъ чайникомъ горячей воды въ рукахъ, набросились на него съ кликами: „голубчикъ, дай чашку чаю“; такъ мы всѣ съ необычайнымъ аппетитомъ напились чаю, хотя таковой по наружному виду скорѣе походилъ на какую то бурду, а по вкусу — на воду съ глиной, чѣмъ на чай.

Было уже поздно вечеромъ, когда работа по укрѣпленію позиціи окончилась; говоря *окончилась*, я не хочу тѣмъ сказать, что ложементы были приведены въ такое состояніе, какое требовалось, напротивъ, было сдѣлано очень мало изъ того, что требовалось, а лишь то, что было возможно сдѣлать, не имѣя шанцовыхъ инструментовъ; кромѣ того надо было прекратить работы, такъ какъ и солдаты нуждались въ отдыхѣ и снѣ.

Не смотря на позднее время и утомленіе, многіе и изъ ополченцевъ не спали и, сидя группами, дѣлились между собой впечатлѣніями минувшаго дня. Непріятель тоже не сидѣлъ сложа руки: было слышно какъ и на ихъ сторонѣ окапывались и вообще принимались разныя мѣры на всякій случай.

Ночь была тихая, теплая и свѣтлая; лишь отдѣльные, раздававшіеся кой-гдѣ по позиціи ружейные выстрѣлы нарушали ночную тишину; соловьи, оглашавшіе своимъ чуднымъ пѣніемъ прошлыя ночи, и тѣ замолкли въ эту ночь, и, вѣроятно, испуганные выстрѣлами, послѣдовали примѣру забалканскихъ бѣглецовъ и улетѣли.

Въ такую теплую ночь и подъ вліяніемъ горнаго балканскаго воздуха усталость еще болѣ давала о себѣ знать: и, казалось, стоило лишь прислониться, чтобы мгновенно заснуть; но между тѣмъ полночь давно уже прошла, а уставшіе защитники Шипки все еще не могли заснуть и эта чудная ночь была для нихъ длинной и мучительной.

10-е августа. Наконецъ ночь уступила мѣсто второму дню нашей защиты, дню 10-го августа. Лишь только разсвѣло, съ турецкихъ позицій загремѣли пушечные выстрѣлы, а за ними затрещали и ружейные. Еще не много и вновь забьютъ

*) Вновь прибывшіе въ Ополченіе офицеры.

барабаны, затрубятъ трубы, снова увидимъ многія тысячи фесокъ, живой стѣной надвигающіяся на нашу позицію, а затѣмъ новые клики: *алла, алла,* и наши новые дружные залпы . . . и горсть защитниковъ Шипкинскй позиціи, вполнѣ готовая встрѣтить своихъ враговъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила и ожидала появленія послѣднихъ

Но, къ удивленію нашему, солнце уже было высоко, а ни барабановъ, ни трубъ еще не было слышно; лишь пушки и ружья продолжали гремѣть, давая, какъ говорится, рѣдкіе, но мѣткіе выстрѣлы: „сегодня турки все *въ мясо стрѣляютъ,*" выражались про такую стрѣльбу ополченцы.

Эта сровнительная со вчерашнимъ днемъ тишина, какъ бы предвѣщала бурю.

Нашей артиллеріи, разстрѣлявшей за вчерашній день большую половину своихъ зарядовъ, былъ отданъ приказъ рѣже отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы и стрѣлять въ случаѣ лишь рѣшительнаго наступленія непріятеля: этотъ приказъ особенно относился къ *стальной* батареѣ, въ которой оставалось на орудіе не болѣе десяти снарядовъ.

Наши стрѣлки тоже рѣдко отвѣчали туркамъ, но давали вѣрные выстрѣлы; прочіе солдаты въ резервахъ оставались безъ движенія: одни лежали, другіе сидѣли въ окопахъ; тяжело находиться было въ такой обстановкѣ — быть, какъ бы прикованнымъ къ ложементамъ, и въ то же время подъ непріятельскими пулями сидѣть безъ движенія, не зная и не видя, откуда летятъ эти пули: нервы напряжены до нельзя, въ умѣ рисуются мрачныя картины, а въ сердцѣ чувствуется гнетущая боль подъ вліяніемъ неизвѣстности о томъ, какая участь ожидаетъ Шипкинскій отрядъ, а съ нимъ цѣлую армію, а слѣдовательно и Болгарію.

— „И отъ чего только не присылаютъ помощи?! Погнали бы мы этихъ поганцевъ и избавились бы отъ этого мученія сидѣть какъ кротамъ въ норѣ!" говоривали ополченцы.

Я перешелъ изъ резервныхъ въ стрѣлковые ложементы и пули тотчасъ засвистѣли и начали падать вокругъ меня.

— „Ваше благородіе, идите сюда скорѣй, садитесь, а не то проклятый арабъ того и гляди, что васъ свалитъ!" заговорили ополченцы лѣво-флангаваго ложемента.

Хотя и изъ резервныхъ ложементовъ хорошо было видно, что дѣлается на турецкой позиціи, но я все таки спросилъ

Юнкеръ А. Блысковъ (въ чинѣ прапорщика).

. 254—255.

олченцевъ, что и какъ у нихъ и у непріятеля и много ли алили турокъ. Взводный командиръ, приблизившись ко мнѣ, рапортовалъ, что въ его взводѣ сегодня выбыли изъ строя инъ убитый и одинъ раненый, но что послѣдній пожелалъ таться въ строю.

— „Ждемъ, ваше благородіе, аттаки, и готовы угостить рокъ нашими залпами; но нынче проклятые съ мѣста не югаются: вонъ, посмотрите, сидятъ въ тѣни, будто солнца ɔятся, и оттуда то и дѣло пострѣливаютъ,“ говорили ополченцы, казывая на одного араба, засѣвшаго съ товарищами — стрѣлами за вѣтвями деревьевъ и каменными выступами.

— „Ваше благородіе, пожалуйте сюда; здѣсь безопаснѣй удетъ,“ приглашалъ меня взводный унтеръ-офицеръ, указыая на одно мѣсто, съ котораго чрезъ своего рода замаскироанную амбразуру можно было хорошо разглядѣть мѣсто расюложенія непріятельскихъ стрѣлковъ, не будучи самому открыымъ для ихъ мѣткихъ выстрѣловъ: „я отсюда наблюдаю за рагомъ, и какъ только по-ближе подойдетъ какой турокъ, акъ мы его и угощаемъ пулей!“ закончилъ унтеръ-офицеръ.

— „Только что, ваше благородіе, вонъ, подъ тѣмъ деевомъ, я свалилъ одного турка,“ заявилъ мнѣ одинъ изъ полченцевъ.

И дѣйствительно подъ тѣмъ деревомъ виднѣлся простертый человѣческій трупъ.

Черезъ эту *амбразуру* я разсмотрѣлъ засѣвшихъ турецихъ стрѣлковъ, ихъ было не больше 25—30 человѣкъ, между оторыми одинъ былъ черенъ, какъ негръ; эти стрѣлки, какъ ищные звѣри, слѣдили за движеніемъ на нашей позиціи и ишь появлялся кто-либо на ней, они тотчасъ же давали по дущемъ, залпы.

Другая група турецкихъ стрѣлковъ заняла мѣсто около бильнаго водой родника, находившагося въ восточной стоонѣ дола; команда ополченцевъ — охотниковъ, подъ начальгвомъ подпоручика II-й дружины Александрова, напала на гихъ стрѣлковъ и выгнала ихъ оттуда; турецкіе стрѣлки ставили на мѣстѣ нѣсколькихъ убитыми и ранеными; но, скорѣ, впрочемъ, турки получили подкрѣпленіе и снова заяли мѣсто у родника; въ этой схваткѣ съ турками особенно тличился юнкеръ А. Блысковъ, и рота присудила ему солатскаго Георгія четвертой степени.

— Георгій! спросилъ я одного молодого ополченца, много ли сегодня свалилъ красноголовокъ?

— „Не знаю, ваше благородіе, пока, по одному, положилъ ихъ семь, а сколько въ колоннахъ, не знаю.

— Боишься ли турокъ? обратился я къ одному новоприбывшему изъ II-го Ополченія.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Чего же бояться, вѣдь и у насъ тоже есть ружья!" отвѣчалъ новичекъ.

— Что это такое? спросилъ я солдатъ, указывая на чучело, одѣтое въ порванный мундиръ и въ шапкѣ, лежавшее въ ложементахъ.

— „Это мы турецкихъ стрѣлковъ надуваемъ, ваше благородіе, потому что, какъ только носъ покажемъ, такъ тотчасъ же и начнутъ стрѣлять залпами," продолжилъ обьясненіе одинъ изъ ополченцевъ.

— Такъ, зачѣмъ же не поставите чучело на брустверъ? поддразнилъ я словоохотливого ополченца.

— „Теперь уже не стрѣляютъ больше по немъ, ваше благородіе; въ началѣ, бывало, какъ начнемъ разводить чучело надъ брустверомъ, такъ и пойдетъ по немъ, пальба, даже, вотъ видите и ранили его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ну, а послѣ, когда поняли, что мы ихъ надуваемъ, и перестали стрѣлять!"

Правофланговый ложементъ I-й роты отстоялъ шаговъ десять отъ окоповъ II-й дружины, и я, воспользовавшись этой близостью, зашелъ къ поручику Шиварову. Побесѣдовавъ съ нимъ о вчерашнемъ боѣ, мы рѣшились отправиться и попробовать подойти ближе къ турецкой позиціи — къ скаламъ. Сказано и сдѣлано. Отправились сначала по скату, понижавшемуся по мѣрѣ приближенія къ роднику, а затѣмъ — то вдоль лощинки, то прикрываясь вѣтвистыми деревьями, мы успѣли подойти къ непріятелю на 400-500 шаговъ; съ этого мѣста непріятельская позиція была видна очень хорошо: турки, [illegible] негры, расположились между каменными уступами и стрѣляли по нашей позиціи; другіе, влѣво, скрываясь между густыми деревьями, стрѣляли по ложементамъ IV-й дружины. Разсмотрѣвъ внимательно непріятельское расположеніе, мы [illegible] пути назадъ, но не прошли и 20 шаговъ, какъ турки насъ замѣтили и открыли огонь, такъ что во все время [illegible] пришлось идти въ сопровожденіи ихъ

выстрѣловъ; тѣмъ не менѣе, мы благополучно возвратились и спрятались въ ложементахъ II-й дружины.

Изъ данныхъ этой случайной рекогносцировки, я пришелъ къ заключенію, что этимъ засѣвшимъ между камней турецкимъ стрѣлкамъ и наносившимъ намъ чувствительныя потери и препятствовавшимъ намъ пользоваться водой изъ единственнаго на нашей позиціи источника, можно бы было успѣшно противодѣйствовать, а именно слѣдующимъ образомъ:

2-я дружина, вмѣсто того, чтобы занимать совершенно безцѣльно свою настоящую позицію, такъ какъ эта дружина фронтомъ была повернута къ югу — въ тылъ *стальной* батареи и подъ прямымъ угломъ къ лѣвому флангу IV-й дружины, должна бы была быть отведена или въ резервъ, и, въ такомъ случаѣ, правый флангъ III-й дружины долженъ быть продолженъ, укрѣпленъ и выведенъ фронтомъ къ востоку, неподалеку отъ того мѣста, съ котораго мы осматривали турецкую позицію съ поручикомъ Шиваровымъ, или же, II-я дружина должна бы была занять эту узкую фронтовую линію. При такомъ положеніи нашемъ, негръ съ товарищами были бы принуждены отступить назадъ и не могли бы безнаказанно намъ наносить вредъ и стрѣлять во всякаго отдѣльнаго человѣка, рѣшившагося пойти за водой. Но какъ бы ни было, я считалъ возможнымъ и необходимымъ наказать этихъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

Вернувшись на позицію и обойдя окопы, я отправился къ дружинному командиру доложить о моей случайной рекогнесцировкѣ и испросить разрѣшеніе, съ 15—20 охотниками изъ хорошихъ стрѣлковъ, отправиться на слѣдующій день рано утромъ и угостить, какъ слѣдуетъ, нѣсколькими залпами негра и его стрѣлковъ. По пути я встрѣтился съ поручикомъ V-й дружины Ольшенко; идя, въ беседѣ съ нимъ, мы приблизились къ *чиляевскому* ложементу, сзади котораго я замѣтилъ князя Вяземскаго и потому не рѣшался подойти ли къ нимъ или вернуться назадъ, но князь тутъ же разрѣшилъ мое колебаніе, обратившись ко мнѣ со словами:

— „Скорѣе идите сюда, а то васъ могутъ убить! Зачѣмъ вы безъ надобности подвергаете себя опасности?“

Это вниманіе ко мнѣ князя я принялъ за деликатное напоминаніе о моихъ обязанностяхъ не оставлять своего мѣста, тѣмъ болѣе, что князь, не смотря на непріятельскія пули, систе-

матически обхаживалъ ввѣренный ему лѣво-фланговый участокъ и ободрялъ своихъ подчиненныхъ.

— Виноватаго, ваше сіятельство, пуля найдетъ и въ ложементахъ, отвѣчалъ я.

— „Это вѣрно, ваше сіятельство,“ прибавилъ Челяевъ, разсказавъ ему о вчерашнемъ случаѣ со мной, бывшемъ въ ложементѣ 3-й роты.

— „Поздравляю васъ,“ обратился князь ко мнѣ: „вы очень счастливо отдѣлались.“

Должно сказать, что князь Вяземскій охотно вступалъ и водилъ разговоры даже съ самыми младшими офицерами; онъ снисходительно относился къ младшимъ и почтительно — къ старшимъ.

Я разсказалъ о своемъ планѣ князю и Чиляеву, и просилъ ихъ разрѣшить мнѣ привести таковой въ исполненіе.

Забылъ упомянуть, что вмѣстѣ съ княземъ и Чиляевымъ былъ и шт.-кап. Поповъ, который, не смотря на то, что его рана еще несовсѣмъ зажила, не могъ вытерпѣть и прибылъ въ свою роту, чтобы вмѣстѣ съ ней участвовать въ дѣлахъ. Поповъ, первымъ, высказался за исполнимость этого плана, и когда князь Вяземскій и Чиляевъ одобрили таковой, онъ выразилъ желаніе руководить командой въ ея нападеніи на турецкихъ стрѣлковъ; но князь убѣдилъ Попова отказаться отъ этого его намѣренія, указавъ ему на его больную ногу, рана на которой, при неосторожности, могла бы его заставить вернуться въ Габрово.

Я вернулся въ роту въ веселомъ настроеніи; но только что я успѣлъ сѣсть, какъ недалеко отъ меня свиснула пуля и обо что-то ударилась и одновременно ополченецъ Петровъ, блѣдный какъ смерть, принялся кричать:

— „Ой, убили меня, убили, умираю!“

— Да, чего ты кричишь? сказалъ я, подходя къ нему, не бойся, такого молодца, какъ ты и граната не свалитъ.

Эти мои слова утѣшили и окуражили раненаго: онъ сконфуженно началъ смѣяться, но его смѣхъ былъ скорѣе похожъ на плачъ, да и не мудрено — Петрову было всего 17—18 лѣтъ; прибывшій ротный фельдшеръ Карпъ Макіенко разстегнулъ пробитые прямо надъ грудью мундиръ и фуфайку и разорвалъ окрававленную рубаху и я увидалъ въ груди рану, изъ которой шла алаго цвѣта кровь.

— „Ничего, ничего, не бойся!“ сказалъ фельдшеръ. За-ѣмъ, вынувъ что-то изъ своей сумки, поковырялъ имъ въ ранѣ и вынулъ оттуда сплюснутую пулю; послѣдняя, очевидно, рикошетомъ попала въ грудь Петрова. Раненаго перевязали и я приказалъ его отправить на перевязочный пунктъ, но онъ пожелалъ остаться при ротѣ.

Спустя немного, ранены были еще двое ополченцевъ, но и они тоже остались при ротѣ. У одного изъ нихъ на лицѣ разодрало кожу и кровь облила все лице и одежду.

— „Ступай на перевязочный пунктъ,“ шутливо говорили раненому товарищи: „тутъ ты только людей пугаешь своимъ окровавленнымъ лицомъ!“

— Коли мнѣ не страшно, чего же вамъ-то бояться!“ воз-ражалъ раненый: „а чтобы васъ не смущать, такъ я умоюсь землей, потому что воды нѣтъ,“ и онъ взялъ дѣйствительно горсть земли и осторожно обтеръ ею свое лицо, а также и свое платье: „ну, что? страшенъ ли я теперь?“ со смѣхомъ спросилъ онъ товарищей.

Но, если легко раненые, находясь въ возбужденномъ состояніи, много разговаривали и смѣялись, смѣша и другихъ, за то тяжело раненые, несмотря на страшныя боли, молчали и не подавали голоса.

Сегодня, между тѣмъ, раненыхъ и убитыхъ было больше чѣмъ вчера, хотя и не было вчерашнихъ аттакъ, а равно и не было столь частаго, какъ вчера, ружейнаго и пушечнаго огня: было очевидно, что турки успѣли опредѣлить дистанцію и хорошо пристрѣлялись. Непріятель, въ теченіи дня, увели-чилъ количество орудій на своихъ позиціяхъ и вмѣсто вче-рашнихъ яростныхъ аттакъ, усиленно окапывался; это обстоя-тельство необыкновенно усилило въ защитникахъ Шипки увѣренность въ свои силы, такъ какъ эта работа непрія-теля дала намъ понять, сколь дорого стоили ему отбитыя нами аттаки.

Ко полудню, изъ Габрова прибылъ взводъ казачьей конной батареи и установился на *круглой* батареѣ.

Разнесся слухъ, что турки появились на *Лысой* горѣ — на правомъ флангѣ Шипкинской позиціи, что и было въ дѣй-ствительности. Вотъ почему, подумалъ я, турки насъ сегодня не аттаковываютъ, но за-то, чего-ли только не будетъ завтра? Пули и гранаты завтра будутъ бить насъ со стороны *Лысой*

17*

горы въ тылъ. Но объ этомъ не думалъ только я, думало и начальство и потому рѣшило, съ наступленіемъ сумерокъ, начать новыя работы по укрѣпленію позиціи.

— „Эка, какой день выдался долгій, кажется, что и конца ему не будетъ!“ удивлялись ополченцы. — И дѣйствительно, день 10-го августа казался безконечнымъ, словно, кто приказалъ остановиться солнцу; казался намъ день длиннымъ вѣроятно отъ того, что солнце насъ просто жарило, а жажду утолить было не чѣмъ и она насъ сильно мучила. Вчера ходить за водой, если и было опасно, то сегодня было почти невозможно: турецкіе стрѣлки такъ пристрѣлялись, что безъ промаха попадали въ тѣхъ, которые осмѣливались отправиться за водой; но, не смотря на это, находились смѣльчаки и, рискуя жизнью, нагруженные манерками, отправлялись за водой, перескакивая чрезъ трупы своихъ товарищей, валявшихся около фонтана; многіе, конечно, изъ такихъ неустрашимыхъ молодцовъ не возвращались.

Наконецъ насталъ вечеръ. Ополченцы разшевелились.

— „Ухъ, совсѣмъ окоченѣли и ноги и руки!“ восклицали многіе.

— „Да какъ имъ не окоченѣть, когда на одномъ мѣстѣ цѣлый день приходится лежать или сидѣть, не трогаясь,“ подтверждали другіе: „проклятые турки! хоть бы одну, двѣ аттаки сдѣлали, а то, цѣлый день, пафъ, пафъ, трескъ безъ конца! чтобъ имъ головы треснули!“

Когда смерклось, пришелъ на позицію и мой Трайко и не съ порожнемъ: чайникъ былъ полонъ и мы поспѣшили утолить жажду чаемъ, да и какимъ чаемъ? такого вкуснаго чаю во всю жизнь, казалось, не приходилось пить!

Дружинный командиръ созвалъ ротныхъ командировъ и, сообщивъ, что турки заняли *Лысую* гору, далъ приказъ: принести и раздать сухари еще съ вечера, рано утромъ, дать ополченцамъ по куску варенаго мяса и, еще ночью, наполнить манерки водою, которую расходовать съ такимъ разсчетомъ, чтобы воды хватило ротамъ на цѣлый день, фельдшерамъ же выдать достаточное количество перевязочнаго матеріала.

— „Особенно обратите вниманіе на укрѣпленіе позицій и не упускайте изъ виду, что непріятель нападетъ на насъ и съ тыла!“ закончилъ свой приказъ командиръ дружины.

Вернувшись въ роту, я засталъ ополченцевъ самымъ усерднымъ образомъ копавшими землю, благодаря чему окопы углублялись и становились выше. Копали новые окопы и гдѣ нужно сооружались траверсы; конечно, что всѣ эти работы далеко не отвѣчали требованіямъ фортификаціоннаго искусства; ложементъ походилъ скорѣе на колодезь, чѣмъ на ложементъ; такіе колодцы я видѣлъ у прапорщика Большова и нѣсколько меньшихъ размѣровъ — у фельдфебеля Радушева.

Деньщикъ Трайко усиленно упрашивалъ оставить его при ротѣ, увѣряя, что лошадь оберегутъ и другіе деньщики, но и въ этотъ вечеръ, какъ и прежде, я отослалъ моего храбраго македонца съ позиціи, приказавъ ему явиться завтра, и не уступилъ его просьбѣ: *подраться съ проклятымъ туркомъ.*

Съ наступленіемъ ночи, турецкіе выстрѣлы начали утихать и наконецъ почти совсѣмъ прекратились, говорю, *почти,* такъ какъ и въ эту, какъ и въ прошлую ночь, то тамъ, то сямъ, по позиціи слышались отдѣльные выстрѣлы, вѣроятно, съ цѣлью тревожить и не давать заснуть часовымъ.

Ночь была также тиха и ясна, какъ и вчера. Мѣсяцъ освѣщалъ предметы и турецкіе стрѣлки отправляли выстрѣлы по движущимся фигурамъ; на небѣ не было ни облачка. Но, вдругъ, мѣсяцъ началъ меркнуть.

— „Мѣсячное затменіе!“ закричали ополченцы.

И дѣйствительно луна затмѣвалась и черезъ минуту освѣщанная земля покрылась непроницаемымъ мракомъ. Турки вообще суевѣрны, а въ затмѣніи луны видятъ какое то бѣсовское навожденіе и въ такіе моменты стрѣляютъ въ луну; такъ было и теперь: они открыли по ней частый ружейный огонь. Спустя нѣсколько минутъ стрѣльбы по лунѣ, дискъ луны началъ постепенно свѣтлѣть и темная пелена, окутывавшая ее, словно въ испугѣ отъ турецкихъ выстрѣловъ, исчезла, и мѣсяцъ снова засвѣтилъ полнымъ свѣтомъ.

Не смотря на тоску, навѣянную на насъ кровопролитіями въ теченіи дня, слѣдующій эпизодъ не мало насмѣшилъ насъ. Еще съ 8-го августа по нашей позиціи разгуливало оставленное хозяиномъ ослиное семейство — ослица съ жеребенкомъ. Въ теченіи дня 9-го августа, во время боя, ослица и жеребенокъ безъ страха разхаживали по всей позиціи и часто останавливались и заглядывали въ окопы, будто инспектировали хорошо ли исполняютъ свои обязанности защитники

Шипки. Но, 10-го числа, до 3 часовъ по полудни, ослиное семейство на нашемъ участкѣ позиціи не появлялось и мы предполагали, что и его не пощадили непріятельскія пули; только, вдругъ, по всей позиціи раздалась тревога:

— „Скорѣй, скорѣй! Идутъ прямо на фугасы!" раздались крики и, одновременно, съ нѣсколькихъ сторонъ, ополченцы бросились бѣжать.

Эти крики и бѣготня произвели въ отдаленныхъ частяхъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ никто не зналъ въ чемъ дѣло. Оказалось, что ослица и жеребенокъ обходили мѣсторасположеніе V-й дружины и затѣмъ отправились отъ него къ сѣверу и чуть было не попали въ сѣть фугасныхъ проволокъ, если бы во время не увидали этого ополченцы.

Въ сегодняшнемъ бою турки стрѣляли разрывными патронами, особенно со стороны *Вороньяго гнѣзда*. Выстрѣлы этими патронами очень ясно различаются отъ другихъ; при ударѣ о предметы, пули разрываются и также производятъ выстрѣлъ, но нѣсколько слабѣе по звуку ружейнаго и дребезжащій.

Батальонъ Орловскаго полка, находившійся у *стальной* батареи, вечеромъ былъ смѣненъ частями Брянскаго полка, такъ какъ Орловцы въ теченія дня потерпѣли сильный уронъ.

Совсѣмъ уже было темно, когда я узналъ, что изъ Габрова прибылъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Мальцевъ съ порученіемъ отъ корпуснаго командира изучить положеніе шипкинскаго отряда и съ извѣстіемъ, что 11-го августа, въ 3 часа утра, изъ Габрова на Шипку выступитъ 4-я стрѣлковая бригада, а вслѣдъ за нею и 14-я пѣхотная дивизія. Это извѣстіе, понятно, окуражило шипкинскихъ защитниковъ.

Сегодня былъ назначенъ генераломъ Столѣтовымъ майоръ Поповъ и. д. начальника штаба Ополченія, вмѣсто раненаго подполковника Рынкевича. Послѣ своего назначенія, майоръ Поповъ обошелъ всю позицію, занятую Ополченіемъ; онъ объявилъ, что начальникомъ лѣваго фланга и тыла, вмѣсто полковника Депрерадовича, назначенъ командиръ Брянскаго полка, полковникъ Липинскій

Ночь, на 11-ое августа, мы провели также, какъ и наканунѣ; но всѣ себя чувствовали какъ то не спокойно, всѣхъ угнетало какое то тяжелое чувство; мысли, одна другой мрачнѣй приходили въ голову, будто мы предчувствовали, что завтра

лучится нѣчно особенно ужасное; всѣ были увѣрены, что автра рѣшится судьба шипкинской позиціи и наша лично, а южетъ быть и судьба Болгаріи. Но въ чью пользу и какъ? Иы не давали себѣ труда и не хотѣли отгадывать, потому что ны всѣ сознавали безвыходность положенія шипкинскаго отряда. И безъ того малочисленный, отрядъ нашъ, въ эти два дня, сталъ еще меньше, между тѣмъ, какъ непріятель окружилъ насъ огненнымъ кольцомъ, и стоило лишь ему стянуть то кольцо, и небольшой нашъ отрядъ будетъ стоптанъ и ничтоженъ.

Къ тому же и наши ружья *Шаспо* большей частью не дѣйствовали, такъ какъ были испорчены, а для неиспорченыхъ ружей патроновъ на лицо было очень мало. Говорили, что и ранаты тоже приходили къ концу.

Все это вмѣстѣ взятое приводило къ заключенію, что оложеніе шипкинскаго отряда было отчаянное. Одно могло го спасти — это своевременная помощь; если придетъ эта омощь во время, то и Шипка будетъ спасена; въ противномъ се случаѣ, весь отрядъ ляжетъ костьми за освобожденіе Боларіи, съ сознаніемъ свято исполненнаго долга.

Подобныя размышленія, конечно, не клонили ко сну, и отому короткая августовская ночь, тоже казалась безконечно линной.

XI.

Охота на турецкихъ стрѣлковъ. — Граната къ чаю. — Шесть аттакъ до полуня 11-го августа. — Судьба подполковника Бенецкаго. — Встрѣча генераловъ Столѣтова и Кренке съ черкесами. — Семь аттакъ по полудни 11-го августа. — Іаника и „Шуми Марица." — Докторъ Вязанковъ въ роли курьера. — Критиескій моментъ на Шипкѣ. — Маіоръ Поповъ и Радецкій. — 14-ая аттака урокъ. — Стрѣлки на помощь. — Четвертый день шипкинской обороны. — Генералъ Драгомировъ. — Смѣна Ополченія. — Походъ въ Габрово.

11-е августа. Четвергъ. За 2 часа до разсвѣта повѣренная инѣ команда изъ 18 человѣкъ, лучшихъ стрѣлковъ изъ 1-й и 2-й ротъ, тихо вышла со сборнаго пункта и, еще тише и съ большими предосторожностями, прибыла на опредѣленное мѣсто; по пути, въ нѣкоторыхъ открытыхъ мѣстахъ, командѣ

приходилось проходить ползкомъ. Когда команда прибыла на мѣсто ей было описано мѣсторасположеніе турецкихъ стрѣлковъ со стороны данной мѣстности, указано разстояніе, которое насъ отъ нихъ отдѣляло и, такъ какъ задачей команды не было удержать за собой занятую позицію, а лишь наказать негра и его товарищей, указанъ былъ путь отступленія. Затѣмъ команда расположилась за возможно удобными прикрытіями въ родѣ деревьевъ и ямокъ и съ усиленнымъ біеніемъ сердца ожидала разсвѣта. Въ виду того, что занятая командой охотниковъ позиція находилась впереди ложементовъ 1-й роты, то ополченцамъ этой роты своевременно было сообщенно о предпріятіи охотниковъ; кромѣ того ополченцамъ ближайшихъ къ непріятелю ложементовъ было приказано стрѣлять противъ турокъ залпами, въ случаѣ, если бы послѣдніе, въ большомъ числѣ, бросились на охотниковъ; наконецъ, сообщено было и во II-ю дружину, мимо лѣваго фланга которой команда охотниковъ должна была отступать, чтобы послѣдняя не была принята названной дружиной за непріятеля и не открыла бы по ней огня.

Разсвѣло. Виднѣлись уже непріятельскіе часовые; вскорѣ показались и нѣсколько стрѣлковъ, которые расположились между каменными выступами; погодя, взвилось облако дыма, раздался выстрѣлъ, за нимъ второй, третій... наши изъ ложементовъ отвѣтили тоже нѣсколькими выстрѣлами, какъ объ этомъ было приказано.

— „Не пора ли стрѣлять, ваше благородіе," шепнулъ мнѣ ополченецъ Ивановъ: „турки уже засѣли за камнями?"

Выстрѣлы изъ нашихъ ложементовъ, хотя и не причиняли почти никакого вреда непріятелю, все-таки видимо дразнили негра и его товарищей, расположившихся группой около 30 человѣкъ.

Непріятельскія орудія тоже начали къ этому времени стрѣльбу и изъ пушечныхъ жерлъ вылеталъ цѣлый потокъ гранатъ, жертвами которыхъ падали лучшіе, полные энергіи и здоровья молодые люди.

Спустя нѣкоторое время ружейный огонъ участился съ обѣихъ сторонъ.

— Вниманіе! Скомандовалъ я шопотомъ; берите прицѣлъ: первая половина т. е. 9 человѣкъ на 250 вторая — на 300 шаговъ!

Полковникъ болгарской арміи Степанъ Ивановичъ Кисовъ, командовавшій 1-й ротой III-ей дружины Ополченія на Шипкѣ.

Стр. 264—265.

Ополченцы тихо и безъ шума направили ружья на неятеля.

— Шеренга, пли! также тихо скомандовалъ я и разася дружный, будто изъ однаго ружья, залпъ; за нимъ — рой и третій, а затѣмъ началась, какъ говорится, рѣдкая мѣткая стрѣльба.

Эти наши залпы были столь неожиданными на непріяьской позиціи, что турки пришли въ смущеніе и ужасъ, бенно, когда послѣ перваго залпа на землю попадали нѣлько человѣкъ убитыми и ранеными; даже тѣ изъ турокъ, торые залегли за камнями, вскочили, но не трогались съ ста; послѣ вторaго и третьяго нашихъ залповъ, турки нанецъ пришли въ себя и бросились бѣжать, и лишь нѣкоые изъ нихъ снова залегли за камнями и начали часто ѣлять, но стрѣляли не прицѣливаясь. Вскорѣ, впрочемъ, турецкимъ стрѣлкамъ подошло подкрѣпленіе и возвраись и тѣ, которые было убѣжали, и заняли свои прежнія ста, и ружейный огонь открылся съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ пушечный и ружейный огонь къ этому врени участился еще болѣе, что означало, что турки скоро чнутъ свою аттаку, и потому пора было отступить; къ тому , команда исполнила свою задачу и хорошо наказала дерихъ турецкихъ стрѣлковъ, безнаказанно наносившихъ намъ тѣхъ поръ большой уронъ. Пользуясь пересѣченной мѣстстью и прикрытіями, какія представляли ряды толстыхъ девьевъ, команда благополучно отступила къ ложементамъ, дѣлавшись тѣмъ, что двое изъ охотниковъ были легко раны и одинъ контуженъ.

— „Благодарю васъ за блестящее выполненіе вашей зачи,“ встрѣтилъ меня командиръ дружины Чиляевъ: „ваша манда отлично наказала турецкихъ стрѣлковъ: больше дети человѣкъ убитыми остались на мѣстѣ, не считая ранехъ; я васъ представлю за это молодецкое дѣло къ наградѣ оргіевскимъ крестомъ.“

— „А вы, молодцы,“ обратился Чиляевъ къ ополченцамъ отникамъ: „я видѣлъ, какъ геройски дѣйствуете въ бою, и это вамъ спасибо!“

Въ числѣ охотниковъ были ополченцы: Х. Минковъ, Д. сѣвъ, Денчевъ, А. Ивановъ, С. Андреевъ и Д. Тошевъ; всѣ отники были представлены къ наградамъ и таковыя полу-

чили. Я тоже былъ представленъ, какъ это обѣщалъ Чиляевъ, но вмѣсто Георгіевскаго креста, получилъ орденъ Св. Владиміра съ мечами, 4-й степени.

Въ четыре часа утра положеніе было слѣдующее: по всей боевой линіи былъ открытъ ожесточенный пушечный и ружейный огонь; при чемъ турки на этотъ разъ стрѣляли не только съ *Бердека* и съ нижней батареи, но и съ *Лысой* и *Зеленой* горъ. У насъ появились раненые въ спину: это обстоятельство указывало, что непріятель занялъ противоположную гору на нашемъ правомъ флангѣ.

Въ пять часовъ утра съ *круглой* батареи можно было уже видѣть густыя непріятельскія колонны, которыя, въ предшествіи своихъ стрѣлковыхъ цѣпей, спускались съ *Лысой* горы, а одна значительная часть двигалась по гребню горы, которая тянулась паралельно линіи шоссе, отдѣлявшагося отъ этой горы глубокимъ доломъ; въ это именно время впервые обнаружилось новое направленіе непріятельскихъ пуль, намъ въ тылъ.

Генералы Столѣтовъ, Дерожинскій и Кренке расположились *въ своемъ* ложементѣ, за *круглой* батареей, а и. д. начальника штаба Ополченія и адъютантъ по строевой части — у самаго этого ложемента; прочіе штабные находились ниже, но тоже за *круглой* батареей.

Еще послѣ первыхъ непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ съ *Зеленой* горы, осыпавшихъ гранатнымъ дождемъ окрестность, одна изъ гранатъ упала у самаго ложемента Столѣтова, гдѣ вѣстовой генерала разливалъ чай.

— „Ишь ты, красавица, чуть было не свалила самовара," добродушно замѣтилъ вѣстовой.

И дѣйствительно, одинъ большой кусокъ гранаты упалъ подъ самый самоваръ. Вѣстовой, не долго думая, взялъ въ одну руку подносъ съ чаемъ, а другой, увернувъ ее въ полу шинели, схватилъ еще горячій кусокъ гранаты и подалъ генераламъ. Спустя немного послѣ этого, генералъ Дерожинскій вышелъ изъ ложемента и отправился въ Габрово.

На *Вороньемъ гнѣздѣ*, откуда по нашей позиціи стрѣляли залпами и преимущественно разрывными патронами, было видно движеніе турецкихъ колоннъ: однѣ колонны спускались по склону, въ направленіи къ лѣвому флангу и тылу нашей позиціи, другія — со стороны *Бердека;* это показывало, что

турки приготовлялись произвести нападеніе на насъ со всѣхъ сторонъ и намѣревались нанести намъ смертный ударъ... было очевидно, что буря приближалась.

Наши батареи силились отвѣчать во много разъ сильнѣйшему непріятелю, и въ тоже время обстрѣливали и наступавшія турецкія колонны; но недостаточное количество гранатъ не позволяло стрѣлять часто и, такимъ образомъ, положеніе какъ батарей, такъ и всего нашего отряда становилось все хуже; къ тому же съ занятіемъ непріятелемъ *Лысой* и *Зеленой* горъ, турецкія орудія посылали выстрѣлы съ *Лысой* горы — во флангъ и тылъ позиціи Св. Николая, въ тылъ позиціи нашей дружины и въ правые фланги *круглой* и *полукруглой* батарей, а съ *Зеленой* горы — по тѣмъ же направленіямъ поражали насъ ружейные выстрѣлы.

Не много спустя, послѣ того, когда мы съ командой охотниковъ вернулись въ ложементы, одна густая турецкая стрѣлковая цѣпь, а за ней такія же густыя колонны войскъ начали наступленіе, сосредоточиваясь у пункта аттаки; вскорѣ затѣмъ раздался, гдѣ-то за *стальной* батареей, сигналъ къ аттакѣ, подхваченный прочими барабанщиками и трубачами, и рознесшійся съ быстротою вѣтра по всѣмъ линіямъ. Густыя турецкія колонны понеслись впередъ и какъ вихрь налетѣли на наши ложементы, съ своими обычными кликами *алла;* но защитники Шипки не дремали и стрѣлковая цѣпь открыла по нимъ частый и удачный огонь.

— „Молодцы, на вѣтеръ не стрѣляйте, а рѣдко да мѣтко! Смотрите, сегодня стрѣлять прямо *въ мясо!*“ выкликивали то и дѣло стрѣлкамъ офицеры и взводные командиры: „прицѣлься хорошо и лишь тогда спускай ударникъ; турки частой стрѣльбы не боятся, какъ и мы не боимся таковой же ихней стрѣльбы; залпами стрѣляйте, молодцы, сдержанно и дружно, а придетъ нужда въ штыкѣ, работайте быстро и рѣшительно — турки штыка не любятъ, а особенно, когда видятъ, что противникъ имъ хорошо владѣетъ!“

Наши резервы съ ружьями *на руку*, вполнѣ готовые встрѣтиться съ врагомъ, ждали лишь приказанія.

Но, вотъ, турецкія колонны уже подходятъ близко къ нашимъ заваламъ.

Раздаются команды: „Пальба ротой, взводомъ! Рота, взводъ, пли!“

Но непріятельскіе ряды, хотя и становятся рѣже отъ огня нашей стрѣлковой цѣпи, все же продолжаютъ наступать. Нашъ первый залпъ еще болѣе разшаталъ ряды турокъ, второй залпъ — произвелъ въ нихъ замѣшательство: турки дрогнули; слышны, среди адскаго огня, стоны и предсмертный хрипъ, смѣшанные съ кликами *алла*, *алла*, . . . но вотъ еще одинъ залпъ; передніе ряды турокъ, хотя уже и у самыхъ нашихъ заваловъ, но совсѣмъ разстроены и имѣютъ растерянный видъ . . . и въ этотъ моментъ съ потрясяющими и громкими „ура!“ ополченцы бросаются на врага въ штыки и обращаютъ въ бѣгство его передніе ряды, которые увлекаютъ за собою и послѣдующіе свои ряды; напрасно, турецкіе офицеры, угрожая шашками и револьверами, стараются остановить бѣгущихъ; послѣдніе въ своемъ безумномъ бѣгствѣ увлекли за собою и офицеровъ.

На мѣстѣ аттаки осталось множество убитыхъ и раненыхъ; они скрежещутъ зубами отъ боли и злобы.

— „Слава Богу!“ воскликнули борцы: „Слава Богу! и на этотъ разъ отбили турокъ! Дастъ Богъ отобьемъ и въ будущемъ.“

Эта аттака стоила и намъ не мало жертвъ: вереница раненыхъ потянулась къ перевязочному пункту, а тяжело раненыхъ понесли санитары. Убитыхъ сносили въ одно мѣсто на позиціи и, къ сожалѣнію, оставляли ихъ подъ палящими лучами солнца. Многихъ раненыхъ а также и санитаровъ, по пути къ перевязочному пункту, около „казармы“ добивали и убивали непріятельскія пули и гранаты, а, что еще хуже, на самомъ перевязочномъ пунктѣ раненые и доктора находились подъ перекрестнымъ огнемъ турокъ; послѣднее обстоятельство заставило перенести перевязочный пунктъ на дорогу за возвышенностью, на которой была расположена *круглая* батарея, но и тамъ мѣстность обстрѣливалась непріятелемъ съ *Лысой* и *Зеленой* горъ; къ 10-ти же часамъ утра, когда турки подошли ближе къ намъ со стороны *Лысой* и *Зеленой* горъ, перевязочному пункту и тамъ невозможно было оставаться и его пришлось перемѣстить въ третій разъ неподалеку отъ главнаго перевязочнаго пункта, въ трехъ верстахъ отъ центра нашей позиціи; по пути же, подъ разными прикрытіями, были разставлены фельдшера для поданія первой помощи.

Когда аттака турокъ была отбита, турецкая цѣпь стала, судя по выстрѣламъ, отступать; но, спустя немного, цѣпь снова начала приближаться къ нашимъ окопамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и стрѣльба становилась учащеннѣе; снова послышалось жужжаніе пуль, какъ будто отъ роя пчелъ; орудія снова зачастили, осыпая насъ своими смертоносными гранатами; снова забили барабаны, завыли рожки, понеслись зловѣщіе клики *алла, алла,* и въ отвѣтъ на все это — опять гремятъ наши сдержанные и дружные залпы.

Въ эти моменты сердце сильно бьется, захватываетъ духъ и время кажется долгимъ и мучительнымъ: всѣ вслушиваются — продолжится или прекратится огонь. Затѣмъ снова стихаютъ клики *алла,* опять удаляются выстрѣлы изъ турецкой цѣпи и становятся рѣже.

— „Слава Богу!“ снова восклицаютъ ополченцы съ облегченнымъ вздохомъ: отбили и эту аттаку!“ Но, до вечера еще остается много времени.

— „Удержимся ли?“ спрашиваютъ нѣкоторые.

— Если удержимся сегодня, завтра катастрофы намъ не миновать, если не прибудутъ во время подкрѣпленія, подумалъ я, и вѣроятно та же мысль господствовала въ умахъ у всѣхъ ополченцевъ, такъ какъ многіе ее высказывали.

Послѣ первой аттаки, послѣдовали вторая, третяя . . . до обѣда я насчиталъ ихъ шесть, и всѣ онѣ окончились также какъ и первая: непріятель бывалъ отбитъ съ большимъ урономъ. Главные удары турокъ во время аттакъ были направляемы на лѣвый флангъ возвышенности Св. Николая.

Послѣ 2-хъ часовъ по полудни, энергія непріятеля въ этой части позиціи уменьшилась и графъ Толстой нашелъ возможнымъ изъ своихъ частей удѣлять подкрѣпленія въ помощь другимъ пунктамъ позиціи.

Первую нашу контръ-аттаку, хотя и нанесшую противнику значительный уронъ, мы не повторяли, такъ какъ мы и сами несли потери, которыя значительно уменьшали численность нашего отряда.

До обѣда шесть аттакъ! снова подумалъ я; сколько ли ихъ будетъ еще до вечера?

Но въ сущности аттаки не были страшны; мы бы ихъ отбивали такъ же, какъ и отбили первыя шесть; страшно было то, что въ каждую новую аттаку турки вводили и новыя

колонны и ими подкрѣпляли свои аттакующія части, а наши ряды, послѣ каждой новой аттаки, рѣдѣли, а помощи ни откуда не было.

Какъ я выше сказалъ, 9-го августа турки не производили такихъ рѣшительныхъ аттакъ на нашъ лѣвый флангъ, какъ на *стальную* батарею, но сегодня и на лѣвомъ флангѣ аттаки были стремительны и сильны, и не смотря на это, не знаю почему, защитники лѣваго фланга были увѣрены, что удержатъ за собою позицію и не допустятъ врагу на нее и ногой ступить; поэтому всѣ, главнымъ образомъ, заботились о судьбѣ *стальной* батареи и *Зеленой* горы, а равно и заботились и вслушивались, не раздадутся ли ружейные выстрѣлы намъ въ тылъ, со стороны нашего лѣваго фланга, въ каковомъ направленіи спустились съ *Вороньяго гнѣзда* два табора турецкихъ войскъ.

Въ 10 часовъ утра, непріятель было набросился на шоссе, что позади *круглой* и *полукруглой* батарей, но былъ отбитъ Брянцами. Съ другой стороны, турки вели ожесточенныя аттаки, какъ сказано выше, и на лѣвый флангъ позиціи, занятой ополченцами; значительная же масса турецкихъ войскъ и черкесовъ, спустившаяся въ долъ со стороны шоссе, обнаружила намѣреніе ударить намъ въ тылъ и занять тыльные ложементы; для обороны этого участка нашей позиціи были посланы дивизіонъ горной артиллеріи и по полуротѣ Орловцевъ и Брянцевъ, а нѣсколько позже — еще одна рота Брянцевъ и одна рота IV-ой дружины.

Турки между тѣмъ продолжали вести одна за другой стремительныя аттаки; во время одной изъ этихъ аттакъ, передовые ряды и зарядные ящики казачьяго взвода, прибывшаго наканунѣ въ ночь изъ Габрова, бросились въ карьеръ бѣжать; подполковникъ Бенецкій, командиръ артиллеріи на *круглой* батареѣ, тоже пошелъ вслѣдъ за ящиками.

Послѣ разсказывали, что генералъ Столѣтовъ сдѣлалъ выговоръ подполковнику Бенецкому за его малодушіе и приказалъ ему возвратиться на постъ. Бенецкій, молча приложилъ руку подъ козырекъ и вернулся на батарею умереть: не прошло и часа, какъ онъ былъ убитъ непріятельской пулей. Солдаты упомянутаго взвода тоже вернулись и продолжали изрѣдка посылать въ турецкія колонны свои *послѣднія* гранаты.

Послѣ этой паники, въ виду невозможности оставаться сзади *круглой* батареи, гдѣ, наканунѣ, генералы Столѣтовъ и Кренке ночевали, послѣдніе, вмѣстѣ съ маіоромъ Поповымъ и ротмистромъ Сухонинымъ, отправились назадъ по шоссе, которое окружало мѣсторасположеніе *круглой* батареи, въ надеждѣ, что, за шоссейнымъ откосомъ, они выйдутъ изъ площади обхвата стрѣлбы со стороны праваго турецкаго фланга и найдутъ болѣе закрытое мѣсто; но, едва лишь они перешли на другую сторону, какъ замѣтили, что нѣсколько санитаровъ, лежа на животахъ по шоссе, наблюдали за доломъ, лежащимъ ниже шоссе, и при этомъ одинъ изъ санитаровъ выстрѣлилъ внизъ. На вопросъ Попова, выстрѣлившій санитаръ отвѣтилъ, что въ долу наступаютъ черкесы, направляясь къ шоссе; Поповъ наклонился заглянуть, что дѣлается въ долу, но, въ это же время, съ низу послышались крики *алла, алла,* и толпа черкесовъ бросилась прямо на генераловъ, ихъ штабъ и 7—8 человѣкъ санитаровъ.

Въ виду многочисленности черкесовъ, нашей группѣ ничего не оставалось больше, какъ бѣжать, и она спустилась по каменистой покатости, при чемъ стараго генерала Кренке почти что несли двое изъ его офицеровъ, и благополучно прибыла на свое старое мѣсто на возвышенности, кромѣ Сухонина, который попалъ на перевязочный пунктъ. Этимъ чудеснымъ избавленіемъ генералы и состоявшіе при нихъ офицеры и санитары были обязаны Брянцамъ, расположеннымъ въ ложементахъ у *круглой* батареи, которые, замѣтивъ движеніе черкесовъ, бросились на шоссе и заставили ихъ возвратиться.

Послѣ одного изъ сильныхъ приступовъ турокъ на нашу позицію, я возвращался со взводомъ, который, вмѣстѣ съ главнымъ резервомъ, встрѣчалъ турокъ залпами, и замѣтилъ, что поручикъ V-й дружины Николаевъ изъ за своего окопа махаетъ мнѣ рукой; подумавъ, что онъ меня зоветъ, я подошелъ къ нему и спросилъ въ чемъ дѣло.

— „Я тебѣ показывалъ рукой, что надо стрѣлять въ турокъ, потому что мы ихъ теперь какъ разъ колотимъ,“ отвѣтилъ Николаевъ, при чемъ показалъ направленіе, по какому, въ полномъ безпорядкѣ, бѣжали турки, нападавшіе на этотъ участокъ V-й дружины: „и на этотъ разъ отбили турокъ по всей линіи!“ прибавилъ Николаевъ.

— А послѣ? спросилъ я.

— И послѣ тоже! лаконически отвѣтилъ Николаевъ.

— А, вонъ, тѣ выстрѣлы на *Зеленой* и *Лысой* горахъ, что означаютъ?

— „Означаютъ, что турки ударятъ намъ и во флангъ и въ тылъ . . .“

— И мы, конечно, ихъ будемъ отражать, пока можемъ, закончилъ я, и сложимъ свои кости за Болгарію.

Но проводить время въ пріятныхъ разговорахъ, подъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, было не удобно, тѣмъ болѣе, что турки каждую минуту могли снова начать выкрикивать свои *алла, алла* . . .

Послѣ обѣда, непріятельскія аттаки непрерывно продолжались и съ такой же ожесточенностью и стремительностью; во время одной изъ такихъ аттакъ, послышались клики:

— „Турки, турки на шоссе! Взяли шоссе! Шоссе взяли!“

Эти клики, какъ молнія разнеслися по всей позиціи.

— „Наши отступаютъ, наши бѣгутъ!“ слышалось снова.

Я взглянулъ по направленію къ шоссе и къ „казармѣ“ и былъ пораженъ видѣннымъ: тамъ была такая суматоха и безпорядочная бѣготня, которыя напоминали сцену при отступленіи изъ Старой Загоры. Нужно ли говорить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело все это на ополченцевъ. Я наскоро вынулъ бинокль и разсмотрѣлъ бѣгающую толпу — это оказались ополченцы и солдаты Брянскаго и Орловскаго полковъ. Большинство изъ нихъ были раненые во время послѣдняго приступа противника, нѣкоторые изъ нихъ бѣгали безъ ружей, но турокъ тѣмъ не менѣе нигдѣ не было видно. Отнявъ бинокль и взглянувъ на позицію, я увидѣлъ картину, которую разобрать сразу не могъ: ополченцы III-й и V-й дружинъ, захвативъ ружья и сумки, быстро направлялись къ шоссе — пути отступленія; между этими ополченцами были и изъ моей роты. Шт.-ротмистръ Чиляевъ, замѣтивъ отступленіе названныхъ ополченцевъ, крикнулъ имъ остановиться.

— Это не турки! крикнулъ я, чтобы успокоить ополченцевъ и вернуть тѣхъ, которые было тронулись тоже идти къ шоссе; это наши — Орловцы и Брянцы идутъ на помощь *круглой* и *полукруглой* батареямъ! закончилъ я.

Къ чести ополченцевъ, должно сказать, что такое отступленіе не было общимъ, уходили въ одиночку, а гдѣ не встрѣ-

Маіоръ Константинъ Борисовичъ Чиляевъ,
командиръ III-ей дружины Ополченія на Шипкѣ.

Стр. 272—273.

аются впечатлительныя натуры? Тѣмъ болѣе, что нервы сол-
,атъ послѣ трехъ-дневнаго боя и безпрестанныхъ аттакъ были
ъ состоянiи такого напряженiя, что ихъ можно было съ оди-
аковымъ успѣхомъ повести, какъ говорится *въ огонь и воду* и
аставить нѣкоторыхъ изъ нихъ однимъ выкликомъ: „бѣгите,
урки идутъ!" пуститься бѣжать; но и для послѣднихъ доста-
очно было одного не только начальническаго, но и товари-
цескаго слова, чтобы ихъ остановить. Былъ тому и примѣръ.
Iодъ Старой-Загорой, когда 3-я рота подошла къ крестцамъ
въ строю пали нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, ополченецъ
Богдановъ отдѣлился отъ роты и пустился бѣжать къ куку-
узному полю; стоило мнѣ лишь сказать ему, что де стыдно
ставлять товарищей, какъ Богдановъ тотчасъ же вернулся
ъ ротѣ и за все время боя примѣрно держался и молодецки
бросался на турокъ; даже и теперь, на Шипкѣ, когда прихо-
цилось проходить мимо ложемента 3-й роты, Богдановъ вста-
валъ во фронтъ, а при выходахъ роты изъ ложемента для
встрѣчи непрiятельскихъ аттакъ, онъ всегда старался быть
впереди своихъ товарищей.

По командѣ Чиляева, ополченцы собрались около него
и онъ, подъ музыку и гулъ пуль и гранатъ, запѣлъ пѣсню:
„Шуми Марица"; пѣсню эту подхватили ополченцы и ея звуки,
какъ эхо, разнеслись по всей позицiи; но пришлось пѣсню
скорѣ прекратить, такъ какъ стрѣльба снова участилась и
редвѣщала, что турки готовятся къ новой аттакѣ.

Оказалось, что паника произошла въ участкѣ между
казармой" и горой Св. Николая: турки сдѣлали сильный
риступъ на этотъ участокъ, гдѣ ложементы занимали Орловцы
Брянцы; аттака была столь сильна и стремительна, что сол-
аты дрогнули и нѣкоторые изъ нихъ оставили ложементы,
влекая за собою и товарищей; но, благодаря нѣкоторымъ,
ставшимся въ живыхъ офицерамъ, часть бѣжавшихъ солдатъ
ыла остановлена и возвращена въ ложементы и затѣмъ, под-
рѣпленная I-й дружиной, отбила аттакующихъ турокъ. Впо-
слѣдствiи мы узнали, что незначительная часть отступившихъ
олдатъ дошла до главнаго перевязочнаго пункта; докторъ
Рязанковъ, съ засученными рукавами, весь въ поту, подавалъ
имъ помощь раненымъ; увидѣвъ пришедшихъ здоровыхъ
олдатъ и съ ружьями, спросилъ ихъ: куда идутъ и гдѣ ихъ
ачальство?

— „Всѣ начальники убиты, ваше благородіе; товарищи оставили позицію, такъ какъ турокъ — большая сила, а потому и мы ушли,“ отвѣтили солдаты.

— „Стыдно, бротцы, предъ людьми и предъ Богомъ грѣхъ, оставить своихъ товарищей въ самую критическую минуту и бѣжать! Вы клятвопреступники! Развѣ вы не клялись, что за Царя, Вѣру и Отечество не пожалѣете и послѣдней капли крови?“ крикнулъ Вязанковъ: „стройся!“ скомандовалъ онъ: „я васъ поведу противъ турокъ! Трубачъ?! скомандовалъ Вязанковъ трубачу, замѣтивъ его среди солдатъ: „играй сборъ!“ и звуки *сбора* огласили окрестности перевязочнаго пункта.

Въ это время прибылъ командиръ 8-го армейскаго корпуса генералъ Радецкій и остановился со своей свитой не подалеку отъ перевязочнаго пункта; услыхавъ, что играютъ *сборъ*, онъ недоумѣвалъ, что это значитъ и послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ узнать, что это за *сборъ?* Ординарецъ какъ разъ прибылъ къ Вязанкову въ моментъ, когда послѣдній готовился вести собравшихся солдатъ на Шипку. Пока Вязанковъ разсказывалъ ординарцу генерала почему играли *сборъ*, подошелъ и корпусный врачъ; послѣдній, узнавъ, что докторъ Вязанковъ приказалъ играть *сборъ* и готовился вести солдатъ на Шипку, сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ мѣшается не въ свое дѣло.

— „Васъ ждутъ раненые!“ крикнулъ онъ Вязанкову: „а вы . . . .“

Но корпусный врачъ не успѣлъ договорить свою мысль: докторъ Вязанковъ рѣзко отвѣтилъ:

— „Самая святая обязанность каждаго честнаго патріота спасти отрядъ отъ смерти и позора, и не допустить, чтобы такіе, какъ эти, мерзавцы, могли оставить свой постъ и позорить воинское званіе!“

Корпусный врачъ удалился, не проронивъ ни слова въ отвѣтъ. Собравшіеся же солдаты были отведены обратно, подъ командой одного офицера изъ штаба корпуса.

Кстати, вотъ еще одинъ краснорѣчивый фактъ молодечества доктора Вязанкова: на перевязочный пунктъ прибылъ казакъ изъ Габрова съ пакетомъ, имѣвшимъ надпись: „*спѣшно*,“ и адресованнымъ на имя начальника шипкинскаго отряда, и, не смотря на эту *спѣшность*, прохалаживался на *пунктѣ*.

— Отчего не спѣшишь ѣхать? спросилъ Вязанковъ казака.

— „Устала лошадь, ваше благородіе, пусть, малость, отдохнетъ."

Между тѣмъ раненые все больше и больше подходили или ихъ несли къ пункту.

— „Каково на Шипкѣ?" спросилъ докторъ у санитаровъ.

— „Плохо, ваше благородіе, очень плохо! Турки скоро прервутъ сообщеніе съ перевязочнымъ пунктомъ; теперь они обстрѣливаютъ шоссе съ обоихъ фланговъ."

Казакъ послѣ этого сѣлъ на свою слабую лошадь и отправился на Шипку; но, не много спустя, Вязанковъ увидалъ того же казака, возвращающимся обратно.

— „Какъ ты такъ скоро вернулся? Передалъ ли пакетъ?" спросилъ Вязанковъ.

— „Не возможно пройти, ваше благородіе! Турки окружили позицію и стрѣляютъ по шоссе со всѣхъ сторонъ," отвѣтилъ казакъ.

— „Трусъ!" крикнулъ докторъ; взялъ у казака пакетъ вскочилъ на свою лошадь и пустился въ карьеръ на Шипку.

Когда докторъ Вязанковъ приближался къ *круглой* батареѣ, генералъ Столѣтовъ и маіоръ Поповъ, въ бинокль, смотрѣли на шоссе, по направленію къ Габрову и еще издалека замѣтили всадника, несшагося въ карьеръ и махавшаго въ воздухѣ пакетомъ. Этотъ пакетъ заключалъ въ себѣ сообщеніе генерала Цвѣцинскаго къ генералу Столѣтову о томъ, что стрѣлковая бригада находится уже близко къ Шипкѣ.

— „Поздравляемъ васъ, Борисъ Константиновичъ, вы получите высокую награду!" привѣтствовали Вязанкова его пріятели.

— „Моя награда — это сознаніе, что я исполнилъ долгъ!" отвѣчалъ Вязанковъ и спѣшилъ скорѣе перемѣнить тему разговора.

Докторъ Вязанковъ ошибся въ своей карьерѣ: ему надо было быть офицеромъ, такъ какъ по храбрости и самоотверженности онъ не уступалъ самому храброму воину: онъ никогда не пропускалъ случая, чтобы плечо къ плечу съ солдатами, съ шашкой на голо, безстрашно не бросаться на непріятеля.

Положеніе шипкинскаго отряда становилось все болѣе и болѣе критическое; для всѣхъ это было очевидно, такъ какъ послѣ каждой турецкой аттаки, ряды защитниковъ уменьшались все болѣе и болѣе, а турки между тѣмъ все яростнѣе вели каждую новую аттаку и получали постоянно новыя подкрѣпленія. Послѣ одной изъ такихъ аттакъ, дружинный командиръ обошелъ роты и, обратившись къ ополченцамъ, сказалъ:

— „Братцы! Непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ; слѣдовательно пути отступленія нѣтъ. Будемъ держаться, пока намъ придетъ помощь, а если эта помощь не подоспѣетъ, мы всѣ ляжемъ костьми за освобожденіе Болгаріи. Итакъ, молодцы, будемъ бороться до послѣдней капли крови и умремъ героями!“

Послѣ этихъ словъ Чиляевъ запѣлъ пѣсню: „Шуми Марица“ и ополченцы по всему лѣвому флангу позиціи подхватили пѣсню, а затѣмъ, окончивъ пѣть, огласили воздухъ кликами: „ура! да здравствуетъ нашъ командиръ!“

Громъ орудій и выстрѣлы ружей, между тѣмъ, снова начались, надвигалась новая аттака . . . и ополченцы перекрестились и снова засѣли въ ложементы.

Шесть таборовъ турецкихъ войскъ, стройно, на сколько позволяла мѣстность, пробирались къ ложементамъ тыльныхъ укрѣпленій; турки снизу кричали намъ по русски не стрѣлять, такъ какъ де идутъ „*свои.*“

Въ это время, по совѣту подполковника Кесякова, Столѣтовъ рѣшился еще разъ послать къ Радецкому одного изъ офицеровъ съ отчаянной просьбой скорѣе прислать подкрѣпленіе. Съ этой просьбой былъ посланъ маіоръ Поповъ, и ему удалось благополучно пройти подъ градомъ вражескихъ пуль самое опасное мѣсто. Выйдя далѣе, онъ встрѣтилъ казака, державшаго въ поводу трехъ добрыхъ коней; на требованіе Попова, казакъ отказался отдать одну изъ лошадей, такъ какъ лошади были офицерскіе, но Поповъ, угрожая револьверомъ, взялъ одну изъ лошадей и понесся впередъ, и, ниже караулки, онъ увидалъ стрѣлковъ. Поповъ подалъ записку генералу Радецкому. Генералъ взялъ записку, прочелъ и, показывая рукой на лежавшихъ стрѣлковъ, суровымъ голосомъ сказалъ Попову:

— Видите? Лежатъ безъ ногъ, ступайте и скажите это.

Поповъ, обративъ вниманіе генерала, что онъ посланъ къ нему объяснить, въ качествѣ начальника штаба Ополченія,

Маіоръ Павелъ Николаевичъ Поповъ,
и. д. начальника штаба Ополченія на Шипкѣ.

Стр. 276—277.

сю тяжесть положенія шипкинскихъ защитниковъ, продол-
калъ умолять Радецкаго безотлагательно спасти Шипку.

— „Если теперь же не поспѣшить, то потомъ уже бу-
етъ поздно,“ окончилъ Поповъ: „шесть таборовъ турокъ
озьмутъ шоссе.“

— „Они его возьмутъ, а мы ихъ выбьемъ!“ коротко
твѣтилъ Радецкій.

Но Поповъ продолжалъ просить послать хоть незначи-
ельную часть новыхъ войскъ въ цѣляхъ поднять нравственныя
илы въ защитникахъ Шипки.

— „Возьмите казаковъ!“ сказалъ генералъ.

— „Казаки есть при отрядѣ,“ отвѣтилъ Поповъ: „отрядъ
бъ этомъ знаетъ и потому прибытіе казаковъ не убѣдитъ,
то вы уже близко; не найдете ли, ваше превосходительство,
учшимъ посадить стрѣлковъ на казачьихъ лошадей?“

Въ отвѣтъ на это Радецкій скомандавалъ: „встать!“ одинъ
атальонъ стрѣлковъ сѣлъ на казацкихъ лошадей и поле-
ѣлъ . . . тотчасъ послѣ того, по приказанію Попова, другіе
трѣлки сѣли на подводы обозовъ Брянскаго, Орловскаго пол-
овъ и Ополченія и поспѣшили впередъ . . .

А аттакамъ на Шипкѣ межъ тѣмъ нѣтъ конца: онѣ и
аще и ожесточеннѣе . . . Пули летятъ повсюду и во всѣ
тороны . . . Число убитыхъ и раненыхъ все больше и больше.
Въ тылу слышатся выстрѣлы все чаще и чаще . . . вотъ, вотъ,
выйдутъ, если уже не вышли на шоссе, турки и отрѣжутъ
амъ путь, а затѣмъ сдавятъ насъ въ огневомъ кольцѣ . . .
се будетъ окончено . . . мы всѣ ждемъ съ замираніемъ сердца
азвязку кровавой драмы — момента *послѣдней* схватки съ
рагомъ, ждемъ свою послѣднюю минуту, но всѣ крѣпко рѣ-
іены дорого и дорого продать свою жизнь, и вотъ эта ро-
овая минута, наконецъ, подошла.

Время проходило, турецкіе стрѣлки все ближе и ближе
одходили къ сѣдловинѣ Шипки, спускаясь съ своихъ позицій
а *Лысой* и *Зеленой* горахъ и, все болѣе расширяя свой
ронтъ, обхватывали насъ огневымъ кольцомъ, а нашихъ
трѣлковъ все еще не было видно! Черкесы и башибузуки,
послѣ и турецкіе солдаты виднѣлись и внизу, противъ
ыльной батареи; противъ нихъ былъ посланъ одинъ взводъ
олдатъ, а другой взводъ съ *круглой* батареи стрѣлялъ по тур-
амъ залпами. Горныя орудія, какъ равно и всѣ другія, начали

рѣже отправлять свои гранаты и шрапнели по непріятельскимъ колоннамъ, такъ какъ снаряды подходили къ концу; наконецъ, командиръ горной батареи Орловъ доноситъ по начальству, что у него снаряды окончились.

Моментъ былъ критическій; на лицахъ всѣхъ читалось недоумѣніе. Начальники участковъ шипкинской позиціи то и дѣло посылаютъ къ генералу Столѣтову офицеровъ съ донесеніемъ о положеніи защитниковъ въ ихъ участкахъ и спрашиваютъ о стрѣлкахъ, но стрѣлковъ все еще нѣтъ; генералъ Столѣтовъ, почти не слѣзалъ съ лошади, съ биноклемъ въ рукѣ стоитъ на *банкетѣ* и то и дѣло смотритъ на Габровское шоссе, но, кромѣ длинныхъ рядовъ раненыхъ солдатъ и санитаровъ съ носилками, на которыхъ лежатъ тяжело раненые, на шоссе ничего не видно. Наконецъ подошелъ такой моментъ, что и раненыхъ выносить ужъ было незачѣмъ, такъ какъ сообщеніе между обѣими занятыми возвышенностями стало невозможно за близостью непріятельскаго огня; многіе легко раненые, видя положеніе, хотя и съ большимъ усиліемъ, отъ боли, но все же брали снова ружья и возвращались въ ложементы умирать вмѣстѣ съ своими здоровыми товарищами за Царя и Отечество, а ополченцы еще и за свою мать-Болгарію.

По совѣту генерала Кренке, еще въ 11 часовъ утра были посланы охотники изъ конной сотни на шоссе крикнуть: „ура, стрѣлки идутъ!“ Это извѣстіе было и правдиво и нѣтъ: стрѣлки шли и не только шли, но летѣли, чтобы избавить своихъ, но были еще отъ насъ далеко. Этотъ невинный обманъ въ первыя минуты поднялъ было дѣйствительно упавшій духъ измученныхъ физически и нравственно борцовъ, но вскорѣ за такимъ искуственнымъ подъемомъ духа, послѣдній смѣнился недовѣріемъ и отчаяніемъ. При одномъ изъ такихъ выходовъ съ невѣрными сообщеніями, былъ убитъ юнкеръ Поливановъ.

Къ четыремъ часамъ, графъ Толстой, по приказанію генерала Столѣтова, выслалъ двѣ роты I-й дружины, подъ командой подполковника Кесякова, въ тылъ позиціи, такъ какъ турки все больше и больше окружали нашъ тылъ и могли, въ случаѣ своего соединенія на шоссе, укрѣпиться на немъ, затруднить движеніе стрѣлковъ, да и нашъ перевязочный пунктъ, кромѣ того, могъ пострадать. Эти роты, пока дошли

до мѣста своего назначенія, потеряли почти половину выбывшими изъ строя.

Стальная и *круглая* батареи перестали стрѣлять — это было около пяти или половины шестого часовъ послѣ обѣда — очевидно снаряды окончились, чего и ждали именно враги . . . барабаны и рожки снова заиграли, воздухъ огласился снова отвратительными *алла, алла!*... но что это? Надъ обрывомъ и *стальной* батареей взвилось чуть ли не облако камней и кусковъ сломанныхъ ружей: это Орловцы и IV-я дружина такимъ огнемъ встрѣчали аттаку турокъ у *стальной* батареи.

— „Помощь, помощь прибываетъ!" крикнулъ кто-то въ резервахъ и это роковое слово „помощь" какъ электрическая искра обѣжала вокругъ и оживила борящихся; раздалось „ура," но не дружное и неувѣренное, такъ какъ за день неоднократно приходилось обмануться въ этой „помощи."

— *Алла, алла!* послышались клики въ сторонѣ шоссе и сзади *круглой* батареи.

— „Господи, какой длинный и безконечный день!" восклицали ополченцы.

Но солнце уже склонялось къ западу . . . еще не много и оно скроется . . .

— „Поскорѣй бы!" думали ополченцы.

Спѣшатъ и турки, спѣшатъ нанести смертный ударъ шипкинскимъ защитникамъ: густыя турецкія колонны, въ предшествіи столь же густыхъ стрѣлковыхъ цѣпей, какъ какая то стихія, подвигаются впередъ, уничтожая все встрѣчное по пути . . . рожки, барабанный бой, громъ выстрѣловъ, стоны раненыхъ и умирающихъ — все слилось въ общій ужасный, *адскій* шумъ... Страшная, и, можетъ быть, послѣдняя аттака... смерть уже тутъ, передъ нами . . .

— „Валяй его, бей его, молодцы! умремъ какъ умирали наши прадѣды! Коли его штыкомъ!" раздаются возгласы экзальтированныхъ шипкинскихъ героевъ.

И дѣйствительно, молодецки встрѣчаютъ люди и огнемъ и штыками врага, и все съ надеждой, что вотъ вотъ и подойдетъ помощь . . . и въ эти минуты, вдругъ, въ тылу нашей позиціи послышались залпы . . . Все кончено!

— „Помощь, помощь прибыла!" крикнули съ *круглой* батареи, а одновременно съ тѣмъ раздалось за той же батареей оживляющее солдата „ура" — „ура" дружное, громовое „ура,"

отъ котораго дрогнули турки; они увидѣли, что на этотъ разъ, не даромъ клики, и поняли, что шипкинскій отрядъ выскользнулъ у нихъ изъ рукъ, а потому, спустя минуты смущенія, опять бросились дружно и стремительно на приступъ; но напрасно: наша ахилесова пята — тылъ и правый флангъ были уже въ безопасности. Турки начали отступать и бѣжать — это было понятно по отдаленности выстрѣловъ и по полету пуль.

Итакъ, когда турки готовились нанести послѣдній смертный ударъ защитникамъ Шипки, когда передовые ряды врага уже вышли на шоссе — а наши ряды совсѣмъ уже ослабѣли, неожиданно и для нихъ и для насъ появились на казацкихъ коняхъ, по двое, стрѣлки въ составѣ одного баталіона 4-й стрѣлковой бригады. Этотъ батальонъ прибылъ первымъ и онъ собственно и спасъ Шипкинскую позицію и ея истомленныхъ защитниковъ.

Стрѣлки погнали турокъ. Это было слышно по отдалявшимся выстрѣламъ и кликамъ „ура".

Было около 10 часовъ вечера; гдѣто въ сторонѣ *Зеленой* горы ружейные выстрѣлы и „ура" все еще продолжали нарушать ночную тишину . . .

Итакъ, въ теченіе одного дня, *дня 11-го августа,* турки произвели четырнадцать аттакъ, дружныхъ и стремительныхъ, и всѣ онѣ были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ. Но и намъ, конечно, стоили эти аттаки не мало.

— „Ну, слава Богу, и сегодня отстояли Шипку!" говорили ополченцы.

Но никто еще не зналъ о количествѣ прибывшихъ подкрѣпленій, и никто не зналъ, что шипкинская позиція уже находилась въ безопасности.

Въ нынѣшнемъ бою былъ раненъ въ ногу командиръ бригады князь Вяземскій; на его мѣсто — начальника лѣвофланговой позиціи — былъ назначенъ полковникъ Депрерадовичъ.

12-ое августа. Нужно ли говорить, что и эту ночь Ополченіе провело безъ сна: нервное напряженіе было токово, что никакой сонъ не шелъ на умъ.

Нынѣшній, четвертый день обороны былъ праздникомъ для защитниковъ Шипки: они торжествовали побѣду, хотя разсвѣтъ этого дня и былъ встрѣченъ трескомъ лопавшихся непріятельскихъ гранатъ, а за ними — и ружейными выстрѣлами.

Совсѣмъ уже начало разсвѣтать, когда на лѣвый флангъ позиціи пришли двѣ роты Орловскаго полка въ подкрѣпленіе III-й V-й дружинамъ и заняли правофланговый ложементъ V-й дружины и лѣвофланговый — III-й дружины. Такое подкрѣпленіе было болѣе чѣмъ нужно и успокоительно подѣйствовало на ополченцевъ, побаивавшихся за свой лѣвый флангъ; да и было отъ чего бояться: патроны приходили къ концу, а что самое главное, ружья, большей частію, были совсѣмъ не годны для стрѣльбы, такъ какъ иглы были переломаны, и могли развѣ служить для рукопашнаго боя; но ополченцы не особенно были расположены и къ тесакамъ, каковые были у ружей вмѣсто штыковъ:

„Какіе ружья, такіе и тесаки," говаривали ополченцы: „ими только лягушекъ пороть, а не турокъ колоть!"

Когда же прибыли Орловцы, то ополченцамъ было пріятно высказывать:

— „Пусть пожалуютъ теперь турки! *Кримковскія* пули сдѣлаютъ половину дѣла, а мы нашими *жабодерками* окончимъ остальное. *)

Съ разсвѣтомъ какъ я уже сказалъ, турки открыли артиллерійскій огонь, сначала изъ *девятиглазки,* а затѣмъ и со всѣхъ сторонъ начали осыпать насъ градомъ гранатъ и пуль.

---

*) Какъ относились ополченцы къ ружьямъ *Шаспо* показываетъ слѣдующій случай, сообщенный мнѣ докторомъ Мирковымъ: 11-го августа, утромъ, на перевязочный пунктъ пришелъ легко раненый ополченецъ II-й дружины. Докторъ его перевязалъ и приготовилъ ему билетъ для слѣдованія къ главному перевязочному пункту. Въ это врмя ополченецъ засмотрѣлся на сложенныя *кримковкія* ружья, оставленныя ранеными, и затѣмъ началъ убѣдительно просить доктора дать ему ружье и патроны.

— „Рана у меня не болитъ и вы говорите сами, что не опасна," отвѣтилъ ополченецъ, на возраженія доктора: „я вернусь въ роту; но что мнѣ дѣлать съ моимъ ружьемъ, съ этимъ проклятымъ *шаспо,* когда оно не дѣйствуетъ; смотришь, предъ тобой турокъ сталъ какъ слѣдуетъ, да и близко, какъ разъ, чтобы его свалить; щелкъ, щелкъ, ударникъ не беретъ; хочешь вынуть патронъ — не выходитъ; вынешь наконецъ патронъ на силу, новый — не входитъ, ну что дѣлать мнѣ теперь съ такимъ ружьемъ!?" и при этомъ ополченецъ хватилъ о камень ружье *шаспо,* приговаривая: „вотъ, тебѣ, измѣнница!"

Съ разрѣшенія доктора, этотъ ополченецъ получилъ ружье — *кримку,* набралъ сколько могъ патроновъ и съ радостью пошелъ обратно на позицію:

Вотъ теперь увидимъ, будетъ ли, проклятая собака, стоять противъ меня и въ меня цѣлить?!" говорилъ раненый ополченецъ.

Описывать ли подробно и нынѣшній бой? Думаю, что это излишне, такъ какъ это было бы повтореніемъ описанія вчерашняго: тотъ же громъ выстрѣловъ, тѣ же барабаны и трубы и тѣ же клики: *алла*, однимъ словомъ, тѣ же яростныя аттаки, что и вчера.

Понятно, что и сегодня всѣ эти аттаки были отбиты съ большимъ для непріятеля урономъ. Разница была лишь сегодня та, что турки напрягали всѣ свои усилія отрѣзать намъ путь сообщенія съ Габровымъ; это было видно изъ того ожесточенія, съ какимъ турки вели сраженіе на нашемъ правомъ флангѣ, тогда какъ на другихъ частяхъ позиціи турецкія аттаки были не столь яростны, а на лѣвомъ флангѣ — и совсѣмъ слабы.

Но, не смотря на слабыя аттаки, мы, на лѣвомъ флангѣ, все-таки несли значительныя потери, и больше всего отъ тѣхъ турецкихъ стрѣлковъ, которые засѣли въ камняхъ и среди деревьевъ; они намъ положительно не давали покою ни днемъ, ни ночью.

Удивляться надо, какъ человѣкъ могъ остаться невредимымъ подъ этимъ градомъ пуль и гранатъ, отъ которыхъ вокругъ падали убитые и раненые; Провидѣніе лишь могло спасти человѣка отъ этихъ тысячъ летящихъ на него смертныхъ ударовъ.

На разсвѣтѣ, 12-го августа, на позицію прибылъ начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи генералъ Драгомировъ и остановился на *тыльной* батареѣ, по которой турки посылали концентрически свои гранаты и пули. Генералъ Драгомировъ прійдя на батарею, сѣлъ, тоже сдѣлалъ и состоявшій при немъ капитанъ Мальцевъ.

— „Ваше превосходительство, не лучше ли вамъ сѣсть вотъ здѣсь," сказалъ майоръ Поповъ: „потому что тамъ пули летаютъ, какъ мухи!"

— „Ну, батенька, отъ своей пули никуда не уйдешь!" отвѣтилъ Драгомировъ.

Въ этотъ моментъ капитанъ Мальцевъ повалился раненый; всѣ бросились къ Мальцеву.

— „Кажется, что и я раненъ?" сказалъ генералъ Драгомировъ.

И дѣйствительно, той же пулей, что ранила Мальцева, опасно раненъ былъ и генералъ.

И мнѣ сегодня пришлось пережить опасность — я былъ сильно контуженъ пулей въ ногу, выше ступни, но безъ всякаго для меня вреда. Вѣроятно пуля летѣла издалека или попала въ меня рикошетомъ. Послѣ полудня, уставши и ослабѣвъ физически, я прилегъ въ ложементѣ между ополченцами, которые съ обѣихъ сторонъ лежали около меня почти вплотную, какъ вдругъ я почувствовалъ, что меня сбоку, будто кто потянулъ за платье и въ то же время лежавшій съ той же стороны ополченецъ охнулъ: оказалось, что пуля пробила мнѣ платье и ударила ополченца въ правое бедро.

Сегодня же пришлось перенести и одно нравственное потрясеніе, и случай этотъ навѣрное всегда будетъ мучить мою совѣсть: послѣ обѣда, въ ротѣ Орловскаго полка, занимавшей лѣвофланговые окопы III-й дружины, оканчивался запасъ патроновъ, и потому за ними были отправлены нѣсколько солдатъ въ „казарму“; одинъ изъ этихъ солдатъ, весь въ поту, отъ тяжести мѣшка съ патронами едва шелъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, мимо ложементовъ 1-й роты.

— Поди сюда, отдохни, крикнулъ я солдату; онъ подошелъ сбросилъ мѣшокъ и какъ снопъ повалился во внутрь ложемента, по его внутренней покатости (ложементы были такъ построены, что на этихъ покатостяхъ можно было лежать).

— Сюда, сюда, ниже спустись! сказалъ я солдату.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать движеніе, какъ непріятельская пуля забилась ему прямо въ лобъ и онъ застоналъ. 20 минутъ несчастный солдатъ боролся съ смертью, и наконецъ тихо, безъ стона и конвульсій, предалъ Богу духъ; лишь при послѣднемъ вздохѣ, все тѣло его задрожало . . . Ужасныя нравственныя страданія испытывалъ я: мнѣ казалось, и даже не казалось, а я ясно читалъ во взорахъ окружавшихъ упрекъ въ смерти этого молодого солдата:

— „Ты виноватъ въ этой смерти!“ говорили эти взоры: „не позови его къ себѣ, онъ, можетъ быть, остался бы живъ.“

Одинъ изъ ополченцевъ взялъ мѣшокъ съ патронами и отнесъ его въ роту убитаго солдата.

И сегодня опасность быть пораженнымъ непріятельской пулей для каждаго отдѣльно изъ защитниковъ Шипки была не меньшей, чѣмъ въ прошлые дни, но всѣ были веселые, улыбающіеся и спокойные. Ополченцы то и дѣло подсмѣивались надъ гранатами или пулями, пролетавшими съ визгомъ

и жужаніемъ надъ ихъ головами, или представляли въ комичномъ видѣ убѣгающихъ турокъ, или разсказывали другъ другу разные эпизоды изъ минувшихъ дней шипкинской обороны и сегодняшній день казался какъ-то короче.

Орудійная стрѣльба на нашемъ лѣвомъ флангѣ уже давно была прекращена, а на правомъ — все еще продолжалась учащенная стрѣльба, но и она утихла къ десяти часамъ вечера; только бдительные стрѣлки за камнями, между деревьевъ, продолжали стрѣльбу чаще другихъ на всей позиціи.

Лишь прекратилась стрѣльба, я поставилъ впереди стрѣлковыхъ заваловъ ночные секреты и затѣмъ ушелъ къ дружинному командиру съ рапортомъ о состояніи роты, оружія и патроновъ; у командира засталъ всѣхъ офицеровъ дружины. Приготовлялись ужинать; бондарь, деньщикъ Чиляева, накрывалъ къ ужину; вскорѣ начали подходить и прочіе деньщики — ночные совы, какъ ихъ называли офицеры, а съ ними заодно прибылъ и мой Трайко и опять съ сюрпризомъ — принесъ свинины, жареной на вертелѣ.

— И откуда только ты достаешь все это? спросилъ я его, развѣ я тебѣ не приказывалъ не отлучаться отъ назначеннаго тебѣ мѣста.

— „Что-жь голоднымъ вамъ оставаться, что-ли, ваше благородіе?“ фамиліарнымъ тономъ и какъ бы дѣлая мнѣ замѣчаніе, переспросилъ Трайко.

О моей лошади Трайко доложилъ, что толку съ нее не будетъ: „ничего не ѣстъ, и ходитъ, какъ на ходуляхъ,“ сказалъ онъ.

Но не лошадь меня безпокоила. Всѣ офицеры, не исключая и командира, мнѣ показались озабоченными, да и было отчего заботиться: ополченцы и сами офицеры были истощены отъ безсоницы, жажды и голода — въ эти первые четыре дня не получали теплой пищи и питались только сухарями, лишь въ нѣкоторыхъ ротахъ давали или овечій сыръ, или по фунту вареной говядины, а самое скверное было то, что ружья стали совершенно негодными. Мы всѣ сознавали, что Ополченіе стало безполезнымъ для обороны Шипки и что обязательно должно было его смѣнить, дать ему отдохнуть, а главное, перевооружить.

Когда мы оканчивали ужинать, подошелъ къ намъ полковникъ Депрерадовичъ. Разговоръ, понятно, шелъ по

воду турецкихъ аттакъ, и въ связи съ ними и о нашихъ жементахъ.

— „Я удивляюсь, какъ васъ не перебили турки въ вахъ ложементахъ! Я разсмотрѣлъ ихъ только въ II-й и части въ III-й дружинахъ и увѣряю васъ, что по ихъ принимости къ мѣстности и ихъ устройству, они мнѣ напоили дѣтскую игрушку,“ сказалъ Депрерадовичъ.

— „Ѳедоръ Михаиловичъ,“ возразилъ Чиляевъ: „если теперь называете наши ложементы дѣтской игрушкой, то къ назвали бы, увидавъ ихъ, какими они были въ первый нь обороны? Мы каждый вечеръ, начиная съ 9-го числа, все опываемся, увеличивая и профили и размѣръ.“

На эти слова полковникъ Депрерадовичъ, съ свойственмъ ему добродушіемъ, отвѣтилъ, что онъ если и замѣтилъ, не въ укоръ ему — Чиляеву, такъ какъ онъ зналъ, что ляевъ принялъ дружину наканунѣ шипкинской обороны.

— „Во всякомъ случаѣ,“ закончилъ полковникъ: „я васъ прошу, Константинъ Борисовичъ, немедленно принять мѣры исправленію ложементовъ.“

— „Слушаю-съ!“ отвѣтилъ Чиляевъ: „мы на сколько возжно укрѣпимъ позицію, говорю, насколько возможно, помy что у насъ, кромѣ линемановскихъ лопатъ, нѣтъ никахъ шанцовыхъ инструментовъ. Но теперь вопросъ другой, чѣмъ и съ кѣмъ будемъ защищать позицію?“ спросилъ ляевъ.

Маіоръ затѣмъ описалъ дѣйствительное состояніе своей ужины, доказавъ вопіющую необходимость ее смѣнить для дыха и перевооружить.

— „Помилуйте,“ говорилъ Чиляевъ: „ополченцы остась не только безъ ружей и патроновъ, но истощены отъ юда и жажды! Шутка сказать, четверо сутокъ не ѣсть, не ть, да еще и не спать!“ волновался Чиляевъ.

Офицеры поддержали дружиннаго командира; они залли, что при всемъ ихъ горячемъ желаніи участвовать въ згромѣ Сулеймановой арміи (въ этомъ никто не сомнѣся), дружина будетъ безполезна въ предстоящихъ бояхъ.

— „Я все это и самъ вижу, господа!“ отвѣтилъ Депредовичъ: „но не вѣрю, чтобы смѣна была возможна; впрочъ, я доложу генералу.“

Послѣ ухода Депрерадовича, дружинный командиръ лично обошелъ ложементы, далъ нужныя указанія по укрѣпленію позиціи, и работа, безъ шума, закипѣла.

Было одинадцать часовъ вечера, когда Чиляевъ созвалъ ротныхъ командировъ и сообщилъ имъ пріятную вѣсть о смѣнѣ дружины еще этой ночью и о походѣ въ Габрово, на отдыхъ. Эта вѣсть, понятно, обрадовала всѣхъ, и было чему радоваться. Командиръ отдалъ приказъ прекратить работы по укрѣпленію позиціи и приготовляться солдатамъ въ дорогу. Согласно приказанія, отступленіе съ позиціи должно было произойти по ротно, разсыпаннымъ строемъ и безъ шума, ввиду того, что ночь была лунная и турецкіе стрѣлки могли замѣтить это движеніе.

Немного спустя, къ участку 1-й роты, со стороны расположенія II-й дружины, подошли полковникъ Депрерадовичъ, полковникъ генеральнаго штаба Духонинъ, командиръ 55-го Подольскаго полка, и подполковникъ Боголюбовъ, командиръ батальона того же полка; Депрерадовичъ водилъ полковника Духонина по позиціи, знакомя его съ позиціей и передавая ему лѣвофланговый участокъ послѣдней, такъ какъ дружины должны были быть смѣнены его полкомъ. Подошелъ въ то же время и дружинный командиръ, котораго я, замѣтивъ приближеніе начальства, послалъ позвать.

Шт.-ротм. Чиляевъ повелъ начальствующихъ лицъ по позиціи дружины, разсказывая о характерѣ мѣстности впереди нашихъ стрѣлковыхъ заваловъ и о расположеніи непріятеля. Подполковникъ Боголюбовъ постоянно распрашивалъ своимъ тоненькимъ голосомъ по разнымъ вопросамъ, то дружиннаго командира, то меня, а больше всего ополченцевъ; кромѣ того Боголюбовъ постоянно выходилъ впереди ложементовъ, чтобы лично ознакомиться съ мѣстностью и приблизительнымъ расположеніемъ турокъ, не обращая вниманія, что непріятельскія пули то и дѣло, что шлепались съ визгомъ вокругъ насъ. Депрерадовичъ не разъ долженъ былъ предостеречь Боголюбова не выходить подъ пули и не говорить громко, такъ какъ турецкіе стрѣлки были близко и, заслышавъ насъ, могли открыть болѣе частый огонь; Боголюбовъ*) на минуту воздер-

*) Подполковникъ Боголюбовъ — братъ того Боголюбова, который участвовалъ въ международной комиссіи по опредѣленію границъ освобожденной Болгаріи; онъ умеръ отъ болѣзней, происшедшихъ впослѣдствіи отъ ранъ, въ 1881 году.

Подполковникъ Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ,
командиръ батальона 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка.

Стр. 286—287.

живался, затѣмъ тотчасъ же забывалъ и снова начиналъ громко говорить и выходить за ложементы; при этомъ онъ все хвалилъ ополченцевъ за ихъ храбрость и неустрашимость въ трудные дни обороны Шипки; не былъ скупъ на похвалы и командиръ 55-го Подольскаго полка полковникъ Духонинъ.

— „Ну и трещетка же этотъ Боголюбовъ!“ замѣтилъ Чиляевъ, когда мы остались одни: „ни на минуту, вѣдь, не умолкъ!“

На слѣдующій день, послѣ нашей смѣны, храбрый и неустрашимый подполковникъ Боголюбовъ былъ тяжело раненъ.

Послѣ полуночи, наконецъ, прибыла съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся смѣна.

Ночь была тиха и ясна; луна освѣщала на столько позицію, что можно было издали видѣть движущіяся части; тишина нарушалась лишь рѣдкими ружейными выстрѣлами турецкихъ стрѣлковъ и свистомъ пуль; но съ прибытіемъ ротъ Подольскаго полка, выстрѣлы эти стали чаще, не смотря на то, что Подольцы подходили по ротно и во время движенія строго сохранялась тишина.

Предполагалось смѣнить всѣ пять дружинъ, но маіоръ Рѣдькинъ доложилъ начальству, что ввѣренная ему IV-я дружина проситъ остаться на своей позиціи, пока не будетъ отбитъ непріятель, такъ какъ эта дружина не участвовала еще въ другихъ сраженіяхъ и потому не хочетъ остаться ниже другихъ дружинъ. Такое желаніе дружины было уважено и она осталась на позиціи, доблестно защищая послѣднюю въ тяжелые *„шипкинскіе дни“* вплоть до 20-го августа. Первой была смѣнена II-я дружина, за ней — моя 1-я рота.

Я повелъ роту разрѣженными рядами мимо *круглой* батареи, по направленію къ шоссе; турецкіе стрѣлки, вѣроятно замѣтивъ наше движеніе, усилили стрѣльбу; пули запищали и начали падать между рядовъ роты, были слышны тупые удары пуль при паденіи и раздавались клики: „охъ, меня ранили!“

Идемъ, идемъ, а до вершины еще далеко . . . идемъ и сердце сильно бьется, точно выскочить хочетъ; душу каждаго охватило тяжелое чувство, будто всѣ ожидали своей очереди. Было бы не справедливо, обидно, думалъ я, если бы теперь, послѣ четверыхъ сутокъ отчаянной борьбы, въ теченіи кото-

рыхъ гранаты и пули, какъ градъ, сыпались на насъ, теперь именно, когда насъ смѣнили и мы не видимъ уже врага, получить ударъ пули; чистосердечно признаюсь, что послѣ всѣхъ испытанныхъ ужасовъ сраженій, я въ первый разъ чувствовалъ себя непріятно, чувствовалъ малодушіе: я отдѣлился отъ головныхъ рядовъ роты на 3—4 шага въ сторону.

— Ничего, это ничего, успокаивалъ я себя, развѣ не приказано идти разрѣженными рядами? Наконецъ и уставъ развѣ этого не дозволяетъ?

Тѣмъ не менѣе, голосъ совѣсти и военная доблесть нашептывали мнѣ: „малодушіе! малодушіе!"

Подойдя къ взводному командиру, я показалъ ему направленіе, котораго слѣдовало держаться, а самъ, не ожидая подхода хвостовыхъ рядовъ роты, растянувшейся на довольно большое разстояніе, повернулъ назадъ и пошелъ на встрѣчу къ послѣднимъ ротнымъ рядамъ, съ цѣлью послѣднему выйти изъ сферы непріятельскихъ пуль.

Наконецъ мы вышли на шоссе; отсюда, мимо *круглой* батареи, перевалили гору и стали спускаться къ Червеному Брегу. Если бы наше движеніе по шоссе было днемъ, то дорого пришлось бы поплатиться, такъ какъ здѣсь часть шоссе, на разстояніи до *полукруглой* батареи, совершенно была открыта для выстрѣловъ съ турецкихъ позицій на *Зеленой* и *Лысой* горахъ; но теперь здѣсь было тихо и спокойно. Множество труповъ убитыхъ солдатъ, валявшихся по шоссе и въ ложементахъ, расположенныхъ около шоссе, свидѣтельствовало, что въ теченіи дня тутъ былъ горячій бой; ниже полукруглой батареи, на самомъ шоссе, я замѣтилъ нѣсколько труповъ турецкихъ солдатъ.

Не доходя до турецкой караулки, на полянѣ, былъ расположенъ бивуакомъ 53-й Волынскій полкъ; онъ прибылъ сюда въ началѣ ночи, и, вѣроятно, сегодня уже будетъ участвовать въ бою; солдаты полка отъ сильнаго утомленія въ походѣ спали, какъ праведники, но съ ружьями въ рукахъ; кой-гдѣ виднѣлись и бодрствующіе, вѣроятно движеніе Ополченія ихъ разбудило. Между этими любопытными я встрѣтилъ знакомаго мнѣ вольноопредѣляющагося Вакареско — юношу 17—18 лѣтъ, сына богатыхъ родителей изъ Кишинева; когда была мобилизована русская армія, Вакареско поступилъ въ Волынскій полкъ и съ нимъ участвовалъ въ бою, при переходѣ Дуная; онъ

очень былъ радъ встрѣчѣ со мной и удивлялся какъ я остался цѣлъ и невредимъ на шипкинской бойнѣ.

— „14-я дивизія накажетъ Сулеймана за его дерзость!“ воскликнулъ съ юношескимъ пыломъ Вакареско.

Бѣднякъ, онъ не зналъ, что еще сегодня, въ самомъ началѣ боя, онъ будетъ раненъ.

Ниже турецкой сторожки, былъ расположенъ главный перевязочный пунктъ; здѣсь не было тихо и спокойно, какъ на бивуакѣ Волынскаго полка: печальные стоны и предсмертные вздохи доносились до нашего слуха; въ воздухѣ слышенъ былъ острый и удушливый запахъ карболовой кислоты и испареній крови; около палатокъ стояли много подводъ и лазаретныхъ линеекъ, между которыми сновали солдаты, видимо приготовляясь сажать раненыхъ въ эти экипажи — жертвъ вчерашняго ожесточенаго боя.

Раненые были размѣщены частью въ палаткахъ, частью подъ открытымъ небомъ.

— „Бѣдные Волынцы! стоятъ себѣ теперь тихо и спокойно, а сколько ихъ завтра придетъ или будутъ принесены сюда, на перевязочный пунктъ, а сколько еще лягутъ костьми на вѣки тамъ на верху, на Шипкѣ!“ замѣтилъ одинъ изъ ополченцевъ.

Начиная отъ Волынскаго бивуака, внизъ по пути, все болѣе и болѣе встрѣчалось болгаръ, расположившихся по краямъ шоссе; всѣ они глубоко спали; неподалеку отъ нихъ, пасся ихъ скотъ, а около нихъ лежали бочки, фляги и разныя другія посудины для воды: эти болгаре были бѣглецы изъ южной Болгаріи и Габровчане, которые, рискуя жизнью, доставляли воду на перевязочный пунктъ для раненыхъ и для защитниковъ Шипки.

У Червенаго Брега мы отдохнули около часу, послѣ чего продолжила путь только III-я дружина, а I-я, II-я и V-я остались на перекресткѣ дорогъ у Червенаго Брега для защиты тыла шипкинской позиціи, на тотъ случай, если бы непріятель предпринялъ обходъ таковой, со стороны д. Зеленаго Древа; расположеные же при с. Топлишѣ — казачій полкъ и X-я дружина — при д. Зеленое Древо были предназначены для наблюденія за непріятелемъ, въ случаѣ, если послѣдній предприметъ обходъ по горнымъ тропинкамъ, которыя водятъ изъ с. Топлиша въ д. Иметліи.

Въ Габрово мы прибыли рано, по холодку, и расположились бивуакомъ на ровной полянѣ, передъ городомъ, съ лѣвой стороны шоссе.

XII.

Отдыхъ въ Габровѣ. — По пути къ Червеному Брегу. — Первая ночь отдыха. — Судьба торговца воловьими рогами. — Смотръ генерала Непокойчицкаго. — Князь Имеретинскій и мирная жизнь Ополченія на зелено-древской позиціи. — Черкесскій набѣгъ. — Пѣшіе казаки. — Доръ-Шпрунъ-Целище и Х-я дружина. — Находка казачьяго патруля. — Унтеръ-офицеръ Георгіевъ и кашеваръ V-ой дружины. — Съ 21-го августа по 5-е сентября. — Бой на Шипкѣ съ 4-го на 5-ое сентября. — На зимнихъ квартирахъ. — Дѣйствія VI-ой дружины. — Еврейскій хлѣбъ и еврейскій грабежъ. — Перевооруженіе Ополченія. — На аванпостахъ.

13-ое августа. Послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, и понятнаго упадка физическихъ и нравственныхъ силъ ополченцевъ, должно бы было и имъ и офицерамъ прежде всего выспаться, между тѣмъ, не смотря на еще раннюю пору, никто не ложился спать. Какъ только расположились на бивуакѣ, ополченцы, какъ стадо на водопой, бросились къ водѣ, протекавшей у самаго бивуака и умылись; затѣмъ помолились Богу за упокой душъ погибшихъ въ бою товарищей и въ благодарность за спасеніе своей жизни въ неравномъ бою съ непріятелемъ, и принялись за работу: кто чистилъ ружья, кто переодѣвался, иной стиралъ свое бѣлье, а другіе собрались въ кружки и обмѣнивались впечатлѣніями, разсказывая другъ другу о пережитыхъ на Шипкѣ тяжелыхъ дняхъ.

Ротныя кухни дымились и запахъ вкусной похлебки съ стручками зеленаго перца и кукурузной каши пріятно дразнили обоняніе ополченцевъ; послѣ столькихъ дней недоѣданія, или лучшее сказать, голода, сегодня въ первый разъ приготовлялась теплая пища. Почти всѣ офицеры, хотя было еще рано, отправились въ городъ что-либо поѣсть, такъ какъ голодъ и у офицеровъ, какъ и у солдатъ, словно червякъ глодалъ желудокъ; только дружинный командиръ предпочелъ лечь спать.

Неподалеку отъ насъ, къ востоку, былъ расположенъ ивуакомъ 54-й пѣхотный Минскій полкъ. Какъ только остаовилась дружина на бивуакѣ, нѣсколько офицеровъ названаго полка пришли съ нами повидаться; между ними былъ мой товарищъ Иваницкій; всѣ они насъ окружили и засыали вопросами, интересуясь узнать о ходѣ бывшихъ сраженій на Шипкѣ, о настоящемъ положеніи Шипки и т. д.

— „Молодцы *братушки,* храбро дерутся; благодаря имъ Шипка удержалась!" и многое другое говорили офицеры, осылая комплименты по адресу ополченцевъ. Вскорѣ офиеры ушли, такъ какъ ихъ полкъ приготовлялся выступить а Шипку.

Подпоручикъ Иваницкій, уходя, отозвалъ меня въ сторону.

— „У меня къ тебѣ есть просьба," сказалъ онъ, и когда отвѣтилъ что весь къ его услугамъ, онъ вынулъ кошелекъ ъ золотомъ и подалъ его мнѣ.

— „Сегодня, полкъ нашъ уже выступитъ въ дѣло и Богъ наетъ, что со мной будетъ; поэтому возьми пожалуйста эти еньги, и если я буду убитъ, перешли ихъ къ моему отцу.

Я, понятно, сказалъ ему, что не всѣхъ же убиваютъ въ раженіи и указалъ для примѣра на себя.

— „Во всякомъ случаѣ, пусть деньги будутъ у тебя," акончилъ Иваницкій и простился.

Я вполнѣ одобрялъ поступокъ Иваницкаго; самъ я пеедъ боемъ тоже отдалъ свои сбереженія поручику Филову доктору Миркову, такъ какъ только чудомъ можно было ыйти невредимымъ изъ шипкинской бойни.

Въ Габровѣ было сильное движеніе; улицы буквально ыли переполнены народомъ, который, въ критическія минуты Шипки, было оставилъ городъ, а теперь, съ приходомъ 14-й ивизіи и стрѣлковой бригады, снова возвратился въ городъ. ольшая часть бѣглецовъ изъ южной Болгаріи расположились ъ городѣ и на его окрайнахъ; часть ихъ, впрочемъ, находиась и у Червенаго брега; бѣглецы эти были оживлены, у нихъ одилась надежда, что скоро возвратятся въ свои домы.

Бакалейныя лавки и харчевни, закрывшіяся было въ поѣдніе дни, теперь снова были открыты и переполнены пуликой; кромѣ того, съ прибытіемъ 14-й дивизіи, появились аркитанты съ разными предметами для ѣды и питья, продаавшимися по весьма дорогой цѣнѣ и потому не для всѣхъ

доступными. Чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, потому что не всѣ еще хлѣбопекарни успѣли начать прекращенную было работу.

Въ Габровѣ время проходило быстро, не то что на Шипкѣ; едва успѣлъ я себѣ кой-что купить изъ нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей, а полдень уже подошелъ; впрочемъ, мы, офицеры, и не спѣшили.

— „Да и къ чему спѣшить?“ говорили офицеры: „развѣ мы не пришли сюда на отдыхъ и для перевооруженія?“

Я попалъ обѣдать въ одинъ ресторанъ, гдѣ засталъ нѣсколькихъ товарищей и знакомыхъ уже за обѣдомъ. Меню габровскихъ ресторановъ было просто: *чорба*, соусъ, жареное изъ ягненка, и молочная рисовая каша — обыкновенный списокъ кушаній габровскихъ ресторановъ, но за то и все было дешево. Во время обѣда, пришелъ въ ресторанъ одинъ изъ офицеровъ Ополченія:

— „Поздравляю васъ съ походомъ,“ сказалъ онъ: „дружина приготовляется уже въ дорогу.“

— „Куда же это мы пойдемъ?“ спрашивали офицеры.

Но офицеръ не зналъ куда пойдемъ, но лишь слышалъ, что вернемся на позицію.

— „Должно быть плохи дѣла на Шипкѣ,“ вывелъ заключеніе одинъ изъ офицеровъ: „пришли сюда отдыхать, а вмѣсто отдыха и пройдя столько пути, извольте опять маршировать назадъ!“

Мы поспѣшили расплатиться за обѣдъ и отправились на бивуакъ, гдѣ уже было все въ движеніи. Ополченцы спѣшили заканчивать свои работы — чистку ружей, починку вещей и прочее; другіе — уже свертывали шинели, готовясь въ путь.

— „Къ чему только насъ привели сюда, когда надо опять идти назадъ на позицію?“ удивлялся одинъ изъ ополченцевъ.

— „Какъ къ чему? отдохнуть, поѣсть теплой пищи, развѣ этого мало?“ отвѣчалъ кто-то.

— „Хоть бы намъ дали время очистить эти *пустоловки*,“ говорилъ ополченецъ 3-й роты, показывая товарищамъ на ружья.

— „Чисть, не чисть, все одно, лучшими ихъ не сдѣлаешь,“ отвѣчалъ другой: „я ли не чистилъ мою *красавицу* и все таки она мнѣ измѣнила 11-го августа: вижу одинъ турокъ, шагахъ въ

двухстахъ, подползаетъ къ намъ изъ-за кустовъ, ну, думаю, погоди, я тебя научу какъ безъ спроса въ гости ходить, прицѣлился — трахъ! Не тутъ было, не взяло, я бросилъ ружье, взялъ другое у товарища, да ужъ было поздно...“

Тѣмъ не менѣе, ополченцы были очень довольны, что отправлялись на позицію, и, удивительное дѣло, еще сегодня, когда мы уходили изъ Шипки, ополченцы, большей частью, жалѣли, что смѣняются и завидовали Подольцамъ, Волынцамъ и Житомирцамъ.

— „Мы не поступили въ Ополченіе, чтобы сидѣть въ Габровѣ, когда на Шипкѣ, турки, какъ бѣшенные, бросаются на наши позиціи,“ говорили ополченцы: „болгаринъ теперь именно долженъ быть тамъ, гдѣ гремятъ ружья и пушки, чтобы кровью своей купить свободу отечества! Пока насъ была горсть людей и мы удерживались четверо сутокъ на Шипкѣ и успѣшно отбивали полчища Сулеймана, мы были тамъ, а теперь, когда прибыла цѣлая дивизія и стрѣлковая бригада, когда и мы должны участвовать въ общемъ наступленіи и отомстить за товарищей, павшихъ подъ Старой-Загорой и на Шипкѣ, теперь намъ надо оставаться въ Габровѣ — это просто обидно!“

И ополченцы, хотя и не вѣрили въ свои ружья, но все таки дѣйствительно были рады, что уходятъ на позицію, что возьмутъ участіе чуть не въ плѣненіи Сулеймана-паши и его таборовъ. Это радостное настроеніе отразилось и на бѣглецахъ, которые уже не сомнѣвались, что вскорѣ вернутся домой, и потому тоже потянулись вслѣдъ за дружиной на Шипку.

Въ четыре часа по полудни, дружина снялась съ бивуака и отправилась по той же дорогѣ, по какой сегодня шла въ Габрово. Начинались сумерки, когда дружина подошла къ постоялому двору у Червенаго Брега. Послѣ небольшаго отдыха, III-я дружина продолжила путь, но оставила дорогу къ Шипкѣ и, перейдя небольшую рѣку, впадающую въ р. Янтру у самого *Чортова* моста, повернула по пути къ западу; эта дорога, сразу за рѣчкой, начинаетъ идти въ гору; путь былъ размытъ дождевыми потоками и покрытъ промоинами и потому идти было очень утомительно. Поздно вечеромъ, дружина пришла въ д. Стоманецы и тамъ расположилась на ночлегъ.

— „Здорово уморились, ноги совсѣмъ не держатъ," говорили ополченцы.

Оно и понятно, что, послѣ безсонныхъ ночей и дватцати пяти верстной прогулки, изъ которыхъ шестнадцать были совершенно излишни, всѣ были крайне переутомлены и потому, по прибытіи въ названную деревню, всякій спѣшилъ поскорѣй улечься спать.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія по ротѣ, прилегъ и я вмѣстѣ съ офицерами, занявшими мѣсто на одномъ гумнѣ. Но, къ удивленію, никакъ не могъ заснуть; а между тѣмъ, пока я ходилъ и былъ въ движеніи, ноги у меня просто заплетались, глаза слипались, столь я былъ уставши и такъ хотѣлъ спать. Темнота и безмолвіе ночи очень скверно дѣйствовали на мои нервы: я испытывалъ полную галюцинацію зрѣнія, слуха и особенно обонянія; послѣднее покажется можетъ быть невѣроятнымъ, но это фактъ. Лишь только закрою глаза, какъ предо мной являются турецкія колонны, въ ушахъ у меня играютъ барабаны и трубы, слышатся крики: *алла, алла,* жужжатъ гранаты и пищатъ пули; я чувствовалъ даже запахъ пороха; когда же я засыпалъ, то тотчасъ же трескъ взрыва гранаты меня пробуждалъ отъ сна и я вскакивалъ съ постели . . . такъ я всю ночь и не могъ заснуть. Впрочемъ не спали и другіе офицеры; одинъ Чиляевъ спалъ, какъ убитый. Не спали также и солдаты: многіе изъ нихъ, лежа или сидя, тихо между собой бесѣдовали, а тѣ, которые спали, были неспокойны, то и дѣло бредили, а двое изъ нихъ такъ даже вскочили и начали кричать: „турки, турки, бей, ура!" Крики этихъ двухъ солдатъ разбудили и солдатъ и офицеровъ и они всѣ повскакивали.

14-е августа. Воскресенье. На разсвѣтѣ я пошелъ къ рѣкѣ, отстоявшей отъ бивуака на 200—300 шаговъ и выкупался въ холодной водѣ, и послѣ этого почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Вернувшись на бивуакъ, я засталъ много поселянъ, прибывшихъ изъ окрестныхъ селъ привѣтствовать шипкинскихъ борцовъ и благодарить ихъ за избавленіе отъ сулеймановыхъ полчищъ. Эти крестьяне пришли и съ подарками: кто принесъ ополченцамъ хлѣба, сыра, мяса, а кто и рубахъ, полотенецъ и т. п.

Выпивъ два стакана молока, я тотчасъ же легъ и проспалъ до 2 часовъ по полудни; закусивъ послѣ сна, я отправился, не смотря на стоявшую жару, на гору, лежавшую къ

веру отъ бивуака, чтобы въ бинокль, разсмотрѣть позиціи мѣстность. Предо мной открылась чудная панорама. Почти я шипкинская позиція была очень хорошо видна. Мѣстность которой я любовался красивыми Балканами, представляла лнообразную возвышенность, покрытую рощами и раскошими фруктовыми садами, между которыми, невдалекѣ другъ ъ друга, отъ 2 до 3 верстъ, были разбросаны селенія: д. гоманецы — на западъ отъ шоссе, переходившаго черезъ Червный Брегъ; западнѣе этой деревни — д. Зеленое Древо; сѣверъ отъ Зеленаго Древа — д. Баевцы; на западъ отъ этой ревни — д. Спасетата и наконецъ отъ д. Зеленаго Древа къ веро-востоку — д. Шишковцы, а къ сѣверу — с. Топлишъ, жащее въ долинѣ р. Янтры.

Сегодня въ Червеный Брегъ прибыли и остальныя дручны; онѣ расположились по окрестнымъ селамъ. Когда прили эти дружины, мы узнали, что генералъ Столѣтовъ въ рвеномъ Брегѣ приказалъ повѣсить одного болгарина, пойннаго нашей цѣпью съ мѣшкомъ за спиной, наполненномъ ловьими рогами. По пути къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ ыть исполненъ приговоръ генерала, команду съ осужденнымъ трѣтилъ и. д. начальника штаба Ополченія маіоръ Поповъ. нтеръ-офицеръ объяснилъ Попову куда и для чего ведутъ оселянина, а послѣдній началъ умолять заступиться за него, равдываясь тѣмъ, что собирать рога было его ремесломъ, о для этой же цѣли онъ ходилъ и въ ротныя кухни, что у го въ Габровѣ живетъ семейство и онъ извѣстенъ горожамъ и т. п. Поповъ приказалъ унтеръ-офицеру подождать о возвращенія и самъ отправился къ генералу Столѣтову датайствовать, чтобы этотъ поселянинъ былъ допрошенъ, и ли окажется виновнымъ, то подвергнутъ наказанію, или, пролъ Поповъ, чтобы былъ отправленъ къ капитану Маслову, ружному начальнику въ Габровѣ, для дальнѣйшаго разслѣванія дѣла.

— „Нѣтъ, прошу васъ сейчасъ же приказать его повѣть; это мое дѣло!“ отвѣтилъ генералъ.

Спустя немного торговецъ воловьими рогами висѣлъ на ревкѣ.

До сихъ поръ не поступало никакихъ распоряженій отнотельно укрѣпленія позицій, или наступленія, о которомъ горилось. Мы, какъ пришли, такъ и оставались на одномъ

мѣстѣ: I-я и II-я дружины — были разположены бивуакомъ недалеко отъ III-й дружины у д. Стоманецъ, а V-я дружина была отправлена въ подкрѣпленіе X-й дружины въ д. Зелено Древо. Иныхъ какихъ либо распоряженій по Ополченію тоже не было, и было предоставлено дружинамъ устраиваться какъ найдутъ для себя лучше.

Съ 15-го по 20-е августа. Такимъ образомъ, мы пользовались многожеланнымъ отдыхомъ въ полномъ смыслѣ слова. Ополченцы совсѣмъ пришли въ себя, получая хорошую и въ изобиліи пищу; *чорбу,* соусъ и кашу, всегда свѣжій хлѣбъ, водку и даже вино; бодрые и веселые, они проводили время въ бесѣдахъ о минувшей отчаянной защитѣ или распѣвали молодецкія, воинственныя и патріотическія пѣсни, а часто подъ мелодическія звуки *кавала* (свирѣль) или пискливыхъ тоновъ *гайды* водили болгарское *хоро* (хороводъ) или танцовали *рученицы* (трепака), при чемъ мастера этого танца показывали товарищамъ свое искуство. Но не смотря на все это, ополченцы не особенно были довольны своимъ положеніемъ: не сбылось ихъ желаніе и далѣе участвовать въ дѣлахъ противъ непріятеля, ружья ихъ пришли въ совершенную негодность и наконецъ у нихъ не было нужной одежды; по одеждѣ ополченцы скорѣе были похожи на нищихъ, нежели на солдатъ, и о таковомъ ихъ званіи можно было узнать лишь по ружьямъ и патронташамъ.

О таковомъ состояніи вооруженія, снаряженія и обмундированія ополченцевъ было очень хорошо извѣстно не только генералу Столѣтову, но, частнымъ путемъ, и корпусному командиру.

Генералъ Столѣтовъ не рѣшался письменно и настоятельно требовать о перевооруженіи и обмундированіи Ополченія, боясь, чтобы подъ этимъ предлогомъ, не отвели бы Ополченія назадъ да тамъ бы его и забыли, и въ такомъ случаѣ Ополченіе было бы лишено возможности попасть еще хоть разъ въ дѣло; это послѣднее предположеніе особенно заставляло генерала замалчивать истину; такимъ образомъ, когда 17-го августа, дружинные и бригадные командиры представили Столѣтову о необходимости отвести Ополченіе для перевооруженія и обмундированія, онъ имъ отвѣтилъ:

— „Знаете ли что? Побываемъ еще разокъ въ одномъ хорошемъ дѣлѣ, ну, а тогда ужъ и отдохнемъ.“

— „Да мы, ваше превосходительство, и сами хотимъ попасть еще въ хорошее дѣло, но прежде чѣмъ попасть въ этакое дѣло, надо быть вооруженными хорошими ружьями," возражали командиры: „надо быть одѣтыми, а у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни того, ни другого; а войти въ дѣло съ тѣми негодными ружьями, какія есть, значило бы рисковать потерей доброй славы, какую мы добыли въ дѣлахъ подъ Старой Загорой и на Шипкѣ."

Генералъ Столѣтовъ все это выслушалъ съ вниманіемъ и согласился.

— „Знаете ли что?" сказалъ генералъ въ заключеніи: „въ концѣ концовъ мы пойдемъ на отдыхъ и для перевооруженія; завтра доложу начальнику главнаго штаба генералу Непокойчицкому и попрошу объ этомъ."

Это сообщеніе было пріятно и для офицеровъ и для ополченцевъ. На слѣдующій день, 18-го августа, еще съ утра, на бивуакѣ началось необыкновенное движеніе. Начальство суетилось. Въ этотъ день ожидали прибытія генерала Непокойчицкаго, долженствовавшаго сдѣлать смотръ Ополченію; ротные командиры лѣзли изъ кожи, чтобы, хоть сколько-нибудь, привести въ порядочный видъ платье ополченцевъ.

— „Гм, одежда въ хорошемъ состояніи," говорили они себѣ подъ усъ: „шила въ мѣшкѣ не утаить."

I-я, II-я, III-я и V-я дружины были построены въ одну линію четырьмя взводными колоннами на площадкѣ у с. Стоманецъ.

Спустя два часа ожиданія, генералъ Непокойчицкій прибылъ; онъ верхомъ объѣхалъ дружины и привѣтствовалъ ополченцевъ, которые громко и дружно отвѣчали. Генералъ пристально оглядывалъ ополченцевъ, и морщился, смотря въ какомъ они находятся состояніи. Послѣ осмотра, дружины построились въ каррэ; генералъ въѣхалъ внутрь каррэ и отъ имени Императора и Великаго-Князя Главнокомандующаго благодарилъ Ополченіе слѣдующими словами:

— „Молодцы! Его Императорское Величество Государь, и Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дѣйствующей арміей мнѣ приказали объявить Ополченію Ихъ благодарность за его храбрость, которую оно показало въ битвахъ подъ Старой Загорой и на Шипкѣ. Его Императорское Высочество очень вами доволенъ."

Эта ласкавая похвала, переданная отъ имени Императора и Главнокомандующаго была встрѣчена громогласнымъ: „рады стараться“ и „ура.“

Послѣ смотра, Непокойчицкій уѣхалъ въ Габрово; такъ Столѣтовъ и не сказалъ ему ни слова о нуждахъ Ополченія, и не воспользовался представившимся случаемъ, тѣмъ болѣе удобнымъ, что начальникъ Главнаго Штаба лично видѣлъ въ какомъ плачевномъ состояніе находились ополченцы.

— „Вы бы, ваше превосходительство, хоть попросили бы начальство дать намъ крнковскія ружья и обмундированіе,“ заявляли бригадные и дружинные командиры Столѣтову, послѣ отъѣзда Непокойчицкаго.

— „Знаете ли что? Я сейчасъ же поѣду въ Габрово и попрошу генерала дать намъ ружья!“ отвѣчалъ Столѣтовъ.

И дѣйствительно, вмѣстѣ съ майоромъ Поповымъ онъ уѣхалъ въ Габрово, но говорилъ ли онъ съ Непокойчицкимъ по этому вопросу, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Послѣ смотра, III-я дружина осталась у дер. Стоманецъ; I-я дружина расположилась на горѣ, къ сѣверу отъ этой деревни; II-я дружина — у дер. Баевецъ, а V-я дружина осталась на прежнемъ мѣстѣ у дер. Зеленаго Древа.

Вскорѣ прибыла 2-я дивизія, подъ командой свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго. Дивизія эта остановилась въ Червеномъ Брегѣ и Ополченіе поступило подъ начальство князя. Князь Имеретинскій обошелъ нашу позицію, осмотрѣлъ ее съ найболѣе высокихъ пунктовъ, на которыхъ были расположены казачьи посты, съ цѣлью высмотрѣть возможна ли съ этой стороны предполагавшаяся аттака противъ непріятеля.

Турки и не думали пока нападать на насъ во всѣ эти нѣсколько дней, со времени прибытія нашего къ д. Зеленому Древу; выходило, что слухъ о приготовленіи турокъ отрѣзать намъ сообщеніе съ Габровымъ занятіемъ дер. Зеленаго Древа былъ невѣренъ, или, можетъ быть, турки убѣдились въ невозможности пробиться по пути къ Габрову, „такъ что намъ,“ какъ говорили нѣкоторые: „не стоило безпокоиться!“ и мы на самомъ дѣлѣ и не безпокоились, а зажили, какъ вообще живется на бивуакахъ въ мирное время. Въ первые дни, по прибытіи, еще принимались предохранительныя мѣры: позиція оберегалась аванпостной цѣпью, казачьими постами, разставлялись, гдѣ нужно, секреты и патрули постоянно сновали по

всей позиціи; но, мало по малу, небрежность взяла верхъ: аванпостная служба, напр. днемъ совсѣмъ снималась и вообще исполнялась небрежно; солдатамъ разрѣшались отпуски въ городъ и въ окрестныя деревни; офицеры, по нѣсколько человѣкъ въ одинъ пріемъ, уѣзжали въ Габрово; однимъ словомъ, что, если бы не гулъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ и не видъ турецкой батареи на *Лысой* горѣ, можно бы было забыть, что стоимъ противъ непріятеля и предположить, что стоимъ на постоянныхъ квартирахъ или въ лагеряхъ, въ мирное время. Впрочемъ, вѣроятно, чтобы показать туркамъ, что мы не дремимъ, дружины то и дѣло перемѣщались съ мѣста на мѣсто, такъ что напр. наша III-я дружина, со времени прибытія въ д. Зеленое Древо, перемѣнила три мѣста и затѣмъ опять вернулась на прежнее мѣсто къ д. Стоманецамъ изъ подъ дер. Зеленаго Древа.

19-го августа, утромъ, мы съ подпоручиками V-й дружины Гуджевымъ и Николаевымъ договорились отправиться дня на два въ Габрово. Препятствія къ тому со стороны начальства, понятно, не встрѣтили, и въ 10 часовъ утра были уже въ городѣ. Оставивъ лошадей на постояломъ дворѣ, сами мы отправились по лавкамъ сдѣлать необходимыя покупки, послѣ чего, я пошелъ въ ресторанъ пообѣдать и затѣмъ намѣревался посѣтить дружиннаго адъютанта шт.-кап. Сокальскаго, который съ 13-го августа находился въ Габровѣ по болѣзни; но Сокальскій и самъ пришелъ въ гостинницу обѣдать.

— „Лихорадка и нервы, батенька, все меня мучаютъ,“ жаловался Сокальскій: „никакъ не могу отъ нихъ отдѣлаться; авось, на дняхъ вмѣстѣ съ шт.-капит. Стеселемъ вернемся.“

День въ городѣ мнѣ казался длиннымъ и безъ дѣла сидѣть въ Габровѣ не хотѣлось, а потому, въ половинѣ пятаго по полудни, я простился съ товарищами и уѣхалъ въ д. Зеленое Древо. Какъ разъ у моста, на краю города, втрѣтилъ меня дружиный командиръ Чиляевъ.

— „Куда вы это?“ спросилъ онъ.

Я сказалъ, что возвращаюсь на позицію.

— „Да вѣдь у васъ отпускъ на два дня?! удивился онъ: „впрочемъ, поѣзжайте, такъ какъ въ дружинѣ осталось очень мало офицеровъ.“

Солнце было еще высоко, когда я вернулся; на позиціи все было тихо и спокойно.

20-е августа. Сегодняшній день засталъ дружины въ слѣдующемъ расположеніи: V-я — у самой д. Зеленаго Древа, съ сѣверной ея стороны; палатки офицеровъ дружины стояли въ 3—4 шагахъ на право отъ дороги, которая вела въ деревню, а палатки нижнихъ чиновъ — въ лѣво отъ той же дороги, на полянѣ, по краямъ которой кой-гдѣ росли фруктовыя деревья; X-я, подъ командой маіора Доръ-Шпрунъ-Целице, расположилась въ 250—300 шагахъ на сѣверо-западъ отъ V-й дружины; обѣ эти дружины, вмѣстѣ съ казачьимъ полкомъ, подъ командой полковника Раугена, стоявшимъ въ с. Топлишѣ, составляли первую линію. Во второй линіи находились: III-я дружина — у д. Стоманецъ, II-я у д. Баевецъ и I-я — на возвышености, лежавшей на сѣверъ отъ дер. Стоманецъ. Отъ бивуака III-й дружины до расположенія V-й дружины разстояніе было не болѣе полуторы версты, черезъ небольшой долину, покрытую полями высокой кукурузы; западная часть этой долины упиралась въ высокую стѣну обрыва, и не была доступна для движенія кавалеріи. Съ бивуака III-й дружины ясно виднѣлись: дер. Зеленое Древо, покрытая кукурузными полями долина и бивуаки I-й и V-й дружинъ.

Было около 10 часовъ утра. Я прибиралъ купленныя наканунѣ въ Габровѣ вещи, какъ вдругъ заслышалъ нѣсколько сразу данныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и, схвативъ фуражку и шашку, моментально выскочилъ изъ палатки.

— „Турки, турки напали на V-ю дружину!“ кричали нѣсколько голосовъ на бивуакѣ.

Ружейные выстрѣлы раздались со стороны д. Зеленаго Древа; я взглянулъ въ направленіи къ этой деревнѣ и предо мной предстала такая картина, что я не могъ сразу разобрать въ чемъ дѣло: всадники и пѣхота, общей массой и перемѣшавшись между собою, бѣжали по равнинѣ между бивуакомъ V-й дружины и обрывомъ упомянутой долины; всмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что турецкая кавалерія преслѣдовала бѣгущихъ ополченцевъ, при чемъ многіе изъ послѣднихъ были безъ ружей, а черкесскія шашки блистали отъ солнца надъ головами ополченцевъ, и видно было, какъ черкесы съ одного взмаха валили на землю свои жертвы и затѣмъ бросались преслѣдовать другихъ; спустя нѣсколько минутъ, въ I-й дружинѣ забили тревогу, подхваченную барабанщиками и трубачами III-й дружины; I-я дружина быстро построилась и бѣ-

гомъ бросилась впередъ, пославъ предварительно стрѣлковую цѣпь; между тѣмъ черкесы, какъ бѣшенные, въ карьеръ гоняли по равнинѣ коней и рубили гдѣ кого попадутъ; кромѣ черкесовъ, находившихся на возвышенности, со стороны — южнѣе расположенія V-й дружины, гдѣ западная часть обрыва не была такъ крута, наступали по склонамъ кукурузныхъ полей долины другіе черкесы. Я подошелъ почти къ самому спуску въ долину, откуда еще лучше было видно все пространство, и еще яснѣе увидѣлъ, какъ черкесы гоняли ополченцевъ, большая часть которыхъ была безъ ружей, безъ фуражекъ, а нѣкоторые въ одномъ бѣльѣ. Черкесы, наступавшіе чрезъ кукурузныя поля, двигались медленно и прямо по направленію къ III-й дружинѣ и, въ то же время, стрѣляли по направленію I-й дружины, и, подойдя шаговъ на 700—800 къ III-й дружинѣ, направили огонь по этой послѣдней.

— „Ваше благородіе, позвольте мнѣ ударить, вонъ тамъ, одну изъ этихъ собакъ!" обратился ко мнѣ Трайко, указывая на группу въ 5—6 человѣкъ черкесъ, которые наступали со стороны д. Зеленаго Древа прямо на насъ и уже значительно къ намъ приблизились.

Я выхватилъ казачью берданку изъ рукъ Трайка, зарядилъ и прицѣлился было стрѣлять, но не выстрѣлилъ, подумавъ, что выстрѣломъ могу сдѣлать тревогу почти въ тылу I-й дружины, которая значительно уже ушла впередъ и начала тѣснить передовые ряды черкесъ на возвышенности.

Болгарская пословица говоритъ, что пока *„умные надумаются, дураки наиграются,"* такъ вышло и со мной, пока я раздумывалъ стрѣлять или нѣтъ, невдалекѣ отъ меня раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и третій; я инстинктивно взглянулъ на приближавшихся черкесовъ и увидѣлъ, какъ 3—4 изъ нихъ бросились къ своимъ двумъ раненымъ или убитымъ товарищамъ, взяли ихъ на лошадей и ускакали къ д. Зеленому Древу. Оставшіяся порожнемъ лошади этихъ черкесовъ испугались и метались по кукурузному полю; немного погодя, двое ополченцевъ, стрѣлявшихъ въ черкесовъ, привели ко мнѣ одну изъ этихъ лошадей.

— „Ваше благородіе, вотъ вамъ лошадь, вмѣсто вашей убитой турками," заявили ополченцы.

Были и другія партіи черкесовъ, которыя наступали внизу вдоль рѣчки, но лишь только открылась стрѣльба, онѣ ушли,

иначе имъ могъ быть отрѣзанъ путь отступленія. ...временно съ I-й дружиной, съ сѣвера наступалъ и ...лкъ и, удивительно, наступалъ въ пѣшемъ строю. ... тоже открыли огонь по черкесамъ.

С... я 15—20 минутъ, на позиціи водворилась тишина; ...-то вдали, къ сѣверо-западу, слышны были отдѣль-вы... ѣлы. Вслѣдъ за отступленіемъ черкесовъ изъ дер. ...енаго ...рева, надъ ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ показались ... к...убы дыма, а за ними и пламень пожара: деревня ...ожжена; въ тоже время пожаръ появился и къ сѣвер... въ сторонѣ с. Топлиша; послѣ оказалось, что черкессы подожгли нѣсколько домовъ на краю этого села и церковь не смотря на то что въ немъ былъ расположенъ 30-й донскій казачій полкъ.

Когда съ востока наступила I-я дружина, а съ сѣвера казачій полкъ, черкесы быстро начали отступать, и, повторяю, не прошло и двадцати минутъ, какъ на позиціи водворилась тишина, и лишь облака отъ дыма пожара въ подожженныхъ селахъ и валявшіеся трупы убитыхъ ополченцевъ и черкесовъ свидѣтельствовали, что нѣсколько минутъ тому назадъ на позиціи были кровожадные, но безспорно храбрые и самоотверженные черкесы.

Но если на позиціи и было мирно, за то въ душѣ у всѣхъ насъ, и особенно у начальства, была цѣлая буря негодованія . . . И въ самомъ дѣлѣ, 300—400 черкесовъ, появляются среди бѣлаго дня, неожиданно нападаютъ на отрядъ, разбрасываютъ его, зарубаютъ нѣсколько человѣкъ и безнаказано отступаютъ по тому же пути, по которому пришли да еще ни кѣмъ и не преслѣдуются.

Насколько набѣгъ черкесовъ былъ сдѣланъ быстро и неожиданно видно изъ того, что они были замѣчены лишь тогда, когда находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ V-й дружины; ополченцы этой дружины въ этотъ моментъ беззаботно себѣ сидѣли на бивуакѣ: одни варили воду къ чаю, другіе чистили ружья, а иные сидѣли кучками и разговаривали; въ то же время X-я дружина, неподалеку отъ бивуака I-й дружины, занималась взводнымъ ученіемъ. Черкесы, подойдя къ V-й дружинѣ, дали нѣсколько выстрѣловъ по беззаботно сидѣвшимъ ополченцамъ и затѣмъ бросились въ шашки; неожиданность удара произвела то, что ополченцы бросились бѣ-

жать, кто куда могъ, а за ними, хотя и съ ружьями въ рукахъ, бросились бѣжать и ополченцы X-й дружины.

Бѣгство цѣлой дружины (X-й) отъ 300—400 черкесовъ, при чемъ послѣдніе на эту дружину и не нападали, слѣдовало бы счесть невѣроятнымъ, но это фактъ. Причиной такого бѣгства было, съ одной стороны, что солдаты были все новички, молодежь, не бывавшая еще въ бою, съ другой — что ополченцы этой дружины были выведены на ученіе по мирному положенію, съ ружьями, но съ порожними патронташами; кромѣ того и не всѣ офицеры находились при своихъ частяхъ: когда эта (X-я) дружина бросилась бѣжать, нѣкоторые офицеры убѣжали съ бивуака не только безъ шапокъ, но даже въ одномъ бѣльѣ.

Ротный командиръ этой дружины поручикъ Поражецкій, заслышавъ выстрѣлы и увидѣвъ бѣгство ротъ, убѣжалъ полуодѣтый и спрятался въ лѣску, гдѣ послѣ его нашли казаки; послѣднимъ онъ показался лицомъ, очень сомнительнымъ, и потому они его подъ конвоемъ доставили къ начальству, не взирая на приказанія, затѣмъ угрозы, а подъ конецъ и просьбы названнаго поручика оставить его идти одного, причемъ онъ крестился предъ казаками въ знакъ того, что онъ русскій и православный.

Командиръ X-й дружины, маіоръ Доръ-Шпрунъ-Целице, находился верхомъ, по его словамъ, не далеко отъ дружины; послѣ ухода черкесовъ, этотъ маіоръ пришелъ на бивуакъ III-й дружины; у него оказалась сильная контузія правой ноги; пуля прорвала рейтузы выше колѣна и оцарапала верхніе покровы тѣла.

Офицеры V-й дружины, заслышавъ выстрѣлы, выскочили изъ палатокъ, и, увидавъ черкесовъ, бросились бѣжать; но капитанъ Розановъ сгрупировалъ около себя часть офицеровъ и часть вооруженныхъ солдатъ и началъ отступленіе, отстрѣливаясь отъ черкесовъ. Командовавшій временно V-й дружиной, капитанъ Амосовъ, во время набѣга мылся не далеко отъ своей палатки, и чуть было не попалъ въ руки черкесовъ, но успѣлъ, какъ былъ въ бѣльѣ и безъ шашки уйти чрезъ кукурузныя поля въ I-ю дружину; вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и подпоручикъ Максютенко, но, неподалеку отъ пункта нападенія черкесовъ, былъ смертно раненъ пулей, и навѣрно былъ бы изрубленъ черкесами, если бы унтеръ-офицеръ Георгіевъ не вернулся,

рискуя жизнью, чтобы захватить съ собой раненаго; этотъ болгаринъ за этотъ храбрый подвигъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Убитыхъ и раненыхъ ополченцевъ пало достаточное количество; больше всего убитыхъ было найдено при кухнѣ V-й дружины, при чемъ кашевара убили послѣ того, какъ онъ свалилъ двухъ черкесовъ черпакомъ — оба они лежали около кашевара съ разбитыми головами; при отступленіи, черкесы разграбили дружинный обозъ и подожгли палатки офицеровъ дружины, такъ что всѣ вещи офицеровъ сгорѣли; за эти вещи, впослѣдствіи, офицеры получили вознагражденіе.

Описанную сцену набѣга генералъ Радецкій наблюдалъ изъ своей палатки на Червеномъ Брегѣ; когда онъ увидалъ нападеніе черкессовъ, то отправилъ въ помощь Якутскій полкъ, но черкесовъ, благодаря натиску I-й дружины, Якутцы уже не застали.

Этотъ печальный случай всѣмъ вообще былъ непріятенъ, особенно болгарамъ и далъ поводъ тѣмъ, которые не особенно благоволили къ послѣднимъ, осыпать болгаръ всякой хулой.

— „Помилуйте, какіе же это солдаты? Увидали горсть черкесовъ и какъ безумные бросились бѣжать!“ говорили объ ополченцахъ офицеры; говорили это, впрочемъ, тѣ, которые находились далеко отъ черкесовъ.

— „Вамъ легко такъ говорить,“ отвѣчали офицеры, убѣжавшіе полуодѣтыми съ бивуака: „потому что вы были далеко; не виноваты ни ополченцы, ни офицеры, а виновато обстоятельство, что не были приняты надлежащія предохранительныя мѣры со стороны начальства.“

Потери въ людяхъ отъ этого неожиданнаго и стремительнаго набѣга были сравнительно небольшія: 18 ополченцевъ убиты, 22 — пропали безъ вѣсти и два офицера ранены, изъ которыхъ подпоручикъ Максютенко черезъ три дня умеръ; изъ пропавшихъ безъ вѣсти большинство оказались ранеными и вернулись въ свои части; но нравственное пораженіе было велико и особенно потрясло генерала Столѣтова.

Генералъ, понуривъ голову, нравственно убитый и почти растерянный ходилъ по бивуаку; у него, какъ и у Болгарскаго Ополченія было не мало недоброжелателей, которые вѣроятно могли бы воспользоваться происшедшимъ и ему повредить по

службѣ. И дѣйствително, какъ оправдать такой фактъ? 400 черкесовъ пробрались, среди бѣлаго дня, на самый бивуакъ Ополченія, пробрались незамѣтно да еще во время, когда непріятель стоитъ близко и о своей близости свидѣтельствуетъ ежедневно пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ?

Отвѣтъ на это слѣдующій: по распоряженію начальства, V-я дружина была расположена у самой деревни Зеленаго Древа; днемъ посылался казачій разъѣздъ и ставились особые наблюдательные посты; отъ пунктовъ этихъ постовъ было видно впередъ и въ стороны на далекое разстояніе, такъ что при большей бдительности со стороны казаковъ, было бы невозможно массѣ черкесовъ проникнуть на нашу позицію. Къ ночи одна очередная или двѣ дружины ставили довольно густую аванпостную цѣпь и посылали потрули, которые въ 7 часовъ утра снимались, и въ теченіи дня вся охрана отряда возлагалась только на казаковъ.

Послѣ набѣга черкесовъ, мы ожидали, что послѣдуетъ общее наступленіе турокъ и потому Ополченіе было расположено слѣдующимъ образомъ:

III-я дружина заняла мѣсто V-й дружины, на сѣверъ отъ д. Зеленаго Древа, правѣе — II-я дружина, а V-я дружина расположилась при дер. Баевцахъ; I-я дружина осталась на прежнемъ мѣстѣ, на возвышенности, и донской казачій полкъ — на правомъ флангѣ, въ с. Топлишѣ.

Въ случаѣ, если бы турки предприняли серіозное нападеніе на зелено-древскую позицію, то этотъ отрядъ, состоявшій изъ около 1600 штыковъ и 600 шашекъ оказался бы совершенно недостаточнымъ, а потому, еще въ тотъ же день, изъ резерва шипкинскаго отряда прибыли къ намъ одинъ пѣхотный полкъ и одна батарея; полкъ расположился невдалекѣ отъ д. Баевецъ, а батарея — на возвышенности около I-й дружины. Но пѣхотный полкъ въ тотъ же день и вернулся, оставивъ одинъ баталіонъ у д. Зеленаго Древа.

Говорили, что генералъ Столѣтовъ просилъ начальника 8-го армейскаго корпуса, генерала Радецкаго, усилить резервъ зелено-древскаго отряда хотя бы однимъ полкомъ пѣхоты, но Радецкій, будто бы, отказалъ и отвѣтилъ:

— „Можетъ быть вашему превосходительству угодно, чтобы я послалъ къ вамъ цѣлый отрядъ?“

Въ качествѣ старшаго изъ остававшихся въ дружинѣ офицеровъ, я отвелъ III-ю дружину на новую позицію у дер. Зеленаго Древа; при этомъ перемѣщеніи дружины, изъ десяти офицеровъ на лицо находились только четверо, другіе были въ Габровѣ въ отпуску или по болѣзни; въ V-й дружинѣ наличное число офицеровъ было и того меньше; такая безпечность начальства меня волновала: я невольно и постоянно себѣ задавалъ вопросъ, что будутъ дѣлать дружины, безъ офицеровъ, въ случаѣ серіозного наступленія турокъ.

Пока не случилось черкесскаго набѣга на дер. Зеленое Древо, мы и не думали объ укрѣпленій нашихъ позицій; но послѣ него, на слѣдующій же день было поручено прапорщику Большову укрѣпить зелено-древскую позицію, для каковой цѣли въ его распоряженіе была дана команда, которая должна была неутомимо работать надъ возведеніемъ укрѣпленій. Кромѣ того приняты были предохранительныя мѣры на случай неожиданнаго нападенія.

Въ Зеленомъ Древѣ снова водворились миръ и тишина: ожидавшійся непріятель не появлялся; но батальонъ пѣхоты безсмѣнно продолжалъ стоять на зелено-древской позиціи, хотя 20-го августа нашъ отрядъ усилился съ приходомъ IV-й дружины, которая до того времени, какъ сказано выше, оставалась на Шипкѣ. IV-ая дружина расположилась влѣво отъ III-й дружины и около нея. На Шипкѣ между тѣмъ гулъ отъ выстрѣловъ не переставалъ, но и наша аванпостная служба теперь исполнялась съ энергіей и аккуратно.

21-го августа, вмѣсто подполковника Исаева, интендантомъ Ополченія съ правами дивизіоннаго интенданта былъ назначенъ маіоръ Манаевъ.

22-го августа, командиромъ V-й дружины былъ назначенъ майоръ Поповъ, а капитанъ Ильинъ — временно и. д. начальника штаба Ополченія, вмѣсто Попова.

24-го августа, были разданы ополченцамъ ордена Св. Георгія 4-й ст. за оказанную храбрость въ дѣлахъ подъ Старой Загорой, а также и награды за оборону Шипки.*)

*) За дѣло подъ Старой-Загорой награждены слѣдующіе ополченцы III-й дружины: 1-й роты — Василій Михайловъ, Куюджукли, Т. Петровъ, С. Кернековъ, Ю. Тодоровъ, и А. Петровъ; 2-й роты — фельдфебель Радушевъ унтеръ-офицеръ А. Приневичъ и рядовые: Василій Ивановъ, Т. Ивановъ, В. Стаменовъ и М. Станковъ; 3-й роты -- унтеръ-офицеры Карюкъ и Е. Бабикъ

Въ послѣднихъ числахъ августа, III-я и IV-я дружины были ремѣщены къ востоку отъ д. Зеленаго Древа, при самомъ ускѣ въ долину; здѣсь растянули ополченцы свои и офискія изгнившія и изорванныя палатки; ротныя кухни были мѣщены у источника, вдали отъ дружины; на лѣвомъ флангѣ ужины былъ построенъ навѣсъ изъ зеленыхъ вѣтвей орѣшка и изъ папоротника для офицерской столовой.

27-го августа, маіоръ Поповъ былъ командированъ въ авную квартиру съ разными порученіями, а главное просить перевооруженіи Ополченія крнковскими ружьями, такъ какъ мажные патроны ружей *шаспо* стали совершенно негодными ь сырости и дождей; Попову было поручено также просить снабженіи Ополченія сапогами, мундирами, шинелями, сумми и проч.,*) а также и объ укомплектованіи Ополченія, къ какъ за убылью въ сраженіяхъ, въ ротахъ осталось отъ) до 110 человѣкъ; Попову приказано было также исходайствовать о предоставленіи права Столѣтову представить которыхъ шипкинскихъ ополченцевъ изъ болгаръ, отличивхся въ битвахъ и вполнѣ заслужившихъ, къ производству, урядъ, въ офицерскій чинъ. Маіоръ Поповъ изложилъ поченія генерала Столѣтова въ особой докладной запискѣ и едставилъ таковую въ Главную Квартиру, и, затѣмъ, полузъ утѣшительный отвѣтъ, вернулся черезъ нѣсколько дней ратно въ Зелено Древо.

До конца августа на нашей позиціи ничего особеннаго случилось.

3-го сентября, для укомплектованія дружинъ прибыло изъ го Ополченія: 49 человѣкъ въ І-ю дружину, и въ остальe — II-ю, III-ю, IV-ю и V-ю — по 80 человѣкъ.

Артиллерійскій бой на Шипкѣ, начавшійся 28-го августа, одолжился до 4-го сентября, но самый ожесточеный періодъ ого боя продолжился собственно до 30-го августа, съ како-

---

довые: П. Ивановъ, Д. Данковъ, Т. Пѣевъ, Д. Ташевъ; 4-й роты — фельдбель Васильевъ, унтеръ-офицеры Р. Копаликъ, В. Мицовъ, и рядовые: Н. истовъ, И. Куртевъ и И. Димитровъ. За оборону Шипки: 1-й роты — фельдбель Марченко, унтеръ-офицеры: Казановскій, С. Андражи и К. Желѣзковъ; довые: А. Пановъ, И. Стефановъ, Д. Стойновъ, А. Рацуловъ, Симеонъ Моъ, и Д. Божковъ.

*) Въ складахъ въ Плоэштахъ и въ Свиштовѣ Ополченіе имѣло большое личество обмундировочныхъ вещей.

ваго числа до 3-го сентября былъ слабѣе, а къ 4-му сентября совсѣмъ прекратился и на Шипкѣ водворилась тишина; даже отдѣльные ружейные выстрѣлы, обыкновенно не прекращавшіеся ни днемъ, ни ночью, и тѣ почти стихли. Это обстоятельство всѣмъ намъ бросилось въ глаза и офицеры предполагали, что турки что либо замышляютъ.

Дружинный командиръ Чиляевъ въ этотъ день созвалъ ротныхъ командировъ и приказалъ имъ быть на мѣстахъ, ополченцамъ имѣть положенное количество патроновъ, сдѣлать разсчетъ ротамъ и, въ случаѣ тревоги, опредѣлилъ мѣста для сборнаго пункта дружины.

Ночь на 5-ое сентября была тихая и ясная; со стороны Шипки ничего не было слышно; мы легли спать. Около полуночи послышались на Шипкѣ пушечные и ружейные выстрѣлы, и были столь часты, что намъ напомнили дни 9-го и 11-го августа; не могло быть сомнѣнія, что турки напали на шипкинскую позицію; такимъ образомъ, существовавшее предположеніе оказалось вѣрнымъ: турки, въ теченіи 7 дней, непрестанной канонадой держали шипкинскихъ защитниковъ на чеку, и, достаточно за это время ихъ измучивъ, аттаковали позицію; впрочемъ можно было предполагать, что турки производятъ на Шипкѣ только демонстрацію, а главный ударъ, какъ говорили нѣкоторые офицеры, направятъ на зелено-древскую позицію.

Время ночи намъ казалось длиннымъ, а пушечная и ружейная стрѣльба все усиливалась. Офицеры III-й и IV-й дружинъ, собравшись въ интервалѣ между дружинами, наблюдали какъ непріятельскія огненныя бомбы летали въ воздухѣ надъ шипкинской позиціей и слѣдили по выстрѣламъ за ходомъ боя, съ тревожнымъ чувствомъ высказывая другъ другу опасенія относительно того, удержатъ ли наши шипкинскую позицію и не произведутъ ли турки нападенія на зелено-древскую позицію.

Наконецъ начало свѣтать и наступилъ день 5-го сентября. Съ разсвѣтомъ выстрѣлы еще болѣе усилились: надъ высотами Шипки висѣли цѣлыя облака порохового дыма, скрывая собою вершины Св. Николая, *круглой* батареи и *Лысой* горы. Мы съ стѣсненнымъ сердцемъ ожидали нападенія турокъ, такъ какъ ни мы, ни ополченцы не вѣрили своимъ ружьямъ.

Одна IV-я дружина была перевооружена, еще будучи на Шипкѣ, крнковскими ружьями; но что могла сдѣлать одна дружина, хотя и вооруженная хорошими ружьями, если бы

турки напали на Зелено Древо?! къ тому же батальонъ, который былъ посланъ съ Шипки на подкрѣпленіе дружинъ, уже нѣсколько дней тому назадъ, какъ былъ отозванъ обратно. Но турки нападенія не произвели, а послѣ обѣда на Шипкѣ выстрѣлы совсѣмъ прекратились.

Къ вечеру, мы кое-что узнали о нападеніи турокъ на Шипку, а въ слѣдующіе дни и разныя подробности. Напримѣръ, разсказывали, что турки своей семидневной, почти непрерывной канонадой, дѣйствительно столь измучили защитниковъ Шипки, что съ 4-го на 5-ое сентября часовые и подчаски заснули; безпечное начальство не провѣряло постовъ и такимъ образомъ турки, воспользовавшись такими обстоятельствами, подступили незамѣченными къ передовымъ постамъ, перекололи часовыхъ, и затѣмъ взобрались на вершину Св. Николая и тамъ почти тоже учинили съ расположенными въ переднихъ ложементахъ частями; но, къ счастью, отъ стоновъ раненыхъ и лязга штыковъ нѣкоторые спавшіе солдаты проснулись и подняли крикъ, отъ котораго проснулись всѣ прочіе солдаты, замѣтили турокъ и открыли по нимъ огонь; такъ начался ожесточеный бой, продолжавшійся 14 часовъ, и въ которомъ пало съ обѣихъ сторонъ отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ.

Передовые посты и ложементы занималъ 55-й п. Подольскій полкъ.

Въ этомъ дѣлѣ на Шипкѣ убитъ и капитанъ Папаниновъ,*) болгаринъ, родомъ изъ Ломъ-Поланскихъ селъ.

Наши потери простирались до 2,500 человѣкъ. Правда, это большой уронъ, но могло бы быть и хуже и окончиться весьма для насъ печально, и лишь благодаря нашей безпечности.**)

---

*) Въ сербско-турецкую войну былъ убитъ пулей его меньшій братъ, Найденъ Папаниновъ, въ моментъ, когда съ шашкой наголо останавливалъ бѣгущихъ съ поля сраженія сербовъ.

**) Въ дополненіе къ приводимымъ авторомъ толкамъ объ этомъ дѣлѣ на Шипкѣ въ ночь съ 4-го на 5-ое сентября, привожу, по просьбѣ автора, полк. С. И. Кисова, и въ интерессахъ русскаго читателя, описаніе того же дѣла изъ сочиненія полковника генеральнаго штаба болгарской службы Р. Димитрова: „*Боеветѣ и операциитѣ около Шипка прѣзъ 1877—1878 г. г.*“ Вотъ какъ это дѣло было по описанію, упомянутаго автора.

Турецкій отрядъ, состоявшій изъ одного своднаго полка, въ составѣ 3-хъ батальоновъ, составленнаго изъ охотниковъ, *избранныхъ* начальствомъ, затѣмъ, 5-ти батальоновъ 1-й бригады и 4-хъ батальоновъ 2-й бригады, получилъ приказаніе взять шипкинскую позицію Св. Николая и на ней утвер-

Послѣ дѣла 5-го сентября, на Шипкѣ снова настала тишина, прерывавшаяся иногда, въ ясныя дни, частой стрѣльбой изъ орудій и ружейной. Какъ турки, такъ и мы не предпринимали никакихъ дѣйствій.

Въ первой половинѣ сентября погода испортилась. Нѣкоторое время надъ шипкинскими высотами и надъ нашей позиціей висѣли темныя облака, а затѣмъ разразились непрестаннымъ дождемъ, который промачивалъ насъ и ополченцевъ до костей, хотя они, съежившись какъ куры на насѣстѣ, и сидѣли подъ своими изорванными палатками; кромѣ того отъ дождей размякла глинистая почва и на бивуакѣ образовалась глубокая и липкая грязь, такъ что ополченцы вязнули въ ней своими одервенѣвшими отъ холода и сырости почти босыми ногами. Такое положеніе заставило начальство еще разъ перемѣстить III-ю и IV-ю дружины дальше къ восточной части возвышенности и ближе къ I-й дружинѣ; дружины расположились на небольшой площадкѣ; на лѣвомъ флангѣ отъ насъ помѣстилась IV-я дружина.

До этого времени начальство и не думало о постройкѣ землянокъ, во первыхъ потому, что не была исключена надежда на движеніе впередъ, а во вторыхъ — погода все время держалась хорошая; но теперь, когда всѣ убѣдились, что дружины останутся на мѣстѣ на неопредѣленное время и ввиду наступившихъ дождей, смѣнившихся къ 20-му сентября обиль-

---

диться. Эти послѣдніе девять батальоновъ, поддержанные *избранными* охотниками, предназначались для аттаки нашей позиціи съ фронта, другіе же 6 таборовъ отъ дивизіи, расположенной на „Малешѣ“ и около *Зеленой* горы должны были аттаковать *волынскія* высоты. Всѣ эти турецкія части въ три часа по полуночи приступили къ исполненію возложенной на нихъ задачи.

Въ это время русскіе въ предназначенныхъ къ аттакѣ пунктахъ были расположены слѣдующимъ образомъ: въ переднихъ окопахъ позиціи Св. Николая находились двѣ стрѣлковыхъ роты Подольскаго полка; въ траншеяхъ второй линіи, у батареи, стояла 9-я рота того же полка; сзади сѣвернаго склона высоты Св. Николая находились въ частномъ резервѣ двѣ роты Житомирскаго полка, а еще сзади далѣе, около центральной батареи — 2-й и 3-й батальоны того же полка.

Вечеромъ, 4-го сентября, нѣкоторые солдаты съ передовыхъ постовъ донесли своему начальству, что въ сторонѣ непріятельскаго расположенія слышенъ шумъ, передвиженіе; спустя немного таковое же донесеніе получается и отъ секретовъ, разставленныхъ впереди окоповъ позиціи Св. Николая. Вслѣдствіе этихъ донесеній, было приказано солдатамъ передовой линіи бодрствовать, а частнымъ резервамъ — быть готовыми къ бою. Равно въ 3 часа

нымъ снѣгомъ, было приказано дружинамъ построить себѣ землянки. Ополченцы только этого и ждали; они энергично принялись за работу и спѣшили скорѣе сдѣлать землянки, чтобы скорѣе найти убѣжище отъ непогоды: такъ, въ три дня землянки были готовы. Скорѣйшей постройкѣ землянокъ не мало способствовало обстоятельство, что на самой возвышенности находился лѣсъ и потому нужный матеріалъ для постройки землянокъ былъ подъ рукой. Построеныя землянки были очень удобны: одна такая землянка служила помѣщеніемъ для цѣлаго взвода; отопливались землянки печами, сдѣланными довольно искусно изъ каменныхъ плитъ и глины, но были землянки и съ отопленіемъ посредствомъ курныхъ печей, что было менѣе удобно и было причиной заболѣванія ополченцевъ глазами отъ наполнявшаго землянки дыма, да и кромѣ того, для такихъ печей требовалось больше топлива, а главное, въ нихъ температура не была столь равномѣрна, какъ въ землянкахъ съ печами изъ каменныхъ плитъ.

Были сдѣланы въ землянкахъ и довольно удобныя палати изъ переплетенныхъ вѣтвей и застланныя сухой листвой и попоротникомъ.

Офицерскія землянки были сдѣланы еще просторнѣе и солиднѣе.

Я приказалъ моему деньщику Трайку и двумъ другимъ ополченцамъ наносить матеріала для землянки на двоихъ —

по полуночи, турецкій сводный полкъ *избранниковъ* началъ наступленіе къ нашей позиціи Св. Николая.

Когда непріятель подошелъ на 350—400 шаговъ, и двѣ роты открыли по среднему непріятельскому батальону дружный залповый огонь, отъ дѣйствія котораго большая часть обоихъ фланговыхъ батальоновъ бросились въ право и въ лѣво, ища прикрытія, средній баталіонъ продолжилъ упорно наступленіе подъ убійственнымъ огнемъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, и подошелъ къ нашимъ переднимъ окопамъ; патрули, которые первыми вошли въ окопы, были или перебиты или отброшены назадъ; но вскорѣ показалась густая непріятельская толпа, человѣкъ въ 600—700, бросилась въ штыки, и заставила двѣ роты отступить; такимъ образомъ, непріятель утвердился въ первой линіи окоповъ.

Эти наши передовыя роты отступили въ ложементы второй линіи и вмѣстѣ съ 9-й ротой Подольскаго полка открыли сильный огонь. Турки пытались нѣсколько разъ броситься на батарею, но всякій разъ были принуждены возвращаться обратно въ занятые ими ложементы первой линіи; но первые успѣхи ободрили остальныхъ *избранниковъ* и они начали подходить, усиливая части, находившіяся уже въ нашихъ ложементахъ. Въ то же время

для меня и для штабсъ-капитана Сокальскаго. Въ полтора дня землянка вмѣстѣ съ печью была готова и мы вдвоемъ расположились на *зимнихъ квартирахъ;* но, когда затопили печь, оказалось, что дымъ проходитъ черезъ щели печи и черезъ дверцы и не выходитъ въ трубу; землянка наполнилась дымомъ и мы съ Сокальскимъ поспѣшили оттуда выскочить. Печка наша оказалась никуда не годной, но и не одна печка, и самая землянка была построена неудачно, такъ что, когда, на слѣдующій день, прошелъ дождь, у насъ въ землянкѣ и послѣ дождя продолжало лить изъ потолка; эти неудобства заставили Сокальскаго переселиться. Самолюбивый Трайко сконфуженно на меня посматривалъ, когда я увертывалъ себя въ непромокаемый плащъ и обѣщалъ исправить землянку на слѣдующій день; и дѣйствительно, на слѣдующій день землянка не протекала, но съ печкой ничего не могли подѣлать; она, хотя и меньше, но все же дымила, такъ что я въ концѣ концовъ предпочелъ холодъ дыму, отъ котораго у меня начали болѣть глаза, и не топилъ печи.

На этой позиціи намъ жилось сравнительно лучше: не было грязи, такъ какъ почва была камениста, а дружины не были столь разбросаны какъ на прежней стоянкѣ, кромѣ V-й дружины, которая стояла нѣсколько въ сторонѣ, недалеко отъ д. Баевецъ, и тамъ устроила себѣ прекрасныя теплыя землянки и столь обширныя, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщались

подошли и наши подкрѣпленія: первыми явились двѣ роты Житомирскаго полка изъ частнаго резерва, и тотчасъ же были введены въ боевую линію; спустя нѣсколько минутъ, прибыли еще восемь ротъ того же полка, подъ личнымъ начальствомъ командира полка полковника Тяжельникова. Наши нѣсколько разъ пытались перейти въ наступленіе, но сильный огонь турокъ и ночная темь помѣшали этому; двѣ роты временно засѣли въ своихъ окопахъ и ограничились усиленной перестрѣлкой. Въ это время на позицію прибылъ генералъ Радецкій; онъ, оріентировавшись въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, отдалъ приказъ всѣмъ частямъ второй линіи и находившимся на бивуакахъ быть готовыми къ бою.

Начало свѣтать. Турки, неожиданно для всѣхъ, выставили на занятой ими позиціи бѣлый флагъ съ краснымъ полумѣсяцемъ; подъ этимъ предлогомъ прибрать своихъ раненыхъ, они, очевидно, хотѣли выиграть время, чтобы укрѣпиться на занятой позиціи; но генералъ Радецкій приказалъ не обращать вниманія ни на какіе флаги, пока непріятель не будетъ окончательно отброшенъ и бой возобновился съ новыми силами.

Съ разсвѣтомъ мы констатировали, что въ переднихъ окопахъ позиціи Св. Николая и въ крайнихъ южныхъ скалахъ *Орлинаго* гнѣзда засѣли турки

цѣлыя роты. Мы часто сходились съ офицерами изъ другихъ дружинъ, проводя время въ бесѣдахъ, а иногда и пробавляясь картишками. Одно и большое неудобство было на этой позиціи — за водой приходилось ходить довольно далеко и по обрывистому спуску, что, въ дождливое время, было сопряжено съ большими затрудненіями.

Во второй половинѣ сентября вернулась изъ Крестецъ и VI-я дружина и была расположена въ с. Топлишѣ; эта дружина, какъ выше упомянуто, была назначена въ свое время конвоировать плѣнныхъ турокъ изъ Казанлыка въ Тырново; оттуда ей было приказано идти въ г. Елену на подкрѣпленіе драгунскаго Военнаго Ордена полка, куда дружина и пришла 19-го іюля. До прихода дружины, положеніе населенія въ Еленинскомъ округѣ было весьма плачевно: убійства и грабежи, причиняемые башибузуками, были вполнѣ зауряднымъ явленіемъ, по прибытіи въ Елену. Чрезъ нѣсколько дней, дружина заняла позицію при д. Дольномъ Маринѣ. Вмѣстѣ съ Орденскимъ полкомъ и вооруженными жителями изъ окрестныхъ селъ, дружина имѣла дѣло съ башибузуками, аттаковавъ ихъ укрѣпленный лагерь при д. Карлюкѣ, носившей такое наименованіе въ честь предводителя башибузуковъ; послѣ схватки, продолжавшейся 3—4 часа, башибузуки отступили, оставивъ на полѣ сраженія нѣсколько убитыхъ, предводитель же ихъ Карлюкъ былъ взятъ въ плѣнъ. Вообще, не проходило дня, чтобы

въ количествѣ около 1000 человѣкъ, и что послѣдніе укрѣпляли и усиливали занятыя мѣста; остальныя же турецкія части, въ томъ числѣ и батальоны 1-й и 2-й бригадъ, встрѣченные сильнымъ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, отступили въ долъ съ обѣихъ сторонъ горы Св. Николая и ограничились поддержкой безцѣльной стрѣльбы.

Генералъ Радецкій приказалъ полковнику Тяжельникову пойти съ тремя ротами въ аттаку противъ турецкихъ *избранниковъ*. Послѣ того какъ послѣдніе были обсыпаны градомъ пуль и картечи, роты бросились впередъ, но были встрѣчены столь сильнымъ огнемъ турокъ, что были принуждены отступить въ окопы; тогда генералъ Радецкій ввелъ въ бой большую часть своихъ силъ. Въ 10 часовъ утра, намъ, наконецъ, удается дойти до занятыхъ турками окоповъ и штыками выгнать ихъ оттуда. Съ отступленіемъ этихъ *избранниковъ*, отступили и части 1-й и 2-й турецкихъ бригадъ, пытавшіяся между тѣмъ, не разъ броситься на позицію Св. Николая съ востока и запада, но бывшія всякій разъ отбитыми нашими фланговыми ротами и артиллеріей.

Гораздо большій успѣхъ имѣли турки при аттакѣ *волынскихъ* высотъ. Приблизившись въ теченіи ночи къ нашимъ ложементамъ, шаговъ на 100, шесть батальоновъ Веселя-паши, въ 5-ть часовъ, когда уже начало розсвѣтать,

дружина не имѣла перестрѣлокъ съ башибузуками; часто были посылаемы роты и въ ближнія селенія для преслѣдованія башибузуковъ — этого страшнаго бича для мирнаго населенія; иногда эти роты доходили даже до д. Бѣлой Рѣки; кромѣ того, роты этой дружины поочередно были посылаемы для охраны г. Беброва отъ башибузуковъ, часто нападавшихъ на этотъ городокъ; въ послѣдніе дни стоянки дружины на Маринской позиціи, 1-я рота имѣла въ г. Бебровѣ небольшое дѣло съ башибузуками: рота, придя къ этому городку, остановилась къ югу отъ него, на небольшой возвышенности; часть ополченцевъ отправилась въ городъ купить хлѣба и прочихъ съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ во время этихъ очередныхъ стоянокъ у Беброва, пища для солдатъ не варилась; въ это время послышались выстрѣлы, постепенно учащавшіеся; оказалось, что башибозуки аттаковали городъ; барабанщикъ забилъ тревогу; рота построилась; тотчасъ была послана впередъ стрѣлковая цѣпь и рота начала наступленіе и открыла стрѣльбу; въ резултатѣ башибозуки убѣжали. 3-го августа, на смѣну очередной роты VI-й дружины, къ Беброву прибыла рота Сѣвскаго полка; дружина возвратилась въ г. Елену, откуда, спустя два дня, утромъ, 6-го Августа, выступила въ походъ. На слѣдующій день по уходѣ дружины, на городъ напали башибузуки, подожгли его и убили нѣсколько человѣкъ. Изъ Елены эта дружина прибыла въ г. Трѣвну, а 10-го августа выступила на позицію *Крестецъ,* гдѣ и простояла до половины сентября. Съ этой позиціи дружина наблюдала за

сразу выскочили изъ скрывавшаго ихъ лѣска и бросились на наши передовыя роты; послѣднія не успѣли сдѣлать даже ни одного залпа и начали отступать; между тѣмъ подполковникъ Сендецкій уже приготовился встрѣтить турокъ изъ второй линіи ложементовъ: когда турки подошли на 50—60 шаговъ и когда наши отступившія роты очистили фронтъ, Волынцы встрѣтили турокъ залповымъ огнемъ и по четвертому залпу заставили ихъ повернуть обратно; въ это же время, 4-я батарея со Св. Николая направила огонь по турецкимъ колоннамъ и турки отступили подъ перекрестнымъ огнемъ. Въ 8 часовъ утра они вторично повели аттаку, но опять неудачно. Въ 9 часовъ утра Весель-паша пустилъ въ аттаку свои послѣднія части, но снова былъ отбитъ.

Въ 12 часовъ пополудни, бой совершенно прекратился, и лишь непріятельская артиллерія продолжала еще обмѣниваться рѣдкими выстрѣлами. Потери съ ббѣихъ сторонъ были велики: турки, по донесеніямъ Сюлейманъ-паши понесли уронъ убитыми и ранеными 1400 человѣкъ, а наши потери по официальнымъ источникамъ до 1000 человѣкъ. Прим. Пер.

Подполковникъ Бѣляевъ, командиръ VI-й дружины.

Стр. 314—315.

писывалось принять отъ меня роту, а я назначался завѣдующимъ оружіемъ дружины; но Шепелевъ не явился и рота была мной передана поручику Поражецкому вмѣстѣ съ 600 рублей экономической суммы, оставшейся отъ расходовъ по продовольствію роты.

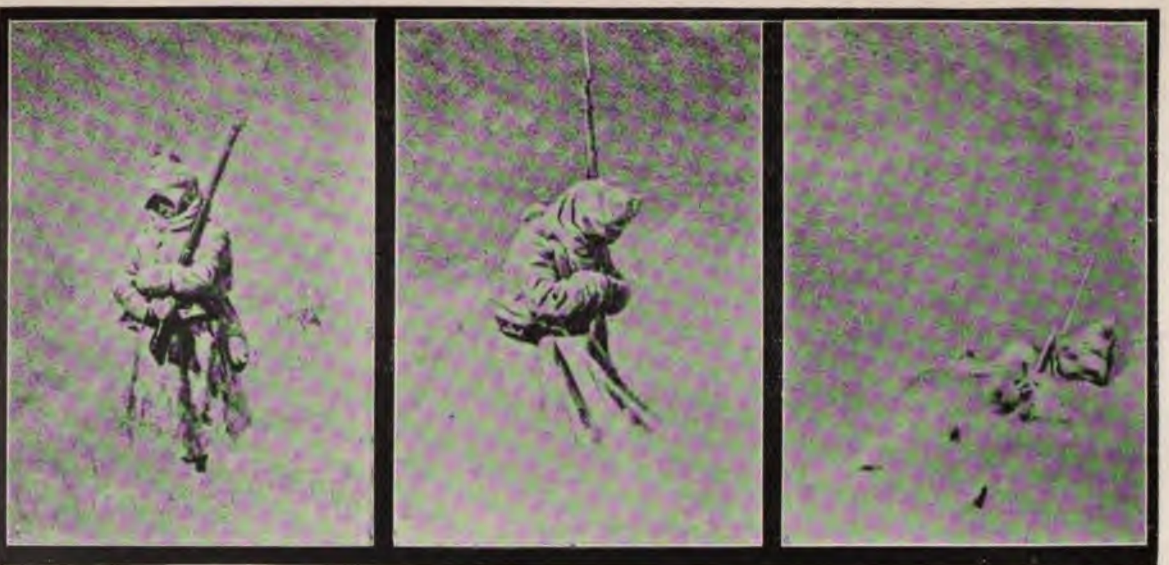
Въ первой же половинѣ сентября, наконецъ, въ Зеленое Древо были доставлены нѣсколько подводъ, нагруженныхъ, какъ дровами, ружьями системы *Крнка* для перевооруженія дружинъ. Въ качествѣ завѣдующаго оружіемъ III-й дружины, я получилъ приказъ принять нужное количество ружей, сдѣлать имъ опись по нумерамъ и раздать въ роты, при чемъ мнѣ предписывалось, при раздачѣ ружей, произвести имъ, въ присутствіи ротныхъ командировъ, самый тщательный осмотръ, а ружья системы *Шаспо* сдать въ габровскій складъ.

Нечего и говорить о томъ, какъ ополченцы радовались, получивъ крнковскія ружья.

— „Пускай теперь, куда хотятъ, насъ водять,“ говорили ополченцы: „теперь мы не будемъ дрожать со страху, что послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ, останемся безъ ружей!“

Но *„теперь,“* а это уже быль октябрь, ни слова не было слышно въ Ополченіи ни о наступленіяхъ, ни о бояхъ; впрочемъ, этого и желать было нельзя, такъ какъ ополченцы, хотя и были перевооружены, но были, какъ говорится, босы и голы; правда, разсказывали, что славянскій комитетъ выслалъ Ополченію полушубки, обувь, платье и проч. но никто не зналъ, когда это все будетъ получено, и офицеры, въ насмѣшку, говорили, что „полушубки навѣрное придутъ по веснѣ.“ Между тѣмъ съ наступленіемъ сырой и холодной погоды въ этихъ полушубкахъ имѣлась вопіющая нужда. Ополченцы по цѣлымъ днямъ сидѣли съежившись въ своихъ землянкахъ, около печей или костра, ибо не было во что тепло одѣться; отправляя для занятія карауловъ, на аванпостную службу или на какія-либо работы, трудно было собрать и половину роты, хоть сколько нибудь удовлотворительно одѣтыхъ, да и то требовалось подбирать у однихъ сопоги, у другихъ шинели и т. п. При такомъ положеніи, ничего не было удивительнаго въ томъ, что и офицеры и ополченцы вовсѣ не желали наступать впередъ.

Съ радостью принялись ополченцы за изученіе разборки новыхъ ружей, ухода за ними и за ихъ чистку; большая часть при-



Съ картины Верещагина: „На Шипкѣ все спокойно!“ Аванпосты на Балканахъ въ зиму 1877 года.

тр. 316—317.

дружина не имѣла перестрѣлокъ съ башибузуками; часто были посылаемы роты и въ ближнія селенія для преслѣдованія башибузуковъ — этого страшнаго бича для мирнаго населенія; иногда эти роты доходили даже до д. Бѣлой Рѣки; кромѣ того, роты этой дружины поочередно были посылаемы для охраны г. Беброва отъ башибузуковъ, часто нападавшихъ на этотъ городокъ; въ послѣдніе дни стоянки дружины на Маринской позиціи, 1-я рота имѣла въ г. Бебровѣ небольшое дѣло съ башибузуками: рота, придя къ этому городку, остановилась къ югу отъ него, на небольшой возвышенности; часть ополченцевъ отправилась въ городъ купить хлѣба и прочихъ съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ во время этихъ очередныхъ стоянокъ у Беброва, пища для солдатъ не варилась; въ это время послышались выстрѣлы, постепенно учащавшіеся; оказалось, что башибозуки аттаковали городъ; барабанщикъ забилъ тревогу; рота построилась; тотчасъ была послана впередъ стрѣлковая цѣпь и рота начала наступленіе и открыла стрѣльбу; въ результатѣ башибозуки убѣжали. 3-го августа, на смѣну очередной роты VI-й дружины, къ Беброву прибыла рота Сѣвскаго полка; дружина возвратилась въ г. Елену, откуда, спустя два дня, утромъ, 6-го Августа, выступила въ походъ. На слѣдующій день по уходѣ дружины, на городъ напали башибузуки, подожгли его и убили нѣсколько человѣкъ. Изъ Елены эта дружина прибыла въ г. Трѣвну, а 10-го августа выступила на позицію *Крестецъ,* гдѣ и простояла до половины сентября. Съ этой позиціи дружина наблюдала за

сразу выскочили изъ скрывавшаго ихъ лѣска и бросились на наши передовыя роты; послѣднія не успѣли сдѣлать даже ни одного залпа и начали отступать; между тѣмъ подполковникъ Сендецкій уже приготовился встрѣтить турокъ изъ второй линіи ложементовъ: когда турки подошли на 50—60 шаговъ и когда наши отступившія роты очистили фронтъ, Волынцы встрѣтили турокъ залповымъ огнемъ и по четвертому залпу заставили ихъ повернуть обратно; въ это же время, 4-я батарея со Св. Николая направила огонь по турецкимъ колоннамъ и турки отступили подъ перекрестнымъ огнемъ. Въ 8 часовъ утра они вторично повели аттаку, но опять неудачно. Въ 9 часовъ утра Весель-паша пустилъ въ аттаку свои послѣднія части, но снова былъ отбитъ.

Въ 12 часовъ пополудни, бой совершенно прекратился, и лишь непріятельская артиллерія продолжала еще обмѣниваться рѣдкими выстрѣлами. Потери съ обѣихъ сторонъ были велики: турки, по донесеніямъ Сюлейманъ-паши понесли уронъ убитыми и ранеными 1400 человѣкъ, а наши потери по официіальнымъ источникамъ до 1000 человѣкъ. Прим. Пер.

Подполковникъ Бѣляевъ, командиръ VI-й дружины.

Стр. 314—315.

дружина не имѣла перестрѣлокъ съ башибузуками; часто были посылаемы роты и въ ближнія селенія для преслѣдованія башибузуковъ — этого страшнаго бича для мирнаго населенія; иногда эти роты доходили даже до д. Бѣлой Рѣки; кромѣ того, роты этой дружины поочередно были посылаемы для охраны г. Беброва отъ башибузуковъ, часто нападавшихъ на этотъ городокъ; въ послѣдніе дни стоянки дружины на Маринской позиціи, 1-я рота имѣла въ г. Бебровѣ небольшое дѣло съ башибузуками: рота, придя къ этому городку, остановилась къ югу отъ него, на небольшой возвышенности; часть ополченцевъ отправилась въ городъ купить хлѣба и прочихъ съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ во время этихъ очередныхъ стоянокъ у Беброва, пища для солдатъ не варилась; въ это время послышались выстрѣлы, постепенно учащавшіеся; оказалось, что башибозуки аттаковали городъ; барабанщикъ забилъ тревогу; рота построилась; тотчасъ была послана впередъ стрѣлковая цѣпь и рота начала наступленіе и открыла стрѣльбу; въ резултатѣ башибозуки убѣжали. 3-го августа, на смѣну очередной роты VI-й дружины, къ Беброву прибыла рота Сѣвскаго полка; дружина возвратилась въ г. Елену, откуда, спустя два дня, утромъ, 6-го Августа, выступила въ походъ. На слѣдующій день по уходѣ дружины, на городъ напали башибузуки, подожгли его и убили нѣсколько человѣкъ. Изъ Елены эта дружина прибыла въ г. Трѣвну, а 10-го августа выступила на позицію *Крестецъ,* гдѣ и простояла до половины сентября. Съ этой позиціи дружина наблюдала за

сразу выскочили изъ скрывавшаго ихъ лѣска и бросились на наши передовыя роты; послѣднія не успѣли сдѣлать даже ни одного залпа и начали отступать; между тѣмъ подполковникъ Сендецкій уже приготовился встрѣтить турокъ изъ второй линіи ложементовъ: когда турки подошли на 50—60 шаговъ и когда наши отступившія роты очистили фронтъ, Волынцы встрѣтили турокъ залпывымъ огнемъ и по четвертому залпу заставили ихъ повернуть обратно; въ это же время, 4-я батарея со Св. Николая направила огонь по турецкимъ колоннамъ и турки отступили подъ перекрестнымъ огнемъ. Въ 8 часовъ [illegible] они вторично повели аттаку, но опять неудачно. Въ [illegible] паша пустилъ въ аттаку свои послѣднія части, [illegible]

Въ 12 часовъ пополудни, бой совер[illegible]
тельская артиллерія продолжала еще [illegible]
тери съ обѣихъ сторонъ были ве[illegible]
наши понесли уронъ убитыми и [illegible]
официальнымъ источникамъ до [illegible]

Подпол

йствіями непріятеля, отправляя патрули по окрестностямъ, іа близкой къ *Крестцу* горѣ *Бедекѣ* въ то же время была сположена сотня казаковъ. Дней десять спустя, по приходѣ ужины, командиру дружины подполковнику Бѣляеву было общено казаками, что къ горѣ *Бедеку* наступаетъ турецкая кота; Бѣляевъ тотчасъ же отправилъ 2-ю роту, встрѣтившую пріятеля огнемъ; послѣ незначительной перестрѣлки, турки ступили и рота возвратилась въ *Крестецъ;* спустя нѣсколько ей послѣ этого, дружина получила приказаніе выступить къ Зеленому Древу.

Въ концѣ сентября, командиромъ болгарской конной тни, вмѣсто ротмистра Невѣрова, былъ назначенъ ротмистръ овичъ.

Продовольствіе ополченцевъ, во время стоянки у д. Зе-наго Древа, было очень хорошее, за исключеніемъ хлѣба и харей, каковые съ начала сентября мы начали получать отъ *оварищества Коганъ и прочая компанія"*; хлѣбъ бывалъ не печенный и съ пескомъ, а главное, что вонялъ плесенью, а хари были таковы, что ужъ никакъ не могли быть пищей я людей; но, не смотря на это, всѣхъ солдатъ кормили этими харями. Отъ этого же товарищества поставлялась и водка, въ виду того, что водка не отпускалась солдатамъ еже-евно, было приказано токовую пріобрѣтать въ Габровѣ за личныя деньги. Впрочемъ, ополченцы предпочитали получать і, три раза вино въ недѣлю, чѣмъ ежедневно водку, что которые ротные командиры и дѣлали.

Фуража въ Габровѣ было достаточно; агенты названнаго *оварищества"* объ этомъ позаботились своевременно; они ого раньше успѣли объѣхать окрестныя села, и, благодаря дѣйствію казаковъ и ногаекъ, обманывая населеніе, будто йствуютъ по приказу высшаго начальства, ограбить сельскіе пасы фуража. Тѣмъ не менѣе, пока въ селахъ еще не исто-лся запасъ фуража, послѣдній покупался отъ населенія, но ѣмъ пришлось покупать таковой отъ *„Товарищества"* и по вѣроятной цѣнѣ: за *оку**) сѣна эта еврейская компанія ымала по 15 и 20 копѣекъ.

Приказомъ по дружинѣ отъ 7-го сентября, командиромъ і роты былъ назначенъ поручикъ Шепелевъ, которому пред-

*) Около 3-хъ фунтовъ.

писывалось принять отъ меня роту, а я назначался завѣдующимъ оружіемъ дружины; но Шепелевъ не явился и рота была мной передана поручику Поражецкому вмѣстѣ съ 600 рублей экономической суммы, оставшейся отъ расходовъ по продовольствію роты.

Въ первой же половинѣ сентября, наконецъ, въ Зеленое Древо были доставлены нѣсколько подводъ, нагруженныхъ, какъ дровами, ружьями системы *Крнка* для перевооруженія дружинъ. Въ качествѣ завѣдующаго оружіемъ III-й дружины, я получилъ приказъ принять нужное количество ружей, сдѣлать имъ опись по нумерамъ и раздать въ роты, при чемъ мнѣ предписывалось, при раздачѣ ружей, произвести имъ, въ присутствіи ротныхъ командировъ, самый тщательный осмотръ, а ружья системы *Шаспо* сдать въ габровскій складъ.

Нечего и говорить о томъ, какъ ополченцы радовались, получивъ крнковскія ружья.

— „Пускай теперь, куда хотятъ, насъ водятъ,“ говорили ополченцы: „теперь мы не будемъ дрожать со страху, что послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ, останемся безъ ружей!“

Но *„теперь,“* а это уже быль октябрь, ни слова не было слышно въ Ополченіи ни о наступленіяхъ, ни о бояхъ; впрочемъ, этого и желать было нельзя, такъ какъ ополченцы, хотя и были перевооружены, но были, какъ говорится, босы и голы; правда, разсказывали, что славянскій комитетъ выслалъ Ополченію полушубки, обувь, платье и проч., но никто не зналъ, когда это все будетъ получено, и офицеры, въ насмѣшку, говорили, что „полушубки навѣрное придутъ по веснѣ.“ Между тѣмъ съ наступленіемъ сырой и холодной погоды въ этихъ полушубкахъ имѣлась вопіющая нужда. Ополченцы по цѣлымъ днямъ сидѣли съежившись въ своихъ землянкахъ, около печей или костра, ибо не было во что тепло одѣться; отправляя для занятія карауловъ, на аванпостную службу или на какія-либо работы, трудно было собрать и половину роты, хоть сколько нибудь удовлетворительно одѣтыхъ, да и то требовалось подбирать у однихъ сопоги, у другихъ шинели и т. п. При такомъ положеніи, ничего не было удивительнаго въ томъ, что и офицеры и ополченцы вовсѣ не желали наступать впередъ.

Съ радостью принялись ополченцы за изученіе разборки новыхъ ружей, ухода за ними и за ихъ чистку; большая часть при-

Съ картины Верещагина: „На Шипкѣ все спокойно!“ Аванпосты на Балканахъ въ зиму 1877 года.

для меня и для штабсъ-капитана Сокальскаго. Въ полтора дня землянка вмѣстѣ съ печью была готова и мы вдвоемъ расположились на *зимнихъ квартирахъ;* но, когда затопили печь, оказалось, что дымъ проходитъ черезъ щели печи и черезъ дверцы и не выходитъ въ трубу; землянка наполнилась дымомъ и мы съ Сокальскимъ поспѣшили оттуда выскочить. Печка наша оказалась никуда не годной, но и не одна печка, и самая землянка была построена неудачно, такъ что, когда, на слѣдующій день, прошелъ дождь, у насъ въ землянкѣ и послѣ дождя продолжало лить изъ потолка; эти неудобства заставили Сокальскаго переселиться. Самолюбивый Трайко сконфуженно на меня посматривалъ, когда я увертывалъ себя въ непромокаемый плащъ и обѣщалъ исправить землянку на слѣдующій день; и дѣйствительно, на слѣдующій день землянка не протекала, но съ печкой ничего не могли подѣлать; она, хотя и меньше, но все же дымила, такъ что я въ концѣ концовъ предпочелъ холодъ дыму, отъ котораго у меня начали болѣть глаза, и не топилъ печи.

На этой позиціи намъ жилось сравнительно лучше: не было грязи, такъ какъ почва была камениста, а дружины не были столь разбросаны какъ на прежней стоянкѣ, кромѣ V-й дружины, которая стояла нѣсколько въ сторонѣ, недалеко отъ д. Баевецъ, и тамъ устроила себѣ прекрасныя теплыя землянки и столь обширныя, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщались

подошли и наши подкрѣпленія: первыми явились двѣ роты Житомирскаго полка изъ частнаго резерва, и тотчасъ же были введены въ боевую линію; спустя нѣсколько минутъ, прибыли еще восемь ротъ того же полка, подъ личнымъ начальствомъ командира полка полковника Тяжельникова. Наши нѣсколько разъ пытались перейти въ наступленіе, но сильный огонь турокъ и ночная темь помѣшали этому; двѣ роты временно засѣли въ своихъ окопахъ и ограничились усиленной перестрѣлкой. Въ это время на позицію прибылъ генералъ Радецкій; онъ, оріентировавшись въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, отдалъ приказъ всѣмъ частямъ второй линіи и находившимся на бивуакахъ быть готовыми къ бою.

Начало свѣтать. Турки, неожиданно для всѣхъ, выставили на занятой ими позиціи бѣлый флагъ съ краснымъ полумѣсяцемъ; подъ этимъ предлогомъ прибрать своихъ раненыхъ, они, очевидно, хотѣли выиграть время, чтобы укрѣпиться на занятой позиціи; но генералъ Радецкій приказалъ не обращать вниманія ни на какіе флаги, пока непріятель не будетъ окончательно отброшенъ и бой возобновился съ новыми силами.

Съ разсвѣтомъ мы констатировали, что въ переднихъ окопахъ позиціи Св. Николая и въ крайнихъ южныхъ скалахъ *Орлинаго* гнѣзда засѣли турки

цѣлыя роты. Мы часто сходились съ офицерами изъ другихъ дружинъ, проводя время въ бесѣдахъ, а иногда и пробавляясь картишками. Одно и большое неудобство было на этой позиціи — за водой приходилось ходить довольно далеко и по обрывистому спуску, что, въ дождливое время, было сопряжено съ большими затрудненіями.

Во второй половинѣ сентября вернулась изъ Крестецъ и VI-я дружина и была расположена въ с. Топлишѣ; эта дружина, какъ выше упомянуто, была назначена въ свое время конвоировать плѣнныхъ турокъ изъ Казанлыка въ Тырново; оттуда ей было приказано идти въ г. Елену на подкрѣпленіе драгунскаго Военнаго Ордена полка, куда дружина и пришла 19-го іюля. До прихода дружины, положеніе населенія въ Еленинскомъ округѣ было весьма плачевно: убійства и грабежи, причиняемые башибузуками, были вполнѣ заурядным явленіемъ, по прибытіи въ Елену. Чрезъ нѣсколько дней, дружина заняла позицію при д. Дольномъ Маринѣ. Вмѣстѣ съ Орденскимъ полкомъ и вооруженными жителями изъ окрестныхъ селъ, дружина имѣла дѣло съ башибузуками, аттаковавъ ихъ укрѣпленный лагерь при д. Карлюкѣ, носившей такое наименованіе въ честь предводителя башибузуковъ; послѣ схватки, продолжавшейся 3—4 часа, башибузуки отступили, оставивъ на полѣ сраженія нѣсколько убитыхъ, предводитель же ихъ Карлюкъ былъ взятъ въ плѣнъ. Вообще, не проходило дня, чтобы

въ количествѣ около 1000 человѣкъ, и что послѣдніе укрѣпляли и усиливали занятыя мѣста; остальныя же турецкія части, въ томъ числѣ и батальоны 1-й и 2-й бригадъ, встрѣченные сильнымъ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, отступили въ долъ съ обѣихъ сторонъ горы Св. Николая и ограничились поддержкой безцѣльной стрѣльбы.

Генералъ Радецкій приказалъ полковнику Тяжельникову пойти съ тремя ротами въ аттаку противъ турецкихъ *избранниковъ*. Послѣ того какъ последніе были обсыпаны градомъ пуль и картечи, роты бросились впередъ, но были встрѣчены столь сильнымъ огнемъ турокъ, что были принуждены отступить въ окопы; тогда генералъ Радецкій ввелъ въ бой большую часть своихъ силъ. Въ 10 часовъ утра, намъ, наконецъ, удается дойти до занятыхъ турками окоповъ и штыками выгнать ихъ оттуда. Съ отступленіемъ этихъ *избранниковъ*, отступили и части 1-й и 2-й турецкихъ бригадъ, пытавшіяся между тѣмъ, не разъ броситься на позицію Св. Николая съ востока и запада, но бывшія всякій разъ отбитыми нашими фланговыми ротами и артиллеріей.

Гораздо большій успѣхъ имѣли турки при аттакѣ *волынскихъ* высотъ. Приблизившись въ теченіи ночи къ нашимъ ложементамъ, шаговъ на 100, шесть батальоновъ Веселя-паши, въ 5-ть часовъ, когда уже начало розсвѣтать,

дружина не имѣла перестрѣлокъ съ башибузуками; часто были посылаемы роты и въ ближнія селенія для преслѣдованія башибузуковъ — этого страшнаго бича для мирнаго населенія; иногда эти роты доходили даже до д. Бѣлой Рѣки; кромѣ того, роты этой дружины поочередно были посылаемы для охраны г. Беброва отъ башибузуковъ, часто нападавшихъ на этотъ городокъ; въ послѣдніе дни стоянки дружины на Маринской позиціи, 1-я рота имѣла въ г. Бебровѣ небольшое дѣло съ башибузуками: рота, придя къ этому городку, остановилась къ югу отъ него, на небольшой возвышенности; часть ополченцевъ отправилась въ городъ купить хлѣба и прочихъ съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ во время этихъ очередныхъ стоянокъ у Беброва, пища для солдатъ не варилась; въ это время послышались выстрѣлы, постепенно учащавшіеся; оказалось, что башибозуки аттаковали городъ; барабанщикъ забилъ тревогу; рота построилась; тотчасъ была послана впередъ стрѣлковая цѣпь и рота начала наступленіе и открыла стрѣльбу; въ резултатѣ башибозуки убѣжали. 3-го августа, на смѣну очередной роты VI-й дружины, къ Беброву прибыла рота Сѣвскаго полка; дружина возвратилась въ г. Елену, откуда, спустя два дня, утромъ, 6-го Августа, выступила въ походъ. На слѣдующій день по уходѣ дружины, на городъ напали башибузуки, подожгли его и убили нѣсколько человѣкъ. Изъ Елены эта дружина прибыла въ г. Трѣвну, а 10-го августа выступила на позицію *Крестецъ,* гдѣ и простояла до половины сентября. Съ этой позиціи дружина наблюдала за

сразу выскочили изъ скрывавшаго ихъ лѣска и бросились на наши передовыя роты; послѣднія не успѣли сдѣлать даже ни одного залпа и начали отступать; между тѣмъ подполковникъ Сендецкій уже приготовился встрѣтить турокъ изъ второй линіи ложементовъ: когда турки подошли на 50—60 шаговъ и когда наши отступившія роты очистили фронтъ, Волынцы встрѣтили турокъ залповымъ огнемъ и по четвертому залпу заставили ихъ повернуть обратно; въ это же время, 4-я батарея со Св. Николая направила огонь по турецкимъ колоннамъ и турки отступили подъ перекрестнымъ огнемъ. Въ 8 часовъ утра они вторично повели аттаку, но опять неудачно. Въ 9 часовъ утра Весель паша пустилъ въ аттаку свои послѣднія части, но снова былъ отбитъ.

Въ 12 часовъ пополудни, бой совершенно прекратился, и лишь непріятельская артиллерія продолжала еще обмѣниваться рѣдкими выстрѣлами. Потери съ обѣихъ сторонъ были велики: турки, по донесеніямъ Сюлеймана-паши понесли уронъ убитыми и ранеными 1400 человѣкъ, а наши потери по официальнымъ источникамъ до 1000 человѣкъ. Прим. Пер.

Подполковникъ Бѣляевъ, командиръ VI-й дружины.

Стр. 314—315.

ѣйствіями непріятеля, отправляя патрули по окрестностямъ, на близкой къ *Крестцу* горѣ *Бедекъ* въ то же время была асположена сотня казаковъ. Дней десять спустя, по приходѣ ружины, командиру дружины подполковнику Бѣляеву было ообщено казаками, что къ горѣ *Бедеку* наступаетъ турецкая ѣхота; Бѣляевъ тотчасъ же отправилъ 2-ю роту, встрѣтившую епріятеля огнемъ; послѣ незначительной перестрѣлки, турки тступили и рота возвратилась въ *Крестецъ;* спустя нѣсколько ней послѣ этого, дружина получила приказаніе выступить къ Зеленому Древу.

Въ концѣ сентября, командиромъ болгарской конной отни, вмѣсто ротмистра Невѣрова, былъ назначенъ ротмистръ новичъ.

Продовольствіе ополченцевъ, во время стоянки у д. Зеенаго Древа, было очень хорошее, за исключеніемъ хлѣба и ухарей, каковые съ начала сентября мы начали получать отъ *„Товарищества Коганъ и прочая компанія"*; хлѣбъ бывалъ не ыпеченный и съ пескомъ, а главное, что вонялъ плесенью, а ухари были таковы, что ужъ никакъ не могли быть пищей для людей; но, не смотря на это, всѣхъ солдатъ кормили этими ухарями. Отъ этого же товарищества поставлялась и водка, но въ виду того, что водка не отпускалась солдатамъ ежедневно, было приказано токовую пріобрѣтать въ Габровѣ за наличныя деньги. Впрочемъ, ополченцы предпочитали получать два, три раза вино въ недѣлю, чѣмъ ежедневно водку, что нѣкоторые ротные командиры и дѣлали.

Фуража въ Габровѣ было достаточно; агенты названнаго *„товарищества"* объ этомъ позаботились своевременно; они много раньше успѣли объѣхать окрестныя села, и, благодаря одѣйствію казаковъ и ногаекъ, обманывая населеніе, будто дѣйствуютъ по приказу высшаго начальства, ограбить сельскіе запасы фуража. Тѣмъ не менѣе, пока въ селахъ еще не истоцился запасъ фуража, послѣдній покупался отъ населенія, но атѣмъ пришлось покупать таковой отъ *„Товарищества"* и по невѣроятной цѣнѣ: за *оку**) сѣна эта еврейская компанія зымала по 15 и 20 копѣекъ.

Приказомъ по дружинѣ отъ 7-го сентября, командиромъ -й роты былъ назначенъ поручикъ Шепелевъ, которому пред-

---

*) Около 3-хъ фунтовъ.

писывалось принять отъ меня роту, а я назначался завѣдующимъ оружіемъ дружины; но Шепелевъ не явился и рота была мной передана поручику Поражецкому вмѣстѣ съ 600 рублей экономической суммы, оставшейся отъ расходовъ по продовольствію роты.

Въ первой же половинѣ сентября, наконецъ, въ Зеленое Древо были доставлены нѣсколько подводъ, нагруженныхъ, какъ дровами, ружьями системы *Крнка* для перевооруженія дружинъ. Въ качествѣ завѣдующаго оружіемъ III-й дружины, я получилъ приказъ принять нужное количество ружей, сдѣлать имъ опись по нумерамъ и раздать въ роты, при чемъ мнѣ предписывалось, при раздачѣ ружей, произвести имъ, въ присутствіи ротныхъ командировъ, самый тщательный осмотръ, а ружья системы *Шаспо* сдать въ габровскій складъ.

Нечего и говорить о томъ, какъ ополченцы радовались, получивъ крнковскія ружья.

— „Пускай теперь, куда хотятъ, насъ водятъ,“ говорили ополченцы: „теперь мы не будемъ дрожать со страху, что послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ, останемся безъ ружей!“

Но *„теперь,“* а это уже быль октябрь, ни слова не было слышно въ Ополченіи ни о наступленіяхъ, ни о бояхъ; впрочемъ, этого и желать было нельзя, такъ какъ ополченцы, хотя и были перевооружены, но были, какъ говорится, босы и голы; правда, разсказывали, что славянскій комитетъ выслалъ Ополченію полушубки, обувь, платье и проч., но никто не зналъ, когда это все будетъ получено, и офицеры, въ насмѣшку, говорили, что „полушубки навѣрное придутъ по веснѣ.“ Между тѣмъ съ наступленіемъ сырой и холодной погоды въ этихъ полушубкахъ имѣлась вопіющая нужда. Ополченцы по цѣлымъ днямъ сидѣли съежившись въ своихъ землянкахъ, около печей или костра, ибо не было во что тепло одѣться; отправляя для занятія карауловъ, на аванпостную службу или на какія-либо работы, трудно было собрать и половину роты, хоть сколько нибудь удовлотворительно одѣтыхъ, да и то требовалось подбирать у однихъ сопоги, у другихъ шинели и т. п. При такомъ положеніи, ничего не было удивительнаго въ томъ, что и офицеры и ополченцы вовсѣ не желали наступать впередъ.

Съ радостью принялись ополченцы за изученіе разборки новыхъ ружей, ухода за ними и за ихъ чистку; большая часть при-

Съ картины Верещагина: „На Шипкѣ все спокойно!“ Аванпосты на Балканахъ въ зиму 1877 года.

Стр. 216—317.

везенныхъ ружей были очень заржавлены, и нѣкоторые ополченцы, чтобы привести ружья въ надлежащій видъ, пускали въ ходъ при чисткѣ и пепелъ и кирпичъ, не смотря на приказаніе не употреблять этого матеріала; вообще, никто изъ нихъ не жалѣлъ труда, только бы ружья ихъ были чисты и блестящи.

Для обезпеченія Ополченія отъ неожиданныхъ на него нападеній со стороны непріятеля, роты всѣхъ дружинъ, поочередно занимали аванпостную цѣпь передъ д. Зеленымъ Древомъ, а на позиціи были сдѣланы ложементы для дѣйствій сгущеннымъ строемъ; но съ октября отправка ротъ въ названную цѣпь и въ с. Топлишъ къ казакамъ была прекращена, и взамѣнъ выставлялась охранная цѣпь около расположенія цѣлаго отряда, при чемъ каждая дружина выставляла одну роту, охранявшую районъ своей дружины; для этихъ ротъ были выстроены землянки и въ нихъ были приборы для приготовленія чаю.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ обстоятельство, что среди зимы, когда за глубокимъ снѣгомъ Балканы стали непроходимы, и, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, часовыхъ, засыпанныхъ снѣгомъ, приходилось смѣнять каждые 20—25 минутъ, мы сразу усилили охранную службу, именно тогда, когда нападеніе на такую позицію, какъ зелено-древская, было просто немыслимо.

XIII.

Командировка въ Свиштовъ. — Русскіе погонщики. — Гостепріимный старшина. — Два дня въ Свиштовѣ. — Ночная встрѣча съ прапорщикомъ Лиліенфельдомъ. — Приказъ по Д. Арміи. — Графъ Ф. Э. Келлеръ. — Обѣдъ у К. Б. Чиляева. — Судьба *мальчика* Иванова. — Проэктъ военнаго набора въ Болгаріи и Д. Г. Онучинъ. — Фальшивая тревога. — Празднованіе взятія кр. Карса. — Похороны у ѳракійскихъ бѣглецовъ. — Въ гостяхъ у поручика Соллогуба. — Солдаты 24-й дивизіи. — Въ гостяхъ на Шипкѣ. — Смерть Щеглятьева въ Кишиневѣ. — Въ Зеленомъ Древѣ, въ ожиданіи похода. — Празднованіе паденія Плевны. — Имитлійскій отрядъ и генералъ М. Д. Скобелевъ.

4-го октября, я получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Свиштовъ и тамъ получить обмундировочныя вещи для Ополченія. Какія вещи и сколько ихъ надо было получить мнѣ не было извѣстно.

5-го октября, утромъ, когда дружины собирались отслужить благодарственный молебенъ, по случаю блестящей побѣды, одержанной надъ арміей Мухтара-паши, я выѣхалъ чрезъ Тырново въ Свиштовъ. Для доставки упомянутыхъ вещей въ мое распоряженіе были даны шесть пароконныхъ подводъ: самъ я путешествовалъ верхомъ на моемъ *черкесѣ*, оказавшемся здоровымъ и сильнымъ конемъ, благодаря чему до Тырнова я доѣхалъ почти безъ остановокъ, да и останавливаться не хотѣлось, а напротивъ хотѣлось поскорѣе проѣхать мимо печальныхъ сценъ, встрѣчавшихся по дорогѣ: бѣглецы, исхудалые, какъ тѣни блуждали вокругъ своихъ потонувшихъ въ землю *колибъ*, близь которыхъ то тамъ, то сямъ виднѣлись, отдѣльно или по нѣскольку вмѣстѣ, кресты, надъ еще свѣжими могилами, у которыхъ сидѣли или стояли, оплакивая своихъ покойниковъ, осиротѣвшія дѣти и женщины, и своими воплями хватали васъ за душу.

Еще днемъ я прибылъ въ Тырново; улицы, какъ и прежде, были переполнены разнымъ народомъ, преимущественно чиновниками гражданскаго и интендантскаго управленій, „товарищества Когенъ и К°“ и другихъ; Марино поле и окрестности города были положительно покрыты обозами.

Я обошелъ всѣ постоялые дворы, но мѣста для ночлега найти не могъ, злоупотреблять же гостепріимствомъ моихъ прежнихъ хозяевъ не хотѣлось; къ тому же, ввиду даннаго мнѣ приказанія исполнить порученіе въ возможно короткій срокъ, я и самъ хотѣлъ скорѣе выѣхать изъ Тырнова и потому, послѣ небольшого отдыха, и какъ только прибыли подводы, я отправился далѣе, въ Свиштовъ.

Когда я пріѣхалъ въ с. Самоводени, на дворѣ было уже темно.

Самое село расположено въ ущельи, на западъ отъ шоссе, ведущаго въ г. Руссе,*) а тутъ на дорогѣ стоятъ только по обѣ ея стороны нѣсколько сельскихъ постоялыхъ дворовъ и мелочныя лавки; улица здѣсь тоже была просто набита подводами, волами и лошадьми и толпящимся вокругъ нихъ народомъ; кой-гдѣ, между возовъ, виднѣлись костры, а надъ ними, на треножникахъ, висѣли котелки, въ которыхъ погонщики варили себѣ пищу; сами погонщики сидѣли вокругъ огней

*) Болгарское наименованіе города Рущука. Прим. Пер.

и молчали, отогрѣвая свои окоченѣвшія отъ холода руки; свое молчаніе эти люди прерывали лишь вздохами или короткими словами и по печальному выраженію ихъ лицъ, можно было судить, что не веселыя чувства наполняли ихъ душу; по ихъ одеждѣ, которая едва прикрывала ихъ ослабѣвшіе члены было видно, что нищета ихъ заѣдала, а между тѣмъ съ какими, вѣроятно, розовыми надеждами эти погонщики (это все были русскіе погонщики) пошли на зоработки во слѣдъ за арміей, оставивъ дома все имъ милое и дорогое.

Въ ожиданіи прибытія моихъ подводъ, я остановился неподалеку отъ одной такой группы погонщиковъ, сидѣвшихъ вокругъ костра, и слушалъ ихъ отрывистый разговоръ:

— „Эхъ, судьба, судьба! и зачѣмъ только она меня забросила въ этотъ далекій край?!“ воскликнулъ одинъ погонщикъ.

— „Такъ и пропалъ мой *сивко!*“ жаловался, вздыхая, другой.

— „Просто бѣда, среди бѣлаго дня грабятъ, не даютъ и трудомъ заработаннаго!“ возмущался погонщикъ.

„Надо-ть начальству жаловаться!“ возразилъ ему его сосѣдъ.

— „Эхъ, жаловаться?! До Бога высоко, а до Царя далеко!“ махнувъ рукой, закончилъ бесѣду погонщикъ и всѣ замолчали.

Мнѣ хотѣлось подойти къ этимъ бѣднякамъ и распросить объ ихъ положеніи, но и безъ того видѣнъ былъ весь ужасъ ихъ положенія и я отказался отъ своего намѣренія, да и не хотѣлось мнѣ выслушивать ихъ справедливое негодованіе противъ начальниковъ интендантскихъ транспортовъ объ отношеніяхъ которыхъ къ погонщикамъ я и безъ того слышалъ много дурного; напримѣръ, разсказывали, что командиры нѣкоторыхъ интендантскихъ транспортныхъ отдѣленій продавали погонщикамъ пудъ сѣна по рублю и дороже, между тѣмъ, какъ сами то же сѣно покупали отъ мѣстнаго населенія по 5 копѣекъ за пудъ и такого сѣна въ окрестностяхъ Тырнова имѣли на складахъ до 250—300 тысячъ пудовъ.

И на этихъ постоялыхъ дворахъ тоже нельзя было найти свободнаго мѣста для ночлега ни для себя, ни для команды, ни для лошадей, все было переполнено и потому я приказалъ моему обозу расположиться на улицѣ и самъ залегъ спать въ одну изъ подводъ, но заснуть въ холодъ и не укрывшись

было невозможно, и я снова пошелъ въ ближайшую корчму въ надеждѣ, какъ-нибудь да устроиться и переночевать; въ корчмѣ было очень тепло, но при входѣ, обдало меня какимъ то острымъ и зловоннымъ запахомъ; корчмарь, увидавъ меня, вскочилъ и предложилъ мнѣ стулъ, и узнавъ о моемъ желанiи переночевать, услужливо уступилъ мнѣ свою кровать, и тотчасъ же принялся устраивать постель, покрывъ кровать какимъ то грязнымъ коврикомъ; но пока корчмарь приготовлялъ постель, отъ удушливой вони я почувствовалъ головокруженiе, мнѣ стало дурно и я стремглавъ выбѣжалъ изъ корчмы.

Освѣжившись, я вернулся и заставилъ корчмаря отворить двери и провѣтрить комнату, послѣ этого, вони не было слышно. Я легъ спать; но вкорѣ почувствовалъ снова шумъ въ ушахъ и дурноту; отъ множества спавшихъ въ корчмѣ людей воздухъ снова испортился; я опять вышелъ на воздухъ, да такъ уже до утра и провелъ время на улицѣ, то расхаживая по улицѣ, то лежа на подводѣ.

6-го октября, на разсвѣтѣ, мой небольшой обозъ оставилъ негостепрiимныя Самоводени; былъ густой и сырой туманъ. Дорога оказалась ужасная: колеса даже порожнихъ подводъ тонули до осей въ густой, подмерзшей немного грязи, и лошади едва-едва тащились.

— Что же будетъ, подумалъ я, когда будемъ возвращаться съ нагруженными подводами?

Къ 11 часамъ утра, мы прибыли на Куцинскiе постоялые дворы; тутъ тоже было полно народа: были и рускiе и румыны и евреи и болгаре-огородники, возвращавшiеся домой изъ Румынiи; передъ постоялымъ дворомъ, на полянѣ, стоялъ транспортъ, безчисленное множество подводъ котораго были нагружены ячменемъ, крупой, сухарями и пр.; несчастныя лошаденки, видно было, что не только подводъ, но и свои собственныя ноги едва ли бы могли влачить: худыя, натертыя, покрытыя грязью лошади походили скорѣе на скелеты, чѣмъ на себя; около шоссе валялось множество лошадиныхъ труповъ, а вокругъ нихъ стаи голодныхъ сабакъ; погонщики, оборванные, въ лохмотьяхъ, уставшiе и всѣ въ грязи, охрипшимъ голосомъ понукали то лаской, то руготней своихъ измученныхъ лошаденокъ; часто можно было слышать, какъ эти погонщики посылали тысячи проклятiй и туркамъ, зато что они воюютъ съ Россiей и что построили скверное шоссе, и своимъ началь-

ствующимъ лицамъ за плохую распорядительность и *булгарцамъ.*

— „Все изъ за этихъ поганыхъ булгарцевъ мучимся," говорили изстрадавшіеся погонщики: „сидѣли бы смирно и турки бы ихъ не рѣзали и не вѣшали."

— „Да, а нутко пойди къ какому-нибудь *братушкѣ* и спроси *оку* сѣна или кусокъ хлѣба, небось не дастъ: *нема братушка, нема,* все турки взяли," съ досадой замѣчалъ кокой-то бѣднякъ.

— „Ну, братъ, нечего Бога гнѣвить," говорили другіе: развѣ не видишь, что у нихъ у самихъ во дворахъ ничего нѣтъ и ребятишки голодные бѣгаютъ, а тутъ еще жидъ проклятый обираетъ по деревнямъ . . ."

Въ куцинской корчмѣ къ обѣду были приготовлены: вареный кортофель, фасоль и козье вяленное мясо съ лукомъ, запахъ котораго можно было заслышать еще издали; такъ ничего не ѣвши и пришлось отправляться дальше, какъ только лошади немного отдохнули.

Отъ дер. Трымбеша путь въ Свиштовъ отдѣляется отъ шоссе влѣво и дорога идетъ сначала мимо небольшой рѣчки въ сѣверо-западномъ направленіи, а затѣмъ поворачиваетъ прямо къ сѣверу, мимо д. Хибелій, въ с. Павелъ; въ эту деревню мы пріѣхали поздно и тамъ остались ночевать; не спавъ всю прошедшую ночь и уставши отъ дороги, я спѣшилъ поскорѣй устроить лошадей и солдатъ и отдохнуть, но и въ этомъ селѣ тоже не оказалось свободныхъ мѣстъ и оно тоже было полно обозами; лошади и солдаты и здѣсь расположились подъ открытымъ небомъ; вдобавокъ на постоялыхъ дворахъ не оказалось и сѣна.

— „*Золотой* давайте за *оку* и то не найдете сѣна!" говорилъ мнѣ корчмарь.

Случайно, въ корчму, гдѣ былъ я, вошелъ мѣстный старшина, и на мою просьбу найти ночлегъ для меня, а если можно, и для команды и лошадей, весьма предупредительно отвѣтилъ:

— „Найдемъ, отчего не найти, здѣсь, вѣдь село; лучшіе дома, правда, уже заняты гостями, но вы пожалуйте въ мой домъ, солдатъ помѣстимъ въ другомъ, а лошадей — у меня во дворѣ."

Мнѣ оставалось лишь благодарить за любезность и, отдавъ приказаніе командѣ перемѣститься по указанію старшины, я, не теряя времени, пошелъ къ нему.

Гостепріимный поселянинъ ввелъ меня въ довольно чистую, хотя и бѣдно убранную, комнату, освѣщенную сальной свѣчкой; убранство камнаты было незатѣйливо: въ одномъ углѣ были сложены одѣяла и подушки, на полкѣ, у стѣны, были разставлены съ десятокъ штукъ мѣдной посуды, двѣ деревянныхъ табуретки, желѣзная печка, на диванѣ была разостлана тростниковая рогожка, у стѣны стоялъ простой сундукъ для вещей и на стѣнѣ висѣла икона.

Я сѣлъ на табуретку и примастился кое-какъ, только бы поскорѣй поужинать тѣмъ, что осталось изъ моихъ дорожныхъ запасовъ, но хозяинъ меня остановилъ:

— „Развѣ такъ можно дѣлать? у меня въ гостяхъ, да свое ѣсть? Прошу откушать у меня, что Богъ далъ?"

Въ это время вошелъ десятскій и старшина ему приказалъ отвести подводы въ сосѣдній дворъ, а для солдатъ найти въ какомъ нибудъ домѣ квартиру.

Хотя я и былъ сильно уставши и очень мнѣ хотѣлось спать, но долженъ былъ оставить свой скромный ужинъ и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидать приглашенія хозяина; къ моему удовольствію, хозяйское приглашеніе къ ужину не заставило долго ждать: въ комнату вошла молодая и красивая женщина, а за ней 9—10 лѣтняя дѣвочка, съ рукомойникомъ и тазомъ; хозяйка меня привѣтствовала словами: „добро пожаловали", что-то взяла изъ комнаты и вышла, затѣмъ сейчасъ же вернулась, неся въ рукахъ круглый столикъ, на которомъ стояли двѣ мѣдныхъ миски, одна съ овечьимъ сыромъ, другая съ блюдомъ вяленой говядины подъ соусомъ.

— „Пожалуйте кушать, ужинъ простой, не взыщите!" приглашалъ меня хозяинъ.

Я поблагодарилъ и замѣтилъ, что де мы военные не взыскательны и довольны тѣмъ, что есть.

Во время ужина, хозяинъ, узнавъ, что я, хотя и русскій офицеръ, но все же болгаринъ, сталъ нѣсколько свободнѣе въ обращеніи со мной и разговорился.

— „Вы, вотъ, говорите, что военные не взыскательны, но не всѣ такіе: чрезъ наше село много прошло и офицеровъ и чиновниковъ, да и теперь ночуютъ 7—8 человѣкъ только однихъ

офицеровъ и всѣ они требуютъ и закусить и выпить, и что имъ не дадутъ — все не нравится: харчевни въ селѣ плохія, а наши жены не умѣютъ варить по вкусу для такихъ господъ. Но отъ чиновниковъ, что съ казаками ходятъ по селамъ за сѣномъ и ячменемъ, приходится намъ многое выносить: наѣдятся, напьются, лошадей накормятъ и взамѣнъ обругаютъ, а иной разъ и ногайкой пригрозятъ. Много отъ нихъ приходится выносить," повторилъ старшина со вздохомъ: „въ первое время, пока была въ домахъ птица, молоко, яйца, медъ, амбары были полны, сѣно было, скотъ былъ, мы не такъ угощали, какъ васъ сегодня, ну а теперь, кромѣ овечьяго сыра, вяленого мяса, да голодныхъ собакъ по двору, ничего нѣтъ; а кто и съумѣлъ задержать кой-какой скотъ, то ему кормить его нечѣмъ, а зима межъ тѣмъ въ этомъ году бѣдовая. Но мы и не жалѣемъ ничего, Богъ дастъ опять все будетъ, только бы Господь помогъ Царю освободить насъ отъ врага проклятаго!"

Старшина видимо готовился еще долго со мной бесѣдовать, но, замѣтивъ, что я уже начинаю дремать, простился, а я тотчасъ же легъ и проспалъ до утра, какъ убитый.

Утромъ рано, хозяинъ вновь предложилъ мнѣ закусить, чѣмъ Богъ послалъ, предупреждая, что до самаго Свиштова я нигдѣ не найду ничего съѣстнаго. Прощаясь, я предложилъ плату, но старшина отказался, объявивъ, что за угощеніе онъ денегъ не беретъ. Подводы были запряжены и мы тронулись въ путь.

Отъ с. Павела до Свиштова дорога сравнительно была хороша, а потому мы прибыли туда довольно рано, отдыхая, по пути, только въ д. Царевицѣ; эта деревня на этотъ разъ не была столь мололюдна, какъ четыре мѣсяца тому назадъ; здѣсь были тысячи рабочихъ, строившихъ полотно желѣзнодорожной линіи.

Прибывъ въ Свиштовъ, я немедленно отправился въ городской *совѣтъ* просить о назначеніи мнѣ квартиры и конюшни для лошадей; не прошло и часа, какъ мы уже были расположены на квартирахъ.

Хотя за позднимъ временемъ уже и не была пора являться по начальству, я все таки питалъ надежду повидаться съ начальствомъ и потому отправился въ управленіе, гдѣ и засталъ полковника Корсакова; передавъ ему пакетъ, я просилъ воз-

можно скорѣе отпустить мнѣ вещи и объяснилъ, что мнѣ должно скорѣе вернуться въ д. Зеленое Древо.

— „Хорошо, хорошо,“ отвѣтилъ полковникъ: „но дѣло въ томъ, что очень мало придется вамъ получить вещей: вещи еще не прибыли и мы вамъ дадимъ, сколько есть.“

8-го октября, до обѣда, пришлось исполнять разныя порученія и дѣлать покупки для офицеровъ, и я все утро разгуливалъ по городу.

Свиштовъ сталъ совсѣмъ не узнаваемъ; движеніе въ городѣ большое; большая часть турецкихъ лавокъ, бывшихъ нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе въ весьма печальномъ видѣ, теперь были переполнены разными товарами; небольшія болгарскія, прежде мелочныя, лавки или кабаки теперь стали складами товаровъ. Надо сказать, что Свиштовъ въ это время былъ центромъ всѣхъ складовъ для той части Болгаріи, которая уже была въ нашихъ рукахъ. Хотя всѣ эти склады и были переполнены всевозможными товарами, но цѣны на нихъ были очень высоки, почти такія же какъ въ Габровѣ.

Послѣ обѣда, я началъ пріемку вещей, занявшую, вмѣстѣ съ упаковкою этихъ вещей, все время до вечера слѣдующаго дня.

10-го октября, на третій день по пріѣздѣ, я съ обозомъ уже отправился въ обратный путь.

Погода стояла очень холодная; грязь по дорогѣ замерзла, и потому путешествіе въ д. Зеленое Древо было не столь затруднительнымъ, и безъ задержекъ. Погонщики обозовъ, встрѣчавшихся по пути, тоже выглядѣли оживленнѣе: ихъ подводы не тонули въ грязи; по пути, не встрѣчалось уже такое накопленіе обозовъ, какъ три дня тому назадъ: транспорты, направлявшіеся въ Тырново, не дѣлали обходовъ по шоссе черезъ м. Бѣлу, а прямо шли чрезъ д. Хибели; только въ Тырновѣ я засталъ такой же хаосъ, какъ и прежде.

По дорогѣ, между деревнями Куцинымъ и Поликраештами, мнѣ приключилась непріятность, которую буду долго помнить. Ночь была очень темная, хоть глазъ выколи; я, верхомъ, ѣхалъ впереди своего обоза шагахъ въ 300-хъ; только, вдругъ, слышу вдали топотъ верховыхъ лошадей, а спустя немного, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, появились три всадника; одинъ изъ нихъ, видимо офицеръ, подъѣхалъ ко мнѣ, остановилъ лошадь и крикнулъ:

— „Стой, кто ты такой?!“

Я наклонился впередъ, чтобы разсмотрѣть, кто мнѣ приказываетъ остановиться и, увидѣвъ шашку и офицерскіе погоны, отвѣтилъ спокойно:

— Офицеръ.

— „Какой ты тамъ офицеръ?! Ты что дѣлаешь тутъ въ такую пору?!" грозно крикнулъ незнакомецъ охрипшимъ голосамъ и шатаясь въ сѣдлѣ, вслѣдствіе чего я заключилъ, что незнакомецъ былъ здорово выпивши.

— „Ты шпіонъ, а не офицеръ!" крикнулъ онъ и, при этомъ, повернувшись къ сопровождавшимъ его казакамъ, отдалъ приказаніе схватить меня и связать. Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить свое приказаніе, я ему крикнулъ, чтобы онъ не позволялъ себѣ оскорблять такого же какъ и онъ офицера.

— „Не смѣть разсуждать!" крикнулъ въ отвѣтъ незнакомецъ, и съ ногайкой бросился на меня, крича казакамъ: „эй, казаки, взять этого шпіона!"

Но казаки и на этотъ разъ не тронулись съ мѣста, видимо сообразивъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Когда мой храбрый незнакомецъ замахнулся на меня ногайкой, я соскочилъ съ лошади, выхватилъ свою шашку и поймавъ за уздцы его лошадь крикнулъ:

— Ни съ мѣста, иначе убью!

Въ этотъ моментъ подошелъ мой обозъ; я подозвалъ команду и приказалъ окружить буйствующаго офицера, а ему приказалъ отдать мнѣ шашку, что и было имъ съ покорностью исполнено; казаки, при этой сценѣ, не трогались съ мѣста.

Одному изъ ополченцевъ я приказалъ взять лошадь этого офицера подъ уздцы и вести за мной. До с. Поликраештовъ оставалось не далеко; передъ селеніемъ, около шоссе, виднѣлись разложенные костры, къ которымъ мы и направились; по пути я началъ было каяться, что принялъ слишкомъ строгія мѣры противъ этого буйнаго офицера, но, съ другой стороны, утѣшалъ себя тѣмъ, что не прими я такихъ мѣръ, конецъ могъ бы быть еще печальнѣе. Подойдя къ кострамъ, вокругъ которыхъ стояли несчастные погонщики, я приказалъ моему плѣннику слѣзть съ лошади, что онъ и исполнилъ безпрекословно.

— Кто вы такой? спросилъ я въ свою очередъ офицера.

— „Прапорщикъ 9-го резервнаго батальона 115-го пѣхотнаго Вяземскаго полка Лиліенфельдъ, начальникъ поликраештскаго раіона,“ отвѣтилъ прапорщикъ, понуривъ голову.

Погонщики, снявъ шапки, съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣли на эту сцену. Вынувъ памятную книжку, я записалъ отвѣтъ Лиліенфельда, и тихо, чтобы не слышали окружающіе, замѣтилъ ему, что онъ не совсѣмъ хорошо начальствуетъ. Погонщики, сообразивъ очевидно, что я явился въ роли старшаго, окружили меня и начали жаловаться на прапорщика, что онъ, когда вечерело, тоже набросился и на нихъ, и безъ всякой причины всѣхъ ихъ избилъ; я имъ отвѣтилъ, что донесу обо всемъ по начальству и затѣмъ отправился дальше въ путь. По прибытіи въ д. Зеленое Древо, я подалъ рапортъ о случившемся и просилъ о послѣдствіяхъ мнѣ сообщить; но, и на этотъ разъ, какъ было и съ моимъ рапортомъ о случаѣ въ с. Болгарской Сливѣ, никакого отвѣта я не получилъ.

Когда прибыли въ д. Зеленое Древо, я передалъ вещи, полученныя въ Свиштовѣ, въ дружины: на каждую дружину пришлось по 96 паръ сапогъ и 110 паръ брюкъ; сравнительно съ имѣвшейся въ одеждѣ и обуви нуждой, этихъ вещей было очень мало, но все же лучше чѣмъ ничего; ополченцы, по одеждѣ, все еще не походили на солдатъ и нужда въ платьѣ осталась прежнихъ размѣровъ. Но, удивительно, что, не смотря на недостатокъ въ одеждѣ, и при всѣхъ неудобствахъ и лишеніяхъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, въ дружинахъ не было больныхъ; это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это фактъ.

— „Этихъ *булгарцевъ* никакая болѣзнь не беретъ,“ говорили офицеры: „они и безъ докторовъ могутъ обходиться.“

А докторъ Угрюмовъ, обращаясь къ Вязанкову, замѣчалъ:

— „На нашей службѣ въ Ополченіи, мы, пожалуй, коллега, совсѣмъ забудемъ медицину; должно быть болгаре изъ иной матеріи сдѣланы, чѣмъ мы.“

По полученіи вещей, ополченцы начали вылѣзать изъ своихъ землянокъ, какъ лисицы изъ норъ: ихъ начали выводить на ученіе, конечно, если позволяла погода, когда не было дождя и грязи; такъ, приказомъ по дружинѣ, во второй половинѣ октября было предписано производить одиночное, взводное и ротное ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось купить для ополченцевъ теплые куртки и носки.

Графъ Өедоръ Эдуардовичъ Келлеръ,
начальникъ штаба Ополченія во время зеленодревской стоянки.

26—327.

12-го октября, былъ объявленъ по Ополченію слѣдующій приказъ по войскамъ Дѣйствующей Арміи: „сформированные нынѣ шесть новыхъ дружинъ Болгарскаго Ополченія, съ № 7-го по 12-й, предписывается включить въ составъ уже существующихъ бригадъ и затѣмъ бригадамъ Ополченія состоять изъ слѣдующихъ дружинъ: I-й *бригадѣ* — изъ дружинъ: №№ I-й, II-й, VII-й и VIII-й; II-й *бригадѣ* — изъ дружинъ: №№ III-й, IV-й, IX-й и X-й; III-й *бригадѣ* — изъ дружинъ: №№ V-й, VI-й и XI-й.

Командованіе составленными, такимъ образомъ, бригадами Ополченія поручается: I-ю — состоящему по армейской пѣхотѣ полковнику Депрерадовичу, II-ю — флигель-адъютанту полковнику князю Вяземскому и III-ю — флигель-адъютанту полковнику графу Толстому.“

Въ началѣ второй половины октября, въ Ополченіе прибылъ подполковникъ графъ Келлеръ, назначеный начальникомъ штаба Ополченія, вмѣсто раненаго на Шипкѣ подполковника Рынкевича.

Графъ Келлеръ былъ еще молодой, но славный и храбрый боевой офицеръ; я его знавалъ еще въ Сербіи, гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба русско-болгарскаго добровольческаго отряда, состоявшаго подъ командой подполковника Медвѣдовскаго. Кромѣ своихъ боевыхъ качествъ графъ Келлеръ отличался просто ангельской добротой, кроткимъ характеромъ и любовью къ своимъ подчиненнымъ, о которыхъ всегда заботился, какъ отецъ; его же преданность военному дѣлу и свойство всегда свято исполнять свои обязанности дѣлали его неутомимымъ въ службѣ.

Графъ Келлеръ или сидѣлъ въ своей землянкѣ, среди бумагъ и плановъ, или верхомъ, или пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного кавалериста, обходилъ позиціи, занятыя Ополченіемъ и далеко отстоящія отъ нихъ окрестности, имѣвшія какое-либо значеніе на случай сраженія съ непріятелемъ; иногда графъ отправлялся и въ далекія прогулки для такихъ же цѣлей, которыя бывали сопряжены съ немалой опасностью; такъ напримѣръ, въ началѣ ноября, графъ Келлеръ, не выносившій бездѣйствія, предпринялъ рекогносцировку непріятельской позиціи на *Лысой* горѣ и для изученія пути въ д. Химитліи чрезъ гору Вытрополе; въ сопровожденіи двухъ пластуновъ и жителя д. Зеленаго Древа, болгарина *дѣда Новака*,

хорошо знавшаго пути, графъ проникъ съ большимъ рискомъ почти въ самое расположеніе непріятеля на *Лысой* горѣ, и начертилъ кроки пути изъ с. Топлиша почти до д. Химитлій.

Послѣ этой рекогносцировки, на зелено-древской позиціи стало замѣтно оживленнѣе: заговорили о наступленіи; большинство изъ насъ, конечно, не знали о произведенной рекогносцировкѣ, а зная о неудовлетворительномъ обмундированіи дружинъ, какъ офицеры, такъ и ополченцы не особенно довѣрчиво относились къ возможности такого наступленія, хотя къ нему и дѣлались приготовленія; такъ оно и случилось; спустя нѣсколько дней, о наступленіи перестали и говорить и мы снова зажили въ д. Зеленомъ Древѣ монотонно и невесело, чему не мало содѣйствовала и начавшаяся съ октября отвратительная погода.

Въ дурную погоду вообщѣ на душѣ становится какъ-то тяжело, а тутъ, при перспективѣ провести на позиціи всю зиму, мы просто приходили въ отчаяніе, тѣмъ большее, что мы знали, что, и въ случаѣ наступленія нашихъ войскъ впередъ, мы останемся, какъ на привязи, въ нашихъ землянкахъ; самое большое, на что мы могли разсчитывать — это переходъ въ какое-нибудь село или въ городъ, чтобы тамъ ожидать или наступленія теплыхъ дней или доставки необходимаго намъ обмундированія.

26-го октября, штабсъ-ротмистръ Чиляевъ, по случаю переименованія его въ майоры, далъ обѣдъ офицерамъ, на которомъ присутствовали графъ Толстой, князь Вяземскій и графъ Келлеръ. Обѣдъ былъ вкусный и обильный. Въ концѣ обѣда шампанское смѣнила любимая жженка, приготовленная тутъ же, за обѣденнымъ столомъ.

Въ началѣ обѣдъ, какъ обыкновенно водится, не былъ особенно оживленъ, но послѣ здравицъ, бесѣда оживилась и стала общей; многіе офицеры, остроумными разсказами, веселили всю компанію; разговоръ переходилъ съ одной тему на другую; говорили о нашихъ дѣйствіяхъ подъ Плевной, о разныхъ, вообще, злобахъ дня нашей военно-походной жизни, о дороговизнѣ и, въ связи съ ней, о болгарахъ; одни обвиняли ихъ въ томъ, что дерутъ съ русскихъ неимовѣрныя цѣны за предметы потребленія, другіе, напротивъ, ихъ оправдывали.

— „Согласитесь, Степанъ Ивановичъ, говорилъ капитанъ Поповъ, обращаясь ко мнѣ, что въ Габровѣ болгаре безбожно дерутъ за свои товары; напримѣръ, *ока* сахару — 6—7 франковъ, кофiю — 8 франковъ, за фунтъ свѣчей — 4 франка и т. д. — просто баснословныя цѣны; право, сербы въ прошломъ году брали съ насъ меньше.

— „А скажите-ка, Николай Николаевичъ, почемъ вы платили въ Сербiи за *оку* хорошаго табаку?“ перебилъ Попова князь Вяземскiй.

— „Три дуката т. е. около 32—34 франковъ,“ отвѣтилъ Поповъ.

— „А здѣсь почемъ платите?“

— „Здѣсь, . . . 19—20 франковъ,“ отвѣтилъ Поповъ: „но въ Сербiи зато табакъ былъ лучше.“

— Позвольте спросить, Николай Николаевичъ, вмѣшался я, когда мы въ первый разъ пришли въ Габрово, не покупали мы развѣ *оку* сахару по 80—90 сантимовъ, кофiю — по 2 франка 20 сантимовъ, вина — по 30 сантимовъ, фунтъ свѣчей по 80 сантимовъ? Отчего же тогда мы не говорили, что болгаре съ насъ дерутъ, а теперь говоримъ? Теперь въ Габровѣ купцы есть и не болгаре, и продаютъ товары не дешевле болгаръ: отчего вы не говорите про русскихъ купцовъ въ Свиштовѣ, особенно при складѣ Новосельцева, гдѣ я покупалъ для нашей столовой и для офицеровъ разный товаръ, цѣны на который ни чуть не дешевле габровскихъ? Между тѣмъ отъ Свиштова до Габрова, какъ извѣстно, провозъ баснословно дорогъ! Вообще, странно, что дороговизну товаровъ вы объясняете несочувствiемъ болгаръ къ русскимъ?!

— „Сербы больше сочувствовали русскимъ и у нихъ больше сердца, чемъ у болгаръ,“ отвѣтилъ Поповъ: „въ *Воспоминанiяхъ добровольца о Сербiи,* напечатанномъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, посмотрите, какъ обрисованы сербы, это люди добродушные, гостепрiимные, щедрые и крѣпко сочувствующiе русскимъ!“

— „Скажите же, въ чемъ именно выразилась эта большая сердечность сербовъ?“ спросилъ я.

— „Въ Габровѣ я жилъ у нѣкоего Н,“ отвѣтилъ Поповъ: „правда, онъ мнѣ предложилъ квартиру безплатно, но поставилъ условiемъ стирать у него бѣлье и за стирку бралъ въ три-дорога; кромѣ того, когда приходилось за чѣмъ-либо его

посылать купить, онъ всегда надбавлялъ цѣну; такіе и всѣ болгаре; всякій смотритъ, какъ бы урвать лишній *гологанъ**).

Такія неосновательныя обвиненія просто меня возмутили.

— Если вы по этимъ даннымъ заключаете, что болгарскій народъ не сочувствуетъ рускимъ, то я вамъ укажу на факты, которые подтвердятъ, вотъ, графъ Келлеръ и маіоръ Чиляевъ: слушайте, не правда ли, что сербы 6-го октября, прошлаго года, послѣ битвы подъ Гамзиградомъ, когда мы остановились на краю д. Подгорицы на ночлегъ, и разложили костры, открыли по насъ ружейный огонь и ранили нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ двое было изъ моей роты — и благодаря этому всему, мы были принуждены сняться и продолжить путь въ гор. Болевацъ.

— „Да это вѣрно," подтвердили графъ Келлеръ и Чиляевъ.

— А не правда ли, продолжилъ я, что въ г. Парачинѣ, хозяйка нашей квартиры вмѣстѣ съ своей дочерью угрожали вамъ, Константинъ Борисовичъ, и поручику Орлинскому съ револьверомъ въ рукахъ, при чемъ наговорили вамъ разныхъ дерзостей и, между прочимъ, что русскіе привели и турокъ въ Делиградъ? А развѣ не правда, что въ г. Ягодинѣ, куда мы прибыли ночью, сербы насъ не пускали въ дома, даже и тогда, когда городской комиссаръ приказывалъ топоромъ разбивать ворота?

— „Да, и это вѣрно," подтвердилъ Чиляевъ.

— Я бы могъ вамъ привести еще много фактовъ, продолжалъ я, обращаясь къ Попову, но предполагаю, что и этихъ достаточно, чтобы иллюстрировать нравственную физіономію сербовъ и вамъ показать, сколь они сочувствуютъ русскимъ. Что же касается холодности и несочувствія болгаръ къ русскимъ, то я вамъ скажу, что приведенный вами единственный фактъ ничего не доказываетъ; развѣ вы не были свидѣтелемъ тому, какъ встрѣчали болгаре русскихъ солдатъ, какъ ангеловъ — избавителей? Не вы ли умилялись, смотря, какъ болгаре въ Тырновѣ, Казанлыкѣ, Старой-Загорѣ и въ Габровѣ, мужья, жены и дѣти цѣловали руки не только офицерамъ но и солдатамъ, какъ падали предъ вами на колѣни и дарили чѣмъ могли? Не болгаре ли въ с. Батакѣ и въ с. Болгарской Сливѣ преподносили солдатамъ возы, полные хлѣба, бочки вина

*) 10 сантимовъ.

и водки, сыръ и прочіе продукты? Да и не только въ этихъ мѣстахъ, въ с. Юртѣ, въ Казанлыкѣ, въ Старой-Загорѣ? Ну, скажите, Николай Николаевичъ, чего вы больше хотите отъ болгаръ? Вы сами говорили, что сербы тогда только рѣшались впустить васъ къ себѣ въ домы, когда убѣждались, что вы порядочный человѣкъ,*) а скажите, случилось ли вамъ когда-либо, чтобы болгаринъ отказалъ вамъ въ гостепріимствѣ?

— „Ну, довольно вамъ толковать о сербахъ и болгарахъ,“ вмѣшались нѣкоторые офицеры, оставьте ихъ въ покоѣ; споемте лучше что нибудь?

Разговоры прекратились и зелено-древская позиція огласилась прекрасными русскими пѣснями. Была поздняя ночь, когда гости разошлись; впрочемъ любители перекинуться въ карты еще остались попробовать счастья.

Я и докторъ Вязанковъ вышли вмѣстѣ и на дворѣ не могли не остановиться, любуясь очаровательной картиной, представшей нашимъ взорамъ. Ночь была тихая и ясная. Звѣзды блестѣли дрожащимъ свѣтомъ и какъ бы соперничали переливами свѣта съ тонкимъ серпомъ луны; при этомъ освѣщеніи рельефно очерчивались шипкинская позиція и окрестныя ей высоты, включая и нашу зелено-древскую позицію; низменныя же мѣста и долы, покрытые густыми, мотово-бѣлыми облаками тумана, представлялись глазамъ, какъ бы лежащія внизу насъ обширныя озера, на берегу которыхъ мы стояли; казалось, что если сдѣлаемъ нѣсколько шаговъ впередъ, то погрузимся въ воду этихъ озеръ, на поверхности которыхъ то тамъ, то сямъ виднѣлись темныя массы острововъ — это вершины горъ, выступавшія вверхъ изъ гущи облаковъ тумана.

— „Ба, что это за море?“ крикнулъ Вязанковъ, взглянувъ на очаровательное явленіе природы.

Мы бы долго любовались этой картиной, если бы уже не было далеко за полночь и потому приходилось росходиться по домамъ.

Въ концѣ октября, возвратилась изъ Москвы одна партія ополченцевъ, выздоровѣвшихъ отъ ранъ, полученныхъ ими

*) Капитанъ Н. Н. Поповъ объ этомъ указывалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ Добровольца въ Сербіи.“

въ Старо-Загорскомъ дѣлѣ; между ними былъ и *мальчикъ* Петръ Ивановъ, который, какъ было разсказано выше, былъ раненъ въ томъ же дѣлѣ на моихъ глазахъ и о которомъ думали, что онъ не остался въ живыхъ. Теперь мы узнали, что Ивановъ тогда былъ раненъ и въ руку и въ ногу; санитары тогда не успѣли его прибрать и *мальчикъ* ползкомъ направился къ перевязочному пункту, но когда замѣтилъ надвигавшіяся турецкія обходныя колонны, запрятался подъ снопы хлѣбныхъ крестцовъ и тамъ просидѣлъ два дня, ставши невольнымъ и безмолвнымъ свидѣтелемъ звѣрствъ и всякихъ иныхъ ужасовъ, совершенныхъ турками надъ нашими ранеными; на третій день, замѣтивъ, что, вокругъ, турокъ уже не видно, выползъ изъ своей засады, и, къ своему счастью, увидалъ одного болгарина, бѣглеца изъ Старой-Загоры, котораго и упросилъ помочь ему добраться до своихъ, и, такимъ образомъ, Ивановъ прибылъ въ с. Хаинъ-Кіой, откуда и былъ отправленъ въ Россію.

Было уже упомянуто, что вслѣдствіе потерь въ бывшихъ сраженіяхъ, численный составъ дружинъ значительно уменьшился; это обстоятелство заставило генерала Столѣтова подумать о пополненіи дружинъ, и онъ, въ первыхъ числахъ ноября, находя необходимымъ не только пополнить ряды Ополченія, но и увеличить численность послѣдняго еще шестью дружинами, до размѣровъ дивизіи, отнесся рапортомъ къ начальнику полеваго штаба, въ которомъ просилъ ходатайства предъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ о разрѣшеніи произвести военный наборъ въ той части Болгаріи, которая была уже занята нашими войсками; наборъ этотъ проектировалось произвести подъ руководствомъ комиссіи, составленной, подъ предсѣдательствомъ И. С. Иванова, изъ членовъ полковника Кесякова и Доктора Бонева. Когда этотъ проектъ былъ одобренъ и разрѣшенъ Главнокомандующимъ, генералъ Столѣтовъ счелъ своей обязанностью сообщить о томъ письменно князю Черкасскому, и просить его сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о производствѣ набора и о командированіи И. С. Иванова въ наборную комиссію. Это письмо генералъ Столѣтовъ отправилъ къ князю Черкасскому въ д. Боготъ съ полковникомъ Кесяковымъ и докторомъ Боневымъ. По прибытіи въ д. Боготъ, оба эти посланца отправились къ князю Черкассому передать ему письмо, но, не заставъ его дома, оставили письмо

у него на квартирѣ; спустя немного князь вернулся домой и ихъ принялъ.

— „Что вамъ угодно?“ рѣзкимъ тономъ обратился князь къ Кесякову и Боневу.

Они объяснили цѣль своей миссіи.

— „Вы мнѣ привезли отъ генерала Столѣтова не письмо, а предписаніе. Во всякомъ случаѣ я не могу заниматься вашимъ проэктомъ; обратитесь по этому дѣлу къ моему помощнику Д. Г. Онучину.“

Боневъ поспѣшилъ явиться къ Онучину и представить ему проэктъ устава о привлеченіи болгарской молодежи призывного возраста къ отбыванію воинской повинности въ дружинахъ Ополченія. Онучинъ, не взявъ даже этого проэкта въ руки, предложилъ Боневу вопросъ, какіе воинскіе уставы ему извѣстны? На это Боневъ отвѣтилъ, что онъ не знакомъ ни съ однимъ уставомъ о воинской новинности, но что онъ лишь изъ желанія поддержать Болгарское Ополченіе, столь храбро дравшееся съ войсками Сулеймана, проситъ Гражданское Управленіе принять мѣры, какія оно найдетъ нужнымъ для пополненія рядовъ Ополченія болгарской молодежью.

— „Я,“ отвѣтилъ Онучинъ: „знаю русскій, французскій, германскій, англійскій и даже турецкій военныя уставы, а вы, не зная ни одного изъ этихъ уставовъ, осмѣливаетесь мнѣ предлагать составленный вами проэктъ военнаго устава! Не угодно ли вамъ, милостивый государь, немедленно отправиться туда, откуда вы пожаловали?“

Такимъ образомъ, проэктъ о производствѣ военнаго набора, разрѣшенный Главнокомандующимъ, остался не исполненнымъ.

Октябрь мѣсяцъ мы провели на позиціи также спокойно какъ и сентябрь, если не считать фальшивой тревоги, бывшей съ 12-го на 13-ое число. Дѣло въ томъ, что, 12-го октября, было получено въ штабѣ Ополченія извѣстіе изъ корпуснаго штаба, что турки готовятся къ нападенію на Зеленое Древо, и потому предписывалось штабу Ополченія принять должныя мѣры къ отраженію непріятеля. Вслѣдствіе такого сообщенія, генералъ Столѣтовъ созвалъ командировъ дружинъ и имъ сообщилъ о предстоящемъ на завтрашній день сраженіи; дружинные командиры, въ свою очередь, созвали ротныхъ командировъ и отдали имъ соотвѣтственныя приказанія, и на

бивуакѣ закипѣла работа: раздавались патроны и сухари, осматривались ружья, кухни были сняты съ позиціи, однимъ словомъ, готовились встрѣтить турокъ, какъ слѣдуетъ; но непріятель ни завтра, ни въ послѣдующіе дни не явился, и мы снова успокоились въ нашихъ сырыхъ землянкахъ.

Въ ноябрѣ наступили такіе сильные морозы, что отъ нихъ, какъ говорятъ болгаре, и камень и дерево трескаются, и нашъ отрядъ на верху, на Шипкѣ, терпѣлъ большой уронъ въ людяхъ, но не отъ пуль и гранатъ, а отъ морозовъ.

У насъ все было по прежнему, только, 7-го ноября, мы нѣсколько расшевелелись: изъ главной квартиры была получена телеграмма съ извѣстіемъ о второй блестящей побѣдѣ Кавказской арміи — о взятіи крѣпости Карса. По этому случаю, на позиціи мы отслужили благодарственный молебенъ, на которомъ находились отъ дружинъ по одному взводу. На Шипкѣ эта побѣда была отпразднована фейерверками и бенгальскими огнями, и посредствомъ нихъ стало извѣстнымъ и окружавшимъ Шипку туркамъ о нашей побѣдѣ; въ благодарность за это сообщеніе, турки открыли по Шипкинской позиціи стрѣльбу.

Послѣ благодарственнаго молебна, согласно приказу по дружинѣ, я и штабсъ-капитанъ Сокальскій отправились въ Габрово для провѣрки дружиннаго денежнаго ящика, находившагося постоянно въ Габровѣ, гдѣ проживалъ и дружинный казначей подпоручикъ Бѣляевъ.

На дворѣ стоялъ большой морозъ и наши руки и ноги, во время пути, просто окоченѣли; дорога до Чортова моста была столь крута и скользка, что пришлось до этого моста идти пѣшкомъ. На шоссе двигалось множество подводъ, лошадей и солдатъ: одни направлялись на Шипку, другіе обратно съ шипкинскихъ позицій въ Габрово; подводы, шедшія въ Габрово, были полны больными или съ отмороженными частями тѣла солдатами, преимущественно 24-й пѣхотной дивизіи, подводы же, направлявшіяся къ Шипкѣ, были нагружены фуражемъ, сухарями и иной провизіей для войскъ.

Невдалекѣ отъ Чортова моста и отъ него къ сѣверовостоку, на полянкѣ около р. Янтры, находились солидно построенныя и довольно большія землянки; въ нихъ помѣщался одинъ полкъ 24-й дивизіи, составлявшій резервъ шипкинскаго и нашего зелено-древскаго отрядовъ.

Далѣе, по пути въ Габрово, по берегу Янтры, также встрѣчались небольшія землянки, кое-какъ сдѣланныя, въ которыхъ были размѣщены бѣглецы изъ южной Болгаріи, очевидно, самые бѣднѣйшіе, такъ какъ всѣ прочіе бѣглецы, жившія во множествѣ шалашей, стоявшихъ на этихъ мѣстахъ, въ теченіи лѣта, теперь перебрались въ городъ и въ сосѣднія села.

Я полюбопытствовалъ заглянуть внутрь этихъ землянокъ и увидѣть обстановку жизни этихъ бѣдняковъ, и потому предложилъ моему спутнику зайти въ какую-либо землянку.

— „Эхъ, голубчикъ, и чего тамъ смотрѣть! кромѣ голода и холода ничего не увидимъ,“ отвѣтилъ мнѣ Сокальскій: „лучше поспѣшимъ скорѣй въ городъ и тамъ въ теплой комнатѣ, хоть и на короткое время погрѣемся.“

Но я все-таки зашелъ въ одну изъ землянокъ и тамъ, дѣйствительно, кромѣ голода и холода, ничего не могъ увидѣть: одна, двѣ попоны, небольшой мѣшечекъ съ мукой, деревянная фляга съ водой и котелокъ на едва горящемъ небольшомъ кострѣ — вотъ вся обстановка землянки; около огня — нѣсколько полураздѣтыхъ дѣтей, худыхъ какъ скелеты, грызущихъ сухіе куски пригорѣвшей хлѣбной лепешки, а въ углу — съежившись сидитъ ихъ несчастная мать и льетъ свои безконечныя горькія слезы . . . Гдѣ же мужья и отцы? Они или убиты или гдѣ-нибудь въ поискахъ за заработками.

Около одной изъ землянокъ пришлось невольно быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. У землянки — группа женщинъ и дѣтей и двое мужчинъ — одинъ истощенный старикъ, а другой — поможе, но худой какъ скелетъ; женщины плакали и причитали, одна изъ нихъ особенно жалостливо рыдала и рвала на себѣ волосы. Подойдя совсѣмъ близко къ этой группѣ я увидѣлъ выкопанную могилу, а около нее на постланныхъ сухихъ листьяхъ папаротника лежалъ мертвецъ, мужчина лѣтъ около тридцати. Старикъ, едва держась на ногахъ, исполнялъ обязанности могильщика и священника: въ его дрожащихъ рукахъ была лопата и онъ ожидалъ пока придетъ пора спустить тѣло въ могилу; давно бы уже пора было это сдѣлать, но несчастная молодая женщина просто впилась въ холодный трупъ своего мужа, плакала и причитала:

— „На кого оставилъ ты меня, на кого оставилъ и наше послѣднее больное дитя?! Нѣтъ у меня нигдѣ никого: всѣ

избиты, всѣ лежатъ въ черной, сырой землѣ! Оставилъ ты меня сиротой, умру и я! Боже, Боже мой! прибери и меня поскорѣе, все одно умремъ съ голоду и холоду: одинъ былъ кормилецъ и тотъ ушелъ . . .!“

Никакія утѣшенія окружавшихъ ее женщинъ не помогали и не могли утѣшить, да и трудно имъ было это сдѣлать, когда они и сами рыдали и причитали, кто по своемъ мужѣ, кто по дѣтяхъ и т. п.

Далѣе я не былъ въ состояніи смотрѣть на эту сцену; я чувствовалъ какъ у самого слезы подступаютъ и сдавливаютъ грудь; находясь подъ этими тяжелыми впечатлѣніями, я пріѣхалъ въ городъ; въ городѣ тѣ же сцены нищеты:

— „Дядя, дядинька, дайте *гологанъ* хлѣба купить, маму, тятьку убили!“ кричали полураздѣтыя и голодныя дѣти . . .

Надо отдать справедливость жителямъ г. Габрова, что они дѣлали для этихъ бѣдняковъ, все, что возможно; но что могли они сдѣлать тысячамъ несчастныхъ, когда положеніе и ихъ самихъ тоже не было изъ завидныхъ. Многіе изъ нихъ отдали все, что могли; кромѣ помощи бѣглецамъ, они снабдили нижнимъ бѣльемъ и двѣ казачьихъ сотни, а равно и раздали такое же бѣлье и дружинамъ Ополченія; затѣмъ тѣ же жители помогали разными пожертвованіями больнымъ и раненымъ въ лазаретахъ, когда таковые были открыты въ Габровѣ. Я лично слышалъ, какъ завѣдывавшій лазаретомъ 14-й дивизіи разсказывалъ въ группѣ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и я:

— „Всего нанесли,“ говорилъ онъ: „начиная съ ложки и тарелки, и кончая даже шелковыми одѣялами, подушками, матрацами и проч. И все это принесли по собственному желанію, никто ихъ къ тому не понуждалъ.“

Проѣзжая по улицѣ, я услыхалъ, что меня кто-то кличетъ; оборотившись, я увидалъ поручика I-й дружины Соллогуба, стоявшаго въ окнѣ одного изъ домовъ.

— „Входите ко мнѣ погрѣться, у меня тепло,“ говорилъ Соллогубъ.

Я конечно поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что ноги у меня совершенно окоченѣли отъ мороза. Въ комнатѣ у поручика было очень тепло, и мы на позиціи о такомъ теплѣ не могли и мечтать; комната была уютно убрана и хотя не богато, но удобно и со вкусомъ:

стояли двѣ кровати — походная желѣзная и импровизованная изъ досокъ, покрытыя бѣлыми одѣялами и съ подушками, бѣлыми какъ снѣгъ; между кроватями стоялъ столъ, на столѣ красивое складное зеркало, и двѣ разряженныхъ гранаты, вмѣсто подсвѣчниковъ; на стѣнахъ — вѣшалка, нѣсколько картинъ, а у стѣнъ — два соломенныхъ стула, которыми и заканчивалась меблировка комнаты.

— „Сюда, сюда пожалуйте,“ встрѣтилъ меня Соллогубъ: „раздѣвайтесь, здѣсь тепло; Сергѣй сейчасъ принесетъ самоваръ и мы напьемся чаю; ээ! да вы однако же, какъ я вижу, сильно промерзли,“ замѣтилъ Соллогубъ, услышавъ, что я не могу внятно произносить словъ.

Дѣйствительно, морозъ, просто, какъ бы сковалъ мнѣ челюсти и я не могъ свободно выговаривать словъ, а рукъ и ногъ совершенно почти не чувствовалъ, но, выпивъ два стакана горячаго чаю съ коньякомъ, я совсѣмъ пришелъ въ себя.

Поручикъ гвардіи Соллогубъ жилъ въ Габровѣ уже почти мѣсяцъ и рѣдко навѣдывался на позицію, и потому, интерессуясь всѣмъ, касающимся нашей жизни, онъ забросалъ меня вопросами о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о надеждахъ на наступленіе впередъ и т. п. и затѣмъ началъ жаловаться на жизнь въ городѣ:

— „Съ удовольствіемъ бы вернулся жить на позицію,“ говорилъ онъ: „здѣсь я себя чувствую одинокимъ, не смотря на то, что знакомыхъ много; меня особенно раздражаютъ иногда скандалы, какіе творятъ иные наши товарищи; повѣрите, иной разъ, просто душа болитъ, смотря на этихъ господъ. Представьте себѣ, что иные изъ нихъ, напримѣръ, приходятъ въ лавку, спросятъ цѣны товаровъ, и если имъ покажутся таковыя слишкомъ высокими, тотчасъ же пускаютъ въ ходъ ногайку, а если встрѣтятъ какого-нибудь изъ бѣглецовъ, что проситъ милостыню, опять идетъ ногайка въ ходъ: *ты такой сякой, работать не хочешь, а руку протягиваешь!* кричитъ иной на бѣдняка, и, основываясь на такомъ аргументѣ, подымаетъ руку на бѣдняка, который, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, былъ и самъ въ состояніи помогать другимъ!“ закончилъ свой разказъ Соллогубъ.

Поручикъ, хотя еще былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, но весьма трезво смотрѣлъ на вещи, и его возмущало безтактное поведеніе иныхъ изъ нашихъ товарищей по оружію,

и онъ не стѣснялся имъ это высказывать въ глаза при всякомъ удобномъ случаѣ; но мнѣ казалось, что поручикъ Соллогубъ слишкомъ преувеличиваетъ свои обвиненія противъ иныхъ офицеровъ въ нехорошихъ отношеніяхъ послѣднихъ къ болгарамъ. Правда въ массѣ офицеровъ встрѣчались отдѣльныя личности, извѣстныя своимъ буйнымъ поведеніемъ, но гдѣ этого не бываетъ?! Всѣ прочіе офицеры весьма сочувственно относились къ болгарамъ, и особенно къ забалканскимъ страдальцамъ и помогали имъ щедрыми подаяніями.

Надо было идти въ гостинницу и найти Сокальскаго, чтобы приступить къ повѣркѣ суммъ денежнаго ящика и потому, поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина, я ушелъ.

— „Сегодня вечеромъ вы будете моимъ гостемъ," сказалъ, провожая меня Соллогубъ: „вотъ кроват — въ вашемъ распоряженіи, а лошадь ваша уже поставлена на конюшню."

Я сердечно поблагодарилъ Соллогуба и съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе, особенно въ предположеніи, что на постояломъ дворѣ врядъ ли бы удалось найти такія удобства.

Послѣ провѣрки денежнаго ящика, которая продолжалась около двухъ часовъ, я пошелъ бродить по городу съ цѣлью повидаться съ знакомыми, а также и съ подпоручикомъ Иваницкимъ, проживавшимъ въ городѣ уже давно, вслѣдствіе болѣзни; но его я не нашелъ; оказалось, что онъ два дня, какъ уѣхалъ на Шипку. Хозяйка квартиры Иваницкаго не могла имъ нахвалиться, столь онъ былъ добръ и скроменъ, и жаловалась на своего какого-то другого квартиранта, очень сердитаго и взыскательнаго человѣка.

Вечеромъ, я постарался возможно раньше возвратиться къ Соллогубу: мнѣ хотѣлось по раньше лечь спать и какъ можно продолжительнѣе попользоваться теплой и чистой комнатой.

У Соллогуба я засталъ двухъ молодыхъ офицеровъ 24-й дивизіи, кажется, Енисейскаго полка, и съ ними познакомился; оба они пріѣхали въ городъ отдохнуть, и, судя по ихъ блѣднымъ лицамъ и впавшимъ глазамъ, было видно, что они нуждаются въ отдыхѣ, который имъ былъ предписанъ докторами.

Съ слова на слово, разговоръ коснулся жизни на шипкинской позиціи.

— „Плохо, очень плохо живется на Шипкѣ," разсказывалъ одинъ изъ прибывшихъ офицеровъ: „холодъ, морозъ, землянки

холодныя и сырыя, дрова доставлять трудно, а главное пищу для солдатъ нельзя варить на позиціи и ее приносятъ солдатамъ совсѣмъ замерзшей; вслѣдствіе всего этого, солдаты таютъ, какъ весенній снѣгъ и ежедневно выбываютъ изъ строя по 40—50 человѣкъ, то по болѣзни, то съ отмороженными ногами, ушами и руками. И зачѣмъ насъ только держатъ на Шипкѣ? Лучше было бы послать насъ штурмомъ взять непріятельскія укрѣпленія и умереть въ бою, чѣмъ оставлять насъ на жертву морозамъ!"

— Скажите пожалуйста, спросилъ я говорившаго офицера, чѣмъ объяснить, что солдаты 14-й дивизіи, которые несутъ ту же службу на Шипкѣ и занимаютъ наиболѣе опасные пункты на позицій, бодры и здоровы?

Этотъ мой вопросъ не понравился моимъ новымъ знакомымъ, но все-таки одинъ изъ нихъ мнѣ обяснилъ, что, можетъ быть, потому, что начальство дивизіи занимается изданіемъ обширныхъ приказовъ и инструкцій, а не знакомится непосредственно съ жизнью солдата и не желаетъ спуститься въ его темную, сырую и холодную землянку и, такимъ образомъ, личными указаніями помочь улучшить его положеніе:

— „Помилуйте," говорилъ офицеръ: „развѣ можно держать солдатъ въ ложементахъ безъ смѣны, по 24 часа въ сутки? Кормить замерзшей пищей, да еще въ эти холода держать солдата безъ полушубковъ и въ тѣсной обуви, часто обутой прямо на полотняные портянки? Развѣ нельзя было приложить стараніе и построить теплыя землянки, чтобы солдатъ послѣ смѣны могъ въ нихъ согрѣть свое окоченѣлое тѣло?"

— „Мнѣ кажется," вмѣшался Соллогубъ: „что не все зло кроется въ нераспорядительности начальства; корень зла лежитъ въ самомъ воспитаніи солдата и въ этомъ-то и надо искать причину заболѣваній и замерзаній солдатъ 24-й дивизіи; солдатъ обучали преимущественно парадамъ и караульной службѣ, обращали вниманіе, главнымъ образомъ, на его наружный видъ, чтобы мундиръ былъ стянутъ и хорошо пригнанъ, сапоги — шикарно обтягивали ногу, въ казармахъ — заботились тоже о шикарной обстановкѣ и т. п. Офицеры не знали своихъ солдатъ, а солдаты своихъ офицеровъ. Возьмите для примѣра 14-ю дивизію: ея солдаты, воспитанные въ строгой, суворовской школѣ, переносятъ всѣ невзгоды шипкинской позиціи, потому что части этой дивизіи въ мирное время были

часто выводимы въ поле, пріучали ихъ къ суворовскимъ походамъ и, во время походовъ, на бивуакахъ и ночевкахъ, солдату наглядно показывалось и разсказывалось все, пройденное имъ въ казармѣ; вотъ почему, повторяю, въ *драгомировской* 14-й дивизіи солдаты не болѣютъ, а бодры, здоровы и веселы."

— „Это правда, нельзя только обвинять высшее начальство, надо быть справедливымъ и не сваливать своихъ грѣховъ на чужую спину," заговорилъ и другой офицеръ 24-й дивизій: „развѣ наше начальство не дѣлаетъ нужныхъ распоряженій? Развѣ въ приказахъ по дивизіи и полкамъ не даны инструкціи и наставленія? Но вопросъ въ томъ, исполняются ли эти приказы? И если виновато высшее начальство, то развѣ въ томъ, что не слѣдитъ за исполненіемъ своихъ приказовъ и не наказываетъ не исполняющихъ таковыхъ, а вмѣсто того входитъ въ разныя мелочи и тѣмъ стѣсняетъ дѣйствія подчиненныхъ. Въ 14-й дивизіи приказы коротки и ясны и прилагаются, не мудрствуя лукаво, но точно; въ этой дивизіи начальствующіе пріучены отечески заботиться о благосостояніи и здоровьи своихъ подчиненыхъ; солдаты этой дивизіи никогда не ложатся спать голодными и мокрыми, да и сонъ у нихъ чуткій; почувствуютъ ли холодъ, встанутъ, обогрѣются у огня, если токовой есть, если нѣтъ, то согрѣютъ себя усиленнымъ движеніемъ, и опять лягутъ. Теперь, на позиціи, солдаты въ этой дивизіи ходятъ за дровами обязательно командами; смѣнившіеся отъ службы солдаты находятъ въ землянкахъ готовый огонь, высушатъ платье, согрѣютъ пищу, наѣдятся и послѣ всего этого уже идутъ спать. А у насъ? Какъ только смѣнятся, наглотаются замерзшей пищи, ложатся въ мокрой одеждѣ и затѣмъ встаютъ ото сна съ отмороженными ногами, а иные совсѣмъ не встаютъ."

— „Ну, оставимъ этотъ разговоръ," перебилъ говорившаго его сослуживецъ: „сыграемте ка лучше въ преферансъ."

Мнѣ не по вкусу былъ такой оборотъ разговора, такъ какъ приходилось сидѣть и не ложиться, а мнѣ сильно хотѣлось спать, но нечего было дѣлать, надо было согласиться и мы засѣли въ карты.

Утромъ, 9-го ноября, мы вмѣстѣ съ поручикомъ Шиваровымъ и шт.-кап. Сокальскимъ, уѣхали въ Зеленое Древо. Морозъ на дворѣ стоялъ такой же, какъ и вчера, и у насъ, и усы и ресницы покрылись инеемъ. По дорогѣ было такое же,

какъ и вчера, движеніе подводъ, вьючныхъ лошадей и солдатъ; солдаты 24-й дивизіи рѣзко бросались въ глаза своей блѣдностью, слабостью и лѣнивыми движеніями; больные, перевозимые въ Габрово, были преимущественно изъ этой дивизіи: по пути до Чортова моста, мы насчитали 80 человѣкъ больныхъ и почти всѣ они были 24-й дивизіи.

— „Лодари, отъ лѣни перемрутъ!“ замѣтилъ шт.-кап. Сокальскій: „впрочемъ, не они виноваты а начальство,“ прибавилъ онъ, и затѣмъ принялся выхвалять заботливость нашего начальства о здоровьи ополченцевъ.

Далѣе, по пути, мы нагнали партію въ 50—60 человѣкъ солдатъ 14-й и 24-й дивизій, отправлявшихся на Шипку. Намъ начало сильно подмораживать ноги и потому мы слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ вмѣстѣ съ этими солдатами и потому невольно прислушивались къ ихъ разговорамъ.

— „И чего вы тащитесь на позицію?“ удивлялся солдатъ 14-й дивизіи, обращаясь къ товарищамъ солдатамъ 24-й дивизіи: „все равно замерзнете, а коли нѣтъ, такъ опять вернетесь въ Габрово носы оттаивать!“

— „А я такъ слыхалъ, что изъ нашей дивизіи къ вамъ дядекъ пришлютъ!“ издѣвался другой *драгомировецъ.*

— „Ну, братъ, дядекъ ужъ поздно высылать! Имъ одно остается, снять ихъ съ позиціи да и послать въ теплыя мѣста отмораживаться,“ подсмѣивался еще какой-то солдатъ.

Бѣдняки солдаты 24-й дивизіи, будто виноватые, ничего не возражали на насмѣшки а напротивъ, старались даже какъ бы поддѣлаться подъ тонъ говорившихъ:

— „Вы то храбрецы, да ружья-то у васъ плохи!“ сказалъ одинъ солдатъ изъ 24-й дивизіи. (14-я дивизія была вооружена ружьями системы Крнка, а 24-я — берданками).

— „Ружья-то у васъ хороши, да вы-то сами дрянь и лѣнтяи!“ возражалъ *драгомировецъ.*

— „Скажите-ка намъ, голубчики, отчего это *драгомировцы* молодцы и не болѣютъ и не мерзнутъ какъ въ 24-й дивизіи?“ обратился къ солдатамъ Сокальскій.

— „Да какъ имъ не мерзнуть, ваше благородіе, когда они всѣ лѣнтяи!“ отвѣчалъ *драгомировецъ:* „лѣнь имъ себѣ дровъ принести, пищу согрѣть, одежу высушить, землянки теплыя сдѣлать, все имъ лѣнь! Вернутся со службы, наѣдятся замороженой пищи да и на боковую.“

— „Они, ваше благородіе, въ сутки 24 часа спятъ," вмѣшался какой-то шутникъ солдатъ.

— „А какъ съ турками дерутся?" спросилъ Шиваровъ.

— „Ну, съ турками-то дерутся храбро, такъ прямо на штыки и лѣзутъ!" отвѣтилъ одинъ *драгомировецъ*.

— „А *братушки* хорошо дерутся?" спросилъ Сокальскій.

— „Что и говорить! они да Орловцы и Шипку спасли!" отвѣчали солдаты.

Поручикъ Шиваровъ предложилъ намъ зайти обогрѣться къ шт.-кап. Любомскому, въ IX-ю дружину, стоявшую на правомъ берегу Янтры, выше Чортова моста; Сокальскій отказался, а мы съ Шиваровымъ зашли. Дружина помѣщалась въ теплыхъ и глубоко вырытыхъ землянкахъ; самъ Любомскій устроился очень удобно: въ его землянкѣ было два отдѣленія и столь просторно, что можно бы было помѣстить взводъ солдатъ. Обогрѣвшись, мы отправились въ Зеленое Древо.

Не весело было жить въ сырыхъ и закоптѣлыхъ отъ дыма землянкахъ; это была не жизнь а непрерывное мученіе человѣка, сидящаго какъ на привязи, на одномъ мѣстѣ и въ самомъ скверномъ положеніи; это меня заставило просить разрѣшеніе у дружиннаго командира пойти на Шипку, повидаться съ друзьями однополчанами и взглянуть на шипкинскую позицію.

— „И чего вамъ ходить на Шипку безъ надобности? Развѣ хотите, чтобы васъ убили турки?" разубѣждалъ меня Чиляевъ: „впрочемъ, какъ хотите, можете идти."

Утромъ, 11-го ноября, напившись чаю, я отправился на Шипку; но, уже на первой верстѣ, началъ раскаиваться: дорога, по которой приходилось ѣхать, мимо д. Стоманецъ, была ужасная; отъ нашего бивуака до Червенаго Брега шелъ крутой спускъ и совершенно обледенѣвшій, такъ что верхомъ было ѣхать немыслимо, тѣмъ болѣе, что у моего *черкеса* шипы на подковахъ были поистерты, и онъ два раза падалъ, пока спустился до постоялаго двора на Червеномъ Брегѣ. Надежда на лучшую дорогу отъ Червенаго Брега вверхъ, гдѣ было большое движеніе, тоже не оправдалась: дорога здѣсь была не лучше, но я, хотя и предвидѣлъ, что, и съ горы и подъ гору, до самой Шипки, придется идти пѣшкомъ, все-таки продолжалъ путь; коротко говоря, пока я добрался до верху,

два раза падалъ, а лошадь пришла вся въ поту, хотя и шла почти все время порожнемъ.

Первый привалъ я сдѣлалъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ, который теперь не находился уже при турецкой караулкѣ, гдѣ мы его оставили, когда смѣнялись съ Шипки, а былъ расположенъ на полянѣ, выше Червенаго Брега, не далеко отъ бараковъ генерала Радецкаго; перемѣщенъ былъ перевязочный пунктъ потому, что, 14-го августа, турецкая батарея съ *Лысой* горы открыла по немъ такой сильный огонь, что оставаться ему на прежнемъ мѣстѣ было невозможно.

Вправо отъ шоссе и турецкой караулки, на возвышенности, стояла одна батарея, а выше нея другая — въ 4 орудія; эти батареи обстрѣливали *Лысую* и *Зеленую* горы. При батареяхъ были построены солидные окопы для пѣхоты. Между этими батареями, по плоской равнинѣ, проходила дорога на Шипку; эта мѣстность была совершенно открыта непріятельскимъ выстрѣламъ, какъ пушечнымъ, такъ и ружейнымъ, такъ что днемъ было здѣсь не мыслимо пройти, и поэтому для пѣшеходовъ и всадниковъ отъ этого мѣста была проведена по восточному склону возвышенности, дорога, выходившая на шоссе, около одной круглой возвышенности, недалеко отъ *круглой* батареи; на выходѣ этой дороги, по склону возвышенности, были расположены землянки Подольскаго, а за нимъ, нѣсколько выше, Житомирскаго полковъ; около этихъ землянокъ двигались солдаты, какъ муравьи, одѣтые въ полушубки, башлыки и обутые поверхъ сапогъ въ лапти изъ сырой воловьей кожи; ниже, къ востоку — дымились ротныя кухни; у самой дороги построены были офицерскія землянки.

— „Куда васъ Богъ несетъ?“ послышался голосъ изъ землянки.

Я обернулся и увидѣлъ моего пріятеля, поручика Подольскаго полка, Щеглятьева.

— „Заходите въ землянку обогрѣться, у меня тутъ тепло!“ крикнулъ онъ.

Отъ этой встрѣчи съ Щеглятьевымъ у меня прошелъ морозъ по кожѣ: я вспомнилъ о несчастьи, случившемся съ его братомъ, у меня на квартирѣ въ Кишиневѣ, которое и по нынѣ отравляетъ мнѣ свѣтлыя минуты въ моей жизни. Въ началѣ Сербско-Турецкой войны, когда мы, болгаре — офицеры, приготовлялись отправляться на театръ войны, у насъ

съ портупей-юнкеромъ Николаевымъ, на квартирѣ, гостили поручики Филовъ и Шиваровъ, пріѣхавшіе изъ внутреннихъ губерній Россіи, чтобы вмѣстѣ съ нами уѣхать въ Сербію. Въ одинъ воскресный день послѣднихъ чиселъ мая, я не вернулся послѣ полудня домой, будучи на обѣдѣ въ одномъ знакомомъ семействѣ; въ это время, по полудни, въ нашей квартирѣ собралась компанія офицеровъ и забавлялась стрѣльбой въ цѣль изъ шестизаряднаго револьвера, принадлежавшаго поручику Филову; въ револьверѣ оставался только одинъ патронъ и компанія, оставивъ револьверъ, разошлась; немного погодя, къ намъ на квартиру зашли двое моихъ товарищей по училищу — поручики Эльфимовъ и Щеглятьевъ — братъ офицера, который теперь меня звалъ обогрѣться. Щеглятьевъ, замѣтивъ револьверъ, взялъ его въ руки и, увидѣвъ, что онъ не заряженъ, направилъ его себѣ прямо въ сердце и сказалъ:

— „Вотъ какъ бы нужно было поручику Н.*) прицѣлиться!“

Раздался выстрѣлъ и Щеглятьевъ палъ мертвымъ въ моей комнатѣ.

И теперь, когда меня позвалъ братъ покойнаго Щеглятьева, я, будто, снова переживалъ все то, что пережилъ и перечувствовалъ тогда, въ Кишиневѣ, вернувшись къ себѣ домой.

Со времени катастрофы, мнѣ не пришлось встрѣтиться съ Щеглятьевымъ и теперь, поблагодаривъ его за приглашеніе, я выразилъ ему сожалѣніе по поводу того несчастнаго случая.

— „Нечего объ этомъ говорить,“ возразилъ скромно Щеглятьевъ: „на то была воля Божія!“

Мы закусили и напились чаю и я поспѣшилъ уйти, такъ какъ надо было дойти еще до верху и успѣть къ вечеру вернуться въ Зеленое Древо.

— „Будьте осторожны,“ сказалъ Щеглятьевъ провожая: „тамъ на верху турки непременно откроютъ по васъ огонь; самое лучшее — это или слѣзайте съ лошади или проѣзжайте въ карьеръ чрезъ опасное мѣсто; оно не длинно.“

Я простился и уѣхалъ.

Опасно оказалось не только на верху, но на Шипкѣ всюду было опасно: землянки, лѣпившіяся, какъ ласточкины гнѣзда,

---

*) Поручикъ Минскаго полка Н. за недѣлю до этого случая застрѣлился, но умеръ послѣ трехдневныхъ мученій.

ламъ и восточному склону горы, и тѣ не были въ безо-
ти; одна землянка, виднѣвшаяся впереди меня, была
шена гранатой; все, находившееся имущество внутри зем-
сгорѣло; къ счастью, ея хозяева, два офицера, въ это
отсутствовали; но и не однѣ гранаты, пули тутъ тоже
ю поубивали людей . . .
Около меня послышался свистъ двухъ, трехъ пуль, а не-
спустя я встрѣтился съ однимъ казакомъ.
— „Турки, ваше благородіе, страсть какъ мѣтко стрѣ-
; какъ меня увидали, такъ и пошли палить, но спасибо
ь, духомъ меня пронесъ чрезъ опасное мѣсто!“ преду-
алъ меня казакъ.
— А земля тамъ по дорогѣ тоже обледенѣла? спросилъ
ка.
— „Какъ зеркало, ваше благородіе,“ отвѣтилъ онъ и,
трѣвъ на истертые шипы подковъ моего *черкеса*, приба-
„можете и пѣшкомъ пройти, только коня, какъ бы
или.“
I прошелъ опасное мѣсто пѣшкомъ, напутствуемый не-
льскими пулями: на этомъ мѣстѣ была воздвигнута цѣлая
изъ туръ, набитыхъ землей, при чемъ, чѣмъ выше под-
ась мѣстность, тѣмъ были выше и крупнѣе туры, а
въ *круглой* батареи ихъ было наложено чуть не съ ки-
ю стѣну.
Выше Житомирскаго полка, на возвышенности, была уста-
а мортирная батарея, а вправо отъ центральной батареи,
ой сѣдловинѣ, находился Волынскій полкъ; прочіе полки
24-й дивизіи были расположены въ разныхъ направле-
по позиціи.
Дорога отъ Червенаго Брега до верховъ шипкинской пози-
ла сравнительно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ прежде,
будь такъ скользко, по ней было бы легко проѣзжать.
Въ полдень, я подъѣхалъ къ „казармѣ,“ гдѣ предпола-
оставить лошадь и пѣшкомъ пройти на позицію Минскаго
но у землянки маркитанта, находившейся около „ка-
,“ я встрѣтился почти со всѣми моими друзьями изъ
въ томъ числѣ и съ поручикомъ Иваницкимъ.
— „Какими судьбами?! Что тебя заставило приходить
въ этотъ адъ пуль и гранатъ?“ закидали меня вопро-
офицеры: „право, лучше сидѣть было тебѣ въ своемъ

Зеленомъ Древѣ! Тутъ, братъ, никто за себя не поручится, слышишь какъ свистятъ пули?"

— Мокрый дождя не боится, а свистъ этотъ мнѣ уже знакомъ и потому не производитъ на меня особаго впечатлѣнія, отвѣчалъ я.

Этотъ разговоръ мы вели какъ разъ около землянокъ Волынскаго полка, въ которыхъ солдаты, при открытыхъ дверяхъ, обѣдали. Турецкіе стрѣлки, очевидно, замѣтили нашу группу и открыли по насъ огонь; на Шипкѣ же на этотъ разъ, собственно говоря, было спокойно; артиллерійскаго боя не было, но отдѣльные ружейные выстрѣлы не переставали. Мы отошли отъ землянки.

— „Вотъ такъ каждый день и цѣлые дни," говорили мнѣ офицеры: „проклятые турки начали столь мѣтко стрѣлять, что и носа показать нельзя; покойный поручикъ Токмачевъ, Царствіе ему Небесное, всталъ было въ окопахъ порасправить кости, какъ въ ту же секунду охнулъ и упалъ: ранило въ плечи, отъ чего спустя нѣсколько дней и умеръ."

Въ это время, какъ бы въ подтвержденіе разсказа, въ землянкѣ послышался стонъ и клики солдатъ: „ранили! Никитина ранили!" Мы вошли въ землянку.

Оказалось, что смѣна солдатъ, прійдя со службы, сѣла обѣдать. Одинъ изъ солдатъ, Никитинъ, крикнулъ товарищу: „Дай мнѣ ложку!" послѣдній, чтобы не вставать, бросилъ ему ложку, которая упала у поджатой ноги Никитина, и онъ, чтобы достать ложку, поднялъ ногу и въ этотъ моментъ пуля въ ногу и ударила. На одинъ моментъ раньше или позже подними ногу Никитинъ, онъ остался бы здравъ и невредимъ; но судьба, говорили солдаты, устроила иначе; и дѣйствительно, если бы пуля не попала въ Никитина, то была бы роковой для его сосѣда.

— „Вотъ такъ у насъ случается каждый день," замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ: „и самое скверное то, что на этомъ мѣстѣ нельзя устроить прикрытія, развѣ, соорудить китайскую стѣну."

Отсюда мы отправились въ маркитантскую землянку и сѣли тамъ обѣдать; я спѣшилъ скорѣе отобѣдать, чтобы поспѣть побывать на позиціи Минскаго полка и тамъ повидаться съ прочими товарищами.

— „Видно, что тебѣ жить надоѣло,“ замѣтили мнѣ офицеры: „мыслимо ли днемъ туда идти! дастъ Богъ еще увидишься съ товарищами и при лучшей обстановкѣ.“

Я послушался совѣтовъ и не пошелъ, тѣмъ болѣе, что если идти было трудно по подъему, то спускаться внизъ должно было быть еще труднѣе, а времени у меня оставалось мало, и мы продолжили нашу бѣсѣду.

Минцы разсказывали о происходившихъ бояхъ на Шипкѣ, о которыхъ, впрочемъ, я слышалъ и ранѣе: офицеры и солдаты 14-й дивизіи не скрывали своего неудовольствія, что имъ однимъ приходилось нести на Шипкѣ самую тяжелую службу:

— „Балованые маменькины сынки здѣсь не годятся,“ замѣтилъ одинъ штабсъ-капитанъ: „здѣсь нѣтъ ни кровати, ни мягкихъ подушекъ, да и парадовъ не требуется.“

Если намъ въ Зеленомъ Древѣ надоѣло стоять, да еще при, сравнительно, хорошихъ условіяхъ, то защитникамъ Шипки совсѣмъ было не въ моготу, потому что, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ цѣлые дни и ночи находиться, будто заживо зарытыми, въ сырыхъ и холодныхъ землянкахъ или въ полныхъ грязи или обмерзлыхъ окопахъ, и при постоянномъ рискѣ, при первомъ свободномъ движеніи, попасть подъ пулю, быть убитымъ или раненымъ.

Подошла пора мнѣ уѣзжать и мы вышли изъ землянки; мнѣ хотѣлось, хоть издалека, разсмотрѣть позицію и расположеніе частей. Я нашелъ большую разницу; позиція была почти неузнаваема: позиція Подольцевъ т. е. та, которую занимали II-я, III-я и V-я дружины, была загорожена высокими блиндированными окопами; по всѣмъ направленіямъ были проведены траншеи, построены траверсы, закрывавшіе защитниковъ отъ фланговаго огня непріятеля съ *Лысой* горы и *Вороньяго Гнѣзда*, наносившаго намъ въ первые дни защиты Шипки большой уронъ; на *стальной* батареѣ и позиціи IV-й дружины грозно и величественно выступали массивные окопы; тамъ въ нѣсколько рядовъ были построены масивные, блиндированные, прорѣзанные амбразурами окопы; амбразуры теперь зіяли, будучи не занятыми солдатами. Повсюду мѣстность была будто вспахана, а ближайшій лѣсъ вырубленъ.

Въ это время т. е. въ теченіи ноября, полки 24-й дивизіи значительно пострадали отъ стужи и потому занимали незначительную часть позиціи.

Подходилъ вечеръ и надо было уѣзжать; мнѣ вывели лошадь, а офицеры вышли меня проводить. Лишь только мы показались на мѣстѣ, гдѣ стояла лошадь, какъ засвистѣли пули.

— „Съ Богомъ, до свиданія," кричали офицеры: „пусти лошадь въ карьеръ!"

Мнѣ и самому хотѣлось пустить въ карьеръ моего *черкеса,* къ тому же и обстрѣливаемое пространство не было длиннѣе 250 шаговъ, но я этого не сдѣлалъ и проѣхалъ рысью, хотя пули, то и дѣло, свистѣли и падали около меня — мнѣ было стыдно это сдѣлать передъ офицерами и солдатами.

Было уже поздно, когда я пріѣхалъ въ Зеленое Древо.

Торжествуемъ. Мы дождались наконецъ обмундированія: было получено на всякую дружину по 325 мундировъ, 100 шинелей, 530 галстуховъ, 275 паръ сапогъ, 270 рубахъ, 250 паръ подштанниковъ и по 335 полушубковъ; все это немедленно было раздано солдатамъ. Но все же это былъ еще не полный комплектъ обмундированія.

Одна часть сапогъ и полушубковъ, предназначенныхъ еще въ Свиштовѣ для Ополченія, была раздана частямъ 8-го корпуса, находившимся на Шипкѣ.

Ополченцы стали походить вполнѣ на солдатъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и были одѣты вмѣсто шинелей въ полушубки. Правда, въ Плоэштахъ у нихъ было полное военное обмундированіе и снаряженіе, но тогда имъ не хватало боевой осанки, увѣренности въ своей нравственной силѣ, въ храбрости и самоотверженности — качества, которыя теперь были ими усвоены. Ополченцы теперь закалены, говоривали офицеры, съ ними можно теперь идти на штурмъ противъ какой хочешь крѣпости.

Между тѣмъ неутомимый графъ Келлеръ не сидѣлъ, сложа руки. Онъ съ двумя пластунами и проводникомъ изъ мѣстныхъ болгаръ, какъ было выше упомянуто, успѣлъ проникнуть почти до шейновскаго укрѣпленнаго турецкаго лагеря, изучить хорошо расположеніе непріятеля и опредѣлить приблизительную численность послѣдняго. Генералъ Столѣтовъ, увлеченный результатами этихъ рекогносцировокъ, задумалъ скрытный зимній походъ за Балканы и неожиданное нападеніе на турецкій тылъ, такъ какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ, турки располагали значительными силами на высотахъ. По утвержденіямъ генерала, о которыхъ я узналъ впо-

слѣдствіи, одно наше появленіе въ тылу у турокъ заставило бы послѣднихъ снять осаду и тѣмъ бы окончилось зимнее шипкинское мученіе, а можетъ быть и самая война.

Переспектива этого плана была, дѣйствительно, очень заманчива! Всякому было по душѣ и каждый хотѣлъ участвовать въ такомъ славномъ дѣлѣ, въ успѣхѣ котораго, какъ говорили, генералъ былъ убѣжденъ. Но когда офицеры послѣ узнали о проэктированномъ походѣ, то почти всѣ отнеслись къ нему не столь оптимистически, какъ генералъ Столѣтовъ.

Поздно вечеромъ, 13 ноября, когда собирались ужинать, майоръ Чиляевъ получилъ пакетъ съ надписью *„Экстренно"*; онъ быстро распечаталъ конвертъ, прочелъ и, вставъ изъ за стола, приказалъ вѣстовому Бондарю приготовить фонарь и вышелъ, предупредивъ, чтобы къ ужину его не ждать. Мы съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Чиляева и дѣлали множество разныхъ предположеній, стараясь разгадать причины такого *экстреннаго* вызова Чиляева. Наконецъ, послѣ долгаго пребыванія у генерала, Чиляевъ вернулся. Съ перваго взгляда, не смотря на его стараніе показать видъ, что ничего нѣтъ особеннаго, мы поняли, что онъ что-то хочетъ скрыть. На наши просьбы, наконецъ, онъ намъ отвѣтилъ:

— „Поздравляю васъ, господа, съ походомъ; на насъ возложено молодецкое дѣло и мы должны показать себя еще разъ достойными оказаннаго намъ довѣрія."

При этомъ Чиляевъ принялъ такой серіозный видъ, что мы поняли, что предъ нами теперь стоитъ начальникъ. Хотя маіоръ Чиляевъ и не сообщилъ намъ, куда придется намъ идти, но мы не сомнѣвались, что генералъ Столѣтовъ, очевидно, исходатайствовалъ разрѣшеніе напасть на турецкую укрѣпленную позицію у с. Шейнова или у *Лысой* горы, такъ какъ это было завѣтной мечтой Столѣтова.

Извѣстіе объ уходѣ изъ Зеленаго Древа не особенно обрадовало офицеровъ. Въ частыхъ бесѣдахъ въ длинные зимніе вечера, мы не разъ обсуждали вопросъ о нападеніи на шейновскій укрѣпленный лагерь или на *Лысую* гору и каждый разъ приходили къ заключенію, что предпринимать такой походъ и чрезъ такую мѣстность, какъ Балканы, съ однѣми только дружинами Ополченія, это значило бы жертвовать послѣдними, не получивъ взамѣнъ никакой пользы.

Но когда Чиляевъ намъ сообщилъ, что къ Ополченію будетъ придана еще пѣхота, артиллерія и кавалерія, мы всѣ обрадовались походу и тому, что, наконецъ, оставимъ опостылѣвшія намъ землянки.

— „Къ Ополченію будутъ приданы два полка пѣхоты, одна горная батарея, казачій полкъ и болгарская конная сотня," сообщалъ Чиляевъ: „чтобы замаскировать наши приготовленія къ бою, я еще сегодня отдамъ въ приказѣ по дружинѣ, что произведу инспекторскій смотръ, и потому предлагаю вамъ пригототовить къ нему роты. Завтра утромъ роты должны заниматься прикладкой и прицѣлкой и пріученіемъ легко и быстро владѣть затворомъ. На всѣхъ вещахъ ополченцевъ должны быть надписаны имя и фамилія солдата и номеръ роты; сдѣлать медицинскій осмотръ ополченцамъ и сдѣлать списокъ оказавшихся слабыми или больными, и, при выступленіи въ походъ, оставить таковыхъ въ Габровѣ."

— „Кромѣ того," обратился къ офицерамъ Чиляевъ: „вы должны принять и слѣдующія мѣры: строго держать въ тайнѣ мое сообщеніе о выступленіи Ополченія въ походъ, самымъ тщательнымъ образомъ пригнать обмундированіе, особенно сапоги, снабдить роты опредѣленнымъ количествомъ санитаровъ и носилокъ, а ополченцевъ — бинтами и корпіей для перевязки, сухарями на три дня, варенымъ мясомъ — на день, и консервами — на два дня. Купить и раздать ополченцамъ свиного или гусинаго жиру, чтобы они мазали себѣ ноги, въ предупрежденіе случаевъ отмораживанія. Провіантъ и провизію заготовить на 4 дня и, наконецъ, всѣ лишнія вещи оставить въ Габровѣ. А вы," сказалъ маіоръ Чиляевъ, обращаясь ко мнѣ, „должны тщательно осмотрѣть ружья въ дружинѣ, раздать нужное количество патроновъ, пеньки для чистки ружей и масла или жира для ихъ смазки, а также приготовить шесть вьючныхъ лошадей для носки патронныхъ ящиковъ."

— „Запрещаю вамъ господа," закончилъ Чиляевъ свой приказъ: „давать отпуски или куда-либо посылать ополченцевъ, безъ моего разрѣшенія."

— „На этотъ разъ, какъ видно, не даромъ будутъ всѣ эти приготовленія," замѣчали офицеры, выходя изъ столовой.

Тѣмъ не менѣе, не всѣ офицеры были въ восхищеніи отъ предстоявшаго похода. Сообщеніе Чиляева, что отрядъ будетъ находиться въ командованіи генерала Столѣтова, заставило

нѣкоторыхъ офицеровъ, и именно наиболѣе смѣлыхъ и сильныхъ, недовѣрчиво отнестись къ проэктируемому походу.

На слѣдующій день, въ Зеленомъ Древѣ закипѣла работа, но безъ шума и исподволь. Были куплены вьючныя сѣдла для перевозки патроновъ и продуктовъ. Казначеи принимали спиртъ, сахаръ и чай. Къ этому же времени подоспѣли валенки, полушубки и другія вещи, подаренныя Императрицей.

Ружья были осмотрѣны и оказались въ очень хорошемъ состояніи, да и быть не могло иначе, такъ какъ ополченцы смотрѣли за ними, какъ говорится, въ оба и, пуще глаза своего, берегли свои *кримки,* любили ихъ и нѣжничали съ ними.

Одежа и обувь пригонялись и командиръ дружины ежедневно дѣлалъ смотры ротамъ.

Все это, конечно, не могло не возбудить подозрѣній у ополченцевъ, видѣвшихъ такую лихорадочную дѣятельность начальствующихъ, но эти подозрѣнія нисколько не уменьшали въ нихъ желанія возможно скорѣе встрѣтиться съ турками.

— „Неужели же всю зиму простоимъ въ Зеленомъ Древѣ? Хоть бы поскорѣй послали насъ впередъ, а то уже очень опостылѣли намъ эти наши сырыя землянки, а еще хуже — аванпостная служба!“ говаривали ополченцы.

— „Милостивъ Богъ, пожалѣетъ и насъ!“ отвѣчали другіе: „наши офицеры что-то очень ужъ разшевелились; какъ будто и порохомъ начало пахнуть.

Наконецъ, Ополченіе было готово къ походу и ожидали только приказанія выступить. Но, въ ожиданіи этого приказанія, наиболѣе хладнокровные и дальновидные офицеры все больше и больше проникались сомнѣніемъ въ успѣхѣ этого похода и очень немногіе вѣрили таковому успѣху. Эти сомнѣнія не столько высказывались, сколько чувствовались, такъ какъ пускаться въ обсужденія и разсужденія офицеры считали неудобнымъ и нетактичнымъ.

Прошли 16-е и 18-е ноября, а приказанія о походѣ все еще не было.

— „Нашъ генералъ что-то сильно озабоченъ,“ сказалъ однажды Чиляевъ во время обѣда: „должно быть и на этотъ разъ походъ не состоится.“

Такъ оно и вышло, тревога оказалась фальшивой; но и такія фальшивыя извѣстія имѣли свою добрую сторону; они

насъ заставляли, такъ сказать, встряхиваться, иначе, пожалуй, мы совсѣмъ бы заснули на нашей позиціи.

Послѣ этой самой крупной фальшивой тревоги, мы опять зажили спокойно и беззаботно; это спокойствіе, впрочемъ, очень скверно отражалось на нашемъ нравственномъ настроеніи: мы цѣлые дни просиживали въ нашихъ землянкахъ въ физическомъ и умственномъ бездѣйствіи; книгъ для чтенія, хоть днемъ съ фонаремъ искать и то бы не нашли, а взаимные разказы, повтаряясь сотни разъ въ эти 4—5 мѣсяцевъ, потеряли для насъ всякій интересъ. Не живемъ, а прозябаемъ, говаривали офицеры; но самое тяжелое было для насъ — это сознаніе, что мы привязаны къ нашимъ землянкамъ на всю зиму.

— „Неизвѣстно, можетъ быть, и перемѣнятся обстоятельства и заставятъ насъ выскочить изъ нашихъ норъ,“ предполагали нѣкоторые изъ насъ.

— „Вотъ тебѣ разъ! Да развѣ возможно перейти эти гигантскія снѣжныя стѣны? Надо быть орлами и перелетѣть!“ возражали другіе.

— „А развѣ, нашъ безсмертный Суворовъ не меньшія препятствія встрѣчалъ въ Альпахъ, однако же ни одно изъ нихъ его не остановило!“ восторжено высказывались офицеры: „и снѣжные заносы на Балканахъ не остановятъ ни *драгомировцевъ*, ни ополченцевъ!“

— „Да, но и мы должны имѣть для этого суворовскихъ солдатъ, а не братушекъ,“ возразилъ не совсѣмъ умѣстно храбрый поручикъ Поражецкій.

— „Не злословьте про болгаръ!“ замѣтили ему офицеры: „они на дѣлѣ доказали, что ни въ чемъ не уступаютъ нашему солдату.

Общій застой на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, если не считать незначительныхъ перестрѣлокъ и ежедневной канонады подъ Плевной, еще болѣе содѣйствовалъ укрѣпленію въ насъ мысли, что всю зиму проведемъ въ Зеленомъ Древѣ.

Но вскорѣ оказалось, что не повсюду владѣло затишье. 23-го ноября, какъ громъ, насъ поразилъ слухъ, что турки совершенно разбили нашъ еленинскій отрядъ, часть котораго была взята въ плѣнъ, и были взяты 11 орудій, другая часть легла костьми на мѣстѣ, а третяя, незначительная часть, успѣла отступить съ позиціи.

Это извѣстіе произвело на насъ тяжелое впечатлѣніе, какъ кошмаръ оно давило и мучило наши души; но этимъ слухи не ограничились; говорили, что Сулейманъ-паша, начальствовавшій надъ войсками подъ Еленой, намѣревался оттуда съ большими силами наступить на Тырново, а затѣмъ на Плевну или Габрово, что, казалось вѣроятнымъ, такъ какъ въ Тырновѣ не было никакихъ войскъ для противодѣйствія непріятелю, кромѣ VII-й и VIII-й дружинъ II-го Ополченія; если бы такое наступленіе удалось, то шипкинскій отрядъ былъ бы отрѣзанъ отъ главныхъ силъ и попалъ бы въ крайне критическое положеніе. Начальство было сильно встревожено этими извѣстіями; заговорили о посылкѣ въ Тырново войскъ изъ состава шипкинскаго отряда; вообще получалось впечатлѣніе, что положеніе становится серьезнымъ; Ополченіе было готово и ожидало приказанія выступить, но прошли день, два, а приказанія никакого не было.

— „Видно, что всѣ эти слухи о пораженіи еленинскаго отряда преувеличены,“ говорили мы: „и потому насъ и не трогаютъ.“

Но, впослѣдствіи извѣстія подтвердились: еленинскій отрядъ былъ разбитъ совершенно, и если насъ не отправили въ походъ, то, вѣроятно, благодаря обстоятельству, что Сулейманъ-паша не воспользовался своей побѣдой и не продолжилъ наступленія къ Тырнову, какъ тоже самое сдѣлалъ онъ и 9-го августа на Шипкѣ: не предпринялъ еще въ первый же день, послѣ своей побѣды, движенія въ обходъ нашего праваго фланга, въ каковомъ случаѣ Шипка на слѣдующій же день была бы въ его рукахъ. Въ данномъ случаѣ, Сулейманъ, вмѣсто того, чтобы наступать къ Тырнову, разбивая, по пути, по частямъ наши подкрѣпленія, которыя бы успѣвали подходить, и затѣмъ — къ Габрову, повернулъ свой отрядъ назадъ и тѣмъ избавилъ, можетъ быть, насъ отъ катастрофы.

26-го ноября, въ дружинѣ отпраздновали орденскій Георгіевскій праздникъ. Георгіевскимъ кавалерамъ изъ нижнихъ чиновъ былъ данъ особый обѣдъ; офицеры же были приглашены въ V-ю дружину и угощены на славу. Здравицы за Государя Императора, чиновъ арміи и отряда шли въ постепенномъ порядкѣ. Въ рѣчахъ за георгіевскихъ кавалеровъ-ополченцевъ было высказано не мало похвалъ ихъ храбрости и неустрашимости.

28-го ноября, утромъ, съ аванпостной цѣпи было сообщено, что гдѣ-то далеко слышались пушечные выстрѣлы; нѣкоторые офицеры тотчасъ взошли на гору, откуда, дѣйствительно услыхали сильную канонаду, но не могли опрѣдѣлить направленія, откуда шли звуки выстрѣловъ. Вечеромъ же генералъ Радецкій сообщилъ радостную вѣсть о паденіи Плевны и плѣненіи всей арміи Османа паши; эта вѣсть совершенно стушевала печальный случай подъ Еленой, который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы имѣть дурныя послѣдствія.

При вѣсти о паденіи Плевны, не только наши сердца, но, конечно, и всѣхъ болгаръ и стомилліоннаго русскаго народа забились особенно радостно. Это событіе рѣшало вопросъ о движеніи впередъ и имѣло рѣшающее значеніе и на исходъ войны. Теперь мы были всѣ увѣрены, что скоро двинемся впередъ, хотя на Балканахъ и лежалъ глубокій снѣгъ.

30-го ноября, мы отслужили благодарственный молебенъ, по случаю взятія Плевны и плѣненія Османа-паши. На Шипкѣ бенгальскими огнями было сообщено туркамъ о плѣненіи Османа-паши и его арміи.

Настроеніе нашего духа совершенно измѣнилось: теперь наши землянки намъ казались гораздо удобнѣе, гораздо суше и теплѣе, ночи, какъ будто, стали короче, а дни — веселѣе; однимъ словомъ, мы, будто, переродились: отъ нашей меланхоліи и нравственнаго оцѣпенѣнія, въ каковыхъ мы пребывали столько времени, не осталось и слѣда.

Въ послѣднихъ числахъ ноября шипкинскому отряду были присланы подарки отъ Императрицы, офицерамъ и солдатамъ.

Царскихъ подарковъ было столько, что изъ 35-ти тысячъ человѣкъ, всякому досталась какая-либо вещь; вещи эти были весьма разнообразны — начиная отъ байковыхъ одѣялъ, фланелевыхъ рубахъ, куртокъ, полушубковъ и т. п. и кончая бутылками коньяку, шоколадомъ и конфектами. Каждый, и офицеры и солдаты, хотѣлъ получить хоть что-нибудь на память отъ Матушки Царицы. Какимъ то случаемъ въ Ополченіи царскихъ подарковъ было роздано больше чѣмъ въ другихъ частяхъ. Въ III-й дружинѣ, мы, офицеры, получили по двѣ-три вещи: мнѣ на долю выпали фланелевая рубаха и кальсоны, байковое одѣяло и бутылка коньяку.

Теперь, слухи о походѣ за Балканы и объ аттакѣ противъ турокъ съ тылу становились со дня на день вѣроятнѣе.

Въ нашихъ окрестностяхъ появился штабъ *бѣлаго* генерала — Скобелева.

На Червеномъ Брегѣ начались совѣщанія между генералами Радецкимъ, Скобелевымъ и княземъ Святополкъ — Мирскимъ.

Появились и новыя войсковыя части — 16-я дивизія и 3-я стрѣлковая бригада. Полученъ былъ секретный приказъ приготовляться намъ къ зимнему походу, при чемъ предписывалось взять съ собой небольшой обозъ, и только на вьюкахъ.

Въ первыхъ числахъ декабря, дружинные командиры произвели инспекторскій смотръ дружинамъ, осмотрѣли пригонку обмундировки, снаряженіе и обувь; приказано было еще разъ сдѣлать на вещахъ надписи именъ и фамилій ополченцевъ.

Всѣ радовались, что, наконецъ, оставятъ Зеленое Древо. Въ это время, когда всѣ ополченцы были полны восторга, ввиду предстоявшаго похода, начальствомъ III-й дружины было признано необходимымъ подвергнуть наказанію 50 ударами розогъ бѣжавшихъ и пойманныхъ, затѣмъ, ополченцевъ: изъ 1-й роты одного, изъ 2-й — одного, изъ 3-й — четырехъ и изъ 4-й — трехъ человѣкъ; это наказаніе непріятно подѣйствовало на всѣхъ ополченцевъ, но и всѣми было признано справедливымъ.

16-го декабря, неожиданно для меня, на позицію пришли мой братъ и дядя; для меня этотъ визитъ близкихъ родныхъ составилъ цѣлое событіе, такъ какъ не сегодня, завтра пришлось бы идти въ походъ и быть въ дѣлахъ и одинъ Богъ знаетъ пришлось ли бы когда-либо повидаться съ родными; я отпросился въ отпускъ и вмѣстѣ съ ними и моимъ двоюроднымъ братомъ подпоручикомъ Н. отправились въ Габрово.

Доблестный *бѣлый* генералъ, *акъ-паша,* какъ его называли турки, былъ въ Габровѣ. Въ городѣ всѣ торжествовали, особенно бѣглецы, у которыхъ окрѣпла надежда скоро увидѣть свои родныя мѣста; габровчане, кромѣ того радовались, что съ наступленіемъ войскъ впередъ, они избавятся отъ тяжелой и разнообразной повинности, какую несли столь продолжительное время. На другой день, передавъ брату свои денежныя экономіи, я вернулся въ Зеленое Древо; я спѣшилъ возвратиться, такъ какъ мнѣ предстояло еще въ двухъ ротахъ осмотрѣть оружіе. По пути меня нагналъ и пролетѣлъ

мимо меня, какъ стрѣла, генералъ, на превосходномъ иноходцѣ бѣлой масти, а за нимъ едва поспѣвалъ на хорошей гнѣдой лошади его спутникъ изъ штабъ-офицеровъ; я никогда не видалъ генерала Скобелева, но по описанію въ разсказахъ о немъ, призналъ его въ этомъ пролетѣвшемъ мимо меня всадникѣ.

22-го декабря, былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ по Ополченію; изъ него явствовало, что скоро оставимъ надоѣвшую намъ зелено-древскую позицію.

„Въ виду возможнаго выступленія," говорилось въ приказѣ, „предлагаю г. г. дружиннымъ командирамъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы:

1) Строевой выборъ людей, имѣющихъ участвовать въ походѣ, необходимъ и всѣ слабые люди должны остаться на бивуакѣ въ д. Баевцахъ*). Общее завѣдываніе, какъ оставшимися отъ всѣхъ дружинъ людьми, такъ и складами поручаю состоящему при штабѣ ввѣреннаго мнѣ Ополченія полковнику Энгельгардту, кромѣ того (и это важнѣйшее) на немъ же будетъ лежать обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы складъ сухарей и патроновъ и проч. учрежденный въ с. Топлишѣ, во все время пребыванія отряда за Балканами, пополнялся и требованія Ополченія исполнялись возможно быстрѣе. Полковнику Энгельгардту для этого, какъ только отрядъ двинется, поселиться въ с. Топлишѣ. Для надзора за остающимися нижними чинами, отъ каждой дружины оставить одного или двухъ вполнѣ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, преимущественно тоже изъ слабыхъ. Всѣхъ остающихся удовлетворить продовольствіемъ на десять дней, считая со дня выступленія.

---

*) Какъ было выше сказано, еще въ началѣ октября, въ Габровѣ былъ открытъ лазаретъ, спеціально для ополченцевъ, который былъ снабженъ больничными вещами, какъ постели, посуда и пр. путемъ добровольныхъ пожертвованій гражданъ города. Лазаретомъ завѣдывали, по очереди, доктора Ополченія. Завѣдывавшій въ описываемое время этимъ лазаретомъ докторъ Мирковъ разсказывалъ, что въ больницѣ къ 20-му декабря было на лѣченіе 108 человѣкъ. Когда прибыли войска Скобелева и распространился слухъ о походѣ, новые больные съ позицій перестали являться, а находившіеся въ лазаретѣ, хотя и были еще слабы, не пожелали оставаться; такъ что къ 24-му декабря, въ лазаретѣ остался только одинъ больной — Капчевъ, ополченецъ V-й дружины, котораго докторъ Мирковъ не пустилъ, вслѣдствіе его еще большой слабости; но ночью, этотъ больной все-таки удралъ въ дружину, и, такимъ образомъ, докторъ Мирковъ долженъ былъ закрыть лазаретъ и отправиться вмѣстѣ съ отрядомъ.

2) На людяхъ, имѣющихъ быть въ строю, осмотрѣть сапоги, одежду, состояніе оружія и привести все въ порядокъ, пока есть время. При этомъ не лишнимъ считаю напомнить, что предстоящій походъ вѣроятно будетъ совершенъ при неблагопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ: сильной стужѣ, а можетъ и метеляхъ. Поэтому всѣ мѣры должны быть приняты, чтобы уменьшить вредныя послѣдствія, вызываемыя этими условіями: пріобрѣсть портянки, по возможности — наушники, убѣдиться есть ли у людей набрюшники, наконецъ, достать теплыя рукавицы, если таковыхъ не хватаетъ.

Людямъ выступить въ походъ въ полушубкахъ и шинеляхъ.

3) Каждому человѣку имѣть при себѣ: на одинъ день хлѣба и на два дня сухарей, 80 патроновъ въ патронныхъ сумкахъ, по двѣ порціи консервовъ, по фунту варенаго мяса и необходимое количество соли и перцу на 5 дней; затѣмъ необходимо выдать каждому человѣку свиной или гусиной мази, какъ предохранительное средство отъ отмораживанія.

4) Подъ вьюками при каждой дружинѣ имѣть: одну лошадь съ аптекой, одну — со спиртомъ, двѣ — съ патронами и двѣ — съ сухимъ фуражемъ.

5) Въ общемъ обозѣ имѣть на остальныхъ вьючныхъ лошадяхъ или на саняхъ, въ каждой дружинѣ, по двадцати патроновъ на человѣка, на два дня сухарей, остальныя порціи консервовъ, двѣ палатки, овса и сѣна, по возможности, по 16-ти гарнцевъ и по 1 пуду на лошадь и боченокъ спирту на дружину.

6) Г. г. дружиннымъ командирамъ озаботиться о пріобрѣтеніи живого скота. Если возможно быковъ, которые могли бы быть вмѣстѣ съ тѣмъ полезны для перевозки саней, если же быковъ не имѣется, то пріобрѣсти барановъ.

7) Г. г. дружиннымъ врачамъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія: провѣрить есть-ли положенное число санитаровъ, знаютъ-ли они свои обязанности, имѣются-ли необходимые бинты, повязки, гипсъ и т. д. Если чего недостаетъ, немедленно принять мѣры къ пріобрѣтенію таковаго.

8) Въ Топлишѣ учреждается особый сухарный и патронный складъ, почему предписываю и. д. начальника штаба, выбрать для этого мѣсто, а командиру I-й дружины — назначить одного офицера при двухъ рядовыхъ. Офицеру этому принять въ теченіи завтрашняго дня отъ дружинъ запасъ сухарей на три дня

(изъ 8 дневнаго запаса) и по 40 патроновъ на человѣка и слѣдить за тѣмъ, чтобы запасы эти были въ порядкѣ укладываемы. Унтеръ-офицеру же и двумъ рядовымъ при этомъ складѣ оставаться во все время предполагаемаго наступленія. Г. г. дружиннымъ командирамъ предлагается въ теченіи завтрашняго дня непремѣнно перевести въ Топлишъ названные запасы."

Всѣ эти предписанія были въ точности исполнены.

Согласно приказа по имитлійскому отряду на 24-ое декабря за № 3, начальникомъ Ополченія былъ отданъ слѣдующій приказъ:

1) 1-й бригадѣ (I-я и II-я дружины) подъ начальствомъ полковника Депрерадовича, завтра 24-го декабря, къ $3^1/_2$ ч. по полудни, прибыть въ деревню Топлишъ со всѣми вьючными лошадьми, имѣющими слѣдовать при дружинахъ для поступленія въ составъ общаго авангарда.

2) Я назначенъ командовать авангардомъ, почему на это время завѣдываніе остальными дружинами Ополченія поручаю флигель адъютанту полковнику графу Толстому.

3) Остальнымъ дружинамъ, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Толстого, оставаться на нынѣ занимаемыхъ мѣстахъ въ полной готовности, по первому приказанію, выступить въ Топлишъ. X-й дружинѣ завтра утромъ перейти на позицію у д. Баевецъ.

4) Завтра къ 12 часамъ дня, всѣ распоряженія по выступленію должны быть оконченными и вьючныя лошади, имѣющія слѣдовать при дружинахъ, должны быть на мѣстахъ.

5) Во всѣхъ дружинахъ, въ общемъ обозѣ на саняхъ, взять хоть часть ротныхъ котловъ.

6) При флигель-адъютантѣ графѣ Толстомъ до дальнѣйшаго приказанія состоять капитану Малинину.

7) Полковнику Депрерадовичу назначить офицера изъ 1-й бригады въ распоряженіи полковника Энгельгардта, остающагося для устройства тыла Ополченія. Офицеру сему явиться полковнику Энгельгардту и ожидать отъ него приказаній.

8) Общимъ обозомъ Ополченія завѣдывать казначею III-й дружины поручику Бѣляеву, обозу этому собраться къ с. Топлишу по особому приказанію.

9) Отъ сотни, при штабѣ состоящей, назначить ко мнѣ 8 человѣкъ конниковъ при двухъ вольноопредѣляющихся для ординарческой службы.

Кромѣ того при штабѣ Ополченія — находиться шести казакамъ № 30 полка; людямъ этимъ имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ на сутки фуража и хлѣба для себя. Ординарцевъ и 4-хъ казаковъ завтра, къ 3½ ч. пополудни, прислать въ с. Баевцы, гдѣ они должны явиться старшему адъютанту капитану Малинину.

10) Отъ III-й дружины назначить караулъ къ штабной денежной суммѣ изъ ефрейтора и 3-хъ рядовыхъ, самыхъ благонадежныхъ; означенный караулъ будетъ слѣдовать въ общемъ обозѣ, поэтому людей снабдить довольствіемъ, какъ и обозныхъ рядовыхъ.

Поручику Бѣляеву имѣть наблюденіе за ними во время похода. Караулу прибыть въ квартиру старшаго адъютанта штаба капитана Мерчанскаго къ 12-ти часамъ дня.

23-го декабря, вечеромъ, положительно утверждалось, что дружины выступятъ изъ Зеленаго Древа. Говорили еще, что мы будемъ форсировать Балканы двумя отрядами: лѣвофланговый, подъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго, и правофланговый, подъ начальствомъ генерала М. Д. Скобелева. Поздно ночью отъ начальника правофланговаго отряда, генерала М. Д. Скобелева, былъ полученъ приказъ о выступленіи; въ этомъ приказѣ генералъ Скобелевъ обратился къ отряду приблизительно съ слѣдующими словами:

„Ребята! Намъ предстоитъ совершить трудный подвигъ, достойный постоянной и испытанной славы русскихъ знаменъ. Сегодня мы начнемъ переходъ чрезъ Балканы съ артиллеріей, безъ дорогъ, и пробивая себѣ путь на виду у непріятеля, чрезъ глубокіе снѣжные заносы. На Балканахъ насъ ожидаетъ турецкая армія; она желаетъ преградить намъ путь. Не забывайте братцы, что намъ довѣрена честь отечества и что за насъ нынѣ молится Самъ Царь-Освободитель, а вмѣстѣ съ Нимъ и вся Россія. Они ждутъ отъ насъ побѣды. Да не смутитъ насъ ни многочисленность, ни храбрость, ни злоба непріятеля, такъ какъ наше дѣло свято — съ нами Богъ!

Болгарскіе ополченцы! Вамъ извѣстно, почему Россія ополчила свои полки, а Его Императорское Величество сталъ во главѣ арміи. Вы, ребята, еще съ первыхъ дней сформированія Ополченія, показали себя достойными того участія русскаго народа, какое онъ принялъ въ судьбѣ вашего порабощеннаго отечества. Въ дѣлахъ подъ Старой-Загорой и

на Шипкѣ вы показали себя достойными лучшей участи и заслужили любовь и довѣріе вашихъ боевыхъ товарищей — нашихъ солдатъ. Я вполнѣ надѣюсь, что вы и въ будущихъ битвахъ окажете такія же храбрость и самоотверженіе — каковыми отличались вы до нынѣ; надѣюсь тѣмъ полнѣе, что вы, болгаре, сражаетесь за свободу своего подневольнаго отечества, за отмщеніе поруганной чести вашихъ матерей и сестеръ . . .“

Этотъ приказъ былъ прочтенъ солдатамъ 24-го, утромъ, и Ополченіе его сопроводило громогласнымъ „ура!“

Теперь уже никто не сомнѣвался, что Ополченіе, наконецъ, оставитъ свои несимпатичныя землянки и скоро схватится съ турками, какъ равно, на этотъ разъ, никто не сомнѣвался и въ томъ, что эта схватка окончится въ результатѣ полнымъ пораженіемъ турокъ.

Отрядъ генерала Скобелева состоялъ изъ 16-й п. дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады, Болгарскаго Ополченія, одной 4-хъ фунтовой батареи, семи сотенъ казаковъ, болгарской конной сотни, одной горной батареи, двухъ кавалерійскихъ полковъ и двухъ ротъ саперовъ.

Отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго былъ, какъ говорили, приблизительно такого же состава.

Оба эти отряда должны были дѣйствовать противъ шипкинской позиціи; Радецкій же долженъ былъ дѣйствовать со стороны фронта.

І-я и ІІ-я дружины выступили утромъ 24-го декабря, а прочія дружины — на слѣдующій день.

Приказомъ по ІІІ-й дружинѣ отъ того же числа, предписывалось ротнымъ командирамъ, чтобы во время похода ежедневно производилась провѣрка нижнихъ чиновъ, и, ежедневно, къ 10-ти часамъ утра, чтобы были представляемы свѣдѣнія о заболѣвшихъ, отставшихъ отъ ротъ, бѣжавшихъ и о состоявшихъ на лице во время боя. Предписывалось также представлять свѣдѣнія о числѣ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, а также и списки отличившимся въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Ввиду ранняго выступленія въ походъ, предписывалось также — приготовить къ 3-мъ часамъ утра кашицу для ополченцевъ.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, начальникъ имитлійскаго отряда.

Стр. 360—361.

XIV.

Выступленіе имитлійскаго отряда за Балканы. — Рождественскій завтракъ въ с. Топлишѣ. — Переходъ черезъ Балканы. — Катаніе со скалы. — Дѣло у с. Химитлій. — Подвигъ юнкера А. И. Дукова. — Стадо буйволовъ. — Бой подъ Шейновымъ. — Дѣйствія V-й дружины. — Поручикъ Николаевъ. — Полковникъ Панютинъ. — Дѣйствія VI-й дружины. — Плѣнные. — Турецкія лошади и ружья. — Генералъ Томеловскій. — Ночлегъ въ землянкѣ съ мертвецами.

Наконецъ, наступилъ давно желанный день выступленія — это было 25-е декабря — день свѣтлый и торжественный; торжество этого дня усугублялось для ополченцевъ тѣмъ, что они покидали ненавистную имъ зелено-древскую позицію и выступали въ походъ, готовясь жертвовать собою за свободу своей родины. Въ это утро, когда всѣ православные христіане, по звуку колокола, собирались въ храмы Божіи во славу Христа, болгарскіе ополченцы и русскіе воины собирались въ походъ противъ враговъ Спасителя.

Когда дружины были готовы къ выступленію, солнце еще не успѣло взойти и согрѣть землю; но уже было видно, что сегодня. въ этотъ вдвойнѣ торжественный день, солнце будетъ и свѣтить и согрѣвать своими зимними лучами. Не прошло много времени, какъ съ востока, надъ горизонтомъ окружавшихъ насъ высотъ, явился во всемъ своемъ величіи багряный снопъ солнечныхъ лучей, а за нимъ и самое солнце, освѣтившее бѣлый саванъ снѣговъ. Чудная и величественная была картина: каждая снѣжинка отдавала блескомъ брилліанта, глазъ утомлялся смотрѣть и поневолѣ искалъ тѣни отдохнуть отъ сильнаго и яркаго свѣта.

— „Въ ружье!“ скомандовалъ дружинный командиръ. „Въ ружье!“ повторили команду ротные командиры.

Ополченцы съ сумками за плечами, какъ дѣти, весело бросились къ своимъ друзьямъ — *кримкамъ;* говорю, друзьямъ, потому что ополченцы необыкновенно любили свои ружья *Крнка* — это были ихъ нераздѣльные друзья, съ которыми они обращались, какъ съ живыми существами, гладили ихъ, ласкали и часто съ ними разговаривали:

— „Ну, *кримка*, ты мнѣ поработаешь, отомстимъ съ тобой за товарищей, что пали подъ Старой Загорой и на

Шипкѣ!" нашептывали бывало ополченцы, разглядывая свои ружья.

Роты построились. Командиръ дружины поздравилъ ихъ съ походомъ.

— „Помните, братцы," прибавилъ маіоръ Чиляевъ: „намъ предстоитъ совершить трудный походъ. Прежде чѣмъ встрѣтимся съ непріятелемъ, надо будетъ бороться съ природой, со стужей, глубокимъ снѣгомъ и непроходимыми Балканами. Чтобы выйти побѣдителями надо всѣмъ намъ дружно дѣйствовать; будемъ держаться правила: въ походѣ или въ бою, каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ въ ротѣ и не оставлять его, отставшихъ не должно быть, уставшимъ должны помагать, кто чѣмъ можетъ; въ дѣлѣ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, дѣйствовать дружно и рѣшительно, о себѣ не думать, а думать и помагать товарищу; патроны даромъ не тратить; знайте, что патроны останутся здѣсь, и потому вы разсчитывайте только на тѣ, что у васъ въ подсумкахъ и сумкахъ. Безъ приказанія пѣть не смѣть.

Напоминаю г. г. ротнымъ командирамъ, слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого приказанія."

По окончаніи служенія напутственнаго молебна, раздались команды: „Ружья вольно! Шагомъ, маршъ!"

Ополченцы и офицеры, на ходу, еще разъ, снявъ шапки, набожно крестились, шепча молитву Всевышнему, да и было за что имъ молиться и благодарить Бога. Веселому настроенію ополченцевъ вполнѣ гармонировала и хорошая погода: и природа и ополценцы улыбались, и въ лицахъ солдатъ были видны отвага, рѣшительность и самоотверженіе.

Маіоръ Чиляевъ повелъ дружину къ с. Топлишу, сначала по складкамъ возвышенности, дабы не быть замѣченнымъ турками съ *Лысой* горы, а затѣмъ — по правому каменистому краю дола, засыпаннаго теперь снѣжными заносами. Глубокій снѣгъ затруднялъ ходъ, особенно первымъ рядамъ, прокладывавшимъ путь.

— „Тутъ уже трудно идти, а каково-то будетъ на Балканахъ?" замѣчали ополченцы.

— „Пусть будетъ хоть вдесятеро труднѣй, все же пройдемъ," возражали другіе: „пройдемъ и найдемъ виноватаго въ нашихъ страданіяхъ и страданіяхъ нашего народа!"

— „Только бы не удрали, замѣтивъ насъ, какъ удирали въ августѣ," замѣтилъ ополченецъ Богдановъ.

— „Слышите, товарищи, Богдановъ боится какъ бы не ушли турки; ему хочется отомстить за то, что они ему задали страху подъ Старой Загорой! На этотъ разъ ты чѣмъ же будешь мстить штыкомъ или пулей?" дразнилъ одинъ *храбреца* Богданова.

— „Чего ты вяжешься," отвѣчалъ Богдановъ: „что было подъ Загорой, то сплыло, а теперь посмотримъ, что будетъ и какъ будемъ мстить."

Было часовъ 10 утра, когда дружина пришла въ с. Топлишъ и расположилась на равнинѣ, около корчмы.

Здѣсь я узналъ, что передовой отрядъ, въ составѣ четырехъ конныхъ сотенъ, 3-й стрѣлковой бригады, двухъ ротъ саперъ, Казанскаго пѣхотнаго полка, горной батареи и 1-й бригады (I-я и II-я дружины) Болгарскаго Ополченія, — еще вчера выступилъ за Балканы.

На краю села, на полянѣ, стояли: Суздальскій пѣхотный полкъ 16-й дивизіи, полевая батарея и уланскій кавалерійскій полкъ и ожидали приказанія выступить; остальная часть 16-й дивизіи ожидалась изъ Габрова. Мы съ IV-й дружиной, которая уже была здѣсь, также ожидали прихода V-й и VI-й дружинъ.

Офицеры всѣхъ этихъ частей собрались вблизи корчмы; между ними и офицерами дружинъ нашлось много знакомыхъ и даже однополчанъ; встрѣча при такой обстановкѣ да еще въ такой праздникъ старыхъ знакомыхъ, понятно, не могла обойтись, чтобы не выпить и не закусить вмѣстѣ. Маіоръ Чиляевъ приказалъ своему Бондарю подвести вьюкъ съ провизіей и спустя не много коверъ, разостланный на снѣгу, покрылся закусками.

— „Пожалуйте, господа, разговѣться," приглашалъ офицеровъ Чиляевъ.

Подъ звуки удалыхъ пѣсенъ ополченцевъ III-й и IV-й дружины, всѣ приступили къ закускѣ и вскорѣ на затрапезномъ коврѣ лишь валялись пустыя бутылки, порожнія жестянки отъ икры или омаровъ и листы смятой бумаги, въ какую были увернуты разныя колбасы, сыры и проч.

— „Смотрите на нихъ, настоящіе русскіе солдаты!" восклицали офицеры 16-й дивизіи, указывая на ополченцевъ.

Офицеры этой дивизіи, впервые, видѣли Болгарское Ополченіе.

— „Да, братъ, и дерутся они не хуже нашего солдата, вотъ, коли будемъ живы — увидимъ,“ хвалили дружинные офицеры своихъ солдатъ.

— „Да мы въ этомъ и теперь не сомнѣваемся, мы вѣдь знаемъ объ ихъ геройствѣ подъ Загорой и на Шипкѣ!“ отвѣчали наши гости.

Подошли и V-я и VI-я дружины; едва успѣли составить ружья въ козлы, какъ, въ сопровожденіи графа Толстого и подполковника Куропаткина, начальника штаба 16-й дивизіи, прибылъ генералъ М. Д. Скобелевъ поздороваться съ Ополченіемъ; ополченцы отвѣчали весело и смѣло.

Генералъ Скобелевъ, объѣзжая дружины, все время улыбался.

— „Молодцами глядятъ, просто, не налюбуешься,“ сказалъ онъ, обращаясь къ графу Толстому, затѣмъ, обратившись къ дружинамъ, крикнулъ: „Счастливаго пути, молодцы, съ Богомъ!“ и уѣхалъ.

— „Счастливо оставаться, ваше превосходительство!“ громко отвѣтили дружины.

Вслѣдъ за тѣмъ, раздалась команда о выступленіи и мы оставили село Топлишъ.

Отъ этого села мы сразу начали подниматься по предгорьямъ Балканъ, и сразу же и начали нырять въ глубокомъ снѣгу, иной разъ, по поясъ. Идти было трудно, не смотря на то, что дорога уже была, сравнительно, утоптана прошедшими до насъ тысячами солдатъ и лошадей.

Передъ нами высились, какъ отвѣсная стѣна, высоты Балканъ. Вначалѣ, мы шли по совершенно открытой полянѣ, изрытой слѣдами лошадей и людей, направляясь къ гигантской лѣстницѣ горъ, поднимавшейся вверхъ громадными ступенями, покрытыми густыми буковыми деревьями. Когда мы вошли въ лѣсъ, мы почувствовали всю трудность движенія, хотя пройденный подъемъ и не былъ очень крутой и дорога была, сравнительно, широкая; отсюда же, поднимаясь выше, путь становился все круче, и, въ иныхъ мѣстахъ, мы едва могли взбираться въ одиночку, и то съ большими усиліями. То обстоятельство, что дорога была протоптана уже прошедшими по ней войсками, не только не дѣлало ее удобнѣе, а, напро-

тивъ, еще болѣе затрудняло движенiе, такъ какъ подъ проваливавшимся подъ ногами снѣгомъ была обледенѣвшая земля и потому и люди и лошади падали чуть не на каждомъ шагу, и, падая, почти что скрывались въ глубинѣ снѣжныхъ сугробовъ.

И лошади и люди столь утомились, что съ нихъ катился потъ градомъ.

Передъ выступленiемъ, я промѣнялъ моего *черкеса* на другую лошадь, на видъ гораздо лучшую, но теперь, въ походѣ, я убѣдился въ своей ошибкѣ: лошадь оказалась слабой; приходилось все время вести ее въ поводу, даже внизу, когда мы переходили поляну; тутъ-же, на высотахъ, лошадь постоянно спотыкалась и мнѣ приходилось, идя въ гору, спѣшить впереди ея, чтобы не попасть подъ копыта, и это меня совершенно утомило, да еще, кромѣ того, падая или поскальзываясь, лошадь каждый разъ увлекала и меня съ собой.

Ополченцы, запыхавшись и въ поту, перегоняя меня, предлагали свои услуги вести лошадь, но, видя ихъ собственную усталость, трудно было пользоваться ихъ услугами и мнѣ приходилось лишь пенять на себя, что своего деньщика, Трайка, я оставилъ при обозѣ.

Наконецъ, мы взобрались на довольно высокую возвышенность; съ этой возвышенности были видны не только Зеленое Древо и *Лысая* гора, но и Габрово. Погода продолжала быть ясной, солнце грѣло на сколько возможно грѣть въ рождественскую пору.

На верху, турки съ *Лысой* горы насъ замѣтили, потому что видно было, какъ они собрались толпой и затѣмъ построились фронтомъ къ намъ, очевидно, наблюдая за нашимъ движенiемъ, долженствовавшимъ для нихъ якобы остаться тайной; мы удивлялись, отчего турки не открывали по насъ пушечной стрѣльбы, такъ какъ по прямой линiи, разстоянiе, дѣлившее насъ было не болѣе $2^1/_2$—3 верстъ; вскорѣ, впрочемъ, мы прошли эту возвышенность, съ которой мы и турки могли другъ друга видѣть.

Ополченцы шли бодро, отсталыхъ не было, хотя и всѣ были въ поту и запыхавшись; но къ полудню силы начали истощаться и ополченцы принялись вынимать и грызть сухари; наконецъ, поздно, послѣ полудня, данъ былъ отдыхъ. Офицеры собрались въ кружокъ и тоже не прочь были бы закусить,

а я такъ былъ, прямо, голоденъ, но, къ сожалѣнію, ѣсть было нечего, всѣ закуски были съѣдены еще въ с. Топлишѣ.

— „Мы теперь на пищѣ Св. Антонія,“ пошутилъ добродушный Чиляевъ: „впрочемъ, сухари вѣроятно найдутся.“

— „Извольте, ваше высокоблагородіе, у насъ сухарей довольно, а вотъ есть мясо и сыръ,“ начали предлагать ополченцы, услышавъ слова Чиляева.

— „А какъ безъ сухарей останетесь?“ спросилъ Чиляевъ.

— „Такъ ужъ вмѣстѣ будемъ голодать, ваше высокоблагородіе,“ отвѣчали съ улыбкой ополченцы.

Такъ мы сухарями и закусили; правда у нѣкоторыхъ офицеровъ въ кобурахъ былъ запасъ закусокъ, но мы ихъ приберегали къ вечеру; мы голодъ утолили, но жажды утолить было нечѣмъ и приходилось глотать снѣгъ; Чиляевъ было приказалъ Бондарю разложить костеръ и стопить снѣгу въ чайникѣ, но Сокальскій подалъ мысль, что лучше заварить чай снѣговой водой; эта мысль была принята и мы съ большимъ аппетитомъ, немного погодя, попивали чай, хотя онъ и былъ съ запахомъ дыма.

— „Пейте, пейте горячій чай и глотайте снѣгъ, а послѣ всѣ будете у меня кашлять,“ бранился докторъ Вязанковъ.

Но охотниковъ исполнять докторскіе совѣты на Балканахъ не нашлось.

Начинало смеркаться, когда насъ нагналъ генералъ М. Д. Скобелевъ, и, проѣзжая мимо, заговаривалъ то съ одними, то съ другими изъ ополченцевъ.

— „Что, ребята, тяжело идти по снѣгу?“ спрашивалъ онъ ополченцевъ. „Утомились?“ обращался онъ къ другимъ. „А сколько у тебя патроновъ въ сумкѣ?“ любопытствовалъ генералъ: „А у тебя сколько сухарей?“ и т. д. Затѣмъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: „Собери силы, ребята, вотъ еще малость, и тамъ, на верху, отдохнемъ!“

— „Трудно идти, ваше превосходительство,“ отвѣтилъ генералу одинъ ополченецъ: „но силъ хватитъ въ надеждѣ, что отомстимъ туркамъ.“

— „Послѣ побѣды отдохнемъ, ваше превосходительство!“ воскликнулъ кто-то изъ ополченцевъ.

Генералу очень понравились догадливые отвѣты ополченцевъ, онъ ихъ похвалилъ и проѣхалъ дальше.

Ночью мы нагнали горную батарею, которая остановилось на скатѣ, уже почти на верху возвышенности, по которой взбирались; видно было, что и солдаты и лошади изнемогли отъ труднаго пути.

Поздней ночью, наконецъ, мы добрались до вершины Балканъ и остановились на одной полянѣ, называемой Вытрополе. Еще не доходя до поляны, былъ замѣтенъ на ней туманный свѣтъ огней, но самыхъ костровъ видно не было; подойдя близко, мы увидѣли, что на полянѣ расположились войска передового отряда: солдаты лежали около костровъ, какъ намъ казалось въ темнотѣ ночи, будто, въ какой-то общей ямѣ, но, присмотрѣвшись, оказалось, что костры были разложены аршина на полтара ниже уровня снѣга.

III-я дружина расположилась на восточной сторонѣ поляны. Ополченцы принялись лопатами и топорами раскапывать снѣгъ и рубить сучья, и, спустя немного, уже сидѣли вокругъ огней, *на зимнихъ квартирахъ*, какъ они выражались, и закусывали тѣмъ, что у кого было.

Отъ усталости и ввиду поздняго времени хотѣлось спать, глаза просто слипались, но ложиться было опасно, такъ какъ мы были въ поту, а ноги мокры. Я разулся, увернувъ ноги въ шинель, и принялся у огня сушить обувь, и затѣмъ обувшись въ сухое, легъ соснуть. Мой Трайко еще не подоспѣлъ, и пришлось въ эту холодную ночь лечь на клеенчатомъ плащѣ, завернувшись шинелью, а подъ голову положить переметныя сумы; въ теченіи ночи, приходилось нѣсколько разъ вставать, чтобы не замерзнуть; тоже продѣлывали и прочіе офицеры и солдаты.

26-е декабря. Утромъ рано, Трайко уже былъ готовъ съ чаемъ; я съ жадностью принялся глотать горячій чай: не попадало зубъ на зубъ отъ холода. Въ это время я увидѣлъ, что, по направленію къ нашей стоянкѣ, ѣхалъ верхомъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ солдатами, шт.-кап. Цаневъ, болгаринъ родомъ; ему, въ теченіи ночи, отморозило обѣ ноги и теперь его отвозили обратно въ. с. Топлишъ.

Всѣ ополченцы и солдаты прочихъ частей уже были на ногахъ и завтракали обваренными въ горячей водѣ сухарями и затѣмъ начали приготовляться къ дальнѣйшему походу, хотя приказанія о томъ еще не было получено.

Вскорѣ Казанскій полкъ вмѣстѣ съ горной батареей, которая прибыла на нашъ бивуакъ поздней ночью, выступили, направляясь чрезъ не густой, но высокій лѣсъ къ югу; едва хвостовыя части полка вошли въ лѣсъ какъ раздался съ *Лысой* горы пушечный выстрѣлъ; граната прожужжала надъ двигавшимся полкомъ и далеко, вправо отъ него, лопнула; послѣ перваго выстрѣла, послѣдовали другіе, не нанося вреда, то дѣлая перелеты, то не долетая до цѣли; но вскорѣ турки прекратили стрѣльбу.

II-я и III-я бригады Ополченія оставили бивуакъ на Вытрополѣ лишь въ 10-мъ часу утра, направляясь по тому же пути, по какому ушли Казанцы; I-я же бригада (I-я и II-я дружины) и одинъ стрѣлковый батальонъ остались на Вытрополѣ.

Проходя по лѣсу, движеніе затруднилось, благодаря множеству поваленныхъ деревьевъ; на выходѣ изъ лѣсу, мы стали видны туркамъ съ *Лысой* горы и оттуда снова раздались выстрѣлы и надъ головами у насъ зажужжали гранаты; ополченцы надъ гранатами начали подтрунивать:

— „Первая легла въ снѣгъ отдыхать," замѣтилъ одинъ.

— „И вторая пошла туда же искать товарку," подсмѣивались ополченцы.

— „А вотъ эта устала, не можетъ ихъ догнать," говорили они, указывая на недолетѣвшую гранату.

Пошли турки и сотню гранатъ, ополченцы вѣроятно для каждой нашли бы какое-нибудь остроумное словцо, но турки, пустивъ пять, шесть гранатъ, прекратили стрѣльбу, и мы спокойно, такъ сказать, на глазахъ у турокъ, продолжали путь; впрочемъ, спокойствіе наше нарушала забота о томъ, какъ бы благополучно пройти дорогу, которая здѣсь, если и не была столь затруднительна, какъ при подъемѣ, изъ с. Топлиша, была опасна: съ одной ея стороны, поднималась вершина Курджи или Марковъ Столбъ, а съ другой зіяла бездонная пропасть; довольно было оступиться, сдѣлать неосторожный шагъ, потерять равновѣсіе, чтобы свалиться въ бездну; съ нѣсколькими солдатами такъ и случилось; но, лишь благодаря тому обстоятельству, что обрывы по склону пропасти были переполнены снѣгомъ, не для всѣхъ, свалившихся въ бездну, паденіе было роковымъ, хотя всѣ упавшіе получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія; двоихъ мы вынули изъ пропасти безъ памяти; одинъ ополченецъ 2-й роты, на моихъ глазахъ, посколь-

знулся, не удержалъ равновѣсія и упалъ на край обрыва тщетно ища за что-либо зацѣпиться руками; и прежде чѣмъ, кто-либо успѣлъ ему подать помощь, онъ, по гладкой, какъ зеркало, поверхности снѣга, стремглавъ покатился внизъ, вплоть до самаго лѣса, росшаго въ глубинѣ, шагахъ въ полутораста отъ края обрыва; обойдя обрывъ съ другой стороны, я и нѣсколько ополченцевъ сошли внизъ на помощь: бѣднякъ сидѣлъ опираясь спиной о стволъ дерева, о который онъ при паденіи ударился; изъ носу и устъ у него шла кровь, и онъ едва могъ сказать, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ расшибленнымъ, мы его вытащили изъ пропасти и четверо ополченцевъ отнесли его обратно въ Вытрополе.

Тутъ, по верхамъ горъ, было еще опаснѣе: никто не могъ поручиться, что слѣдующій его шагъ обойдется благополучно.

Когда начало смеркаться, поневолѣ приходило въ голову будемъ ли мы въ состояніи пройти ночью по такому пути; но самыя опасныя мѣста случилось пройти еще за свѣтло; ниже, дорога, хотя и не была ни гладка ни ровна, но все же, — лучше пройденной; тутъ мы остановились на нѣкоторое время, чтобы дать дорогу пройти полкамъ І-й кавелерійской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Докторова.

Ночь наступила темная, хоть глазъ выколи; пошелъ снѣгъ, потомъ откуда-то взялся вѣтеръ и началась сильная метель — ни вокругъ, ни подъ ногами, ничего не было видно, и мы шли по извивающейся изъ стороны въ сторону горной тропѣ, то падая, то утопая по колѣно въ снѣгу, наполнявшему дождевыя промоины, то натыкаясь на камни, не видные изъ подъ снѣгу.

Около 10-ти часовъ вечера, дружины были остановлены; впереди, по дорогѣ, лежала почти отвѣсная скала, по которой предстояло спускаться и теперь черезъ эту скалу спускали горную батарею; приходилось, въ ожиданіи очереди, провести ночь; дружины остановились на дорогѣ въ томъ же порядкѣ какъ шли; ополченцы поспѣшили нарубить сучьевъ и разложить костры, и вскорѣ образовалась длинная вереница костровъ, около которыхъ ополченцы и разлеглись спать; никакихъ предохранителныхъ мѣръ не было принято и лишь у знамени III-й дружины былъ поставленъ часовой, смѣнявшійся каждые полчаса.

Изъ любопытства посмотрѣть, какъ спускали горную батарею съ упомянутой почти отвѣсной скалы, которая находилась, судя по доносившимся кликамъ людей, не далеко отъ насъ, я направился къ спуску.

— „Полегче, полегче! Держи правѣй . . . еще малость! Стой!“ послышались клики команды.

У самой скалы были розложены костры, около которыхъ стояли лошади и горныя орудія.

— Гдѣ спускъ ребята? спросилъ я у солдатъ, сидѣвшихъ около костра. Одинъ изъ нихъ всталъ, и взглянулъ на мои погоны:

— „Вонъ тамъ, ваше благородіе,“ отвѣтилъ онъ, показывая рукой: „пожалуйте, я васъ проведу; только темно, ваше благородіе, ничего не видно . . . вы осторожнѣй, вотъ здѣсь обрывъ.

Въ трехъ, четырехъ шагахъ передо мной былъ скалистый обрывъ, внизу, у подошвы котораго, разговаривали солдаты и тащили только что спущенное орудіе; за ними, поодаль, на бѣломъ фонѣ снѣга, нѣчто чернѣлось — тоже вѣроятно спущенныя уже орудія; ничего иного за ночной темнотой нельзя было увидѣть.

Вернувшись къ дружинѣ, я засталъ нашихъ офицеровъ у костра, на которомъ варился въ чайникѣ снѣгъ для чаю.

— „Вотъ бы вышла штука, если бы теперь какая-нибудь горсть рѣшительныхъ турокъ напала на насъ?“ замѣтилъ Сокальскій.

— „Да развѣ они сумашедшіе въ такую пору нападать?“ возразилъ Чиляевъ.

У прочихъ костровъ виднѣлись лежавшіе ополченцы, заметенные снѣгомъ: послѣ полуночи, прилегли и мы, кто гдѣ и какъ могли; я легъ около одного костра, увернувшись въ непромокаемый плащъ и шинель, но, на этотъ разъ, вмѣсто подушки былъ снѣгъ; хорошо и спокойно поспать, понятно, не пришлось при такой обстановкѣ, особенно мерзли ноги.

27-го декабря утромъ, когда пришла и наша очередь спускаться, офицеры, смотря на почти отвѣсную и въ 7—8 аршинъ вышины скалу, приходили въ недоумѣніе какъ по ней могли спуститься солдаты, лошади и горныя орудія, да еще должны будутъ спуститься и полевыя орудія.

Переходъ имитлійскаго отряда черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 года.
(Спускъ со скалы дружинъ Ополченія).

. 370—371.

Мнѣ пришло въ голову, что если бы мнѣ задали задачу на какомъ-либо экзаменѣ провести войско по такому пути, и я бы разрѣшилъ таковую въ томъ смыслѣ, что можно провести всѣ три рода оружія, то навѣрное экзаменаторы надо мной бы посмѣялись.

На разсвѣтѣ, внизу, въ направленіи къ с. Химитліямъ, послышались ружейные выстрѣлы, становившіеся все чаще и чаще. Дружины уже были готовы выступить, но проходъ черезъ скалу былъ еще занятъ спускомъ лошадей и зарядныхъ ящиковъ горной батареи; наконецъ, пришла очередь и Ополченію: первою спустилась III-я дружина; движеніе совершалось медленно, такъ какъ приходилось спускаться по одному, по двое; операція эта производилась очень просто: ополченецъ бралъ ружье въ руку, садился на край обрыва и затѣмъ съѣзжалъ внизъ, какъ на салазкахъ; точно также было и съ лошадьми — приводили ихъ къ краю обрыва, затѣмъ толкали ихъ силой впередъ, и лошадь поневолѣ садилась на свой круппъ и тоже съѣзжала внизъ какъ на полозьяхъ; пострадали только три лошади, лежавшія внизу у спуска съ переломанными ногами. Движеніе дружинъ по спуску казалось медленнымъ, особенно вслѣдствіе того, что, пока мы спускались, три раза были получены приказанія отъ начальства поспѣшить внизъ, къ с. Химитліямъ.

Съ разрѣшенія командира, я ушелъ впередъ одинъ; дорога внизу проходила по долинѣ и была очень хорошая: неглубокій снѣгъ былъ утоптанъ; по пути, я встрѣтилъ начальника штаба 16-й п. дивизіи, подполковника Куропаткина; онъ былъ раненъ и его несли четверо солдатъ на носилкахъ.

Въ четырехстахъ шагахъ отъ спуска, впереди, стоялъ сарай; немного ниже отъ него, я увидѣлъ группу офицеровъ и между ними генерала Столѣтова, графа Толстого и князя Вяземскаго, а еще ниже отъ нихъ, кипѣлъ ожесточенный бой. Я стоялъ въ мертвомъ пространствѣ и пули то и дѣло, что пролетали надъ моей головой.

Вся покатость отсюда къ югу была усѣяна камнями и покрыта нискорослыми деревьями. За этими-то камнями залегли турки и изъ-за нихъ встрѣчали наши наступавшія войска мѣткими выстрѣлами, нанося намъ большой уронъ убитыми и ранеными; но наши войска все-таки, хотя и медленно, постепенно подавались впередъ. Такое медленное наступленіе было

не въ характерѣ *бѣлаго* генерала и онъ троихъ охотниковъ изъ ординарцевъ, одного за другимъ, отправилъ къ начальнику авангарда Столѣтову съ приказаніемъ скорѣе выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи, дабы тѣмъ дать возможность войскамъ сойти въ долину. Одинъ изъ этихъ ординарцевъ былъ ополченецъ юнкеръ А. И. Дуковъ; онъ съ другими двумя, съ большимъ рискомъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, нагналъ генерала Столѣтова и передалъ ему записку съ упомянутымъ приказаніемъ; за эту смѣлость и самоотверженность А. И. Дуковъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Я, какъ сказано выше, увидавъ групу начальствующихъ лицъ, не рѣшился спуститься ниже и, такимъ образомъ, приблизиться къ начальникамъ, и вернулся обратно; къ тому времени III-я дружина уже спустилась и быстрымъ шагомъ сходила внизъ и первою подошла къ группѣ начальствующихъ, а потому немедленно и была отправлена занять ложементы, сооруженные саперами на одной возвышенности, влѣво отъ дороги въ с. Химитліи. На той же возвышенности, затѣмъ, были расположены: IV-я дружина — правѣе III-й дружины, а V-я и VI-я дружины — лѣвѣе той же дружины, причемъ, V-я и VI-я дружины были построены фронтомъ къ востоку — къ с. Шипкѣ, III-я — фронтомъ къ юго-востоку — къ с. Шейнову, а IV-я — фронтомъ къ югу — къ с. Химитліямъ.

Съ позиціи III-й дружины можно было обозрѣвать громадное пространство; къ востоку, были видны: села Енина, Хасъ, Скиречево и г. Казанлыкъ; къ югу — вся долина до *Средней Горы* (Малыхъ Балканъ) съ разбросанными по долинѣ большими и богатыми селами, между которыми было видно и с. Габарево; къ западу, виднѣлись около шоссе Новое Село и другія села. Кромѣ того, была видна и непріятелская позиція на Шипкѣ, а на ней — *девятиглазка*.

Немного спустя, послѣ занятія нами позиціи, турецкая цѣпь, занимавшая поля у подножія возвышенности, вмѣстѣ съ своими поддержками, начала быстро и въ полномъ безпорядкѣ отступать, и потому была выслана кавалерія для преслѣдованія отступавшихъ турокъ. Къ этому же времени, казаки нашего отряда и болгарская конная сотня уже спустились въ долину и, поддержанные горной батареей, отразили черкесовъ и башибузуковъ; двѣ наши гранаты упали въ ихъ густую колонну,

Юнкеръ А. И. Duковъ.

гр. 372—373.

заставивъ послѣднюю разсыпаться во всѣ стороны, и оставить на мѣстѣ трехъ лошадей и нѣсколько человѣкъ убитыми. Вскорѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны Шейнова, показались два непріятельскихъ орудія, подъ прикрытіемъ одного табора пѣхоты; орудія снялись съ передковъ и бросили нѣсколько гранатъ по нашей кавалеріи, преслѣдовавшей, какъ было упомянуто, отступившую непріятелскую цѣпь; но, къ этому моменту, та наша кавалерія, которая была на нашемъ правомъ флангѣ, успѣла уже отбросить черкесовъ и бошибузуковъ, подалась впередъ, къ сѣверо-востоку, и начала, въ свою очередь, преслѣдованіе отступавшей турецкой цѣпи и ея поддержекъ; вслѣдствіе этого, какъ эти послѣднія, такъ и турецкая кавалерія, оба орудія и таборъ пѣхоты быстро отступили въ интервалъ между селами Шипкой и Шейновымъ.

Въ Шейновскомъ укрѣпленномъ лагерѣ было замѣтно движеніе большой массы пѣхоты, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, а съ Шипки спускалась колонна пѣхоты, не менѣе двухъ таборовъ; восточнѣе, въ сторонѣ с. Енины, виднѣлось движеніе кавалеріи; въ общемъ всѣ эти движенія непріятельскихъ войскъ свидѣтелствовали о намѣреніи произвести на насъ нападеніе.

Между тѣмъ изъ войскъ скобелевскаго отряда спустились въ долину, пока только, одинъ пѣхотный полкъ, три батальона стрѣлковъ, четыре дружины, казачьи и болгарская сотни и горныя орудія; объ отрядѣ же кн. Святополкъ-Мирскаго говорили, что таковой запоздалъ и ранѣе завтрашняго утра не подойдетъ. Такое положеніе вызвало у нѣкоторыхъ офицеровъ мысль, что турки, если они не глупы, то должны будутъ воспользоватся тѣмъ, что мы слабы и на насъ напасть. И мы дѣйствительно ожидали этого нападенія.

Въ это время на западъ, по калоферскому шоссе, мы увидали движеніе кавалеріи; въ виду того, что носились слухи, будто съ запада можно ожидать наступленія турокъ, появленіе этой кавалеріи произвело на насъ непріятное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, вскорѣ прошло, такъ какъ эта движущаяся кавалерія оказалась нашими казаками, которые еще съ утра были отправлены въ ту сторону и теперь возвращались подкрѣпить своихъ въ ихъ преслѣдованіи черкесовъ и башибузуковъ.

Послѣ отступленія турокъ, на всей позиціи водворилась тишина, и лишь въ сторонѣ нашего праваго фланга слышна

Вскорѣ Казанскій полкъ вмѣстѣ съ горной батареей, которая прибыла на нашъ бивуакъ поздней ночью, выступили, направляясь чрезъ не густой, но высокій лѣсъ къ югу; едва хвостовыя части полка вошли въ лѣсъ какъ раздался съ *Лысой* горы пушечный выстрѣлъ; граната прожужжала надъ двигавшимся полкомъ и далеко, вправо отъ него, лопнула; послѣ перваго выстрѣла, послѣдовали другіе, не нанося вреда, то дѣлая перелеты, то не долетая до цѣли; но вскорѣ турки прекратили стрѣльбу.

II-я и III-я бригады Ополченія оставили бивуакъ на Вытрополѣ лишь въ 10-мъ часу утра, направляясь по тому же пути, по какому ушли Казанцы; I-я же бригада (I-я и II-я дружины) и одинъ стрѣлковый батальонъ остались на Вытрополѣ.

Проходя по лѣсу, движеніе затруднилось, благодаря множеству поваленныхъ деревьевъ; на выходѣ изъ лѣсу, мы стали видны туркамъ съ *Лысой* горы и оттуда снова раздались выстрѣлы и надъ головами у насъ зажужжали гранаты; ополченцы надъ гранатами начали подтрунивать:

— „Первая легла въ снѣгъ отдыхать,“ замѣтилъ одинъ.

— „И вторая пошла туда же искать товарку,“ подсмѣивались ополченцы.

— „А вотъ эта устала, не можетъ ихъ догнать,“ говорили они, указывая на недолетѣвшую гранату.

Пошли турки и сотню гранатъ, ополченцы вѣроятно для каждой нашли бы какое-нибудь остроумное словцо, но турки, пустивъ пять, шесть гранатъ, прекратили стрѣльбу, и мы спокойно, такъ сказать, на глазахъ у турокъ, продолжали путь; впрочемъ, спокойствіе наше нарушала забота о томъ, какъ бы благополучно пройти дорогу, которая здѣсь, если и не была столь затруднительна, какъ при подъемѣ, изъ с. Топлиша, была опасна: съ одной ея стороны, поднималась вершина Курджи или Марковъ Столбъ, а съ другой зіяла бездонная пропасть; довольно было оступиться, сдѣлать неосторожный шагъ, потерять равновѣсіе, чтобы свалиться въ бездну; съ нѣсколькими солдатами такъ и случилось; но, лишь благодаря тому обстоятельству, что обрывы по склону пропасти были переполнены снѣгомъ, не для всѣхъ, свалившихся въ бездну, паденіе было роковымъ, хотя всѣ упавшіе получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія; двоихъ мы вынули изъ пропасти безъ памяти; одинъ ополченецъ 2-й роты, на моихъ глазахъ, посколь-

знулся, не удержалъ равновѣсія и упалъ на край обрыва тщетно ища за что либо зацѣпиться руками; и прежде чѣмъ, кто-либо успѣлъ ему подать помощь, онъ, по гладкой, какъ зеркало, поверхности снѣга, стремглавъ покатился внизъ, вплоть до самаго лѣса, росшаго въ глубинѣ, шагахъ въ полутораста отъ края обрыва; обойдя обрывъ съ другой стороны, я и нѣсколько ополченцевъ сошли внизъ на помощь: бѣднякъ сидѣлъ опираясь спиной о стволъ дерева, о который онъ при паденіи ударился; изъ носу и устъ у него шла кровь, и онъ едва могъ сказать, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ расшибленнымъ, мы его вытащили изъ пропасти и четверо ополченцевъ отнесли его обратно въ Вытрополе.

Тутъ, по верхамъ горъ, было еще опаснѣе: никто не могъ поручиться, что слѣдующій его шагъ обойдется благополучно.

Когда начало смеркаться, поневолѣ приходило въ голову будемъ ли мы въ состояніи пройти ночью по такому пути; но самыя опасныя мѣста случилось пройти еще за свѣтло; ниже, дорога, хотя и не была ни гладка ни ровна, но все же, — лучше пройденной; тутъ мы остановились на нѣкоторое время, чтобы дать дорогу пройти полкамъ І-й кавелерійской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Докторова.

Ночь наступила темная, хоть глазъ выколи; пошелъ снѣгъ, потомъ откуда-то взялся вѣтеръ и началась сильная метель — ни вокругъ, ни подъ ногами, ничего не было видно, и мы шли по извивающейся изъ стороны въ сторону горной тропѣ, то падая, то утопая по колѣно въ снѣгу, наполнявшему дождевыя промоины, то натыкаясь на камни, не видные изъ подъ снѣгу.

Около 10-ти часовъ вечера, дружины были остановлены; впереди, по дорогѣ, лежала почти отвѣсная скала, по которой предстояло спускаться и теперь черезъ эту скалу спускали горную батарею; приходилось, въ ожиданіи очереди, провести ночь; дружины остановились на дорогѣ въ томъ же порядкѣ какъ шли; ополченцы поспѣшили нарубить сучьевъ и разложить костры, и вскорѣ образовалась длинная вереница костровъ, около которыхъ ополченцы и разлеглись спать; никакихъ предохранителныхъ мѣръ не было принято и лишь у знамени III-й дружины былъ поставленъ часовой, смѣнявшійся каждые полчаса.

Изъ любопытства посмотрѣть, какъ спускали горную батарею съ упомянутой почти отвѣсной скалы, которая находилась, судя по доносившимся кликамъ людей, не далеко отъ насъ, я направился къ спуску.

— „Полегче, полегче! Держи правѣй . . . еще малость! Стой!" послышались клики команды.

У самой скалы были розложены костры, около которыхъ стояли лошади и горныя орудія.

— Гдѣ спускъ ребята? спросилъ я у солдатъ, сидѣвшихъ около костра. Одинъ изъ нихъ всталъ, и взглянулъ на мои погоны:

— „Вонъ тамъ, ваше благородіе," отвѣтилъ онъ, показывая рукой: „пожалуйте, я васъ проведу; только темно, ваше благородіе, ничего не видно . . . вы осторожнѣй, вотъ здѣсь обрывъ.

Въ трехъ, четырехъ шагахъ передо мной былъ скалистый обрывъ, внизу, у подошвы котораго, разговаривали солдаты и тащили только что спущенное орудіе; за ними, поодаль, на бѣломъ фонѣ снѣга, нѣчто чернѣлось — тоже вѣроятно спущенныя уже орудія; ничего иного за ночной темнотой нельзя было увидѣть.

Вернувшись къ дружинѣ, я засталъ нашихъ офицеровъ у костра, на которомъ варился въ чайникѣ снѣгъ для чаю.

— „Вотъ бы вышла штука, если бы теперь какая-нибудь горсть рѣшительныхъ турокъ напала на насъ?" замѣтилъ Сокальскій.

— „Да развѣ они сумашедшіе въ такую пору нападать?" возразилъ Чиляевъ.

У прочихъ костровъ виднѣлись лежавшіе ополченцы, заметенные снѣгомъ: послѣ полуночи, прилегли и мы, кто гдѣ и какъ могли; я легъ около одного костра, увернувшись въ непромокаемый плащъ и шинель, но, на этотъ разъ, вмѣсто подушки былъ снѣгъ; хорошо и спокойно поспать, понятно, не пришлось при такой обстановкѣ, особенно мерзли ноги.

27-го декабря утромъ, когда пришла и наша очередь спускаться, офицеры, смотря на почти отвѣсную и въ 7—8 аршинъ вышины скалу, приходили въ недоумѣніе какъ по ней могли спуститься солдаты, лошади и горныя орудія, да еще должны будутъ спуститься и полевыя орудія.

ъ. 370—371.

Переходъ имитлійскаго отряда черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 года.
(Спускъ со скалы дружинъ Ополченія).

Мнѣ пришло въ голову, что если бы мнѣ задали задачу на какомъ-либо экзаменѣ провести войско по такому пути, и я бы разрѣшилъ таковую въ томъ смыслѣ, что можно провести всѣ три рода оружія, то навѣрное экзаменаторы надо мной бы посмѣялись.

На разсвѣтѣ, внизу, въ направленіи къ с. Химитліямъ, послышались ружейные выстрѣлы, становившіеся все чаще и чаще. Дружины уже были готовы выступить, но проходъ черезъ скалу былъ еще занятъ спускомъ лошадей и зарядныхъ ящиковъ горной батареи; наконецъ, пришла очередь и Ополченію: первою спустилась III-я дружина; движеніе совершалось медленно, такъ какъ приходилось спускаться по одному, по двое; операція эта производилась очень просто: ополченецъ бралъ ружье въ руку, садился на край обрыва и затѣмъ съѣзжалъ внизъ, какъ на салазкахъ; точно также было и съ лошадьми — приводили ихъ къ краю обрыва, затѣмъ толкали ихъ силой впередъ, и лошадь поневолѣ садилась на свой круппъ и тоже съѣзжала внизъ какъ на полозьяхъ; пострадали только три лошади, лежавшія внизу у спуска съ переломанными ногами. Движеніе дружинъ по спуску казалось медленнымъ, особенно вслѣдствіе того, что, пока мы спускались, три раза были получены приказанія отъ начальства поспѣшить внизъ, къ с. Химитліямъ.

Съ разрѣшенія командира, я ушелъ впередъ одинъ; дорога внизу проходила по долинѣ и была очень хорошая: неглубокій снѣгъ былъ утоптанъ; по пути, я встрѣтилъ начальника штаба 16-й п. дивизіи, подполковника Куропаткина; онъ былъ раненъ и его несли четверо солдатъ на носилкахъ.

Въ четырехстахъ шагахъ отъ спуска, впереди, стоялъ сарай; немного ниже отъ него, я увидѣлъ группу офицеровъ и между ними генерала Столѣтова, графа Толстого и князя Вяземскаго, а еще ниже отъ нихъ, кипѣлъ ожесточенный бой. Я стоялъ въ мертвомъ пространствѣ и пули то и дѣло, что пролетали надъ моей головой.

Вся покатость отсюда къ югу была усѣяна камнями и покрыта нискорослыми деревьями. За этими-то камнями залегли турки и изъ-за нихъ встрѣчали наши наступавшія войска мѣткими выстрѣлами, нанося намъ большой уронъ убитыми и ранеными; но наши войска все-таки, хотя и медленно, постепенно подавались впередъ. Такое медленное наступленіе было

не въ характерѣ *бѣлаго* генерала и онъ троихъ охотниковъ изъ ординарцевъ, одного за другимъ, отправилъ къ начальнику авангарда Столѣтову съ приказаніемъ скорѣе выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи, дабы тѣмъ дать возможность войскамъ сойти въ долину. Одинъ изъ этихъ ординарцевъ былъ ополченецъ юнкеръ А. И. Дуковъ; онъ съ другими двумя, съ большимъ рискомъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, нагналъ генерала Столѣтова и передалъ ему записку съ упомянутымъ приказаніемъ; за эту смѣлость и самоотверженность А. И. Дуковъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Я, какъ сказано выше, увидавъ групу начальствующихъ лицъ, не рѣшился спуститься ниже и, такимъ образомъ, приблизитьсй къ начальникамъ, и вернулся обратно; къ тому времени III-я дружина уже спустилась и быстрымъ шагомъ сходила внизъ и первою подошла къ группѣ начальствующихъ, а потому немедленно и была отправлена занять ложементы, сооруженные саперами на одной возвышенности, влѣво отъ дороги въ с. Химитліи. На той же возвышенности, затѣмъ, были расположены: IV-я дружина — правѣе III-й дружины, а V-я и VI-я дружины — лѣвѣе той же дружины, причемъ, V-я и VI-я дружины были построены фронтомъ къ востоку — къ с. Шипкѣ, III-я — фронтомъ къ юго-востоку — къ с. Шейнову, а IV-я — фронтомъ къ югу — къ с. Химитліямъ.

Съ позиціи III-й дружины можно было обозрѣвать громадное пространство; къ востоку, были видны: села Енина, Хасъ, Скиречево и г. Казанлыкъ; къ югу — вся долина до *Средней Горы* (Малыхъ Балканъ) съ разбросанными по долинѣ большими и богатыми селами, между которыми было видно и с. Габарево; къ западу, виднѣлись около шоссе Новое Село и другія села. Кромѣ того, была видна и непріятелская позиція на Шипкѣ, а на ней — *девятиглазка*.

Немного спустя, послѣ занятія нами позиціи, турецкая цѣпь, занимавшая поля у подножія возвышенности, вмѣстѣ съ своими поддержками, начала быстро и въ полномъ безпорядкѣ отступать, и потому была выслана кавалерія для преслѣдованія отступавшихъ турокъ. Къ этому же времени, казаки нашего отряда и болгарская конная сотня уже спустились въ долину и, поддержанные горной батареей, отразили черкесовъ и башибузуковъ; двѣ наши гранаты упали въ ихъ густую колонну,

Юнкеръ А. И. Дуковъ.

заставивъ послѣднюю разсыпаться во всѣ стороны, и оставить на мѣстѣ трехъ лошадей и нѣсколько человѣкъ убитыми. Вскорѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны Шейнова, показались два непріятельскихъ орудія, подъ прикрытіемъ одного табора пѣхоты; орудія снялись съ передковъ и бросили нѣсколько гранатъ по нашей кавалеріи, преслѣдовавшей, какъ было упомянуто, отступившую непріятелскую цѣпь; но, къ этому моменту, та наша кавалерія, которая была на нашемъ правомъ флангѣ, успѣла уже отбросить черкесовъ и бошибузуковъ, подалась впередъ, къ сѣверо-востоку, и начала, въ свою очередь, преслѣдованіе отступавшей турецкой цѣпи и ея поддержекъ; вслѣдствіе этого, какъ эти послѣднія, такъ и турецкая кавалерія, оба орудія и таборъ пѣхоты быстро отступили въ интервалъ между селами Шипкой и Шейновымъ.

Въ Шейновскомъ укрѣпленномъ лагерѣ было замѣтно движеніе большой массы пѣхоты, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, а съ Шипки спускалась колонна пѣхоты, не менѣе двухъ таборовъ; восточнѣе, въ сторонѣ с. Енины, виднѣлось движеніе кавалеріи; въ общемъ всѣ эти движенія непріятельскихъ войскъ свидѣтелствовали о намѣреніи произвести на насъ нападеніе.

Между тѣмъ изъ войскъ скобелевскаго отряда спустились въ долину, пока только, одинъ пѣхотный полкъ, три баталиона стрѣлковъ, четыре дружины, казачьи и болгарская сотни и горныя орудія; объ отрядѣ же кн. Святополкъ-Мирскаго говорили, что таковой запоздалъ и ранѣе завтрашняго утра не подойдетъ. Такое положеніе вызвало у нѣкоторыхъ офицеровъ мысль, что турки, если они не глупы, то должны будутъ воспользоватся тѣмъ, что мы слабы и на насъ напасть. И мы дѣйствительно ожидали этого нападенія.

Въ это время на западъ, по калоферскому шоссе, мы увидали движеніе кавалеріи; въ виду того, что носились слухи, будто съ запада можно ожидать наступленія турокъ, появленіе этой кавалеріи произвело на насъ непріятное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, вскорѣ прошло, такъ какъ эта движущаяся кавалерія оказалась нашими казаками, которые еще съ утра были отправлены въ ту сторону и теперь возвращались подкрѣпить своихъ въ ихъ преслѣдованіи черкесовъ и башибузуковъ.

Послѣ отступленія турокъ, на всей позиціи водворилась тишина, и лишь въ сторонѣ нашего праваго фланга слышна

Вскорѣ Казанскій полкъ вмѣстѣ съ горной батареей, которая прибыла на нашъ бивуакъ поздней ночью, выступили, направляясь чрезъ не густой, но высокій лѣсъ къ югу; едва хвостовыя части полка вошли въ лѣсъ какъ раздался съ *Лысой* горы пушечный выстрѣлъ; граната прожужжала надъ двигавшимся полкомъ и далеко, вправо отъ него, лопнула; послѣ перваго выстрѣла, послѣдовали другіе, не нанося вреда, то дѣлая перелеты, то не долетая до цѣли; но вскорѣ турки прекратили стрѣльбу.

II-я и III-я бригады Ополченія оставили бивуакъ на Вытрополѣ лишь въ 10-мъ часу утра, направляясь по тому же пути, по какому ушли Казанцы; I-я же бригада (I-я и II-я дружины) и одинъ стрѣлковый батальонъ остались на Вытрополѣ.

Проходя по лѣсу, движеніе затруднилось, благодаря множеству поваленныхъ деревьевъ; на выходѣ изъ лѣсу, мы стали видны туркамъ съ *Лысой* горы и оттуда снова раздались выстрѣлы и надъ головами у насъ зажужжали гранаты; ополченцы надъ гранатами начали подтрунивать:

— „Первая легла въ снѣгъ отдыхать,“ замѣтилъ одинъ.

— „И вторая пошла туда же искать товарку,“ подсмѣивались ополченцы.

— „А вотъ эта устала, не можетъ ихъ догнать,“ говорили они, указывая на недолетѣвшую гранату.

Пошли турки и сотню гранатъ, ополченцы вѣроятно для каждой нашли бы какое-нибудь остроумное словцо, но турки, пустивъ пять, шесть гранатъ, прекратили стрѣльбу, и мы спокойно, такъ сказать, на глазахъ у турокъ, продолжали путь; впрочемъ, спокойствіе наше нарушала забота о томъ, какъ бы благополучно пройти дорогу, которая здѣсь, если и не была столь затруднительна, какъ при подъемѣ, изъ с. Топлиша, была опасна: съ одной ея стороны, поднималась вершина Курджи или Марковъ Столбъ, а съ другой зіяла бездонная пропасть; довольно было оступиться, сдѣлать неосторожный шагъ, потерять равновѣсіе, чтобы свалиться въ бездну; съ нѣсколькими солдатами такъ и случилось; но, лишь благодаря тому обстоятельству, что обрывы по склону пропасти были переполнены снѣгомъ, не для всѣхъ, свалившихся въ бездну, паденіе было роковымъ, хотя всѣ упавшіе получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія; двоихъ мы вынули изъ пропасти безъ памяти; одинъ ополченецъ 2-й роты, на моихъ глазахъ, посколь-

знулся, не удержалъ равновѣсія и упалъ на край обрыва тщетно ища за что-либо зацѣпиться руками; и прежде чѣмъ, кто-либо успѣлъ ему подать помощь, онъ, по гладкой, какъ зеркало, поверхности снѣга, стремглавъ покатился внизъ, вплоть до самаго лѣса, росшаго въ глубинѣ, шагахъ въ полутораста отъ края обрыва; обойдя обрывъ съ другой стороны, я и нѣсколько ополченцевъ сошли внизъ на помощь: бѣднякъ сидѣлъ опираясь спиной о стволъ дерева, о который онъ при паденіи ударился; изъ носу и устъ у него шла кровь, и онъ едва могъ сказать, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ расшибленнымъ, мы его вытащили изъ пропасти и четверо ополченцевъ отнесли его обратно въ Вытрополе.

Тутъ, по верхамъ горъ, было еще опаснѣе: никто не могъ поручиться, что слѣдующій его шагъ обойдется благополучно.

Когда начало смеркаться, поневолѣ приходило въ голову будемъ ли мы въ состояніи пройти ночью по такому пути; но самыя опасныя мѣста случилось пройти еще за свѣтло; ниже, дорога, хотя и не была ни гладка ни ровна, но все же, — лучше пройденной; тутъ мы остановились на нѣкоторое время, чтобы дать дорогу пройти полкамъ I-й кавелерійской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Доктора.

Ночь наступила темная, хоть глазъ выколи; пошелъ снѣгъ, потомъ откуда-то взялся вѣтеръ и началась сильная метель — ни вокругъ, ни подъ ногами, ничего не было видно, и мы шли по извивающейся изъ стороны въ сторону горной тропѣ, то падая, то утопая по колѣно въ снѣгу, наполнявшему дождевыя промоины, то натыкаясь на камни, не видные изъ подъ снѣгу.

Около 10-ти часовъ вечера, дружины были остановлены; впереди, по дорогѣ, лежала почти отвѣсная скала, по которой предстояло спускаться и теперь черезъ эту скалу спускали горную батарею; приходилось, въ ожиданіи очереди, провести ночь; дружины остановились на дорогѣ въ томъ же порядкѣ какъ шли; ополченцы поспѣшили нарубить сучьевъ и разложить костры, и вскорѣ образовалась длинная вереница костровъ, около которыхъ ополченцы и разлеглись спать; никакихъ предохранителныхъ мѣръ не было принято и лишь у знамени III-й дружины былъ поставленъ часовой, смѣнявшійся каждые полчаса.

Изъ любопытства посмотрѣть, какъ спускали горную батарею съ упомянутой почти отвѣсной скалы, которая находилась, судя по доносившимся кликамъ людей, не далеко отъ насъ, я направился къ спуску.

— „Полегче, полегче! Держи правѣй . . . еще малость! Стой!“ послышались клики команды.

У самой скалы были розложены костры, около которыхъ стояли лошади и горныя орудія.

— Гдѣ спускъ ребята? спросилъ я у солдатъ, сидѣвшихъ около костра. Одинъ изъ нихъ всталъ, и взглянулъ на мои погоны:

— „Вонъ тамъ, ваше благородіе,“ отвѣтилъ онъ, показывая рукой: „пожалуйте, я васъ проведу; только темно, ваше благородіе, ничего не видно . . . вы осторожнѣй, вотъ здѣсь обрывъ.

Въ трехъ, четырехъ шагахъ передо мной былъ скалистый обрывъ, внизу, у подошвы котораго, разговаривали солдаты и тащили только что спущенное орудіе; за ними, поодаль, на бѣломъ фонѣ снѣга, нѣчто чернѣлось — тоже вѣроятно спущенныя уже орудія; ничего иного за ночной темнотой нельзя было увидѣть.

Вернувшись къ дружинѣ, я засталъ нашихъ офицеровъ у костра, на которомъ варился въ чайникѣ снѣгъ для чаю.

— „Вотъ бы вышла штука, если бы теперь какая-нибудь горсть рѣшительныхъ турокъ напала на насъ?“ замѣтилъ Сокальскій.

— „Да развѣ они сумашедшіе въ такую пору нападать?“ возразилъ Чиляевъ.

У прочихъ костровъ виднѣлись лежавшіе ополченцы, заметенные снѣгомъ: послѣ полуночи, прилегли и мы, кто гдѣ и какъ могли; я легъ около одного костра, увернувшись въ непромокаемый плащъ и шинель, но, на этотъ разъ, вмѣсто подушки былъ снѣгъ; хорошо и спокойно поспать, понятно, не пришлось при такой обстановкѣ, особенно мерзли ноги.

27-го декабря утромъ, когда пришла и наша очередь спускаться, офицеры, смотря на почти отвѣсную и въ 7—8 аршинъ вышины скалу, приходили въ недоумѣніе какъ по ней могли спуститься солдаты, лошади и горныя орудія, да еще должны будутъ спуститься и полевыя орудія.

, 370—371.

Переходъ имитлійскаго отряда черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 года.
(Спускъ со скалы дружинъ Ополченія).

Мнѣ пришло въ голову, что если бы мнѣ задали задачу на какомъ-либо экзаменѣ провести войско по такому пути, и я бы разрѣшилъ таковую въ томъ смыслѣ, что можно провести всѣ три рода оружія, то навѣрное экзаменаторы надо мной бы посмѣялись.

На разсвѣтѣ, внизу, въ направленіи къ с. Химитліямъ, послышались ружейные выстрѣлы, становившіеся все чаще и чаще. Дружины уже были готовы выступить, но проходъ черезъ скалу былъ еще занятъ спускомъ лошадей и зарядныхъ ящиковъ горной батареи; наконецъ, пришла очередь и Ополченію: первою спустилась III-я дружина; движеніе совершалось медленно, такъ какъ приходилось спускаться по одному, по двое; операція эта производилась очень просто: ополченецъ бралъ ружье въ руку, садился на край обрыва и затѣмъ съѣзжалъ внизъ, какъ на салазкахъ; точно также было и съ лошадьми — приводили ихъ къ краю обрыва, затѣмъ толкали ихъ силой впередъ, и лошадь поневолѣ садилась на свой круппъ и тоже съѣзжала внизъ какъ на полозьяхъ; пострадали только три лошади, лежавшія внизу у спуска съ переломанными ногами. Движеніе дружинъ по спуску казалось медленнымъ, особенно вслѣдствіе того, что, пока мы спускались, три раза были получены приказанія отъ начальства поспѣшить внизъ, къ с. Химитліямъ.

Съ разрѣшенія командира, я ушелъ впередъ одинъ; дорога внизу проходила по долинѣ и была очень хорошая: неглубокій снѣгъ былъ утоптанъ; по пути, я встрѣтилъ начальника штаба 16-й п. дивизіи, подполковника Куропаткина; онъ былъ раненъ и его несли четверо солдатъ на носилкахъ.

Въ четырехстахъ шагахъ отъ спуска, впереди, стоялъ сарай; немного ниже отъ него, я увидѣлъ группу офицеровъ и между ними генерала Столѣтова, графа Толстого и князя Вяземскаго, а еще ниже отъ нихъ, кипѣлъ ожесточенный бой. Я стоялъ въ мертвомъ пространствѣ и пули то и дѣло, что пролетали надъ моей головой.

Вся покатость отсюда къ югу была усѣяна камнями и покрыта нискорослыми деревьями. За этими-то камнями залегли турки и изъ-за нихъ встрѣчали наши наступавшія войска мѣткими выстрѣлами, нанося намъ большой уронъ убитыми и ранеными; но наши войска все-таки, хотя и медленно, постепенно подавались впередъ. Такое медленное наступленіе было

не въ характерѣ *бѣлаго* генерала и онъ троихъ охотниковъ изъ ординарцевъ, одного за другимъ, отправилъ къ начальнику авангарда Столѣтову съ приказаніемъ скорѣе выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи, дабы тѣмъ дать возможность войскамъ сойти въ долину. Одинъ изъ этихъ ординарцевъ былъ ополченецъ юнкеръ А. И. Дуковъ; онъ съ другими двумя, съ большимъ рискомъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, нагналъ генерала Столѣтова и передалъ ему записку съ упомянутымъ приказаніемъ; за эту смѣлость и самоотверженность А. И. Дуковъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Я, какъ сказано выше, увидавъ групу начальствующихъ лицъ, не рѣшился спуститься ниже и, такимъ образомъ, приблизиться къ начальникамъ, и вернулся обратно; къ тому времени III-я дружина уже спустилась и быстрымъ шагомъ сходила внизъ и первою подошла къ группѣ начальствующихъ, а потому немедленно и была отправлена занять ложементы, сооруженные саперами на одной возвышенности, влѣво отъ дороги въ с. Химитліи. На той же возвышенности, затѣмъ, были расположены: IV-я дружина — правѣе III-й дружины, а V-я и VI-я дружины — лѣвѣе той же дружины, причемъ, V-я и VI-я дружины были построены фронтомъ къ востоку — къ с. Шипкѣ, III-я — фронтомъ къ юго-востоку — къ с. Шейнову, а IV-я — фронтомъ къ югу — къ с. Химитліямъ.

Съ позиціи III-й дружины можно было обозрѣвать громадное пространство; къ востоку, были видны: села Енина, Хасъ, Скиречево и г. Казанлыкъ; къ югу — вся долина до *Средней Горы* (Малыхъ Балканъ) съ разбросанными по долинѣ большими и богатыми селами, между которыми было видно и с. Габарево; къ западу, виднѣлись около шоссе Новое Село и другія села. Кромѣ того, была видна и непріятелская позиція на Шипкѣ, а на ней — *девятиглазка*.

Немного спустя, послѣ занятія нами позиціи, турецкая цѣпь, занимавшая поля у подножія возвышенности, вмѣстѣ съ своими поддержками, начала быстро и въ полномъ безпорядкѣ отступать, и потому была выслана кавалерія для преслѣдованія отступавшихъ турокъ. Къ этому же времени, казаки нашего отряда и болгарская конная сотня уже спустились въ долину и, поддержанные горной батареей, отразили черкесовъ и башибузуковъ; двѣ наши гранаты упали въ ихъ густую колонну,

Юнкеръ А. И. Дуковъ.

заставивъ послѣднюю разсыпаться во всѣ стороны, и оставить на мѣстѣ трехъ лошадей и нѣсколько человѣкъ убитыми. Вскорѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны Шейнова, показались два непріятельскихъ орудія, подъ прикрытіемъ одного табора пѣхоты; орудія снялись съ передковъ и бросили нѣсколько гранатъ по нашей кавалеріи, преслѣдовавшей, какъ было упомянуто, отступившую непріятелскую цѣпь; но, къ этому моменту, та наша кавалерія, которая была на нашемъ правомъ флангѣ, успѣла уже отбросить черкесовъ и бошибузуковъ, подалась впередъ, къ сѣверо-востоку, и начала, въ свою очередь, преслѣдованіе отступавшей турецкой цѣпи и ея поддержекъ; вслѣдствіе этого, какъ эти послѣднія, такъ и турецкая кавалерія, оба орудія и таборъ пѣхоты быстро отступили въ интервалъ между селами Шипкой и Шейновымъ.

Въ Шейновскомъ укрѣпленномъ лагерѣ было замѣтно движеніе большой массы пѣхоты, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, а съ Шипки спускалась колонна пѣхоты, не менѣе двухъ таборовъ; восточнѣе, въ сторонѣ с. Енины, виднѣлось движеніе кавалеріи; въ общемъ всѣ эти движенія непріятельскихъ войскъ свидѣтелствовали о намѣреніи произвести на насъ нападеніе.

Между тѣмъ изъ войскъ скобелевскаго отряда спустились въ долину, пока только, одинъ пѣхотный полкъ, три баталиона стрѣлковъ, четыре дружины, казачьи и болгарская сотни и горныя орудія; объ отрядѣ же кн. Святополкъ-Мирскаго говорили, что таковой запоздалъ и ранѣе завтрашняго утра не подойдетъ. Такое положеніе вызвало у нѣкоторыхъ офицеровъ мысль, что турки, если они не глупы, то должны будутъ воспользоватся тѣмъ, что мы слабы и на насъ напасть. И мы дѣйствительно ожидали этого нападенія.

Въ это время на западъ, по калоферскому шоссе, мы увидали движеніе кавалеріи; въ виду того, что носились слухи, будто съ запада можно ожидать наступленія турокъ, появленіе этой кавалеріи произвело на насъ непріятное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, вскорѣ прошло, такъ какъ эта движущаяся кавалерія оказалась нашими казаками, которые еще съ утра были отправлены въ ту сторону и теперь возвращались подкрѣпить своихъ въ ихъ преслѣдованіи черкесовъ и башибузуковъ.

Послѣ отступленія турокъ, на всей позиціи водворилась тишина, и лишь въ сторонѣ нашего праваго фланга слышна

заставивъ послѣднюю разсыпаться во всѣ стороны, и оставить на мѣстѣ трехъ лошадей и нѣсколько человѣкъ убитыми. Вскорѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны Шейнова, показались два непріятельскихъ орудія, подъ прикрытіемъ одного табора пѣхоты; орудія снялись съ передковъ и бросили нѣсколько гранатъ по нашей кавалеріи, преслѣдовавшей, какъ было упомянуто, отступившую непріятелскую цѣпь; но, къ этому моменту, та наша кавалерія, которая была на нашемъ правомъ флангѣ, успѣла уже отбросить черкесовъ и бошибузуковъ, подалась впередъ, къ сѣверо-востоку, и начала, въ свою очередь, преслѣдованіе отступавшей турецкой цѣпи и ея поддержекъ; вслѣдствіе этого, какъ эти послѣднія, такъ и турецкая кавалерія, оба орудія и таборъ пѣхоты быстро отступили въ интервалъ между селами Шипкой и Шейновымъ.

Въ Шейновскомъ укрѣпленномъ лагерѣ было замѣтно движеніе большой массы пѣхоты, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, а съ Шипки спускалась колонна пѣхоты, не менѣе двухъ таборовъ; восточнѣе, въ сторонѣ с. Енины, виднѣлось движеніе кавалеріи; въ общемъ всѣ эти движенія непріятельскихъ войскъ свидѣтелствовали о намѣреніи произвести на насъ нападеніе.

Между тѣмъ изъ войскъ скобелевскаго отряда спустились въ долину, пока только, одинъ пѣхотный полкъ, три батальона стрѣлковъ, четыре дружины, казачьи и болгарская сотни и горныя орудія; объ отрядѣ же кн. Святополкъ-Мирскаго говорили, что таковой запоздалъ и ранѣе завтрашняго утра не подойдетъ. Такое положеніе вызвало у нѣкоторыхъ офицеровъ мысль, что турки, если они не глупы, то должны будутъ воспользоватся тѣмъ, что мы слабы и на насъ напасть. И мы дѣйствительно ожидали этого нападенія.

Въ это время на западъ, по калоферскому шоссе, мы увидали движеніе кавалеріи; въ виду того, что носились слухи, будто съ запада можно ожидать наступленія турокъ, появленіе этой кавалеріи произвело на насъ непріятное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, вскорѣ прошло, такъ какъ эта движущаяся кавалерія оказалась нашими казаками, которые еще съ утра были отправлены въ ту сторону и теперь возвращались подкрѣпить своихъ въ ихъ преслѣдованіи черкесовъ и башибузуковъ.

Послѣ отступленія турокъ, на всей позиціи водворилась тишина, и лишь въ сторонѣ нашего праваго фланга слышна

была еще перестрѣлка казаковъ съ черкесами и башибузуками. Наша стрѣлковая цѣпь, подавшись впередъ, остановилась на южныхъ склонахъ Балканъ.

Я пошелъ въ 3-ю роту, занимавшую одинъ изъ ложементовъ, построенныхъ саперами; отсюда вся розовая долина виднѣлась какъ на ладони; я въ бинокль разсматривалъ непріятельскую позицію въ Шейновѣ, но больше всего всматривался въ даль востока, откуда ожидалось появленіе отряда кн. Святополкъ-Мирскаго. Въ половинѣ перваго часа дня, я замѣтилъ въ интервалѣ между с. Ениной и г. Казанлыкомъ какія то темныя точки; спустя немного, вправо и влѣво отъ нихъ, появились другія такія же точки, по которымъ можно было судить, что онѣ движутся въ западномъ направленіи; я отправилъ ополченца доложить объ этомъ дружинному командиру, а самъ не отрывая глазъ, смотрѣлъ на движущіяся точки; онѣ принимали все болѣе и болѣе ясныя очертанія и я уже не сомнѣвался, что это части изъ отряда кн. Святополкъ-Мирскаго.

— „Что такое? Наши ли видны?“ обратился ко мнѣ подошедшій и весь запыхавшійся Чиляевъ и тотчасъ же началъ смотрѣть въ мой бинокль.

За Чиляевымъ пришли и почти всѣ офицеры нашей дружины, а затѣмъ и нѣкоторые изъ ближайшей къ намъ V-й дружины.

Чиляевъ, убѣдившись, что это двигались войска, послалъ дружиннаго адъютанта доложить о томъ генералу Столѣтову; немного погодя, пришелъ на позицію генералъ М. Д. Скобелевъ, маіоръ Чиляевъ разсказалъ ему о моихъ наблюденіяхъ. Скобелевъ вынулъ бинокль и тоже началъ смотрѣть въ направленіи движущихся войскъ, долго смотрѣлъ молча, затѣмъ сказалъ:

— „Никакихъ тамъ войсковыхъ частей нѣтъ, это идетъ стадо буйволовъ.“

— „Какіе же это буйволы,“ втихомолку возражали офицеры: „если они движутся длиннымъ фронтомъ и правильно.“

Графъ Келлеръ, временно замѣщавшій раненаго подполковника Куропаткина, разсмотрѣвъ внимательно движущихся буйволовъ, показывая Скобелеву на виднѣвшіяся колонны, высказалъ мнѣніе, что это не буйволы, а дѣйствительно войсковыя части и притомъ изъ отряда кн. Святополкъ-Мирскаго.

Графъ Өедоръ Эдуардовичъ Келлеръ,
и. д. начальника штаба имитлійскаго отряда.

Стр. 374—375.

— „Да, да, вижу,“ сказалъ генералъ Скобелевъ: „это войска, но, вѣроятно, турецкія.“

Между тѣмъ по формѣ строя было видно, что войска эти наступаютъ противъ турецкихъ укрѣпленій. Къ этому времени, съ высокой *могилы*, находившейся между Шейновымъ и Шипкой, на которой стояла турецкая артиллерія, взвилось облако дыма и раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ за тѣмъ надъ наблюдавшимися нами движущимися колоннами тоже показалось облачко и послѣ него послышался гулъ разрыва гранаты; за первымъ выстрѣломъ, послѣдовали второй, третій и т. д.

— „Нѣтъ, это не наши,“ рѣшительно сказалъ генералъ Скобелевъ: „это турки хотятъ ввести насъ въ заблужденіе и заставить насъ броситься на Шейново.“

Но недоумѣніе Михаила Дмитріевича вскорѣ исчезло, такъ какъ орудія князя Святополкъ-Мирскаго заговорили вполнѣ яснымъ языкомъ, а затѣмъ и турки открыли ружейный огонь по нашему восточному отряду, который еще гораздо раньше разсыпалъ свою стрѣлковую цѣпь, и теперь она, въ свою очередь, открыла огонь.

Генералъ Скобелевъ, убѣдившись, что князь Святополкъ-Мирскій завязалъ бой съ турками, поспѣшилъ спуститься внизъ, въ долину.

Между тѣмъ начавшееся дѣло между восточнымъ отрядомъ и турками разгоралось все сильнѣе: цѣпь отряда уже сдѣлала двѣ перебѣжки, а резервы разсыпнымъ строемъ слѣдовали за нею, и затѣмъ начали все ближе и ближе подходить къ *могилѣ*, на которой была турецкая артиллерія, но, въ это время, вдругъ, за этой *могилой* взвилось грамадное облако дыма и раздался страшный ударъ — это гранаты восточнаго отряда взорвали находившійся за *могилой* пороховой погребъ; этотъ взрывъ произвелъ въ рядахъ турокъ большой безпорядокъ и они бросились бѣжать изъ укрѣпленія, кто куда могъ; наши воспользовались этимъ моментомъ и дружно бросились на обезумѣвшихъ отъ страха турокъ . . . спустя нѣсколько моментовъ, турецкія орудія были уже въ рукахъ нашей цѣпи, взобравшейся на укрѣпленіе.

Но турки, вскорѣ получивъ подкрѣпленіе, бросились на *могилу* въ штыки и успѣли отбросить передовые ряды нашей цѣпи, прежде чѣмъ послѣдніе могли получить поддержку, которая запоздала оттого, что когда наши передовые ряды уже

близко подошли къ *могилѣ*, турки спустили съ *девятиглазки* два орудія, поставили ихъ почти у подножія Балканъ, къ востоку отъ с. Шипки, и открыли изъ нихъ столь убійственный огонь по нашему правому флангу, что онъ былъ принужденъ податься назадъ.

На востокъ отъ Шейнова и къ югу отъ *большой могилы*, впереди лѣса, у турокъ было возведено нѣсколько редутовъ, люнетовъ и ложементовъ для стрѣлковъ. На эти, именно, укрѣпленія князь Святополкъ-Мирскій и направилъ два быстрыхъ и рѣшительныхъ своихъ удара, но оба раза былъ отраженъ непріятелемъ; послѣ второго отраженія, его стрѣлковая цѣпь залегла и открылся съ обѣихъ сторонъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь: въ это время было ясно видно, какъ наши, подъ этимъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, окапывались.

Спустя ровно два часа, какъ генералъ Скобелевъ спустился въ долину, войска его отряда, спустившіяся тоже въ долину, направились отъ с. Химитлій въ резервномъ порядкѣ по направленію къ с. Шейнову, отстоявшему отъ с. Химитлій приблизительно въ 5—6 верстахъ; во время этого своего движенія, войска эти перестроились въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи, на полной боевой дистанціи и выслали впередъ боевую цѣпь. Въ такомъ порядкѣ эти войска, а именно одна бригада 16-й дивизіи, три батальона стрѣлковой бригады, горная батарея, казачьи и болгарская сотни, подъ звуки полковыхъ музыкъ, наступали на Шейново, угрожая тѣмъ въ тылъ непріятелю.

Ополченіе между тѣмъ не получало никакихъ приказаній и какъ офицеры, такъ и ополченцы начали волноваться и безпокоиться.

— „Неужели же насъ оставятъ здѣсь и мы не будемъ участвовать въ дѣлѣ!?“ спрашивали другъ друга ополченцы.

— „Стой цѣлую зиму въ землянкахъ, тащись по снѣгу и ползай по балканскимъ утесамъ, и тебя потомъ оставляютъ только зрителемъ! Нѣтъ, если насъ не пустятъ въ дѣло, бросимъ и ружья и мундиры и пойдемъ куда глаза глядятъ!“ негодовали ополченцы.

— „Развѣ я поступилъ въ Ополченіе, только чистить и носить ружье?!“ заявлялъ товарищамъ какой-то ополченецъ.

— „Да вы чего тутъ застрекотали, какъ сороки!“ крикнулъ одинъ изъ ополченцевъ: „мы поступили въ Ополченіе

послужить свободѣ отечества, а гдѣ и какъ послужить, это дѣло не ваше, а начальства. Не сегодня, такъ завтра будемъ въ дѣлѣ, нашъ чередъ придетъ, не бойтесь! . . .“

А звуки боевой музыки между тѣмъ оглашали воздухъ и заставляли усилено биться наши сердца.

Наконецъ, отрядъ отошелъ на разстояніе въ 800—900 шаговъ отъ насъ по прямой линіи и остановился на одной высотѣ съ нами. Музыка прекратилась. Солдаты составили ружья въ козлы, сняли ранцы, взяли шанцовые инструменты и всѣ начали окапываться, кромѣ одной части, отправленной въ ближайшій лѣсъ за дровами.

Смеркалось. На бивуакѣ разложили огни, освѣщавшіе все пространство.

Между тѣмъ бой между отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго и турками не прекращался. Турки два раза бросались на его ряды въ цѣляхъ отбросить ихъ назадъ и не дать имъ окапываться, но оба раза были отражены; наконецъ, мало по малу, начала уменьшаться стрѣльба съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ почти совсѣмъ прекратилась.

Говорю *почти,* такъ какъ турки, какъ и на Шипкѣ, въ дни 9—12-го августа, продолжали въ теченіи всей ночи стрѣлять въ разныхъ мѣстахъ своей позиціи; зато на нашей позиціи царила полная тишина, прерванная, впрочемъ, одинъ разъ сильными залпами, раздавшимися въ долинѣ, на востокъ отъ бивуака; на слѣдующій день оказалось, что это турки встрѣчали слишкомъ впередъ забравшіеся наши разъѣзды.

28-е декабря. Ночь была темная и очень холодная, но мы все таки не такъ мерзли, какъ наканунѣ, хотя и не раскладывали огней. Въ пятомъ часу утра, было еще темно, когда турки открыли съ Шейнова огонь, который затѣмъ постепенно все болѣе и болѣе учащался; по отблескамъ свѣта отъ ружейныхъ выстрѣловъ, дававшимъ двѣ паралельныхъ свѣтящихся линіи, мы, съ нашей позиціи, могли усмотрѣть очертанія позиціи непріятеля. Когда разсвѣло, надъ Шейновымъ и его окрестностями висѣли столь густыя облака порохового дыма, что ничего нельзя было увидѣть ни въ Шейновскомъ лагерѣ, ни въ мѣстности расположенія отряда кн. Святополкъ-Мирскаго, и лишь по ружейнымъ и артиллерійскимъ выстрѣламъ, можно было судить, что шло жестокое сраженіе.

Уже былъ 10-й часъ утра, а не только Ополченіе но и всѣ прочія части Скобелевскаго отряда, успѣвшія, за исключеніемъ полевой батареи, уже спуститься къ тому времени въ долину, стояли на вчерашней позиціи и не трогались съ мѣста.

Стоимъ такъ, на мѣстѣ, а тамъ въ Шейново кн. Святополкъ-Мирскій напрягаетъ свои послѣднія усилія; но, вотъ, кажется, будто и у него истощаются силы: ружейный и артиллерійскій огонь, будто, все болѣе и болѣе удаляется; очевидно наши отражены и, вѣроятно, отступаютъ, и на нашей позиціи всѣми овладѣваетъ волненіе.

— „Отчего это мы не наступаемъ? И что это будетъ, если Святополкъ-Мирскій разбитъ и турки набросятся на нашъ отрядъ?" тревожно мы спрашивали одинъ у другого.

Нѣкоторые изъ офицеровъ обвиняли генерала Скобелева, что онъ теряетъ время; другіе шли еще дальше, обвиняя генерала, что онъ хочетъ чужими руками жаръ загребать и немногіе лишь оправдывали его дѣйствія тѣмъ, что нельзя было вступать въ дѣло, безъ полевой артиллеріи. Которое изъ всѣхъ этихъ предположеній было вѣрно, не знаю, но въ пользу мнѣнія, что можно и должно было начать дѣло и безъ этой артиллеріи, служитъ тотъ фактъ, что когда я прибылъ въ Химитліи 30-го декабря, т. е. послѣ взятія Шейнова, то увидѣлъ, что едва только того дня полевая четырехъ-фунтовая батарея спускалась съ Балканъ.

Наконецъ, дружины получили приказаніе сойти въ долину; первыми сошли V-я и VI-я дружины; III-ю и IV-ю дружины повели внизъ по дорогѣ, которая извивалась вдоль по склону и затѣмъ спускалась въ с. Химитліи.

— „Отчего насъ не ведутъ спускаться прямо по склону внизъ? Тутъ и не такъ круто, какъ на верху!" замѣчали другъ другу нетерпѣливые ополченцы.

И дѣйствительно, отъ нашего мѣсторасположенія до бивуака 16-й дивизіи, идя по склону, разстоянія было до полуторы версты, которое можно было пройти въ 30—45 минутъ; склонъ этотъ былъ, хотя и крутой, но все же не круче пройденнаго нами вчера.

При спускѣ въ долину предъ нами открылась ужасная картина: тѣла павшихъ во вчерашнемъ бою солдатъ еще не были прибраны и, окровавленныя, валялись по дорогѣ и по

склону возвышенности; между ними я увидѣлъ одинъ трупъ, указывавшій по своему положенію, что убитый солдатъ съ направленнымъ впередъ ружьемъ, очевидно, залегъ было за камень стрѣлять по врагу, но, вѣроятно, разрывная пуля попала ему въ голову, такъ какъ послѣдняя представляла изъ себя лишь смѣсь изъ мозга и крови; другой убитый лежалъ на боку, будто спалъ; встрѣчались тѣла убитыхъ и въ такихъ положеніяхъ, которыя указывали, что жертвы долго боролись со смертью и вынесли страшныя мученія . . . Всѣ эти картины были далеки отъ того, чтобы дѣйствовать благотворно на нравственное настроеніе солдатъ; каждому приходила мысль, что спустя нѣсколько времени и его можетъ постигнуть та же участь; надо было удивляться, почему начальствующія лица не озаботились распорядиться убрать хотя бы тѣ тѣла убитыхъ, которыя валялись на самой дорогѣ и черезъ которыя намъ приходилось перескакивать?

Когда III-я и IV-я дружины спустились къ Химитліямъ, 16-я дивизія, стрѣлки, V-я и VI-я дружины были уже далеко впереди, и потому мы зашагали быстрѣе, чтобы догнать названныя части.

По приказанію дружиннаго командира, я остался дожидаться прихода патронныхъ вьюковъ, отставшихъ отъ насъ, чтобы дать инструкціи завѣдующему патронами унтеръ-офицеру, какого направленія и на какомъ разстояніи ему держаться отъ дружины. Исполнивъ это приказаніе, я въ карьеръ затѣмъ догналъ дружину. Въ это время, пушечныя, а особенно ружейные выстрѣлы, за Шейновымъ, къ востоку, едва были слышны, что можно было объяснить или тѣмъ, что мы, сойдя въ долину, эти выстрѣлы не могли слышать ясно, или, что отрядъ кн. Святополкъ-Мирскаго отступалъ.

Нашъ отрядъ, построенный въ двѣ линіи, продолжалъ быстро наступать впередъ.

Въ первой боевой линіи находились два батальона стрѣлковой бригады: на правомъ флангѣ — 9-й, а на лѣвомъ — 11-й; частными резервами этимъ батальонамъ были: 9-му — V-я, а 11-му — VI-я дружины, слѣдовавшія за батальонами,*) и затѣмъ одинъ сводный углицкій батальонъ и горная батарея.

---

*) См. планъ въ приложеніи къ книгѣ, подъ № 3.

Начальникомъ первой линіи былъ назначенъ храбрый командиръ 3-й бригады Болгарскаго Ополченія — полковникъ графъ Толстой.

Назначеніе названныхъ дружинъ въ резервъ заставляло ополченцевъ стремиться впередъ, чтобы оправдать довѣріе, оказанное имъ начальствомъ.

За стрѣлками и ихъ резервами двигались III-я и IV-я дружины, Углицкій и Суздальскій полки.

Нѣкоторое время шли безъ выстрѣловъ, но затѣмъ, съ праваго фланга непріятеля, изъ подъ лѣсу, вдругъ взвился клубомъ дымъ и раздался пушечный выстрѣлъ; чрезъ минуту, второй — изъ центра непріятельской позиціи и потомъ уже пошелъ общій гранатный, зловѣщій разговоръ; наша горная батарея выѣхала впередъ и открыла огонь по центру непріятельской батареи; еще немного и начался, сначала противъ нашего фланга, а затѣмъ и со всей непріятельской позиціи, ружейный огонь и около насъ засвистали и начали шлепаться пули. Наша стрѣлковая цѣпь тоже открыла удачный огонь противъ турокъ.

Мы наступали по совершенно ровной и открытой мѣстности.

Турецкіе артиллеристы очевидно хорошо измѣрили разстояніе, такъ какъ выстрѣлы изъ орудій были почти безъ промаха.

Когда весь отрядъ остановился, войска второй линіи засѣли въ одну изъ ложбинъ, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была пересѣчена мѣстность, и которыя образовались отъ дождевыхъ потоковъ или были высохшія русла горныхъ рѣчекъ, и шли паралельно фронту турецкой позиціи.

Я, верхомъ, остановился въ трехъ, четырехъ шагахъ впереди 3-й роты.

Въ это время зажужжала граната и разорвалась . . . казалось, у самыхъ моихъ ушей раздался оглушительный ударъ... лошадь подо мной испугалась и рванулась въ сторону, а я слетѣлъ съ сѣдла; нѣсколько ополченцевъ бросились ко мнѣ, думая, что я раненъ, но я былъ цѣлъ и невредимъ; меня только обдало пескомъ и въ ушахъ я чувствовалъ сильный и непріятный шумъ. Граната эта попала въ самый центръ роты и тамъ разорвалась, отнявъ жизнь двумъ старшимъ унтеръ-офицерамъ: командиру 3-го взвода Василію Калачеву и Данилѣ Киссѣ, ро-

домъ болгарину, изъ Бессарабіи, и лѣвофланговому ополченцу второго взвода; ополченцу Ж. Дамьянову эта граната раздробила обѣ руки и исковеркала лицо; нѣсколько человѣкъ были ею сильно контужены, а другимъ она засыпала глаза пылью, но всѣ они остались въ строю.

Почти одновременно съ этимъ взрывомъ гранаты былъ раненъ и графъ Толстой, руководившій аттакой; на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Панютинъ.

Командиръ 3-й роты перевелъ роту влѣво, а я снова сѣлъ на лошадь и остановился на томъ же мѣстѣ, впереди роты.

— „Ваше благородіе, сойдите съ лошади! Когда тронемся впередъ, опять сядете, а такъ турки убьютъ!" кричали мнѣ ополченцы.

— „Виноватаго пуля повсюду найдетъ," отвѣтилъ я, увлеченный неустрашимостью ополченцевъ.

Недалеко отъ меня стоялъ командиръ 4-й роты, поручикъ Даніиловъ; къ нему подошелъ прапорщикъ Юнгеръ.

— „Позвольте мнѣ, господинъ поручикъ," сказалъ поблѣднѣвшій Юнгеръ: „пойти посмотрѣть, гдѣ находятся лошади съ патронными вьюками."

— Лошади и патроны находятся тамъ, гдѣ нужно, невыдержалъ я и довольно грубо ему замѣтилъ.

— „Позвольте пойти," повторилъ просьбу Юнгеръ: „можетъ быть, патроны вскорѣ потребуются."

Этотъ прапорщикъ не могъ сообразить, что роты въ первой и во второй линіяхъ, за исключеніемъ стрѣлковой цѣпи, до тѣхъ поръ еще не дали ни одного выстрѣла.

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, понадобятся патроны, обратился я съ ироніей къ Даніилову; разрѣшите прапорщику уйти.

— „И чего вы вмѣшиваетесь? Я вѣдъ не къ вамъ обращаюсь!" умоляющимъ тономъ обратился ко мнѣ Юнгеръ.

— Трусъ вы, вотъ что! отвѣтилъ я ему и отвернулся.

Юнгеръ, не отвѣтивъ мнѣ ни слова, отправился къ дружинному командиру, который стоялъ отъ насъ шагахъ въ десяти. Спустя минуту, Чиляевъ подошелъ ко мнѣ и, силясь, сколь возможно, придать своему лицу строгое выраженіе, сказалъ:

— „Вы позволили себѣ оскорбить прапорщика Юнгера и я вамъ предлагаю сейчасъ же передъ нимъ извиниться.

— „Нѣтъ, господинъ маіоръ, я его не оскорблялъ, но сказалъ ему сущую правду и теперь повторяю, что онъ струсилъ и тѣмъ показываетъ дурной примѣръ нижнимъ чинамъ, и затѣмъ разсказалъ Чиляеву какъ было дѣло.

— „Хорошо, я потомъ разберу это дѣло!“ отвѣтилъ Чиляевъ.

Но *потомъ* объ этомъ никогда не говорилось ни слова.

Стрѣльба изъ орудій и ружейная на столько усилилась, что звуки выстрѣловъ слились въ одинъ общій гулъ. Раненыхъ было множество: ихъ несли на носилкахъ или они сами шли на перевязочный пунктъ.

Въ это время, генералъ Скобелевъ, вмѣстѣ съ Столѣтовымъ и свитой, находились на небольшомъ холмѣ, сзади нашего лѣваго фланга.

Разсказывали впослѣдствіи, что когда генералъ Скобелевъ, верхомъ, тронулся, чтобы присоединиться къ наступающимъ частямъ войскъ, Столѣтовъ его предупредилъ и просилъ не подвергать себя столь большой опасности.

— „Ваше Превосходительство, а гдѣ находится ваше Ополченіе?“ будто бы спросилъ его, въ отвѣтъ, Скобелевъ.

Этотъ разговоръ вѣроятно выдуманъ, такъ какъ у генерала Столѣтова было много недоброжелателей, старавшихся ему вредить. Точно также говорили, будто, послѣ вопроса Скобелева, генералъ Столѣтовъ отошелъ отъ него со слезами на глазахъ, и, во все время боя, находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ ружейнаго огня.

Сраженіе продолжалось съ большой ожесточенностью по всей линіи.

V-я и VI-я дружины получили приказаніе отъ полковника Панютина подойти къ стрѣлкамъ для совмѣстной аттаки.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ моментовъ сраженія, вправо отъ III-й дружины, послышалась полковая музыка, игравшая любимый нами скобелевскій маршъ; этотъ маршъ подхватили музыкантскіе хоры и прочихъ частей и, подъ акомпаніементъ выстрѣловъ, огласили гармоничными звуками розовую долину.

— „Встать!“ скомандовалъ дружинный командиръ.

— „Встать!“ повторили командиры ротъ.

— „Ружья вольно!.. Шагомъ маршъ!.. и дружина съ

развернутымъ знаменемъ, равняясь по правофланговому пѣхотному полку, безстрашно зашагала впередъ.

Живой стѣной, полки и дружины, съ развернутыми знаменами и подъ звуки музыкъ, стройно шли впередъ, на встрѣчу тысячамъ летѣвшихъ снарядовъ и пуль, опустошавшихъ ихъ ряды.

Ополченцы были охвачены неописуемымъ энтузіазмомъ. Я не могу найти словъ, чтобы передать, какое воинственное воодушевленіе, какая чудная нравственная сила сквозили въ глазахъ воиновъ за освобожденіе Болгаріи; не могу описать ни той жажды отомстить за пятивѣковыя страданія болгарскаго народа, какая волновала души шипкинскихъ героевъ и толкала ихъ впередъ!

Полки и дружины наступали подъ звуки полковыхъ музыкъ, которыя, будто, силились заглушить своими звуками шумъ выстрѣловъ и пушечной пальбы; наступали, на ходу, смыкая свои ряды; но, вотъ, со стороны нашего праваго фланга, заслышалось громогласное и дружное „ура,“ обхватившее затѣмъ и всю боевую линію, „ура,“ заглушавшее и звуки музыки и гулъ орудій, „ура,“ эхо отъ котораго волнами понеслось отъ долины къ сѣверу и тамъ, на высотахъ Балканъ откликнулось привѣтомъ отъ насъ шипкинскимъ защитникамъ и отнесло имъ радостную вѣсть о взятіи шейновскаго укрѣпленнаго лагеря.

Въ отвѣтъ на это наше „ура,“ правда, раздались выстрѣлы изъ орудій на турецкихъ укрѣпленіяхъ, но выстрѣлы недружные и не увѣренные.

Непріятельская батарея, что была противъ нашего лѣваго фланга, снялась съ позиціи, а батарея, находившаяся въ центрѣ, послѣ нашего „ура“ замолкла.

Всѣ части нашей первой линіи бросились на укрѣпленную непріятельскую позицію, а за ними, бѣгомъ, спѣшили части второй линіи, чтобы поддержать ихъ въ рѣшительную минуту...

Но, что это такое!? Наша первая линія уже прошла турецкіе ложементы, находившіеся у опушки лѣса, вторая линія тоже уже подходила къ нимъ, по всей линіи слышались лишь отдѣльные ружейные выстрѣлы, а впереди III-й дружины, вправо, шла безпорядочная непонятная стрѣльба... непріятеля же нигдѣ не было видно, а только убитые и раненые валялись по позиціи — оказалось, что это непріятельскій складъ патроновъ былъ подожженъ и слышались взрывы патроновъ...

Наконецъ, мы увидали непріятеля: невдалекѣ, къ востоку, виднѣлись таборы турокъ, но уже неспособные наносить вредъ: они сложили оружіе предъ побѣдителями — эти таборы были наши военноплѣнные.

Когда мы заняли укрѣпленный шейновскій лагерь, на сѣверо-востокѣ и востокѣ отъ него, все еще слышались выстрѣлы изъ орудій — тамъ все еще продолжался жестокій бой между отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго и турками: съ ранней зори, этотъ отрядъ боролся съ несравненно многочисленнѣйшимъ непріятелемъ; вслѣдствіе этого, полки 66-й дивизіи, оставивъ часть солдатъ, которые вмѣстѣ съ дружинами должны были охранять военноплѣнныхъ, продолжили свое наступленіе къ востоку. Вскорѣ и тамъ прекратилась стрѣльба — турки и тамъ сложили оружіе. Впослѣдствіи, оказалось, что только кавалеріи, черкесамъ и башибузукамъ удалось избѣгнуть общей участи турецкаго отряда и отступить къ Старой Загорѣ.

Въ битвѣ подъ шейновскимъ лагеремъ, особенно отличились V-я и VI-я дружины, которыя, какъ выше сказано, вначалѣ находились въ резервѣ стрѣлковыхъ батальоновъ. VI-ая дружина наступала на правый, а V-я — на лѣвый фланги турокъ.

V-я дружина, подъ командой маіора Попова, явилась на помощь стрѣлкамъ, какъ разъ въ критическій моментъ, когда они въ первой линіи были отражены непріятелемъ и были принуждены отступать: дружина вмѣстѣ съ стрѣлками, безъ выстрѣла, бросилась на врага, съ криками „ура“; обѣ эти части заставили турокъ оставить укрѣпленную позицію, находившуюся у опушки шейновскаго лѣса; здѣсь ополченцы прилегли отдохнуть, а турки, отступивъ бѣгомъ, заняли второй рядъ ложементовъ, шагахъ въ двухстахъ отъ нашихъ; послѣ краткаго отдыха, стрѣлки и ополченцы штыками выбили турокъ и съ этой ихъ позиціи.

Ополченцы первой линіи, при этихъ штыковыхъ аттакахъ, настолько увлеклись стремленіемъ впередъ, что стрѣлкамъ приходилось ихъ останавливать:

— „Куда вы лѣзите, какъ угорѣлые, не видите развѣ, что резервъ остался далеко!“ говорили имъ товарищи стрѣлки.

Послѣ занятія этихъ турецкихъ ложементовъ, предстояло взять и непріятельскій редутъ, изъ котораго турки наносили намъ значительный уронъ шрапнелью.

Генералъ-лейтенантъ болгарской арміи Николаевъ,
б. командиръ 4-й роты V-й дружины
въ бою подъ Шейновымъ 28-го декабря 1877 г.

Стр. 384—385.

— „Впередъ, ребята, на батарею!“ крикнулъ храбрый командиръ 4-й роты, поручикъ Николаевъ и первымъ вскочилъ внутрь редута, но, пройдя нѣсколько шаговъ упалъ, раненый въ ногу.

Въ время этой аттаки, 1-й батальонъ Углицкаго полка былъ встрѣченъ столь сильнымъ и убійственнымъ огнемъ турокъ, что остановился и залегъ; солдаты стали, какъ бы загипнотизированные и не были въ состояніи слышать команды своихъ офицеровъ: „впередъ! . . .“ но въ этотъ моментъ прискакалъ полковникъ Панютинъ, схватилъ знамя, бросился впередъ и за нимъ батальонъ понесся какъ буря . . .

Непріятельскій редутъ былъ взятъ. Послѣ этого, V-я дружина, по приказанію маіора Попова, продолжила наступленіе, отправивъ 1-ю и 2-ю роты на право, 3-ю — прямо впередъ — въ лѣсъ, а 4-ю — влѣво — въ с. Шейново для преслѣдованія турокъ, засѣвшихъ въ дворахъ и домахъ этого селенія. Изъ своего центра непріятель встрѣтилъ наступавшихъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ и шрапнелью, которые опустошали наши ряды; отрядъ нашъ было залегъ отдохнуть передъ рѣшительнымъ ударомъ, но, подъ этимъ дождемъ пуль и гранатъ, стоять на мѣстѣ было невозможно, ряды сильно рѣдѣли, и потому начальство повело войска въ аттаку.

Спустя нѣкоторое время послѣ взятія редута, 3-я рота V-й дружины соединилась съ 1-й и 2-й ротами той же дружины и всѣ онѣ, вмѣстѣ, окруживъ непріятельскій редутъ, находившійся въ тылу, заставили его защитниковъ въ составѣ одной роты при одномъ штабъ и двухъ оберъ-офицерахъ сдаться въ плѣнъ; затѣмъ эти части V-й дружины остановились у лѣса, около с. Скиречева, откуда и продолжали дальнѣйшую стрѣльбу по обратившейся въ бѣгство турецкой кавалеріи и разбросаннымъ рядамъ пѣхоты.

На лѣвомъ флангѣ позиціи, VI-я дружина проявила при общей аттакѣ не менѣе героизма; ополченцы геройски дрались впереди съ своими храбрыми начальниками, и неудержимо шли впередъ подъ пулями и гранатами непріятеля и брали его укрѣпленія. При первой же стремительной аттакѣ, турки вскорѣ бросились бѣжать и, затѣмъ, были заставлены сложить оружіе.

Въ шейновскомъ бою турки проявили большую стойкость: штыковой бой приходилось вести почти по всей боевой линіи,

при чемъ обѣ стороны проявили большое ожесточеніе; но, въ концѣ концовъ, турки все-таки не могли остановить нашего натиска и ихъ стойкость сломилась о штыки стрѣлковъ, ополченцевъ, Угличанъ и Казанцевъ.

Въ рукахъ побѣдителей осталось много ружей, патроновъ и плѣнныхъ, два орудія и одно знамя.

Съ этимъ знаменемъ произошелъ такой случай: одинъ изъ ополченцевъ взялъ знамя и вскочилъ съ нимъ на укрѣпленіе; въ это время, подошелъ къ нему одинъ фельдфебель и говоритъ:

— „Дай мнѣ знамя, я его отнесу генералу Скобелеву!"

Простодушный ополченецъ отдалъ знамя.

Въ V-й дружинѣ почти всѣ офицеры были ранены, а именно: штабсъ-капитанъ Рогозинскій и поручикъ Николаевъ — тяжело; капитанъ Розановъ, штабсъ-капитанъ Шепелевъ и подпоручикъ Гуджевъ — легко; маіоръ Амосовъ и подпоручикъ Вальднеръ — контужены; нижнихъ чиновъ убито 21 человѣкъ и ранено 106 человѣкъ.

Взятіе шейновскаго сильно укрѣпленнаго лагеря было сопровождено дружными и громовыми „ура," огласившими всѣ окрестности шейновской позиціи, въ центрѣ которой стояло обезоруженное многотысячное турецкое войско съ своими пашами и офицерами; всѣ эти солдаты, паши и офицеры стояли, понуривъ головы, и ожидали со страхомъ и трепетомъ момента, когда предстанутъ предъ лицемъ своихъ побѣдителей и дадутъ отвѣтъ за совершенныя ими звѣрства надъ христіанскимъ населеніемъ; эти вчерашніе звѣри теперь дрожали, увѣренные, что ихъ не минетъ заслуженное наказаніе за ихъ дѣянія, но русскій солдатъ и дисциплинированный ополченецъ, начиная отъ рядового до офицера, не бьютъ лежачихъ, не мстятъ....

Дружины расположились въ центрѣ шейновской позиціи; невдалекѣ отъ нихъ стояли приведенные плѣнные турки, для караула которыхъ были отправлены по двѣ роты отъ каждой дружины.

Когда наша дружина расположилась бивуакомъ, я, съ разрѣшенія дружиннаго командира, отправился осмотрѣть непріятельскую позицію, но, придя туда, я вскорѣ отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ не былъ въ состояніи смотрѣть на ужасные слѣды только что окончившагося жестокаго боя: по всей позиціи валялись трупы убитыхъ и раненыхъ турецкихъ солдатъ,

о которыхъ пока никому не было времени заботиться; раненые лежали то въ предсмертной агоніи, то извиваясь отъ боли, одни страдали молча, другіе — съ нескрываемой злобой призывали проклятія на гяуровъ . . . тамъ же, нѣсколько въ сторону къ западу, передъ турецкими укрѣпленіями, лежали еще и наши раненые, облитые кровью — ихъ наши санитары еще не успѣли подобрать.

Вернувшись на бивуакъ, я замѣтилъ на полянѣ группу турецкихъ всадниковъ, окруженныхъ солдатами 16-й дивизіи. Подойдя ближе, я увидалъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ верхомъ и верховыхъ лошадей, безъ сѣдоковъ, у которыхъ стояли конюхи. Большей частью лошади были хорошія, но мнѣ особенно понравились два жеребца чистой арабской крови, сѣрый и гнѣдой; послѣдній былъ раненъ въ крупъ и похрамывалъ; сѣраго водилъ конюхъ, въ лѣтнемъ костюмѣ, но чисто одѣтый. Я ему предложилъ продать мнѣ лошадь за 20 турецкихъ лиръ.

— „Не могу, эфенди, продать, этотъ жеребецъ не мой, а моего паши; если угодно возьмите его безъ денегъ, и я буду очень благодаренъ, потому что мнѣ жаль смотрѣть на него голоднаго, да и я освобожусь отъ заботы,“ отвѣтилъ конюхъ и при этомъ подвелъ ко мнѣ коня и хотѣлъ передать поводья.

Но я отказался взять лошадь безъ денегъ и началъ присматриваться къ другимъ лошадямъ, остановивъ наконецъ свой выборъ на одной, не высокой, но красивой и бодрой лошади, и которую затѣмъ вымѣнялъ на свою, давъ въ придачу ея хозяину, турецкому офицеру, еще пять турецкихъ лиръ. Во время этой сдѣлки подошелъ ко мнѣ и мой деньщикъ Трайко.

— „Ваше благородіе, оставьте вы эту лошадь, и позвольте мнѣ взять, вонъ, изъ того сарая двухъ добрыхъ коней,“ обратился ко мнѣ Трайко, показывая на сарай.

Но на мое запрещеніе брать даромъ, что бы то ни было и гдѣ бы то ни было, Трайко умолкъ.

Сѣрый жеребецъ потомъ достался маіору Чиляеву, и впослѣдствіи былъ проданъ полковнику Кесякову за двѣсти золотыхъ, а раненаго жеребца купилъ прапорщикъ Юнгеръ за три турецкихъ лиры.

Чтобы удовлетворить своего деньщика, жаловавшагося мнѣ, что де у другихъ деньщиковъ есть лошади, я ему ку-

пилъ у казаковъ коня за семь рублей; но Трайко все-таки никакъ не могъ успокоиться, что за его лошадь заплатили деньги, тогда, какъ другіе деньщики достали себѣ лошадей даромъ.

Покончивъ съ лошадьми, я увидалъ маіора Чиляева, остановившагося около двухъ казаковъ, у которыхъ были турецкія магазинныя ружья кавалерійскаго образца; я направился къ нему, свиснувъ моей новой лошади, которая, поднявъ уши, пошла весьма крупной для своего роста рысью.

— „Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, два золотыхъ, ружье хорошее и совсѣмъ новое," говорилъ казакъ маіору Чиляеву.

Мы оба купили у казаковъ за эту цѣну по ружью.

Накинувъ ружье черезъ плечо, я, вполнѣ довольный своей двойной покупкой, поѣхалъ въ дружину, куда раньше отправилъ своего деньщика.

По пути меня встрѣтилъ генералъ Томеловскій.

— „Подпоручикъ, передайте ваше ружье казаку!" приказалъ онъ мнѣ.

Напрасно я объяснялъ генералу, что ружье это мое, что я его купилъ въ присутствіи дружиннаго командира за два золотыхъ, генералъ повторилъ приказаніе и прибавилъ, что существуетъ приказъ собрать ружья и отправить таковыя въ Россію; нечего было дѣлать, пришлось отдать ружье.

Приказъ!? думалъ я, это нѣчто невѣроятное, и я рѣшился не оставлять вопроса о моемъ ружьѣ и требовать или деньги или ружье. Когда маіоръ Чиляевъ вернулся на бивуакъ, я разсказалъ ему объ этомъ случаѣ и заявилъ претензію.

— „Хорошо, я доложу генералу объ этомъ, но думаю, что изъ этого ничего не выйдетъ," отвѣтилъ Чиляевъ.

День, 28-го декабря, былъ еще съ утра пасмурный и холодный, а къ вечеру начался острый и холодный вѣтеръ и пошелъ снѣгъ.

III-я дружина была отведена въ имѣвшіяся турецкія землянки и въ нихъ ополченцы расположились ночевать; но не всѣмъ хватило мѣста въ этихъ землянкахъ и потому нѣкоторые ночевали на открытомъ воздухѣ, у костровъ. Маіоръ Чиляевъ отправился ночевать къ одному изъ своихъ знакомыхъ, который занялъ одну удобную офицерскую землянку; ротные командиры размѣстились, кто гдѣ и какъ могъ, а я съ однимъ

офицеромъ и съ деньщикомъ Трайкомъ отправились искать какую-нибудь землянку; послѣ долгихъ поисковъ, мы наткнулись на одну землянку, въ которой не было слышно говора и потому предположили, что въ ней никого нѣтъ. Но какъ только вошли, наступили на человѣческій трупъ и услышали какой-то хрипъ; Трайко черкнулъ спичку, зажегъ свѣчу, которую всегда носилъ съ собой въ карманѣ, и мы увидали ужасную картину: у входа въ землянку лежалъ на спинѣ солдатъ 16-й дивизіи и бредилъ, произнося разныя имена и восклицая: „матушка, батюшка"; близь него, свернувшись въ клубокъ, лежалъ другой солдатъ той же дивизіи, не подавая никакихъ признаковъ жизни, а далѣе, внутри землянки, лежали двое турокъ — одинъ раненъ былъ въ шею или голову, такъ какъ лицо его было вздуто, а другой — въ грудь; оба они были при памяти; раненый въ грудь жаловался на сильную боль и просилъ воды, но откуда же было достать воды?

Обстановка была очень непріятна, но дѣлать было нечего, приходилось ночевать или въ этой землянкѣ, или на открытомъ воздухѣ, и мы предпочли первое.

Трайко предложилъ намъ взамѣнъ ужина нѣсколько галетъ. Мы съ товарищемъ принялись было грызть галеты, но глотать ихъ было трудно, мы ихъ бросили и легли спать.

— А что, если какой нибудь башибузукъ или иной фанатикъ турокъ заберется ночью въ нашу землянку, спросилъ я товарища.

— „Живымъ его не впущу, ваше благородіе! я спать не буду," поспѣшилъ отвѣтить Трайко.

Ночь была очень холодна, и, не смотря на то, что мы были въ землянкѣ, морозный вѣтеръ такъ и пронизывалъ тѣло. Мы легли съ товарищемъ спиной къ спинѣ и вслѣдствіе сильной усталости и проведенныхъ безъ сна ночей, тотчасъ же заснули, но не надолго, холодъ не давалъ спать, морозило все тѣло, особенно ноги, и мы оба принуждены были нѣсколько разъ вставать ночью; что же касается Трайка, то онъ такъ и не сомкнулъ глазъ цѣлую ночь. Около полуночи, въ землянкѣ послышался сильный хрипъ; Трайко зажегъ свѣчу; турокъ съ разрѣзанной шеей испускалъ духъ, а другой продолжалъ стонать и призывать аллаха.

XV.

На позиціи у турокъ послѣ боя. — Юнкеръ А. И. Дуковъ и мѣшки турецкихъ денегъ. — Плѣненіе шипкинскаго турецкаго отряда. — Смотръ М. Д. Скобелева. — Опять генералъ Томеловскій. — Чиляевская батарея. — Смотръ В. К. Главнокомандующаго и приказъ его высочества по арміи. — Раненые въ с. Химитліяхъ. — Конвоированіе плѣнныхъ чрезъ Шипку въ Тырново. — Изъ Тырнова въ г. Елену. — Въ монастырѣ Св. Николая. — *Даскалъ* Никифоръ. — На позиціяхъ у г. Елены. — Походомъ въ г. Котелъ. — Пожаръ въ д. Ахметліяхъ. — д. Старая Рѣка. — Дѣло у с. Тичи.

29-ое декабря. Едва начинало разсвѣтать, когда мы проснулись; въ землянкѣ царила полная тишина — не было ни стоновъ, ни словъ. Вѣроятно раненые заснули, подумалъ я, но, какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль, Трайко докладывалъ, что „умерли, ваше благородіе, всѣ умерли ночью.“

Мы тотчасъ встали и отправились въ дружину. Трайко поспѣшилъ впередъ посмотрѣть лошадей, оставшихся на ночь при прочихъ дружинныхъ лошадяхъ; туда же пришелъ и я; моей лошади было дано достаточно сѣна, а передъ бѣлымъ конемъ лежало сѣна около 1—2 фунтовъ.

— Отчего же ты не дашь больше сѣна твоему *бѣлому?* спросилъ я.

— „Нѣту сѣна, ваше благородіе,“ недовольнымъ тономъ отвѣчалъ Трайко.

— Если нѣтъ, такъ возьми часть отъ моей лошади и дай *бѣлому*.

— „Довольно съ него и этого, больше онъ и не заслуживаетъ, да и работы ему никакой нѣтъ,“ сердито отвѣтилъ Трайко.

Бѣлый, очевидно, попалъ у Трайка въ немилость.

На бивуакѣ III-й дружины еще никого не было видно; ополченцы, оставшіеся было ночевать подъ открытымъ небомъ, ночью перебрались въ землянки, скрываясь отъ пронизительнаго вѣтра, а нѣкоторые скрылись на ночь въ сараяхъ, гдѣ стояли лошади, но когда совсѣмъ разсвѣло, вся дружина уже была въ сборѣ; не было только дружиннаго командира.

Въ землянкахъ, какъ я уже сказалъ, было переполнено, а стоять на дворѣ было холодно, поэтому я съ моимъ Трай-

Генералъ-лейтенантъ Өедоръ Өедоровичъ Радецкій,
командиръ 8-го корпуса на Шипкѣ.

Стр. 392—393.

комъ отправились, какъ и вчера, бродить по позиціи. Многіе раненые, послѣ вчерашняго боя, еще лежали на полѣ битвы, безъ всякой медицинской помощи; судьба не удовольствовалась послать этимъ несчастнымъ раны, но заставила ихъ еще и пролежать длинную холодную ночь подъ открытымъ небомъ. Здѣсь на позиціи раненые были преимущественно турки, а къ западу отъ батареи, которая была вчера взята V-й дружиной и стрѣлками, лежали раненые ополченцы и солдаты стрѣлковой бригады и 16-ой дивизіи.

Орудія еще стояли на своихъ мѣстахъ и при нихъ былъ караулъ отъ 16-ой дивизіи, въ составѣ нѣсколькихъ солдатъ, которые разложили костеръ и около него грѣлись; около костра были также и нѣсколько раненыхъ ополченцевъ и солдатъ, которыхъ караульные, за ночь, подобрали и принесли къ себѣ.

— „Измучились, ваше благородіе, носивши этихъ бѣдняковъ; они валялись на полѣ и кричали о помощи," заявили мнѣ караульные: „вотъ, слушайте, ваше благородіе, какъ и теперь раненые кричатъ."

И дѣйствительно къ западу отъ насъ слышались жалобные клики.

— „Я нѣсколько разъ посылалъ, ваше благородіе," докладывалъ мнѣ старшій по караулу: „сказать, чтобы прибрали раненыхъ, да кого же найдешь въ такое время."

Турецкія укрѣпленія отличались солидностью сооруженія и были многочисленны; передъ батареей, у лѣска, были построены ложементы для стрѣлковъ и резервовъ; у самой опушки этого лѣса имѣлись ложементы, въ которыхъ, какъ и въ батарейныхъ укрѣпленіяхъ, лежало много ящиковъ съ патронами и гранатами; за первой линіей, виднѣлись и другіе укрѣпленія. По всей позиціи имѣлись землянки; изъ нихъ солдатскія не отличались удобствами и хорошей постройкой, зато офицерскія землянки, особенно для высшихъ чиновъ, были обширны, удобны и даже комфортабельны.

Когда еще мы были на Шипкѣ и въ Зеленомъ Древѣ, много говорили о томъ, что турецкія войска на Шипкѣ и въ Шейновѣ находятся въ плохомъ состояніи, говорили, что туркамъ не хватаетъ пищи, фуража, одежды и даже патроновъ и снарядовъ, между тѣмъ какъ здѣсь, въ Шейновѣ, на каждомъ шагу, можно было встрѣтить склады съ разными про-

дуктами, какъ бѣлые галеты, сухари, рисъ, фасоль, изюмъ, масло и даже винныя ягоды и апельсины. Кромѣ того имѣлось и много медикаментовъ для раненыхъ и больныхъ; что же касается гранатъ и патроновъ, то таковыхъ было безчисленное множество. Нашлись также и большія суммы денегъ. Юнкеръ А. И. Дуковъ, болгаринъ изъ Македоніи, состоявшій при генералѣ М. Д. Скобелевѣ ординарцемъ и переводчикомъ, минуя около одной хорошо построенной и большой бараки, увидѣлъ черезъ открытыя двери много наполненныхъ чѣмъ то мѣшковъ; убѣдившись, что это деньги, онъ позвалъ одного солдата и поставилъ его при баракѣ на караулъ и затѣмъ доложилъ объ этомъ генералу Скобелеву.

У турокъ если была въ чемъ-либо нужда, то это въ обмундированіи; большая часть турецкихъ солдатъ были одѣты только въ однѣ мундирныя куртки, и то порванныя; ихъ обувь состояла изъ мелкихъ кожаныхъ лаптей или полуботинокъ, а головной уборъ былъ только фески, и лишь у нѣкоторыхъ были поверхъ фесокъ надѣты чалмы т. е. широкіе пояса, которыми обвиваютъ голову вокругъ фески.

Сегодня, 29-го декабря, новая радость, новое торжество! Турки на шипкинской позиціи взяты въ плѣнъ генераломъ Радецкимъ, о чемъ я узналъ, вернувшись въ дружину. Такимъ образомъ, послѣ арміи Османа-паши, въ жестокомъ бою, была побѣждена и шейново-шипкинская армія Веселя-паши; въ ней насчитывалось около 40,000 солдатъ, 70 орудій, четверо пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и 10 знаменъ. Вся эта армія и ея склады остались въ рукахъ побѣдителей.

Было получено приказаніе отъ штаба Ополченія приготовить дружины и отвести ихъ на опредѣленное мѣсто, гдѣ должна была быть отслужена панихида объ упокоеніи душъ воиновъ, павшихъ въ бояхъ за эти послѣдніе два дня. На одной полянѣ были собраны дружины и части 16-й дивизіи. Войска были построены батальонными колоннами, въ одну линію; дружины стояли на лѣвомъ флангѣ.

Въ 11 часовъ утра, генералъ М. Д. Скобелевъ, верхомъ на бѣлой лошади и въ сопровожденіи многочисленной свиты, показался со стороны лѣваго фланга; раздалась команда: „Смирно! Глаза на лѣво!"

Генералъ Скобелевъ, какъ стрѣла пролетѣлъ мимо фронта, здороваясь съ войсками: „Здорово молодцы!" Послѣ объѣзда

Смотръ войскамъ М. Д. Скобелева послѣ шейновскаго боя. Съ картины Верещагина.

фронта, полки и дружины построились въ карэ; затѣмъ были отслужены панихида и молебенъ.

Послѣ молебна, генералъ Скобелевъ благодарилъ войска; обращаясь къ ополченцамъ генералъ сказалъ:

— „Юнаки, спасибо вамъ за добрую службу и храбрость, оказанную вами во вчерашнемъ дѣлѣ! Вы дрались не хуже вашихъ товарищей по оружію, солдатъ руской арміи, которая существуетъ уже болѣе 200-тъ лѣтъ.

Благодаря солдатъ, генералъ между прочимъ сказалъ:

— „Спасибо братцы! Вы съ помощью болгарскихъ ополченцевъ, которые держали себя въ дѣлѣ примѣрно, взяли Шейновскій укрѣпленный лагерь и въ плѣнъ — его защитниковъ.“

Когда генералъ Скобелевъ окончилъ рѣчь, я, съ разрѣшенія дружиннаго командира, вышелъ передъ фронтомъ къ генералу и заявилъ претензію, по поводу взятаго у меня ружья генераломъ Томеловскимъ, на основаніи приказа.

На лицѣ М. Д. Скобелева появилось выраженіе гнѣва и негодованія.

— „Ступайте къ генералу,“ приказалъ мнѣ Скобелевъ: „и скажите ему, что я приказалъ вернуть вамъ ружье.

Я повернулся и занялъ свое мѣсто.

Послѣ роспуска войскъ, полковникъ Карповъ, командиръ 11 стрѣлковаго батальона, приблизился къ VI-й дружинѣ и поблагодарилъ офицеровъ и ополченцевъ въ слѣдующихъ словахъ:

— „Мы вамъ обязаны успѣхомъ на лѣвомъ флангѣ; два раза наши храбрые солдаты бросались на непріятельскую позицію, но и въ оба раза были отброшены съ большимъ урономъ; но VI-я дружина какъ разъ подоспѣла во время и турки были сломлены.“

Послѣ молебна, нѣкоторыя части скобелевскаго отряда, съ мѣста, направились къ г. Казанлыку, а дружины — на свои мѣста, гдѣ имъ варилась пища.

Я съ молебна прямо пошелъ къ генералу Томеловскому, который оказался въ должности коменданта Шейновскаго лагеря, а управленіе его находилось между Шипкой и Шейновымъ, гдѣ имѣлись весьма солидныя постройки.

— „Ваше превосходительство, сегодня, послѣ молебна, я заявилъ генералу Скобелеву претензію по поводу того, что

вы вчера приказали взять у меня ружье. Его превосходительство послалъ меня къ вашему превосходительству передать о его приказанiи возвратить мнѣ ружье."

— „Зачѣмъ вы, подпоручикъ, дѣлаете мнѣ непрiятности! Отчего вы не пришли прямо ко мнѣ и я бы вамъ отдалъ ружье," мягко возразилъ генералъ.

— „Я докладывалъ вашему превосходителству, что ружье я купилъ въ присутствiи дружиннаго командира и васъ просилъ оставить мнѣ ружье," отвѣтилъ я.

Генералъ, чувствуя себя не особенно ловко, кликнулъ казака и приказалъ ему принести мою *магазинку;* я откланялся и вернулся въ дружину.

Около 11 часовъ утра, когда мы, офицеры, приготовлялись обѣдать и для этого послали за кушаньемъ на *Александровскую кухню*, пришелъ ординарецъ командира дружины и передалъ приказанiе офицерамъ немедленно явиться къ нему.

— „Вѣроятно выступать въ походъ," подумали мы.

Оказалось, что маiоръ Чиляевъ насъ созвалъ, чтобы аттаковать батарею, состоявшую изъ всевозможныхъ закусокъ и бутылокъ съ разными водками и винами: въ довольно большой и теплой комнатѣ, на широкомъ мѣстнаго фасона деревянномъ диванѣ, застланномъ бѣлой скатертью, были уставлены всѣ эти закуски и мы дѣйствительно набросились на нихъ съ большой яростью. Но Чиляевъ насъ особенно и неожиданно удивилъ, угостивъ насъ хорошимъ супомъ съ пирожками и жаренымъ изъ курей и гусей и шашлыкомъ.

Съ 24 декября, мы сегодня, впервые, скинули шинели и съ того же времени не только не ѣли теплой пищи, но и вообще, можно сказать, голодали, утоляя аппетитъ сухарями, а жажду — снѣгомъ; но за то сегодня, такъ сказать, за всѣ дни сразу наѣлись.

Послѣ обѣда Чиляевъ мнѣ сообщилъ, что я прикомандированъ къ V-ой дружинѣ, гдѣ буду командовать ротой, такъ какъ въ этой дружинѣ почти не осталось офицеровъ послѣ Шейновскаго дѣла. Мнѣ было непрiятно разставаться съ дружиной, но, иначе было сдѣлать нельзя и я утѣшалъ себя мыслью, что я прикомандированъ временно; одновременно со мной были также командированы въ V-ю дружину офицеры отъ другихъ дружинъ: отъ I-й — поручикъ Римскiй-Корсаковъ, отъ IV-й — поручикъ Колесинскiй и отъ VI-й — поручикъ Сократовъ.

Сегодня же утромъ плѣнные турки были отправлены подъ конвоемъ ополченцевъ въ Химитлійскіе виноградники, между селами Шипкой и Химитліи.

Я явился къ командиру V-й дружины маіору Попову; одновременно со мной являлся и поручикъ Стояновъ, родомъ болгаринъ, служившій до времени выхода Ополченія изъ Зеленаго Древа въ Волынскомъ полку и все время пробывшій на Шипкѣ; во время шейновскаго боя, Стояновъ состоялъ при генералѣ Столѣтовѣ, а теперь, какъ и я, былъ назначенъ временно командовать ротой въ V-й дружинѣ.

Отъ Попова я отправился въ с. Химитліи повидать раненыхъ офицеровъ.

Въ это время Великій Князь Главнокомандующій дѣлалъ смотръ всѣмъ войскамъ, находившимся въ Шейновѣ, въ томъ числѣ и I-й, II-й, III-й и IV-й дружинамъ Болгарскаго Ополченія; при этомъ Его Императорское Высочество благодарилъ ополченцевъ за ихъ храбрость и самоотверженность, оказанныя въ битвахъ съ турками.*)

3-го января, когда дружины были по пути въ Тырново, конвоируя военноплѣнныхъ турокъ, Великимъ княземъ Главнокомандующимъ былъ отданъ приказъ по Дѣйствующей Арміи, слѣдующаго содержанія:

„Доблестныя войска повѣренной мнѣ арміи!

Великій и безпримѣрный подвигъ совершенъ вами. Едва прошелъ мѣсяцъ, со времени взятія Плевны со всей непріятельской арміей и вы, разбивъ непріятельскія полчища въ Софійской долинѣ, и завладѣвъ непріятельскимъ лагеремъ — Орханіе, этимъ гнѣздомъ на высотахъ Троянскаго Балкана, наконецъ, взявъ въ плѣнъ всю шипкинскую армію, вы нынѣ уже за Балканами!

Ни суровая зима, ни страшные морозы, ни бездорожье на Балканахъ, ни бури и вѣтры не остановили меня отдать вамъ приказъ перейти высоты. Я твердо вѣрилъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, когда онъ знаетъ, что на то воля Царя и приказъ его начальства.

---

*) Въ № 2 газеты „Голосъ“ 1878 год. была напечатана телеграмма Его Имп. Высоч. Великаго Князя Главнокомандующаго, въ которой, между прочимъ, было сказано: „два орудія были взяты болгарскими дружинами, которыя дрались блистательно.“

И вы пошли: одни взбирались по скаламъ, утопая въ снѣгу, замерзая, падали на острые камни, и безъ хлѣба и огня все шли впередъ, тащили на своихъ спинахъ орудія, и въ концѣ концевъ разбили врага и взяли его въ плѣнъ. Тамъ, гдѣ привычные жители горъ не могли проходить, прошли русскіе полки, орудія и водружены русскія знамена! Другіе — почти засыпанные снѣгомъ, обороняясь отъ врага, стремившагося порвать нашу линію и воспрепятствовать нашему движенію, переходили сами въ молодецкое наступленіе и удержали врага подать помощь своимъ! Третіи — по поясъ въ ледяной водѣ боролись съ бурнымъ Дунаемъ, охраняя переправу!

Всѣ вы исполнили свой долгъ хорошо, честно и безропотно! Весь міръ удивляется вамъ, а въ матушкѣ Россіи уже бьютъ въ колокола и народъ въ Божіихъ храмахъ молится о вашемъ здравіи и о вашей славѣ.

Отъ меня, герои, за всю вашу безпримѣрную службу, лишенія и терпѣніе, за ваше мужество и храбрость, примите мое задушевное *спасибо!*

Не нахожу словъ поблагодарить и васъ начальники — генералы и офицеры! Вы всѣ дѣлили лишенія и труды вмѣстѣ съ простыми рядовыми и служили имъ личнымъ примѣромъ въ исполненіи своего долга.

Сердечное *спасибо* тебѣ покорный, неустрашимый, вѣчно добрый и беззавѣтно храбрый русскій воинъ! Съ тобой для меня нѣтъ преградъ и нѣтъ ничего невозможнаго!

Еще немного усилій и нѣтъ сомнѣнія, мы славно окончимъ возложенное на насъ великое дѣло во славу Царя и нашей матери Россіи!“

Село Химитліи отстоитъ, отъ Шейнова въ 5—6, а отъ Шипки въ 6—7 верстахъ; село это, какъ и другія селенія розовой долины, утопало въ фруктовыхъ садахъ, среди виноградныхъ и розовыхъ плантацій съ сѣверной стороны, на предгорьяхъ Балканъ и среди плодородныхъ полей и пастбищъ — съ южной. Населеніе деревни турецкое и богатое, что было видно по прекраснымъ домамъ и широкимъ дворамъ, переполненнымъ, не смотря на близость многочисленной арміи, всякимъ добромъ: въ домахъ въ изобиліи находились такіе продукты какъ варенье, медъ, компоты, орѣхи и т. п., въ дворахъ — нетронутые стоги сѣна и саломы и стаи домашней птицы и

домашній скотъ, въ амбарахъ имѣлись запасы хлѣба. Жители оставили деревню, когда еще наши войска появились надъ деревней, при переходѣ Балканъ.

Раненые офицеры и нижніе чины были размѣщены по домамъ; я побывалъ у всѣхъ офицеровъ дружины и затѣмъ обошелъ и турецкихъ раненыхъ; послѣдніе помѣщались отдѣльно.

Между офицерами V-й дружины былъ тяжелѣе другихъ раненъ шт.-кап. Рогозинскій: у него было раздроблено одно колѣно; по заявленію докторовъ, рана угрожала его жизни, вслѣдствіе большой потери крови, и дѣйствительно, въ 4 часа послѣ обѣда Рогозинскій умеръ.

Прочіе раненые офицеры были бодры и охотно разсказывали о своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ кровавомъ бою. Турецкіе раненые офицеры, наоборотъ, лежали или сидѣли, понуривъ головы, молчали и даже на вопросы не охотно отвѣчали, особенно тѣмъ, которые носили ненавистную имъ ополченскую шапку — *„ешиль калпакъ,“* и которыхъ они обзывали *„комиты.“*

Обошелъ я и раненыхъ ополченцевъ: они, какъ и офицеры лежали около топившихся каминовъ; по ихъ блѣднымъ лицамъ было видно, что они испытывали сильныя боли, но были въ возбужденномъ состояніи и веселы; они, какъ и офицеры, въ сотый разъ пересказывали о разныхъ случаяхъ и эпизодахъ изъ бывшихъ сраженій, были очень довольны, что имъ, наконецъ, удалось наказать враговъ Болгаріи, выражали сожалѣніе, что имъ не придется принять участія въ окончательномъ уничтоженіи турецкой арміи и взятіи Царьграда.

Одинъ изъ ополченцевъ VI-й дружины разсказывалъ съ какимъ нетерпѣніемъ и досадой онъ и его товарищи ждали, когда ихъ поведутъ въ аттаку, видя какъ турки на лѣвомъ флангѣ два раза отбросили нашихъ, какъ, наконецъ, ихъ ротный командиръ капитанъ Якобсонъ повелъ ихъ впередъ, но и тутъ же былъ раненъ въ голову и какъ онъ же, съ облитымъ кровью лицомъ, все-таки остался при своей ротѣ и бѣгомъ повелъ ее впередъ на укрѣпленіе.

— „Вся дружина вмѣстѣ съ солдатами 16-й дивизіи, какъ одинъ бросились на турецкія укрѣпленія,“ разсказывалъ другой раненый ополченецъ: „турки насъ встрѣтили залпами въ упоръ,

а потомъ штыками; мы имъ кричимъ: *теслимъ, теслимъ*, а они, собаки, кричатъ свое: *урунусъ гяуръ-комитларъ.**)

— „Проклятые турки!“ отозвался еще одинъ раненый ополченецъ: „видятъ, что окружены и что ихъ бьютъ какъ собакъ, а все-таки лѣзутъ прямо на штыкъ!“

— „Дерутся канальи молодцами, молодцами и умираютъ за *„девлета и падишаха,“***) говорили другіе ополченцы.

Разсказывали раненые, при этомъ, и о подвигахъ отдѣльныхъ лицъ изъ среды своихъ товарищей.

Въ другихъ домахъ были размѣщены ополченцы V-й дружины; они еще съ большимъ увлеченіемъ разсказывали о вчерашнемъ боѣ; всѣ ихъ разсказы сводились къ тому, какъ ополченцы неудержимо шли впередъ, какъ турки встрѣчали залпами нашу цѣпь, и какъ они бросились на укрѣпленія уже безъ своихъ ротныхъ командировъ, которые пали прежде, чѣмъ подойти къ турецкимъ укрѣпленіямъ.

— „При турецкихъ орудіяхъ,“ разсказывалъ одинъ: „тутъ то и начался настоящій бой; только и слышно было: *„Бей ребята! Коли ребята! Пришло и наше время отомстить!“* да лязгъ штыковъ и стоны раненыхъ и умирающихъ.“

На возвратномъ пути изъ с. Химитлій я встрѣтился съ поручикомъ Бейнеромъ, возвращавшимся изъ Габрова.

— „Кого я вижу?“ крикнулъ онъ, увидавъ меня: „Вы живы и здоровы! А мы получили извѣстіе, что васъ убили и вашъ братъ отслужилъ даже панихиду.“

Очевидно было, что фамилію убитаго унтеръ-офицера Киссу, приняли за мою.

Прошелъ слухъ, будто, Ополченіе будетъ назначено конвоировать плѣнныхъ турокъ въ Тырново.

— „Вотъ такъ штука будетъ,“ говорили офицеры: „если этотъ слухъ оправдается; для Ополченія это будетъ означать конецъ войнѣ.“

Ополченцы же просто возненавидѣли плѣнныхъ, за то, что ради нихъ придется покинуть театръ войны и не участвовать въ окончательномъ уничтоженіи турецкой арміи; но всѣ пока утѣшались надеждой, что можетъ быть слухъ этотъ не оправдается.

---

*) Бейте невѣрныхъ повстанцевъ.

**) За отечество и султана.

Погода продолжала стоять холодная; вся долина была покрыта тонкимъ слоемъ льда, и потому ходить было очень трудно, кромѣ того повсюду были снѣжныя заносы. Говорили, что дорога отъ позиціи Св. Николая до с. Шипки стала просто непроходимой, благодаря толстому слою льда, покрывавшему землю, а между тѣмъ по этой дорогѣ должны были спускаться въ долину не только солдаты, но артиллерія и всѣ войсковые обозы; вслѣдствіе этого, сегодня были отправлены нѣсколько ротъ Ополченія разбивать по этой дорогѣ ледъ. Когда 4-я рота III-й дружины уходила на работы, лошадь командира этой роты поручика Даніилова поскользнулась и упала вмѣстѣ съ сѣдокомъ и онъ сломалъ себѣ два пальца лѣвой руки.

Ходившій слухъ о томъ, что Ополченіе будетъ конвоировать плѣнныхъ оказался вѣрнымъ и это произвело на ополченцевъ очень скверное впечатлѣніе.

— „Мы поступили въ Ополченіе драться съ турками, а не конвоировать плѣнныхъ,“ говорили ополченцы: „намъ теперь только и остается, что разойтись.“

Не меньше злились и офицеры; они теперь были восхищены храбростью и неустрашимостью ополченцевъ, видѣли, что послѣдніе не уступаютъ своимъ боевымъ товарищамъ, русскимъ, и потому просто жаждали схватиться еще хоть разъ съ врагами.

— „Трудно понять какія такія соображенія заставляютъ посылать Ополченіе конвоироватъ плѣнныхъ?!“ говорили офицеры: „начальство во всякомъ случаѣ дѣлаетъ капитальную ошибку — это выходитъ, что волкамъ дать беречь овечье стадо.“

На самомъ дѣлѣ, хотя ополченцы и были до нѣкоторой степени удовлетворены одержанными нами побѣдами надъ турками, но все же лучше было бы не назначать ихъ конвоировать туркамъ, такъ какъ впечатлѣнія отъ турецкихъ звѣрствъ надъ несчастными забалканскими болгарами не могли столь скоро забыться; ничего невѣроятнаго не было бы, если бы во время конвоированія, ополченцы отомстили инымъ кровопійцамъ, опустошившимъ прекрасную южную Болгарію и перерѣзавшимъ тамъ столько народа.

2-го января (1878 г.), была отправлена изъ Шейнова въ Тырново первая партія плѣнныхъ, подъ конвоемъ II-й, III-й, IV-й

и X-й дружинъ, а 3-го января — вторая партія, подъ конвоемъ I-й, V-й, VI-й и IX-й дружинъ; такъ, и V-й дружинѣ пришлось оставить шейновскій лагерь, гдѣ она положила столько жертвъ за свободу Болгаріи.

Едва вышли изъ лагеря, какъ ряды въ ротахъ спутались: по скользкому пути, покрытому тонкимъ слоемъ льда было итти очень трудно, а отъ стужи едва можно было держать въ рукахъ ружья; морозъ былъ столь сильный, что на бородахъ и усахъ повисли ледяныя сосульки, а рѣсницы покрылись инеемъ.

Въ 10 часовъ утра, наша V-я дружина прибыла въ с. Шипку, или лучше сказать — на мѣсто, гдѣ стояло еще недавно прекрасное, богатое селеніе, тонувшее въ розовыхъ и фруктовыхъ садахъ и въ виноградникахъ; въ немъ турки не оставили камня на камнѣ и теперь въ селѣ торчали лишь почернѣвшія отъ дыма голыя стѣны сожженной церкви, напоминавшія о красивомъ селеніи, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, разстилавшемся у подножія Балканъ, жители, котораго были полны весельемъ и радостью, что имъ пришлось дожить до освобожденія ихъ отъ турецкаго рабства.

— „Бѣдняки! гдѣ скитаются теперь они, безпріютные и безпомощные?“ спрашивали другъ друга ополченцы: „а сколько ихъ лежатъ въ холодной землѣ — жертвъ холода и голода!?“

Смотря на развалины селенія и видя то тамъ, то сямъ валявшіяся человѣческія кости, цѣлая буря злобы и ненависти закипала въ груди!

А каково ли было въ Новой и Старой Загорѣ, въ Гюнелійской махлѣ и другихъ мѣстахъ?!

Нѣтъ, не слѣдовало назначать ополченцевъ конвоировать турокъ! . . .

Мы начали подыматься къ верху перевала, по извилистой дорогѣ, покрытой толстымъ слоемъ льда; хотя ледъ и былъ разбитъ, вывернутъ или насѣченъ два, три дня тому назадъ, но идти по немъ все же было очень трудно; почти на каждомъ шагу лошади и люди падали и скатывались внизъ; на сильномъ морозѣ мы всѣ были въ поту.

По дорогѣ, у камня, я увидалъ какую-то лежавшую человѣческую фигуру — это была женщина.

— Чего лежишь? вставай и иди, а то замерзнешь, обратился я къ ней.

— „Качъ, савушъ, гяуръ!“ *) обругалась по турецки женщина и обсыпала меня цѣлымъ роемъ проклятій.

Вѣроятно, это была мать какого-нибудь солдата, пришедшая повидать сына. Я вновь предложилъ ей встать и, думая, что она не можетъ, хотѣлъ ей помочь.

— „Убирайся съ глазъ долой, гяуръ! не хочу твоей помощи, аллахъ и безъ тебя мнѣ поможетъ!“ кричала женщина.

— „Ишь ты, гордячка,“ отозвался одинъ ополченецъ: „ее отъ смерти хотятъ избавить, а она проклинаетъ! Песъ, такъ псомъ и останется!“ заключилъ онъ.

Не прошли и двухсотъ шаговъ дальше, какъ та же сцена: у самой дороги лежали трое турокъ; двое изъ нихъ уже заснули предсмертнымъ сномъ, а третій, на призывъ встать и идти, отвѣтилъ, что не можетъ, такъ какъ у него замерзли ноги; немного поднявшись выше отъ этихъ турокъ, валялись еще на дорогѣ нѣсколько труповъ.

Съ большимъ трудомъ мы взобрались на первую гору, расположенную ниже *Попова* горы; отсюда дорога стала лучше; въ лѣво отъ шоссе, по склону дола, торчали довольно солидно построенныя, но теперь какъ бы осиротѣлыя землянки; вѣроятно онѣ служили для помѣщенія ближайшихъ резервовъ, служившихъ въ помощь для Шипки, а, можетъ быть, въ случаѣ нужды, и для Шейнова.

Отъ *Попова* горы начались турецкія укрѣпленія. Все пространство отсюда къ верху было изрыто и по всюду виднѣлись, грозно выступая надъ поверхностью, крѣпко построенные редуты, люнеты и блиндированные ложементы. До мѣста, гдѣ дорога переходитъ съ западнаго на восточный склонъ высоты, ничего не встрѣтилось, что свидѣтельствовало бы о горячей схваткѣ на шипкинскихъ позиціяхъ одновременно съ шейновскимъ боемъ; но, въ право отъ предгорій вершины Св. Николая, передъ глазами открылась ужасная сердцераздирательная картина: здѣсь, съ обѣихъ сторонъ дороги, были навалены, какъ дрова, трупы солдатъ, преимущественно 14-й дивизіи, павшихъ въ бою 27-го и 28-го декабря.

*) Ступай, убирайся невѣрный.

Говорили, что когда генералъ Радецкій получилъ отъ лѣвой колонны отряда кн. Святополкъ-Мирскаго неблагопріятныя извѣстія, онъ предпринялъ 28-го декабря нѣсколько отчаянныхъ аттакъ на непріятельскія укрѣпленія, но былъ отброшенъ съ большимъ урономъ. Жертвы этихъ-то аттакъ были эти трупы, сваленные, какъ бревна, у дороги.

Надо было удивляться тому, какъ не позаботились начальствующія лица о погребеніи этихъ павшихъ за Царя, Вѣру и Отечество воиновъ и оставили ихъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и голоднымъ псамъ.

Видъ этихъ труповъ производилъ, какъ замѣтилъ я и выше, тяжелое впечатлѣніе на оставшихся въ живыхъ солдатъ. Около этихъ кучъ труповъ нашихъ воиновъ, валялись и трупы, облитые еще свѣжей кровью, солдатъ турецкихъ.

Подошли къ турецкой „казармѣ", на сѣдловину; здѣсь была мертвая тишина; утоптанный снѣгъ, черныя, еще свѣжія могилы, сзади *стальной* батареи, въ которыхъ лежали, далеко отъ своей родины и близкихъ павшіе въ битвахъ воины, свидѣтельствовали, что здѣсь, въ разбросанныхъ повсюду холодныхъ землянкахъ, еще недавно жили тысячи борцовъ за освобожденіе Болгаріи!

Мы остановились отдохнуть; но гдѣ ужъ тутъ было на такомъ морозѣ и въ такомъ мѣстѣ отдыхать? Всѣ только и думали, какъ бы скорѣй попасть въ Габрово и расположиться на ночлегъ въ теплыхъ квартирахъ.

Въ Габрово прибыли еще до сумерокъ; многіе жители города вышли встрѣтить побѣдоносное Ополченіе, вступавшее въ городъ съ военными трофеями — плѣнными турками. Габровчане, какъ и весь болгарскій народъ, торжествовали по случаю взятія Шипки и плѣненія турецкой арміи; въ городѣ было большое движеніе; многіе изъ бѣглецовъ, проживавшихъ въ окрестныхъ селахъ, прибыли въ городъ и готовились отправляться далѣе, въ свои родные углы.

Я остановился на квартирѣ, которую занималъ мой братъ; онъ, узнавъ ранѣе, что я цѣлъ и невредимъ и вскорѣ прибуду въ Габрово, вышелъ меня встрѣтить далеко за городъ.

Съ 30-го декабря я чувствовалъ себя не особенно хорошо: вѣроятно, пятидневная голодовка, во время перехода Балканъ, и затѣмъ сразу послѣдовавшій переходъ къ обильной пищѣ послужили причиной появленію сильныхъ болей въ же-

лудкѣ, которыя меня разстраивали и заставляли не мало страдать; а къ нимъ еще прибавились и ревматическія боли во всей лѣвой сторонѣ тѣла; поэтому, я такъ и не выходилъ изъ квартиры, пока былъ въ Габровѣ, и берегся тѣмъ болѣе, что предстоялъ еще переходъ до Тырнова.

Турки были размѣщены по постоялымъ дворамъ и квартирамъ и, еще съ вечера, имъ были выданы порціонныя деньги на покупку пищи.

4-го января, вечеромъ, я получилъ разрѣшеніе отъ дружиннаго командира, выѣхать рано утромъ, на слѣдующій день, въ Тырново, а оттуда въ г. Елену, куда должна была прямо идти и V-я дружина, не останавливаясь въ Тырновѣ.

5-го января, я съ братомъ и нераздѣльнымъ со мною Трайкомъ отправились въ Тырново. По дорогѣ встрѣтили множество бѣглецовъ изъ южной Болгаріи, которые, не смотря на глубокій снѣгъ и сильную стужу, спѣшили къ своимъ домашнимъ очагамъ. Настрадались они довольно по чужимъ мѣстамъ, но что же ожидало ихъ и дома? Тамъ все было разорено, сожжено и ограблено.

Кой-гдѣ, по дорогѣ, валялись трупы плѣнныхъ турокъ, большей частью проколотыхъ штыками....

Въ Дреновѣ мы остановились отдохнуть и пообѣдать; затѣмъ въ Тырново прибыли уже въ сумеркахъ.

Теперь здѣсь не было столь большого движенія и не было такого множества народа, какъ во время шипкинской обороны; войскъ было очень мало и то только тѣ, которыя были предназначены конвоироватъ турецкихъ плѣнныхъ; не было много теперь и *носителей кокардъ и ногаекъ* — господъ служащихъ въ *„Товариществѣ Когана, Горвица, Грегера“*; остались лишь нѣкоторые изъ нихъ, чтобы раздѣлаться съ имѣвшимися здѣсь громадными количествами запасовъ фуража, большая же часть этихъ *интендантскихъ крысъ* сновала теперь по оголеннымъ деревнямъ и селамъ южной Болгаріи, вѣроятно, подбирая уцѣлѣвшіе отъ турокъ остатки фуража и провіанта.

Во все время обороны шипкинскихъ позицій и осады Плевны и Рущука, Тырново было центромъ движенія — стратегическимъ пунктомъ; поэтому всякая, хотя бы и незначительная неудача болезненно тяжело отражалась на тырновчанахъ, которые всѣ такія неудачи переживали со страхомъ какъ

за свою, такъ и за участь арміи и отечества; но за то и торжество ихъ теперь было велико.

Гостинница, въ которой мы остановились, была почти пустая. Отдохнувъ немного съ дороги, мы съ братомъ пошли повидаться съ семействомъ старушки Х. Пеневой; она и ея домашніе высказывали мнѣ свою радость, что я остался цѣлъ и невредимъ, такъ какъ и они тоже слышали о томъ, что, будто, я былъ убитъ подъ Шейновымъ.

Старушка Пенева сочла себя обиженной, что я не остановился у нихъ:

— „Стыдно, имѣя знакомый домъ, останавливаться въ гостинницѣ,“ говорила она.

Не обращая вниманія на мои оправданія и возраженія, она вышла приказать слугѣ тотчасъ же перенести мои вещи и перевести къ нимъ лошадь. Пришлось покориться требованію гостепріимной хозяйки.

6-го января, я ходилъ совѣтоваться къ доктору, который предписалъ мнѣ какую-то микстуру и растиранія, а черезъ день, *8-го числа,* я, распростившись съ моими братомъ и дядей и гостипріимными хозяевами, долженъ былъ уже выѣхать въ г. Елену.

Почти на половинѣ дороги изъ Тырнова въ Елену, стоитъ монастырь во имя св. Николая; онъ расположенъ, ѣдучи изъ Тырнова, вправо отъ шоссе и въ весьма живописной мѣстности. V-я дружина, прибывшая въ монастырь часомъ ранѣе меня, уже готовилась къ выступленію. Нѣкоторые офицеры, впрочемъ, еще были въ комнатѣ о. игумена, гдѣ послѣ закуски, допивали свои стаканы.

Комната игумена, куда я вошелъ, не отличалась особенной чистотой и имѣла весьма бѣдную обстановку; о. игуменъ зато былъ очень гостепріимный и разговорчивый человѣкъ: онъ угощалъ офицеровъ чѣмъ Богъ послалъ, но и добрымъ старымъ виномъ; въ разговорѣ, о. игуменъ жаловался на „*чиновниковъ,*“ какъ онъ называлъ разъѣзжавшихъ съ кокардами, ногайками и казаками служащихъ „*Товарищества Когана и К°,*“ что отъ ихъ наѣздовъ въ монастырѣ ничего не осталось, ни курей, ни гусей, ни овецъ; даже крупный скотъ, солому и запасы зерна и тѣ взяты.

— „Но Богъ милостивъ,“ говорилъ о. игуменъ: „и не оставитъ монастырь своей заботой. Благодаримъ Бога, что мо-

настырь уцѣлѣлъ, а немного оставалось, чтобы ему погибнуть; если бы турки не остановили своего наступленія, 22-го ноября, и пришли бы въ монастырь, то, конечно, отъ него не осталось бы и камня на камнѣ. Да благословитъ Всевышній десницу Царя Александра, обнажившую мечъ за освобожденіе нашего народа отъ рабства и да даруетъ Ему здравіе и долгоденствіе!"

Словоохотливый о. игуменъ еще бесѣдовалъ бы съ нами, если бы мы не торопились уходить.

За монастыремъ, тотчасъ же, начинался спускъ въ тѣснины, окаймлявшія р. Дренскую; проходя по этому спуску, дружина миновала роскошный лѣсъ, покрывавшій одну изъ возвышенностей; спустившись внизъ, мы пошли сначала по лѣвому берегу этой буйной рѣки, а послѣ, пройдя черезъ большой мостъ — по правому берегу и затѣмъ начали подниматься по горной дорогѣ, извивавшейся по склонамъ высотъ и которая въ иныхъ мѣстахъ, казалось, какъ бы повисала надъ берегомъ рѣки; дорога была узкая и каменистая, а подъемъ очень крутой и потому было очень трудно идти.

Въ этихъ мѣстахъ пути, дружина нагнала полевую батарею, отправлявшуюся тоже въ г. Елену; эта батарея еще болѣе затруднила движеніе дружины, такъ какъ ополченцамъ, въ узкихъ мѣстахъ дороги, приходилось по одному, а самое большое по̀-двое, обходить орудія по самому краю обрыва. Артиллерійскія лошади были до того уставши, что едва тащили 4-хъ фунтовыя орудія и въ очень крутыхъ мѣстахъ, приходилось припрягать по двѣ и по четыре лишнихъ лошади, чтобы вывезти орудіе.

Выйдя изъ тѣснинъ р. Дренской, дружина спустилась въ живописную долину, по которой были разбросаны нѣсколько богатыхъ и красивыхъ селеній, изъ которыхъ нѣкоторыя очень пострадали отъ нашествія турокъ 22-го ноября.

Оглянувшись назадъ, на высоты, которыя мы прошли, мнѣ вспомнилось объ этомъ турецкомъ нашествіи на г. Елену и я, какъ бы наново пережилъ въ памяти, старо-загорскую битву со всѣми ея ужасами; мнѣ живо представилось бѣгство обезумѣвшаго отъ страха населенія, отступленіе ополченцевъ, кавалеріи и артиллеріи, пискъ дѣтей и плачъ матерей, бросавшихъ на произволъ судьбы младенцевъ, оставляя ихъ на дорогѣ. Къ нашему счастью турки, какъ въ Старой-Загорѣ, такъ и здѣсь, не воспользовались своими побѣдами; правда

подъ Старой Загорой, Сулейманъ-паша зналъ, что въ 3—4 верстахъ отъ его праваго фланга, стоялъ отрядъ генерала Гурко и потому онъ не только пріостановилъ преслѣдваніе разбитыхъ ополченцевъ, но и самъ ушелъ съ своей арміей въ Кара-Бунаръ; но что остановило его здѣсь, подъ Еленой? Между тѣмъ какой бы онъ ужасъ навелъ и какую бы тревогу возбудилъ, если бы продолжилъ наступленіе къ Тырнову?

Въ д. Яковцахъ дружина остановилась на отдыхъ. На бивуакѣ, около корчмы, вскорѣ собрались множество поселянъ, женщинъ и дѣтей поглядѣть на *„болгарское войско."*

Въ Елену дружина прибыла уже вечеромъ и, у входа въ городъ, была встрѣчена высланными ранѣе квартиръерами. Дружина размѣстилась въ нѣсколькихъ домахъ, изъ коихъ нѣкоторые были порядкомъ таки разорены турками: окна и двери сняты, лѣстницы сняты и поломаны, вѣроятно, на дрова.

Офицерамъ было отведено помѣщеніе въ домѣ *даскала**) Никифора, сынъ котораго, Никифоровъ, былъ моимъ старымъ товарищемъ по совмѣстному ученію еще въ пансіонѣ въ г. Николаевѣ, теперь же, состоялъ поручикомъ артиллеріи. Домъ учителя, къ удивленію, остался цѣлымъ и не поврежденнымъ, но имущества учителя, какъ и вообще всѣхъ жителей города, были разграблены турками. Гостепріимный хозяинъ насъ встрѣтилъ очень радушно и хорошо угостилъ.

Хозяинъ намъ разсказывалъ, что ходятъ упорные слухи, будто множество черкесовъ и башибузуковъ готовятся напасть на городъ и что слухъ этотъ подтверждается появленіемъ башибузуковъ въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ городу болгарскихъ деревняхъ, гдѣ эти варвары перебили много жителей, а прочіе спаслись бѣгствомъ, при чемъ все свое имущество оставили на произволъ судьбы; было, словомъ, нѣчто похожее на положеніе въ Старой-Загорѣ, передъ битвой 19-го іюля.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ, прибывшія сюда раньше насъ дружины, на слѣдующій день утромъ приготовля-

*) Греческимъ словомъ *даскалъ* болгаре, въ подневольное время, называли своихъ учителей, благодаря сильному вліянію на болгарскія школы греческой патріаршей (Вселенской) церкви, каковое господствовало до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка въ болгарскихъ земляхъ; борьба съ таковымъ вліяніемъ грековъ окончилась, при помощи Россіи, какъ извѣстно, побѣдой болгаръ — выдѣленіемъ болгарской церкви въ особый экзархатъ. Прим. Перев.

лись выступить на марянскую позицію, которую наши войска занимали до 22-го ноября, о чемъ намъ сообщили офицеры этихъ дружинъ.

Утромъ, *9-го января*, я вышелъ изъ квартиры посмотрѣть городъ.

Елена представляла печальную картину, была почти полуразрушена. Оставляя городъ, турки захватили съ собой все, что могли, а чего не могли, какъ напримѣръ, хлѣбные магазины, то подожгли; многіе дома были почти разрушены и ихъ хозяева ютились между голыми стѣнами; но все же жители г. Елены были счастливѣе своихъ по крови и страданіямъ братьевъ, бѣглецовъ изъ южной Болгаріи.

II-я, III-я и VI-я дружины, еще на разсвѣтѣ, вышли на Марянскую позицію, а V-я — осталась въ городѣ.

Сегодня, услыхали новость, что начальникомъ Ополченія назначенъ или будетъ назначенъ, вмѣсто Столѣтова, генералъ-маіоръ Давыдовъ, бывшій командиръ 54-го п. Минскаго полка, въ которомъ, во время командованія Давыдова, я служилъ.

Генералъ Давыдовъ былъ, какъ говорится, настоящій служака, начальникъ, преданый своему дѣлу, ради котораго онъ не жалѣлъ ни труда ни энергіи, былъ человѣкъ добродушный и справедливый, — качества, благодаря которымъ, онъ пользовался любовью и уваженіемъ со стороны своихъ подчиненныхъ.

Я лично не особенно сочувствовалъ генералу Столѣтову и всегда бы предпочелъ ему такого начальника какъ Давыдовъ, но, въ данномъ случаѣ, я сожалѣлъ объ его уходѣ. Генералъ Столѣтовъ организовалъ Болгарское Ополченіе, онъ же водилъ его и на битвы, въ которыхъ воспитанники Столѣтова отличились своей храбростью, рѣшительностью и самотверженостью, слѣдовательно его и должно бы было оставить и докончить начатое имъ дѣло.

Погода стояла холодная и пасмурная. Въ моей квартирѣ было хорошо и тепло, но на душѣ было както тяжело, а кромѣ того усилились и ревматическія боли, которыя крѣпко меня безпокоили; большую часть времени я проводилъ дома, въ обществѣ *даскала* Никифора; онъ оказался человѣкомъ съ богатымъ запасомъ ума и морали и хорошимъ собесѣдникомъ; многое разсказывалъ онъ мнѣ изъ темной для каждаго болгарина эпохи минувшаго прошлаго; разсказывалъ также и

о турецкомъ нашествіи на г. Елену и о бездѣйствіи начальствовавшихъ лицъ въ русскомъ отрядѣ; о послѣднемъ я слышалъ еще въ Габровѣ и Тырновѣ, но, въ данномъ случаѣ, было интересно слышать разсказы отъ очевидца этихъ печальныхъ событій.

11-го января, V-я дружина перешла на горно-марянскую позицію, отстоявшую отъ города въ 7—8 верстахъ, и расположенную впереди д. Горнаго Маряна, откуда эта позиція простиралась къ сѣверо-западу до д. Дольнаго Маряна, а къ юго-востоку, шла по рѣчкѣ Марянской. Дружина размѣстилась въ полуразрушенныхъ землянкахъ, въ которыхъ жили ранѣе наши солдаты; въ такихъ же землянкахъ размѣстились и прочія дружины. На этой позиціи мы зажили жизнею, полной уже извѣстными прелестями зелено-древской стоянки.

Наша марянская позиція во многихъ отношеніяхъ уступала турецкой: мѣстность нашей позиціи была пересѣчена отдѣльными возвышенностями и лощинами, а турецкая позиція командовала нашей по всей линіи; затѣмъ, наша позиція была очень слабо укрѣплена, пользовалась небольшой площадью обстрѣла и была очень удобна для обхода съ юго-восточной стороны.

Деревня Горный Марянъ была совершенно уничтожена турками; жители разбѣжались, и лишь теперь, когда дружины заняли позицію, часть ихъ возвратилась въ деревню.

12-го января, я и подпоручикъ Стояновъ обошли всю позицію и затѣмъ, верхомъ, отправились въ с. Беброво, въ 4—5 верстахъ отъ д. Дольнаго Маряна; мы хотѣли повидать это село, потому что оттуда родомъ былъ нашъ товарищъ докторъ Мирковъ.

— „Я вамъ совѣтую,“ говорилъ учитель Никифоровъ офицерамъ, когда они 9-го числа собирались осмотрѣть окрестность города: „совѣтую не заходить очень далеко отъ города и быть на сторожѣ, потому что наши турки-тузлучане*) народъ скверный, они и до войны еще, да и теперь, дѣлали и дѣлаютъ намъ всякія пакости.“

Эти слова учителя Никифорова мнѣ вспомнились, когда мы отправились съ Стоянымъ въ Беброво.

*) Турки, населяющіе мѣстность въ Болгаріи, называемую Тузлукъ. Прим. Пер.

Кругомъ, по дорогѣ, царила полная тишина; нигдѣ не было видно живой души, но зато мы увидали мертвое тѣло; подходя къ селу, мы замѣтили впереди себя, на дорогѣ, человѣческую фигуру — это былъ облитый кровью трупъ женщины 35—40 лѣтъ.

— „Вѣроятно это дѣло башибузуковъ,“ сказалъ Стояновъ.

— „Не лучше ли вернуться,“ переспросилъ я Стоянова: „еще наткнемся, пожалуй, на какого-нибудь башибузука.“

Мы взглянули другъ на друга. Какое-то внутреннее чувство изобличило меня въ нерѣшительности, я стегнулъ лошадь и мы продолжили путь въ Беброво, не заслуживавшее, впрочемъ, такого съ нашей стороны риска.

Село это не представляло по своему наружному виду ничего интереснаго: его постигла та же участь, что и с. Шипку; здѣсь также въ центрѣ села только торчали почернѣвшія отъ дыма стѣны, все же остальное было сожжено, а такія картины, въ здѣшнихъ мѣстахъ, приходилось намъ видѣть на каждомъ шагу, такъ какъ большая часть болгарскихъ селъ была сожжена.

Для препровожденія времени на марянской позиціи, какъ и въ Зеленомъ Древѣ, мы тоже собирались вмѣстѣ побесѣдовать, вспоминая истекшее время, полное тревогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и — торжества; каждый изъ насъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и случаяхъ изъ боевой жизни; давались разные отзывы и сообщались критическіе взгляды по поводу происшедшихъ уже дѣлъ и событій, говорили и объ ополченцахъ.

Одинъ изъ офицеровъ, имени котораго я не хочу назвать, както высказалъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ боевыхъ качествахъ, въ храбрости и рѣшительности ополченцевъ, въ чемъ, къ тому же, и лично нѣсколько разъ убѣждался, какъ равно, онъ не видалъ и не слыхалъ о такомъ презрѣніи къ смерти и такомъ самоотверженіи, какія проявляли ополченцы, но, по его мнѣнію, ополченцевъ не толкала къ этимъ подвигамъ какая-либо возвышенная идея, какъ освобожденіе Болгаріи, а просто жажда къ наживѣ; „впрочемъ,“ говорилъ этотъ офицеръ: „можетъ быть я ошибаюсь, но эта мысль мнѣ приходитъ въ голову потому, что ополченцы въ бою не оставляли ни одного убитаго или раненаго турка, чтобы не обшарить его кармановъ.“

Офицеръ, высказавшій такое мнѣніе, былъ не дурной и не пристрастный человѣкъ, а всегда справедливо защищавшій

болгаръ отъ неправильныхъ или безтолковыхъ обвиненій со стороны другихъ офицеровъ и потому я былъ крайне изумленъ, выслушавъ отъ него такое мнѣніе.

Я энергично возразилъ ему, что какъ въ сербско-турецкую, такъ и въ настоящую войну, я не видѣлъ ни одного случая, чтобы добровольцы въ Сербіи, а здѣсь ополченцы, шарили бы по карманамъ убитыхъ или раненыхъ турокъ; напротивъ, мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ случаевъ, когда ополченцы могли обогатиться и не имѣя нужды идти подъ непріятельскіе штыки.

Я разсказалъ упомянутый выше случай, когда была убита лошадь подъ графомъ Толстымъ и кобуры сѣдла полные золота остались не тронутыми, не смотря на предложеніе графа взять это золото кому угодно, затѣмъ, припомнилъ случай, когда былъ убитъ подполковникъ Калитинъ, который, какъ было всѣмъ извѣстно, носилъ поясъ съ деньгами, и никому изъ носившихъ убитаго героя ополченцевъ и въ голову не пришло воспользоваться этимъ золотомъ, потому что въ обоихъ случаяхъ, очевидно, ополченцы были именно воодушевляемы не наживой, а возвышенной мыслью — освобожденіемъ своей родины.

Послѣ этого моего возраженія, офицеръ столь дурно думавшій объ ополченцахъ, взялъ свои слова назадъ, и, затѣмъ, разсказывалъ намъ подробности о дѣйствіяхъ V-й дружины и мужествѣ ополченцевъ въ шейновскомъ бою; этотъ разсказъ былъ повтореніемъ уже извѣстнаго читателю описанія этого боя; при этомъ разсказчикъ не скрылъ своего возмущенія по поводу поступка фельдфебеля изъ стрѣлковой бригады, который, какъ выше указано, отнялъ знамя у ополченца.

— „Чужими руками жаръ загребаютъ,“ негодовалъ офицеръ: „я слышалъ собственными ушами, какъ солдаты говорили ополченцамъ: „Спасибо братцы, вы больше насъ сдѣлали.“

Изъ Елены пришли солдаты и разсказали, что въ городѣ говорятъ, будто Рущукъ взятъ нашими войсками; это извѣстіе мы встрѣтили съ восторгомъ, но въ то же время, оно и породило въ насъ недовольство нашимъ положеніемъ:

— „Другіе, вонъ, дерутся, а мы сиди здѣсь, въ землянкахъ, какъ мыши въ норѣ!“ ворчали офицеры.

— „Неужели же до конца зимы, мы такъ и останемся здѣсь, въ землянкахъ?“ спрашивали мы другъ друга.

Но, 14-го января, наше сомнѣніе было разрѣшено: насъ двинули съ марянской позиціи и послали къ сѣверу.

Прибыли мы въ д. Ахметліи, откуда III-я и IV-я дружины отправились въ с. Кипилово, а V-я — осталась въ этой деревнѣ; къ удивленію нашему, деревня эта оказалась не сожженной и жители цѣлы и невредимы, хотя и была населена преимущественно болгарами; впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что всѣ села, бывшія и остававшіяся во время военныхъ дѣйствій, въ турецкихъ рукахъ, были пощажены турками.

Ополченцы V-й дружины были размѣщены по избамъ и сараямъ, мы, (офицеры), заняли помѣщеніе въ тѣсной и грязной корчмѣ.

Послѣ обѣда, только что я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ услыхалъ страшный дѣтскій плачъ въ сосѣднемъ домѣ, изъ открытаго окна котораго выходили клубы чернаго дыма; я бросился къ дверямъ этого дома, но онѣ оказались запертыми; между тѣмъ, дѣти внутри продолжали плакать, и я, наконецъ, сильнымъ ударомъ ноги вышибъ двери, и изъ избы повалилъ дымъ столбомъ; внутри, среди этого дыма, ничего нельзя было разглядѣть, и я потому ощупью бросился въ ту сторону, откуда слышенъ былъ плачъ, но, не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, споткнулся и упалъ; мигомъ поднявшись, я схватилъ двухъ дѣтей, которые уже были окружены пламенемъ, и вынесъ ихъ; ноги дѣтей были уже обожжены и пеньковыя рубашенки ихъ, начали было горѣть. Я затворилъ двери, чтобы не дать сильно горѣть разбросанному по полу сѣну, а спустя немного, прибыли ополченцы и погасили пожаръ.

Благодаря тому обстоятельству, что дверь была затворена, а размѣръ оконнаго отверстія былъ незначителенъ, пожаръ могъ быть быстро погашенъ. Вскорѣ послѣ того прибѣжала и перепуганная мать этихъ дѣтей: она на короткое время вышла къ своимъ родителямъ, оставивъ дѣтей около печи; у нее не нашлось словъ, выразить мнѣ свою благодарность.

15-го января, дружина вышла изъ д. Ахметліевъ и отправилась по пути къ г. Котлу.

Еще наканунѣ началъ идти сильный дождь; въ теченіи ночи, онъ перешелъ въ снѣгъ, а на разсвѣтѣ подулъ теплый южный вѣтеръ, снѣгъ растаялъ, и балканскія горныя рѣчки

вышли изъ береговъ; мостовъ, между тѣмъ, не было, а какіе были, турки въ свое время разрушили; благодаря такимъ обстоятельствамъ, по дорогѣ къ Котлу, намъ приходилось, встрѣчать такія рѣки, глубина которыхъ доходила до двухъ и болѣе метровъ, устраивать переправы, посредствомъ перекладинъ изъ толстыхъ стволовъ деревьевъ и по нимъ переправляться на другой берегъ; при такихъ переправахъ не мало ополченцевъ падало въ рѣку, но, благодаря принятымъ предупредительнымъ мѣрамъ начальствующими лицами, несчастій не было. Еще труднѣе производилась переправа лошадей и подводъ: при одной изъ такихъ переправъ денежный ящикъ III-й дружины, вмѣстѣ съ подводой и лошадьми былъ отнесенъ сильнымъ теченіемъ, и лишь на третій день, когда сошла вода, этотъ ящикъ былъ вынутъ изъ рѣки, какъ равно вынуто было и много ружей, выпавшихъ изъ рукъ ополченцевъ, во время ихъ переправы.

Вечеромъ мы пришли въ д. Старую Рѣку, населенную болгарами; жители были бѣдны, о чемъ можно было заключить хотя бы по виду ихъ дворовъ и ихъ домашней обстановки: во дворахъ ни сѣна, ни соломы, ни домашняго скота не было, да и быть иначе не могло, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ во все время войны, хозяйничали черкесы и башибузуки: если у какого-либо поселянина и можно было найти вола или буйвола, то таковые сохранились у него, лишь благодаря особенно счастливой случайности. Въ домахъ у нихъ тоже ничего не было, кромѣ старыхъ и изодранныхъ попонъ, ведеръ, глиняной посуды, корыта и т. п.; внутри хатъ была такая нечистота, что, немного побывъ въ этихъ хатахъ, отъ вони дѣлалось головокруженіе.

Нигдѣ не приходилось намъ видѣть такую нечистоплотность, какъ у жителей д. Старой Рѣки. Такое состояніе деревни объяснялось ея положеніемъ въ центрѣ Тузлука, населенномъ преимущественно турками, извѣстными своей свирѣпостью.

Эти турки не могли выносить, чтобы у ненавистныхъ имъ гяуровъ было какое-либо богатство, и если какой-либо турокъ увидѣлъ бы, что у болгарина имѣется что-либо цѣнное или красивое, не исключая и жены, онъ непремѣнно отнималъ это силой; отсюда ничего удивительнаго не было въ томъ, что старорѣчане были бѣдны и столь запуганы, что даже къ прибывшимъ въ деревню ополченцамъ они относились враж-

дебно: не хотѣли ихъ пускать въ свои избы на ночлегъ, и нѣкоторые изъ жителей, особенно молодыя женщины, убѣгали изъ дому, при нашемъ приходѣ.

Я видѣлъ одну хозяйку, которая, когда однимъ изъ офицеровъ было приказано вывести буйволовъ изъ сарая и поставить его лошадь, начала кричать:

— „Вы хуже турокъ! они съ нами такъ не обращались, какъ вы!“ и при этомъ она грозила вынуть прутъ изъ плетня, чтобы драться.

Впрочемъ, хозяйка эта въ сущности имѣла основаніе быть недовольной, такъ какъ вывести буйволовъ изъ теплаго сарая и оставить ихъ на ночь на морозѣ — было равносильно потерять этихъ боящихся холода рабочихъ животныхъ и съ ними лишиться послѣдняго средства для своего пропитанія.

Въ д. Старой Рѣкѣ мы застали и ту же полевую батарею, которую въ свое время, какъ разсказано выше, нагнали по пути изъ Тырнова въ Елену.

17-го января погода прояснилась. Мы, офицеры, взобрались на одну гору, на востокъ отъ деревни, на которой турками были устроены люнетъ и весьма солидные окопы, а за ними хорошія и удобныя землянки для солдатъ. Съ этой горы къ сѣверу и сѣверо-востоку виднѣлись нѣсколько селъ. Въ виду того, что въ д. Старой Рѣкѣ не нашлось никакой провизіи, то я и подпоручикъ Стояновъ, взявъ съ собой команду въ 12 человѣкъ и двухъ вьючныхъ лошадей, отправились въ ближайшія турецкія села; но села эти оказались пусты — жители ихъ разбѣжались; кой-гдѣ, лишь можно было встрѣтить голодныхъ и едва двигавшихся овецъ, коровъ, буйволовъ или лошадей; по улицамъ селеній и ихъ окрестностямъ валялась падаль, около которой кружились оставленные хозяевами собаки; домы были совершенно пусты; лишь въ одномъ домѣ мы застали стараго, совсѣмъ сѣдого турка; онъ былъ глухъ или за таковаго себя выдавалъ, и на всѣ наши вопросы сколько мы не кричали отвѣчалъ одно, что онъ не слышитъ. Въ домѣ у этого турка было много домашней утвари: ковры, одѣяла, мѣдная посуда, мѣшки съ мукой, хлѣбъ въ закромахъ и проч. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, въ сараяхъ, мы находили привязанныхъ къ яслямъ воловъ и буйволовъ, окалѣвшихъ съ голода — очевидно было, что жители турки внезапно оставили свои жилища.

Солдаты нагрузили лошадей ячменемъ, пшеницей и кукурузой, захватили нѣсколько головъ крупнаго скота и мы возвратились обратно въ с. Старую Рѣку; по дорогѣ скотъ пришлось оставить, такъ какъ за слабостью онъ не могъ идти.

18-го января, въ с. Старую Рѣку прибылъ изъ г. Котла вольноопредѣляющійся IV-й дружины Пустовойтовъ; онъ намъ сообщилъ, что III-я и IV-я дружина имѣли дѣло съ башибузуками и черкесами у села Тичи; послѣ упорнаго боя, непріятель былъ разбитъ и разбѣжался; въ этомъ несчастномъ бою былъ опасно раненъ бригадный командиръ, князь Вяземскій. Не везло бѣдному князю: въ эту войну второй разъ ему пришлось быть раненымъ.

XVI.

Въ г. Котлѣ. — Дѣло у с. Тичи. — Самоволіе подпоручика Кисова. — Башибузукская рѣзня въ Медвенѣ. — Отрядъ К. Б. Чиляева. — Дѣло съ башибузуками подъ с. Садовымъ. — Подвигъ доктора Вязанкова. — *Храбрые* воеводы и ихъ *военная* добыча. — Наказаніе бѣглеца за обѣдомъ. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Генералъ Давыдовъ. — Поведеніе турокъ во время перемирія. — Нашъ кавалерійскій взводъ въ плѣну у турокъ. — Походъ въ с. Вербицы. — Турецкіе военачальники у графа Ѳ. Э. Келлера.

19-го января, утромъ, дружина покинула Старую Рѣку и направилась по горнымъ дорогамъ въ г. Котелъ. По пути не было ни одного села, поэтому дружина отдыхала подъ открытымъ небомъ и на влажной землѣ.

Съ утра моросилъ дождикъ, а послѣ полудня подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и дождь превратился въ снѣгъ, который заслѣплялъ намъ глаза и затруднялъ движеніе; холодъ сталъ въ особенности невыносимымъ, когда мы, подъ вечеръ, взобрались на возвышенность. Къ вечеру, дружина прибыла въ г. Котелъ. Не смотря на то, что городскому *совѣту* было извѣстно о времени прибытія дружины, никакихъ распоряженій не было имъ сдѣлано о расквартированіи ополченцевъ и потому мы должны были дожидаться провожатыхъ отъ городского *совѣта*, которые намъ указали бы помѣщенія, гдѣ должны были остановиться усталые и промокшіе до костей

ополченцы. Одинъ изъ такихъ провожатыхъ былъ назначенъ указать и мнѣ квартиры для помѣщенія солдатъ моей роты. Но многіе, изъ опредѣленныхъ для этой цѣли, дома оказались запертыми и, на нашъ стукъ въ ворота и окна, обитатели отвѣчали молчаніемъ. Между тѣмъ продрогшіе ополченцы дрожали отъ холода, а провожатый пожималъ плечами, не зная, что ему дѣлать. Тогда я приказалъ ополченцамъ ломать ворота и только тогда ворота начали отпирать; хозяйки дома извинялись, оправдываясь, что онѣ, будучи однѣ, безъ мужей, боялись отворить ворота, и не знали, что это болгарскіе солдаты. Въ наказаніе такимъ, которые не принимали добровольно ополченцевъ въ свои дома, я назначалъ къ нимъ постой по полувзводу. Расквартировавъ ополченцевъ, я отправился съ провожатымъ въ домъ, назначенный для меня, но и онъ оказался запертымъ. Мой спутникъ влѣзъ на стѣну забора и началъ кричать, чтобъ отворили, но никто не отзывался; тогда онъ слѣзъ и повелъ меня въ другой домъ; по дорогѣ, подошелъ ко мнѣ 10—11 лѣтній мальчикъ и спросилъ куда я иду; я ему отвѣтилъ, тогда онъ сказалъ:

— „Господинъ капитанъ, приходи къ намъ въ домъ, у насъ есть хорошая и теплая комната, а домъ нашъ близко,“ и указалъ мнѣ при этомъ на двухъэтажный домъ съ окнами, выходившими на улицу. Я, конечно, поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ маленькаго котленскаго гражданина и пошелъ съ нимъ, но, увидавъ издали запертыя ворота, невольно подумалъ: пожалуй и здѣсь не отворятъ?

По дорогѣ, мой новый знакомый засыпалъ меня вопросами: какъ мое имя, откуда родомъ, въ сколькихъ битвахъ я участвовалъ и проч. Комната, въ которую меня ввелъ мальчикъ, оказалась довольно большой, удобной, чистой и застланной мѣстными, домашней работы, коврами, но, какъ и во всѣхъ домахъ въ г. Котлѣ, безъ печей; ее надо было согрѣвать жаровней; меня встрѣтила очень радушно мать моего молодого пріятеля, пожилая женщина Х. П-а; она была вдова съ двумя дочерьми и четырьмя сыновьями, изъ которыхъ двое старшихъ были въ Добруджѣ по торговымъ дѣламъ, куда ежегодно уѣзжаютъ торговать почти всѣ взрослые мущины Котла, а двое меньшихъ, ходили къ мастеру учиться ремеслу, такъ какъ школы были закрыты. Самый меньшій — былъ мой новый пріятель.

Въ Котлѣ мы застали всѣ дружины; III-я и IV-ая также успѣли уже возвратиться изъ с. Тичи.

Изъ разсказовъ товарищей и нѣкоторыхъ жителей Котла я узналъ слѣдующее:

8-го января, прибыла въ Котелъ, черезъ с. Медвенъ, изъ Сливны команда въ 25—30 человѣкъ нашей кавалеріи. Съ большой радостью встрѣтили котленцы эту команду, явившуюся какъ разъ во-время на помощь, ибо въ окрестныхъ турецкихъ селахъ собиралось множество башибузуковъ, приготовлявшихся напасть на Котелъ и его разграбить; но за то и ужасъ жителей Котла былъ великъ, когда они увидали на слѣдующій день, что кавалерія оставляетъ ихъ городъ и возвращается въ Сливну; теперь они уже не сомнѣвались въ томъ, что башибузуки нападутъ на нихъ, поэтому-то они и поспѣшили выслать депутацію въ г. г. Елену и Тырново просить начальство возможно скорѣе прислать войска. По этой причинѣ, Ополченіе снялось съ марянской позиціи, а 15-го января, всѣ дружины, кромѣ V-й, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, прибыли въ Котелъ и расположились по квартирамъ. Въ ту же ночь, III-я и IV-я дружины, по тревогѣ были подняты со сна и отправлены съ бригаднымъ командиромъ, кн. Вяземскимъ, во главѣ, въ с. Тичу, лежащее на Османъ-пазарскомъ пути, въ 10 верстахъ разстоянія отъ г. Котла; на это село, по словамъ бѣжавшихъ оттуда нѣсколькихъ жителей, напала многочисленная толпа башибузуковъ; для отраженія послѣднихъ и были посланы обѣ дружины и часть ополченской кавалеріи.

Къ разсвѣту, 16-го января, дружины подошли къ ущелью, находившемуся передъ входомъ въ село. Башибузуки занимали командующія мѣста надъ ущельемъ близь рѣки; большая ихъ часть расположилась на противоположномъ берегу рѣки, на возвышенности, находившейся противъ входа въ ущелье.

Прибывшія дружины были встрѣчены градомъ пуль со стороны башибузуковъ, скрывавшихся за камнями и могилами. Чтобы перейти этотъ опасный пунктъ, ополченцы, въ разсыпанномъ строю, пустились бѣгомъ.

На этомъ мѣстѣ былъ раненъ въ локоть лѣвой руки князь Вяземскій.

Когда дружины, подъ командой маіора Рѣдькина, замѣнившаго князя Вяземскаго, прошли ущелье, то IV-ая дружина,

направившись по теченію рѣки, въ одномъ мѣстѣ, перешла ее въ бродъ и ударила въ лѣвый флангъ непріятеля.

III-ей дружинѣ, также предстояло перейти черезъ рѣку и одинъ изъ солдатъ 1-ой роты, Николай Алексѣевъ, не смотря на градъ непріятельскихъ пуль, бросился въ рѣку, чтобы отыскать бродъ, но брода не нашелъ; зато этотъ рѣшительный поступокъ Алексѣева, едва не стоившій ему жизни, воодушевилъ всю дружину: 3-я рота перешла рѣку въ бродъ, 1-я рота перешла по мосту и всѣ вмѣстѣ набросились на противника; но башибузуки, заблаговременно, не дожидаясь удара въ штыки, отступили и попрятались въ лѣсахъ.

Въ этомъ бою палъ одинъ изъ ополченцевъ III-ей дружины и нѣсколько человѣкъ было ранено, между которыми былъ и извѣстный уже С. Моневъ, ставшій отъ турецкихъ пуль и ятагановъ, похожимъ на рѣшето.

Башибузуки не оставили на полѣ битвы своихъ убитыхъ и раненыхъ, поэтому осталось неизвѣстнымъ о количествѣ ихъ потерь.

Преслѣдовать непріятеля было невозможно, потому что при дружинахъ не было кавалеріи, а была только часть ополченской сотни; впрочемъ, кавалерія и не могла бы преслѣдовать противника, такъ какъ мѣстность была лѣсистая.

Башибузуки были вооружены оружіемъ разной системы, въ томъ числѣ и ружьями Шнейдера и Пибоди-Мартини.

На слѣдующій день дружины возвратились въ г. Котелъ, оставивъ двѣ роты въ с. Тичѣ, которыя, впрочемъ, тоже вскорѣ оставили это село.

Какова опасность угрожала г. Котлу, видно было изъ нападенія башибузуковъ на с. Медвенъ, отстоявшее отъ Котла въ $2^1/_2$—3 часахъ пути къ юго-востоку. Въ этомъ селѣ башибузуки зарѣзали 51 человѣкъ и множество переранили. Для наказанія башибузуковъ, разбойническія гнѣзда которыхъ были въ с. с. Садовѣ, Кадыръ-Факліяхъ и др., были высланы, 20-го января, I-я и III-я дружины, подъ командой храбраго маіора Чиляева.

Узнавъ, что III-я дружина, въ которой числился и я, отправляется въ с. Садово, я отправился къ дружинному командиру просить его ходатайства, чтобы сдѣлано было распоряженіе объ откомандированіи меня обратно въ дружину, дабы и мнѣ принять участіе въ предстоящемъ дѣлѣ. Но, къ сожа-

лѣнію, я не засталъ Чиляева — онъ уже отправился съ дружинами. Тогда я тотчасъ же отправился къ командиру V-й дружины, маіору Попову, просить его разрѣшить мнѣ идти съ III-й дружиной, но маіоръ мнѣ въ этомъ отказалъ:

— „Вы прикомандированы къ моей дружинѣ приказомъ по Ополченію, поэтому я лично не имѣю права разрѣшить вамъ принять участіе вмѣстѣ съ III-й дружиной въ предстоящемъ дѣлѣ. Идите въ штабъ и просите разрѣшенія идти или — откомандировать васъ обратно въ III-ю дружину; если штабъ разрѣшитъ, я не буду имѣть ничего противъ этого," отвѣтилъ мнѣ Поповъ и со свойственными ему любезностью и добродушіемъ пожелалъ мнѣ успѣха.

Въ штабѣ не оказалось ни генерала, ни начальника штаба, поэтому я обратился съ просьбой къ старшему адъютанту, сказавъ ему, что и маіоръ Поповъ согласенъ насчетъ моего откомандированія и что я сейчасъ поѣду догонять дружину; послѣ этого, я отправился къ себѣ на квартиру, гдѣ моя лошадь стояла уже осѣдланной.

Я хорошо сознавалъ, что подобный поступокъ по меньшей мѣрѣ сочтется своеволіемъ, за которое я могъ бы имѣть большія непріятности, но я чувствовалъ себя не въ силахъ побороть свое желаніе принять участіе въ предстоящемъ дѣлѣ.

Такъ какъ дружины еще на зарѣ выступили въ Садово, то, по моему разсчету, онѣ должны были быть уже, если не на мѣстѣ, то во всякомъ случаѣ близко къ Садову и, поэтому, не теряя времени, я сѣлъ на коня, пришпорилъ его и онъ стрѣлою помчался по сливно-котленской дорогѣ. Часъ спустя, я былъ въ с. Медвенѣ, гдѣ остановился, чтобы дать отдохнуть лошади. Здѣсь я узналъ, что часъ тому назадъ дружина выступила къ Садову. Разузнать у жителей о подробностяхъ нападенія башибузуковъ на с. Медвенъ не было времени, и я узналъ только, что башибузуки неожиданно и стремительно напали на село, что жители разбѣжались куда глаза глядятъ и что, по возвращеніи въ село, нашли 51 человѣческій трупъ, и что нѣкоторые изъ труповъ были до того изрублены, что нельзя было по нимъ опознать людей.

Едва только я взобрался на плоскогорье, между с. Медвеномъ и Садовымъ, какъ услыхалъ впереди себя, вдали, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ: не могло быть сомнѣнія, что дружины встрѣтились съ турками. Я пустилъ лошадь

въ карьеръ и вскорѣ увидалъ построенныя въ одну линію дружины.

Планъ дѣйствія противъ башибузуковъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, былъ слѣдующій: I-ая и III-я дружины должны были наступать съ фронта, а *четы* воеводъ *дѣда* Желя и Панайота, въ количествѣ около 1000 человѣкъ, которыя до тѣхъ поръ были расположены въ селахъ Градцѣ и Жеравнѣ, — должны были, одновременно съ дружинами, наступать съ возвышенности, находившейся къ западу отъ с. Исуплій, на лѣвый флангъ и въ тылъ непріятеля.

Кромѣ того, къ дружинамъ присоединилось и множество жителей болгаръ изъ Котла и окрестныхъ селъ, вооруженныхъ ружьями разныхъ системъ.

III-я дружина была построена въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи; 1-я и 4-я роты были въ первой линіи и выслали впередъ стрѣлковую цѣпь; во второй линіи — 2-ая и 3-я роты составляли резервъ и находились у самой дороги, близь турецкаго кладбища. Въ такомъ же порядкѣ была построена и I-я дружина, находясь вправо отъ III-й дружины.

Въ то время, когда я подъѣзжалъ къ кладбищу, III-ая дружина наступала впередъ. За могильными камнями лежало множество вооруженныхъ болгаръ-добровольцевъ, большая часть которыхъ разбѣжалась, лишь только турки открыли огонь и зажужжали и засвистѣли пули. Оставшимся на кладбищѣ добровольцамъ я предложилъ или идти впередъ или совсѣмъ удалиться; тогда многіе изъ нихъ встали и, несмотря на то, что пули визжали въ воздухѣ и падали около нихъ, пошли впередъ.

— „А, вы зачѣмъ сюда пожаловали?“ спросилъ маіоръ Чиляевъ, когда я явился къ нему.

Я наскоро разсказалъ ему о моемъ поступкѣ.

— „Боюсь, чтобы вы не пострадали за произвольную отлучку изъ части,“ сказалъ онъ.

— Знаю, господинъ маіоръ, но, можетъ быть, какая-нибудь пуля башибузуковъ избавитъ меня отъ непріятности нести заслуженное наказаніе, отвѣтилъ я.

— „Ну, ну, не безпокойтесь, я улажу дѣло, а теперь оставайтесь при мнѣ,“ ласково мнѣ возразилъ Чиляевъ, и, обращаясь къ своему вѣстовому, крикнулъ: „Бондарь! стыдно кланяться башибузукскимъ пулямъ!“

Сегодня, какъ никогда не бывало, Чиляевъ взялъ своего вѣстового съ собой.

Башибузуки, замѣтивъ нашу группу конныхъ, открыли противъ насъ усиленный огонь.

Послѣ сдѣланной перебѣжки цѣпи, III-я дружина остановилась, чтобы дать возможность первой дружинѣ податься впередъ. Садова еще не было видно, хотя оно было уже близко, шагахъ въ 800—900. Когда I-я дружина подалась впередъ, маіоръ Чиляевъ приказалъ мнѣ передать приказъ командиру 1-й роты, чтобы лѣвофланговый участокъ цѣпи подался бы лѣвымъ плечомъ впередъ и, обхвативъ с. Садово, двинулся бы по направленію къ лѣсу — на югъ отъ Садова, гдѣ засѣли башибузуки и оттуда стрѣляли въ насъ.

Когда цѣпь исполнила это приказаніе и затѣмъ башибузуки были прогнаны изъ Садова, вся дружина подалась впередъ. Засѣвшіе на противоположной возвышенности, у опушки лѣса и между камней башибузуки, встрѣтили дружину залпами.

Цѣпь, сдѣлавъ частями перебѣжку, залегла и, въ свою очередь, открыла учащенную стрѣльбу по непріятелю; но эта перестрѣлка продолжалась недолго, потому что башибузуки, замѣтивъ, что I-я дружина наступаетъ и угрожаетъ ихъ лѣвому флангу, отступили; послѣ этого, обѣ дружины начали преслѣдовать непріятеля, что называется по пятамъ.

Воеводы, къ нашему удивленію, совсѣмъ не показывались!

Башибузуки отступали быстро, и иногда пріостанавливались лишь для того, чтобы насъ осыпать залпами, но, какъ только мы къ нимъ подходили ближе, они вновь отступали. Преслѣдуя турокъ, такимъ образомъ, мы вдругъ замѣтили на возвышенности, откуда должны были явиться воеводы, массу народа; трудно было опредѣлить были ли то воеводы или непріятель, можно было только предположить, что если бы это были воеводы, то они должны были бы давно уже спуститься внизъ и ударить въ тылъ или въ лѣвой флангъ непріятеля.

Дальше наступать, пока не выяснится, положительно, кто такіе, появившіеся на возвышенности, было нельзя, такъ какъ иначе, нашъ отрядъ могъ попасть въ очень скверное положеніе. Въ виду этого, начальникъ отряда приказалъ остановиться, впредь до разрѣшенія этого недоразумѣнія.

Роты первой линіи находились довольно далеко, въ лѣсу, о чемъ давали знать ихъ выстрѣлы.

Начальникъ отряда приказалъ мнѣ нагнать эти роты и передать приказаніе ротнымъ командирамъ пріостановить преслѣдованіе.

Я пустилъ лошадь рысью; проѣзжая лѣсомъ, мнѣ приходилось пробиваться межъ вѣтвей и сквозь чащу деревьевъ, иногда, даже, приходилось слѣзать съ коня, чтобы можно было пробраться.

Я ѣхалъ впередъ, описывая зигзаги, но ротъ все-таки не было видно, а 1-й роты лѣваго фланга — даже не было слышно; только далеко впереди съ праваго фланга стрѣлковой цѣпи слышались изрѣдка выстрѣлы.

По дорогѣ, я встрѣтилъ трехъ раненыхъ ополченцевъ и насчиталъ до 6 труповъ убитыхъ башибузуковъ. Судя по времени моей ѣзды по лѣсу, я сообразилъ, что проѣхалъ порядочное разстояніе.

— А, что, если рота осталась назади?... да, вдругъ, какой нибудь башибузукъ спрятался за деревомъ или кустомъ?... подумалъ я и невольно пріостановилъ лошадь, вспомнивъ о полковникѣ, графѣ Роникерѣ. Жуткое и непріятное чувство овладѣло мною. Вернуться бы назадъ, подумалъ я, и сказать Чиляеву, что не могъ найти ротъ... Нѣтъ, впередъ, впередъ! говорили во мнѣ чувство долга, самолюбіе и воинская доблесть, и я, давъ шпоры лошади, пустился въ лѣсную чащу, не думая уже о томъ, что могу наткнуться на башибузука или на какое-нибудь дерево. Въ это время, впереди, влѣво отъ меня, послышались отдѣльные выстрѣлы, туда я и направился и, наконецъ, нагналъ крайній лѣвый флангъ нашей цѣпи, отыскалъ роту, передалъ приказаніе ея командиру и возвратился обратно.

Непріятеля не было видно. Немного спустя, развѣдчики донесли, что люди, стоявшіе на возвышенности, были *храбрые* воеводы съ своими *юнаками*. Добродушный и невозмутимый Чиляевъ не выдержалъ и разбранилъ воеводъ:

— „Тьфу, чортъ ихъ возьми, почему же они стоятъ тамъ и не спускаются въ долину? Благодаря имъ, турки успѣли убѣжать!“

Ниже будетъ разсказано почему воеводы не двигались съ мѣста.

Барабаны и рожки заиграли *наступленіе*. Весь отрядъ началъ наступать, но было уже поздно. Очевидно, башибузуки, замѣтивъ, съ одной стороны, толпу на возвышенности, а съ

другой — воспользовавшись остановкой дружинъ, быстро отступили со всѣмъ своимъ обозомъ. Но дружины нагнали ихъ вновь у с. Кадыръ-Факлiевъ. Не доходя до села, мы замѣтили на другой его сторонѣ, по дорогѣ къ югу-востоку, цѣлую вереницу возовъ, быстро отступавшихъ подъ натискомъ нашего преслѣдованiя.

Когда мы подошли къ самому с. Кадыръ-Факлiямъ, насъ встрѣтили залпомъ засѣвшiе на окраинѣ села турки, которые впрочемъ скоро отступили, а только часть ихъ, человѣкъ 40—50, осталась сидѣть въ засадѣ противъ нашего праваго фланга и встрѣчала продольнымъ огнемъ нашу наступающую цѣпь. Чтобы прогнать ихъ съ занятаго ими мѣста, былъ отданъ приказъ ополченской конницѣ, подъ командой юнкера Юрьева, броситься на нихъ въ аттаку, тѣмъ болѣе, что мѣстность вполнѣ способствовала такой аттакѣ. Конница исполнила приказанiе, но встрѣченная градомъ пуль и, потерпѣвъ уронъ — двухъ лошадей убитыми и одного ополченца — раненымъ, отступила.

— „Трусишка!“ закричалъ юнкеру докторъ Вязанковъ: „отчего вы не окончили аттаки, а отступили какъ разъ въ тотъ моментъ, когда турки испугались!? Тѣмъ болѣе, что у турокъ нѣтъ штыковъ, а большей частью простыя ружья!“

И съ этими словами, докторъ вскочилъ на лошадь и крикнувъ: „за мной, молодцы!“ бросился, во главѣ конницы, аттаковать башибузуковъ, которые, и на этотъ разъ встрѣтили залпами храбраго доктора-командира и неустрашимыхъ ополченцевъ.

Когда конница приблизилась къ башибузукамъ, непрiятельская пуля свалила доктора Вязанкова съ сѣдла. Пуля пробила на вылетъ грудь героя Вязанкова. Разсвирѣпѣвшiе ополченцы отомстили за своего храбраго и самоотверженнаго начальника: они накинулись на бѣжавшихъ уже турокъ и перерубили нѣсколько человѣкъ, остальные избавились только благодаря глубокому оврагу, пересѣкавшему поляну.

Къ раненому доктору подошли нѣсколько пѣшихъ ополченцевъ, подняли его и положили на свои скрещенныя ружья, застланныя шинелями и понесли его назадъ. Вскорѣ прибылъ и дружинный фельдшеръ съ носилками. Когда Чиляевъ и я приблизились къ раненому, фельдшеръ уже окончилъ перевязку раны.

Докторъ Борисъ Константиновичъ
Вязанковъ.

Стр. 422—423.

Не смотря на страданія отъ острой боли, Вязанковъ въ возбужденіи разсказывалъ о башибузукахъ и объ аттакѣ, онъ только жаловался, что ему холодно. Нѣсколько ополченцевъ сняли съ себя шинели и укрыли любимаго доктора и санитары понесли его въ с. Медвенъ.

— „Ну, что, какова рана?“ спросилъ у фельдшера Чиляевъ.

— „Скверно, ваше высокоблагородіе, на вылетъ, не выдержитъ,“ отвѣтилъ фельдшеръ печальнымъ голосомъ.

По прибытіи въ с. Кадыръ-Факліи, мы не встрѣтили ни души; только изрѣдка слышны были лай собакъ, блеянье овецъ, да мычанье рогатаго скота. Ополченцы, возмущенные тѣмъ, что башибузуки, запрятавшись за заборами на окраинѣ села, встрѣчали насъ залпами, подожгли одну избу. Это была единственная изба, пострадавшая въ сегодняшнемъ дѣлѣ; а что бы сдѣлали турки, будь они на нашемъ мѣстѣ?

Когда отрядъ прибылъ въ с. Кадыръ-Факліи, *храбрые* воеводы Панайотъ и *дѣдо* Желю сошли съ возвышенности; ихъ отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части; одна часть послѣдовала за дружинами, а другая — *храбро* аттаковала многочисленное стадо турецкаго домашняго скота. Не преувеличу, если скажу, что этого скота было не менѣе 6—8 тысячъ головъ, коровъ, воловъ, буйволовъ, овецъ, козъ и лошадей.

Въ Кадыръ-Факліяхъ оба воеводы явились къ начальнику отряда. Они, какъ и подчиненные имъ добровольцы, были вооружены съ ногъ до головы: ружье за плечомъ, шашки, надѣтыя на крестъ, ятаганы и пистолеты за поясомъ и патронташи черезъ плечо.

Воеводы чувствовали себя очень неловко, тѣмъ болѣе, что начальство не скрывало своего неудовольствія, на счетъ ихъ осудительнаго, чтобы не сказать преступнаго, поведенія.

— „А, вотъ и *храбрые* воеводы прибыли,“ сказалъ Чиляевъ, увидавъ подошедшаго къ намъ Панайота.

— „Ну, все же храбрые, Константинъ Борисовичъ,“ отозвался шт.-кап. Сокальскій: „развѣ вы не замѣтили съ какою яростью накинулись ихъ храбрецы аттаковать многочисленный скотъ?“

Майоръ Чиляевъ былъ возмущенъ дѣйствіями воеводъ и ихъ людей, увидавъ, что послѣдніе уводятъ скотъ.

— „Пошлите одну или двѣ роты отобрать весь скотъ и отправить его въ с. Медвенъ,“ приказалъ мнѣ Чиляевъ.

Я исполнилъ немедленно приказаніе маіора, но было уже поздно: добровольцы изъ отряда воеводъ уже успѣли давно отвести большую половину скота, и догнать ихъ было нельзя, такъ какъ кавалерійская часть нашего отряда была впереди и наблюдала за непріятелемъ; такимъ образомъ, этимъ добровольцамъ удалось отвести не менѣе 4—5 тысячъ головъ.

Понятно, что отнятый съ бою у непріятеля скотъ былъ собственностью побѣдителей и былъ бы отданъ болгарскому населенію, тѣмъ болѣе, что большая часть этого скота была ограблена турками у болгарскаго же населенія; но, въ данномъ случаѣ, было то возмутительно, что воеводы вмѣсто исполненія долга и предначертаннаго плана ударить во флангъ непріятеля, ударили въ тылъ .... и то въ тылъ домашняго скота.

Начальникъ отряда сдѣлалъ распоряженія приготовить квартиры для ночлега; на слѣдующій день предполагалось продолжать прѣслѣдованіе башибузуковъ. Но въ это самое время былъ полученъ приказъ отъ генерала Столѣтова вернуться отряду въ Котелъ, такъ какъ съ турками было заключено перемиріе.

Извѣстіе о прекращеніи войны было встрѣчено офицерами съ восторгомъ: конецъ кровопролитію, конецъ тяжелой боевой и походной жизни; имъ уже улыбалась переспектива возвращенія на родину, встрѣча съ близкими, дорогими сердцу.

У ополченцевъ, напротивъ того, это извѣстіе вызвало безспокойство, на лицахъ ихъ можно было читать вопросъ:

— „Что-то будетъ съ нами, болгарами? Возвратятся ли турки опять? Будетъ ли Болгарія свободной, или оправдаются опасенія дѣда Н. и его товарища изъ села Юрты — опасенія всего болгарскаго народа?...“

Отрядъ повернулъ назадъ. Ополченцы подъ тяжестью мрачныхъ мыслей и неизвѣстности о дѣйствительномъ положеніи Болгаріи, шли молча, съ понуренными головами и не походили на побѣдителей.

Естественно, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ склоненъ думать и предполагать самое дурное.

Нѣкоторые изъ ополченцевъ высказывали въ слухъ свои опасенія, что русскіе и на этотъ разъ оставятъ несчастныхъ

многострадальныхъ болгаръ подъ ударами ятагановъ свирѣпыхъ турокъ.

Уже давно стемнѣло, когда отрядъ прибылъ въ с. Медвенъ, гдѣ и остановился ночевать. Удивительно было, что башибузуки, при своемъ послѣднемъ нападенiи на село, перерѣзали и ранили множество людей изъ населенiя, а постройки оставили нетронутыми; благодаря этому обстоятелству, мы могли очень удобно размѣститься по домамъ и ночевать.

Хотя было поздно, но все же для офицеровъ и ополченцевъ былъ приготовленъ хорошiй ужинъ.

Часть взятаго скота была помѣщена въ большихъ дворахъ, а другая, большая, часть была оставлена на выгонѣ села, подъ надзоромъ ополченцевъ.

Не смотря на то, что было уже поздно, когда мы прибыли въ Медвенъ, но я все-таки отправился на квартиру доктора Вязанкова, чтобы съ нимъ повидаться.

Замѣтно было, что Вязанковъ сильно страдалъ, но мужественно боролся съ болью.

Чтобы его не беспокоить, я вскорѣ ушелъ, подъ предлогомъ навѣстить свою команду, оберегавшую скотъ.

Въ Медвенъ прибыло множество болгаръ изъ сосѣднихъ селъ; одни пришли за покупками, другiе — отыскивать свой скарбъ и скотъ, ограбленные турками. Всѣ они обращались съ просьбами къ начальнику отряда.

— „Турки загнали весь нашъ скотъ,“ говорили одни: „и мы поэтому пришли просить васъ возвратить намъ его.“

— „Мы пришли искать взятый турками нашъ скотъ, но не нашли его, поэтому просимъ, продайте намъ нѣсколько головъ,“ заявляли другiе и т. п.

— „Въ виду того, что въ Котлѣ не имѣется фуража, а скотины много и можетъ передохнуть съ голоду, поэтому предлагаю продать большую половину домашняго скота крестьянамъ, а вырученныя деньги подѣлить между ополченцами!“ приказалъ мнѣ Чиляевъ.

Мнѣ была очень непрiятна возложенная на меня обязанность, потому что я былъ убѣжденъ, что найдутся охотники позлоязычничать по адресу продавца, поэтому хотѣлъ во что бы то не стало избѣжать исполненiя этой обязанности.

22-го января. Съ разсвѣтомъ, меня окружили поселяне, посланные начальникомъ, для закупки скота. Эту аттаку кре-

стьянъ я предвидѣлъ, поэтому заранѣе сдѣлалъ распоряженіе, чтобы весь скотъ, кромѣ отдѣленнаго для I-й дружины, немедленно былъ отправленъ въ Котелъ, а самъ остался въ селѣ съ офицерами.

Въ 9 часовъ, III-я дружина отправилась въ Котелъ, а I-я дружина — въ с. Жеравну, гдѣ должны были остаться квартировать.

— „Ваше благородіе, много совсѣмъ слабой скотины, идти не можетъ,“ отрапортовалъ мнѣ унтеръ-офицеръ, начальникъ команды, отводившей скотъ.

Что мнѣ было дѣлать?

Дѣйствительно, я видѣлъ много очень слабаго скота, отстающаго отъ стада, видѣлъ также, что поселяне забирали исподволь по 2—3 головы крупнаго и мелкаго скота, но показывалъ видъ, что не замѣчаю ихъ продѣлокъ и приказалъ унтеръ-офицеру оставлять слабый скотъ по дорогѣ, въ предположеніи, что таковой съ благодарностью будетъ прибранъ поселянами. Отдавъ это приказаніе, я продолжилъ свой путь къ г. Котлу. Вечеромъ была приведена въ Котелъ незначительная часть скота. Я доложилъ маіоръ Чиляеву обо всемъ этомъ и онъ одобрилъ мое распоряженіе.

Эта небольшая часть скота была раздѣлена между дружинами, но, за неимѣніемъ фуража, скотъ перекололи, мясо консервировали въ кадкахъ, а кожи продали.

Дружины расположились такъ: I-я дружина въ с. Жеравнѣ; II-я — въ с. Градцѣ и III-я, IV-я, V-я и VI-я — въ Котлѣ.

Старуха Х., хозяйка моей квартиры, и вся ея семья искренно обрадовались, увидавъ меня живымъ и здоровымъ, послѣ сраженія.

— „Мы горячо молились Богу, чтобы Онъ сберегъ вашу жизнь,“ сказала мнѣ старушка Х.

Отъ ужина, приготовленнаго хозяйкой, я немного попробовалъ и послѣ сейчасъ же отправился спать.

Въ 10$^1/_2$ часовъ утра, скрѣпя сердце, я пошелъ въ квартиру маіора Попова, изъ дружины котораго я отлучился.

— „А, а, бѣглецъ! явились! Погодите, сейчасъ вамъ будетъ награда за бѣгство!“ съ этими словами и пріятно улыбаясь, встрѣтилъ меня Поповъ.

Я сталъ извиняться за свой отъѣздъ безъ разрѣшенія.

— „Ничего, ничего, вы бѣжали не съ поля битвы, а шли на бой,“ сказалъ Поповъ и успокоилъ меня.

Послѣ этого онъ объяснилъ мнѣ, что сообщилъ генералу Столѣтову о моемъ отъѣздѣ, сказавъ, что я выѣхалъ вслѣдъ III-й дружинѣ съ его разрѣшенія.

— „Слава Богу,“ съ облегченной душой подумалъ я и почувствовалъ, будто, гора скатилась съ плечь.

Я поблагодарилъ Попова и собрался уходить, но онъ удержалъ меня обѣдать. Приглашены были на обѣдъ и другіе офицеры, между которыми были: графъ Келлеръ, маіоръ Чиляевъ и капитанъ Н. Поповъ, братъ маіора Попова.

— „Аа, вотъ онъ нашъ бѣглецъ!“ закричалъ графъ, увидавъ меня: „намъ должно его наказатъ за это и то сейчасъ же!“ прибавилъ онъ, и при этомъ подошелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ другими офицерами.

Я зналъ какое наказаніе меня ожидаетъ, поэтому только и думалъ какимъ образомъ ускользнуть изъ рукъ своихъ мучителей. Всѣ мои сослуживцы знали, что я не переношу щекотки, и боюсь уже, когда только приближаются ко мнѣ съ протянутыми руками и чтобы избавиться отъ подобныхъ пріятельскихъ аттакъ на меня со стороны добрыхъ друзей, начальниковъ и сослуживцевъ, я, обыкновенно бывалъ долженъ обѣщать, что или спою имъ что нибудь, или выпью большой бокалъ вина. Но на этотъ разъ я былъ наказанъ за участіе въ битвѣ при Садовѣ не только стаканомъ вина, но и поздравленіями съ производствомъ въ чинъ поручика.

На слѣдующій день, я навѣстилъ своего раненаго бригаднаго командира, князя Вяземскаго, онъ принялъ меня очень любезно и поблагодарилъ за добрую память. Рана князя, какъ онъ самъ говорилъ, не шла хорошо; доктора опасались, чтобы не случилась гангрена. Князь, на дняхъ, ожидалъ изъ Петербурга доктора, приглашеннаго спеціально для него.

Отъ князя, я отправился къ доктору Вязанкову, здоровье котораго было совсѣмъ неудовлетворительно. Хотя Вязанковъ и самъ сознавалъ, что раненъ очень опасно, но все же не падалъ духомъ, онъ одного лишь боялся, что можетъ умереть, не узнавъ какъ будетъ рѣшена судьба Болгаріи.

— „День одинъ только бы прожить въ свободной Болгаріи,“ говорилъ онъ: „а затѣмъ и умереть не будетъ жаль.“

По мнѣнію докторовъ, Вязанковъ былъ ненадеженъ, рана была очень серіозной.*) Жаль мнѣ было смотрѣть на бѣднаго Вязанкова, я поспѣшилъ выйти, тѣмъ болѣе, что какъ я замѣтилъ, разговоръ причинялъ ему сильныя боли, а онъ говорилъ безъ умолку.

Чтобы разсѣять мрачное настроеніе, овладѣвшее мною, при видѣ страданій моего добраго пріятеля Вязанкова, я пошелъ посмотрѣть городъ. Въ общихъ чертахъ Котелъ походилъ на остальные болгарскіе города. Улицы кривыя, узкія, но мощеныя. Какъ и въ другихъ гордахъ, у каждаго дома былъ садъ съ бесѣдками изъ виноградныхъ лозъ; разницу составляли дома, стѣны которыхъ были снаружи и внутри обиты тесаными досками; потолки, полки, окна, углы для иконъ — были украшени досками ажурной работы. Домики и дворы били въ глаза своей чрезвычайной чистотой. Національный костюмъ, въ особенности женскій, привлекалъ вниманіе русскихъ.

Всѣхъ насъ очень удивляло отсутствіе въ городѣ мущинъ, которые почти всѣ безъ исключенія занимались скотоводствомъ въ Добруджѣ, гдѣ и проводили большую часть времени своей жизни. Остававшіяся дòма женщины тоже не сидѣли безъ дѣла — онѣ выработывали самые лучшіе въ странѣ сукна, ковры, попоны и пр.

Наконецъ-то, послѣ продолжительныхъ остановокъ въ мокрыхъ и холодныхъ землянкахъ Зеленаго Древа, послѣ усиленныхъ походовъ и кровавыхъ сраженій, Ополченіе остановилось *на отдыхъ*, *у себя дòма*, *„у своего родного очага,“* о которомъ съ любовью воспѣвается въ болгарской народной пѣснѣ. Въ дѣйствительности, ополченцы не были *у себя дома*, но въ сознаніи, что ими исполненъ священный долгъ къ своему отечеству, осыпанные почестями и благодарностями со стороны болгаръ и наградами и вниманіемъ начальства, они физически и нравственно отдыхали, отдыхали *какъ у себя дòма*.

Первое дурное впечатлѣніе, полученное вслѣдствіе не совсѣмъ гостепріимной встрѣчи котленцами ополченцевъ, вскорѣ изгладилось: котленцы сблизились съ борцами за свободу Бол-

*) Д-ръ Вязанковъ былъ отправленъ въ концѣ апрѣля 1878 г. въ Кіевскій военный госпиталь, а оттуда въ г. Ѳеодосію, въ Крыму, гдѣ онъ и скончался въ концѣ того же года отъ послѣдствій раны.

гаріи, приглашали ихъ въ свои домы и угощали ихъ чѣмъ могли. Впрочемъ, угощали пока было чѣмъ и пока все было дешево.

Приказомъ отъ 23-го января, котленскому отряду было объявлено, что, по случаю заключенія перемирія, 19-го января, съ Турціей, Его Императорское Высочество Великій Князь Главнокомандующій приказалъ немедленно прекратить военныя дѣйствія по всѣмъ линіямъ. Демаркаціонная линія, по приказу, должна была пройти черезъ Эски-Джумаю, Османъ-Базаръ и Котелъ — въ 5 верстахъ отъ расположенія турецкихъ войскъ. Ширина нейтральной зоны была условлена въ 5 верстъ. Въ трехъ дневный срокъ, со дня полученія приказаній черезъ уполномоченныхъ, турки должны были уйти за эту линію. Этотъ приказъ съ подробными условіями перемирія долженъ былъ быть переданъ турецкимъ парламентерамъ.

Если войска перешли гдѣ-либо эту линію то, по условіямъ перемирія, они должни были отступить назадъ. Въ комиссіи для обозначенія демаркаціонной границы должны были принять участіе и наши офицеры вмѣстѣ съ турецкими.

Ожидали новаго начальника Ополченія, генерала Давыдова; поэтому происходили аккуратныя занятія съ ополченцами; эти занятія производились по отдѣленіямъ и по взводно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ, вслѣдствіе сильнаго холода, нельзя было производить ученія подъ открытымъ небомъ.

Генералъ Давыдовъ прибылъ въ Котелъ 28-го января. Заговорили о предстоящемъ инспекторскомъ смотрѣ ополченцевъ и поэтому всѣ принялись за работу.

Я былъ уже обратно откомандированъ въ III-ю дружину и занималъ свою прежнюю должность — завѣдующаго оружіемъ дружины. Согласно приказанію по дружинѣ, я приступилъ 5-го февраля къ осмотру ружей и закончилъ осмотръ 8-го января.

Ротные командиры неутомимо работали, приготовляя свои роты къ смотру, который и состоялся 11-го февраля.

19-го февраля, былъ отслуженъ въ церквѣ молебенъ, по случаю дня празднованія возшествія на престолъ Императора Александра II. Послѣ молебна, всѣ дружины прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо генерала Давыдова; онъ остался очень доволенъ воинской выправкой ополченцевъ.

20-го февраля, приказомъ по Ополченію было объявлено о предстоявшемъ второмъ инспекторскомъ смотрѣ и было предписано приготовить именной списокъ ополченцевъ съ подробнымъ расходомъ, табель вещей, интендантское и артиллерійское имущества, входящіе и исходящіе журналы и пр. и пр.

21-ое февраля. Пронесся слухъ о заключеніи мира въ предмѣстьи Царьграда, *Святомъ-Стефанѣ*, въ силу котораго Болгарія освобождалась отъ турецкаго ига, а нѣсколько дней спустя, мы уже знали о границахъ будущей свободной Болгаріи.

Невозможно описать той бурной радости, охватившей борцовъ за свободу Болгаріи. Не рисуясь и не хвастаясь, ополченцы часто говоривали между собой:

— „Теперь спокойно умремъ: мы увидали Болгарію свободной."

24-го февраля состоялся инспекторскій смотръ. Генералъ Давыдовъ былъ очень доволенъ подготовкой, выправкой и воинственнымъ видомъ дѣйствительно закаленыхъ въ бою ополченцевъ, но не остался доволенъ ихъ обмундировкой, которая имѣла очень плачевный видъ. Нижняго бѣлья и платья у ополченцевъ было достаточно: имъ высылали таковое изъ разныхъ городовъ Болгаріи; напримѣръ изъ Свиштова было получено для дружинъ по 112 аршинъ бѣлаго сукна, 85 ар. — сѣраго, 80 паръ чулокъ, 150 паръ перчатокъ, рубашекъ и пр.

Приказомъ по Ополченію было объявлено временное утвержденіе штата Болгарскаго Ополченія, по которому опредѣлялись строевые и нестроевые чины на роту:

1 — строевой фельдфебель,
1 — каптенармусъ,
2 — старшихъ, } унтеръ-офицера,
8 — младшихъ }
1 — дружинный, } барабанщика,
2 — ротныхъ }
1 — гарнистъ (дружинный),
156 — рядовыхъ въ ротѣ.

Нестроевые:

1 — дружинный каптенармусъ,
1 — дружинный, } писари,
1 — ротный }
1 — дружинный, } фельдшеры,
1 — ротный }

Стр. 430—431.

Оставшіеся въ живыхъ, послѣ войны, офицеры III-й дружины Ополченія.
1. Поручикъ Бѣляевъ, 2. Шт.-кап. Живаревъ, 3. Шт.-кап. Астафьевъ, 4. Маіоръ К. Б. Чиляевъ, 5. Поручикъ С. И. Кисовъ, 6. Шт.-кап. Сокальскій, 7. Поручикъ Юнгеръ, 8. Капитанъ Н. Н. Поповъ, 9. Шт.-кап. Алабинъ.

1 — оружейникъ,
1 — ложникъ,
1 — плотникъ,
1 — кузнецъ,
14 — обозныхъ рядовыхъ,
2 — деньщика для штабъ-офицера,
1 — деньщикъ для оберъ-офицера.

Офицеры также, какъ и ополченцы успокоились; первые сто собирались другъ у друга, чтобы проводить время и нѣолько разнообразить монотонную котленскую жизнь. Часто вались обѣды и ужины съ музыкой, за которыми рѣчи лились, къ и шампанское, и очень часто въ этихъ рѣчахъ восхвалась храбрость ополченцевъ. Уже не слышно было тѣхъ стематическихъ нападенiй на болгаръ, какiя бывали прежде.

Въ дружинахъ, теперь, большинство были новые офиры; въ III-й дружинѣ оставались изъ прежнихъ только: каганъ Поповъ, штабсъ-капитанъ Сокальскiй, поручики Жиревъ и Большевъ; изъ остальныхъ же, часть осталась на ляхъ сраженiй, а другая часть — раненые и изувѣченные, ть можетъ, на всю жизнь — въ больницахъ.

Отчаянный болгарофобъ Живаревъ — сдѣлался отчаянмъ болгарофиломъ и до такой степени, что даже женился котленской болгаркѣ.

Оффицiальные и неоффицiальные обѣды не привлекали ня, они мнѣ были въ тягость, ибо, еще съ 29-го декабря, я вствовалъ себя скверно. Острыя боли въ желудкѣ, ревмазмъ, головная боль, а иногда и нервные припадки — не вали мнѣ покоя, поэтому я предпочиталъ проводить время себя на квартирѣ, въ обществѣ домочадцевъ старухи X.; ленькiй мой прiятель Петръ обратилъ на себя мое вниманiе оей сообщительностью и большой памятью; онъ очень люлъ читать; мнѣ было прiятно видѣть его радость, когда я иносилъ ему новыя книги и не разъ удивлялся, когда, по очтенiи книги, мальчикъ подробно и съ интонацiей разсказалъ мнѣ о содержанiи всего имъ прочитаннаго.

— Грѣшно будетъ, бабушка, если не позволишь Петру иться,“ говорилъ я его матери.

— „Эхъ, родной, какъ мнѣ учить его, коли средствъ ту, вѣдь безъ отца онъ, сирота,“ печально отвѣчала она.

На первыхъ порахъ, въ Котлѣ находились въ изобиліи и очень дешево разные съѣстные продукты, привозимые изъ Тырнова, но зато впослѣдствіи все очень вздорожало, даже стало дороже, чѣмъ въ Габровѣ: большіе снѣга затрудняли доставку провіанта изъ Свиштова и Тырнова. Чувствительнѣе всего былъ недостатокъ въ фуражѣ для лошадей. Напримѣръ *ока* сѣна продавалась по 20—25 копѣекъ, да еще и не всегда можно было достать.

Начальство принуждено было покупать какъ фуражъ, такъ и скотъ для зарѣза изъ отдаленныхъ деревень и посылаемые за покупкой люди попадали часто въ огонь ружейныхъ выстрѣловъ со стороны враждебнаго турецкаго населенія; такъ это случилось съ подпоручикомъ Стояновымъ, высланнымъ во главѣ болгарской сотни, въ одно турецкое село за фуражемъ; лишь только онъ приблизился къ селу, какъ неожиданно былъ встрѣченъ засадой: турки открыли огонь по фронту и съ тылу; Стояновъ разсыпалъ цѣпью сотню и долженъ былъ отступить по другой дорогѣ.

Такіе случаи проявленія вражды турокъ противъ болгаръ и русскихъ не были единичными. Еще съ самаго начала нашего прибытія въ Котелъ, являлись къ намъ болгаре изъ окрестностей съ жалобами на нападенія турокъ, ихъ грабежи и даже убійства; и дѣйствительно, въ ту пору никто изъ болгаръ и русскихъ не могъ проходить черезъ турецкую деревню: турки убивали каждаго попадавшагося *гяура* — они никакъ не могли примириться съ новымъ своимъ положеніемъ.

Такія выходки со стороны турокъ заставили, наконецъ, начальство принять нужныя мѣры. Во второй половинѣ марта, выслана была III-я дружина въ турецкія села: Кадыръ-Факліи, Караджиларе, Фетлачъ и др., чтобы обезоружить турецкое населеніе. Дружина съ надлежащей предосторожностью приступила къ обезоруженію турокъ и, не смотря на то, хорошее оружіе ими было попрятано, такъ какъ въ ихъ домахъ дружиной были найдены лишь старыя и негодныя ружья, пистолеты и ятаганы.

Когда уже все оружіе было отбрано у жителей с. Фетлача и дружина собиралась въ путь, раздался ружейный выстрѣлъ и пуля просвистѣла надъ головами дружины. Выслали команду, которая, немного спустя, привела блѣднаго, дрожащаго отъ страха турка, который хотя сказывался больнымъ, однако

выстрѣлъ былъ слышенъ изъ его дома, что подтверждали и его сосѣди; поэтому майоръ Чиляевъ приказалъ дать ему 50 горячихъ.

27-го марта дружина, возвратилась въ Котелъ.

Не легко примирялось фанатическое мусульманское населеніе съ новымъ своимъ положеніемъ, въ особенности, въ занятыхъ русскими войсками мѣстахъ; тѣ же изъ турокъ, которые находились вблизи или по эту сторону демаркаціонной линіи, не только относились враждебно къ русскимъ и болгарамъ, но очень часто, какъ я уже упомянулъ, нападали на болгарское неселеніе, грабили имущества и убивали, угрожая даже г. Котлу. Начальство приняло мѣры для обороны отъ непріятеля въ случаѣ нападеніи. По личному указанію начальника штаба Ополченія — приступили къ укрѣпленію г. Котла. Для этой цѣли былъ назначенъ прапорщикъ Большевъ, въ распоряженіи котораго дружины ежедневно давали извѣстное число рабочихъ — ополченцевъ. Вскорѣ окружность города было хорошо укрѣплена.

У укрѣпленія на османъ-базарской дорогѣ была назначена дежурная часть, готовая всякую минуту встрѣтить непріятеля какъ подобаетъ. Для усмиренія турецкаго населенія высылались дружины, которымъ приходилось часто имѣть стычки съ турецкими жителями селъ Садова, Кадыръ-Факлій и Фетлача. Такимъ образомъ, войсковыя части на демаркаціонной линіи, всегда были на сторожѣ и на готовѣ драться съ турками.

Болгарское населеніе часто жаловалось и просило защиты и помощи начальства; такъ, 2-го апрѣля, поступила жалоба и просьба о помощи къ начальнику Ополченія генералу Давыдову; въ тотъ день множество перепуганныхъ жителей изъ с. Вербицъ прибыли въ Котелъ и сообщили начальству, что турецкія войска и множество башибузуковъ пришли въ село, подожгли его и перебили множество народа.

Начальство не совсѣмъ довѣряло подобнымъ жалобамъ, ибо за послѣднее время многія подобныя жалобы оказывались невѣрными; но все же выслало взводъ болгарской конной сотни, подъ командой юнкера Юрьева, ему было вручено письмо къ пребывавшему въ Вербицахъ командиру табора; въ этомъ письмѣ требовалось содѣйствіе этого камандира для обезоруженія какъ турецкаго, такъ и болгарскаго населенія

с. Вербицъ и требовалось выступленіе его табора изъ названнаго села.

По прибытіи команды въ Вербицы, въ турецкомъ войскѣ обнаружилось какое-то движеніе, а немного спустя, толпа башибузуковъ появилась на окраинахъ села.

Юрьевъ передалъ письмо командиру табора; письмо было написано на турецкомъ и русскомъ языкахъ. Такъ какъ не оказалось ни зарѣзанныхъ болгаръ, ни сожженной деревни, то командиръ табора отвѣтилъ, что безъ приказанія своего начальства, онъ оставить даревню не можетъ, а равно, не можетъ позволить и разоружать населеніе.

— „Впрочемъ, я потребую инструкцій отъ моего начальства,“ сказалъ турецкій офицеръ.

И дѣйствително, инструкція была дана: турецкое начальство отдало приказъ, но — о разоруженіе болгарскаго коннаго взвода и отсылкѣ его подъ конвоемъ въ д. Уявенъ. Для конвоированія болгарскаго коннаго взвода былъ высланъ изъ названной деревни полуэскадронъ турецкой конницы. Конвоированнымъ плѣнникамъ перевязали руки, исключая Юрьева, Миты Анкова, К. Бошнякова и П. Панталѣева; послѣдніе четверо плѣнныхъ были верхомъ, но ихъ лошадей вели подъ уздцы турки, а остальные шли пѣшкомъ. Съ прибытіемъ плѣнныхъ въ д. Уявенъ ихъ посадили подъ арестъ и съ ними обращались, какъ съ повстанцами — *комита гяурларъ.*

Наше же начальство, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидало извѣстій изъ с. Вербицъ, каковыя и не замедлились полученіемъ: объ участи команды сообщили бѣжавшіе изъ деревни болгаре; они, кромѣ того, разсказывали о разныхъ ужасахъ, какъ напримѣръ, будто наши кавалеристы были связаны и что по выходѣ изъ деревни, имъ отрѣзали уши и носы.

Почти по тревогѣ были вызваны III-я и IV-я дружины и эскадронъ Нарвскаго гусарскаго полка а затѣмъ была отправлена и VI-я дружина и весь этотъ отрядъ, подъ командой графа Келлера, форсированнымъ маршемъ выступилъ въ с. Вербицы съ цѣлью освободить плѣнныхъ и заставить турокъ покинуть деревню.

4-го апрѣля день былъ ясный; солнце обильно посылало на землю свои согрѣвающіе живительные лучи; только что проросшая трава уже пестрилась полевыми ноготками и, будто бархатомъ, покрывала землю по обѣ стороны дороги и даже самую

грунтовую дорогу; лѣса уже пробудились отъ зимняго сна, но еще дремали, нѣжась въ волнахъ весенняго воздуха; вообще природа была прелестна и располагала человѣка къ веселости, которую мы обыкновенно выражаемъ въ пѣснѣ. Но ополченцы не пѣли; видно было, что имъ не до торжества пробуждающейся природы и они не хотѣли ее порадовать своими храбрыми пѣснями, которыми оглашали поля битвы во время ожесточенныхъ сраженій; теперь они обмѣнивались мыслями, по поводу накипѣвшаго въ ихъ душѣ чувства негодования и ярости противъ турокъ, чувства мести за звѣрства и поруганія, совершенныя надъ ихъ товарищами . . .

Подъ вечеръ, отрядъ прибылъ въ с. Вербицы; понятно, были приняты всѣ мѣры предосторожности, соблюдаемыя въ походахъ; прежде чѣмъ приблизиться къ деревнѣ, отрядъ остановился и разсыпалъ цѣпь. Немного погодя, мы замѣтили, что непріятель дѣлаетъ тоже самое: его цѣпь укрывалась за зоборами домовъ и садовъ по окраинамъ деревни.

Графъ Келлеръ послалъ меня съ гарнистомъ и бѣлымъ флагомъ передать предложеніе начальнику турецкаго отряда, чтобы турецкія войска немедленно оставили деревню и освободили бы Юрьева съ его взводомъ или, въ противномъ случаѣ, будетъ употреблена сила.

Бинбашія, командиръ табора, отказался исполнить приказанія, прибавивъ, что нашъ конный отрядъ высланъ въ с. Уявенъ.

— „Идите и передайте командиру табора сейчасъ же явиться ко мнѣ!“ приказалъ мнѣ въ отвѣтъ графъ Келлеръ: „въ противномъ случаѣ, черезъ 1/4 часа прикажу войскамъ силой взять село!“

На этотъ разъ *бинбашія* не противорѣчилъ и явился къ начальнику отряда, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ; графъ пригласилъ турецкихъ офицеровъ усѣсться на постланномъ на зеленой травѣ коврикѣ. *Бинбашія* усѣлся по турецки, а двое офицеровъ стали на колѣняхъ за своимъ начальникомъ и скрестили руки на груди. Послѣ непродолжительнаго разговора, *бинбашія* согласился допустить нашъ отрядъ размѣститься въ деревнѣ, впредь, до полученія приказаній отъ его начальства.

Такимъ образомъ, солдаты и офицеры расположились въ деревнѣ, по квартирамъ, а графъ Келлеръ помѣстился въ домѣ

вербицкаго *султана* — командира табора. По деревнѣ, во время нашего пребыванія ходили смѣшанные патрули изъ нашихъ и турокъ, а вокругъ деревни — наши разъѣзды.

Слѣдуетъ нѣсколько возвратиться назадъ и разсказать о нашихъ плѣнникахъ. Какъ только ихъ привели въ с. Уявенъ, Юрьевъ и его команда были заперты въ грязной темной комнатѣ, въ которой они провели три ночи безъ сна, ибо не было мѣста гдѣ лечь. На слѣдующій день, по прибытіи, Юрьевъ и Дмитрій Анковъ были вызваны *мири-алаемъ,**) который разспросилъ ихъ кто они такіе и откуда пришли въ с. Вербицы; на эти вопросы Д. Анковъ отвѣтилъ по турецки, что они посланы начальникомъ Ополченія *вотъ съ этими письмами* и Анковъ указалъ на письма, лежавшія на столѣ у *мири-алая*, которыя были переданы Юрьевымъ начальнику табора.

— Да, это тѣ письма, которыя вы принесли отъ вашего генерала," сказалъ *мири-алай*: „но командиръ табора принялъ васъ за четы Петра, которыя ходятъ по турецкимъ селамъ и притѣсняютъ населеніе и сообщилъ мнѣ объ этомъ, и потому я приказалъ остановить васъ, пока не будутъ собраны о васъ надлежащія свѣдѣнія; но теперь я убѣдился, что вы солдаты русскаго Царя и завтра я васъ отпущу обратно."

Дѣйствительно, на слѣдующій день плѣнникамъ возвратили оружіе и отпустили ихъ обратно въ с. Вербицы.

При отъѣздѣ взвода, *мири-алай* сказалъ:

— „Вашъ командиръ теперь въ Вербицахъ, кланяйтесь ему и передайте, что я вскорѣ тоже туда прибуду."

Какъ только выѣхали изъ деревни Уявенъ, во главѣ съ Юрьевымъ, взводъ запѣлъ:

„Мы дрались турокъ съ тобою,
По горамъ твоимъ Балканскимъ
Раздалась слава о насъ."

Когда *мири-алай* прибылъ въ д. Вербицы и явился къ графу Келлеру, послѣдній черезъ переводчика, доктора Панова, сдѣлалъ ему выговоръ, за то, что тотъ не по военному обошелся съ его посланцами — Юрьевымъ и его взводомъ. *Мири-алай* оправдывалъ себя словами: „янглышлыкъ олмушъ." **)

---

*) Полковой командиръ, полковникъ.

**) Ошиблись. Прим. Пер.

Полковникъ графъ Келлеръ угостилъ *мири-алая*.

При отъѣздѣ изъ Вербицъ въ Котелъ, турецкій таборъ держалъ ружья на караулъ все время, пока проходила III-я дружина.

Въ Вербицахъ осталась VI-я дружина и упомянутый турецкій таборъ.

XVII.

Первый приказъ объ увольненіи ополченцевъ. — Путешествіе въ г. Одринъ (Адріанополь). — Поселяне послѣ войны. — Еще о *храбрыхъ* воеводахъ. — На квартирѣ у армянина. — Армянскій ужинъ. — Мечеть Селима. — Въ Безистенѣ. — Изъ Одрина обратно въ г. Котелъ. — Учрежденіе офицерскаго суда въ Ополченіи. — Ополченіе въ г. Софіи. — Въ лагерѣ подъ г. Пловдивымъ. — Переводъ военныхъ уставовъ. — Второй приказъ объ увольненіи ополченцевъ. — Переформированіе Ополченія. — Основаніе болгарской артиллеріи и юнкерскаго училища. — Прокламація князя Дондукова-Корсакова. — Приказъ по Ополченію генерала Давыдова. — Первый начальникъ болгарскихъ земскихъ войскъ. — Прощаніе съ ополченцами.

Послѣ заключенія мира, приказомъ по Ополченію было разрѣшено дружиннымъ командирамъ увольнять желающихъ выйти изъ рядовъ дружинъ ополченцевъ, такъ какъ они не были обязаны срочной службой. При этомъ было приказано: всѣмъ увольняющимся ополченцамъ выдавать свидѣтельства о времени нахожденія ихъ на службѣ, объ участіи ихъ въ сраженіяхъ, съ указаніемъ о полученныхъ наградахъ и ранахъ, и также бывали ли въ бѣгахъ, и затѣмъ, если увольнявшіеся были хорошаго поведенія, то разрѣшалось отмѣчать въ свидѣтельствѣ: „Имѣетъ право на всѣ преимущества, которыя будутъ установлены для служившихъ въ Ополченіи, а также — и на медаль.“

Но не многіе захотѣли увольниться, а лишь просили объ отпускѣ на пасхальные праздники.

— „Развѣ, я не говорилъ что параходомъ поѣду въ Македонію!“ воскликнулъ Трайко съ радостью.

Онъ дѣйствительно поѣхалъ въ Македонію, но только не черезъ Солунь, а черезъ Родопскія горы.

Въ г. Котлѣ были получены награды за шейновскій бой. Въ 3-й ротѣ получили награды только нѣсколько ополченцевъ, между которыми былъ и вольноопредѣляющійся унт.-офицеръ Н. Коншинъ — тотъ самый, который былъ раненъ въ старозагорскомъ бою и о которомъ было упомянуто мной выше.

Здоровье мое, между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы улучшаться, становилось все хуже и хуже; доктора совѣтовали перемѣнить климатъ и мое начальство само мнѣ предложило уѣхать въ отпускъ.

— Куда ѣхать? Въ Россію ѣхать мнѣ не хотѣлось; путешествовать по Болгаріи, въ которой на каждомъ шагу по неволѣ бы приходилось натыкаться на ужасные слѣды войны — разрушенные и погорѣлые города и села, и еще свѣжія могилы — тоже не хотѣлось и я рѣшился провести время отпуска въ г. Одринѣ, второй столицѣ Турціи.

Я выбралъ этотъ городъ еще и потому, что нашелъ себѣ спутника, вольноопредѣляющагося IV-й дружины, барона Клейста. Мы оба не знали дороги и потому сняли съ карты кроки и пустились въ путь, не смотря на то, что башибузуки сновали по деревнямъ, причиняя своимъ разбойничествомъ много вреда населенію.

Въ первый же день мы прибыли въ г. Ямболь; этотъ городъ пострадалъ также, какъ и другіе: кое-гдѣ лишь виднѣлись уцѣлѣвшіе дома. Изъ Ямболя мы отправились далѣе, въ Казылъ-Агачъ.

Погода стояла теплая. Весенній снѣгъ уже давно растаялъ; поля и луга были покрыты зеленой пеленою хлѣбныхъ посѣвовъ и травъ; высоко въ небѣ летали жаворонки, оглашая весенній воздухъ своими трелями; но зато дорога была ужасная: мы боялись, что лишимся своихъ лошадей; особенно скверная была дорога до Казылъ-Агача.

Не смотря на то, что съ нами были кроки, мы заблудились и вмѣсто того, чтобы попасть въ д. Казладжи-Кіой, мы попали въ с. Драмаліи, и, навѣрное, долго бы еще блуждали, если бы не встрѣчались по пути прохожіе, направлявшіеся къ Одрину или обратно.

Дорога была на столька плоха, что хотя мы и ѣхали верхомъ, нѣкоторые пѣшеходы не только шли рядомъ съ нами, но и обгоняли насъ. Встрѣчныхъ людей я обыкновенно спрашивалъ: откуда и куда они идутъ?

— „Идемъ, господинъ, внизъ, къ Одрину,“ отвѣчали нѣкоторые: „тамъ, говорятъ, есть много скота, такъ мы хотимъ купить одну, двѣ штуки; были у насъ и овцы, и буйволы и коровы, всего далъ Богъ, ну, а теперь ничего нѣтъ, все увели турки; давно уже весна, а намъ, бѣднякамъ, нечѣмъ пахать!“

— „Идемъ искать сыновей, братьевъ,“ заявляли другіе: „турки много народа отвели въ г. Одринъ.“

Нѣкоторые изъ встрѣчавшихся были изъ сливненскаго уѣзда.

— А въ Сливнѣ, развѣ, нѣтъ скота въ продажѣ? спрашивалъ я такихъ поселянъ.

— „Есть, какъ нѣтъ, господинъ, но скотъ большею частью въ рукахъ кулаковъ,“ отвѣтилъ одинъ изъ поселянъ: „третьяго дня былъ я у воеводъ *дѣда* Желя и Панайота; ты небось ихъ знаешь? молодцы войводы! много турокъ они поубивали въ котленскомъ округѣ и довольно таки нагнали скота; такъ вотъ, говорю тебѣ, отправился я къ нимъ купить себѣ буйволицу, но ужасно дорого просятъ: за одну буйволицу съ теленкомъ — 22 лиры*); предлагалъ 18 лиръ, но они не отдали.“

Дорога отъ Казылъ-Агача, какъ я уже говорилъ, была сравнительно лучше, но лошади наши до того были утомлены, что не только не было никакой возможности ускорить ѣзду, но нужно было по деревнямъ останавливаться еще и для отдыха. Не смотря на то, что въ этихъ мѣстахъ не было битвъ и башибузуки и черкесы не столь свирѣпствовали, какъ въ другихъ мѣстахъ, все же населеніе, преимущественно греческое и болгарское, было совсѣмъ обѣднѣвшее: грабили проходившія турецкія войска, грабили и жители-турки изъ сосѣднихъ селъ.

Наконецъ, не доходя деревни Фикелій, мы увидѣли вдали заблестѣвшіе высокіе минареты большой, съ 999 окнами, мечети Султана-Селима.

Смотря съ горы, которая находится у деревни Фикелій, прекрасно видны городъ Одринъ и его окрестности. Рѣка Тунджа почти до самой деревни Фикелій течетъ буйно и шумно, какъ бы стремясь сойтись съ своей старшей сестрой — рѣкой Марицей, а отъ этой деревни — будто усталая и изнемогшая, кротко течетъ по равнинѣ, извиваясь тонкой змейкою

---

*) Лира -- турецкая золотая монета, около 24 франковъ. Прим. Пер.

на равнинѣ кое-гдѣ виднѣлись отдѣльные дома и надворныя постройки — очевидно хутора богатыхъ турецкихъ *беевъ.**)

Отдохнувъ въ д. Фикеліяхъ, населенной греками, мы продолжили свой путь. Близость города насъ соблазняла и мы погоняли усталыхъ лошадей.

По пути виднѣлись съ обѣихъ сторонъ города хорошо и солидно построенныя временныя укрѣпленія. Турки любятъ строить себѣ хорошія укрѣпленія и еще лучше — защищать свои укрѣпленія; при какихъ бы то ни было случаяхъ и вездѣ они строятъ таковыя, но для Одрина — своей второй столицы — они, какъ будто, поскупились. Правда, здѣсь было построено нѣсколько редутовъ, люнеты и ложементы для стрѣлковъ, вполнѣ примѣненныя къ данной мѣстности, но, по моему мнѣнію, все же, этого было бы недостаточно для упорной защиты города отъ превосходящихъ непріятельскихъ силъ.

Мы были еще далеко отъ города, когда послѣдніе косые лучи солнца, отражаясь на куполахъ мечетей, на окнахъ и крышахъ домовъ ослѣпительнымъ блескомъ, предвѣщали наступленіе сумерокъ; немного погодя, зажглись огоньки, и наконецъ, совсѣмъ стемнѣло.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, вечеромъ, мы уже были на квартирѣ, отведенной намъ городскимъ комиссаромъ.

Хотя мы были и очень голодны, но въ то же время и столь утомлены, что предпочли не ужинать, а лечь спать. Хозяинъ дома, армянинъ, вошелъ къ намъ въ комнату, поздоровался и тотчасъ же ушелъ. Спустя немного, у дверей показалась служанка, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ что-то было наставлено и, со словами: „буюрунусъ,“ **) поставила этотъ подносъ на столъ, постлала намъ постели и ушла. Оставшись вдвоемъ съ бороном, мы, предвкушая вкусный ужинъ, торжественно подошли къ столу: на подносѣ оказались двѣ тарелки: въ одной — кислая капуста, а въ другой — что-то въ родѣ каши, домашняго приготовленія *халва.****)

— Вѣроятно намъ принесутъ еще что-нибудь поужинать, замѣтили мы другъ другу, и усѣлись терпѣливо ожидать.

*) Бей — господинъ, помѣщикъ.

**) По турецки: „пожалуйте.“

***) Домашнюю халву на Балканахъ приготовляютъ изъ муки, воды и меду или сахару. Прим. Пер.

Дѣйствительно, спустя немного, въ дверяхъ снова показалась служанка, посмотрѣла на тарелки и, видя, что онѣ были еще полны, опять вышла; было очевидно, что она приходила убрать тарелки, а потому мы, не долго думая, сѣли за столъ; не знали только съ чего начать: съ капусты или съ халвы, но, такъ какъ сладкое полагается ѣсть послѣднимъ, то мы начали съ капусты. Утоливъ голодъ этимъ, по восточному, вкуснымъ ужиномъ, мы легли спать.

— „Какіе глупые обычаи и вкусъ имѣютъ эти восточные народы!" удивлялся баронъ, послѣ того, какъ мы утолили голодъ и приготовлялись ложиться спать.

На слѣдующій день, утромъ, я и баронъ отправились погулять по городу, улицы котораго были переполнены разнымъ людомъ. Первою нашею задачею было посѣтить знаменитую мечеть Султана-Селима и *безистенъ.* *)

Въ мечети насъ встрѣтилъ *ходжа,* **) который, повидимому очень любезно, началъ намъ показывать разные наиболѣе примѣчательные предметы. Разсмотрѣвъ внутренній видъ мечети, я былъ пораженъ величіемъ и красотою этого творенія рукъ человѣка: множество колоннъ, стѣны и полы были сдѣланы изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора. Намъ хотѣлось взойти и на минаретъ, но намъ отвѣтили, что надо придти нѣсколько позднѣе. Изъ мечети мы отправились въ *безистенъ,* который, какъ и улицы, былъ переполненъ публикой, среди которой было много русскихъ офицеровъ и чиновниковъ.

Передъ кофейнями и у открытыхъ лавокъ сидѣли рядами турки, покуривая въ молчаніи свои кальяны и трубки изъ длинныхъ чубуковъ; ихъ надутыя и сердитыя лица выдавали затаенную, безсильную злобу и ненависть къ проходившимъ мимо нихъ *гяурамъ.* Впрочемъ, они и не скрывали своей ненависти и не пропускали случая, если можно было отомстить за пораженіе и униженіе, нанесенное ихъ арміи и отечеству.

Примѣры такого мщенія были не разъ, и даже десять дней до нашего пріѣзда въ Одринъ, было найдено тѣло одного рускаго полковника, убитаго турками; тѣло было брошено въ колодезь, находившійся въ турецкой части города.

---

*) Крытый базаръ.

**) Турецкій священникъ. Прим. Пер.

Множество разныхъ античныхъ вещей и костюмовъ, которые продавались въ *безистенѣ*, были такъ дороги, что не всякому были по карману. Въ пасажѣ *безистена* толпа была столь велика, что приходилось постоянно толкаться и, наконецъ, совсѣмъ стало трудно ходить и потому мы ушли изъ *безистена* и отправились обѣдать.

Въ Одринѣ мы пробыли недѣлю и, *21-го апрѣля*, отправились обратно въ г. Котелъ — по желѣзной дорогѣ до Новой Загоры, а оттуда черезъ Сливну и дер. Ичеру въ г. Котелъ. Не зная времени, когда пріѣзжаетъ поѣздъ изъ Царьграда, отправляющійся въ Новую Загору, мы были принуждены цѣлый день прождать на станціи, и лишь на слѣдующій день пріѣхать въ Новую Загору. О существованіи вокзала въ Новой Загорѣ свидѣтельствовало лишь пепелище — всѣ постройки сгорѣли.

По пути изъ Новой Загоры въ Сливно, мы остановились отдыхать на сливненскихъ минеральныхъ водахъ. Въ г. Сливно мы прибыли вечеромъ; ночевали въ домѣ у какого то Трифона, который насъ нагналъ по дорогѣ и любезно пригласилъ насъ остановиться въ его домѣ.

Этотъ случайный нашъ знакомый, Трифонъ, угостилъ насъ хорошимъ ужиномъ, а послѣ ужина долго угощалъ насъ зажигательными разсказами о страданіяхъ болгаръ и о звѣрствахъ турокъ. Въ разговорѣ, я распросилъ Трифона, о моемъ пріятелѣ, Константинѣ Попъ-Димитровѣ, бывшемъ моемъ сослуживцѣ по Минскому полку, о которомъ говорили, что онъ поступилъ въ *чету* Ботева и въ одной изъ стычекъ этой *четы* съ турками былъ убитъ, но нашъ хозяинъ не могъ дать мнѣ интересующихъ меня свѣдѣній; на слѣдующій день я побывалъ и у родныхъ К. Димитрова съ цѣлью что-нибудь о немъ узнать, но имъ тоже ничего не было извѣстно о судьбѣ моего сослуживца.

Въ этотъ же день, вечеромъ, мы прибыли въ г. Котелъ. Во время моего отсутствія, приказомъ по Ополченію отъ 4-го апрѣля, было объявлено объ учрежденіи офицерскаго суда, по образцу существующихъ судовъ въ полкахъ; но, въ виду того, что въ дружинахъ офицеровъ было немного, то для III-ей, IV-й, V-й и VI-й дружинъ учреждался только одинъ судъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ капитанъ Васильевъ.

Тѣмъ же приказомъ было объявлено объ установленіи дружинныхъ судовъ для нижнихъ чиновъ вмѣсто таковыхъ же, учрежденныхъ еще въ Плоэштахъ; но, въ виду того, что составъ офицеровъ въ дружинахъ съ того времени значительно измѣнился и офицеровъ было мало, для I-ой, II-й, III-ей, IV-ой, V-ой, VI-ой и X-ой дружинъ былъ учрежденъ въ г. Котлѣ временный судъ для нижнихъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ маіора Мединскаго и въ составѣ членовъ: шт.-кап. Сокальскаго и Сократова, и секретаря — поручика Стоянова, адъютанта I-ой бригады Ополченія.

Спустя нѣсколько дней, мнѣ и подпоручику Гуджеву было поручено генераломъ Давыдовымъ перевести на болгарскій языкъ уставы о внутренней и гарнизонной службѣ, причемъ генералъ намъ сообщилъ, что мы будемъ освобождены отъ прочихъ служебныхъ обязанностей.

Ополченіе, между тѣмъ, въ скоромъ времени должно было покинуть г. Котелъ, и, вслѣдствіе того, исполненіе даннаго намъ порученія было отложено.

30-го апрѣля, Ополченіе выступило изъ г. Котла въ г. Софію, чрезъ Сливну, Новую Загору, затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Татаръ-Пазарджика, а оттуда походомъ чрезъ село Вакарелъ въ будущую столицу Болгаріи, и прибыло къ мѣсту назначенія 10-го мая.

Встрѣча въ Софіи была очень торжественна. Ополченцы были встрѣчены множествомъ народа, во главѣ съ духовенствомъ. На краю города — въ восточной его части, на зеленой полянѣ, для офицеровъ и ополченцевъ была приготовлена богатая закуска.

11-го мая, послучаю праздника Св. Кирилла и Меѳодія, состоялся церковный парадъ и этотъ день былъ отпразднованъ торжественно.

12-го мая, въ III-ю дружину прибыла первая партія новобранцевъ въ 393 человѣка. При распредѣленіи новобранцевъ по ротамъ было обращено вниманіе, чтобы новобранцы — односельчане были въ однихъ и тѣхъ же ротахъ и взводахъ. Начальствующимъ лицамъ было рекомендовано, при воспитаніи новобранцевъ, сообразовываться съ душевными наклонностями и физическими силами каждаго изъ нихъ, не допуская въ тоже время излишней снисходительности, а равно, и мелочныхъ придирокъ.

16-го мая, начались обычныя занятія съ новобранцами.

Въ концѣ мая мѣсяца я былъ откомандированъ въ г. Одринъ получить матеріалы для обмундированія ополченцевъ; тамъ мнѣ было выдано: 1,966 рубахъ и на 983 человѣка шинелей, сапогъ, брюкъ, галстуковъ, и нижняго бѣлья, затѣмъ — 2,287½ аршина темнозеленаго сукна, 15 аршинъ краснаго сукна, 17,690 аршинъ подкладочной матеріи, 2,211 аршинъ фламандскаго полотна, 983 пары передковъ для сапогъ и столько же паръ сапожпыхъ подметокъ а также и 1,920 рублей деньгами.

Деньги и все эти вещи я принялъ, упоковалъ, выслалъ въ г. Пловдивъ, гдѣ находился лагерь I-го Ополченія и IX-й и X-й дружинъ II-го Ополченія, на лѣтнихъ занятіяхъ.

Какъ только я и поручикъ Гуджевъ прибыли въ г. Пловдивъ, насъ освободили отъ всякихъ служебныхъ занятій и мы занялись исполненіемъ возложеннаго на насъ ранѣе порученія — переводомъ съ русскаго на болгарскій языкъ уставовъ внутренней и гарнизонной службы; эта работа и была нами исполнена: я перевелъ уставъ гарнизонной, а поручикъ Гуджевъ — внутренней службы; переведенные нами уставы тогда же были отпечатаны и переплетены въ одномъ томѣ.

Предписаніемъ отъ 1-го іюля Россійскій Императорскій Комиссаръ увѣдомилъ начальника Ополченія, что въ виду начавшагося уже переформированія дружинъ Ополченія и пополненія таковыхъ посредствомъ обязательной воинской повинности, разрѣшается увольнять въ отставку тѣхъ изъ охотниковъ, которые поступили въ ряды еще на старомъ основаніи, во время войны, и которые того пожелаютъ, при чемъ предписывались слѣдующія правила для руководства:

1) Увольняемымъ выдавать свидѣтельства съ пропискою — когда поступилъ на службу, въ какихъ сраженіяхъ былъ, какіе имѣетъ знаки отличія, былъ ли раненъ и имѣетъ ли права на полученіе ежемѣсячнаго вспомоществованія, назначеннаго раненымъ и увѣчнымъ или тяжело больнымъ, не имѣющимъ средствъ къ пропитанію.

2) Людямъ, увольняемымъ въ отставку, выдавать кормовыя деньги по разсчету 25 копѣекъ въ сутки (считая и дневки) на весь путь до ихъ родины или до того мѣста, которое они избрали для своего жительства.

3) Выдать деньги въ томъ же размѣрѣ и тѣмъ изъ ополченцевъ, которые были уволнены раньше.

4) Дружиннымъ командирамъ предписывается препроводить къ подлежащимъ губернаторамъ списки бывшимъ охотникамъ (согласно § 1), имѣющимъ право на ежемѣсячное пособіе.

5) Гражданскому вѣдомству предписывается Императорскимъ комиссаромъ принять, съ своей стороны, мѣры къ отысканію тѣхъ охотниковъ изъ числа поступившихъ въ Болгарское Ополченіе, которые, вслѣдствіе ранъ или увѣчья, были уволнены изъ дружинъ ранѣе и уже прибыли на свою родину и не имѣютъ средствъ къ пропитанію.

6) Изъ желающихъ продолжать службу въ Ополченіи оставлять только дѣйствительно полезныхъ и надежныхъ, при чемъ обязать ихъ, въ силу заключенныхъ съ каждымъ отдѣльно условіямъ, годичною службою и, затѣмъ, таковыхъ лицъ приравнить по правамъ и содержанію къ кадровымъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ поступить въ ряды земскаго болгарского войска изъ русской арміи, т. е. содержаніе рядовымъ опредѣлить въ размѣрѣ унтеръ-офицерскаго оклада, а унтеръ-офицерамъ — фельдфебельскаго оклада.

7) На уволнительныхъ билетахъ ясно прописывать названія города или села, округа и санджака,*) которые увольняемый избираетъ мѣстомъ своего жительства.

29-ое іюня. За все это время, занятія съ ополченцами шли усиленно. Начальникъ Ополченія, генералъ Давыдовъ, посѣтилъ дружины и осмотрѣлъ прикладку, прицѣливаніе и спускъ курка.

Въ качествѣ завѣдывающаго оружіемъ въ дружинѣ, мнѣ было приказано изготовить нужное количество мишеней и приступить къ устройству валовъ для стрѣльбы. Кромѣ того, было приказано приготовить въ каждой ротѣ по одному станку для обученія людей прицѣливанію и для пристрѣлки ружей.

6-го іюля, я окончилъ осмотръ ружей, а 7-го — приступилъ къ ихъ пристрѣлкѣ.

Въ теченіи іюля мѣсяца, отъ дружинъ были выбраны люди, соотвѣтствующіе для службы въ артиллеріи и изъ нихъ

*) Санджакъ — слово турецкое, по русски — губернія. Прим. Пер.

вербицкаго *султана* — командира табора. По деревнѣ, во время нашего пребыванія ходили смѣшанные патрули изъ нашихъ и турокъ, а вокругъ деревни — наши разъѣзды.

Слѣдуетъ нѣсколько возвратиться назадъ и разсказать о нашихъ плѣнникахъ. Какъ только ихъ привели въ с. Уявенъ, Юрьевъ и его команда были заперты въ грязной темной комнатѣ, въ которой они провели три ночи безъ сна, ибо не было мѣста гдѣ лечь. На слѣдующій день, по прибытіи, Юрьевъ и Дмитрій Анковъ были вызваны *мири-алаемъ,**) который разспросилъ ихъ кто они такіе и откуда пришли въ с. Вербицы; на эти вопросы Д. Анковъ отвѣтилъ по турецки, что они посланы начальникомъ Ополченія *вотъ съ этими письмами* и Анковъ указалъ на письма, лежавшія на столѣ у *мири-алая,* которыя были переданы Юрьевымъ начальнику табора.

— Да, это тѣ письма, которыя вы принесли отъ вашего генерала," сказалъ *мири-алай:* „но командиръ табора принялъ васъ за четы Петра, которыя ходятъ по турецкимъ селамъ и притѣсняютъ населеніе и сообщилъ мнѣ объ этомъ, и потому я приказалъ остановить васъ, пока не будутъ собраны о васъ надлежащія свѣдѣнія; но теперь я убѣдился, что вы солдаты русскаго Царя и завтра я васъ отпущу обратно."

Дѣйствительно, на слѣдующій день плѣнникамъ возвратили оружіе и отпустили ихъ обратно въ с. Вербицы.

При отъѣздѣ взвода, *мири-алай* сказалъ:

— „Вашъ командиръ теперь въ Вербицахъ, кланяйтесь ему и передайте, что я вскорѣ тоже туда прибуду."

Какъ только выѣхали изъ деревни Уявенъ, во главѣ съ Юрьевымъ, взводъ запѣлъ:

„Мы дрались турокъ съ тобою,
По горамъ твоимъ Балканскимъ
Раздалась слава о насъ."

Когда *мири-алай* прибылъ въ д. Вербицы и явился къ графу Келлеру, послѣдній черезъ переводчика, доктора Панова, сдѣлалъ ему выговоръ, за то, что тотъ не по военному обошелся съ его посланцами — Юрьевымъ и его взводомъ. *Мири-алай* оправдывалъ себя словами: „янглышлыкъ олмушъ."**)

---

*) Полковой командиръ, полковникъ.

**) Ошиблись. Прим. Пер.

Полковникъ графъ Келлеръ угостилъ *мири-алая.*

При отъѣздѣ изъ Вербицъ въ Котелъ, турецкій таборъ держалъ ружья на караулъ все время, пока проходила III-я дружина.

Въ Вербицахъ осталась VI-я дружина и упомянутый турецкій таборъ.

XVII.

Первый приказъ объ уволненіи ополченцевъ. — Путешествіе въ г. Одринъ (Адріанополь). — Поселяне послѣ войны. — Еще о *храбрыхъ* воеводахъ. — На квартирѣ у армянина. — Армянскій ужинъ. — Мечеть Селима. — Въ Безистенѣ. — Изъ Одрина обратно въ г. Котелъ. — Учрежденіе офицерскаго суда въ Ополченіи. — Ополченіе въ г. Софіи. — Въ лагерѣ подъ г. Пловдивымъ. — Переводъ военныхъ уставовъ. — Второй приказъ объ увольненіи ополченцевъ. — Переформированіе Ополченія. — Основаніе болгарской артиллеріи и юнкерскаго училища. — Прокламація князя Дондукова-Корсакова. — Приказъ по Ополченію генерала Давыдова. — Первый начальникъ болгарскихъ земскихъ войскъ. — Прощаніе съ ополченцами.

Послѣ заключенія мира, приказомъ по Ополченію было разрѣшено дружиннымъ командирамъ увольнять желающихъ выйти изъ рядовъ дружинъ ополченцевъ, такъ какъ они не были обязаны срочной службой. При этомъ было приказано: всѣмъ увольняющимся ополченцамъ выдавать свидѣтельства о времени нахожденія ихъ на службѣ, объ участіи ихъ въ сраженіяхъ, съ указаніемъ о полученныхъ наградахъ и ранахъ, и также бывали ли въ бѣгахъ, и затѣмъ, если увольнявшіеся были хорошаго поведенія, то разрѣшалось отмѣчать въ свидѣтельствѣ: „Имѣетъ право на всѣ преимущества, которыя будутъ установлены для служившихъ въ Ополченіи, а также — и на медаль."

Но не многіе захотѣли увольниться, а лишь просили объ отпускѣ на пасхальные праздники.

— „Развѣ, я не говорилъ что пароходомъ поѣду въ Македонію!" воскликнулъ Трайко съ радостью.

Онъ дѣйствительно поѣхалъ въ Македонію, но только не черезъ Солунь, а черезъ Родопскія горы.

Въ г. Котлѣ были получены награды за шейновскій бой. Въ 3-й ротѣ получили награды только нѣсколько ополченцевъ, между которыми былъ и вольноопредѣляющійся унт.-офицеръ Н. Коншинъ — тотъ самый, который былъ раненъ въ старо-загорскомъ бою и о которомъ было упомянуто мной выше.

Здоровье мое, между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы улучшаться, становилось все хуже и хуже; доктора совѣтовали перемѣнить климатъ и мое начальство само мнѣ предложило уѣхать въ отпускъ.

— Куда ѣхать? Въ Россію ѣхать мнѣ не хотѣлось; путешествовать по Болгаріи, въ которой на каждомъ шагу по неволѣ бы приходилось натыкаться на ужасные слѣды войны — разрушенные и погорѣлые города и села, и еще свѣжія могилы — тоже не хотѣлось и я рѣшился провести время отпуска въ г. Одринѣ, второй столицѣ Турціи.

Я выбралъ этотъ городъ еще и потому, что нашелъ себѣ спутника, вольноопредѣляющагося IV-й дружины, барона Клейста. Мы оба не знали дороги и потому сняли съ карты кроки и пустились въ путь, не смотря на то, что башибузуки сновали по деревнямъ, причиняя своимъ разбойничествомъ много вреда населенію.

Въ первый же день мы прибыли въ г. Ямболь; этотъ городъ пострадалъ также, какъ и другіе: кое-гдѣ лишь виднѣлись уцѣлѣвшіе дома. Изъ Ямболя мы отправились далѣе, въ Казылъ-Агачъ.

Погода стояла теплая. Весенній снѣгъ уже давно растаялъ; поля и луга были покрыты зеленой пеленою хлѣбныхъ посѣвовъ и травъ; высоко въ небѣ летали жаворонки, оглашая весенній воздухъ своими трелями; но зато дорога была ужасная: мы боялись, что лишимся своихъ лошадей; особенно скверная была дорога до Казылъ-Агача.

Не смотря на то, что съ нами были кроки, мы заблудились и вмѣсто того, чтобы попасть въ д. Казладжи-Кіой, мы попали въ с. Драмаліи, и, навѣрное, долго бы еще блуждали, если бы не встрѣчались по пути прохожіе, направлявшіеся къ Одрину или обратно.

Дорога была на столька плоха, что хотя мы и ѣхали верхомъ, нѣкоторые пѣшеходы не только шли рядомъ съ нами, но и обгоняли насъ. Встрѣчныхъ людей я обыкновенно спрашивалъ: откуда и куда они идутъ?

— „Идемъ, господинъ, внизъ, къ Одрину,“ отвѣчали нѣкоторые: „тамъ, говорятъ, есть много скота, такъ мы хотимъ купить одну, двѣ штуки; были у насъ и овцы, и буйволы и коровы, всего далъ Богъ, ну, а теперь ничего нѣтъ, все увели турки; давно уже весна, а намъ, бѣднякамъ, нечѣмъ пахать!“

— „Идемъ искать сыновей, братьевъ,“ заявляли другіе: „турки много народа отвели въ г. Одринъ.“

Нѣкоторые изъ встрѣчавшихся были изъ сливненскаго уѣзда.

— А въ Сливнѣ, развѣ, нѣтъ скота въ продажѣ? спрашивалъ я такихъ поселянъ.

— „Есть, какъ нѣтъ, господинъ, но скотъ большею частью въ рукахъ кулаковъ,“ отвѣтилъ одинъ изъ поселянъ: „третьяго дня былъ я у воеводъ *дѣда* Желя и Панайота; ты небось ихъ знаешь? молодцы войводы! много турокъ они поубивали въ котленскомъ округѣ и довольно таки нагнали скота; такъ вотъ, говорю тебѣ, отправился я къ нимъ купить себѣ буйволицу, но ужасно дорого просятъ: за одну буйволицу съ теленкомъ — 22 лиры*); предлагалъ 18 лиръ, но они не отдали.“

Дорога отъ Казылъ-Агача, какъ я уже говорилъ, была сравнительно лучше, но лошади наши до того были утомлены, что не только не было никакой возможности ускорить ѣзду, но нужно было по деревнямъ останавливаться еще и для отдыха. Не смотря на то, что въ этихъ мѣстахъ не было битвъ и башибузуки и черкесы не столь свирѣпствовали, какъ въ другихъ мѣстахъ, все же населеніе, преимущественно греческое и болгарское, было совсѣмъ обѣднѣвшее: грабили проходившія турецкія войска, грабили и жители-турки изъ сосѣднихъ селъ.

Наконецъ, не доходя деревни Фикелій, мы увидѣли вдали заблестѣвшіе высокіе минареты большой, съ 999 окнами, мечети Султана-Селима.

Смотря съ горы, которая находится у деревни Фикелій, прекрасно видны городъ Одринъ и его окрестности. Рѣка Тунджа почти до самой деревни Фикелій течетъ буйно и шумно, какъ бы стремясь сойтись съ своей старшей сестрой — рѣкой Марицей, а отъ этой деревни — будто усталая и изнемогшая, кротко течетъ по равнинѣ, извиваясь тонкой змейкою

---

*) Лира — турецкая золотая монета, около 24 франковъ. Прим. Пер.

на равнинѣ кое-гдѣ виднѣлись отдѣльные дома и надворныя постройки — очевидно хутора богатыхъ турецкихъ *беевъ.**)

Отдохнувъ въ д. Фикеліяхъ, населенной греками, мы продолжили свой путь. Близость города насъ соблазняла и мы погоняли усталыхъ лошадей.

По пути виднѣлись съ обѣихъ сторонъ города хорошо и солидно построенныя временныя укрѣпленія. Турки любятъ строить себѣ хорошія укрѣпленія и еще лучше — защищать свои укрѣпленія; при какихъ бы то ни было случаяхъ и вездѣ они строятъ таковыя, но для Одрина — своей второй столицы — они, какъ будто, поскупились. Правда, здѣсь было построено нѣсколько редутовъ, люнеты и ложементы для стрѣлковъ, вполнѣ примѣненныя къ данной мѣстности, но, по моему мнѣнію, все же, этого было бы недостаточно для упорной защиты города отъ превосходящихъ непріятельскихъ силъ.

Мы были еще далеко отъ города, когда послѣдніе косые лучи солнца, отражаясь на куполахъ мечетей, на окнахъ и крышахъ домовъ ослѣпительнымъ блескомъ, предвѣщали наступленіе сумерокъ; немного погодя, зажглись огоньки, и наконецъ, совсѣмъ стемнѣло.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, вечеромъ, мы уже были на квартирѣ, отведенной намъ городскимъ комиссаромъ.

Хотя мы были и очень голодны, но въ то же время и столь утомлены, что предпочли не ужинать, а лечь спать. Хозяинъ дома, армянинъ, вошелъ къ намъ въ комнату, поздоровался и тотчасъ же ушелъ. Спустя немного, у дверей показалась служанка, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ что-то было наставлено и, со словами: „буюрунусъ,“ **) поставила этотъ подносъ на столъ, постлала намъ постели и ушла. Оставшись вдвоемъ съ борономъ, мы, предвкушая вкусный ужинъ, торжественно подошли къ столу: на подносѣ оказались двѣ тарелки: въ одной — кислая капуста, а въ другой — что-то въ родѣ каши, домашняго приготовленія *халва.* ***)

— Вѣроятно намъ принесутъ еще что-нибудь поужинать, замѣтили мы другъ другу, и усѣлись терпѣливо ожидать.

*) Бей — господинъ, помѣщикъ.

**) По турецки: „пожалуйте.“

***) Домашнюю халву на Балканахъ приготовляютъ изъ муки, воды и меду или сахару. Прим. Пер.

Дѣйствительно, спустя немного, въ дверяхъ снова показалась служанка, посмотрѣла на тарелки и, видя, что онѣ были еще полны, опять вышла; было очевидно, что она приходила убрать тарелки, а потому мы, не долго думая, сѣли за столъ; не знали только съ чего начать: съ капусты или съ халвы, но, такъ какъ сладкое полагается ѣсть послѣднимъ, то мы начали съ капусты. Утоливъ голодъ этимъ, по восточному, вкуснымъ ужиномъ, мы легли спать.

— „Какіе глупые обычаи и вкусъ имѣютъ эти восточные народы!" удивлялся баронъ, послѣ того, какъ мы утолили голодъ и приготовлялись ложиться спать.

На слѣдующій день, утромъ, я и баронъ отправились погулять по городу, улицы котораго были переполнены разнымъ людомъ. Первою нашею задачею было посѣтить знаменитую мечеть Султана-Селима и *безистенъ.**)

Въ мечети насъ встрѣтилъ *ходжа,***) который, повидимому очень любезно, началъ намъ показывать разные наиболѣе примѣчательные предметы. Разсмотрѣвъ внутренній видъ мечети, я былъ пораженъ величіемъ и красотою этого творенія рукъ человѣка: множество колоннъ, стѣны и полы были сдѣланы изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора. Намъ хотѣлось взойти и на минаретъ, но намъ отвѣтили, что надо придти нѣсколько позднѣе. Изъ мечети мы отправились въ *безистенъ,* который, какъ и улицы, былъ переполненъ публикой, среди которой было много русскихъ офицеровъ и чиновниковъ.

Передъ кофейнями и у открытыхъ лавокъ сидѣли рядами турки, покуривая въ молчаніи свои кальяны и трубки изъ длинныхъ чубуковъ; ихъ надутыя и сердитыя лица выдавали затаенную, безсильную злобу и ненависть къ проходившимъ мимо нихъ *гяурамъ.* Впрочемъ, они и не скрывали своей ненависти и не пропускали случая, если можно было отомстить за пораженіе и униженіе, нанесенное ихъ арміи и отечеству.

Примѣры такого мщенія были не разъ, и даже десять дней до нашего пріѣзда въ Одринъ, было найдено тѣло одного рускаго полковника, убитаго турками; тѣло было брошено въ колодезь, находившійся въ турецкой части города.

---

*) Крытый базаръ.

**) Турецкій священникъ. Прим. Пер.

Множество разныхъ античныхъ вещей и костюмовъ, которые продавались въ *безистенъ*, были такъ дороги, что не всякому были по карману. Въ пасажѣ *безистена* толпа была столь велика, что приходилось постоянно толкаться и, наконецъ, совсѣмъ стало трудно ходить и потому мы ушли изъ *безистена* и отправились обѣдать.

Въ Одринѣ мы пробыли недѣлю и, *21-го апрѣля*, отправились обратно въ г. Котелъ — по желѣзной дорогѣ до Новой Загоры, а оттуда черезъ Сливну и дер. Ичеру въ г. Котелъ. Не зная времени, когда прiѣзжаетъ поѣздъ изъ Царьграда, отправляющiйся въ Новую Загору, мы были принуждены цѣлый день прождать на станцiи, и лишь на слѣдующiй день прiѣхать въ Новую Загору. О существованiи вокзала въ Новой Загорѣ свидѣтельствовало лишь пепелище — всѣ постройки сгорѣли.

По пути изъ Новой Загоры въ Сливно, мы остановились отдыхать на сливненскихъ минеральныхъ водахъ. Въ г. Сливно мы прибыли вечеромъ; ночевали въ домѣ у какого то Трифона, который насъ нагналъ по дорогѣ и любезно пригласилъ насъ остановиться въ его домѣ.

Этотъ случайный нашъ знакомый, Трифонъ, угостилъ насъ хорошимъ ужиномъ, а послѣ ужина долго угощалъ насъ зажигательными разсказами о страданiяхъ болгаръ и о звѣрствахъ турокъ. Въ разговорѣ, я распросилъ Трифона, о моемъ прiятелѣ, Константинѣ Попъ-Димитровѣ, бывшемъ моемъ сослуживцѣ по Минскому полку, о которомъ говорили, что онъ поступилъ въ *чету* Ботева и въ одной изъ стычекъ этой *четы* съ турками былъ убитъ, но нашъ хозяинъ не могъ дать мнѣ интересующихъ меня свѣдѣнiй; на слѣдующiй день я побывалъ и у родныхъ К. Димитрова съ цѣлью что-нибудь о немъ узнать, но имъ тоже ничего не было извѣстно о судьбѣ моего сослуживца.

Въ этотъ же день, вечеромъ, мы прибыли въ г. Котелъ. Во время моего отсутствiя, приказомъ по Ополченiю отъ 4-го апрѣля, было объявлено объ учрежденiи офицерскаго суда, по образцу существующихъ судовъ въ полкахъ; но, въ виду того, что въ дружинахъ офицеровъ было немного, то для III-ей, IV-й, V-й и VI-й дружинъ учреждался только одинъ судъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ капитанъ Васильевъ.

Тѣмъ же приказомъ было объявлено объ установленіи дружинныхъ судовъ для нижнихъ чиновъ вмѣсто таковыхъ же, учрежденныхъ еще въ Плоэштахъ; но, въ виду того, что составъ офицеровъ въ дружинахъ съ того времени значительно измѣнился и офицеровъ было мало, для I-ой, II-й, III-ей, IV-ой, V-ой, VI-ой и X-ой дружинъ былъ учрежденъ въ г. Котлѣ временный судъ для нижнихъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ маіора Мединскаго и въ составѣ членовъ: шт.-кап. Сокальскаго и Сократова, и секретаря — поручика Стоянова, адъютанта I-ой бригады Ополченія.

Спустя нѣсколько дней, мнѣ и подпоручику Гуджеву было поручено генераломъ Давыдовымъ перевести на болгарскій языкъ уставы о внутренней и гарнизонной службѣ, при чемъ генералъ намъ сообщилъ, что мы будемъ освобождены отъ прочихъ служебныхъ обязанностей.

Ополченіе, между тѣмъ, въ скоромъ времени должно было покинуть г. Котелъ, и, вслѣдствіе того, исполненіе даннаго намъ порученія было отложено.

30-го апрѣля, Ополченіе выступило изъ г. Котла въ г. Софію, чрезъ Сливну, Новую Загору, затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Татаръ-Пазарджика, а оттуда походомъ чрезъ село Вакарелъ въ будущую столицу Болгаріи, и прибыло къ мѣсту назначенія 10-го мая.

Встрѣча въ Софіи была очень торжественна. Ополченцы были встрѣчены множествомъ народа, во главѣ съ духовенствомъ. На краю города — въ восточной его части, на зеленой полянѣ, для офицеровъ и ополченцевъ была приготовлена богатая закуска.

11-го мая, послучаю праздника Св. Кирилла и Меѳодія, состоялся церковный парадъ и этотъ день былъ отпразднованъ торжественно.

12-го мая, въ III-ю дружину прибыла первая партія новобранцевъ въ 393 человѣка. При распредѣленіи новобранцевъ по ротамъ было обращено вниманіе, чтобы новобранцы — односельчане были въ однихъ и тѣхъ же ротахъ и взводахъ. Начальствующимъ лицамъ было рекомендовано, при воспитаніи новобранцевъ, сообразовываться съ душевными наклонностями и физическими силами каждаго изъ нихъ, не допуская въ тоже время излишней снисходительности, а равно, и мелочныхъ придирокъ.

16-го мая, начались обычныя занятія съ новобранцами.

Въ концѣ мая мѣсяца я былъ откомандированъ въ г. Одринъ получить матеріалы для обмундированія ополченцевъ; тамъ мнѣ было выдано: 1,966 рубахъ и на 983 человѣка шинелей, сапогъ, брюкъ, галстуковъ, и нижняго бѣлья, затѣмъ — 2,287$^1/_2$ аршина темнозеленаго сукна, 15 аршинъ краснаго сукна, 17,690 аршинъ подкладочной матеріи, 2,211 аршинъ фламандскаго полотна, 983 пары передковъ для сапогъ и столько же паръ сапожпыхъ подметокъ а также и 1,920 рублей деньгами.

Деньги и все эти вещи я принялъ, упоковалъ, выслалъ въ г. Пловдивъ, гдѣ находился лагерь I-го Ополченія и IX-й и X-й дружинъ II-го Ополченія, на лѣтнихъ занятіяхъ.

Какъ только я и поручикъ Гуджевъ прибыли въ г. Пловдивъ, насъ освободили отъ всякихъ служебныхъ занятій и мы занялись исполненіемъ возложеннаго на насъ ранѣе порученія — переводомъ съ русскаго на болгарскій языкъ уставовъ внутренней и гарнизонной службы; эта работа и была нами исполнена: я перевелъ уставъ гарнизонной, а поручикъ Гуджевъ — внутренней службы; переведенные нами уставы тогда же были отпечатаны и переплетены въ одномъ томѣ.

Предписаніемъ отъ 1-го іюля Россійскій Императорскій Комиссаръ увѣдомилъ начальника Ополченія, что въ виду начавшагося уже переформированія дружинъ Ополченія и пополненія таковыхъ посредствомъ обязательной воинской повинности, разрѣшается увольнять въ отставку тѣхъ изъ охотниковъ, которые поступили въ ряды еще на старомъ основаніи, во время войны, и которые того пожелаютъ, при чемъ предписывались слѣдующія правила для руководства:

1) Увольняемымъ выдавать свидѣтельства съ пропискою — когда поступилъ на службу, въ какихъ сраженіяхъ былъ, какіе имѣетъ знаки отличія, былъ ли раненъ и имѣетъ ли права на полученіе ежемѣсячнаго вспомоществованія, назначеннаго раненымъ и увѣчнымъ или тяжело больнымъ, не имѣющимъ средствъ къ пропитанію.

2) Людямъ, увольняемымъ въ отставку, выдавать кормовыя деньги по разсчету 25 копѣекъ въ сутки (считая и дневки) на весь путь до ихъ родины или до того мѣста, которое они избрали для своего жительства.

3) Выдать деньги въ томъ же размѣрѣ и тѣмъ изъ ополченцевъ, которые были увольнены раньше.

4) Дружиннымъ командирамъ предписывается препроводить къ подлежащимъ губернаторамъ списки бывшимъ охотникамъ (согласно § 1), имѣющимъ право на ежемѣсячное пособіе.

5) Гражданскому вѣдомству предписывается Императорскимъ комиссаромъ принять, съ своей стороны, мѣры къ отысканію тѣхъ охотниковъ изъ числа поступившихъ въ Болгарское Ополченіе, которые, вслѣдствіе ранъ или увѣчья, были увольнены изъ дружинъ ранѣе и уже прибыли на свою родину и не имѣютъ средствъ къ пропитанію.

6) Изъ желающихъ продолжать службу въ Ополченіи оставлять только дѣйствительно полезныхъ и надежныхъ, при чемъ обязать ихъ, въ силу заключенныхъ съ каждымъ отдѣльно условіямъ, годичною службою и, затѣмъ, таковыхъ лицъ приравнить по правамъ и содержанію къ кадровымъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ поступить въ ряды земскаго болгарского войска изъ русской арміи, т. е. содержаніе рядовымъ опредѣлить въ размѣрѣ унтеръ-офицерскаго оклада, а унтеръ-офицерамъ — фельдфебельскаго оклада.

7) На увольнительныхъ билетахъ ясно прописывать названія города или села, округа и санджака,*) которые увольняемый избираетъ мѣстомъ своего жительства.

29-ое іюня. За все это время, занятія съ ополченцами шли усиленно. Начальникъ Ополченія, генералъ Давыдовъ, посѣтилъ дружины и осмотрѣлъ прикладку, прицѣливаніе и спускъ курка.

Въ качествѣ завѣдывающаго оружіемъ въ дружинѣ, мнѣ было приказано изготовить нужное количество мишеней и приступить къ устройству валовъ для стрѣльбы. Кромѣ того, было приказано приготовить въ каждой ротѣ по одному станку для обученія людей прицѣливанію и для пристрѣлки ружей.

6-го іюля, я окончилъ осмотръ ружей, а 7-го — приступилъ къ ихъ пристрѣлкѣ.

Въ теченіи іюля мѣсяца, отъ дружинъ были выбраны люди, соотвѣтствующіе для службы въ артиллеріи и изъ нихъ

*) Санджакъ — слово турецкое, по русски — губернія. Прим. Пер.

были образованы особыя команды, составившія кадры для будущей болгарской артиллеріи.

Кромѣ того, была сформирована команда юнкеровъ для подготовленія ихъ къ производству въ офицеры, въ которую были переведены болѣе интелигентные ополченцы, а равно зачислялись и вольноопредѣляющіеся. Начальникомъ команды будущаго юнкерскаго училища былъ назначенъ полковникъ Флейшеръ, а ротнымъ командиромъ — капитанъ Н. Поповъ; этимъ же приказомъ былъ и я назначенъ въ юнкерскую команду, но, вслѣдствіе моего разстроеннаго здоровья, я былъ принужденъ отказаться отъ такого почетнаго и важнаго для молодаго офицера назначенія. Капитанъ Поповъ также отказался и вмѣсто него былъ назначенъ капитанъ Стражевскій.

Радость болгарскаго народа, по поводу освобожденія его отечества въ границахъ Санъ-Стефанскаго договора, была омрачена постановленіями Берлинскаго конгресса.

Рѣшеніе свободолюбивыхъ и цивилизованныхъ европейскихъ державъ о раздѣлѣ Болгаріи взволновало весь болгарскій народъ, а ѳракійскихъ болгаръ въ особенности: они всѣ до единаго всполошились и хватились за оружіе; организовались стрѣлковыя общества, начались усиленныя занятія и упражненія въ стрѣльбѣ и маневрахъ; народъ былъ готовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свободу, купленную русской и болгарскою кровью. Но мощное слово русскаго Царя остановило это движеніе, угрожавшее новыми потоками крови ѳракійскимъ и македонскимъ горамъ и доламъ, и Болгарія преклонила голову, но не передъ силою султанскихъ таборовъ, а передъ словомъ нашей Освободительницы, которая не менѣе насъ была огорчена, оскорблена и унижена, можно сказать, разбойническимъ поведеніемъ и дѣйствіями будто и свободолюбивыхъ, но коварныхъ великихъ державъ.

Для управленія Болгаріей, временно, впредь до избранія князя, былъ назначенъ князь Дондуковъ-Карсаковъ, въ званіи Императорскаго Комиссара.

Комиссаръ Императора, со вступленіемъ на свой высокій постъ, обратился съ слѣдующей прокламаціей къ болгарскому народу:

„Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора Всероссійскаго и въ силу заключеннаго договора съ Портой, который состоялся 19-го февраля въ Санъ-Стефано, я назна-

ченъ комиссаромъ Его Величества для временнаго управленія Болгаріей. Прибывъ нынѣ для занятія сего высокаго поста, объявляю о семъ всѣмъ подвѣдомственнымъ мнѣ учрежденіямъ и жителямъ свободной Болгаріи.

Посвящая себя всецѣло достиженію высокихъ цѣлей моего Государя, я приложу всѣ свои заботы и старанія къ тому, чтобы вызвать всѣ силы страны для установленія возможно скорѣе самостоятельнаго національнаго управленія въ Болгаріи, основаннаго на началахъ самоуправленія, соотвѣтствующаго духу и удовлетворяющаго потребностямъ народа, призваннаго къ новой жизни.

Временное управленіе и присутствіе русской власти въ чужой странѣ имѣетъ цѣлью охранить порядокъ и безопасность всѣхъ, безъ различія ихъ національности и вѣры. Для этой цѣли всѣ вообще гражданскія власти неуклонно должны преслѣдовать всякое самоуправство и насиліе противъ личности и собственности жителей всѣхъ національностей. Выборные суды должны забыть прошедшіе раздоры и антагонизмъ между отдѣльными національностями и своими безпристрастными рѣшеніями, должны доказать способность страны къ пользованію правами широкаго самоуправленія.

По братски призываю всѣ живыя и просвѣщенныя силы страны къ содѣйствію временному русскому управленію исполнить предначертанную ему задачу: чѣмъ плодотворнѣе и дѣятельнѣе будетъ это содѣйствіе, тѣмъ скорѣе послѣдуетъ замѣна временно призванныхъ чиновъ изъ Россіи лицами болгарскаго происхожденія и будетъ облегчена возможность ускорить созывъ собранія нотаблей Болгаріи для выработки органическаго устава для новаго управленія страною и для избранія князя.

Съ таковыми конечными цѣлями должны сообразоваться и чины, вызванные изъ Россіи.

Разсчитывая на дружное, искреннее и просвѣщенное содѣйствіе этихъ чиновъ къ скорому и успѣшному исполненію возложенной на меня довѣріемъ Государя Императора задачи, призываю страну къ новой самостоятельной жизни, освобожденіе которой куплено столь дорогою цѣной — кровью русскаго храбраго и побѣдоноснаго воинства!

Пусть Болгарія покажетъ себя достойной этой жертвы и да поможетъ намъ и подкрѣпитъ насъ Всевышній въ испол-

неніи этой святой задачи, предначертанной Державною волею Царя-Освободителя!"

Приказомъ, 14-го іюля, было объявлено, что 12-го числа того же мѣсяца, комиссаромъ Его Императорскаго Величества назначенъ на должность начальника земскаго болгарскаго войска генералъ-маіоръ Шелеховскій и что въ составъ этихъ войскъ должны будутъ войти и дружины Ополченія. По этому случаю, начальникъ Ополченія, генералъ Давыдовъ, въ своемъ приказѣ по Ополченію, между прочимъ, объявилъ слѣдующее:

„Съ сожалѣніемъ разставаясь съ ввѣреннымъ мнѣ Ополченіемъ, отъ души и искренно благодарю моихъ ближайшихъ помощниковъ: начальника штаба, графа Келлера, командира 1-й бригады, полковника Депрерадовича и всѣхъ дружинныхъ командировъ за ихъ ревностное усердіе, готовность и энергію, съ коими они содѣйствовали мнѣ по управленію вольнымъ Ополченіемъ и обученію молодыхъ ополченцевъ изъ новобранцевъ; поразительный успѣхъ по обученію послѣднихъ, сдѣланый въ теченіи полутора мѣсяца и при отсутствіи матеріальныхъ средствъ, превзошелъ всякія ожиданія и доказываетъ, что никто изъ насъ не сидѣлъ, сложа руки.

Еще разъ благодарю мой штабъ и всѣхъ оберъ и штабъофицеровъ до младшаго прапорщика включительно; благодарю кадровыхъ унтеръ-офецеровъ.

Да поможетъ вамъ Богъ выполнить трудную задачу сформированія молодаго земскаго войска на славу и честь нашей дорогой Россіи и на пользу возраждающейся Болгаріи!" *)

Согласно приказу по Ополченію отъ 2-го августа, я былъ переведенъ въ VIII-ю Вратчанскую дружину.

Въ началѣ августа, поступили новобранцы и втораго призыва перваго набора и послѣ этого начали увольнять со службы ополченцевъ — бойцовъ за освобожденіи Болгаріи, исполнившихъ свято свой долгъ, и поэтому получившихъ право быть освобожденными на отдыхъ, домой; но этотъ отдыхъ былъ лишь физическій, а не и душевный; ополченцы, какъ и весь болгарскій народъ были убиты скорбью о раздѣлѣ дорогаго имъ отечества, ради котораго почти цѣлый годъ они дрались и проливалась кровь.

*) Курсивъ переводчика.

Съ какою готовностью они бы остались и теперь въ ряахъ Ополченія и вновь самоотверженно бы бросились, какъ эворится, въ огонь и воду ради своей милой и дорогой Боларіи, можно было прочесть въ выраженіи мужественныхъ ицъ этихъ вѣрныхъ и доблестныхъ сыновъ Болгаріи.

Эти люди, которые бросили все для нихъ милое и доогое, и жертвовавшіе собою, среди самыхъ большихъ лиіеній и невзгодъ, пожертвовали бы собою беззавѣтно и теерь за освобожденіе разрозненной, искалѣченной и несчагной своей родины.

Лица этихъ ветерановъ не свѣтились и не озарялись теерь тою радостью, которая, естественно, объяла бы все ихъ ущество, если бы былъ вполнѣ осуществленъ ихъ завѣтный деалъ.

Ополченцы были озабочены и невеселы во время раздачи имъ увольнительныхъ билетовъ; тутъ же около нихъ эбрались и новобранцы, которые испытывали, наоборотъ, до ѣхъ поръ невѣдомое имъ чувство — чувство радости и удоольствія, что, наконецъ, хоть небольшая часть Болгаріи поучила право имѣть свое войско и что въ ряды этого войска ни поступили первыми послѣ ополченцевъ.

Послѣ раздачи увольнительныхъ билетовъ закаленымъ ь бояхъ воинамъ, изъ которыхъ у многихъ лица были порыты слѣдами сабельныхъ и штыковыхъ ударовъ*), дружинып камандиръ сказалъ имъ нѣсколько теплыхъ прощальныхъ ювъ.

Послѣ дружиннаго командира и я обратился къ нимъ съ ѣчью. Я напомнилъ ополченцамъ, что они всегда должны быть этовы собраться подъ испытанное вражескими пулями знамя, е только на призывъ для защиты освобожденной Россіей Боларіи и престола будущей династіи, но и для освобожденія стальныхъ частей Болгаріи.

Я сказалъ имъ еще, что теперь ихъ долгъ вдохнуть идуцему за ними поколѣнію тотъ священный и патріотическій гонь, который вдохновлялъ ихъ въ минувшую войну и за-

---

*) Многіе изъ ополченцевъ были калѣки и неспособны ни къ какой ıботѣ; объ нихъ было забыли и они оставались безъ куска хлѣба, но въ эслѣднее время вспомнили и было рѣшено выдавать имъ по 60 копѣекъ › день.

ставилъ весь образованный міръ уважать имя болгарина и сознать, что болгаре заслуживаютъ свободу, свободу за которую мы должны вѣчно хранить глубокую признательность къ Царю-Освободителю, Александру II, и великой Освободительницѣ Россіи.

Послѣ этого насталъ моментъ разставаться.

— „Съ Богомъ, ваше благородіе! Если вамъ будетъ когда-нибудь по пути въ наши края, не откажите заглянуть и къ намъ; намъ будетъ пріятно васъ видѣть и вспомнить про славные и горячіе дни подъ Старой Загорой, на Шипкѣ и подъ Шейновымъ; если же настанетъ нужда и судьба насъ сново сведетъ вмѣстѣ искать потерянную Свято-Стефанскую Болгарію, тогда ведите насъ наново противъ непріятеля . . .!“

Это сердечное прощаніе возбуждало во мнѣ необыкновенную радость, а въ то же время — и печаль.

Меня радовали сердечность и добродушіе ополченцевъ, которые, прощаясь, смотрѣли на меня не только какъ на начальника, но и какъ на хорошаго друга, съ которымъ, въ походахъ и сраженіяхъ, вмѣстѣ они дѣлили всякія невзгоды и лишенія. Во то же время, прощаясь, я чувствовалъ, какъ мое сердце сжималось при мысли, что скоро — не сегодня, завтра — я уже не увижу этихъ честныхъ и открытыхъ, полныхъ патріотизма и енергіи лицъ; не услышу ихъ веселыхъ и остроумныхъ разговоровъ, буду далеко отъ нихъ — моихъ боевыхъ товарищей, съ которыми время и обстоятельства меня свели и сроднили, и душу мою переполняла печаль; я искренно горевалъ.

Счастливой дороги, юнаки, сказалъ я имъ разставаясь, желаю вамъ остаться на всегда такими же честными и самоотверженными воинами, какими вы были въ тяжелыя минуты, проведенныя вами въ дни борьбы за наше освобожденіе . . .

8-го августа, утромъ рано, я уѣхалъ изъ Пловдива въ Вратцу — мѣсто моего назначенія.

Такъ, пришлось разлучиться съ любимою моей III-й дружиной, которая родилась, выросла и прославилась на моихъ глазахъ! Я вспоминалъ прошлое этой любимой мной дружины, исторія которой началась едва годъ и два мѣсяца тому назадъ, но была уже полна славными подвигами!

Тяжелое чувство, давившее меня уже нѣсколько дней, теперь, въ связи съ этимъ прощаніемъ, совсѣмъ, казалось,

сковало мою душу; мнѣ, просто, что-то не давало дышать, но я объяснялъ это себѣ не душевнымъ волненіемъ, а разстроенными нервами, отъ которыхъ сильно страдалъ въ послѣднее время . . .

Выѣхавъ за городъ, я осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ . . . .

Что ожидаетъ меня впереди и что готовитъ мнѣ судьба въ будущемъ, сохранивъ меня невредимымъ въ столькихъ бояхъ? раздумывалъ я, и мысли далеко уносили меня впередъ и ободрили меня: мнѣ былъ 26-й годъ . . . „Не бойся!" говорилъ мнѣ внутренній голосъ: „передъ тобой еще весь міръ! . ."

Оглавленіе.

Стр.

Стр.

Важнѣйшія погрѣшности.

Страница:	Строка:		Напечатано:	Должно быть:
4	7	сверху	разсуждахъ	разсуждалъ
13	3	снизу	что бы	чтобы
13	3	"	за то	зато
14	10	сверху	Павелъ,	Павелъ
29	6	"	какимъ то	какимъ-то
35	5	снизу	Рынькевичъ	Рынкевичъ
44	7	сверху	Великого	Великаго
45	17	"	искренною	искреннюю
46	18	снизу	прибыватъ	прибывать
46	15	"	прѣдварительной	предварительной
48	6	"	командиръ.	командиръ:
48	2	"	закончивалъ	заканчивалъ
50	9	сверху	хотитѣ	хотите
53	11	снизу	предписивалось	предписывалось
57	4	"	которою	котораго
61	12	"	повыбросывали	повыбрасывали
63	12	сверху	отечеству;	отечеству,
67	12	"	отряды говорили они	отряды," говорили они:
68	17	"	корзины	корзины:
71	18	снизу	натими	нашими
71	7	"	солдатъ: „поди	солдатъ. — „Поди
73	15	сверху	проиэшествіи	происшествіи
75	10	"	самого	самаго
79	18	"	прѣдставляли	представляли
79	15	снизу	Причина	Причины
92	14	сверху	застѣньчиво	застѣнчиво
115	12	"	намъ	къ намъ
115	16	"	скоро	скорѣе
115	3	снизу	которое	которое и
117	12	сверху	мучали	мучили
123	5	снизу	прѣдставлялись	представлялись
133	3	сверху	а подъ	а надъ
137	21	снизу	впечатленіе	впечатлѣніе
140	18	сверху	простодутное	простодушное
141	4	"	христіянъ	христіанъ
141	6	снизу	*Срѣдней*	*Средней*
145	9	сверху	преждѣ	прежде

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
151	19 сверху	молбы	мольбы
158	19 „	прятяться	прятаться
175	14 снизу	самого	самаго
184	19 сверху	неприходила	не приходила
186	22 „	произвели	произвела
199	14 „	прогонять	прогонять
199	10 снизу	путъ	путь
202	18 „	Загорой	Загоры
203	5 „	двигавшагося	отъ двигавшагося
207	15 сверху	токого	такого
207	11 снизу	брасивш е	бросившіе
209	7 „	напившись	напившись
211	8 „	взлезъ	взлѣзъ
217	2 сверху	ноговорили	наговорили
220	4 „	лишъ	лишь
223	11 снизу	Айданліяхъ	Айданліевъ
235	17 „	положителныхъ	положительныхъ
235	14 „	кровывыхъ	кровавыхъ
237	5 „	н	и
246	12 „	лезли	лѣзли
260	14 „	съ порожнемъ	порожнемъ
264	5 „	огонъ	огонь
274	4 сверху	бротцы	братцы
281	16 снизу	врмя	время
284	14 сверху	бондарь	Бондарь
293	3 „	не тутъ	не тутъ-то
313	16 „	явленіемъ, по прибытіи въ Елену. Чрезъ	явленіемъ. По прибытіи въ Елену, чрезъ
315	17 снизу	токовую	таковую
315	13 „	названного	названнаго
316	17 сверху	водять	водятъ
316	12 снизу	имѣлась	настала
319	16 „	видѣнъ	виденъ
326	10 сверху	вечерело	вечерѣло
327	9 „	VI и XI-й	VI, XI-й и XII-й
340	9 снизу	сыграемте ка	сыграемте-ка
340	12 снизу	встаютъ ото сна	просыпаются
342	19 „	разрѣшеніе	разрѣшенія
358	9 „	распоряженіи	распоряженіе
362	13 „	ополценцы	ополченцы
367	2 сверху	остановилось	остановилась
379	14 снизу	пушечныя	пушечные
384	10 сверху	66-й дивизіи	16 дивизіи
400	18 „	жители,	жители
403	14 „	встрѣтили	мы встрѣтили
428	14 „	украшени	украшены
—	—	сотень	сотенъ

дор. въ Дълбоки

Хриштене

2 р. 5ª Др.

Ч.

дор. въ Новую Загору

2 Др.

1 р. 2 р.

планахъ,

дуетъ чита

△173

Непріятель

Непріятель

Джуранли

Гюрюджи

Картографически Институтъ. София.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891